

МИНУВШЕЕ

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

18

18

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Редакционная коллегия: Николай Богомолов, Жан Бонамур, Эльда Гарэтто, Александр Добкин, Джон Мальмстад, Ричард Пайпс, Марк Раев, Дмитрий Сегал, Анатолий Смелянский

Главный редактор: Владимир Аллой

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

18

ATHENEUM — ФЕНИКС

МОСКВА — С.-ПЕТЕРБУРГ

1995

ББК 63. 3(2)

М 62

М 62 **Минувшее: Исторический альманах. 18.** — М.; СПб.: Atheneum; Феникс. 1995. 632 с., ил.

ISBN 5-85042-001-0

ISBN 5-85042-019-3

В настоящем выпуске: воспоминания убийцы вел.кн. Михаила Александровича; переписка Б.В.Савинкова, В.И.Вернадского, А.В.Чаянова; материалы о русской эмиграции; документы из следственных дел оппозиционера-большевика Г.И.Мясникова (1923-1928 и 1945) и поэта-авангардиста И.Терентьева (1931). Среди тем — дискуссии в эсеровской партии в 1909-1911 о продолжении террора, становление советской следственной механики, нравственный долг интеллигента в контексте истории и др. Все публикуемые тексты подробно откомментированы.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся отечественным прошлым.

М $\frac{4702010206-008}{Д 20 (03) - 95}$ 95 без объявл.

ББК 63.3 (2)

ISBN 5-85042-001-0 (Феникс)
ISBN 5-85042-019-3

© «Феникс», 1995
World © «Atheneum», 1995

ВОСПОМИНАНИЯ

Г.Мясников
ФИЛОСОФИЯ УБИЙСТВА,
ИЛИ ПОЧЕМУ И КАК Я УБИЛ МИХАИЛА РОМАНОВА
Публикация Б.И.Беленкина и В.К.Виноградова

Начнем с того, что Гавриил Ильич Мясников (1889-1945), а для многих знавших его лично — просто Ганька, как звали его близкие, партийные друзья-соратники и тысячи мотовилихинских рабочих, вожаком которых он был в эпоху революции и гражданской войны, — шестнадцать лет состоял в партии большевиков (с 1906 до исключения в феврале 1922). Но столь внушительный партийный стаж для непримиримого оппозиционера еще ни о чем не говорит. Правильнее было бы назвать его не «большевиком» или «бывшим большевиком», а «левым коммунистом». Не потому, что Мясников примыкал к известной фракции в 1918 (а он к ней примыкал), а потому, что таковым он был всю свою сознательную жизнь. Сегодня подобное направление в идеологии и политике принято называть «левачеством». В российском коммунистическом движении 1920-1930-х Мясников занимает особое положение, и в первую очередь благодаря особенностям своей личности. В попытках реализовать свои левацкие установки он — как видно из всей его жизни — был предельно последователен и флагов никогда не менял.

Мясников родился в бедной многодетной семье в г.Чистополе (Казанская губерния), где окончил 4 класса ремесленной школы. В 1905 едет в Мотовилиху и поступает рабочим на знаменитый пушечный завод. Мотовилиха, в которой он провел в общей сложности не более четырех с половиной лет, становится его alma mater. Там началась его революционная деятельность, там он участвует сперва в экспроприации оружия, затем в восстании, там же его избивают до полусмерти казаки и первый раз арестовывают. Первый побег — в 1908. Затем череда арестов, побегов, перемещений по чужим документам. С 1913 до марта 1917 он отбывает заключение в Орловской каторжной тюрьме, где окончательно сформировывается его мировоззрение (одновременно с голодовками, пытками и избиениями происходит процесс усиленного самообразования). Весной 1917 возвращается в Мотовилиху и сразу же занимает заметное место в местной партийной и советской иерархии. После па-

дения Перми (декабрь 1918) некоторое время находился на фронте (комиссаром дивизии). Пик партийной карьеры — пост председателя Пермского губкома (1920). Тогда же начинаются его идейные расхождения с «генеральной линией». Оппозиционная активность периода 1921 — начала 1922 заканчивается исключением из партии. После нескольких недель на посту заместителя директора Мотовилихинского завода его арестовывают, но 12-дневная голодовка протеста приводит к освобождению. Живя в Москве без права покидать город, он продолжает оппозиционную деятельность. В мае 1923 — арест, и после некоторого раздумья — куда его выслать: в Минусинск или в Берлин — ОГПУ останавливается на последнем. В Берлине Мясников не оставляет политическую активность и сходится с местными «левыми». Между тем в Москве ОГПУ активно разрабатывает дело «Рабочей группы», почти ничем не проявляющей себя (оппозиционная организация, по сути, — партия, которую еще весной 1923 пытался создать Мясников). Аресты проходят в сентябре (арестовано 20 с лишним человек). В октябре основной этап следствия закончен. В начале ноября Мясникова заманивают в Москву и арестовывают. Длительная голодовка, попытка самоубийства, полный отказ от участия в следствии — все это заканчивается 3-годовичным тюремным сроком, по отбытии которого ему дают новый, такой же. Но вскоре почему-то (зная склонность Мясникова к побегам) заменяют тюремный срок ссылкой в Ереван. Оттуда он бежит в Иран (ноябрь 1928). После пребывания в иранских и турецких тюрьмах, благодаря усилиям возникшего в Германии «Комитета помощи Мясникову», турецкие власти отменяют приговор (4 года тюрьмы), затем он получает въездную визу во Францию. Первые годы в эмиграции Мясников пытается играть политическую роль среди местных «левых». После провала ряда начинаний, ареста (1934) и угрозы высылки его политическая деятельность сходит на нет. До конца 1930-х не оставляет своего любимого занятия — писания трактатов, разоблачающих сущность Сталина, Троцкого, Бухарина и др. бывших и настоящих лидеров большевиков. Единственным источником существования Мясникова во Франции был физический труд на разных (как правило, небольших) предприятиях. Во время оккупации Франции его арестовывают, и в течение года он находится в концлагерях. После очередного побега до освобождения Парижа живет по чужим документам. С 1929 по 1936 Мясников неоднократно обращается в советское представительство с просьбой о разрешении вернуться в СССР. (Скорее всего, все эти обращения, исключая, может быть, последнее, в 1939, занимали какое-то свое место в игре, которую он вел против политического режима в СССР). В конце 1944 советское представительство сообщило Мясникову, что наконец такое разрешение получено, и в январе 1945 он возвращается в Москву. Последовали арест, 9-месячное следствие, суд и расстрел 16 ноября 1945.

Безусловно, во многих его поступках присутствовал элемент авантюры. Но авантюризм эта — особенная. Ее проявления были связаны исключительно с интересами (как их представлял себе Гавриил Ильич) основного дела — борьбы за торжество марксистских идей (естест-

венно, как их представлял себе Гавриил Ильич). Авантюра — это, в первую очередь, не рассчитанное, рискованное действие, часто терпящее крах. Поскольку в дальнейшем мы будем говорить о темах, связанных, в первую очередь, с конкретной рукописью, представляется принципиальным выяснить и то, какого рода действие совершил Мясников, создавая свой труд. А на наш взгляд, выяснение именно этого вопроса лучше всего поможет понять, что же из себя представляет сам автор.

Жанр, к которому следует отнести «Философию убийства...», условно назовем «исповедь убийцы». Не записка, составленная по тому или иному поводу (например, по просьбе Истпарта или Общества политкаторжан), не некий описательный отчет, лишь фиксирующий (как правило, по памяти) свои (чужие) действия в конкретном событии, а нечто более масштабное, более личностное. В «Философии...» автором ставится и по мере возможностей (способностей) разрешается глобальная задача: изложить всю полноту аргументов, побудительных причин, в том числе сугубо психологических, приведших его к определенному решению, поступку, вынудивших его «сделать то, что он сделал». Мясников реконструировал весь комплекс своих внутренних переживаний, другими словами, — заново пережил ситуацию. В мемуаристике указанный жанр встречается крайне редко. Тем больший интерес вызывают сохранившиеся немногочисленные образцы¹.

Известно, что в советскую эпоху, особенно в 1920-е (а позднее — в 1960-е), некоторые участники большевистского террора времен гражданской войны писали воспоминания (или — «наговаривали»): например, Я.Юровский и Г.Никулин — участники убийства царской семьи, А.Марков — один из убийц Михаила Романова и Брайана Джонсона²... Но во всех этих случаях речь идет о текстах описательных, лишь реконструирующих определенное событие и фиксирующих действия свои и других «соучастников», поведение жертв. Понятно, что подобные «свидетельства очевидцев» требуют к себе особого отношения. Не предзнававшие к суду современников (а значит и *других* возможных свидетелей и участников), эти «потаенные» тексты нуждаются в предварительном «пропускании через исследовательское сито».

Что касается написанных для печати эсеровских «воспоминаний террористов», то в большинстве своем они тоже не выходили за рамки фиксации событий и описания действующих лиц³. Случай с «Философией убийства...» — совершенно особенный. Само событие, отодвинутое ав-

¹ Ср. напр.: Чернавский М.М. В Боевой Организации // Каторга и ссылка. 1930. №7. С.7-39; №8/9. С.26-65; Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Т.1-2. М., 1964.

² Записка Я.М.Юровского хранится: ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.35; запись беседы с Г.Никулиным о расстреле Романовых: РЦХИДНИ. Ф.558. Оп.3. Ед.хр.14; воспоминания А.В.Маркова: ГАРФ (ЦГА РСФСР). Ф.539. Оп.5. Д.1552; ГАНИ г.Пермь. Ф.90. Оп.2. Д.М-6. О публикациях на основе этих текстов см. ниже.

³ См. напр.: Школьник М.М. Жизнь бывшей террористки. М., 1930; Ивановская П.С. В боевой организации. М., 1928; Рутенберг П.М. Убийство Галона: Записки. Л., 1925; Попова В. Динамитные мастерские, 1906-1907 гг. и провокатор Азев // Каторга и ссылка. 1927. №4-6; Фролов Г.Н. Террористический акт над самарским губернатором // Каторга и ссылка. 1924. №1. С.114-120; и др.

тором на второй повествовательный план, и достоверность его описания безусловно остаются для читателя важными элементами текста, но — на наш взгляд — не определяющими его значимость. Ибо исповедуется не кто-нибудь, а Гавриил Ильич Мясников, личность не менее уникальная, чем избранный им жанр...

Приведенная здесь биографическая канва, как и все попытки переписать историю жизни Гавриила Ильича, — менее «остросюжетна», чем то, что он прожил в действительности. Добавим лишь некоторые «статистические данные». Начиная с 16 лет, Мясников в течение 40 лет:

	До окт. 1917	После окт. 1917 до бегст- ва за гра- ницу в 1928 и в 1945	За гра- ницей с 1928	Всего
Подвергался арестам	5 раз	4 раза	5 раз	14 раз
Пребывал в местах заключения	7 лет и 6 мес.	4 года и 3 мес.	немного больше 2-х лет	около 14-ти лет
Голодал в виде протеста во время пребы- вания в местах заключения (всего, по раз- ным поводам)	75 дней	не менее 35 дней	сведений нет	110 дней
Пребывал в ссылках или на поселении (в т.ч. высылка в Берлин в 1923)	—	2 года	—	2 года
Был ограничен в выборе мест прожива- ния	—	1 год и 1 месяц	3 месяца	1 год и 4 месяца
Проживал на нелегальном положении	3 года и 3 месяца	—	1 год и 2 месяца	4 года и 5 мес.
Проживал за границей (включая пребы- вание в местах заключения)			16 лет	
Совершал побеги из мест заключения, ссылок или под угрозой ареста или вы- сылки	3 раза	1 раз	4 раза	8 раз
Скрывался по другим обстоятельствам	—	2 раза	1 раз	3 раза
Находился на свободе на легальном поло- жении без ограничения мест проживания	1 год и 8 мес.	4 года и около 5 мес.	13 лет	немного больше 19-ти лет
	Всего в России: немногим более 6 лет			

Представляется, что эффект «Философии убийства...» заключен не в том, что в центре повествования — операция по убийству брата Николая II, и даже не в том, что речь идет о событии, положившем начало той кровавой вакханалии истребления, в которой погибли почти все члены бывшего царствующего дома Романовых («вся большая ектения», как за полвека до того острил С.Г. Нечаев, подразумевая уничтожение всех членов царской семьи). Эффект этот зиждется, по-видимому, на уникальности, «сенсационности» самого повествователя. Не будем повторять сведений, приводимых Мясниковым в «Автобиографии» (см. Приложение 1). Сразу же отметим, что история с организацией убийства Михаила Романова была лишь эпизодом в его бурной жизни. И эпизодом, в определенной степени вызванным стечением случайных обстоятельств (чего нельзя сказать о причастности Мясникова к другим политическим расправам в 1918⁴). Не попади Михаил Александрович именно в Пермь, не Мясников бы его убил. Не оказался в те месяцы в Перми Мясников — великого князя все равно «бежали»⁵ бы, пускай месяцем позже, как «бежали» алапаевских узников.

За рамками данного предисловия остается анализ чисто исторических сюжетов, связанных непосредственно с содержанием «Философии убийства...». И, быть может, самый любопытный из них — механизм бессудных несанкционированных расправ на том историческом этапе, который можно условно определить: от начала «триумфального шествия Советской власти» до начала красного террора, т.е. до августа—сентября 1918. В истории убийства вел.кн. Михаила Александровича, благодаря мясниковскому мемуару (а не верить Мясникову у нас нет *никаких* оснований), можно найти исчерпывающие ответы на вопросы, которые давно «мучают» исследователей. Насколько самостоятельными были или могли быть инициативы «снизу»? Какова была позиция центра по отношению к этим инициативам? В чем вообще в указанное время заключалась оппозиция «провинция—центр» и насколько один из ее компонентов зависел от другого? И т.п.

Мясниковский текст — это, среди прочего, развенчание излюбленного многими мифа о некоем централизованном тайном заговоре (в нашем случае — против членов семьи Романовых). Все было грязнее, примитивнее и безнравственнее. Центр не без чувства глубокого удовлетворения наблюдал, как амбициозные большевистские «удельные княжества» повязывают себя по рукам и ногам кровью своих жертв. Как будто

⁴ С большой степенью уверенности можно утверждать, что на совести Мясникова расстрел пермского архиепископа Андроника, расстрелы бывшего начальника Мотовилихинского завода Темникова, его сына-офицера, инженера Иванова (зав. снарядным цехом №3) — см.: Литературная Россия. 1990. 21 сент. С.19. В конце 1918 перед падением Перми Мясников был председателем Мотовилихинского ВРК, а именно этот орган совместно с ЧК принимал решения о казнях.

⁵ Часто употребляемый Мясниковым эвфемизм для обозначения несанкционированного убийства. По тому же принципу построено употребление «термина» «лететь» («меня летели»), часто встречающегося в переписке Мясникова и его близких (см. ниже).

бы в первые месяцы существования советского государства центр удерживал власть отчасти благодаря именно разнообразным местным инициативам (и в области экономической, и в военной, и в сфере чисто карательных мероприятий). Те же Ленин и Свердлов прекрасно знали, как на практике соотносятся друг с другом «официальный курс» и «линия на местах». Например, если в 1906 ЦК РСДРП заявлял: «не укради» — это вовсе не означало, что местный «экс» есть преступление против партии. Тем более в первой половине 1918 не было нужды в «тайных указаниях» о проведении грабежей и расстрелов.

Вернемся, однако, к публикуемому тексту и его автору.

Кому предназначалась «Философия убийства...», к какого рода читателю апеллировал автор? Для чего вообще затеял Мясников свой капитальный труд? Несмотря на то, что наши рассуждения по этим вопросам носят вероятностный характер, предпримем все же попытку назвать причины появления рукописи, попробуем выяснить авторские намерения. К сожалению, на сегодня именно парижский этап жизни Мясникова (1930-1944) остается наиболее темным. Поэтому выяснить все обстоятельства рождения «Философии...» (1935) трудно. Попробуем все же прояснить некоторые из них.

Если бы разговор шел о классических мемуарах, то на поставленные вопросы следовало бы ответить однозначно: автор решил подвести итоги. Написание подобных мемуаров Мясниковым⁶ было бы вполне объяснимым, и дальнейшая судьба такой предположительной рукопи-

⁶ Писал ли нечто подобное Мясников (т.е. мемуары в общепринятом смысле), остается неясным. Путаницу в этот вопрос вносят, в первую очередь, записки Л.Тарасова (В оккупированном Париже: Воспоминания генконсула 1940-1941 // Огонек. 1966. №8. С.23-24). Если верить Тарасову, посетивший его Мясников передал ему некую рукопись и, среди прочего, заявил: «В этой папке мои воспоминания, вернее, описана вся моя жизнь. В ней не хватает только сегодняшнего дня и моего разговора с вами /.../ увидите, себя я не очень оправдываю, других не слишком обвиняю». Из показаний Мясникова на следствии в 1945 мы знаем, что в том же 1940 (если он не путает даты) им была послана Сталину «Философия...». В Справке на Мясникова, составленной в НКГБ СССР 5 октября 1944 — т.е. когда решался вопрос о завлечении нашего героя в СССР, — сказано: «Перед войной 1939 года Мясников явился в советское консульство в Париже /.../ он передал письмо на имя тов. Сталина и рукопись подготовленной им к изданию на французском языке книги». В другой, почти идентичной Справке, составленной 29 декабря 1944, эта фраза продолжена: «...которая была написана в критических тонах, в духе рабочей оппозиции и недоверия к вождям ВКП(б). Рукопись эта в день нападения Германии на Советский Союз вместе с другими документами была уничтожена в Берлине». Ср. у Тарасова: «Я взял его объемистую рукопись. Однако отправить ее в Москву мне не удалось, и она была уничтожена со всей дипломатической почтой в первый день войны, 22 июня 1941 года в Берлине». На одном из допросов 1945 Мясников сообщил: «в это время [в 1938] мной была закончена работа над книгой по вопросу перерастания буржуазной революции в социалистическую: "Хроника рабочего движения в Мотовилихе". Должен оговориться, что в этой книге я не допускал никаких выпадов против ВКП(б)».

си (прижизненная публикация, ящик письменного стола, архив КГБ, банковский сейф и т.д.) не была бы принципиально важной. Но в случае с «Философией убийства...» побудительные мотивы возвращения в прошлое вступают в противоречие с логикой мемуариста. Ведь по всем правилам игры, тем правилам, которых «исторические фигуранты», подобные Мясникову, неукоснительно придерживаются всю жизнь, таких текстов они не оставляют. Или не могут, или не хотят, или не успевают. (Чтобы «успеть», надо оказаться в положении «террориста на покое», что встречается крайне редко — и в силу жизненных обстоятельств, и в силу особенностей характера). Савинковские «Воспоминания», созданные рукой умелого беллетриста, легко вписывались в контекст бесконечной игры, затеянной их автором. Но, в отличие от Савинкова, Мясникову большую часть жизни сопутствовали иные обстоятельства, иными были его цели, иной была и мясниковская идеология. Впрочем, что-то общее между ними оставалось. А именно — невозможность существования вне игры. Ее окончание для того и для другого означало тупик, смерть. Савинков оказался в нем после признания советской власти. Выпрыгнул ли он сам из окна, или «его выпрыгнули» (как выразился бы автор «Философии убийства...») — не суть важно: быть длительное время «террористом на покое» он все равно бы не смог (как и Мясников быть «Мясниковым на покое»!). Савинковский текст «Почему я признал Советскую власть» по сути — смертельный тупик. Текст не спасал ему жизнь — в том смысле, как ее представлял себе Савинков, — а оставлял возможность отправлять физиологические потребности... Но Париж 1935, при всех невзгодах, выпавших на Мясникова-эмигранта, еще не мог стать пятым этажом внутренней Лубянской тюрьмы. Да и «Философия убийства...» ничего общего не имеет с унижительным «фиасковым» текстом Савинкова. Но в том-то и загадка, что мемуар-исповедь никак не вписывается в «игру Мясникова», совершенно неясно, как собирался он подключить к этой игре историю с убийством великого князя, как собирался ее использовать...

В самом начале мы упомянули о предельной последовательности Мясникова. Раз выбранных правил он придерживался до конца. Случалось и хитрить, и лгать, но — по-мелкому, по острой необходимости, и только для того, чтобы оставаться последовательным. В каком-то смысле его жизнь — движение по прямой. Но инстинкт самосохранения все же должен был у него быть, в частности этот инстинкт должна была развить и жизнь нелегала в дореволюционной России, и противостояние властям в советскую эпоху. Именно этот инстинкт должен был удержать Мясникова от афиширования своего участия в «деле Михаила». Но будучи человеком неуравновешенным и импульсивным, он один раз, задолго до написания «Философии убийства...», проговорился. В 1921, в нарушение

В описи изъятия, составленной при аресте Мясникова (17 января 1945), среди прочих рукописей фигурирует некий «печатный материал на иностранном языке на 352 листах» (уничтоженный впоследствии вместе с большей частью других мясниковских рукописей). Все изложенное не позволяет однозначно судить о существовании, кроме «Философии...», других значительных мемуарных текстов Мясникова.

всех правил, установленных его же однопартийцами, Мясников издал брошюру, где среди прочих оппозиционных материалов поместил свою переписку с Лениным. А в письме вождю им была брошена фраза: «Если я хожу на воле, то потому, что я коммунист пятнадцать лет, который свои коммунистические взгляды омыл страданиями, а был бы я просто слесарь коммунист, того же завода, то где же бы я был? В Чека, или больше того, меня бы "бежали", как некогда "я бежал" Михаила Романова...»⁷. Спустя два года уже не «коммуниста», а «просто Мясникова» насильно «летели» в Германию. Арестованный по возвращении, Мясников, как свидетельствует докладная записка начальника 12-го отдела СОГПУ Славатинского, «с пеной у рта» заявил, что когда он приехал в Берлин, то в белогвардейских газетах, «инспирированных ГПУ», писали, что в Берлин приехал «цареубийца Мясников» и вследствие этого белогвардейцы якобы установили за ним слежку, о чем он сообщил т.Крестинскому, от которого будто бы получил для самозащиты револьвер⁸. О том, что брошюра в свое время успела наделать шума и, главное, попала за границу, Мясников или забыл, или не захотел вспомнить.

Спустя 6 лет сперва в Белграде, затем в Париже в эмигрантской прессе был поднят вопрос о роли Мясникова в убийстве Михаила Александровича. В «антимясниковскую» кампанию включается Владимир Бурцев⁹... Но, как и шесть лет тому назад, мясниковские обвинения «компетентных органов» в подстрекательстве неубедительны. (Другое дело — кража мясниковских рукописей: здесь в своих подозрениях и обвинениях Мясников вполне, может быть, справедлив¹⁰).

Отметим, что одной «саморазоблачительной» фразой в письме к Ленину Мясников не ограничился. Своей роли в организации убийства он посвятил пространное и вызывающее письмо, адресованное ЦК ВКП(б), ОГПУ и Орджоникидзе. Как и в случае с ответом Ленину, обращение к этой теме мотивировалось скорее импульсивностью и неуравновешенностью отправителя, чем какими-либо практическими соображениями. Но если в первом случае Мясников «завелся» в полемическом задоре, то во втором обращение к истории с Михаилом Романовым было вызвано полной безысходностью положения, в котором оказались автор и его семья: после отбытия трехлетнего срока, полученного в январе 1924, ОГПУ при пересмотре дела продлило пребывание Мясникова в тюрьме еще на три года, а его семьи на тот же срок — в ссылке. Но здесь как адресат, так и жанр («послание из одиночной камеры») должны были подразумевать конфиденциальность письма¹¹.

⁷ Дискуссионный материал: Тезисы тов.Мясникова, письмо тов.Ленина, ответ ему, постановление органис. [так! — Публ.] бюро Цека и резолюция мотовилихинцев. М., 1921. С.34.

⁸ ЦА ФСБ РФ. Арх.№Н-1794. Т.9. Л.185.

⁹ [Бурцев В.Л.] К ответу убийцу! // Общее дело (Париж). 1930. 20 сент. №8. С.1, 3; 1931. 15 янв. №9. С.1, 5.

¹⁰ См. Приложение 1 (Из Автобиографии Мясникова).

¹¹ Дело по обвинению Мясникова Г.И. и др. — ЦА ФСБ РФ. Арх.№Н-1794. Т.6. Л.270.

Итак, если судить по ставшим нам известными источникам, было всего два случая письменной фиксации Мясниковым интересующего нас эпизода. Его реакция на муссирование этой темы за границей (и в 1923, и в 1929/1931) позволяет сделать однозначный вывод: эпизод с убийством, в отличие от других фактов биографии, для широкой огласки (во всяком случае, до 1935) Мясниковым не предназначался. Таким образом, напрашивается вывод: если Гавриил Ильич использовал этот эпизод первый раз в острейшей полемике с «самим» Лениным, а в другой — лишь под угрозой физического уничтожения (по-видимому, иной возможности облегчить положение свое и своей семьи, не вставая при этом на колени, он в тот момент не видел), то чтобы пойти на эксплуатацию сюжета с убийством вновь, он должен был оказаться в не менее экстремальной ситуации.

После бегства из СССР, после тюрем Ирана и Турции, после истории с кражей рукописей, после травли со стороны русских эмигрантов в Париже Мясников вроде бы должен был действовать крайне осторожно (речь идет и о завязывании знакомств, и о поисках места жительства и работы, и о проявлениях политической активности). При этом счет Мясникова к тогдашнему режиму в СССР продолжал расти¹². Даже мучительное, противоестественное для него состояние «затаившегося в норе» (и это в далеком от чекистов и Политбюро Париже!) Мясников, судя по материалам следственного дела и «Автобиографии», как мог, использовал. В том числе для написания (правда, без дальнейшей публикации) откровенно полемических, позже бы сказали «клеветнических», заметок и обширных политических трактатов¹³...

В 1930-е Мясников продолжает свою последовательную линию поведения. Пытается (безуспешно) создать парижский вариант «Рабочей группы». Мистифицирует местную «левую» публику, подписывая свои статьи как «Представитель Центрального Бюро Коммунистической партии СССР»¹⁴. Пробует, тоже безуспешно, наладить регулярный выпуск газеты «Оппозиционная правда». Постановлению властей о высылке из страны за «вмешательство во внутренние дела Франции» не под-

¹² Miasnikoff G. La voie ouvrière vers le pouvoir [Обращение к французским рабочим]. Paris, 1934.

¹³ См.: Дело по обвинению Мясникова Г.И. — ЦА ФСБ РФ. Арх.№Н-17674. Т.2.

¹⁴ Склонность к мистификациям Мясников обнаруживает и в других случаях. Находясь в Берлине в 1923, многократно преувеличивает местным левым численность, а отсюда — и значимость «Рабочей группы» (правда, тут он был введен в заблуждение своим другом и соратником Н.В.Кузнецовым). Переход из Ирана в Турцию весь построен по канонам авантюрного романа (при беге из СССР использовался лишь невинный маскарад — женское платье) — были «разыграны» и местные власти, и советское консульство. Если верить рассказу Романа Гуля, в котором Мясников именуется Григорием, то можно предположить, что объектом мистификации в Париже стал Б.И.Николаевский — Мясников разыграл перед ним роль ультраконспиратора (см.: Гуль Р. Я унес Россию. Т.2: Россия во Франции. Н.-Й., 1984. С.217-221). Если ничего не путает в своих воспоминаниях Л.Тарасов, то Мясников разыграл и его, рассказывая о своей жизни в Казахстане и подготовке к бегству в Синцзян(!).

чиняется и скрывается (успешно). Одновременно, регулярно обращаясь в советское посольство с просьбой разрешить ему вернуться на родину, дает обещания не заниматься в СССР политической деятельностью. Но в то же время, сообщая жене в Россию об этих своих попытках, уверяет ее, что политических взглядов не изменил... Вскоре после безуспешной попытки создать «Рабочий коммунистический Интернационал» (1934) Мясников уезжает из Парижа в городок Куломье и устраивается рабочим на стройку, где остается до 1936. Именно там он создает «Философию убийства...»

1934 год в какой-то степени был переломным. На допросах в 1945 Мясников об этом говорит так: «до 1934 г. я выступал в печати против советского государства. После же 1934 года таких выступлений не было. Однако до 1938 года я продолжал писать книги, направленные против Советского Союза /.../ когда после мюнхенского соглашения я увидел тучи, сгустившиеся над СССР, я не писал более этого и не критиковал СССР /.../ я прошу прочесть мою рукопись "Философия убийства..."», где Вы не увидите ничего антисоветского. Эту рукопись в 1940 году я послал Сталину».

Что получается? Мясников ставит себе в заслугу прекращение печатных выступлений. Представляется, однако, что не столько желание не обижать вслух советский режим, а скорее «местные» обстоятельства вынудили Мясникова изменить образ действий. Для адекватного понимания остальных слов подследственного надо помнить: представление Гавриила Ильича об отсутствии «антисоветского» в его творчестве, в контексте тогдашней эпохи, было весьма своеобразным. И тут он не хитрил. Посылая свою рукопись Сталину в 1940, Мясников ничего иного, как продемонстрировать свою лояльность, не предполагал. Но мясниковская «демонстрация лояльности», по сути, — очередной вызов властям. Впрочем, вызов — практически все его действия. Иначе он не умел...

Любому здравомыслящему современнику Мясникова было бы очевидно: чтобы получить прощение от режима и безопасно вернуться на родину, «Философия...» никак не годилась. И если автор все же рассчитывал заработать с ее помощью политические дивиденды, то приходится признать его полной наивностью...

Самое большое, чего он мог бы добиться, — спровоцировать нападение на себя какого-нибудь монархиста-мстителя. Мы не располагаем достоверными сведениями о намерениях Мясникова опубликовать свою «исповедь» по-русски на Западе¹⁵. К тому же содержание рукописи, уже по иному, чем для Советского Союза, причинам, никак не годилось для

¹⁵ Информация, приведенная Р.Пайпсом (без указания на источник) во 2-м томе «Русской революции» (М., 1994. С.454), не может нами рассматриваться как достоверная: «Мясников в 1921 г. был исключен из партии за агитацию в пользу свободы мнений и в 1923 г. арестован. В 1924 или 1925 г. он появился в Париже, где торговал рукописью с описанием убийства Михаила». Приведенные слова вынесены Пайпсом в сноску. Здесь три хронологические ошибки (Мясникова исключили из партии в 1922, он не «появлялся» в Париже ни в 1924, ни в 1925 и в первый раз арестован он был хоть и не вполне «за агитацию в пользу свободы мнений» — пусть так! — но в 1922). Единственное же, что можно предположить об

эмигрантской публики... Возможно, рукопись была позже подготовлена для издания на французском языке. Но для подобного утверждения мы не располагаем нужной информацией.

Вернемся в 1935 год. До отправки рукописи «конкретному читателю» в СССР остается пять лет. А пока — что же он собирался с ней делать? Позади череда эмигрантских поражений (единственное, чего ему удалось добиться, — отмена постановления о высылке из Франции). Именно в 1934 безрезультатно завершилось все то, что он начинал еще в 1921, задолго до своего бегства. Единственным связующим звеном с родиной оставалась переписка с женой (оборвалась в 1937). Сведения об «истинной» ситуации там приходилось черпать из слухов, случайных или сомнительных источников. Немногочисленные местные «леваки», рабочие-эмигранты из славянских государств Восточной Европы (в частности, из Болгарии¹⁶), эпизодические контакты с отдельными русскими эмигрантами (среди них — с Николаевским¹⁷) — вот, собственно говоря, и весь или почти весь круг общения. Такая замкнутость не могла не создавать у Мясникова определенных иллюзий. Неадекватное восприятие действительности, в том числе политических реалий, свойственное вообще всем людям его склада, в создавшихся условиях должно было приобрести гипертрофированный характер. Поэтому скорее всего Мясников все же питал иллюзии относительно возможной в обозримом будущем публикации рукописи в СССР (или для французского читателя).

Остается лишь ответить на вопрос, почему им было выбрано именно убийство Михаила Романова в качестве основной сюжетной коллизии. Ведь в его богатой событиями и приключениями жизни были с официальной большевистской точки зрения более «беспорные» эпизоды, чем организация несанкционированного убийства, более «удобные» для воспроизведения в Советском Союзе 1930-х! Ответ именно на это «почему» мог бы стать ключом к разгадке главного персонажа «Философии убийства...» — ее автора.

источнике утверждения о торговле «рукописью с описанием убийства», это то, что мы имеем дело с искаженным отголоском истории с кражей мясниковских бумаг в Париже в 1930: на суде (январь-февраль 1931) один из похитителей (А.Палкин) объяснял свое участие в краже желанием завладеть воспоминаниями об убийстве Михаила Романова (тогда еще не существовавшими). Со слов Палкина, Мясников якобы вел переписку с живущим в США издателем Абрамом Сауловичем Каганом (Коганом), возглавлявшим в начале 1920-х изд-во «Петрополис», о продаже ему своих мемуаров с детальным описанием «бегства и исчезновения» вел. князя. (Копии этих писем побывали в руках сотрудника газ. «Возрождение» Н.Н.Алексеева, но суду предъявлены не были). Кроме того, на суде прозвучало заявление некоего Р.Левеля, представившегося юрисконсультом вдовы вел. князя — княгини Н.С.Брасовой, о том, что Мясников якобы предлагал ей купить у него упомянутые мемуары. Брасова дезавуировала эту информацию и объявила Р.Левеля самозванцем. См.: Возрождение (Париж). 1931. 23 январь., 20-22, 25 февр.; Последние новости (Париж). 1931. 23 январь., 6, 20 февр. Никакими иными сведениями о «торговле рукописью» мы не располагаем.

¹⁶ Сухомлин В. Гитлеровцы в Париже // Новый мир. 1965. №11. С.147.

¹⁷ Гуль Р. Указ. соч. С.217-221.

Что бы ни происходило в жизни Мясникова в 1934-1935, можно уверенно заключить: «Философия...» должна была стать *очередным вызовом* не только эмиграции, но и советским властям, и всем местным «левым», наконец, вызовом самому себе. Именно после 1934 сумма обстоятельств, о которых мы знаем, требовала предьявления доказательств его, Мясникова, побед... Конечно, «Философия...» не предназначалась для ящика письменного стола. Абсолютная самоуверенность (одна из основных черт автора) скорее всего вытеснила на периферию вопрос о судьбе рукописи. Главное было справиться с поставленной задачей: повторить убийство, повторить удачно завершившуюся операцию, пройти еще раз весь путь, если понадобится, от Адама и Евы¹⁸, приведший его к победе — убийству.

Едва ли не самым важным для Мясникова было отношение к свободе. В жизни, в действиях Мясникова, как и в его сознании, понятие «Свобода» никогда не было абстракцией. Жажда свободы для других: беспрекословное участие, начиная с 16-летнего возраста, во всевозможных революционных мероприятиях. Жажда свободы для себя: в многочисленных побегах из неволи, в бесконечном бунтарстве. Классический самоучка, свой основной интеллектуальный багаж он вынес из одиночных камер дореволюционных тюрем, в которых арестантам давали книги без ограничений. И в бессистемном чтении — постижении всего того, что попадалось ему в руки, от Библии до ленинского «Материализма и эмпириокритицизма», от Достоевского до Авенариуса, он стремился быть абсолютно свободным, в том числе свободным от авторитетов: будь то классики мировой литературы, признанные философы или партийные бонзы, не исключая самого Ленина... Если верить Мясникову, он, уже прошедший к тому времени школу боевика-экспроприатора, во время пребывания в Орловской тюрьме занимался самоистязанием, дабы постичь и обрести Бога, либо доказать самому себе свою полную свободу от Бога.

Внутренний мир Мясникова — потрясающее кривое зеркало. Все искажено, вывернуто наизнанку и одновременно примитивизировано. Образцом свободной личности становится не кто-нибудь, а... Смердяков — ему слагается гимн, собственное «я» трансформировано в такой литературный образ, все «угнетенные трудовики» — суть Смердяковы, а сам Смердяков не отцеубийца, а всего-навсего бунтующий герой-смерд. Видимо, следует признать: Мясников — явление пограничное, близкое к «клиническому случаю». Но как и многие «классические злодеи», автор «Философии...» при ближайшем рассмотрении оказывается субъектом... совершенно девственным. Полнейшая наивность и вторичность большинства философско-исторических рассуждений вкупе с патологической неспособностью (или нежеланием) увидеть себя со стороны — невольно провоцируют читателя воспринимать автора не как лицо реальное, а как некий вторичный продукт, выдуманного героя. Сравнение царевубийц, а тем более участников «рядовых» терактов с «бесами» Достоевского должно сегодня восприниматься как некий *mauvais ton*, избитая метафора. Этот

¹⁸ Персонажи Пятикнижия занимали видное место среди идейных ориентиров Мясникова. Ср. прим.37 к «Философии...».

ярлык, навешиваемый на революционеров-экстремистов разных толков, в том числе и на всех представителей большевизма, вот уже более века, совершенно утратил какой бы то ни было внутренний смысл. Затертость же этого определения вполне уживается с его неизбежностью и уникальностью, когда речь идет о специфических реалиях отечественной истории. Говорить же о явлении «Мясников» вне российского культурно-исторического контекста бессмысленно.

Мясниковский текст, его рассуждения, включая многословное обоснование убийства, — вне научно-исторического анализа. Авторитетофобия, интеллигентофобия автора «Философии...» лишь подчеркивают, усиливают всю убогость неукротимого потока его сознания.

Мясников заплатил за свою апологию бунта страшную цену. «Философия...» парадоксальным образом свидетельствует о полнейшем фиаско: оказывается, все, чем Мясников, прожив сорок шесть лет (т.е. к декабрю 1935), может похвалиться и перед современниками и перед потомками, — лишь убийство великого князя. Проходной, случайный эпизод превращается с годами в кульминацию всей жизни, в главную победу...

Когда-то он внес свою посильную лепту в Октябрьскую победу, более того, в течение 12 лет *всего себя* он отдавал этой победе — в результате в ЧК расстреливают рабочих только лишь за разговоры. Он, гражданин рабоче-крестьянской Советской республики, партиец, в полемике с Лениным и другими партноменклатурщиками попытался отстоять права крестьян и рабочих на свободу слова — в результате его, не моргнув глазом, исключают из партии и сажают в тюрьму. Он, рабочий-самоучка, пишет вполне марксистский «Манифест Рабочей группы» — его, как буржуазного интеллигента, как какого-нибудь Бердяева, выпроваживают из страны, а потом обманом завлекают из-за границы обратно и снова сажают в тюрьму. А его любимое детище — «Рабочая группа»? Немногочисленных и нестойких соратников тоже сажают, ссылают, исключают. А семья? Зачем он ее создал? — чтобы жена и дети, пока он сидит в тюрьмах, мыкались по ссылкам, а когда он сбежит за границу, исполняли роль заложников? А потом все сыновья погибли на фронте, а жена сойдет с ума... Чего достиг он, бежав за границу? Опубликовал несколько статей и одну-единственную брошюру (и все это в первые год-два после бегства), получил возможность в свободное время спокойно писать, мог (не всегда) зарабатывать физическим трудом на хлеб насущный... Вот вроде бы и все.

Но были и более значимые приобретения. Мясников узнал страх и одиночество. Бежал от норовившей сожрать его революции, а попал в среду тех, кого сам «пожирал» когда-то. Оказавшись на воле, как в заточении, наедине с самим собой, Мясников и приступил к своей «Философии...». Позади было постоянное движение, постоянные действия. Прервать их могла тюрьма, но она — лишь временная остановка. В тюрьме зреют будущие действия... Отчасти «Философия...» — тоже вынужденная остановка, которая используется автором в равной степени и для внушения другим, и для самовнушения: вот я какой! могу не только обещать и прожектировать, могу добиваться цели! Доказательство тому двойное — и убийство Михаила Романова, и сама рукопись...

В одной из глав «Философии...» Мясников описывает свое состояние во время убийства великого князя. Непосредственные исполнители где-то неподалеку от Мотовилихи «бегут» Михаила Александровича; Гавриил Ильич не сомневается в успешном завершении задуманного, точно знает, что исполнитель с задачей справятся. С их отъездом для него — все позади: «Я /.../ пошел /.../. Звоню /.../. Усаживаюсь /.../ присаживаюсь, располагаясь поудобнее /.../. Уселся. /.../ Я встал и пошел /.../ Курю я папироску за папироской /.../ сидел недолго, а наклал окурков на стол очень много /.../ Сделал несколько шагов к двери /.../ с какой-то злостью повернулся и подошел обратно к столу, забрал, все окурки и понес их на улицу /.../». Насыщенность текста глаголами обнаруживает судорожность, нелогичность, хаотичность мелких незначущих поступков. Психолог определил бы душевное состояние Мясникова термином «внутренняя тревога». Сартр сказал бы: страх перед самим собой, перед своей возможностью и свободой.

Перед нами неосознанное воспроизведение неосознанного страха. (Не осознанного Мясниковым, ибо, полагаем, сам он понимал страх как нечто конкретное: боязнь физических страданий, ужас тюремного заключения, опасения за жизнь и т.п.). Нет реального себя. Вместо этого — нагромождение иллюзий. В том, как автор передает пустоту наступившей паузы, отчетливо проступает и чувство внутренней опустошенности. Может быть, потому большая часть «Философии...» и заполнена всевозможными объяснениями и конструкциями, что ими же заполнена и вся душа Мясникова-автора, его «я».

Неосознанный страх пробудил неосознанную потребность исповедаться. Не рассказать о своей жизни, а как бы «вывернуться наизнанку», поведать другим о том, что на немясниковском языке именуется внутренним миром...

Но вот исповедь завершена, и вновь начинаются действия, поступки-вызовы, бегства, постоянные передвижения. Проситься на родину он временно прекратил в 1936 (т.е. уже после написания «Философии...»). Тогда же закончилась работа в Куломье, он возвращается в Париж, где работает на международной выставке. После небольшой паузы (1937-1938) попытки вернуться в СССР возобновились и вновь были прерваны — войной. 23 июня 1941 Мясников в очередной раз направился в советское посольство, не зная, что здание уже занято немцами, — и был арестован гестапо (в течение нескольких месяцев пришлось ежедневно ходить в гестапо отмечаться). Спустя год — бегство в неоккупированную зону (в Тулузу). Опять арест. Вишистские власти обвиняли его, кроме всего прочего, в терроризме... Мясников, дабы избежать выдачи немцам, обращается к американскому консулу в Виши с просьбой взять его, гражданина... СССР, под свое покровительство. Затем — французский концлагерь. Затем — немецкий. Опять побег. Жизнь в Париже по чужим документам. Сразу же по освобождении Парижа — неожиданное любезно-настойчивое предложение из советского посольства вернуться на родину. Долгий перелет в Москву (через Италию и Египет). А потом началось то же, что было бы — вернись Мясников пятнадцатью, десятью или пятью годами раньше: до-

просы, тюремная больница, опять допросы... Это было одно из немногих следствий, во время которого почти все, сказанное подследственным (плюс материалы, подшитые к его делу), можно было без усилий подвести под букет статей. Даже для опытного следователя заявления допрашиваемого не могли не быть нонсенсом (см. Приложение 3, документы №3-6, 9-11). Заявление же, адресованное Молотову, с требованием вернуть ему за вынужденный простой в тюрьме компенсацию в валюте (франках) — Мясников дотошно подсчитал свои убытки, исходя из месячной заработной платы по последнему месту работы! — полагаем, аналогов не имеет. Потом были приговор и пуля...

В 1945 Мясников привез с собой в Москву свой архив¹⁹. По ходу следствия отобрали и приобщили к делу всего несколько работ — наиболее «самоочевидных». Все остальное было уничтожено, то есть сожжено (многое из уничтоженного — на французском языке). На допросах «Философия убийства...» ни разу ему в вину не ставилась. Тем не менее, к делу ее все же приобщили. Хотя на фоне других компрометирующих материалов из архива Мясникова «Философия...» — текст абсолютно невиннейший (те страницы, которые фигурируют в качестве обвинительного материала, выбраны наугад и абсолютно ничего крамольного, в отличие от других фрагментов рукописи, не содержат). Кто-то и зачем-то решил рукопись сохранить...

В основном разделе предлагаемой публикации помещены фрагменты текста «Философии убийства...». Эти фрагменты составляют приблизительно 2/5 от объема рукописи. Подлинник представляет из себя 429 страниц машинописи; хранится он в Центральном архиве ФСБ и целиком составляет первый из трех томов следственного дела Мясникова, заведенного на него в 1945. Текст рукописи разбит автором на пять «глав» (по смыслу — частей), которые, в свою очередь, делятся на подглавки. Непосредственное отношение к теме убийства великого князя Михаила Александровича имеют только две части — вторая и четвертая. Первая часть знакомит читателя с «местом действия» — Мотовилихой, «большевицкой крепостью на Урале», и повествует в основном о событиях зимы 1917-1918. В публикации эта часть представлена небольшими фрагментами. Третья часть («Самопроверка») — выполняет в повествовании роль классического отступления. Кроме обрывочных воспоминаний о пребывании автора в Орловской тюрьме, данная часть (172 страницы) в основном содержит интеллектуальное и мировоззренческое «меню» Мясникова. Поскольку конспективно выраженные там мысли повторяются в других местах рукописи, «Самопроверка» целиком опущена в публикации. То, что автор пометил как «Глава V», является, по существу, эпилогом. Эта незначительная по объему часть публикуется без сокра-

¹⁹ Не исключена вероятность того, что часть рукописей Мясникова осталась тогда во Франции.

щений. Во второй и третьей частях сокращению подверглись некоторые повторы и эпизоды, не имеющие отношения к основному событию.

В разделе «Приложения» (1, 3) помещены фрагменты некоторых материалов («Автобиографии», протоколов допросов и других документов из следственного дела 1945 года). Кроме того, в Приложении 2 дана подборка материалов из группового следственного дела Мясникова и его соратников по «Рабочей группе», охватывающая период 1921-1928. Из 54 томов этого дела нами отобраны лишь несколько документов, касающихся непосредственно Мясникова.

Все тексты приведены в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации, за исключением ряда случаев, когда сохранены индивидуальные авторские особенности или норма эпохи («с.-р.», «ешалон», «заводский», «господь бог» и т.п.). Очевидные описки и ошибки исправлены без оговорок, дописывания слов и смысловые конъектуры даны в квадратных скобках, зачеркнутые автором и восстановленные публикаторами фрагменты — в косых, купюры отмечены знаком /.../.

В примечаниях к «Философии убийства...», кроме необходимых справок, уточняющих некоторые события и даты (автор часто допускает хронологические и фактологические неточности), приводятся параллельные фрагменты из других источников. Речь идет об эпизодах, связанных с непосредственным осуществлением плана убийства. На персонажей, обозначенных в тексте звездочкой — (*), сведения не даются, а читатель отсылается к изданию: Революционеры Прикамья. Пермь, 1966. Случаи, когда публикаторы располагают дополнительными сведениями об этих лицах, отмечены и звездочкой, и отсылкой к примечаниям.

Первое печатное упоминание о причастности Г.И.Мясникова к убийству великого князя, как уже отмечено, принадлежит самому Мясникову. В 1923 и 1924 вышли соответственно 1-е и 2-е издания книги С.П.Мельгунова «Красный террор в России: 1918-1923», в которой автор с отсылкой к мясниковской брошюре указывает на него как на убийцу Михаила Александровича. В СССР информация на эту тему впервые после полулегальной брошюры Мясникова была помещена в книге М.П.Быкова «Последние дни Романовых» (Свердловск, 1926), где убийству отведено около двух страниц текста и все убийцы названы поименно (при этом фамилия одного из них, Колпашикова, искажена). Эпизод с похищением изложен относительно точно. Из издания книги Быкова в 1930 фамилии участников убийства были изъяты. Сообщения о Мясникове-цареубийце неоднократно публиковались в эмигрантской периодической печати в 1923 и 1929-1931. В Советском Союзе после длительного перерыва имя Мясникова было названо в числе убийц великого князя в журнальном варианте работы М.К.Касвинова «Двадцать три ступени вниз» (Звезда. 1972. №8-9; 1973. №7-10). Эпизод, посвященный Михаилу Александровичу, почти целиком повторяет информацию из книги Быкова (1926). Долгое время книги Быкова и Касвинова были основными источниками по теме истории убийства членов семьи Романовых, откуда другие авторы черпали информацию, в том числе и мифологическую.

Отрывочные сведения о деятельности Мясникова периода 1921-1923 можно найти в обширной литературе, посвященной истории КПСС, в частности, в специальных изданиях по теме «Борьба КПСС за единство своих рядов». Деятельности «Рабочей группы» посвящена кн. Вл.Сорина «Рабочая группа: Мясниковщина» (Предисловие Н.Бухарина. М., 1924). После 1989 в различных публикациях, посвященных теме царевубийства, стали использоваться ранее недоступные исследователям архивные материалы, в том числе никогда не публиковавшиеся воспоминания и дневники участников, свидетелей и жертв. Но, как и роль Г.И.Мясникова в убийстве Михаила Александровича, так и сама фигура убийцы в этих публикациях выявлена недостаточно²⁰.

В заключение пользуемся случаем поблагодарить Центральный архив ФСБ России за выявление материалов, Научно-информационный и просветительский центр «Мемориал» — за помощь и поддержку при подготовке настоящей публикации. Благодарим также за консультации и содействие библиографа О.А.Гришину, историка Д.И.Зубарева и старшего консультанта ЦА ФСБ РФ Ю.М.Разбоева.

²⁰ См., напр.: Беленкин Б.И. Ганька // Огонек. 1990. №21 (май). С.18-21; Буранов Ю., Хрусталеv В. Похищение претендента: Неизвестный дневник Михаила Романова // Совершенно секретно. 1990. №9. С.24-28; Пусть говорят документы: Дневник несостоявшегося царя / Публ. В.Г.Светлакова // Позиция (Пермь). 1990. №17; Платонов О. Цареубийцы // Литературная Россия. 1990. 21, 28 сент. №38, 39; Буранов Ю., Хрусталеv В. Гибель императорского дома 1917-1919 гг. М., 1992; Самосуд: Убийство великого князя Михаила Романова в Перми в июне 1918 г.: Документы и публикации / Сост. Г.И.Быстрых, подг. к публ. В.Г.Светлаков, Т.С.Вольнская. Пермь, 1992; Радзинский Э. Господи, спаси и сохрани... М., 1993; Виноградов В.К. «Я часто думаю, за что его казнили...» // Независимая газета. 1994. 29 апреля.; Думова Н.Г. Морганатическая супруга // Домовой (М.). 1995. №1. С.155-158.

1. Мотовилиха

Таков обычай. А обычаю этому всего-навсего первый год. Но к этому привыкли. И когда этот мощный гудок Пермского пушечного завода, иначе называемого «Мотовилиха», загудит в неположженное время, то всё настораживается, все чувствуют тревогу и беспокойство.

Напрасно красногвардейцы успокаивают своих отцов, матерей, жен и детей, когда, спешно прощаясь, бегут на эту тревогу. Не укладывается в обычные рамки жизни, тревожно. Ползет тревога незаметно, дети жмутся к матери, печальной и беспокойной.

А гудков этих стало раздаваться много.

Вот и на этот раз. Гудит. Дребезжат стекла в домах и домишках Мотовилихи, настораживается и Пермь, что в четырех километрах от Мотовилихи. Она тоже их знает. И не раз эти гудки пугали властей старого и революционного времени. Гудок всегда нес тревогу, он мобилизовал дремлющие силы, призывал к готовности, к оружию, заставляя и врагов делать то же.

Было это и в 1905 году. Но это было уже 12 лет назад и это вытерлось из памяти. Тогда этот гудок был зна́ком для забастовки, а потом и призывом к восстанию.

Двенадцать лет не гудел гудок тревогой. За это время ширился и рос завод. Теперь здесь работает 25 тысяч человек. Это хорошая армия! В тихое, погожее утро гудок этот слышен километров на 15-20 в окрестности. Мощно гудит. Да ведь есть и кому. Завод-великан. 32 цеха. Лес труб.

Когда Вы подъезжаете к Перми на пароходе, снизу Вы не сможете не увидеть этого частокола труб в четырех километрах вверх по Каме, на самом берегу. Часто над этим частоколом труб нависает черное облако. Все небо ясно. А над Мотовилихой шапка черной тучи дыма, выбрасываемого этими трубами. Эта шапка, шапка великана, одной большой коллективной головы. А в голове этой всегда мысли буйные, дерзкие, непокорные, это знают все. Знает и начальство, потому-то и тревожатся все, что эта голова что-то решила и что-то хочет сделать. Собирается с силой, гудит, ревет, будит и зовет.

Этот великан-завод с трех сторон прижат к берегу горами: Вышкой, Висимом, Горками и Заивой. И самые высокие трубы его ниже этих гор. На этих горах и расположена Мотовилиха: домишки рабочих. И как будто для того, чтобы эти горы не нажали на завод и не столкнули его в Каму, между ними: гордым созда-

нием человеческого труда, образчиком силы человеческого труда над природой и этими большими холмами, все еще сильными и могучими, вызывающе-гордыми своей первобытностью, между ними проложены две полосы железной и грунтовой дорог.

А на Вышке стоит пожарная каланча и часовня. На этой самой Вышке пролилась первая кровь 10 июня 1905 года. Кровь рабочих, пролитая ордами пьяных казаков, и эта кровь долго окрашивала в свой цвет все думы, мысли, настроения рабочих. Те, что верили, что за правду-матку, которую говорили здесь вот с часовни и каланчи пожарной (почти всегда с часовни и редко с каланчи), за эту правду правительство бить не будет. И когда под Вышкой показались сотни три казаков, объезжающих гору, чтобы забраться по дороге на Вышку, то никто и не шевельнулся. И кровь пролилась. Если 9 января 1905 г. гулким эхом прокатилось по рабоче-крестьянской России и заставило умы и сердца тревожно работать, усваивая политические уроки, то 10 июня 1905 года — это был местный комментарий, разъяснение, толковое и вразумительное повторение урока. И Мотовилиха его усвоила. И хорошо усвоила.

Вышка чаще всех других мест служила местом митингов и собраний.

Население Мотовилихи до 35 или 40 тысяч. Дома Перми и Мотовилихи сходятся на Горках. Так что и не понять: где пермские, а где мотовилихинские Горки. В другую сторону Мотовилиха тянется узкой полоской между Камой и Вышкой, в сторону керосинного склада, к селу Левшину. Район этот называется Подвышка, а дальше Малая Язовая. За Малой Язовой есть небольшой лесок. В этом леске частенько устраивались наши нелегальные собрания: кружков, массовок, и в этом же лесу есть могила...

Заводский характер построения нашей большевистской организации делал ее дешевой, гибкой и всегда имеющей точную информацию из всех цехов. Мы знали, что волнует рабочих. Знали их думы, настроения, мы были фракцией пролетариата.

Меньшевики были редкостью на заводе. Приезжали, и скоро, увидев тщету своих усилий, уезжали или же мирненько работали с нами вместе, добровольно выполняя всякую работу.

Надо отметить и то обстоятельство, что наша организация всегда имела самую сильную боевую дружину. И самые смелые террористические акты — вроде убийства истязателя Касецкого, убитого во время спектакля в театре, одним выстрелом, сделано нашей дружиной¹. Даже Лбов*, за время своего лесничества, если и был долгое время неуловимым, то только благодаря помощи нашей организации. Мы были здоровым кулаком.

Каково же было мое удивление, когда приехав в Мотовилиху в 1917 году в апреле месяце, освобожденный из Орловской каторги, я увидел Совет рабочих депутатов завода, в котором не было ни одного выборного члена Совета — большевика. Если я оказался членом Исполнительного Комитета, то как представитель от партии. Но это продолжалось не больше двух недель. Рабочие-избиратели имели право отзыва депутатов во всякое время. Я пошел в свой цех на работу, где в 1906 году я был арестован (2-й снарядный цех). И проработав 2 недели, был выбран членом Совета; наряду с другими, тоже большевиками. Это был первый удар, за которым последовали другие, и скоро наш Совет завода имел традиционный большевистский вид. Мы завоевали вновь свои позиции, принадлежавшие нам по праву.

Попытки отвоевать у нас Мотовилиху были со всех сторон: и со стороны с.-р., и со стороны меньшевиков. Кадеты никогда не смели показываться у нас. Не было у нас и анархистов. Понимали и кадеты, и анархисты, что им здесь делать нечего.

Часто меньшевики всем составом Областного комитета Урала приезжали. Пытались устроить свой митинг. Обычно мы приходили на их митинг и оказывались большинством: избирали своего председателя (по традиции на всех собраниях председатели избирались), и мы оказывались хозяевами положения. Схватки были жаркие, но никогда, ни единого раза не заканчивались драками.

Частенько делали то же и с.-р. Не надеясь на свои местные силы, они мобилизовали все силы Областного комитета, но даже правые с.-р. Мотовилихи были левее левых с.-р. областников, и они были биты.

Все атаки со стороны с.-р. и меньшевиков отбивались нами местными силами, силами рабочих этого завода: Карякин*, Сивелев*², Борчанинов*³, я. Это основная ячейка, теоретически подготовленных рабочих, с большим революционным прошлым: все дрались на баррикадах в 1905 году, все побывали в тюрьмах и каторге. Они и выносили всю тяжесть работы. Единственный интеллигент: студент Петроградского Психоневрологического института Василий Иванович Решетников*, считавший себя мотовилихинцем, хотя он Мотовилиху видел в 17-м году первый раз.

С этим Василием Решетниковым мы жили вместе, в одной малюсенькой комнате. Я спал на самодельной кровати, а он спал на полу. Вместе и столовались. А стол наш состоял по большей части из куска хлеба, нескольких огурцов, яиц, да еще иногда и мо-лока прикупали. /.../

2. Обезоружение казаков

На большой улице в доме, где раньше жил знаменитый инженер Назаров, убитый в 1905 г. рабочими, и в котором потом жили другие инженеры завода, а в 1917 г. жил главный доктор Бранов, в доме, приспособленном совсем не для пробы пулеметов, ружей и револьверов, собраний Исполнительного Комитета, хранения оружия, патронов и т. д. и т. п., а чтобы мирно жить и изобретать возможности веселого времяпрепровождения, в этом доме помещился Исполнительный Комитет Мотовилихи.

Работа Исполнительного Комитета — это не работа простая и мирная, а работа боевая в двух направлениях: надо разрушать мир эксплуататорский и защищать возможность построения нового мира товарищеской солидарности.

Но эта работа слагалась из тысячи самых мельчайших дел. Тут все есть: экспроприация фабрик, заводов, магазинов, домов, переселение буржуазии, уплотнение инженеров, добывание продовольствия, топлива, сырья, товаров, вынесение приговоров провокаторам, шпикам, жандармам, обезоружение буржуазии и сторонников старого строя.

В Исполкоме было всегда много народа. Дежурные красногвардейцы иногда были вынуждены разгружать Исполком, сами разрешая многие вопросы или опрашивая посетителей, направляя их то к одному, то к другому товарищу по специальности.

Заседания Исполкома немислимо было устроить днем, и они были всегда поздно вечером. Я был председателем. Решетников был выдвинут нами на пост председателя Городского Совета Перми. И после того, как мы расстались с Решетниковым, я переехал жить в Исполком: ближе к делу, думал я. Вначале спал на столах, без всякой постели, подложив под голову газету, укрывшись своим ватным пиджаком, а потом кто-то и откуда-то достал матрас, подушку и, наконец, кровать, и я устроился в одной из комнат.

Меня в Исполкоме не было тогда, когда я должен был выступать на митингах, собраниях, конференциях и т. д., а то все остальное время я был там.

Было это, кажется, в январе или в феврале 1918 г.⁴. Сутолочный день. Входит секретарь, т. Туркин* (надо сказать, что везде почти, где я был председателем, секретарем моим был всегда Михаил Туркин).

— Ты знаешь, Гавриил Ильич, там что-то неладное творится.

— Где?

— Да в Перми.

- А что там такое?
— Я хорошо не понял.
— Возьми трубку и поговори сам с ним.
— Да с кем, чорт тебя подери?
— С Решетниковым.
Беру трубку.
— Кто у телефона?
— Решетников. Здравствуй, Ильич.
— Здравствуй, Вася. Ну, что там такое? Туркин у тебя ничего не понял.
— Да я ему ничего и не рассказывал.
— Ну, так скажи.
— А вот что. Мы получили телеграмму, что по линии Вятка—Пермь движутся несколько ешалонов казаков. Ведут они себя вызывающе и прямо издевательски. Сегодня вечером они придут в Пермь. Как ты думаешь их укротить?
— Обезоружим, да и все.
— Не так-то легко. Во-первых, они слышали о Мотовилихе. Их пугали уже ею. А второе, что они едут на охрану Николо-Уссурийской ж.д. и имеют мандат за подписью Ленина и главкома Крыленко, и потому начхать хотят на всех.
— Ну, а мы их чихалку сломим и обезоружим, а если надо и мандат отберем. /.../

3. Узнаю: Михаил Романов в Перми

От станции через дорогу наискосок Исполком. Соскакиваю из вагона и быстро направляюсь к дверям станции. Жены рабочих каким-то чудом узнали, что мы приезжаем, и густой толпой загораживают дорогу к дверям станции.

Вечереет. Серо. На станции зажгли огни.

- Ну, пропустите меня, что ли?
— Куда тебя денешь? Лезь в середку!
— Это в какую же?
— А в любую!

Балагурят и спешно расступаются.

Иду в Исполком. Доволен, что все обошлось лучше, чем ожидал. Без драки, без крови и без неурядиц. Улыбаюсь внутренне, когда вспоминаю злой взгляд Лукояновой*⁵: привыкла уже быть большим начальством и вдруг сюрприз. Тоже авторитет боится потерять... Все авторитеты...

— Ну как, Гавриил Ильич, — встречает вопросом тов. Туркин.

— Все хорошо. Лучше, чем ожидал. Я вот сейчас расскажу. А скажи ты сначала, нет ли чего неотложного?

— Есть разные мелочи. У тов. Веревкина жена родила и заболела чем-то. Д[окто]р прописал легкую пищу, а Фоминых почему-то не выдает ни рису, ни сахару, ни белой муки.

— А ты?

— Что я? Я позвонил ему, а его не было, в город уехал, другие же ничего не знают.

— Выходит, что человек помереть может, прежде чем получит у нас что надо. Ну, Миша, а если бы я два дня не приехал и она бы померла. Какое впечатление составит у рабочих о нас? Ты напиши записку от меня, да выругай их как надо.

— Хорошо. Еще вот есть. Лебедева прихоронила от имени женщин просить тебя прочитать реферат «Зарождение человеческого общества»⁶, такой же, какой ты читал для ответственных работников.

— Ну, это не спешно. Напомни потом. Еще?

— Телефонограмма от губвоенкома Лукоянова*⁷ с просьбой немедленно сообщить, какое и сколько оружия имеет мотовилихинский Исполком.

— А зачем это ему?

— Не знаю.

— Это совсем не срочно. Можно не отвечать. А над Калгановым* подшуты — требует, мол, губвоенком все оружие отправить в его распоряжение, вот разъярится парень.

— А ведь правда, ха, ха, ха... Есть различные бумажки, они у тебя в папке текущих дел, не срочные.

— А теперь я, товарищи, — обращаюсь к присутствующим, — расскажу, как мы встретили казаков. — И рассказал. — Как видите, озорства, хулиганства как не бывало. Если они приехали не буйные, то уехали совсем смиренные. Так что слух о том, что есть Мотовилиха, подействовал на них не в том направлении, в каком мы ожидали: мы ожидали готовности к борьбе, а оказалась готовность к сдаче.

Последующие эшелоны, а их было не меньше 15-ти, встречались и провожались так же, но уже с большим знанием дела, смелостью и меньшей затратой времени и с меньшими разговорами.

Только тогда, когда после казачьих эшелонов пошли эшелоны чехословацкие, вновь пришлось разговаривать, и довольно долго, — не хотели ссоры и резких столкновений с ними, но обезоруживали дочиста, оставляя только офицерам револьверы, да и то не всегда.

По другой линии, по направлению к Челябинску, по Самаро-Златоустской ж.д. тоже шли эшелоны чехословаков и казаков, но никто их не обезоружил, тогда как это вызывалось моментом: появился Дутов.

И когда обезоруженные нами эшелоны достигли Челябинска, оценив обстановку, они из присмиривших превратились вновь в буйных и распоясались окончательно. Это надо отнести за счет дряхлости, дрянности, рыхлости организации, которая была склонна больше разговаривать, энергично махать руками, выкрикивая грозные слова, а не проявлять нужную энергию действия. И эти обезоруженные казаки и чехословаки обезоружили челябинцев и овладели городом⁸.

А челябинцы знали, кто к ним едет. Знали, и их предупреждали.

Теперь видно, что какая-то рука руководила стягиванием контрреволюционных сил к Челябинску. Почему к Челябинску? Потому что за Уральским хребтом начинается чисто крестьянский район, богатый хлебом, мясом, маслом, но не пролетарскими силами. При этом крестьянство Сибири никогда не знало крепостного права, не знало малоземелья, не знало помещичьей кабалы. И потому сопротивляться сильно не станет. И только тогда, когда, испытав на себе все прелести колчаковско-японской, американско-английской, чехословацкой полицейщины, крестьянство устремилось в леса и организовало партизанские отряды, которые решили исход драки [Так! — Публ.].

Если за Сибирью отрезать еще Украину, то продовольственная база советской власти сузится до чрезвычайности. А основой для этих операций служили казаки районов Дона и Кубани.

Тов. Решетников после обезоружения нескольких эшелонов должен был со своей хваленой ротой, разросшейся до батальона, пойти на финляндской фронт драться против немцев. Здесь он был ранен и вскоре от раны помер.

Вместо него опять выдвинули мы председателя: Борчанинова, Александра Лукича. Он был коренной мотовилихинец. Его отца 10 июня 1905 г. убили казаки на Вышке. Он был руководителем вооруженного восстания Мотовилихи в 1905. Он отбыл какому.

Слабостью этого прекрасного товарища, беззаветно преданного борца, теоретически вышколенного пролетария, хорошего оратора — была выпивка. Она ему едва не стоила головы. В то суровое время, когда пролетарии, подтянув животы, умудрялись жить на четверть фунта хлеба из нечистой муки и в то же время состоять в Красной Гвардии, ожидая каждую минуту нападения и

каждую минуту быть готовыми на смертную схватку, в это время надо было быть вместе с ними — голодать, холодать, переносить все невзгоды и муки. Горе тому, кто хочет пировать во время хуже, чем чумное. А тов. Борчанинов не поберегся. Когда он был в Мотовилихе, мы знали его слабость. Мы берегли его. Мы скрывали его от глаз. Да и то сказать, что компании подходящей не было. Среда была другая. Меньше проявлялась слабость. А там он попал в другую среду, его прорвало: он был арестован отрядом красногвардейцев на улице Перми в 12 часов ночи пьяным вдрызг. Участь его была уже решена. И только случайно узнав об этом, я спешно предупредил по телефону, чтобы до моего приезда в Пермь ничего не предпринимали. А сам тут же сел на коня и моментально направился в Пермь.

Это было рано утром. Пермь спала. Я подгонял кучера, несся во всю прыть. Гулко стучали копыта сильной рысистой кобылы, а еще сильнее стучало в груди сердце: неужели не застану?

Вот я и у цели. Вхожу. Говорю свою фамилию красногвардейцу, меня пропускают. Меня вводят в комнату, и что же? Сидит у стола Лукич наш, а под столом валяется Шумайлов, его заметить.

Лукич протрезвился настолько, что понял обстановку и понял положение. Понял, что его расстреляют.

Я забрал того и другого и уехал.

Наряду со склонностью выпить, он любил начальство и подчинялся ему. Может быть, это друг с другом тесно связано: трудно встать в позу независимого человека, когда знаешь за собой много грехов и грешков!

Сменивши тов. Решетникова на посту председателя, Борчанинов стал принимать участие от г.Перми в разоружении чехословаков, и как-то случайно я его встречаю там, и он мне говорит: «Ведь если их не обезоружить, то они смогут обезоружить нас и освободить Михаила Романова».

— Как? Разве он здесь?

— Да.

Тут разговора продолжать не пришлось, да и не нужно было. А я только здесь и узнал, что Михаил Романов у нас в Перми в гостях?

Меня удивило только одно. Почему мне не сообщили? Очень странно. И только тут я понял ту нервность пермяков и их паничность, проявленную в вопросах о разоружении. Вот оно что. С этого времени я более чутко стал присматриваться к тому, что делается в Перми. /.../

4. Мотовилиха наводит порядки

События бурным потоком несли нас по своему течению.

В Казани городская дума и земская управа взъерепенились и не хотели сдаться, а совет, наполненный мещанами от большевизма, не решался ничего сделать. Да и силенки не хватало. Пришлось послать красногвардейцев Мотовилихи. /.../

Бывали наши отряды во всех уездных городах Пермской губ., и Мотовилиха была грозой и раньше, а тут совсем превратилась в какого-то великана сказочного, который и видит и слышит далеко, далеко.

Во всяком случае, мы не имели никакого писаного права посылать в Казань, Вятку, Тюмень, Екатеринбург и т.д. и т.п. своих красногвардейцев, но у нас была сила, мы помогали товарищам, у которых этой силы не было или было меньше. И если гудок Мотовилихи был слышен на 15-20 километров в окрестности, то мотовилихинский говорок красногвардейской убедительной речи можно было слышать на тысячи километров. Красногвардейцы как тень ходили за старым миром и укладывали его в домовину, крепко вколачивая гвозди в крышку. Это создало репутацию Мотовилихи. Те, кто хотели бояться, боялись до паники, до ужаса, а те, кто хотели любить, любили.

Грозой была Мотовилиха для старого режима, грозой для режима буржуазии и твердой рукой победоносной революции. Одни ее боялись и ненавидели, а другие любили.

О степени страха, внушаемого Мотовилихой буржуазии, говорит следующий факт.

В начале 1918 года Народный Комиссариат финансов издал декрет о чрезвычайном налоге на буржуазию. Буржуазия саботировала, и деньги приходилось брать силой. Так было повсюду, так было и в г.Оханске.

Местные власти никак не могли заставить буржуазию открыть свои тайники. Буржуазию арестовали. Но толку никакого. Она столковалась и держалась крепко. Едут мотовилихинцы, но и они поделаться ничего не могут. Как последнее средство т.Калганов решил показать арестованной буржуазии тень Мотовилихи. Приходит в тюрьму. Собирает всю буржуазию и говорит: «Собирайте Ваши вещи, Вы сегодня едете». — «Куда?» — спрашивают тревожно. — «В Мотовилиху». Неопикуемый ужас на лицах. И... тайники с золотом открылись.

Так буржуазия, рассказывая и расписывая о жестокостях Мотовилихи, прежде всего поверила в свою фантастическую басню и, поверивши, поплатилась всем своим богатством.

Тов. Калганов попал в ловушку со своим отрядом в 300 человек в Омске. Поддался на провокацию начальника милиции г. Омска и был окружен колчаковскими офицерскими отрядами. Он сумел выйти из окружения, но по дороге, при побеге из Сибири на Урал, был схвачен, опознан и буквально растерзан.

5. Право суда над провокаторами и истязателями Мотовилиха завоевала

Еще при Временном Правительстве Мотовилиха впала в немилость у власти за нрав своей.

Известно, что правительство Керенского очень милостиво обошлось с провокаторами. Оно их наградило тюрьмой месяца по три. То же примерно было и с самыми свирепыми истязателями и палачами: полицейскими, жандармами и шпиками.

Мотовилиха каким-то чудом находила провокаторов и особенно отличившихся истязателей и приводила к себе. И каждый раз власти Перми намеревались вырвать из рук ее этих гадов, но каждый раз неудачно.

Помню Митьку Бажина¹⁰. Провокатор, по указанию которого не одна голова революционера слетела с плеч. Он заделался монахом в монастырь и жил себе в качестве смиренного инока Петра в Белогорском подворье. Узнали мотовилихинцы и извлекли сего раба божия. Но тут вмешалась власть и настояла на том, чтобы прямо из подворья его отправили не в Мотовилиху, а в губернскую тюрьму в Перми. Так и сделали. Но до тюрьмы он не дошел. Пытались следствие начать и установить, кто виновен, кто конвоировал. Но следователь, приехавший в Мотовилиху, понял, что лучше оставить все, как есть.

То же было с помощником пристава, Буровым. Истязал, мучил, пытал всех: с.-р., меньшевиков, большевиков, анархистов, максималистов. И вот он попадает в руки Мотовилихи. Сердобольное меньшевистско-эсеровское начальство посылает свой конвой, не доверяя столь драгоценную особу нашим и красногвардейцам, и забирает его. Но когда конвоируемый Буров проходил по полотну железной дороги около малой проходной завода, то раздался выстрел — и голова Бунова просверлена.

А кто стрелял? После опыта со следствием по делу Митьки Бажина следствие назначено не было. И было установлено, что Мотовилиха с провокаторами и истязателями сама разбирается. Это негласный и неофициальный договор. Мотовилихинские с.-р., меньшевики были целиком на нашей стороне в этом вопросе.

Надо сказать, что в то время, как в Перми были и хулиганство, и погромы, и грабежи, в Мотовилихе можно было спать с открытыми дверями и окнами. Тихо было.

Один из прокуроров старого времени приехал в Мотовилиху, командированный для инструктирования следственных властей в связи с развивающимися грабежами и кражами. Это было еще при власти с.-р., кадетов и меньшевиков. И этот прокурор очень удивился, когда начальник милиции, правый с.-р.¹¹, заявил, что у нас ни о кражах, ни о грабежах не слышно. Тогда он сказал ему:

— Мы с вами члены одной партии, скажите по совести, много расстреляли вы воров, хулиганов, грабителей?

Начальник милиции ответил:

— Как член партии и как честный революционер я вам заявляю, что ни одного ни вора, ни бандита, ни хулигана не расстреляли.

— Я тогда ничего не понимаю. Я приписал отсутствие всяких преступлений упрощенной юстиции, а оказывается тут что-то другое, для меня непонятное.

Он тут же возвратился восвояси, а начальник милиции хохоча рассказывал нам о том, какое мнение о Мотовилихе в кругах с.-р. и меньшевиков в Перми.

Но а если в Перми с.-р. и меньшевики думали о Мотовилихе так, то как думали уезды? Если такой Мотовилиха слыла при власти с.-р. и меньшевиков, то какой она казалась напуганному обывателю при власти большевиков?

А в самом деле: революционная встряска в сознании рабочих обратила все существо их в сторону великих вопросов, которые они призваны решать, и хулиганство, воровство, бандитизм, как выражение единоличного, бессильного протеста против всего капиталистического уклада, были задавлены всеобщим протестом, всеобщим походом на этот грабительский, эксплуататорский мир, и темные корыстные чувства и мысли пугливо попрятались, зарывшись глубоко в тайники человеческого существа. Хулиганы, воры, бандиты перерождались на глазах у всех и делались одержимыми, нетерпеливыми, готовыми на все мыслимые жертвы революционерами. И не один десяток голов своих сложили они на фронтах. Но это было в Мотовилихе, которая вся, поголовно, кипела в предчувствии великих битв, чутко насторожилась, как верный часовой глубокой ночью стоит на часах на боевом участке. Он знает, что враги тут, вблизи, он ощущает их всем своим существом и напряженно вперяет глаз в темноту, ловит каждый шорох чутким ухом, напряжены все нервы до предельности. И в это время все отлетело, все потеряло значение, все превратилось в не

стоящее внимания, и осталась одна точка, поглощающая его всего, эта точка — враг и предчувствие скорой, невиданной тысячами битвы. Это в Мотовилихе, сделанной из одного куска, она — рабочая.

6. Мотовилиха — большевистская крепость на Урале по традиции

Мотовилиха и раньше привлекала к себе силы, и после. Был установившийся обычай, что всякий видный работник, приезжающий на Урал, считал необходимым первым долгом побывать в Мотовилихе, отдать честь рабочим Мотовилихи.

Здесь работали когда-то (в 1906 г.) Яков Михайлович Свердлов, Евгений Преображенский¹², Артем¹³, Митрофанов¹⁴ и т.д. При нашей власти приезжали Калинин, Зиновьев, Лашевич¹⁵ и т.д. И все они первый визит, первое выступление делали в Мотовилихе. (Только Троцкий, будучи на Урале, не был в Мотовилихе, но ведь он не был большевиком, да и откуда же быть у него традиции старых большевиков?) Это было большевистской традицией, установившейся с давних нелегальных времен.

И здесь была разительная разница в нравах. Помню, например, приезд Зиновьева. Это уже было тогда, когда Екатеринбург был взят колчаковскими войсками. Приехал в Пермь Зиновьев. Как-никак, а председатель Коминтерна. Один из старейших членов ЦК нашей партии. Приехал в Мотовилиху, и там организовали митинг в стенах завода. И все. Другое дело Пермь. Там устроили пьянку. И устроили ее тогда, когда Мотовилиха, да и все рабочие Перми получали по четверть фунта хлеба. Устроители пьянки сами чувствовали преступный характер этого пира во время чумы. И конспирировали. М. Туркин, как охотник выпить, был приглашен на этот пир, но предупрежден, чтобы он не сказал этого мне: боялись скандала, боялись, что я приду с красногвардейцами и разгону эту пирующую братву.

Узнал я об этом через несколько дней от того же Туркина.

Душой, организатором этого пира был Войков, который недавно перекочевал от меньшевиков к нам и пробивал себе дорогу к чиновным местам¹⁶. Этот пир, как это ни странно, и помог ему в этом деле. Он не обладал никакими данными, чтобы иметь какое-либо влияние в рабочих массах, но обладал всеми данными, чтобы нравиться начальству. И пошел в гору. Хорошо, что его убили белогвардейцы. Это создало ему имя.

Надо сказать, что Войков почему-то боялся и ненавидел меня. Помню собрание ответственных работников в Перми. Высту-

пают Войков и довольно неуклюже угрожает репрессиями Сорокину¹⁷. Я с места заметил: «Ну, по части угроз Вы осторожнее!» Он и без того неловкий говорун, а тут сразу растерялся, спутался и как-то нелепо умолк. Поправлять его пришлось Смильге¹⁸. Вражду он ко мне питал глубокую, а почему — я не знаю. Когда он выехал в Москву и оказался вне пределов моего влияния, он при встречах даже не раскланивался, как он это делал с удивительной почтительностью в Перми.

Одно несомненно. Те приемы, которыми он обладал, чтобы понравиться Зиновьеву и высокому начальству вообще, на меня производили отталкивающее впечатление, а других он не знал. Это был безусловно чужой для пролетарского движения человек. Он чувствовал, вероятно, что я вижу его, и «любил» меня. Это типичный карьерист, чиновник, пролаза. Я же к нему относился очень терпимо: может быть, оботрется и станет лучше выглядеть, пусть работает себе на славу. Но повстречавшись несколько раз в Москве (он был в Северолесе), я увидел, что горбатого могила исправит. И исправила. Памятник себе заработал. Не будь этого покушения на Войкова, он даже в современной насквозь бюрократической ВКП(б) и то не удержался бы, а вылетел при одной из чисток за пьянство и прочие художества, но ни в коем случае не за уклон. От уклонов он был гарантирован.

Надо сказать еще одно слово. Тогда, когда Пермь и Мотовилиха были заняты колчаковскими войсками, удравшие раньше всех бюрократы, приехав в Вятку и, очевидно, желая оправдать свое поспешное бегство, начали строчить в газетах, что в Мотовилихе было восстание¹⁹.

Колчаковские же газеты, желая подбодрить своих солдат, тоже писали, что в Мотовилихе рабочие восстали. В самом деле это сплошная ерунда. Я выехал из Мотовилихи, когда Пермь была уже занята, а в Мотовилихе: на Висиме, Заиве и Вышке были уже колчаковские войска.

Единственное, что было, но это задолго до сдачи: группа инженеров — Темников, Ильин, Иванов, Печонкин²⁰ и др. — портили изготавливаемые орудия при пробе на полигоне, всыпая в жерла орудий песок. Это было. Но это было ликвидировано до занятия Мотовилихи. И честь раскрытия этой «работы» принадлежит беспартийным рабочим полигона.

Когда я догнал так поспешно отступившие штабы, комитеты, исполкомы и т.д., то меня встретили возгласами: «Как? ты жив? А мы тебя похоронили» — «Кого заживо хоронят, тот долго живет», — отшучивался я. И тут же сообщили: «Ведь в Мотовилихе восстание было, а как же ты остался цел?»

Мне много усилий стоило, чтобы доказать, что никакого восстания в Мотовилихе не было. Многие так-таки и остались при своем убеждении, что было так-таки восстание. У них была потребность оправдать свое поспешное, прямо паническое и ничем не оправдываемое бегство. К их числу принадлежал Лашевич, главный виновник сдачи Перми. Окружающие Лашевича спецы вскоре поняли его слабость (любил выпить) и использовали это на все 100%. Пермь была пропита²¹. Зиновьев же, незадолго до сдачи Перми приезжавший сюда, только санкционировал пьянку, приняв в ней деятельное участие.

Об этом как-нибудь в другой раз. Но теперь же надо отметить, что была довольно крепкая, строго конспиративная организация офицеров, которая действовала в направлении, желательном для армии Колчака. Эта же организация хотела увезти Михаила Романова, но ее желание было предупреждено.

Глава II. СУДЬБА МИХАИЛА РЕШАЕТСЯ

7. Тяжелый урок

Это было весной 1918 г. Челябинск находился во власти колчаковских войск. Во власти войск Учредительного Собрания. Войска эти очень сильно нажимали на наши красногвардейские отряды, которые хорошо умели умирать, но плохо сражаться. Фактически всем направлением Екатеринбург—Челябинск командовал Мрачковский²². Рабочий, старый большевик, прошедший школу подполья, тюрем, ссылок. С красногвардейцами, большей частью рабочими, плохо владеющими оружием, и почти при полном отсутствии офицерского состава дрался с хорошо организованной офицерской армией.

Этот период борьбы был периодом борьбы добровольцев с той и другой стороны. И в плен не брали, да и не сдавались: драка была жестокой, беспощадной. Межнациональные войны не знают такого ожесточения.

Особенно жестоко поступали с теми комиссарами, которые почему-то не смогли покончить с собой, и их схватывали живыми. Самая разнuzданная жестокая фантазия заплечных дел мастеров не может придумать ничего более жестокого, чем те пытки, которым подвергали комиссаров. Здесь все было: вырезывание ремней на спине, загоняли под ногти деревянные шпильки, выпускали кишки и приколачивали их к дереву и в то же время, подгоняя раскаленным железом, заставляли бегать вокруг дерева, выматывая их из себя.

И не только комиссаров, но и жен их. В тех местах, где бывала нога белых банд, и если им попадалась семья комиссара, то они ее не расстреливали, нет, а замучивали в пытках.

И не только коммунистов, а достаточно, если им попал мужичок, крестьянин, председатель комитета деревенской бедноты, чтобы ему придумать мучительнейшую из смертей, вроде того, что его зарывали измученного, истерзанного всеми видами пыток и побоев, но еще вполне живого.

Этакое, столь просвещенное и гуманное отношение офицерской падали к населению, к «коммунистам», а ведь в глазах офицерских оболтусов все коммунисты, которые участвовали в отобрании у помещиков и буржуазии земель, лесов, заводов, домов и т.д. Такое отношение помогало населению скоро понять и раскусить эту разнузданную, кровью пропитанную, золотопогонную чернь. И оно формировало партизанские отряды и делало нужное революции дело. Ковало победу революции. Но слишком дорогая была плата за правоучение, за курс политической азбуки.

Один завод за другим переходил в руки колчаковских озверелых орд. Близилась войска к Екатеринбург. Находились недалеко от Верхнего Уфалея²³.

В это время все, что было можно отдать с завода фронту, было отдано, но перелома создать не удавалось.

Как сейчас помню митинг на той самой Вышке. Митинг был большой. Выступал один товарищ из Челябинска, кажется, Лепа. Говорил о терроре. Речь была гладкая, ровная, но Мотовилиха слыхивала всяких ораторов, и ее удивить трудно. И тем более ровеньким лекторским сравнением ужасов террора белого с террором красным. Явно было, что надо публику раскачать, взбудоражить, а у Лепы этого-то как раз и не было. А дело шло о вербовке добровольцев. Мне думалось, что меня Мотовилиха слышала чуть не каждый день, и хотелось угостить новеньким. В запасе были и еще челябинцы. Но еще не кончил говорить т.Лепа, как рабочие стали выражать нетерпение. И тут же на трибуне (часовня) мы посовещались и решили, что надо выступить мне.

Лепа кончил. Я передал председательство и беру слово. Говорил я не хуже, чем раньше, а может быть и лучше, так как воспользовался горячим, свежим материалом, сообщенным челябинцами. Но за все время своей речи я чувствовал, что не могу ухватить за живое рабочую массу. Чувствовал, что какая-то не понятая мной, не узнанная вещь мешала мне схватить за живое. Потом это разъяснилось, но во время речи я чувствовал, что слова мои ударяются и не пробивают броню равнодушия и недоверия, не проникают в душу слушателям. Я тоже говорил о терроре и по-

ставил вопрос так: да, мы расстреливаем и будем расстреливать. Но кого мы расстреливаем? Провокаторов, шпиков, жандармов, офицеров, помещиков, буржуа. А укажите мне хотя бы один случай, где бы мы расстреляли рабочего и крестьянина? Пусть он будет меньшевиком, с.-р.-ом, вы такого случая не укажете. Этого у нас нет. Пусть мы спорим, пусть мы не согласны, но мы, рабочие и крестьяне, не должны брать друг против друга оружия, мы — одна семья труда. Также, я думаю, и наши с.-р. и меньшевики не пойдут воевать против нас за помещиков и буржуа. А я знаю, что многие наши меньшевики и с.-р. умерли с другими красногвардейцами смертью славных бойцов, сражаясь против общего врага — помещиков, буржуазии, попов. Но те с.-р. и меньшевики, которые хотят стрелять в нас, получат достойный ответ. А среди наших рабочих таких меньшевиков и с.-р. не было, нет и, надо думать, — не будет.

Кончил под жидкие хлопки. Не раскачал, не взбудоражил. В чем дело? Что-то есть. А что есть? Это меня удивило.

Митинг кончился. Челябинцы отправляются в Пермь. Идем, перебрасываемся фразами. А из головы моей не выходит холодный душ, которым меня обдали мотовилихинские рабочие. Неужели я теряю у них доверие? Мне это больно. Но я не говорю об этом челябинцам.

Материально я живу хуже, чем любой из рабочих. Они это знают. Не один, так другой подкармливает меня. Живу с ними. Готов в любой момент стать в ряды красногвардейцев и в ряды рабочих завода. Они знают меня. Знают и сами видели, что еще 16-летний я шел на экспроприацию оружия. Видели меня на своих улицах против казаков с оружием в руках. Были свидетелями ареста в 1906 г. И знают, что с этого времени я не был свободен, и только революция открыла мне двери Орловской каторжной тюрьмы. Все это они знают. Они мне верили. Что же случилось? Волнуюсь. Если я не смогу влиять на них, то никто не сможет.

Распроставшись с челябинцами, я иду в Комитет партии. Как только я остался один, подходит ко мне один из старых рабочих, Васильев, с которым мы в 1905-1906 гг. работали вместе на одном верстаке во втором снарядном цеху, где меня и арестовали. Знает он меня. Знаю его и я. Он все еще беспартийный. С.-р.-ствовал, а потом вышел из партии, а к нам не вошел. Теперь он работает в инструментальном цехе.

Подошел. Поздоровался. Вижу что-то бледный и волнуется.

— А ты знаешь, Ильич, что ты неправду говорил?

— Какую неправду? Я говорил и говорю только правду.

— Да я тоже думал, что ты правду говоришь, а теперь знаю, что нет.

— Откуда ты знаешь?

— Да знаю.

— Ну и скажи.

— Ты говорил, что советская власть не расстреливает рабочих, если бы они были меньшевиками и с.-р.-ами.

— Да, говорил. Ну и что же? Разве это неправда?

— Нет, неправда. А где такой-то, где такой-то? — и называет несколько имен меньшевиков и с.-р.-ов.

Я задумался. В самом деле, что-то их не вижу. И спрашиваю:

— Где же они?

— А ты что, не знаешь, что ли?

— Не знаю.

— Ну, брось. Кто тебе поверит, чтобы ты, да не знал!

— Честное слово, не знаю.

— Расстреляны.

— Не может быть.

— А вот и может.

— Я узнаю. А если это неправда?

— Неправда? Расстреляй меня, если это неправда.

Попроцались. Думаю: вот оно что! Он прав, как и все рабочие правы, обдав меня душем холода. Я плох ли, хорош ли, но я — руководитель мотовилихинской организации, и вот я не знаю, кто и когда расстрелял рабочих меньшевиков и с.-р. Очень все это странно. За моей спиной, прикрываясь моим авторитетом, расстреливают рабочих тайно от меня. Не только рабочие мне не верят, но я и сам не верю, что это так. Надо узнать, обязательно узнать и как можно скорее. Но разве сегодняшний прием рабочих на митинге не говорит ничего? Ведь они все знают, что это так, а я не знаю. Ну и положение!

8. Рассказ Борчанинова

Сидим мы в Исполкоме Мотовилихи, вернее, в моей комнате и разговариваем на всяческие злобы дня. Мы двое: я и Борчанинов.

После того, как т. Борчанинова задержали красногвардейцы пьяным, ему нельзя было оставаться председателем Совета. Это все понимали. Понял и он. И он стал собирать добровольческий отряд мотовилихинцев, чтобы идти с ним на Дутова:

— Дратся поеду. Подальше от интриг. Ведь это Сорокин меня подвел. Мы с ним вместе пьянствовали. Он ушел раньше меня всего на пятнадцать минут, и все это устроил. Ну, да чорт с ним!

— А ты меня, признаться, удивил, когда сообщил, что Михаил Романов в Перми.

— А ты не знал, что ли?

— Уверяю тебя — нет.

— Ну, как это могло быть?

— Да вот так, не знал, да и все. Не странно ли, правда?

— Не думаешь ли ты, что от тебя конспирировали?

— А ведь похоже.

— Да, если правда, что ты не знал, то действительно похоже.

— А почему это?

— Трудно сказать. Я тебе не говорил потому, что думал, что ты все знаешь. Может быть, и другие то же самое.

— Сдается, что нет. Тебе-то я верю, а вот насчет других, это чересчур кажется сомнительно. Не нравится мне это.

— А это все исходит от Сорокина и Лукояновых*. Дрянные интриганы! А тебя они боятся.

— Ну странно, бояться, а не говорят. Если бы боялись, то сказали.

— То-то и есть, что наоборот. Что они боятся тебя — это я знаю наверняка, а вот не говорили потому, что, по их мнению, ты все можешь сделать, если захочешь.

— Что это «все»?

— Я говорю о Михаиле.

— Так выходит, что они охраняют его от меня?

— Похоже.

— Ну, этого еще не доставало.

— Не доставало, так получи!

— Все это как-то не по-нашему, не по-большевистски, не товарищески.

— Да где же им товарищами-то быть? Без года неделю в партии, интеллигентности, и ты хочешь, чтобы они сразу большевиками стали?

— Да не хочу, а на какой же чорт они нужны нам, если они не большевики.

— Может быть, будут. Ловко они меня подвели? Сами устроили пьянку, вместе пили, а потом вперед нас с Шумаевым ушли, и красногвардейцев навстречу послали. Чем это не большевизм?

— Ну, а ты тоже хорош: дорвался и нализался.

— Да, грешен. Слабоват я на это место. А это их не делает все же честными партнерами, большевиками. Я пью, но я большевик. А они и пьяницы, и не большевики. А Федор Лукоянов*²⁴ еще и кокаинист. Вот и боятся тебя. Они чувствуют зависимость от тебя, а им хочется быть большим начальством.

- А ты знаешь, что они расправиться с тобой хотели?
- А что я слепой и глупый? Теперь-то знаю, а не знал, когда шел пьянствовать. А как ты узнал?
- Вовремя приехал! Ну, довольно об этом. А вот скажи-ка, когда привезли Михаила?
- Привезли его в начале декабря, кажется²⁵.
- Одного?
- Нет, двенадцать человек охраны старого времени, его личной охраны во флотской одежде. Жандармский полковник Знамеровский с женой и какая-то еще баба, должно быть, Михаила, но не жена его. А затем личный секретарь, английский лорд Джонсон²⁶.
- Ну? Привезли, и вы что с ними сделали?
- Посадили в губернскую тюрьму. Но вскоре стали получать из центра за подписью Свердлова и Ленина телеграммы, предписывающие освободить их²⁷.
- А вы как?
- Мы? Мы освободили и установили надзор ЧК.
- А где же он поселился?
- В Королевских номерах²⁸.
- Все там?
- Все, конечно. Только полковника Знамеровского мы вскоре опять посадили.
- Почему?
- Да ведь он жандармский полковник.
- А не странно ли, жандармского полковника посадили, а Михаил на свободе. Тот, кому этот жандарм служит верой и правдой. Какая-то убогая политика.
- Да ведь насчет Михаила есть прямые предписания, а насчет Знамеровского нет. Как ты этого не понимаешь?
- Только в этом и дело?

9. Приказы Ленина и Свердлова в защиту Михаила

Я узнал, что Ленин и Свердлов действительно дали телеграфное распоряжение освободить Михаила. Больше того, через некоторое время я узнаю, что в Перми получено предписание за подписями Ленина и Свердлова снять надзор ЧК за Михаилом. Никакого сопротивления, самого слабого протеста наши местные власти не проявили. Сняли надзор ЧК и установили надзор милиции.

Через несколько недель новое предписание Ленина и Свердлова: освободить Михаила из-под надзора милиции и не рассматривать Михаила как контрреволюционера.

А потом и еще: разрешить Михаилу выехать за город на дачу без всякой охраны²⁹.

Наряду с этой ошеломившей меня информацией, я узнаю, что в Перми ведется усиленная агитация и пропаганда, изображающая Михаила, как благодетеля, который дал народу свободу, а с ним поступают варварски, арестуют, сажают в тюрьму, устанавливают надзор ЧК, устанавливают надзор милиции, — словом, поступают как с мелким политическим пройдохой.

Это дело рук кадетов, думаю я.

А кроме этого, я узнал, что есть какая-то организация офицеров, желающая освободить Михаила из-под большевистского ига.

10. Умный офицер

А узнал я это так. Был между другими офицерами арестован один мотовилихинец, Темников³⁰, если не ошибаюсь. Рассказывали мне, что отличался он от других большой начитанностью, толковостью и знанием. Что среди офицеров было прямо чудо. Выглядел он среди них, как белая ворона. И будучи в очень малых чинах, пользовался громадным авторитетом среди них. Он походил на жоака. Все это мне рассказали. Участь их была уже решена — их решили расстрелять.

У меня явилась мысль повидаться с этим офицером. Я сказал, чтобы его привели ко мне. Из Пермской Губчека приводят ко мне человека повыше среднего роста, с продолговатым лицом, серые с голубизной глаза светились умом и решимостью. Крепко сжатые губы казались более тонкими, чем они были на самом деле. Рот был не широк. Подбородок крепкий, не мясистый. Нос прямой с горбинкой, чуть-чуть заметной. Шея и голова крепко вставлены в плечи. Светлый шатен. Был он в штатском, но бросалась в глаза его военная выправка. Ему было не больше 30 лет. Мне сказали, что это тот офицер и есть.

Я попросил всех, в том числе и секретаря Туркина, выйти и пригласил его сесть. И вышло так, что первый вопрос задал не я, а он:

— Вы будете председатель Совета Мясников?

— Да, это я.

— Я о вас много слышал. Но совсем не представлял вас таким.

— Что же вы слышали, если это не секрет?

— Какой же секрет? Слышал, что вы старый большевик, умный и очень опасный агитатор и другое.

— А что же это «другое»?

— Что вы, как член Центрального Исполнительного Комитета и как человек, пользующийся исключительным влиянием среди рабочих, держите в своих руках судьбы губернии.

— Это преувеличение. Мне и в голову никогда не приходило использовать свое звание члена Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета³¹. А влияние имею не я, а наша организация. Ну, продолжайте.

— И еще — что вы старый друг председателя ВЦИК Свердлова.

— Да, но что же еще?

— Да и многое другое.

— А откуда вы все это знаете?

— Слухом земля полнится.

— Почему моя персона вас заинтересовала?

— Да просто так.

— Ну, все-таки. Вы знаете, например, что-нибудь о председателе Губернского исполнительного комитета, Сорокине? Знаете его биографию так же, как мою?

— Нет, не знаю.

— Это уже интересно. Но это оставим. Меня интересует другое: ваша биография. Я тоже кое-что слышал о вас.

— А что же именно?

— Я предлагаю вам рассказать свою биографию так же, как мою. Надеюсь, что вы ее знаете немного лучше, чем мою.

Рот подернулся мало заметной улыбкой, а глаза блеснули тревожным упрямством, и он ответил:

— Я думаю, что моя биография для вас малоинтересна.

Я подумал: как он держится свободно, чувствует себя, как в гостях, а ведь знает, что его ждет пуля, что он приговорен. Без убежденности в своей правоте этого быть не может. Я предлагаю ему папироску и спрашиваю:

— А что вы читали по общественным вопросам?

— Я читал много. По истории русской С.Соловьева, от корки до корки, а по философии Владимира Соловьева. Их больше всех ценю. Из беллетристики больше всего люблю Достоевского.

— А Покровского, Ключевского, Платонова и Милюкова?

— Читал отрывки, и их достаточно, чтобы не читать их.

— А Толстой, Горький и Чехов?

— Толстого читал и не люблю, а Горького не читал и не собираюсь, если не считать его пьесы «На дне». Чехова читал.

— Ну, разумеется, ничего не читали по философии ни Богданова, ни Плеханова, ни Ленина?

— О Богданове я даже никогда и не слышал, а Плеханов и Ленин? Ну разве они писали что-нибудь по вопросам философии?

— Да, писали, и немало. Особенно Плеханов и Богданов.

— Признаться, не знаю.

Разговариваю я с ним, а мозг сверлит одна мысль: не может быть, чтобы он не знал, что Михаил Романов в Перми, и каково же его отношение?

— А вот ближе к нашей живой жизни. Как вы смотрите на вопрос о форме правления в России?

— Мои симпатии на стороне конституционной монархии, я стою на позиции декабристов.

— Но не все же декабристы стояли за конституционную монархию?

— Да, но я на стороне тех, кто были за нее.

Думаю: запоздалый декабрист хуже мартовцев. И решаю: кадет. А потом и спрашиваю:

— Кто же, по-вашему, должен быть монархом?

— Это уже известно: Михаил Александрович.

— А почему не Николай Александрович?

— Да потому, что он оказался от престола и еще потому, что его связь с Распутиным погубила его в глазах всего русского народа, и потому, что он не умный.

— Ну, а фабрики, земли, леса кому должны принадлежать?

— Как в земле русской должен быть хозяин, так хозяин должен быть на фабрике и в поместье.

— Значит, все по-старому?

— Нет, все по-новому. Надо переменить хозяина русской земли, чтобы он управлял умно и в согласии с народом, а от этого все пойдет по-другому.

— Вы думаете, что Михаил Александрович — единственный, кто может дать устройство всей русской земле?

— Да, и не только русской, но и всему славянству.

— Конкретно?

— Польше, Чехии, Болгарии, Сербии и т.д.

— И это должно быть объединено в единое государство под управлением Михаила II?

— Да.

— Значит, вы счастливы, что видите здесь в Перми своего верховного вождя?

— О, нет. Я был бы счастлив, если бы он находился совсем, совсем в другом месте.

— Например?

— Во главе своих войск.

Сказал он это и пристально глядит мне в глаза. Я его понял. Он тревожится: не выдает ли что? Он настороже. Во главе своих войск можно было бы понять: 1. во главе войск, которые дерутся теперь против немцев, и 2. во главе войск, которые дерутся против нас.

Я его понял хорошо.

— Да, я знаю, что вы работали над освобождением Михаила II из большевистского плена.

Молчит.

— Скажите, часто вы виделись со Знамеровским?

— Не очень.

— Сколько раз и где?

— Вы хотите из меня предателя сделать? Этого я вам не скажу.

— Какого предателя? Разве есть что предавать? И что же проще простого, как один офицер видит другого?

Молчит и волнуется.

Я чувствую, что я наступил на мозоль. Вижу, что у него два мнения: первое — я знаю, что он член организации, поставившей себе целью освободить Михаила, и второе — что я ничего не знал, и он мне дал ключ, указал на наличие этой организации. Он не боится ответственности за свои действия перед каким угодно судом, но боится, что он невольно дал мне понять, что организация была, т.е. выдал тайну существования организации, самый факт существования которой может отразиться на судьбе Михаила.

Я чувствовал также, что разговор вести дальше нельзя, он уже чувствует во мне следователя.

Помолчав недолго, он спрашивает:

— А скажите, пожалуйста, почему вы вызвали меня к себе?

— Да просто, поговорить...

— А почему меня именно?

— А потому что я слышал, что вы умнее других и проч.

— А чего это «прочее»?

— Знаете дела своей организации лучше других.

— Что я могу проболтаться?

— Ну, на это я не рассчитывал особенно.

— Знали вы о существовании организации до моего разговора с вами?

— Да, знал, — покрывив душой, ответил я и спрашиваю. — А если бы я вам дал слово, что разговор останется между нами и

только между нами, вы рассказали бы мне об организации что-нибудь?

— Нет.

— А если бы в прибавку к этому я освободил бы вас сейчас же отсюда, вы сказали бы что-нибудь?

— Нет.

— Думаю, что нам надо разговор прекратить. Вы поедете обратно в Губчека.

11. Михаила надо убить, думаю я

Разговор с этим офицером убедил меня: 1-е — есть организация офицеров в Перми, поставившая себе целью выкрасть Михаила; 2-е — что Михаил связан с ней и 3-е — что какая-то рука через Свердлова и Ленина облегчает им работу в этом направлении.

Я решил никому и ничего не говорить ни о моих сведениях, полученных через офицера, ни о сообщениях об агитации в Перми. Ни тем более о моих чувствах и мыслях, порожденных всем этим. Я думал, что если прав Борчанинов, что Сорокины и Лукояновы боятся меня, а в то же время конспирируют от меня, так пусть же думают, что они хранят тайну, и я ничего не знаю.

Для меня же было ясно, что начатая гражданская война Колчаками, Алексеевыми, Красновыми, Дутовыми, Каледиными — ищет знамени. Ни один из генералов знаменем быть не может, каждый из них считает себя равновеликим и между ними неизбежны грызня и взаимные интриги. Ни одно из генеральских имен не может стать программой всей контрреволюции, начиная от меньшевиков-активистов и правых с.-р.-ов и кончая монархистами. Не может быть этим знаменем и Николай II со своей распутинской семейкой. Он как глупый, тупой тиран не пользуется нигде никаким уважением. Выдвинуть Николая II — это значит внести даже в среду генералов и офицеров раскол, не говоря уже о крестьянских массах и кадетско-меньшевистско-с.-р.-кой интеллигенции. Его имя не мобилизует силы контрреволюции, а дезорганизует их. Он политически мертв.

Другое дело Михаил II. Он, изволите ли видеть, отказался от власти до Учредительного Собрания. Керенский от имени партии с.-р.-ов пожимал ему руку, называя его первым гражданином Российского государства, т.е. прочил в несменяемые президенты. Со стороны меньшевиков была бы самая лойяльнейшая оппозиция. Даже анархисты типа Кропоткина и те поддержали бы эту формулу перехода. Монархисты и кадеты были бы ползающими на брюхе, готовыми на все рабами.

Для иностранной буржуазии, обеспокоенной революционным движением в собственных странах, совсем не безразлично, кого поддержать в борьбе с советской властью. Поддержать Николая II, кредит которого даже в буржуазных кругах очень не высок, это значит придти в острое столкновение с революционными силами в собственных странах, поднимая в них еще большее революционное нетерпение и недовольство. Поддержать того или иного генерала или группу их. Или поддержать Михаила II, который доведет страну до Учредительного Собрания, волю которого он признал для себя законом.

Поддерживая Михаила II, буржуазия всех стран могла бы делать вид, что она поддерживает нечто от революции, а не от контрреволюции, а это значит, что она могла спокойнее, без опасности со стороны пролетариата мобилизовать большие материальные и человеческие ресурсы, чтобы бросить их на помощь русской контрреволюции. А Каутские всех стран обосновали бы это теоретически.

Михаил II может стать знаменем, программой для всех контрреволюционных сил. Его имя сплотит все силы, мобилизует эти силы, подчиняя своему авторитету всех генералов, соперничающих между собой. Фирма Михаила II с его отказом от власти до Учредительного Собрания очень удобна как для внутренней, так и для внешней контрреволюции. Она может мобилизовать такие силы, которых никакая генеральская фирма и фирма Николая II мобилизовать не сможет. Она удесятерит силы контрреволюции.

А это означает, что вековая тяжба между угнетенным трудом и поработителями, получившая свое завершение в Октябрьской революции, вновь даст победу поработителям. Через реки и моря крови рабочих и крестьян, через горы трупов придет к торжеству эксплуататорская шайка поработителей. И помимо той драгоценной крови трудящихся масс, которая была пролита до Октября, помимо той крови, которая льется в защиту Октября, будет пролита еще и еще кровь десятков тысяч тружеников и на костях и крови пролетариата утвердится невиданно кровавая, невиданно жестокая, самая мрачная из мрачных реакций.

Земля, фабрики, заводы, транспорт — словом, все средства производства и распределения вновь перейдут в руки помещиков и буржуазии.

Буржуазия всего мира вкупе и влюбле с буржуазией русской справит победную тризну. При этом русская буржуазия будет играть роль прикащика мировой буржуазии, как китайская, или индейская. А пролетариат и крестьянство, помимо эксплуатации своей буржуазией, понесет бремя эксплуатации мировой буржуа-

зии, являясь колониальным рабом ее. И понадобятся десятки лет тяжелой, мучительной борьбы пролетариата и крестьянства, чтобы вновь поставить в порядок дня вопрос о пролетарской революции. Вновь двинуться в бой и вновь нести неисчислимые жертвы за новый Октябрь и за защиту его.

Нет, так нельзя оставить. Если даже при всей мобилизации всех контрреволюционных сил как внутри, так и вне, фирмой Михаила II будет достигнуто только удлинение, затяжка гражданской войны, и мы устоим, то даже и в этом случае это будет стоить десятков тысяч рабоче-крестьянских жизней. Я имею случай снять голову контрреволюции. Лишить контрреволюцию знамени, программы и тем самым уберечь тысячи рабоче-крестьянских жизней.

Ведь что такое Михаил? Очень глупый субъект. Одеть его в блузу рабочего, запретить называться Михаилом Романовым, заставить работать, ну, хотя молотобойцем, и он будет выглядеть не очень развитым, недалеким рабочим. А вот поди же ты! Получилась такая расстановка борющихся сил, что этого недалекого человека выдвигают на роль вершителя судеб величайшей страны, и из него может получиться впоследствии некое божеское воплощение на земле. Значит, дело не в Михаиле, а в расстановке борющихся сил, сил борющихся классов. В Михаиле старый мир имеет знамя, программу, имеет орудие для более успешного отстаивания позиций разрушенных Октябрем классов. Он как будто бы остался в стороне и не несет ответственности за все преступления романовской шайки и получил некоторое миропомазание от революции в лице партии Керенского, которая когда-то считала царубийство, истребление всего рода Романовых сильнейшим из средств в борьбе за идеалы партии. При этом Учредительное Собрание, которое в течение десятков лет служило знаменем мобилизации революционных сил в борьбе с самодержавием, как бы волею самой революции признанное стать вершителем судеб всей страны, признано и Михаилом, который своим отречением до Учредительного Собрания признал глас народа за глас божий, надеясь, что этот глас божий будет и его гласом, сделает его помазанником божим. Стало быть, дело не в физической личности Михаила, а в фокусе социальных классовых сил, которым является Михаил.

Но что значат эти предписания Ленина и Свердлова? Ну, допустим, что Ленин может поддаться чуждому влиянию. Допустим. Знаю я его мало. Несколько коротких разговоров и все. Но Михалыч. Его я знаю и знаю, как редко кто знает. И знаю, что повлиять на него, зайти к нему с заднего крылечка по кумовству и знакомству и ввинтить ему чуждые нашему пониманию задач мысли — это очень трудно. Остается одно: в целях избежания излиш-

него обострения отношения с буржуазными странами, они делают эти либеральные жесты. Но тогда как быть? Ведь им там виднее, что нужно делать? Они в непосредственном соприкосновении с этим миром, перед которым они вынуждены либеральничать? Не беру ли я на себя слишком много ответственности? Не ухудшу ли этим наше положение, положение Советской власти, возраст которой далек от возраста Мафусаила!?

Ну, тогда это надо сделать так, чтобы и голову контрреволюции снять и Советскую власть оставить в стороне. Если будет нужно в угоду контрреволюции, в угоду буржуазии Запада, в целях избежания столкновений найти виновника, ответственного за этот акт, то я предстану перед судом и возьму на себя всю ответственность и скажу, почему и как я это сделал. Это единственный путь.

12. От Михаила I к Михаилу последнему

А странно все-таки: Иван Сусанин. Крестьянин. Спасает Михаила Романова, Михаила I. А я, рабочий, изгой, смерд, закуп, тоже сын крестьянина, уничтожаю Михаила II и последнего.

Начало и конец, альфа и омега: Михаил. /.../

14. Большие размышления о маленьком деле

Время, которое у меня оставалось от работы в Исполкоме, в Комитете Партии, чтения рефератов, докладов, дискуссий и т.д. и т.п., этого времени было очень мало даже для сна, но разговор с рабочим Васильевым и разговор с Борчаниновым не давали мне покоя. И вместо того, чтобы спать, я ворочался на койке, а то просто не ложился, а присаживался к окну комнаты, что выходит во двор, и, не зажигая огня, думал. С одной стороны, последыш романовской шайки, 300 лет властвовавшей над трудовой Россией, залившей ее кровью, мучавшей ее муками нестерпимыми, и стóбит только вспомнить дикую жестокость, с которой расправлялась эта шайка с крестьянскими восстаниями Степана Разина и Емельяна Пугачева, чтобы понять, что трон этой шайки на костях и из костей трудовых масс воздвигнут, а цементом служила сгустившаяся кровь многих поколений трудящихся масс. А сколько было местных, безымянных восстаний доведенных до отчаяния свирепой эксплуатацией тружеников! А в это время звонили в колокола, кричали муллы и звали молиться за «благочестивейшего, самодержавнейшего великого государя нашего» и горланили ему многия лета! А те же попы раздавленных, замученных, утопленных в собственной крови тружеников в тех же церквах проклинали. Им мало того, что эти благочестивейшие и короно-

ванные убийцы и палачи пытали Степана и Емельяна и всех с ними бывших, мало того, что они подвергли их таким пыткам и такой казни, сотой доли мук перенесенных ими было бы вполне достаточно, чтобы исторгнуть из груди любого из Романовых любое из признаний, замучив их казнями и муками, которые были не меньше, чем крестные муки распятого на кресте мифического Иисуса, и под сенью этого креста воздвигалось лобное место для Степана и Емельяна, полюбивших измученный, страдающий народ больше жизни, этого для рясофорных и коронованных палачей мало, они еще лютуют и неистовствуют и просят бога своего к их земным мукам прибавить еще от себя мук небесных, мук ада. И вот этот последыш из коронованных убийц, ему, видите ли, в тюрьме никак нельзя сидеть: такая ведь это мука! Нет, ему надо жить на свободе и без унижительного и стеснительного надзора ЧК. Ведь он же член этой коронованной шайки! Кроме того, он не может жить в городской пыли и духоте. Он на дачу хочет. Ну, а как же можно ему отказать? Ведь он же глава романовской шайки!

Разрешили...

А рядом без шума и гама, тихонечко, без разговоров и без лишних слов расстреливают рабочих за то, что они меньшевики, за то, что они с.-р.-ы.

У них нет ходов в передние Свердловла и Ленина, и даже очевидно не успели пикнуть, чтобы я, тут на месте находящийся, услышал этот жалобный стон убиваемых пролетариев.

Конспирируют от меня, когда расстреливают рабочих. Конспирируют и тогда, когда создают привольную жизнь коронованному убийце...

Что делать? С кем поговорить? На что решиться?

Явное и очевидное преступление против революции неустанно и настойчиво куется чьими-то таинственными руками.

Этот вихляющийся, жидконогий, весь изломавшийся от упоения своей властью председатель Губчека Лукоянов Федор, интеллигентик; явное дело, что бьет на то, чтобы казаться страшным и жестоким, хочет грозой быть и головоотяпит. Он именно тот, о которых Ленин позже сказал, что к нам, победившим, примазывается всякая сволочь.

Недавний молодой меньшевик и без году неделю большевик.

Но что же делать? Ведь даже поговорить не с кем.

Борчанинов? Нет. Приказ свыше для него — всё, это материал неподходящий. Туркин? Выпивает. Не годится. Он хорош трезвый. Молчать где нужно умеет, но пойдет ли он против приказов, если будет нужно? А ведь если есть хотя бы самое малое сомнение, то лучше отбросить. Надо думать одному и делать одному.

Но как делать? Если пойду в «Королевские номера» и просто пристрелю Михаила, то?..

Кто поверит, что я, член Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, действовал самостоятельно, без предварительного обсуждения с верхами? Не поверят. Будут шуметь, кричать, и вместо того, чтобы убрать эту падаль с дороги революции, может получиться, что труп Михаила будет превращен в баррикаду мировой буржуазии. Баррикаду контрреволюции. А после моего выстрела будут продолжать расстреливать рабочих. В этом вопросе — что делать? Как выпрямить линию?

Если нельзя ничего сделать с тем безвозвратным, то надо, непременно надо что-то сделать, чтобы этого не было в будущем...

А этот офицер спохватился, чорт, и замолк. Насторожился. Почувствовал, что он мне выболтал кое-что. Но я ведь чувствую, что он молчит, потому что есть, что говорить.

Где и когда он замолчал? В каком пункте? Совсем не тогда, когда рассказывал о своих убеждениях, а когда этот рассказ привел к пункту о Михаиле. Принципиально он выразил к нему свое отношение, считая его единственным, кто спасет Россию. Он — царь. Но после того, как он сказал, что знает Знамеровского и виделся с ним... Да, да, именно после этого он замолчал. Значит, он скрывает тайну свидания. Скрывает и участников.

Что же это за тайна? Несомненно о Михаиле. Есть две возможности: 1-я — затевается восстание, которое возглавится Михаилом, и 2-е — побег Михаила.

Восстание? Правда, агитация ведется. Ведется настойчиво. Вспоминается. Приходят ко мне женщины и мужчины о разговорах в очередях, в вагонах, на улицах, и все сообщения бьют в одну точку: Михаил. Он облагодетельствовал Россию, дал народу свободу, а с ним вот как поступили. Несправедливо. Вот такого царя бы нам! То был бы порядок, спокойствие и свобода!

Но восстания не могут поднять: опоры нет. Но, впрочем, кто знает? Ведь не всегда восстания делаются с расчетом на всю сто процентную победу. Может быть, восстание имеет целью поднять суматоху, воспользовавшись которой Михаила спровадят к Колчаку³²?

Значит, все-таки я прихожу к тому, что хотят украсть Михаила?

А что если нет агитации (как организованного воздействия на умы, исходящего из одной точки), а есть просто базарная болтовня? И что если этот офицер просто взболтнул, желая похвастаться своим знакомством знатным? Ведь бывает же такое? Поче-

му бы не быть и тут? Нет, нет. Этого быть не может. Молодой он, это правда. Но он серьезный и играть в знатность в таком деле не будет. Ведь он рискует не только собой, а рискует всем своим делом. Нет. Он неосторожно взболтнул, а потому замолчал, спохватился. Это ясно.

Агитация? Но ведь у меня нет никакого организованного разведывательного аппарата. А все эти рабочие и работницы приходят добровольно и рассказывают. И при этом все говорят о разных местах, и все рассказывают одно и то же. Это не случайно.

Но странно, что ЧК не знает ни об агитации, ни о заговорщической офицерской группе. Говорить ли им об этом? Какой толк? /.../

16. Убивать ли?

Но как же быть и что делать? Работал, работал и дошел до точки: когда надо делать одно небольшое дело, то и посоветоваться, обменяться мыслями не с кем. На что решиться? Не махнуть ли рукой на все и делать все так, как того желают Ленин и Свердлов? Вот, тянет меня Свердлов в центр работать и уйти. Преуспеть в делах карьеры нетрудно при том окружении, которое имеется у них там: мало, совсем мало верных и умных людей, все какая-то политическая шпана, и откуда она понаперла? Но неужели из-за удобной, приятной жизни для себя я ушел в революцию? Зачем же было ходить с опасностью для жизни на экспроприацию оружия? Зачем участвовать в вооруженном восстании? Зачем сидеть с 1906 по 1917 год в тюрьмах, в каторге? бегать? и вновь садиться? и вновь бегать? Зачем переносить пытки, побои? Неужели все это для карьеры? Нет, это не для меня. Это ерунда и чепуха, и можно подумать, что кто-то мне внушает эти мысли, настолько они не мои, чужие. Махать рукой, когда надо действовать? Это никуда не годится. Это называется бежать с поля битвы прежде какой бы то ни было драки.

Поднять шум против ЧК из-за расстрела рабочих? Ну, убьют Лукоянова, допустим даже, что из партии вылетит, ну, а дальше что? Шумом воспользуется котрреволюция и наговорит такого, что вообразить трудно. Нет, кроме вреда от этого шума ничего не получится. Пусть выхлется Лукоянов, пусть хочет казаться страшным, но пусть он все это делает по известному направлению: надо дать ему это направление, толкнуть его в нужную сторону, и он покатится, да и довольнешенек будет: вот, мол, как мы, знай наших! Не пойти ли мне работать, хотя бы ненадолго, в ЧК? Ведь вот и с офицером, и с агитацией, и с Михаилом, все будет лучше видно. Пойду и проверю все свои сведения, впечатления,

и первый вопрос должен поставить о рабочих. Надо круто повернуть линию: весь огонь мести и жажду борьбы надо круто направить на буржуазию, помещиков, всех слуг старого режима — чем правее направление, тем круче расправа, чем левее и чем больше соприкасается это с рабочими и крестьянскими массами, тем мягче отношение: с рабочими и крестьянами — минимум принуждений и максимум убеждений³³.

А с Михаилом? Ведь мне нельзя будет тогда его убрать. Ведь я буду в ЧК и мой выстрел будет выстрелом местной власти, а Михаил состоит в непосредственном распоряжении центра, значит, мой выстрел будет истолкован, как выстрел советской власти. И это тем более будет вероятно, что я одновременно и член ВЦИКа. Как ни говори, а член Центрального Правительства (до 1923 года между съездами советов высшим центральным органом власти был Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, как с 1923 года — Союзный Центральный Исполнительный Комитет. ВЦИК насчитывал всего 200 членов, со включением представителей всех автономных республик, и в это время ВЦИК был не сессионным, а постоянно действующим органом, так что формально я принимал участие в работах ВЦИКа).

Выходит, что мне мешает ВЦИКовский значок? Этого еще недоставало! Надо и это как-то обойти. А как? В этом и гвоздь — как?

Но если мне удастся как-то обойти мой ВЦИКовский значок, то значит я сумею обойти и мое пребывание в ЧК. Это еще легче.

Совсем было бы легко, если бы я не был членом ВЦИКа: пошел бы и пристрелил. А тут вот ломай голову, ходи около этой падали, как кот около горячей каши.

Собственно говоря, линия «стреляй направо» это есть выстрел в Михаила. Ведь нельзя же заниматься ловлей мелкой шпанки, а столпы реакции и контрреволюции обходить, боязливо и почтительно поглядывая на них.

Если моя линия: чем правее направление, тем круче расправа, — верна, то, продолжая эту линию до конца, надо начинать с Михаила как центра контрреволюционных сил. Что может быть правее монарха? Все остальное — это служебное и подчиненное. Что значат все эти мелкие истязатели, палачи, шпики, провокаторы, жандармы, полицейские? Все это мелкие или крупные слуги одной шайки, а главой этой шайки является, хочет он того или нет — Михаил.

Мы, не разговаривая, убиваем малых и больших провокаторов, но почему мы почтительно сторонимся перед главой этих провокаторов? /.../ Что за половинчатая и гнилая политика? «Ру-

би столбы, а заборы сами повалятся», — говорил Емельян Пугачев. И он был прав. Это верная политика. Бей по головам контрреволюции, а руки и ноги сами перестанут действовать.

Совсем немного доблести, смелости и предприимчивости надо, чтобы схватить мелкого провокатора, шпика, жандарма и пристрелить его. Что толку? А пристрели столько, сколько мы пристрелили провокаторов, из членов дома Романовых, толк будет, и большой: уничтожишь иконы, которым молятся и служат эти провокаторы и жандармы. Это не значит, что провокаторов, жандармов и шпииков надо щадить, их надо уничтожать, надо проветрить комнату от 300-летней нечисти, надо перебить всех клопов, вшей, блох и прочих паразитов, но надо бить не щадя ни одного из этих паразитов, и чем жирнее он, чем знатнее, тем скорее кончать с ним.

Я уверен, что и там в ЦК присоединятся к этой линии. И согласятся с моей точкой зрения. Но почему они делают обратное?

Почему бы не издать постановления или секретного циркуляра, отменяющего смертную казнь для рабочих и крестьян всех политических направлений? Почему бы не оградить от головотяпства Лукояновых пролетариев и крестьян? Ну, если в настоящий момент, момент обостренной гражданской войны, нельзя отменить смертную казнь для рабочих и крестьян, то почему хотя бы не оградить их от головотяпских убийств Лукояновыми? Почему бы не издать постановления о воспрещении смертной казни для рабочих и крестьян вне главного суда: Революционного Трибунала? А вот возьми ты! Нашли время для ограждения жизни главы шайки убийц и провокаторов, Михаила. А не удосужились издать маленького постановления, воспрещающего казнить тружеников. Это очень странно. Туда ли мы идем?

Но, может быть, просто за множеством дел случайно накренились не на ту сторону? Яснее ясного, что никакой любви к Михаилу ни Свердлов, ни Ленин не питают. Но они могут не знать, что делается в ЦК, как я не знал о расстреле рабочих. Но в том-то и дело, что они не почувствовали опасность для пролетарской революции, пристокающую из такого отношения к Михаилу, не заинтересовались вопросом жизни и смерти рабочих. /.../

Пусть я понимаю задачи рабочей революции не так, как Ленин и Свердлов, но я должен руководствоваться в своих действиях своим пониманием. А я считаю, что пролетарская революция совершилась и совершается совсем не для того, чтобы расстреливать рабочих и крестьян за их разномыслие с партией, стоящей у власти, за их разномыслие со мной, членом этой партии. И против этого я должен и буду бороться до конца.

17. А что если бежать?

/.../ Надо решать, а я толкусь все на одном и том же месте и без надежды пролить нужный свет. Не сказывается ли на мне мое длительное одиночное заключение с неизбежным самоанализом и, может быть, ненужными длинными размышлениями? Или убить человека — это не так-то легко? И хочется иметь все основания, абсолютную уверенность в своей правоте? А может быть, и то и другое? Подумать только: я — каторжник, присланный в Орел как неисправимый бунтовщик, усердно исправляемый, а теперь вот решаю: жить или не жить Михаилу II?..

Любопытно, что Михаила называет его окружение, когда они одни, «его императорским величеством». Вот пакость! Если ведется агитация, изображающая его, как спасителя рода человеческого, как милостивца, давшего народу свободу, то как он сам думает на этот счет? Ведь если это исходит от него самого, то он думает о себе, как о благодетеле народном. Неужели он такой глупый? Как бы это узнать? Скажет ли он это, если бы я его спросил? Нет, если бы он даже вел эту линию, то настолько-то он умен, чтобы понять не опасность, нет, он уверен, что он огражден этими телеграфными приказами больше, чем своей охраной, а бояться глупости. Можно играть роль кого угодно ради политики, но нельзя же эти мифы выдавать за правду и говорить человеку, который понимает природу явлений. А все-таки я пойду в ЧК и вызову его к себе, как заведующий отделом контрреволюции, и задам ему этот вопрос. Любопытно, что он ответит?

Вот этот еще лорд английский, Джонсон. Кто это? Что за птица? Ведь из-за него, пожалуй, больше будет шума, чем из-за Михаила. Если он подданный английский и действительно лорд, то, придравшись к этому, буржуазия будет мстить за Михаила и мстить не мне, а Советской власти. И кто знает, чем это угрожает? Не прольются ли реки крови? Не прибавится ли страданий и муки, не достигну ли я прямо противоположных результатов? Хорошо, если все выйдет гладко, а если нет? Да ведь и то сказать, что этот лорд совсем тут ненужная жертва, он ведь ни в какой мере не причастен к преступлению романовской шайки. Нельзя ли избежать лишнего шума, треска, гама, а главное — ненужных жертв?

Единственно, что можно сделать, это убить Михаила открыто. Придти и застрелить. Другие будут свободны и невредимы.

Впрочем, что мне очень беспокоиться о лорде? Убивают же крестьяне наших доморощенных лордов — помещиков, раньше убивали и теперь убивают. Так что одним лордом будет меньше,

воздух чище. Но дело-то не в том, что Моисей написал на скрижалях «не убий», чтобы потом убивать целые народы и колена. Ведь революция без убийств не бывает. Хорошо написать «не убий», а практически? Лучше было бы не убивать, но вот эта война, разве миллионы жертв ее не ложатся тяжелой ответственностью на все господствующие классы всего мира, в том числе на эту разбойничью коронованную шайку? И разве истребление этой шайки не является началом конца всех и всяческих войн? Чего этот лорд хочет? Хочет охранить Михаила? Ну, туда ему и дорога. И если надо будет, то и с ним покончим. И опять: ну, покончу, а потом? Чтобы за эту мерзость проливали реки рабочей крови? Разве эта пакость стóит хоть капли рабочей крови? Вот то-то и есть. Значит, лучше, если лорда оставить в целости и в сохранности. Пусть себе лордствует. Придет время, английские рабочие сами с ним расправятся по всем правилам пролетарского искусства. А пока пусть живет: живут же холерные бациллы. Значит, еще препятствие? — Лорд?

Не выдумываю ли я все эти трудности? Может быть, никто и пальцем не пошевелит, чтобы защитить Михаила и лорда? — Ну, нет. Этого-то нет. Шевельнут, да еще как шевельнут, пожалуй, еще так шевельнут, что затрясется земля под ногами советской власти. Ведь им нужно только благовидный предлог, чтобы начать с нами войну. Ведь все они, лорды всего мира, они — сила, и они нас ненавидят жгучей ненавистью. Свердлов и Ленин, давая охранительные приказы, знали, что есть заповедь «не убий», знали, что есть и такие вещи, как заводы, фабрики всех стран, только и вырабатывают орудия истребления, орудия убийства, знали, что истребить лордов всех стран — это самая дешевая цена, которой можно заплатить за покупку вечного мира, за уничтожение всех войн как международных, так и гражданских. Но вот, зная это, они все-таки дают охранительные грамоты Михаилу. Понимают они (Л[енин] и С[вердлов]) опасность международных осложнений, дорожат рабочей кровью, но они не видят другой опасности: мобилизации всех контрреволюционных сил всех стран, которую может произвести фирма Михаила II. Этого они не видят. Это странно. Очень странно. /.../

Но как бы ни решать эти вопросы, опасность осложнений есть. Приму это за установленный факт. Но есть и опасность от того, чтобы оставить в живых эту пакость.

Итак: убивать опасно, а не убивать еще опаснее. Что же делать, как быть?

А что если бежать? Да, взять да и убежать?

18. Кто исполнители?

И неистово, неудержимо заработала мысль в этом направлении. Правда. А почему нет? Они хотят ему устроить побег, они его хотят выкрасть и увести? Так почему же мне нельзя? Это невозможно для одного. Ну так ведь это и не обязательно. Нужно только все это продумать до конца и во всех деталях и остановиться на окончательном, твердом решении и простом плане. Говорить ни с кем до решающей минуты не буду. А в решающую минуту позову товарищей и расскажу им, что надо делать, как надо делать и почему надо делать.

А все-таки полезно думать. Какая счастливая, простая и ясная мысль. Убежал и... Что поделаешь? Убежал и только. Всякие побеги бывают: бегают из каторги, из крепости, из тюрем, а от нас убежать, кто разрешает жить на свободе без всякого надзора, да еще на дачу выехать разрешают, при таких условиях только дурак да ленивый не убежит. И если он не убежал до сих пор, то только потому, что он ленивый дурак.

Ленин и Свердлов могут козырнуть: «вот приказы, вот телеграфные распоряжения, а вот и последствия нашего гуманного отношения». Вот и будь после этого гуманным. Никак нельзя! Они процитируют кого-нибудь и скажут: «твердость, твердость и еще раз твердость». И волки будут сыты и овцы целы. Это как раз то, что надо. Это не расстрел, не убийство, но он исчез, его нет. Он будет убит, это ясно, но ясно это мне и моим товарищам, кому я доверю свою тайну, но для всех он бежал. И хорошо.

А как отнесутся к этому Свердлов и Ленин? А как бы они ни отнеслись, для меня безразлично. Я знаю свой долг, я его выполняю, а потом на мне пусть хоть выспятся. Значит решено? Точка. Конец сомнений и колебаний.

А теперь надо думать о плане. Нужно ли мне идти теперь работать в ЧК? Нужно. У меня задача двойная: «убежать» Михаила и выправить линию — оградить рабочих и крестьян от лукояновских кокаинистических штук.

Если пойду, то это делу при таком решении помешать не может. Этому помешать не может и ВЦИКовский значок. Все хорошо. Пойду в ЧК, возьму отдел контрреволюции, проведу через комиссию свою линию, все уездные ЧК информируем, инструктируем и, если будут лететь головы, то чьи угодно, но только не головы рабочих и крестьян.

Завтра иду в губком и говорю о своем решении. Впрочем, не завтра, а когда я окончательно буду иметь план. Но откладывать этого в долгий ящик не буду, а то как бы в самом деле не убежал.

Вот будет номер. При этой мысли я сжал кулак и говорю вслух: «Ну, шутишь».

Какой же план? Ввиду приближения фронта, необходимо эвакуировать в глубь России. Это будет написано в мандате того товарища, который войдет к нему и прикажет собираться. От кого мандат? От ЧК. Кто подпишет? Поддельный. Печать? Бланк? Приготовлю заранее. Кто напечатает мандат? Я сам нахлопаю.

Сколько нужно человек? Чем меньше, тем лучше. А сколько? Один пойдет с мандатом в его комнату. Другой будет наблюдать с лестницы и передавать вниз третьему, а один в запасе: четыре, и я пятый. Достаточно.

Сколько лошадей? Две. На каждой по три человека. Лошади без кучеров. Кучера наши, из этих четверых.

Куда его везти? В Мотовилиху. А где ему могилу сделать? За Малой Язовой. Да это неважно. Да только надо точно знать и определить, чтобы бестолковщины и суетни не было.

Приготовить ли заранее яму или нет? Не нужно. Будут разговоры, догадки. Это не так сложно.

Кого наметить на это дело? Нужно твердых, настрадавшихся от самодержавия, видевших все ужасы, все бичи и скорпионы, готовых зубами глотку перегрызть. Нужно людей, умеющих молчать и, в-третьих, верящих мне больше, чем себе, и готовых на все, если я скажу, что это надо в интересах революции. Таких людей в Мотовилихе немало. Но надо, чтобы они были простыми рабочими, свободными от всяких ответственных постов. Это на всякий случай, чтобы нельзя было свалить на советскую власть, если даже все это всплывет наружу, что прямо невероятно. Итак, берем двух лошадей без кучеров. К 12 часам ночи подъезжаем к Королевским нумерам и действуем. Мандат надо приготовить. Хотя? Ведь я буду работать в ЧК и все сделаю в один вечер.

Как будто план уже есть?

В первую очередь Николай Жужгов³⁴. Рабочий. Был в каторге. Видел все прелести царского режима. 7 лет работал в каторге. Все видел. Все испытал. И злоба у него не кипит, нет, а злоба какая-то холодная, расчетливая, не волнующаяся, а постоянная, пропитывающая все его существо. Он будет казнить, не волнуясь, как будто браунинг пристреливает.

Это коренной мотовилихинец, рабочий, токарь, в движении с 1905 г. В 1918 г. ему было лет 33-35. Ниже среднего роста, пропорционально росту широк, немного сутуловат. Лицо с тем характерным оттенком выдающихся скул, которое имеется у носивших долго кандалы. Щеки немного ввалившиеся, нос короткий и не широкий, глаза глубоко в ямах под бровями, глаза серые с голу-

бизной. Брови негустые, русые. Глаза спрятанные и потому кажутся маленькими.

В 1905 году участвовал как активный стачечник и в декабре принимал участие в вооруженном восстании Мотовилихи. После разгрома рабочего движения стал принимать участие вместе с Александром Лбовым, тоже мотовилихинским рабочим, во всех его набегах на полицию, жандармов. Принимал участие в форменных сражениях с войсками, не раз выславшимися на поимку Лбова. Лбов был социал-демократ, большевик, но по темпераменту террорист, и потому как только подавили восстание, он ушел в лес и все время жил в лесу. Наша организация, как наиболее сохранившаяся и сильная, ему помогала. Но сидеть в лесу, который он знал отлично и мог сотни верст проходить без всяких дорог и тропинок, никогда не сбываясь с раз взятого направления, сидеть ничего не делая, это не в его характере. Он был замечательный стрелок, стрелял без промаха. Был он унтер-офицером. Высокого роста, с белым, энергичным, чистым, красивым лицом, с черными сверлящими глазами, черной, как крыло ворона, бородой и усами, черными густыми бровями, сходящимися на переносице, с густой копной черных волос над высоким лбом. В 1905 году ему было не больше 26-27 лет. Резкие движения, энергичные жесты, громовой голос. Вся фигура его изображала порыв и силу. Это был крепкий орех. Уклон террористический и экспроприаторский его неминуемо привели к тесному содружеству с с.-р.-ами, и это, как известно, стоило ему жизни. Его выдал Азеф. Но долгое время основная группа, боевое ядро состояло из наших боевиков, и они ему создали громкое имя. Одним из этих боевиков и был Жужгов.

Тов. Жужгов был необыкновенно молчалив и всегда смотрел своими глазами внутрь. Был ли он в Комитете Партии, в Исполкоме, в Совете, — редко кто слышал его голос. Он мало начитан, но много думал и больше перечувствовал. Он всегда был сосредоточен и мало когда улыбался и почти никогда не смеялся. Он был куском динамита, готовым взорваться, но до взрыва не проявить никакой жизни. Если ему сказать, что надо надеть динамитные пояса и самому взорваться, взорвав вместе с собой кучку офицеров из штаба Колчака, он, не задумываясь, сделает это. Это был мститель народный, заряженный на всю жизнь ненавистью к эксплуататорам. Лучшего для моего дела не найти. К тому же он связан со мной дружбой 1905 и 1906 года.

Второго? Василий Иванченко*. Тоже коренной мотовилихинец. Рабочий, токарь по металлу. Он в движении с 1904 года. Лет ему 32-33. Среднего роста, пропорционально сложен, с хорошим,

мягким, добрым лицом. Он не то, что красивый, нет, а привлекательный. По всему его лицу разлита какая-то доброта и сердечность. Мягкий взгляд серых коричневатых глаз, сидящих неглубоко, не как у Жужгова, и всегда открытых, излучающих доброту. Овальное лицо и хороший лоб, изрезанный, правда, морщинами, но и у него кандальные признаки на лице. Он всегда ровный, спокойный, ласковый, но за этой ласковостью его тенорового разговора есть большая решимость и бесстрашие. В 1906 г. он был арестован за убийство двух казаков и приговорен к 15 годам каторжных работ. Из каторги он явился в Мотовилиху в 1917 г.

Он ровным остается и тогда, когда трудно остаться ровным. Расскажу про один случай. Власть взяли Советы. Местные социалисты-революционеры нервничали, но предпринять чего-либо не могли, боялись. И вот на заседании Исполкома социалист-рев[олюционер] Волович истерически кричит: «Власть не у Советов, власть не у Советов, мы будем с оружием в руках бороться против перехода власти к Советам». Присутствующий тов. Иванченко ровно и тихо с места замечает: «Тов. Волович, не лучше ли для вас не разговаривать насчет оружия». Волович, обданный этим ласковым тенорком, сразу приходит в себя и, не закончив речь, садится. Он понял, что пугать оружием можно кого угодно и где угодно, но не цвет мотовилихинских рабочих-большевиков, сидящих в Исполкоме, а поняв, умолк.

Вскоре этот Волович сделался левым с.-р.-ом, а потом перекочевал к нам в партию. А толчок мозгам Воловича дал этот ласковый тенорок тов. Иванченко.

С этим тов. Иванченко в 1906 году мы ходили в лес на свидание к Лбову. Я от имени Комитета должен был передать ему некоторую сумму денег, паспорт и поговорить насчет видов на будущее, а тов. Иванченко как мой проводник. Условлено было, что кроме некоторых лиц Лбов ни к кому, ни на какие сигналы не выходит, между этими лицами был и тов. Иванченко.

Встреча со Лбовым была очень интересной, я о ней когда-нибудь расскажу. Мы были знакомы и до этой встречи. Он работал в 3-м снарядном цехе, а я во втором. Цехи смежные, и мы друг друга знали. Затем он был руководителем экспроприации оружия, в которой принимал участие и я. И он мне, шестнадцатилетнему, поручил обезоружить сторожевую охрану, взяв себе помощников, а сам с большей частью участников пошел в контору. Поручение я выполнил без единого выстрела. Но зная Лбова хорошо, я при встрече с ним в лесу его не узнал. Перемены в нем были удивительные. Он меня узнал.

Тов. Иванченко был из тех мотовилихинских коренников, которыми держалась наша организация. Его рабочие знали. Ему они верили. С ним они могли говорить по всем вопросам, по самым щекотливым и деликатным. Они в нем чувствовали своего друга и товарища, целиком преданного им. Он теоретически слабый и еще слабее как оратор. Но он мог объединять вокруг себя рабочих, как редко кто может. В это время он работал на заводе³⁵.

Это уже два. Два каторжника. Хорошее начало.

А кто еще двое? Андрей Марков*. Подходит. Среднего роста, коренастый, светловолосый, с большими светлыми усами, перегораживающими ему лицо. Рубаха-парень. Любит свое ремесло. Работает мастером в одном из оружейных цехов завода. В 1906 году был в тюрьме. Сидел некоторое время со мной, а потом получил административную ссылку. Член партии с 1905 года. Участник всех боев, которые пришлось вести передовикам Мотовилихи. Знает на практике все прелести царского режима и горит огнем злобы и мести. Нет такого предприятия, которое он откажется выполнить, лишь бы он верил, что это надо для торжества рабочего дела. Немного ленивый читать и мыслить самостоятельно, он поневоле больше верил, чем знал, и верил в людей, которых он знал, на ум которых он полагался и преданность революции которых он проверил. Для него Ленин и Свердлов были абстрактные величины, хотя Свердлова он знал, как знали Жужгов и Иванченко, по нелегальной работе в 1906 г. и по тюрьме. Но ему приказы Ленина и Свердлова представлялись, как некоторая «вещь в себе», а вот мое распоряжение это «вещь для него» — понятная и конкретно осязаемая, и он пойдет без колебаний, сделает все, что надо.

А это все, что мне нужно.

Четвертый? Колпащиков³⁶. Рабочий. Это не коренной мотовилихинец. Повыше среднего роста, шатен, с коричневым цветом лица, лицо крупное, голос немного не соответствует его здоровой и сильной фигуре в обратном отношении, чем голос у Свердлова: из маленькой тшедушной фигурки Свердлова гремел большущий, сильный бас, тогда как из мощной здоровенной фигуры Колпащикова жалобно, почти пискливо, выходил слабый тенорок. Но пропорция несоответствия все-таки была меньше, чем у Свердлова. Сидел в тюрьме. В 1917 году был всегда в Комитете как красногвардеец и забывал всего себя, отдаваясь самой кропотливой, тяжелой и черной работе. Этим он похож был на Александра Калганова, но меньшего размера: по силе ума и характера. Работал на заводе, а все остальное время был всегда на боевом посту, выполняя самые опасные и сложные поручения. Что он пойдет со

мною куда угодно, я не сомневаюсь. А большего для меня и не требуется.

Итак, я имею уже и необходимый кадр?

Может быть, в интересах дела не говорить им о приказах Ленина и Свердлова? — Не обмануть, нет, а смолчать о них? Вот ведь чорт, авторитарный тип мышления, по вековой привычке люди не вдумываются в *то, что* пишут и говорят, а *кто* пишет и говорит. Говорит поп, значит правда, так тому и быть, а говорит умнее его, но не поп, а простой смертный — никакого внимания. Попов сменили, иконы поломали, а вместо них другие создаем, другие вешаем. И вновь вековую лень мысли культивируем. Зачем это? Кому это на руку? Кому угодно, но только не пролетариату, не угнетенным и обездоленным. Сам тип мышления, с этой верой в авторитеты, мог зародиться только в момент разделения людей на повелителей и исполнителей, когда голова одного могла заставить выполнять свои предначертания руки многих и многих. Мы идем к обществу свободы дела и мысли, нам меньше всего к лицу прививать веру в авторитеты, а больше всего мы обязаны вызывать дерзания мысли. Но может быть из царства рабства в царство свободы путь лежит чрез постепенное уменьшение авторитарности мышления и вера в эти наши авторитеты есть переходная ступень? — Может быть, а все-таки поганю. — И вот в простом, практическом маленьком деле эти авторитеты могут стать на дороге и помешать сделать полезное и нужное дело. А в переводе на язык политической борьбы это будет стоить тысячи и тысячи рабочих жизней.

Нет, на моей стороне такая большая правда, что она сломает все авторитеты. Моя правда и осязательно понятна для каждого пролетария. Они меня поймут и потому не нужно ни лжи, ни умалчивания. Скажу все как есть и... увидим.

Ведь в конце концов, я тоже авторитетом хочу взять, а не только правдой. На стороне Ленина и Свердлова только авторитет, а на моей — авторитет правды и мой авторитет. Ну, и пусть!.. /.../

Глава IV. ИСПОЛНЕНИЕ

44. Рефлекс

Практика поставила передо мной вопрос о расстрелах рабочих и о гарантиях безопасности, создаваемых Михаилу Романову. Мое уважение к Ленину и Свердлову и отвращение к репрессиям против инакомыслящих пролетариев, да еще к таким, как расстре-

лы, заставили думать. Может быть, здесь сказалось мое долгое пребывание в одиночном заключении. Может быть. Я ведь всего год как на свободе. Это одиночка заставила меня копаться в моих мыслях, заглядывать во все закоулки моего «я», может быть больше, чем следует. Но я не раскаиваюсь. Я чувствую себя теперь сильнее и бодрее. Здесь я излагаю не все мои думы³⁷. Их было значительно больше, и они были как будто глаже, стройнее и сильнее. Но и этого достаточно, чтобы понять, почему я с такой решительностью вопреки прямым предписаниям Ленина и Свердлова и вопреки желанию всех местных товарищей пошел на убийство Михаила Романова.

И когда я после трех бессонных ночей, которые ушли у меня на эти размышления, на эту самопроверку, на это психологическое вооружение, встал с постели, поднятый шумом пришедших в Исполком товарищей, то я почувствовал себя, как будто я после очень долгого перерыва сходил в баню, вымылся, сменил белье, почувствовал себя очень легко. Никакого беспокойства, никакой усталости, никакой тревоги. Я сказал себе: «Ну, а теперь за дело», — и чувствовал, что я уже убил Михаила, а осталась какая-то техническая операция, которую надо сделать. Чувствовал, что не только можно убить, но и надо убить, должно убить. /.../

45. Иду на работу в ЧК

А теперь практически. Пойду в ЧК. Круто поверну линию. Это первое.

Второе. Узнаю, знают ли они что-нибудь об организации офицеров.

Третье. Вызову Михаила и поговорю — официально сообщу, что он находится под надзором ЧК.

Решено. Точка.

Надо собрать заседание Совета и устроить перевыборы председателя. Потом пойду в Губком и скажу о своем намерении работать в ЧК.

Делать надо быстро, а то могут действительно увезти. Надо послать кого-нибудь узнать, есть ли какая-нибудь охрана в гостинице или нет.

С этими мыслями я вхожу в свой кабинет и вижу т. Туркина. Здравуюсь и говорю:

— Тов. Туркин, знаешь мои намерения?

— Это ты о чем? Почему я знаю?

— А вот подумай и скажи.

— Ничего не могу придумать.

- Хочу пойти работать в ЧК.
- Ты что? Спятил малость?
- Нет пока, потом может быть спячу.
- А знаешь, Гавриил Ильич, ты ведь здорово изменился за последнюю неделю: похудел, замкнулся, мало говоришь и очень рассеянный.
- Заметно разве?
- Да еще как. Мы уже говорили между собой о тебе и решили, что ты устал. Прямо из каторги, да в работу, и в дьявольских условиях. Отдохнуть бы тебе.
- Ну нет, Миша, это не то. Совсем, совсем не то.
- А что же? Скажи.
- Потом узнаешь. А пока вот что — надо назначить собрание Совета.
- Для чего?
- Мой отчет заслушать и нового председателя избрать.
- Ты думаешь, что тебя Совет отпустит?
- Должен отпустить.
- Ну, нет, ты шутишь. Я первый буду против.
- Ты, Миша, не ерунди. Ты меня знаешь лучше всех, и если я покидаю Мотовилиху, то это так надо. Ты должен меня поддерживать. И не расспрашивай. Можешь мне поверить, что это надо?
- Конечно, могу.
- Ну, так и действуй.
- А почему ты не хочешь мне сказать, почему уходишь?
- Нельзя, Миша. Потом узнаешь, а сейчас ложись на меня и действуй: ты помоги мне, поговори с товарищами в этом духе, подготовь почву.
- Трудно это, Гавриил Ильич, ты пойми, что без тебя Мотовилиха потеряет весь свой авторитет. Сиротой останется. Это ведь понимают все, ну и попробуй уломать.
- Тогда вот что: я пойду в Губком, возьму командировку в ЧК, а ты скажешь товарищам, что я временно ухожу на работу в ЧК, так как там много безобразий. Они должны согласиться.
- Да, это пожалуй.
- Ну, то-то же. Вот кого в председатели выдвинуть? Как ты думаешь?
- Я, прямо сказать, ничего сейчас не могу придумать. Ты меня пришиб.
- Эх, брат, расчувствовался.
- Привык я к тебе.
- А ты думаешь, я к тебе не привык? Ну, да это сантименты, Миша, а я вот подумал уже и о заместителе. Обросов*... /.../

46. Я в ЧК. Заседание. Прием отдела.
Вызов Михаила

В течение трех дней мне удалось отделаться от председательствования в мотовилихинском Совете и вступить в члены ЧК Перми³⁸.

ЧК помещалось на Сибирской улице, на той же, что и Королевская гостиница, в помещении бывшей городской управы.

Вход в помещение был не свободным и только по пропускам. Красногвардейцы, что дежурили при входе, были мотовилихинцы, рабочие, и мне всегда можно было проходить: они меня знали и никогда пропуска не спрашивали.

В первый же день моего прибытия состоялось заседание ЧК: Лукоянов, Малков, Ивонин и я. Председательствовал Лукоянов. Он предложил наметить порядок дня.

Я с места в карьер: предлагаю сделать доклад ЧК об ее работе, чтобы меня ввести в курс дела, и второй вопрос — о моей работе здесь.

Предложение было принято.

Лукоянов, выше среднего роста, тонконогий, жидкий, сутулится, светлый шатен, с голосом надтреснутым, жидким тенором, лицом довольно красивым, но с явными признаками наркомана, жидкие, светлые волосы, бритое лицо, светло-серые глаза, подернутые мутной пленкой.

Встречал я его раньше нечасто и не замечал. Он знал меня лучше, чем я его. Но в тот вечер, когда я получил командировку, я почему-то зашел в бывшее здание дворянского собрания, и один товарищ, женщина, Масляникова, только что познакомившаяся со мной, показывая на Лукоянова, говорит:

— Вы знаете — это гроза города Перми и губернии.

— Да? Вот не знал. — И от всей души расхохотался.

— Почему вы смеетесь?

— Смешно.

Я вспомнил рассказ Борчанинова и его характеристику Лукоянова, и мне было понятно, что он-таки держит постоянный курс на страшного. Экая ведь пакость, думаю. Ну, да черт с ним.

И вот, всматриваясь теперь в него, вижу, что он хочет на меня произвести впечатление, но кроме брезгливости он мне ничего не внушил.

Он стал делать доклад. Доклад был писанный, с обозначением цифр задержанных спекулянтов, конфискованных товаров, количества арестованных за контрреволюцию и количества расстрелянных.

Доклад кончен. Я прошу уточнить доклад: кто арестован и кто расстрелян? По социальному положению и по политическому направлению.

Подсчитали, и оказалось, что громадное большинство арестованных и расстрелянных — это рабочие и крестьяне.

Сейчас я цифр не помню, но помню, какое впечатление они на меня произвели: среди расстрелянных не было ни одного члена партии к.-д., не было ни одного монархиста, а все — крестьяне и рабочие были или меньшевики, или с.-р.-ы, или беспартийные. Это так меня поразило, что я при всем желании скрыть волнение не сумел его скрыть и в упор спрашиваю: «А за что расстреляны такие-то и такие-то рабочие Мотовилихи?» (Фамилий теперь не помню, но тогда я их назвал).

Ответ был бесподобен. Мудрее и придумать нельзя: «Они шептуны».

— Только за это?

— Да.

— Ну, на что это похоже? Если и все остальные рабочие и крестьяне расстреляны за то, что они шептуны, то получается так, что при нашей власти рабочим не только говорить, но и шептать нельзя? Это куда не годится.

Получилось так, что не доклад слушали, а допрос производили, и Лукоянов чувствовал себя, как на иголках. Возразить что-либо он прямо не мог. Он такого напора не ожидал.

Я, продолжая свою реплику, предлагаю: 1. Круто изменить линию ЧК и ни рабочих, ни крестьян не расстреливать, кроме как за попытку террора, и при этом в каждом случае вести самое тщательное расследование для установления действительной виновности. 2. Конкретно установить, кто подлежит немедленному расстрелу: высшие чины полиции, жандармы, шпики, провокаторы, а из низших чинов — только отличившиеся своей жестокостью в борьбе с революционным движением. 3. Общая линия ЧК должна быть направлена в сторону борьбы с партиями буржуазии, помещиков, попов. И чем правее направление, тем круче расправа.

Принимаются все три пункта без какой бы то ни было попытки борьбы и возражения.

На этом обсуждение доклада и закончилось. Стали обсуждать вопрос о моей работе. И без прений мне дали отдел по борьбе с контрреволюцией.

Когда собрание закрыли, то я подумал: «Все идет, как написано», — и тут же направился в Мотовилиху.

На другой день приехал в ЧК и принял отдел Малкова.

Малков — столяр, среднего роста, плотный, крепкий, рыжий, лицо веснушчатое, трегубый, прямой нос, голубые глаза, недалекий, ленивый читать и еще более ленивый думать. Заражен уже бюрократизмом, карьеризмом, желанием властвовать.

При сдаче отдела я между прочим спросил, есть ли какая-нибудь гласная или негласная охрана Королевской гостиницы. Он ответил: нет, ни гласной, ни негласной.

— Почему?

— Михаил находится в распоряжении центра.

— А кто эти 12 гавриков, которые его охраняют³⁹?

— Это дворянские сынки из какой-то военной школы.

— Вы не знаете точно, кто они?

— Нет.

— Это, должно быть, труднее сделать, чем расстрелять рабочих за то, что они шептуны? — полушутя говорю я, а потом серьезно добавляю: — Как это ты, тов. Малков, рабочий Мотовилихи, мог допустить такую вещь? Ну, Лукоянов, это еще куда ни шло, но как это ты мог допустить?

— Эти вопросы решались коллегией и ответственен Лукоянов. Если я в чем-либо и ошибся, то только в том, что не боролся против Лукоянова. Он с нами почти не считался и накладывал резолюцию, какую хотел.

— Плохо это. Еще хуже то, что арестовали их за моей спиной, не сообщив мне об этом.

— Это тоже Лукоянов. Он хотел сделать так, чтобы ты не узнал, боясь, что ты не разрешишь арестов.

— Я догадывался, что это так. Но этого больше не будет. Я ему обломаю рога.

— Да, он вчера уже это понял, что фактически ты здесь будешь хозяином. Когда ты ушел, мы остались после тебя и говорили. Он сказал — хороший парень Мясников, но я не смогу с ним работать, очень крутой он. Он ведь не посмеет теперь ни одной резолюции наложить, не посоветовавшись с тобой, а это ему нож острый.

— Ну, так. Я слышал, что вы какую-то офицерскую организацию раскрыли?

— Нет, никакой.

— Чисто, значит, тихо?

— Да, как будто.

— Это хорошо.

После того, как я принял отдел, я послал за Михаилом. Через некоторое время входят ко мне в кабинет двое: Михаил и его секретарь Джонсон.

Михаил высокого роста, сухой, непропорционально тонок, длинное и чистое лицо, прямой и длинный нос, серые глаза, движения неуверенны, на лице растерянность. Явно не знает, как себя держать. Глядя на него все можно предположить, но только не наличие большого ума. Этого порока ни на лице, ни в глазах, ни в движениях не заметно. И увидев такую глупую фигуру, я спрашиваю:

— Скажите, гражданин Романов, вы, кажется, играете роль спасителя человечества?

Ответ, который последовал, вполне соответствовал моему впечатлению.

— Да, я вот дай наёду свободу, а он вот меня в ЧК пригьяшает, — сказал, двинув как-то нелепо рукой при этом.

Секретарь Джонсон, человек среднего роста, а рядом с Михаилом кажется низкого роста. В противоположность Михаилу, движется уверенно, сдержанно, расчетливо, лицо продолговатое, умное, энергичное, светящиеся серо-темные глаза приковывают к себе внимание и как будто мешают разглядывать детали лица.

Заметив на моем лице усмешку, он понял, что я хохочу от всей души над глупым Михаилом, и поспешил вмешаться в разговор, стараясь сгладить впечатление, произведенное гениальным ответом Михаила.

— Михаил Александрович хочет сказать, что центральная власть отдала распоряжение оставить его без надзора ЧК, вполне свободным и не рассматривать его как контрреволюционера.

— Думаю, что это сенатское разъяснение мне не нужно. Обо всех распоряжениях центра я осведомлен. И тем не менее, я вам приказываю приходить сюда каждый день на отметку, а теперь распишитесь в явке и будете свободны, — ответил я.

Они расписались и, поклонившись, со словами «до свидания» удалились⁴⁰.

Это было при мне первое и последнее посещение ЧК Михаилом.

Тут произошло что-то до необычайности странное...

47. Губком партии открывает во мне таланты,
которых никто, в том числе и я, не замечал.

Хотят меня сплавить

В тот самый день, в который я вызвал Михаила, Губком партии обсуждает вопрос о посылке работников в Областную Чрезвычайную Комиссию Урала, в Екатеринбург. И намечается два кандидата: как очень опытные чекисты — это Лукоянов и я.

Если Лукоянов долго работал в ЧК, с самого основания ее, то я работал меньше недели и никак не могу сойти за опытного чекиста.

Когда обсуждали вопрос о посылке меня, то кто-то, чуть ли не Михаил Лукоянов* (брат чекиста) горячо говорил за меня и выдвинул то положение, что с появлением тов. Мясникова в ЧК линия ЧК круто изменилась и приобрела истинно пролетарский характер и т.д. и т.п., все в этом духе и роде.

Я сидел и думал: таланты во мне открыли. Ну, шутите, это вам не пройдет.

Я пытался отказаться и говорил, что если моя работа здесь не нужна, то я пойду в Мотовилиху.

Но все было напрасно. Губком был тверд. И через некоторое время в этот же день по прямому проводу сообщили Областному Комитету партии о постановлении Губкома и моем сопротивлении. Областной Комитет подтвердил постановление Губкома, и я должен был ехать.

Предо мной в самых ярких деталях воскресла моя беседа с т. Борчаниновым в Исполкоме Мотовилихи: они охраняют Михаила от меня. Теперь я в этом убедился. Когда я сидел в Мотовилихе и не изъявлял желания работать в ЧК, то они могли думать, что я не знаю о присутствии Михаила в Перми. А вот я пришел работать в ЧК и в первый же день вызываю Михаила... И они решили меня сплавить. Избавиться от меня и уберечь Михаила от всяких неприятностей. Вот почему сразу увидели во мне, никогда не работавшем в ЧК, опытного чекиста, вот почему открыли мои таланты по части классовой линии.

Неужели Михаил имеет возможность влиять на работу? Через кого? Или это простое усердие угодить Ленину и Свердлову?

Я сказал, что я поеду, но мне необходимо сдать дела председателю Совета в Мотовилихе и немного познакомить с работой тов. Обросова. Губком согласился.

48. Ну, вы шутите, дорогие товарищи!

Лукоянов живо свернулся и уехал в Екатеринбург. Председателем ЧК был назначен Малков, я же больше не появлялся в ЧК. Я узнал все, что нужно узнать. Ни о какой офицерской организации ЧК не знает: не тем были заняты — рабочих-шептунов вылавливали, не до офицеров. Михаил живет без всякой охраны: в любую минуту может удрать. Двенадцать апостолов, что охраняют Михаила, — это пажи, которые готовы исполнить любую прихоть Михаила.

Михаил по своей глупости взболтнул, что он дал народу свободу, а неблагодарный народ его в ЧК приглашает. Значит, агитация исходит от него. Он себя чувствует Михаилом II. Офицер тоже взболтнул. Все говорит за то, что надо как можно скорее кончать с Михаилом, пока его не выдернули из-под нашего носа.

Я в Мотовилихе был фактически еще председателем. Все обращались ко мне, и Обросов туго входил в работу. Но занят я был больше моими думами о Михаиле, чем работой и инструктированием Обросова.

Формально же я не был теперь ни членом ЧК, ни председателем Совета, ни членом Губкома, единственно то, что я был членом [В]ЦИКа. Это мешало. Но мешало только в случае осложнений; а совсем не мешало, если все пойдет гладко. И надо, чтобы пошло гладко.

Но что же я буду делать с этими «двенадцатью», что охраняют Михаила? Ничего не буду делать. Михаил бежал. ЧК их арестует и за содействие побегу расстреляет. Значит, я провоцирую ЧК на расстрел их?

А что же иначе? Иного выхода нет. Выходит так, что не Михаила одного убиваю, а Михаила, Джонсона, «12 апостолов» и двух женщин — какие-то княжны или графини, и несомненно жандармский полковник Знамеровский. Выходит ведь 17 человек⁴¹. Многовато. Но иначе не выйдет. Только так может выйти.

А выйдет ли? — Все они вооружены. Все владеют оружием. Все офицеры, и естественно, что они могут оказать и окажут сопротивление. Тогда как?

Во что бы то ни стало, но пристрелю Михаила. И пристрелю.

А может быть, сопротивления не будет? Если есть офицерская организация, готовящаяся похитить Михаила, то о наличии ее все это окружение осведомлено, и они несомненно с ней тесно связаны, то психологически сопротивление невозможно, так как они будут думать, что это и есть офицеры, похищающие Михаила.

Но знают ли они их в лицо — может быть, Михаил, Джонсон и еще кто-нибудь из близких, а все не могут знать. Это рискованно.

Но Михаил, увидя нас, может отдать приказ стрелять — надо этому помешать. А как? Надо, чтобы товарищ начал разговаривать с Михаилом и не отпускал его. При первой попытке сопротивления должен пристрелить Михаила. Надо, чтобы они видели бесполезность сопротивления.

Да ведь у нас будет мандат ЧК. Чего же еще? А что если он захочет проверить по телефону? — Не дадим. Да и это будет ночью — в ЧК никого не будет, кроме дежурных сотрудников.

Собирался убить одного, а потом двух, а теперь готов убить семнадцать!

Да, готов. Или 17, или реки рабоче-крестьянской крови с неизвестным еще исходом войны. Революция это не бал, не развлечение.

Думаю даже больше, что если все сойдет гладко, то это послужит сигналом к уничтожению всех Романовых, которые еще живы и находятся в руках Советской власти. Ну, и пусть.

Если сейчас на фронтах гражданской войны льются ручьи крови, то, подарив Михаила Колчаку, — польются потоки.

Гражданская классовая война тем отличается от международной, что она происходит в каждом городе, в каждой деревне, повсеместно, где есть различные классы, противостоящие друг другу.

Михаид и его приближенные — это штаб, главный штаб, от которого зависит многое, а может быть, и исход войны. И имея этот штаб в руках, не уничтожить его, это значит быть тряпкой, а не революционером, значит помочь врагу бить нас. Этого-то я делать не собираюсь. А напротив. Надо привести в исполнение приговор истории. И колебаниям нет и не должно быть места.

Если бы сейчас под штаб Колчака подложить мину и взметнуть его на воздух со всем[и], кто там есть, а их там не 17, то было бы это полезным для революции делом? Конечно. В какое же сравнение может идти Колчак с Михаилом?

Итак, решено. Твердо, бесповоротно. И решено, собственно, не сейчас, а в те три ночи моих размышлений. Там все основы основ, а теперь просто детали и техника.

49. Еще заскок мыслей

Все, говорю, решено твердо и бесповоротно, а как-то не могу оторваться от мыслей, не могу их обрубить и не думать. И нет-нет да опять начинаю. Вот и сейчас ловлю себя на том, а как бы посмотрел Толстой на моем месте?

Если бы Толстому предстояло убить Михаила и спасти многие тысячи жизней трудовиков, то решил бы он убить? Если бы ему нужно было убить тифозную вошь, разносящую заразу, и спасти множество людских жизней, то убил бы он эту вошь? Да, убил. Убил бы и не задумался. А Михаил? Разве он лучше тифозной вши? Ведь тифозная вошь может сделать отбор, умертвить слабых и оставить в живых сильных, а эта вошь будет истреблять всех, а пройдя через горы трупов, воцарится и будет угнетать, да-

вить, поработать... И борьба возгорится снова, и снова реки крови и горы трупов.

Толстой убил бы эту вошь. Он должен был бы убить. Хотя... он предпочел отдать свое имение семье, а не крестьянам, и это после революции 1905 года! После такой революции, которая выявила лицо крестьянина: он хотел взять землю, политую потом — грядой поколений крестьянских. И... помещик Толстой мешал Толстому-мыслителю понять — куда мы идем. /.../ Проповедь непротивления имела целью укрепить это помещичье царство. И потому, если бы ему предстояло убить одного помещика и спасти сотни тысяч крестьян, то он отказался бы это сделать: пусть гибнут сотни тысяч крестьян, но не тронь помещика. А ко всему этому придумал бы хитроумную словесность для успокоения своей помещичьей совести: огнем, мол, огня не потушишь, а насилие насилием не убьешь.

Всякое возможно. Больше правы были те крестьяне, которые считали, что Толстой это помещик с дурнинкой — не знает, что делать, вот и блажит. С жиру бесится. И когда они приходили к нему сорвать с него на коровешку, то думали: с паршивой овцы хоть шерсти клок. Они были правы. Он был потомственный почетный дворянин и помещик, и остался верен своему помещичьему роду до конца дней своих, во всех проповедях и делах своих. Он только умнее других защищал помещичий строй. Это и все. И ему не нужно было бы долго размышлять и думать над моей задачей. Он бы ее решил в пользу помещика практически, умалив крестьян елеем словесным.

Да, так-то!

А Достоевский?

Этот откровенный защитник православия, самодержавия и народности. Он еще меньше стал бы думать, чем Толстой. Тот не убил бы помещичий строй (помещика), а отдал на растерзание миллионы трудовиков, но прикрыл бы это елейной ложью от Евангелия, а Достоевский был бы откровеннее.

Какую силу презрения нужно было иметь в груди Достоевского к трудовому народу, чтобы нарисовать два типа, Ивана Карамазова и Смердякова?

Теперь время смерда. Сам смерд берется решать свою судьбу. Он разоряет дворянские гнезда, он идет на сокрушение промышленного феодализма, он трясет основы поработительского строя, и ему самому надо решать вопросы войны против поработительского неба и земли.

Надо думать, что скоро появится художник сильнее Достоевского и нарисует нам тип великого смерда, великого Смердякова,

вкусившего от древа познания добра и зла, и трусливого, гадкого помещика-буржуа, чувствующего, что ни сила небесная, ни сила земная не могут спасти его от сурового приговора истории. История дала заказ. Найдется достойная рука выполнить эту историческую миссию.

Достоевский — охранитель помещичьего строя, с величайшим презрением и брезгливостью впустил он смерда в свою комнату и пустил его для того, чтобы опоганить его, превратив этого смерда, вкусившего от древа познания добра и зла, в полное собрание всех мыслимых пороков, дабы напугать либеральствующих и умствующих лукаво Иванов Карамазовых. Надо реабилитировать Смердякова от гнусностей Достоевского, показав величие Смердяковых, выступающих на историческую сцену битвы свободы с гнетом, попутно рассказав всю правду о поработителях — богачах.

Разумеется, Достоевский был бы целиком на стороне первого из помещиков — Михаила.

Он бы предпочел пролить реки крови смердов, лишь бы продлить царство помазанников божиих на земле.

Выходит все-таки невесело: я — против всех. Ленин, Свердлов — это голова партии, членом которой я являюсь. Я могу только догадываться о мотивах, побудивших [их] давать телеграфные приказы; более или менее правильно строить *свои* предположения, но это все-таки *мои* предположения и не больше.

Все местные работники Перми против меня в этом пункте. Я это вижу, и особенно теперь.

Толстой и Достоевский тоже против меня. И понятно, что Милюковы, Керенские, Даны, Колчаки — тоже против.

И вот я один. Скучно, брат.

Один против всех.

Когда сидишь в орловской одиночке, то там поневоле один, а вот теперь на воле, в кругу товарищей, друзей — но один. Это тяжелее, чем одиночка.

Но нет. Я чувствую, что я делаю дело нужное, полезное нашей революции, пролетариату и крестьянству. В этом моя сила и право.

Да, но я все-таки один. Потом-то буду не один, а теперь один. Это тяжело.

А где же искать легкой революции? Революция — это трагедия истории. А сейчас трагедия трудовых масс и отживших классов. Быть революционером и ожидать только легкой жизни, легкого занятия — это революционер по моде, авантюрист.

50. Надо начинать

Сейчас пойду в завод, пройдуся. Погляжу на рабочих и себя покажу. А там увижу Колпащикова и скажу, чтобы сегодня вечером часов в 8 пришел... А куда?

В Исполкоме не надо собираться. Не надо и в Комитете Партии. Надо где-то на стороне. Но где? У меня нет квартиры. Ну, где-нибудь... И в это время я услышал, как товарищ Гайдамак пробует аппарат кинематографа, и тут же сказал себе — вот и место. В будке кинематографа, у Гайдамака. Он будет занят и ничего не услышит и ничего не поймет.

Если что-нибудь придумаю лучше, то хорошо, а пока и это сойдет.

Только вышел из Исполкома, это было в полвторого, вижу, с завода идет Иванченко. Я его окликнул, а он, улыбаясь и здороваясь, повернул ко мне.

Поздоровавшись, я ему и говорю:

— Приди сегодня вечером в 8 часов к Исполкому. Дело есть.

— Хорошо, приду.

— Без опоздания только. Да, еще вот что. Ты можешь увидеть Жужгова, Колпащикова и Маркова?

— Жужгов в милиции, наверно, а Колпащикова и Маркова я могу увидеть.

— Ну, так ты скажи им, чтобы они пришли в 8 часов, а Жужгову я сам скажу. Идет?

— Ну, конечно, идет.

Повернул к милиции и встретился с Жужговым. Предупредил.

Ни Иванченко, ни Жужгов не спросили, зачем я их зову. Хороший признак. Верят. Раз зову, значит надо.

Решаю — их не отпускать от себя до окончания дела.

Расскажу все, как есть, ничего не утаивая и не скрывая.

51. Иду купаться. /.../

Погода хорошая. Солнце греет на славу. Жарковато. Не искупаться ли? Пойду искупаюсь.

Зашел к себе. Взял полотенце и пошел на Каму. /.../

Против завода, что своими Камскими воротами упирается в Каму, обозначился небольшой островок. В августе он будет больше, и между ним и этим берегом можно будет проходить по дну. А теперь он далеко. Хочется мне на него сплавать и полежать там на солнце и ни о чем, ни о чем не думать.

Разбросанные по берегу Камы плоты леса значительно поредел, много выгружено. Я иду к одному из них. Пробираюсь между разбросанным и еще не сложенным в штабеля лесом. Вошел на плот. По Каме катаются на лодках, а то переезжают с одного берега на другой рабочие, что живут за Камой. Тихо. Редко где покажется рябь и образует какой-то темный островок на блестящей под солнцем воде Камы.

Раздеваюсь и бросаюсь в Каму вниз головой. Вода обожгла, поплыл на остров. Чувствую легко и свободно себя. Приятно плыть. Хлопаю ладошами, сжатыми наподобие ложки, по воде Камы, и гулко отдают хлопки. Какая-то свежая радость проходит по телу, так ласково омываемому водой. Начинаю уставать плыть вразмашку, перевортываюсь на спину и плыву. Вижу частокол труб заводских, выбрасывающих глыбы дыма. Тихо поднимаются и удаляются к северу. Шум завода какой-то особенный, без деталей, а как будто кто-то великий, могучий равномерно вздыхает и сотрясает землю. Особенно когда заработает 50-тонный молот, все покроет своим грохотом.

Вот этот чумазый, дымный, прокоптелый великан так размашисто расположился на берегу Камы. Почему он так пленительно родной и близкий? Почему я его люблю? За что? Люблю со всем шумом, грохотом, свистом и писком ремней, дребезжанием шестеренок, шипением металлической лавы, что льется из вагранок и мартена. Неужели потому, что там, внутри его, — армия труда, которая творит новый мир? А может быть, и потому, что ведь это мозг, пот, кровь людей, что создавали его. Может быть, это и потому, что весь опыт поколений, вся наука и искусство работать [с]концентрированы в этом мощном великане? Когда же эти великаны перестанут работать для убийства, для истребления людей, а только на радость и счастье? /.../

Я пошел в Исполком. /.../ Было часов пять вечера. В Исполкоме никого кроме уборщицы и дежурных красногвардейцев не было. Уборщица начинала прибирать бумажный мусор, а красногвардейцы, уткнувшись в газету, сидели на кожаной кушетке и читали.

— Товарищи, кто мне купит что-нибудь съедобное?

Все вразброд отвечают:

— Я могу. А что надо?

— Да я не знаю, что можно, то и купите.

— Что же именно? Яиц, молока, хлеба, еще что?

— Довольно и этого.

Я даю деньги и возвращаюсь к себе в комнату. Думаю: все решено, все обдуманно, все проверено, а есть какое-то беспо-

койство, смятение, и хочется еще и еще раз узнать, все ли проверено, все ли пересмотрено? Нет ли чего такого, что составило бы потом, после, основу раскаяния? И опять моментально проходят все мысли и снова и снова наступает успокоение. И чувствую себя хорошо и бодро.

А разговор с Гришей Авдеевым⁴² кое-что задел по-новому. Но странно: такой глубокий, самобытный ум, такой оригинальный и сильный мыслитель, как Гриша, на практический вопрос: убил ли бы ты 17 [человек], если бы были приказы Ленина и Свердлова не убивать, не трогать и был приказ твоего сознания, что это надо сделать, надо убить, — на этот вопрос он отвечает формально, — они ответственные, а не я. Это не продумано. Потом он должен будет ответить иначе. Он тихо думает. А вопрос его застал врасплох. Но тем не менее это интересно: ненавидит интеллигенцию, а считает нужным подчиняться приказам ее и тогда, когда видит их нелепость, а может, даже и преступность. А я уверен, что если бы я его позвал с собой, он бы пошел с величайшей готовностью. Странно как-то: свой ум менее авторитетен, чем ум другого: он не убил бы, если бы считал необходимым убить, потому что Ленин и Свердлов не считают нужным и необходимым, но он убил бы, если бы еще был и мой голос в этом хоре. А я ни в какой мере не разделяю этой ненависти к интеллигенции и действительно уважаю и Ленина, и Свердлова, но иду против всех их приказов, не зная ничего достоверного, что лежит в основе этих приказов. Я себе и уму своему верю больше, чем любому авторитету, и вот я иду и убиваю. /.../ И кто не был никогда в таком положении, тот не поймет, как это тяжело. Это тяжелее, чем быть в пустыне или на необитаемом острове одному, потому что там — сознание физической непреодолимости, а здесь его нет: вокруг меня тысячи, миллионы, а я один. И не могу даже поговорить с теми, кого я уважаю и люблю. Не могу сказать ни Ленину, ни Свердлову, ни даже поговорить с Туркиным.

Ленин и Свердлов дают [свою] оценку положения дел внутри и вне страны, а я даю свою. Они пришли к одним выводам, а я пришел к другим, и действую. Но действия кровью пахнут...

Это, впрочем, не в первый раз. Вопрос разоружения казаков тоже решен по-разному: они дают мандаты, а я их рву и разоружаю. Это будет вторая мотовилихинская поправка. Теперь все видят, что не они, а я был прав. И если бы наши товарищи во всех организациях поменьше верили в авторитеты, а [больше] в свой ум и побольше проявляли инициативы, то очень возможно, что контрреволюция не сумела бы так быстро организовать и представлять из себя такую гигантскую силу.

Ведь разоружь всех этих казаков и чехословаков по пути следования в Сибирь, разоружь, вопреки всем приказам и мандатам, мы не имели бы этого положения, что имели теперь, когда вся Сибирь в руках контрреволюции. И она грозит взять и Урал.

Да, все это так. Я прав. А хочется не только быть правым перед своим сознанием, но и в сознании многих и многих.

17 человек это не 17 вшей. Это тоже верно. Но я хочу одного убить, и какое мне дело до остальных 16-ти. Их если и убьют, то не я, а ЧК.

Нет, нет, это не годится: никогда я не умел прятаться за хорошо придуманную ложь, за софизмы. Я провоцирую ЧК на убийство. Я их убиваю. Я отвечаю за их жизни: не формально, а фактически. Нечего и не на кого сваливать. А надо просто прямее поставить вопрос: если бы надо было к Михаилу подойти через трупы 16-ти, то убил бы я Михаила? Да, убил бы. Вот это честно. Без хитросплетенной лжи, без самообманного утешения, без румян и белил. А потому: лучше не убить этих 16, а убить одного Михаила. Но убить надо, и я убью. И не надо перекладывать ответственность на кого-то. Если есть желание переложить ответственность, то значит, что есть колебания, есть что-то неясное, недодуманное, непонятое и потому страшное, пугающее, сеющее неуверенность.

Было бы нелепо и погано придумать какую-то ширму для себя, вроде того, что не я, а ЧК убивает. Это очень похоже на то, что когда я заколачиваю гвоздь молотком, говорю: это не я, а молоток забивает. Или: очень возможно, что я физически не убью Михаила, а убьет его Жужгов, скажем, так я придумаю для себя софизм, что это Жужгов убил, а не я. А ведь Жужгов... Да только ли Жужгов? А все эти ответственные работники, которые с такой готовностью выполняют приказы Ленина и Свердлова и так зорко охраняют его от меня, что это? Разве не доказательство того, что не убей его я сегодня, завтра или послезавтра он будет стоять во главе всех контрреволюционных армий?

Да, может быть, что я физически не убью ни одного из них, но надо быть лично готовым к тому, чтобы убить всех их физически. И быть готовым к ответственности, как будто всех 17 человек убил я, лично сам. И только в том случае я имею право пойти на это дело. И только в этом случае я имею право заставить кого-то убить их. Готов ли я к этому?⁴³

Без всяких колебаний. Ответив на этот вопрос, я почувствовал у себя на ремне «Кольт» и потрогал его рукой: как будто я физически себя проверяю. И «Кольт» был готов разрядиться два раза подряд без остановки.

В это время входит уборщица и приносит приготовленную уже пищу: яичницу, хлеб, молоко. Я гляжу на нее и думаю: даже она пошла бы со мной и убила всех. А сейчас спроси ее, и она испугается и мысли об убийстве. А не спросить ли?

— Вы что это, тов. Решетова, никак мне обед изготовили?

— Да, т. Мясников. Только готовение-то плохое: ни масла, ни крупки, ни мучки, ничего-то у вас нет, а без этого не изготвишь. Ну, а я думаю: так-то все-таки лучше, чем сырые и вареные яйца, все-таки горяченькое и на обед похоже.

— Спасибо вам за ваши заботы.

— Не за что, кушайте на доброе здоровье. Плохо вот, что некому о вас позаботиться.

— Как некому? Вот видите, сегодня вы, а завтра и еще кто-нибудь. Так и живу, и не голодаю.

— Ну, уж и живете тоже. Что, я не вижу? Кто, кто, а я-то лучше всех вижу, как вы живете.

— Что, плохо?

— Конечно, плохо.

— Хуже бывает.

— Бывает, да редко.

— Разве редко? Ну и пусть, беда не велика. И так, за ваше здоровье, значит.

— Кушайте, а потом я приду и приберу комнату.

Не спросите ли? Нет, что за легкомыслие! Что ее пугать и тревожить.

Обедал я почему-то долго. Я заметил по тому, что уборщица два раза заглядывала в дверь, а я все еще не кончил. Когда я принялся за пищу, то подумал, что это в последний раз перед «делом» и тут же: а те 17, может быть, в это же время садятся за стол и тоже в последний раз...

И больше я ничего не помню, что было со мной за столом. Решетова зашла и разбудила меня. Первый раз я уснул в таком положении и так внезапно. Был ли это сон или нервный припадок или еще что-то. — я не знаю. Все усилия хоть что-нибудь припомнить, кроме этих двух коротких мыслей, не привели ни к чему, как отсекло.

А обед был съеден. Уборщица, тронув меня за плечо, сразу возвратила меня в действительность, и я чувствовал, что я не спал.

Трогая за плечо, она говорит:

— Т. Мясников, что вы так мучаетесь, ложитесь на кровать.

— Нет, нет, я не хочу спать, да мне и некогда, а это что-то другое, а не сон.

Она пристально поглядела на меня и, качнув головой, говорит:

— Вы какой-то желтый, не больной ли?

Я, не ответив, вышел из комнаты на двор и думал: это первый раз со мной. Что это? Переутомление или что другое? Долго я вожусь с этим делом, надо поскорее кончать. Да, кончать.

Скоро придут товарищи. Что им сказать? Все, как решено, ничего не утаивая. Ну, а что если заколеблются и не решатся пойти против приказов Ленина и Свердлова?

Нет, это невозможно, или я ничего в людях не понимаю, что выбрал этих товарищей. Этого быть не может.

А положение их довольно трудное: две стороны — Ленин и Свердлов дают приказ, а здесь я даю противоположный. Они должны выбирать. Они могут выбирать, они свободны. А это нелегко. И потому надо мобилизовать всю силу своей правды и всю способность убеждать и внушать, чтобы не было у них ни тени колебаний.

Бывает чаще всего, что победу одерживает авторитет, а не истина. Неправда. Победа авторитетов временна, непрочна, но победа.

53. Без четверти восемь.

Пора начинать

Я вышел на улицу и пошел по направлению к рынку, и встречаю Фоминых. Он рабочий, но какой-то жидкий и гибкий, и скоро вошел во вкус бюрократических тонкостей. Комиссар, бюрократ, метящий пробираться выше и выше, он удивительно аккуратен, чист, прилизан, словно только что из-под утюга. И откуда он постиг эту мудрость?

— Ты что, тов. Мясников, в кинто [так! — *Публ.*]? — протягивая руку, спрашивает он.

— Нет, не в кинто, а может быть и в кинто, не знаю, я занят сегодня.

— А когда ты не занят? А знаешь, мне Сивелев говорил, что ты речь должен сказать перед тем, как будут демонстрировать фильм.

— Ну, это дудки. Пусть Сивелев говорит.

— Да тянет он очень. Не любят его слушать.

— Ну, для кинто лучше и не найти. А сколько время?

— Полвосьмого.

— Это верно? — Гляжу на свои часы и говорю: — У меня без четверти восемь.

— Пожалуй, твои вернее.

— Ну, пока. — Подаю руку и ухожу, завидев приближающегося Иванченко. — Ты аккуратнее всех.

— А то как же? Раз ты сказал, что надо, — значит четверть часа, куда ни шло, жертвую на алтарь моей любви к тебе.

— Ну, это можно и не делать, мне от твоей жертвы ни жарко, ни холодно.

— Нет, Ильич, я хочу знать, любопытство меня разъедает, что за дело у тебя.

— А вот когда придут все, то и расскажу.

— Ты как-то немного напугал всех нас своим необычайно серьезным видом, когда назначил время явки. Мы уже перекинулись словом и решили, что это неспроста.

— И вы правы.

— Ну, а понять не могли, что ты задумал.

— И это хорошо. Если бы все могли понимать, что я задумал, то дело было бы дрянь.

— Ну, вон Жужгов и Колпашиков.

— А Марков опаздывает. Это плохо.

— Нет, не опаздывает, — раздается голос Маркова сзади меня.

— Ну, и хорошо. Все как по-писаному. Оружие при вас?

— А то как же?

— Так вот что — стоять здесь нам всем неудобно: сейчас пойдут товарищи балясы точить. Пойдемте в кинто, в будку к Гаюдамаку, там и поговорим.

Вижу — у всех на лицах страшное нетерпение: хочется знать, что за дело, и потому быстро, быстро все на двор кинто и в будку⁴⁴.

54. Наше заседание

Кинематограф — это длинный деревянный одноэтажный дом на манер сарая. Для Мотовилихи это второе развлечение: театр и кино. По типу они похожи один на другой. Если принять во внимание, что на всю Мотовилиху с 35 или 40-тысячным населением не найти и десятка двухэтажных домов, а все — одноэтажные, маленькие деревянные хибарки, то эта убогая лачуга под кинематографом на фоне этих хибарок кажется красотой и роскошью.

Все двери кино открыты. Это и удерживает, должно быть, публику в помещении кинематографа в такой дивный вечер.

Серо, сумерки. Тихо, не шелохнется. Глубокое небо и мерцающие звезды, борющиеся с дневным светом: тоже вопрос — мерцают они или это мое ощущение? Соответствует ли что моим зрительным ощущениям вне меня, объективно? — Ну, а они все-таки мерцают, а от этого настроение лучше, бодрее, как будто они хотят поговорить со мной. И вспомнил я предложение Гриши Авдеева — рыбачить. Рыбачить, не рыбачить, а полежать на свежем воздухе, глаза в звездное небо, слушая шепот и говор вод Камы, это бы дело. Да, но не сейчас. Собственно я ведь это только в детстве испытал, больше мне не приходилось: некогда.

Так, думая вразброд, направляюсь после товарищей на двор кино, мимо раскрытых дверей, но занавешенных, прибавляю ходу, чтобы никто не остановил, и это меня возвращает к делу, мысль повертывается в сторону доклада: как сказать и что сказать? И тут же ухватываю тему за какое-то место, и она вся целиком передо мной, во всей сложности и простоте, только обскаживай знай. /.../

Я чувствовал большую ответственность и был более насторожен, чем на каком-нибудь ответственном диспуте, и потому все так вышло хорошо.

Захожу в будку, ребята стоят и перекидываются словечками, ожидая меня. Гайдамак же крутит ленту. Подхожу я к Гайдамаку, а он, улыбаясь, кричит, что же я вздумал в гости к нему придти.

— Да, видишь ли, пошел в кинематограф, а мне сказали, что я говорить там должен, но я сбежал, да и душно там, и мы к тебе поболтать между собой. Мы тебе не мешаем?

— Нет, нет, т.Мясников, что вы, какая помеха.

— Ну, так и хорошо. Ты крути, а мы вон там в сторонке приедем.

Сказав это, я отошел в сторону и как можно подальше от него. Товарищи приблизились ко мне. Есть всего один стул, я сажусь и приглашаю их взять поленья дров и усесться на них. Они так и делают. И все четверо плотно полукругом усаживаются против меня на поленья. Оказалось, что я сижу повыше их всех и для разговора это, собственно, было хорошо: их уши были немного пониже моего рта.

Когда мы уселись, их лица снова приняли напряженно-выжидательное выражение. Я посмотрел на них сразу на всех и сказал:

— Товарищи, я вас позвал сюда для очень ответственного дела. И прежде, чем сказать вам, в чем это дело состоит, мы должны связать себя обещанием, твердым словом рабочих-революционеров, что ни в каком случае не будем рассказывать никому ничего из того, что вы здесь услышите. Всякий, кто расскажет, он

отвечает своей честью и головой перед остальными четверыми. Согласны ли товарищи взять на себя это обязательство?

— Конечно, конечно, что за разговоры.

— Вы, товарищи, видите, что я был уверен в вас и потому из всей нашей организации я выбрал вас четверых. Я знал, что вы будете согласны.

Эти две фразы сразу отдали их в мое распоряжение: мы уже составляли с ними не пять голов, не пять волей, а одну волю и одну голову. И эти же фразы придали им сознание ответственности, важности и серьезности дела, и внимание их, напряжение повысилось до предела.

— Вы знаете, товарищи, — продолжал я, — что в Перми живет Михаил Романов?

Сказав это, я обвел их глазами, и у всех прочитал одно и то же: а, вот оно что. Вот какое дело. И видел я, что они уже согласны. Можно было сразу спросить — согласны? И они не только поняли бы, но и ответили бы разом — согласны. Но я не хотел ничего строить на догадках и недоговоренностях. Хотел ясности и точности. И потому я продолжал.

— Вы, знаете, товарищи, также и то, что он живет без всякой нашей охраны, со своей собственной охраной из пажей. Когда его привезли сюда, его посадили в тюрьму. Вскоре Губисполком и Губчека получают телеграмму за подписью Ленина и Свердлова, что Михаила необходимо освободить. Никто не протестовал и освободили. Тюрьмы строились царями, но для нас, а не для них. И сидеть в тюрьме для них никак нельзя. Освободили и установили надзор ЧК, но его императорское величество не могло остаться довольным. И опять заработала машина, и вновь привычные ходатаи с заднего крыльца полезли во все щели, и результат получился неплохой: вновь получили телеграмму за подписью Ленина и Свердлова: освободить из-под унизительного надзора ЧК. Наши власти Перми исполнили приказ, но заменили надзор ЧК надзором милиции. Но и это не может перенести его императорское величество. И вновь ходатайства, и вновь телеграмма за теми же подписями: освободить Михаила от всякого надзора с прибавкой: не считать Михаила контрреволюционером. /.../

Неужели мы отступим перед этой падалью истории, Михаилом? Нет, товарищи, мы не можем сделать этого ни во имя прошлых мук поколений, ни во имя грядущих страданий и мук, которые неминуемо придут, если мы его оставим живым. Мы его должны уничтожить и уничтожим. И мы уничтожим так: Ленин и Свердлов бояться осложнений? Пусть. Мы их не скомпрометируем. Есть офицерская организация, которая хочет устроить ему побег? Есть.

Так шутите, господа хорошие. Мы вам устроим этот побег: Михаил бежал.

Сегодня мы его возьмем и расстреляем. Завтра ЧК узнает и расстреляет всех его охранников за содействие к побегу, дав во все стороны телеграммы. Официально Михаил бежал, а фактически он расстрелян. Ленин и Свердлов могут сказать: бежал, а контрреволюция его иметь не будет. Товарищи, если мы не сделаем сегодня этого, то завтра, может быть, его уже не будет, завтра, может быть, он будет стоять во главе всех контрреволюционных сил, а это значит, если мы, советская власть, носим голову на плечах, то это будет стоить сотен тысяч рабоче-крестьянских жизней.

И, товарищи, прежде чем предложить вам технический план исполнения этого дела (а он у меня готов), я предлагаю высказаться принципиально, согласны ли мы сделать это или нет. Кто хочет слова?

— Конечно, согласны, — отвечает за всех Жужгов.

— Ну, а вы как, товарищи?

— Согласны, Ильич, что разговаривать. Что с этой гадостью церемониться, — говорит Колпашиков.

А Марков и Иванченко с горящими глазами, со стиснутыми челюстями и нахмуренными бровями, буркнули разом:

— Давно пора.

— Вижу я, что все четверо готовы, и я доволен. Итак, вперед без страха и сомнения, выходит? Ну, а теперь я должен вам сказать, что всю ответственность за это дело беру на себя. Если нужно будет в угоду буржуазии всего мира принести жертву, то этой жертвой буду я: пусть меня расстреляют.

— Ну, это ты ерунду городишь, Ильич, — говорит Жужгов. — Да кто же даст тебя расстрелять? Ну, уж если надо будет расстрелять, то я стану под пулю за тебя.

И все трое остальных вперемежку:

— Вот сказанул, да любой из нас сейчас за тебя не только голову, а если бы их было десять у каждого, то все отдал бы.

— Ну, так, товарищи, я ведь и не сомневаюсь в этом и потому я вас именно вызвал. А дело-то может повернуться так, что нужен будет гласный суд, с адвокатами, прокурорами, корреспондентами буржуазных газет и т.д. и т.п. Ну, и тогда как? Ведь надо будет речь сказать и сказать с толком, почему я сделал это, вопреки всем приказам, ведь нужно будет растолковать исторический смысл этого акта. Ну, а кто из вас сделает это?

— Никто, — мрачно буркнул Жужгов.

— Ну, то-то же и есть.

— А тогда всем вместе, — торопливо выпаливает Иванченко.

— А зачем это? Какой смысл? Не лучше ли погибнуть одному за всех пятерых. Если спросят меня на суде, были ли у меня сообщники, я скажу, что были, но разве я смогу назвать вас? Нет, никогда. Итак, решено, что я беру это на себя. Это на всякий случай, товарищи. Может быть, этого и не надо будет и все обойдется хорошо: ведь мне моя голова тоже нужна, как вы думаете? Ну, вот, вы улыбаетесь, а я наверняка могу вам сказать, что жить мне без головы очень скучно, и я постараюсь избежать и этой маленькой потери.

Еще одна подробность: может быть, в связи с газетными и официальными сведениями о побеге в рядах белогвардейцев создается самозванца — Михаила II, как тогда быть? Я думал об этом и решил, что если что-нибудь в этом роде будет устроено, то мы выроем Михаила из могилы и положим труп его перед Королевскими номерами, и вот тут тоже может получиться, что надо будет открыть убийцу и судить его, и я предстану перед судом.

А теперь техника. Сегодня ровно в 12 часов ночи мы будем в Королевских номерах и возьмем Михаила. Товарищ Жужгов будет иметь на руках мандат от имени ЧК. В этом мандате будет сказано, что ввиду приближения фронта, т. Жужгов уполномочен эвакуировать Михаила Романова в глубь России. С этим мандатом т. Жужгов войдет к Михаилу и возьмет его. Все вещи и остальные люди будут эвакуированы позднее. Так должен будет сказать т. Жужгов. Мандат еще не написан, но мы заедем в ЧК, и там я все устрою.

— Но туда без пропуска не пройдешь, — замечает Марков.

— Ну, т. Мясников пройдет, да и нас протащит, — замечает усмехаясь Иванченко.

— Да, товарищи, я думаю, что смогу пройти без пропуска: все красногвардейцы если не в лицо, то понаслышке знают, и с этой стороны затруднений не будет.

Дальше. Тов. Марков будет наблюдать с лестницы, что будет происходить там, и передавать т. Колпашикову, который будет стоять внизу. Тов. Иванченко будет около лошадей. Я буду около дверей гостиницы. Все затруднения и неполадки немедленно сообщать мне, не давать никому говорить по телефону. В 10 часов мы берем двух хороших лошадей с заводской конюшни: сильных и бегунов. Берем без кучеров. Отправляемся в Пермь в ЧК и все это проделываем сегодня же, во что бы то ни стало.

— А дадут ли лошадей без кучеров? — тревожится Колпашиков.

— Ну, как не дать, если он нажмет, — кивая в мою сторону, бросает Жужгов.

— Итак, товарищи, мы готовы, значит?

— Да, готовы, — роняют россыпью все и поднимаются, шум[но] отталкивая поленья.

— Идем в Исполком. Буду звонить на конюшню. Эх, товарищи, немного не позабыл, остановитесь на минутку: вы местный народ и знаете Мотовилиху лучше меня, скажите, где мы его похороним, и не приготовить ли заранее яму?

— Ну, ты будто не знаешь Мотовилихи. Поди все обдумал давно, только нас пытаешь, — бурчит Жужгов.

— А я думаю, что за Малой Язовой, в лесочке.

— Ну, вот видите, а спрашивает, лучше и не придумаешь, — опять как будто нехотя глухо роняет Жужгов.

— А яму как?

— Это дело не сложное, час работы, выроем, когда привезем, — говорит Иванченко.

— Я тоже думаю так, — отвечаю я.

— А все-таки ловко же ты, Ильич, все обдумал, комар носу не подточит, — говорит Колпашиков.

— Цыплят по осени считают, дорогие товарищи. Все одно: глядеть-то ловко, а станешь делать, все и пойдет прахом. Надо *сделать* хорошо, а не только обдумать. Ну, я верю, мы сделаем.

— Конечно, — отвечают вразбивку.

— Идем, товарищи. Подождите малость, я побалагурю с Гайдамаком, а то он все поглядывает сюда: удивляется. Надо успокоить.

— Что, тов. Гайдамак, изрядно надоели мы тебе? — подхожу я к нему и бросаю на ходу.

— Ну, сказанул тоже, тов. Мясников, я гляжу, что ты ребят занял каким-то умным разговором, что все они стали задумчивые: головой заставил работать, и мне досадно, что я не мог тебя послушать.

— Это не уйдет, тов. Гайдамак, послушаете в другой раз, а для вас я еще умнее что-нибудь придумаю и более веселое. Вы ведь весельчак, не любите, поди, печальных историй?

— Вот все думают, что я и печалиться не способен, это неправда. Мне думается, что я больше тоскую и горюю, чем многие, но только не прячу рожу в варежку печали, в этом и разница.

— Это хорошо. Я вас понимаю. А, пожалуй, пора мне во-сво-яси. До свиданья, тов. Гайдамак, я вам мешаю.

— Нет, нет, т. Мясников, не мешаєте. Что? Спешите? Ну, так до свиданья.

Пожавши руки, мы расстались.

Гляжу на часы. Время девять с половиной часов. Пора, думаю. Пока запрягут — будет десять. И с этим выхожу на двор кинематографа, где меня ждут товарищи.

— Ну, двигаем, товарищи.

Небо чистое, нет ни облачка. Тихо, не шелохнется. Приятно и сладко в воздухе. Завод гудит, трещит кино.

55. Мы едем

Правду сказал Гайдамак, что товарищи немного задумчивы и как будто насторожились. Идем молча, не разговариваем. Я чувствую, что у них проснулся дух старых конспираторов и немного порастолкал привычные чувства, мысли, дезорганизовал их, чтобы организовать заново. От этого некоторая необычная настороженность и задумчивость.

Заходим в Исполком.

— Товарищ Марков и ты, т. Колпашиков, вы пойдете немного погода в завод и возьмете лошадей, чтобы кучера сюда не приезжали, делать им здесь нечего.

— Хорошо, это лучше, — отвечает Марков.

Звоню в завод, прошу запрячь двух хороших, сильных лошадей, а кучеров не назначать. Запрячь сейчас же, за ними придут.

Спрашивает, кто говорит, и отвечает, что сейчас же будут готовы.

Кладу трубку и говорю:

— Ну, друзья, вы можете отправляться за лошадьми, пока дойдете, их запрягут.

Они поднимаются и уходят. Мы остаемся с Жужговым и Иванченко. Тот и другой знают Свердлова по работе в организации в 1906 году и по тюрьме. И, должно быть, один и тот же вопрос долбит их мозг, и они как-то сразу, вместе встрепенулись и, обернувшись ко мне лицом и упершись своими глазами в мои глаза, спрашивают:

— Как же мог Свердлов так промазать?

— Трудно, товарищи, что-нибудь сказать определенное, но ясно, что ошибка с их стороны громадная. Ну, представьте, что я подчинился всем их распоряжениям, как все другие, а в это время организация офицеров сделала бы свое дело, и что тогда? А с другой стороны, товарищи, наше ЧК расстреливает наших рабочих-мотовилихинцев за то, что они «шептуны». Выходит совсем скверно: очень много телеграмм в защиту Михаила и ни одного слова в защиту рабочих. Я могу сказать на основании до-

клада Лукоянова, что большинство расстрелянных — рабочие и крестьяне, и расстреляны за то, что они меньшевики или с.-р.-ы. Это что такое? Скверно это, товарищи.

— Да, я слышал от Малкова, что ты там здорово их утюжил, — говорит Иванченко.

— Нет, тов. Иванченко, не здорово. Здорово было бы, если бы я их расстрелял за это. Вот это было бы дело, а так выходит, что я их критикнул малость, они признали линию ошибочной, ну и все. А ведь эта линия «ошибочная» кровью пахнет, кровью рабочих. А вот Гриша Авдеев сегодня говорил — а что если такая вот линия везде и всюду, то ведь она дорого обходится рабочим. Они кровью за нее платят. И в это же время много телеграмм в защиту Михаила и ни одной в защиту рабочих. Это странные ошибки. Не нравятся они мне. И знаете, у меня, кроме всего прочего, есть немного злости против Свердлова и Ленина, и я как бы мщу им за рабочих, расстреливая вопреки всех их приказов Михаила. Конечно, если бы не было тех доводов, о которых я вам доложил, то, руководясь этим чувством, я бы не предпринял этого, но вот факт — это чувство у меня есть.

— А у меня, знаешь, какое?

— Скажи.

— Чем больше мусору вывезешь, воздух чище. Когда ты сказал, что провокаторы, шпики — все это слуги Михаила Романова, ты меня так взвинтил, что я буду их бить, как холерных бацилл, — говорит с мрачной и тихой злобой Жужгов.

— Да, тов. Жужгов, где ты был в каторге? В Александровске?

— Нет, в Акатуе.

— Да, вот если бы ты в Орле побывал, то у тебя злости этой было бы в сто раз больше.

— Да, Орел всем каторгам каторга. И везде, во всех каторгах знают об Орле. Откуда бы ни приходили, а об Орле знают. И знаешь, несладко, о, как несладко во всех централах, но все Орла боются.

— Я это к тому говорю, тов. Жужгов, что у тебя злости на всю жизнь хватит, любви не мешало бы немного.

— А злость-то моя, это не от любви, что ли? От любви. Это другая сторона любви. Я готов за моих товарищей, за рабочих, за угнетенных всю мою кровь отдать по капле, медленно. И если я буду бить и бью всех поработителей, то это из великой любви к мукам и страданиям труженников. Без злости, Ильич, революции не сделаешь. Не сделаешь ее и без любви.

— А не довольно ли философствовать, товарищи, вон и лошадей привезли, — говорит Иванченко.

— Ну, и пойдём. Мы с тобой поговорим ещё как-нибудь, а я только хочу узнать сейчас же, почему ты сказал, что я тебя взвинтил, указав, что провокаторы и шпики — это слуги Романова? Ты что, не знал, что ли?

— Знал, как не знал. Очень хорошо все мы знаем, да сказал-то ты очень к месту и кстати, и все, что было у меня внутри против провокаторов и шпииков, выросло в удесятеренной степени против их хозяина — Михаила. Ведь не часто, Ильич, бывает, что царей убивают, и слово твое очень к месту, и сегодня оно для меня имеет такую силу, как никогда.

— А я, знаешь, как думаю, тов. Жужгов?

— Как?

— Это сегодняшнее дело — начало конца всех Романовых, что есть в РСФСР. Ведь если можно расстрелять Михаила, то тем более можно всех других. И ты увидишь, как полетят головы всех Романовых.

— И это дело, — ласково вставил Иванченко.

В это время заходит тов. Марков и говорит:

— Лошади здесь.

Я гляжу на часы и говорю:

— Ну, вот и хорошо. Все идет, как надо. Десять часов. Час почти езды до ЧК, и час на все остальное. Двигаемся.

— О чем это вы так горячо говорили, — спрашивает тов. Марков у Иванченко при выходе из Исполкома.

Иванченко, оглядываясь на меня и кивая в мою сторону, отвечает:

— Ты что, разве не знаешь его? Всегда найдет разговоров на всю Мотовилиху. Даже Жужгова раззадорил, вот до чего интересно.

— Да о чем же говорили, скажи, — раздражась, спрашивает Марков.

— Потом скажу, а сейчас поедём.

— Ну, кто где сядет?

— Тов. Мясников со мной, — кричит Колпашиков.

— Нет, я хочу с Жужговым, мне с ним поговорить отдельно надо. Мы вдвоем, а вы втроем. Мы вперед, а вы за нами.

— А где поедём? — спрашивает Жужгов.

— Горками, — отвечаю я. — Ты чего же, тов. Жужгов, на козлы громоздишься?

— Да, а то как же? Правильно-то лошадью оттуда неудобно.

— А я с тобой поговорить хотел.

— И поговорим. Вот подожди, лошадь обойдется малость, и поговорим. Я тоже один вопрос к тебе имею.

— Трогай, т. Жужгов.

Я в глубине экипажа, затянутого сверху, на хороших мягких рессорах и пружинах сиденья мягко колышусь из стороны в сторону. Сильная лошадь спорой рысью добежала до подъема на Горки, и Жужгов, пустив ее шагом, оборачивается ко мне и спрашивает:

— Ты сказал, что сегодняшнее дело есть начало конца всех Романовых, что есть в РСФСР. Как это надо понимать? Ведь мы официально не расстреливаем Михаила, а он бежит, значит, никто же не будет знать, что он расстрелян, и не будет расстреливать Романовых. Растолкуй-ка мне.

— Это просто. Возьмем, например, Алапаиху. Там много князей⁴⁵. Услышат они, что Михаил бежал, и одни решили, что его пристрелили и объявили, что он бежал, а другие поверили, но и те и другие согласны с тем, что князей беречь дальше не стоит, и истребят. Николая же с семьей можно расстрелять по суду, официально. Так, наверно, и будет. А мы с вами убираем психологическое препятствие к этому истреблению. А теперь вот что, тов. Жужгов, когда ты войдешь к Михаилу и покажешь мандат, много не разговаривай, а скажи, что ты имеешь приказ, который выполнишь во что бы то ни стало. Дай понять, что разговоры бесполезны. Чем больше будешь разговаривать, тем хуже и канительнее будет.

— Разговаривать мне не о чем, ни с Михаилом, ни с его холуями. Ты, Ильич, не беспокойся, я сделаю, как ты сказал.

— Ты знаешь, порядки у них там царские: его величество величают Михаила-то, вот ведь пакость-то. А когда я пришел в ЧК, они почему-то сразу узнали, и у них тревога какая-то была. Очень часто произносили мое имя и много разговаривали. Еще больше тревоги стало, когда я его вызвал в ЧК. И они теперь спокойны: меня в ЧК нет. Вот узнать бы, через кого они у нас действуют в губернской головке? Дело нечистое, Жужгов, скверное. Какая-то пакость у нас есть.

— К нам нетрудно пробраться. Стоит только сказать, что в 1905 году принимал участие в движении, привести двух свидетелей — и дело в шляпе. А ведь в 1905 году он был революционером, а после он стал реакционером, а на всякий случай пролез к нам в партию, ну и пакостит вволю. Много больно у нас интеллигенции большевистской сразу появилось. Откуда она? Где она была, когда кандалы надо было носить, а не чины? Не бойся, в 1908 году ни одной души в организации не было, — злобно и какими-то обрывками кидает свои мысли с козел Жужгов.

Я думаю: странно, что ни думающий рабочий, то интеллигенцию недолюбливает. Вот Гриша утром, а Жужгов вечером,

оба говорят одно и то же. Почему бы не повернуть на кого-нибудь из рабочих его подозрения? Нет, не повертывает, а повертывает прямехонько против интеллигенции. Я спрашиваю:

— А ты почему думаешь, что если пакость, то обязательно интеллигент: Митька-то Бажин рабочий ведь, Двойнишников⁴⁶ — тоже рабочий.

— В семье не без урода, Ильич, а только одно надо знать, что если бы интеллигентам взять наши тяготы, то их ни одного бы в организации не осталось. Двойнишников имел четырех детей и получил 15 лет каторги, да еще открывалось дело, виселицей пахло, вот и согласился. Не оправдываю, а растолковываю. Если бы оправдывал, я бы его не расстрелял, а то ведь я его из своего браунинга пристрелил. Другое дело: рабочему труднее стать пакостником — к привольной сладкой жизни он не привык, а тяжелее-то его жизни трудно изобрести: нечем напугать. Вот и держатся одной стороны. Если провокаторы, шпики среди рабочих — исключение, то среди интеллигенции — скорее, обратное: честный революционер — исключение, в виде белой вороны: вот почему я и думаю, если пакостит, то скорее всего интеллигент.

Пока мы разговаривали, наша вороная ходко взбиралась на извилистую гору. Вот и Заивы конец. Поднялись. Начинаются мотовилихинские Горки. По левую руку — поля, кое-где утыканные кустарниками, а по правую сторону, над самым обрывом — домишки рабочих. Вот там, в дали полей черные пятна — это «ямки», а на этих ямках кустарники елок и сосны. Часто эти «ямки» служили местом нелегальных собраний. Часто они видели подкрадывающихся полицейских и жандармов и нередко вырывающихся из-под горы и скачущих во всю прыть казаков. Бывало, что схватывали добычу, но редко. Поглядел туда, мелькнули эти мысли в голове, и тут же встали рядом с мыслями о деле, на которое еду. Кричу взявшему вожжи и развивающему ход воронка Жужгову:

— Жужгов, знаешь «ямки»?

Он не повертывается и, не изменяя хода лошади, бросает:

— А то как же?

— Попробуй подумать о Романовых в эпоху «ямок» и теперь. Опять поворот и кричит:

— Да, круто ворочается. Очень крутенько. Не только троны и короны, но и головы вздергивает. Износилась телега: триста с лишком лет ей. А повороты все круче, а гонка все сильнее, ну, и поломка.

Прямо из-под сиденья образы выхватывает! Мы подъезжаем к речке Ягошихе, глубоко-глубоко зарывшейся в овраге. Спуск и

подъем очень опасны, крутые повороты, извилистая лента крутой горы, без всякой изгороди над пропастью, а лошадь несет во всю рысь, и если не остановить, то сломается не только плохая телега, но и новая, и не только телега, но и не уцелеют головы седоков.

И Ягошиха тоже... Она в этом месте разделяет новое и старое кладбище и губернскую тюрьму. Вот там видно через деревянный забор старого кладбища ложбину. В этой ложбине в 1906 году было собрание Пермского Комитета партии. Был здесь Свердлов, Бабенцев⁴⁷, Трофимов*, Герой и я. Обсуждали один вопрос: об организации экспроприации денег. Постановили: сделать эту экспроприацию. План наметили. Людей и время. Это было уже после объединительного съезда РСДРП, где было принято постановление о прекращении экспроприаций.

Так что среди нарушителей съездовских постановлений об экспроприациях и партизанской борьбе, мы можем видеть не отдельных лиц, а целые организации, и это надо отнести не только на счет Урала, и особенно Мотовилихи, но и Кавказа и Закавказья. Если на Кавказе, в этой экспроприаторской, азартной и смертельной борьбе можно было заметить фигуры Сталина и Орджоникидзе, то на Урале — фигуры Свердлова и Преображенского. И только близорукие доктринеры и чиновники от революции вроде Троцкого могут бросать упрек тому или иному действовавшему лицу, не понимая и не желая понять специфической исторической обстановки этой борьбы.

А вот в этой тюрьме, что через овраг от кладбища, через месяц примерно был умещен весь состав Комитета, и много сверх того, всего 54 товарища. А кроме того и вся группа экспроприаторов. Провокация. Провокаторы недавно были расстреляны. А теперь очередь за главой провокаторов.

Эти провокаторы послали много людей, чистых, светлых, стоических и жертвенным огнем горевших, послали на виселицу, и вон там, под конюшной тюрьмы были открыты трупы.

Повесили. Но боялись вывозить за ограду тюрьмы. И под конюшной схоронили.

Да, среди тех, кто мог туда попасть, под конюшню, были и Жужгов, и Иванченко, и я. Случайности. И прихоть ли истории, случай ли злой, но вот мы едем снять голову Михаилу II и последнему. Нам не сняли, так мы снимем. Злая усмешка истории.

Проезжая мимо тюрьмы, вижу, что окна увеличены уже не меньше, чем в два раза. Свету и воздуху больше, значит. Да, очень хорошо бы, чтобы их совсем не было. Хорошо-то хорошо, а куда ты едешь? Убивать. Лучше сначала прекратить убийства, а потом разрушить тюрьмы. Это придет. Надо, чтобы пришло. И не мо-

жет не придти. Победа труда уничтожит гнет, эксплуатацию, насилие, уничтожит. Надо бороться.

— Жужгов.

— Что, т.Мясников?

— Узнаешь?

Не оглядываясь, отвечает верно:

— Ну, как же?

Знает, что о тюрьме говорю.

— Не могу я, Ильич, хладнокровно глядеть на тюрьмы: уничтожить бы их скорее. Погляжу я, и у меня все внутри заноеет, застонет. Сердце шемить начнет.

Слушаю и думаю: думает, как я. Интересно. А сумеет ли увязать с тем делом, на которое мы едем? Жду, потому и молчу.

— Да, надо бы. Если мы их не уничтожим, то кто же это сможет сделать? Никто ведь, Ильич, — оборачиваясь и беспокойно ерзая, спрашивает Жужгов.

Я молчу и жду. А он, выезжая на гору и подбирая вожжи, трогает лошадь, и это движение ему напомнило, куда мы едем, и он, еще беспокойнее и поспешнее оборачиваясь, зло бросает:

— А сначала всех их уничтожим, а потом тюрьмы. — И натягивает вожжи на большую рысь.

Звучно в тихой ночи топают копыта сильной лошади. Она верит в силу ног своих, властно рвет куски пространства, дерзко топчет землю. Уверен и Жужгов. Вижу я по его сутуловатой спине. Очень уверен. Уверен и я. И мы втроем несемся по Покровской и, живо домахавши до Сибирской, поворачиваем направо и, проехавши квартал вниз к Каме, останавливаемся на углу ЧК. Только остановились и успели сойти, как подъезжают и трое остальных. Разгоряченные лошади беспокойно топчутся на месте, мотая головами, выдергивая вожжи, прядут ушами, оглядываясь по сторонам. Они культурны. Они пугают, что, вот, пусти и удерем. Нет, это неправда, их можно оставить непривязанными, и они сразу присмиреют и покорно будут ожидать. Но я говорю, чтобы завели их на время во двор: с глаз долой.

— Товарищи, вы войдете все со мной в помещение ЧК. Там мы нахлопаем мандат и выждем время.

56. Неожиданная помеха:

Предисполкома Сорокин и Предгубчека Малков

Все молча соглашаются. Я поворачиваюсь и иду к входу. У входа стоит красногвардеец, мотовилихинец, и, увидевши меня, улыбается и здоровается:

— Что это так поздно к нам в гости, тов. Мясников? Никого в ЧК нет. Все давным-давно разошлись.

— Здравствуйте, — протягивая руку, говорю я. — Почему вы думаете, что кроме вас мне еще кто-то нужен? Мне так и вас одного достаточно.

Он, улыбаясь, отшучивается:

— А мне думается, что маловато. Если бы достаточно было, то не привезли бы с собой четверых.

Я гляжу ему в глаза, довольный его ответом, и продолжаю:

— Эти четверо мои, а от вас мне вас достаточно.

— А мы что — не ваши?

— Мои, это точно, но не такие, как эти. Эти, знаете, каждый столько несет тягот на себе, что если понемногу разложить, то на все ЧК хватит.

Он молодой и знает мало товарищей, а потому внимательно оглядывает всех и говорит:

— Я, тов. Мясников, не виноват, что поздно родился и не мог принять своей доли тягот на свои плечи. Я не трус, и тягот не боюсь, и товарищей, вынесших на себе за всех нас эти тяготы, я люблю больше, чем мать, отца и себя. Я умею ценить, хоть и молодой.

Вижу, что правду говорит, и чувствую, что он понял меня себе в укор, а я доволен им, что он молодой, а прыткий и умный.

— Вы что же это? В укор себе мое словцо взяли?

— А то как же?

— Ну, я этого не хотел сказать, а как-то сказалось неловко. А все это вид тюрьмы наделал. Ну, скоро они там с лошадьми? — обращаюсь я к Иванченко. — Что они там делают?

Марков подскочил к воротам и глядит во двор, а потом, поворачиваясь ко мне, говорит: «Идут».

— Ну, шагаем, товарищи, — говорю я, обращаясь ко всем.

И один за другим скрываемся в дверях.

Заходим в один из кабинетов. Я говорю:

— Ну, так вот что. Я поищу в отделе печать. Сейчас возьмем машинку и нахлопаем мандат.

Осветил все комнаты и разыскал, что надо. Я не умею писать на машинке и говорю:

— Кто умеет?

— Я, — отвечает Марков.

— Я напишу тебе черновик.

Вынимаю из кармана блокнот и пишу: «Ввиду приближения фронта, настоящим поручается тов. Николаю Жужгову эвакуиро-

вать гражданина Михаила Романова в глубь России. Подписи председателя, заведующего отделом по борьбе с контрреволюцией. Секретарь». Я расписываюсь за председателя, Марков — за зав[едующего] отд[елом], а Колпашиков за секретаря.

Написал черновик и даю Маркову. Он усаживается и начинает хлопать. Но так тихо, что мне кажется — я могу быстрее его, и это меня немного раздражает. Но мы полуокружив его, стоим, внимательно наблюдаем за убийственно неуклюжими движениями его пальцев, и в это время совершенно никем не замеченные входят и тихо-тихо подкрадываются на цыпочках (желая подшутить) два председателя: председатель Губернского Исполнительного Комитета — Сорокин, и председатель ЧК — Малков. Но когда они приблизились и сразу схватили суть оканчиваемого печатанием мандата, они от неожиданности растерялись, и когда я оборотился и увидел их и понял, что они уже прочитали мандат и знают, зачем мы здесь, и заметил их растерянно-испуганный вид, я сразу подумал — непредвиденное затруднение. Быстро заработала мысль. Первое, что толкнулось в голову: арестовать. Но вспомнил, что у меня всего четыре человека и может их не хватить. Я решил, что они добровольно арестуются, если я скажу, и говорю:

— Вот что, товарищи Сорокин и Малков, мы сейчас отсюда уходим, а вы должны остаться здесь и не выходить отсюда в течение двадцати минут. Не выходить, несмотря ни на что: будут ли выстрелы, будут ли вызовы по телефону — вас здесь нет, вы ничего не видали и не знаете. Поняли? После двадцати минут вы свободны. Дадите ли мне слово, что вы исполните мои требования?

Вид их был необычайно растерянный; и тот и другой — бледный-бледный. Видно было, что они нервничали. Но я себя не видал, и не знаю, какой вид был у меня. (Потом мне рассказал кое-что тов. Иванченко). Но было, должно быть, у меня на лице и в фигуре достаточно решительности, что оба председателя без всякого промедления и размышления дали мне свое слово.

Я обращаюсь к Иванченко и Колпашикову и говорю:

— Выводите лошадей, мы едем.

Это было без пятнадцати минут 12 часов 3 июня 1918 года⁴⁸.

Я кивнул головой Маркову и Жужгову, направился к выходу, еще раз поглядев в глаза Сорокину и Малкову, чтобы удостовериться, что они исполнят требование.

Жужгов взял мандат и согнул его вчетверо, сунув в карман, и направился вслед за мной вместе с поднявшимся от машинки Марковым.

Лица у Иванченки с Колпащиковым и у Маркова с Жужговым были так спокойны и решительны, что мои распоряжения двум председателям не только их не удивили, а поняты были, как очень нормальное и естественное: они не знали иного, они не могли представить, что мои распоряжения можно было бы не выполнить. И этот их вид, должно быть, тоже кое-что рассказал Сорокину и Малкову.

Сорокин — инженер-химик, член партии с 1909 года. Большую часть своей партийной принадлежности был в эмиграции. По приезде из-за границы работал в заводе Мотовилихи, сначала как инженер, а потом как член Заводского Комитета, а потом мы его выдвинули в председатели Губисполкома.

Малков — рабочий столярного цеха Мотовилихинского завода, член партии с 1915 года.

Тот и другой знают меня, а потому, будучи выдвиненцами от Мотовилихи, они беспрекословно подчинились моим распоряжениям. Это — сторона формально-историческая. А Иванченко мне рассказал еще и о психологической. Но это потом. Говорю о Малкове и Сорокине эти немногие слова, чтобы поняли, как эти два самые высокие по занимаемым постам советских работника беспрекословно подчиняются распоряжениям человека, который формально ни в каких чинах не состоит (если не считать, что я член ВЦИКа).

Не подчиниться они в этот момент ни психологически, ни фактически не могли. Они должны были подчиниться.

57. Едем в Королевские номера и забираем Михаила, его секретаря лорда Джонсона

Товарищи видят, что мне неприятна эта встреча. Видят, что я стал резче, круче и обрывистее. И Жужгов первый сказал: «Вот принес их чорт», — как бы желая дать понять мне, что он меня понимает и мои чувства разделяет.

Лошади были поданы. Иванченко и Колпащиков сидели на козлах. Я сажусь на переднюю к Иванченко с Жужговым, а Марков к Колпащикову, и мы двигаем.

Повертываем на Сибирскую и вниз к Каме. Это совсем близко, в одном квартале. И мы подкатили вмиг⁴⁹.

Я схожу и говорю:

— Тов. Иванченко и Колпащиков, заворотите лошадей.

Они завернули, поставив их головами в город.

— Тов. Жужгов, иди. Помни, меньше разговаривай! Тов. Марков, иди на лестницу и наблюдай. Тов. Колпашиков, встань в дверях. Тов. Иванченко, останься на козлах пока.

Все заняли свои места. Через минуту или две Марков передает: двери открыли и разговаривают с Жужговым, и потом: Жужгов показал мандат и заявил еще устно, что ему поручено эвакуировать гражданина Михаила Романова подальше от фронта.

Михаил, поглядевши на секретаря и что-то спросивши по-английски, ехать отказывается и требует, чтобы ему разрешили говорить с ЧК по телефону.

Марков передает: ехать отказывается, хочет говорить по телефону. Жужгов спрашивает, что делать.

— Говорить не давать. Брать силой. Передай Маркову, пусть идет на помощь. Ты, Колпашиков, вместо Маркова. Иванченко, сходи с козел, встань на место Колпашикова.

Колпашиков передает: Жужгов говорит, если не пойдете, то мы применим оружие. Жужгов и Марков вынули браунинги.

Джонсон что-то сказал по-английски, а затем говорит по-русски: «Я еду вместе с Михаилом Александровичем».

Жужгов отвечает: «Сейчас вас взять не можем. После, вместе со всеми остальными и с вещами приедете к месту назначения».

Джонсон настаивает. Его поддерживает Михаил, говоря: «Я не могу ехать один».

Все остальные не проронили ни слова, застыли в безмолвии. Только женщина, пользуясь сутолокой, выходит в коридор и хочет звонить. Ее увидел Колпашиков и остановил: «Гражданка, отойдите от телефона и идите в комнаты», — и кажет браунинг.

Она не ожидала и, вздрогнув, поспешно прячется в комнату.

Ни Михаил, ни Джонсон не уступают, хотят ехать вместе. Мне передают и спрашивают, как быть.

— Спускайте обоих, скорей.

Ведут. Отхожу от крыльца. Говорю:

— На переднюю Колпашиков на козлы, Жужгов с Михаилом. На задней — Марков на козлы, Иванченко с Джонсоном⁵⁰.

Но вот подходит Михаил к экипажу и падает в обморок. Колпашиков подсказывает ко мне и шепчет, волнуясь, — Михаил в обморок упал. Вижу — все растерялись и не знают, что делать. Минута замечательная. Люди, которые готовы зубами перегрызть горло Михаилу, эти люди от непредвиденного пустяка растерялись, замешались. Что это? Несомненно, необычайная нервная натянутость. Перегруженность. Весь израсходовался, а тут еще какой-то комок помех. И замешался.

Вижу это и зло отвечаю:

— Сади, не на свадьбу везешь.

И как хлыстом ударил: сразу пришли в себя и энергично подняли и садят. Но и Михаил почувствовал, что обморок не помогает, и безвольно рухнул на сиденье. Уселся.

Джонсон наблюдал, и как только уселся Михаил, Иванченко тихо приглашает его в экипаж, и они усаживаются.

— Двигай! Я вас догоню. Если не догоню, ждать меня в Мотовилихе, — говорю я⁵¹.

58. Еще раз два председателя

Джонсон мне испортил дело, занял мое место, и я поневоле остался.

Но только тронулись лошади и повернули за сквер, что посреди улицы, я вижу, что два председателя несутся во всю прыть: бегут бегом из ЧК к Королевской гостинице. В то же время женщина появляется на балконе и смотрит на меня. Я вижу председателей и спешу к ним навстречу и спрашиваю:

— В чем дело? Куда так бежите?

Они, запыхавшись, отвечают:

— От Михаила Романова звонили.

— Ну и что же? Вы что, у Михаила Романова на побегушках? Во всякое время дня и ночи по первому зову являетесь? И так бежите? Пойдемте со мной.

Они покорно поворачивают, и я их завожу в правление милицией; в административное правление, что рядом с Королевскими номерами, в бывшей уездной земской управе. Начальником этого управления мотовилихинский рабочий — Василий Дрокин*. Он еще у себя в управлении и собирается ночевать в кабинете.

Я его зову и говорю:

— Распорядись немедленно запрячь твоего рысака. Едем в Мотовилиху. Ты со мной, кучера не надо.

Он поворачивается к милиционеру и отдает распоряжение. Милиционер пулей проносится вниз по лестнице мимо нас, а я вдогонку:

— Скорей, как можно скорей, товарищ.

Он слетает с лестницы.

— Товарищ Дрокин, где можно поговорить, чтобы нас никто не слышал?

— У меня в кабинете.

Я поворачиваюсь к Сорокину и Малкову, киваю на кабинет и говорю:

— Пойдемте.

Заходим. Все стоим около стола. Никто не садится.

Я опираюсь рукой на стол, в полоборота к Сорокину и Малкову, говорю:

— Вы понимаете, товарищи, что вы явились невольными свидетелями...

В это время заходит Дрокин и, увидев, что я остановился, спрашивает:

— Тов. Мясников, мне можно?

— Зайди, — бросаю я. Я начинаю вновь:

— Вы понимаете, что вы явились невольными свидетелями дела, которое ни видеть, ни знать вам было нельзя. Но вы увидели. И потому вы явились невольными соучастниками. Но если это так, а это так, то условие для участия в деле одно для всех: крепко держать язык, иначе откушу, или заставлю откусить и выплюнуть. Это для всех. И для меня, и для тех, что уехали, и для тех, что здесь. Принимаете вы это условие?

— Ну, конечно, тов. Мясников, — отвечает Сорокин своим обычным глуховатым, слабым голосом.

— Ну, а теперь дело так обстоит. Если бы вы не увидели и не узнали, что Михаила «бежали» мы, а узнали об его исчезновении завтра, то что бы вы сделали с оставшимися?

— Арестовали бы, — отвечают оба враз.

— Ну, так и делайте. Арестуйте. А дальше? Арестуете, а за что же вы их арестуете?

— За содействие побегу Михаила, — говорит Сорокин.

— И его секретаря, — добавляю я. — Так. Это верно. Ну, а если бы они вам сказали, что они никакого участия в этом не принимали (имейте в виду, что вы не знали, что я их «убежал»), то вы им поверили бы?

— Нет, конечно.

— Так. Правильно. Значит, вы признали бы их виновными и...

— И расстреляли бы, — добавляет пришедший в себя Малков.

— Так и делайте. Арестуйте всех. Предъявите обвинение в содействии к побегу и всех их расстреляйте, в том числе и жан-дармского полковника Знамеровского, что в тюрьме.

— Хорошо.

— Ну, хорошего тут мало, положим, но делать это надо быстро, точно и без болтовни. А по всем телеграфным, телефонным линиям дайте знать: Михаил Романов и его секретарь Джонсон бежали в ночь с такого-то на такое-то⁵². И это все. Ну, товарищ Дрокин, лошадь.

— Сейчас узнаю, — бросает и выбегает из кабинета.

— Вы, товарищи, идите и действуйте.

— Сейчас же начинать? — спрашивает Сорокин.

— Да, сейчас же, немедленно.

— Ну так, до свиданья.

Торопливо подают мне руки и спешно уходят. А в дверях сталкиваются с Дрокиным, который через головы их кричит:

— Готово, тов. Мясников.

Я выхожу вслед за ними и говорю Дрокину:

— Ты смотри на этих двух председателей. Срам ведь прямо. Дают слово, что они не выйдут в течение двадцати минут, и вот стоило звякнуть кому-то от Михаила, как они бросаются со всех ног бегом.

— Да, слабые они.

И в это же время я случайно гляжу на часы, и оказывается время — час. Значит, думаю, они свои двадцать минут отсидели. Это мы канителились больше, чем полчаса, и Дрокину говорю:

— Нет, я не прав, время уже час, они свои двадцать минут отсидели, и они уже были свободны, но все-таки, что это за манера, бегом бегут два председателя по первому звонку от Михаила. А в это время женщина с балкона наблюдает и видит их бегущих и думает: «Вот мы как вас гоняем». Противно ведь, Дрокин.

59. Я еду догонять

— Ты что, на козлы?

— Да, так скорее догоним. Она на вожжах ходит.

— Двигай и не жалей. Надо догнать.

Он садится на козлы, подбирает вожжи и кричит милиционеру:

— Распахивай живей.

Милиционер распахивает ворота, а лошадь, как бешеная, выносит со двора. Дрокин поворачивается и, хохоча, говорит:

— Вот всегда так, как только я сажусь на козлы, а не кучер, то бешеная делается и летит со двора, как каленым железом прижатая, а потом ничего, идет ровно.

— Ну, Вася, двигай, после расскажешь.

Он садится половец и забирает на всю рысь. Гнедой конь ночью кажется вороным, крупный, вытягивается все больше и больше и молодецки бросает искры из-под подков, режет воздух. Быстро доезжаем до тюрьмы. Я вижу по ту сторону Ягошихи, на самой вершине, вылезши из-под горы, виднеются два экипажа. Видит их и Дрокин. А белесоватая июньская пермская ночь то и дело преображает эти два экипажа в самые причудливые фигуры. Но мы-то наверное знаем, что это они, нас-то не обманешь.

Дрокин, оборачиваясь, спрашивает:

— Видишь, тов. Мясников?

— Вижу, — отвечаю я. И спрашиваю: — Думаешь, что мы их догоним до Мотовилихи?

— Конечно, — отвечает он.

— Нет, ты ошибся. Они самую трудную дорогу проехали, а мы ее только начинаем, и пока мы спускаемся и поднимаемся, они будут в Мотовилихе. У них тоже хорошие лошади.

— Ну, не такие, как моя, — отвечает Дрокин.

— Ты любишь ее, видать.

— Очень.

— Это хорошо.

— Ты знаешь, я сегодня остался ночевать в кабинете и не поехал домой в Мотовилиху, потому что ей овса мало досталось, и я не хотел ее гнать поэтому: а ведь дело всегда найдется. И хорошо вышло. Понадобился я тебе и с лошадыю. Я доволен и лошадь довольна: видишь, как легко спускается с горы? Танцует, шельма.

— Почему ты доволен?

— Да потому, что я являюсь участником в деле, о котором знают всего-навсего 8 человек во всей России и во всем мире. И это приятно, знаешь. Когда знаешь, что весь мир хочет это знать и не может, а ты знаешь, да не скажешь. Это сила. И это хорошо.

— Да ты тоже случайно узнал.

— А мне нравится, как ты с нами в моем кабинете разговаривал. Ты был какой-то особенный. Я тебя таким, кажется, и не видел.

— Что же особенного во мне было? Мне кажется, что как всегда.

— Ну, нет, нет. Я не знаю, что, и сказать не могу, но была в тебе какая-то сила, и она всю твою наружность преобразила.

— А, может быть, другое.

— А что?

— Что вы все трое были нервно неуравновешенные, психологически к этому неподготовленные, и все, что касалось события, в которое вы невольно вошли, вам начало казаться каким-то особенным, большим, значительным, а в том числе и я. И это вернее.

— Ну нет, это не так. Ты нас за каких-то безвольных, нервных особ считаешь. Нет. Одно то, что я способен был наблюдать за тобой и мыслить о том, что в тебе что-то есть особенное сегодня, доказывает, что прав я, а не ты.

— Но ты не будешь отрицать, что ты, как Сорокин и Малков, вошел в комнату и увидел там совершенно неожиданное.

— Да.

— Ну так не были вы, значит, к этому подготовлены?

— Нет.

— Вот тебе и основа особенного восприятия событий. А так как события текли быстро и не давали время оторвать ваши глаза от него, то в таком состоянии пребывали все время: до конца моего разговора.

— Ну, а все-таки ты сильно сказал: условие одно для всех: крепко держать язык за зубами, а то откушу. Я почувствовал, что это правда. Что это так есть и так будет. И видел я, что Сорокин и Малков чувствуют, как я. И потому они без рассуждений исполняли и исполняют все, что ты сказал, как это делаю и я.

— У вас выбора нет.

— Да ведь ты нас поставил в такое положение. В этом-то и есть твоя сила: если зашел к тебе в комнату, то потерял свою волю. Вот ведь что это значит. А еще главное в том, что сознаю я это, а мне несколько не досадно, и как я уже сказал — даже приятно быть с тобой в комнате и исполнять веление твоей воли. В этом и штука, секрет того, чем ты являешься для нас сегодня.

— А ты знаешь, Вася, любишь же немножечко поковыряться у себя в белье: вшей поискать, т.е. поразмыслить, установить причины недостатков и достоинств — найти-таки вошь, которая тебя кусает.

— Люблю, Ильич. Очень люблю. Время только нет. А это очень интересно: наблюдать и видеть, и понимать, когда другие и не видят и не понимают.

Пока мы говорили, наш рысак, танцуя и изощряясь в приемах, как бы задержать напирющий на него экипаж, пустил нас к мосту, и мы стали подниматься в гору.

Ночь мягкая, тихая и легкая. Хорошо в такую ночь спать на сене, на открытом воздухе, в поле, и, может быть, и хорошо и делать дела, требующие нервного напряжения: одна минута, один миг безумной ласки этой ночи восстанавливает все силы.

Лошадь в гору берет быстрее, чем под гору. Она горячится, Дрокин ее сдерживает. Бережет для ровного места. И она поняла и пошла ровно.

— Я, знаешь, тов. Мясников, думаю все о том же, да только с другого бока подхожу: если бы ты, скажем, вчера внес предложение на заседании Губкома или Губисполкома покончить с Михаилом, то наверняка можно сказать, что и Сорокин и Малков были бы против, так как есть прямые предписания центра. И вот это-то и самое интересное: они были бы против, как и все ответственные работники, но сегодня, когда они вдруг оказались в твоей комнате, они сразу стали безвольными и делали совершенно про-

тивоположное тому, что они до этой минуты думали. В этом-то весь гвоздь. Я не думаю совсем, что они испугались тебя: что им бояться? Ты был один, а их двое, да я еще третий, а милиционер четвертый, юридически они — власть, а ты нет. Формально на их стороне вся сила государственного аппарата и авторитеты партии в лице Свердлова и Ленина, а ты пренебрег всеми традициями и восстал, и они покорно делали то, что хочешь ты. Это Достоевский и то не разрешит: вот почему я продолжаю настаивать, что у тебя вид был необычный. Пусть мы все трое были неподготовлены психологически, воспринимали острее обыкновенного, пусть. Но это только одна сторона созданного тобою же нашего психологического состояния, а другая сторона — это ты в этот момент. И мне кажется, если бы ты дал нам по револьверу и сказал: я не хочу, чтобы кроме нас, четверых, знал кто-нибудь, что мы расстреляли Михаила, и потому вот вам револьверы, стреляйте. Я думаю, что мы застрелились бы. Вот ведь штука-то в чем.

— А знаешь, если это правда, то это происходило потому, что все вы чувствовали фактическую правду, истинность моего действия, но у вас не хватало ни смелости, ни идейного дерзания пойти против авторитета всей партии, авторитета всей революции, но когда я на деле перешагнул эту черту, то вы поняли, что иначе и быть не может. Поняли не умом, а всем своим существом, каждой клеткой вашего «я», при протесте формального мышления, и когда я говорил, то это был не только мой голос, но и ваш голос, голос вашего «я», и потому он был так повелительно и всевластно могуч, что вы могли бы убить себя по приказанию безоружного человека. Так я это объясняю. И это объяснение, если его понять, как нужно и должно будет объяснить дальнейшие события: уничтожение всех Романовых. Я убрал не только формальное препятствие в виде предписаний, но и психологическое препятствие у всех товарищей. После этого, как бы ни поняли исчезновение Михаила, но всем Романовым — крышка. Я уже говорил это Жужгову.

— А ведь это правда, Ильич, а я-то думал, что тут и Достоевскому не разрешить этой психологической задачи. Вот оно как. Просто и ясно. Я чувствую, что ты прав. А знаешь, почему? Потому что, если бы вчера ты внес предложение об уничтожении Михаила, то при наличии предписаний Ленина и Свердлова, я был бы в нерешительности, но ты эти предписания уничтожил, перешагнул через них, и я вижу, что я делаю то, что ты скажешь, но делаю, как свое, мне родное дело: выполняю веление моей совести. А ты не дурак, Ильич. Достоевский и то запутался бы, а ты вон как простенько раскидываешь весь мусор над правдой.

— Что не дурак, я это знаю, ну а в Достоевские не гожусь.

— А теперь интересна вторая часть твоего объяснения. Если ты действительно прав и действительно убираешь и формальные и психологические препятствия к уничтожению всех Романовых, то ведь это должно произойти скоро. И неужели ты прав? Если ты прав, то какими путями ты доходишь до такого предвидения? Ведь это похоже на предсказание астрологов, это очень интересно, Ильич.

— Я вижу, что ты немножечко взвинченный, но тем лучше для меня, потому что ты мне теперь правду скажешь. Значит, когда я вам говорил, что надо делать так-то и так-то, у вас не возникало вопросов: а целесообразно ли, нужно ли, а если нужно, то так ли?

— У меня нет. И думаю, что тем более они не могли возникнуть ни у Сорокина, ни у Малкова. Ну, держись, Ильич, я беру вожжи, выехали, — и с этими словами он отворачивается от меня и натягивает вожжи, и гнедой забирает на рысь.

Неровная грунтовая дорога подкидывает местами экипаж, но она укатана и, в общем, сносная. Быстро мелькает изгородь полевая, цокают подковы, вылетают из-под ног искры и мягко колышется экипаж. Едем молча. Приятно обдувает ветерок. От самой Ягошихи до мотовилихинских Горок, до спуска в Мотовилиху мы едем полной рысью. И [Дрокин] круто осаживает гнедого около спуска, а потом оборачивается и спрашивает:

— Доволен? Ведь это красота, а не лошадь. Такой громадный экипаж и с двоими седоками, а она идет такой рысью около трех верст.

— Да, лошадь хорошая, а мы все-таки их не догнали. Значит, прав я.

— Да, это верно.

Спустились с горы на Большую улицу и видим на дороге около милиции два экипажа. «Ага, это они, ожидают», — мелькает в голове.

60. Они меня ожидают в Мотовилихе

Подъезжаем рысью. Я соскакиваю, и мне навстречу Жужгов. Спрашиваю:

— Долго ждете?

— Нет, только что приехали.

— Хорошо. Значит, за Малую Язовую?

— Да.

— Взяли, что нужно?

— Что?

— Ну, лопаты, топор для могилы.
— Взяли.
— Управитесь одни, или мне ехать с вами?
— Если доверяешь, Ильич, то оставайся здесь и жди. Теперь ведь все просто и несложно, без тебя все сделаем.
— Ну, хорошо. Только одно: все ценности, что на них есть, бросить вместе с ними в могилу. Ничего не брать. Поняли?
— Хорошо, хорошо.
— Другое. Постарайтесь пристрелить врасплох, незаметно. **Меньше всяких переживаний: сзади в затылок. А не ехать ли мне?**
— Ну что ты поедешь? Неужели мы этого не сделаем?
— Ну, так двигайте. Я вас жду здесь, в милиции. Скорее.
Они тронулись. Я поглядел им вслед и пошел в милицию. Остановился на пороге и еще раз глянул в их сторону, но они уже повернули и исчезли за углом.
— А мне что делать, Ильич? — спрашивает Дрокин.
— Поезжай в город.

61. Они уехали. Я ожидаю

Звоню в ЧК:

— Кто у телефона?

— Я — Малков. А это ты, т.Мясников?

— Да, я. Ну что, как дела?

— Все делаем, как надо. Подняты все на ноги. Наряжена погоня во все концы. Даны телеграммы и телефонограммы. Идет допрос арестованных. Допрашивают следователи. Ни я, ни Сорокин в допросах не принимаем участия, но, разумеется, мы в курсе всего хода следствия. Думаю, что завтра все будет кончено.

— Ну, пока, — и кладу трубку.

Усаживаюсь в глубокое кресло и пристраиваюсь, располагаясь поудобнее, чтобы ждать возвращения товарищей. Уселся. Думаю: «Кончено». Правда, не все так вышло, как предполагалось, но тем не менее кончено. Свершилось. История Романовых написана до последней строчки. Я тоже написал в этой истории несколько строк. Это и все.

Мое участие, конечно, историческая случайность, но конец истории дома Романовых — это не случайность, а исторически закономерное явление. Это должно было случиться. Что Романовым пришлось круче, чем королям Франции, Англии и т.д., то это по той простой причине, что у нас буржуазная революция марта 1917 года, принеся низвержение царизма, в течение шести месяцев переросла в революцию пролетарскую, в социалистическую.

В революцию самих угнетенных и эксплуатируемых веками масс. И Романовым приходится иметь дело с нами, рабочими и крестьянами, с классами наиболее натерпевшимися от всевластия их. И Романовы долгонько засиделись. Им по всем божеским и человеческим законам полагалось уйти с трона в 1861 году. Не ушли. Остались. Дождались время, когда под их царством страна из дворянской и феодальной превратилась в буржуазную в своих господствующих верхах, со всеми варварскими остатками феодализма для эксплуатируемых униженных низов. За это время выросла новая сила — пролетариат, показавший свое искусство справляться с буржуазией, даже в том ее виде, если она носила дворянские шинели. Мы, наиболее решительная армия революции, наиболее радикально расчищаем от исторического хлама феодало-капитализма место для постройки нового дома, дома трудящихся масс, дома Труда.

Конечно, тяжело, и Михаилу, и Джонсону, и всем прочим. Ясно. Они отвечают за дела царственных поколений. Они предпочли бы царствовать, а не умирать. Кому же это не ясно? «Вот дай найду свободу, а он меня в ЧК пригьяшает». И какая же дубина! А дубиной он кажется на фоне событий дня. Он — сын своего рода: история делалась не народом; создает богатства, трудится, познает природу, совершенствует труд и организм — это не творец истории, а цари — и он последний из них — он дал народу свободу. Это целая философия, но философия архива и музея, но не живая. Философия мертвая, и носители философии умерщвляются.

Если у меня кое-что могло остаться для сомнений и колебаний до того, как я не видел Михаила, то после того, как я его увидел и задал ему этот вопрос и получил ответ, у меня кроме всех теоретических, политических и практических доводов, родилось новое чувство: чувство брезгливости, гадливости к этому идиоту из идиотов, ради которого и из-за которого могут быть пролиты реки крови, и в сотнях тысяч погибающих в борьбе могут быть гении и таланты. И вот, когда я думаю о том, что товарищи скоро возвратятся, убив Михаила и Джонсона, то у меня есть какое-то большое чувство ответственности, но никакого чувства ни соболезнования, ни жалости. Все заперто и крепко. Это, вероятно, потому, что я очень много думал пред тем, как решить вопрос: я все перебрал. И теперь я знаю, что должен был это сделать. Если бы я не знал, что все кончено, и думал, что только надо начинать кончать, то я не чувствовал бы себя иначе, чем теперь.

Вот теперь уже знают во многих местах, что Михаил бежал, а в это время раздается выстрел из браунинга, и он падает.

Я встал и пошел в Исполком: к себе. У себя всегда лучше: думается лучше. Мысль полнее, стройнее, чувствует себя по-домашнему.

Светло уже. Скоро должны приехать, иначе неудобно. Могут любопытные видеть и строить всякие предположения.

Курю я папироску за папироской. А заметил я это потому, что сидел недолго, а наклал окурков на стол очень много и не вижу, куда бы их можно было сбросить, и почему-то очень досадно, что некуда их сбросить. Сделал несколько шагов к двери, а потом с какой-то злостью повернулся и подошел обратно к столу, забрал все окурки и понес их на улицу: как будто я делал это всегда, а на самом деле я этого никогда не делал. Почему-то сегодня вот в этот час я влюбляюсь в чистоту и в аккуратность и раздражаюсь, злюсь, что нет пепельницы и окурки лежат на столе.

Воздух свежий. Дневного жара нет и в помине. Ночи здесь холодные. Утро свежее, бодрое, румяное, это вам не Баку, где земля не успевает остыть к восходу солнца и утро похоже на вяленую рыбу, нет, это Урал и Кама.

Захожу в Исполком. Красногвардейцы спят, и только один дежурный читает книгу. Отрывает глаза от книги и смотрит на меня, улыбаясь, а не удивляется, что я в такое время неурочное хожу: привыкли они видеть меня во всякое время.

— Здравствуйте, товарищ. Дежурный?

— Да, дежурный. Здравствуйте, тов. Мясников.

И чтобы не пройти молчком в комнату, спрашиваю: «Ну, как, ничего нет нового, все благополучно?»

— Все, тов. Мясников.

— Спрашивал меня кто-нибудь?

— Нет. Впрочем, подождите, вот заметка есть. Из ЧК звонили в 2 ч. 20 минут, вас спрашивали. Я только что вступил, тов. Мясников, в три часа.

— Ну пока. — Прохожу к себе и думаю: было ли это после или раньше моего разговора с Малковым? Кажется, после. Не позвонить ли? Да что им надо? Все ясно. Но позвоню, все-таки надо.

Звоню. Вызываю ЧК.

— Кто у телефона?

— Малков.

— Ты звонил в Исполком?

— Да, я, тов. Мясников. Я хотел спросить, ты не хочешь ни с кем из арестованных разговаривать?

— А зачем это? Разве нужно?

— Нет, просто любопытно, как они все это понимают.

— Ну, а мне очень нелюбопытно. До свиданья.

Я положил трубку и думаю: удивительно, они ведь не обдумывали, надо убить или нет, а спокойнее меня, и даже любопытное находят в рассказах этих закланных. Шутки на уме. Что это? Привычка? Глупость? Или более высокая ступень сознания своей правоты, чем моя, и потому дающая это шутовское настроение. С этими мыслями отправляюсь к себе в комнату. Захожу и сажусь на кровать. Вот они убивают шутя, а вчера, как бешеные, неслись по звонку Михаила. Я убиваю спокойно, но не шутя. Убивать тяжело. И когда убиваешь, не до шуток.

62

Вот и все. Приехали

Стук в дверь. А потом открывается осторожно, показывается красногвардеец и говорит: «Вас тов. Иванченко спрашивает».

Я иду и думаю — вот и все. Приехали.

— Ты что же, Ильич, маленьких-то обманываешь? Сказал, в милиции будешь ждать, а глядь, на печку взобрался, — улыбаясь, шутит Иванченко.

— А я только что вошел. Долго вы что-то. А где товарищи?

— В милиции. А Колпашиков и Марков лошадей увели.

— Так. Все благополучно? Никаких приключений?

— Нет. Все в порядке. Да вот сейчас «наш старшой» тебе все расскажет. — «Наш старшой» произносит с добродушной товарищеской иронией.

Мы заходим в милицию, а Жужгов выходит из кладовки и внимательно осматривает руки.

— Ты что там делал, что так руки осматриваешь?

— Да вон белье и одежду с Михаила бросил.

— А зачем ее снимали?

— Да ведь как зачем, вдруг ты не поверишь.

— Ну как же можно допускать такую дичь.

— А почему ты так настойчиво допытывал, справимся ли мы одни?

— Хотел вас узнать: нужен я вам или нет. А затем и подготовить вас, чтобы не было никакой суетни и бестолковщины, вот и все.

— Ну, а мы решили, что ты немного сомневаешься в нас.

— И очень глупо решили. Если бы я сомневался в вас хоть в малейшей степени, то я и не стал бы с вами разговаривать об этом деле, а не только посылать вас одних. Здесь уже поздно было не доверять и нельзя не доверять. Экий вы народ! Если я сомне-

вался в вас, то не в том, что захотите или не захотите исполнить мое поручение — убить Михаила, а мог сомневаться в ваших способностях сделать без суетни и толкотни — и только.

— Вот видишь, а мы-то побоялись, что у тебя сомнения есть.

— Возьмите пример. Поехали бы вы без меня из Мотовилихи в Пермь, чтобы взять Михаила?

— Конечно, нет. Как бы мы без тебя это сделали? Да еще эти два.

— Кто эти два? — заходят и спрашивают Колпашиков и Марков.

— Стой, не мешай. Эти два преда: не будь ты там, так ведь они нас тут же бы и арестовали. Да если бы и их не было, то как же можно без тебя? Нет, без тебя никак нельзя.

— Вот-вот. Значит, мы думаем одинаково. Если без меня нельзя было поехать в Пермь, то почему без меня можно поехать за Малую Язовую?

— Да потому что здесь уже нужно уметь один раз выстрелить, и всему делу конец. Здесь уже все просто.

— Но ведь, друзья мои, выстрелить нужно в живых людей, а это не очень просто. И вот я спрашивал — справитесь ли.

— А ты на меня, Ильич, не налягай. Мы все тебя немного испугались, и все единогласно решили взять одежду.

— Ну, что сделано, то сделано. Сейчас же ее сжечь.

— А ты взглянуть на нее не хочешь?

— Вот пристал, как вар к шерсти. Ну, что за удовольствие, иди и жги.

Он отправился, а мы расселись и стали его ждать.

— Да, он правду говорит, тов. Мясников, что мы все решили взять «его» одежду, простреленную и окровавленную.

— Да я и не сомневаюсь в том, что он правду говорит, но как же вы все глупо и дрянно поняли меня.

— А это потому, Ильич, что ты сегодня очень страшный, и мы немного в панике около тебя. Да что мы? Ты видел двух председателей — Сорокина и Малкова — они еще хуже нас. Да и было от чего: я тебя, Ильич, никогда таким не видывал, — говорит Иванченко.

— Вот и не ожидал, что я могу действовать так на вас.

— Да я и говорю, что не только на нас. Ты видел, какие были Сорокин и Малков. А отчего это? Что они, тебя в первый раз видят и первый денек знают? А почему они сделались, как воск в тепле, — что хочешь, то и лепишь. А кто-кто, а Сорокин любит показать, что он самое большое начальство в губернии, а тут — ты видел? Он и позабыл, у него и из головы вылетело, что он

председатель Губисполкома. Вот оно как. И это неспроста. Вот тебя бы тут снять, да тебе же карточку показать — ты бы себя не узнал.

— Ну, довольно об этом. Ты расскажи лучше, что Джонсон говорил с тобой за всю дорогу от Королевских номеров до могилы.

— Он молчал почти всю дорогу. Только два раза раскрыл рот, когда мы стали от тюрьмы к Ягошихе спускаться, он спросил: «Насколько я понял, нас хотят отправлять подальше от фронта, а мы едем сейчас, как мне кажется, к фронту».

Я ему говорю: «Вы будьте спокойны. Мы адрес точно знаем, куда надо ехать, и дорогу знаем неплохо, не заблудимся».

— А еще?

— Больше ни слова до самой Мотовилихи. Только когда мы остановились у милиции, он опять спрашивает: «Мы приехали в Мотовилиху?» Я ему говорю: «Да, в Мотовилиху, но вы не выходите, мы едем дальше».

— А он? что же он?

— А он помолчал и спрашивает: «Председатель Мотовилихинского Совета тов. Мясников, кажется?» «Нет, не Мясников, а Обросов», — отвечаю я. «Но может быть, раньше был Мясников?» — «Да, был», — отвечаю. И тотчас же вы подкатили. Больше ни одного звука до самого места.

— А он не поперхнулся, когда меня товарищем назвал?

— Нет, я тоже подумал — вот нашел товарища.

— Кто это? — заходя, спрашивает Жужгов.

— Да вот рассказывать заставляет, что Джонсон говорил.

— А, — буркнул Жужгов.

— Ты покончил с твоим бельем?

— Да, да. Облил керосином, и все до единой ниточки сгорело.

И пепел разметал.

— А ты что расскажешь про своего пассажира?

— Мало что могу. Он и говорил не много, да и говорил как-то картавя очень, не все понять можно. Он долго молчал, и когда мы подымались на гору от Ягошихи и можно было из глубины экипажа разглядеть кладбище, а затем поля, он спрашивает: «Скажите, пожалуйста, вы имеете приказ правительства?» Я не понял, о каком приказе он говорит, и спросил — какой приказ? «Приказ, чтобы нас везти из Перми», — ответил он. «Да, да, — мы имеем приказ. А как же без приказа. Да вы не беспокойтесь, — говорю я, — у нас бумаги в порядке». — «Это хорошо, я, видите ли, состою в распоряжении правительства, и меня без приказа нельзя беспокоить». — «Да, да, мы знаем. Ведь мы будем отвечать за

вас, если зря побеспокоили. У нас ведь строго: маленький промах — и к стенке». — «Да, да, а то как же», — спешно и с особой уверенностью выпалил он, словно это он велел к стенке поставить. А потом, когда к Мотовилихе подъехали и стали спускаться под гору, он спрашивает: «А вы не можете назвать город, куда меня везут?» Я ему говорю: «Могилев». — «Это далеко отсюда на запад, а почему мы едем в обратную сторону?» — «Потому что мы хотим вас садить в поезд не на людной станции, а на переезде. Да вы не беспокойтесь ни о приказах, ни о местности, мы все сделаем, как нужно».

— А зачем ты ему сказал «Могилев»?

— Чтобы ближе к правде быть.

— А он не испугался?

— Нет, как будто бы.

— Ну, дальше.

— «Да, так и нужно. Вы делайте, как лучше. А вы знаете, что телеграфные приказы от Ленина и Свердлова запрещают меня считать контрреволюционером?» — «А как же, знаем все приказы. А вы разве заметили, что кто-то вас контрреволюционером считает?» — «Да, заметил. И это, знаете, возмутительно. После всех приказов вдруг меня в ЧК приглашают». — «Кто же это посмел?» — «Да вот есть здесь какой-то Мясников. Суровый человек. Он пришел в ЧК и начал порядки свои заводить: сразу в ЧК пожалуйте». — «А вы как же это стерпели?» — «Нет-нет, я не стерпел, я сейчас же телеграмму подал». — «А в ЧК-то приходили?» — «Да, один раз всего. А потом и сразу Мясникова не стало». — «Это не вы ли его убрали?» — «Нет, не я, а правительство, но из-за меня. Вот теперь узнает, как меня беспокоить». В это время мы подъехали к милиции и остановились. Я вышел из экипажа, а ему говорю: «Вы не уходите, оставайтесь, мы сейчас дальше поедем». А сам пошел за лопатой, киркой и топором. Тут вы и подъехали.

— Ну, а когда двинулись в дорогу, от милиции?

— Вот я и хочу продолжить. Я вспомнил твой рассказ в будке, что ты кого-то подозреваешь из головки губернии в сношениях с Михаилом, и мне захотелось порасспросить Михаила. Он очень глупый. Если бы он знал, то наверняка бы сказал, но он не знает; мне думается, что это все знает Джонсон.

— Ты расскажи по порядку, как у вас разговор завязался и как кончился.

— Хорошо. Когда мы двинулись, мне захотелось продолжать разговор и говорю: «Да, Мясникову теперь достанется на орехи». Он поглядел на меня и, как бы вспомнив, к чему я это гово-

рю, подумавши ответил: «Иначе нельзя. Если правительство приказывает, должны его слушать, а то сегодня Мясников пришел, а завтра еще кто-нибудь, и каждый по-своему будет меня тревожить, так что же это будет». — «А как же вы так скоро справились с Мясниковым? Один раз вызвал вас и сразу же его убрали». — «Да, один раз. Я, знаете, не позволю со мной шутить. Сразу и убрали». — «А как убрали?» — «Я подал телеграмму в Москву, и сразу все сделали». — «А вы получили ответ на телеграмму?» — «Нет, не получил. Но его убрали, это и есть ответ, но скоро я получу». Я понял, что телеграмму они подали, но он ничего не знает, почему тебя ушли. Он думает, что тебя убрали распоряжением из Москвы. «Этот Джонсон знает», — подумал я. И я увидел, что разговаривать бесполезно, и перестал расспрашивать.

— Но скажи, во всем разговоре видно было, что он верит-таки, что его эвакуируют вдаль от фронта?

— Да, он был в этом уверен.

— А твой Джонсон, тов. Иванченко, ничего не говорил? Ты не пытался с ним говорить, как Жужгов с Михаилом?

— Ну, нет, Ильич, с этим так разговаривать нельзя. Этот умный, бестия, лишнего слова не проронит, и от него не узнаешь, верит ли он, что мы их эвакуируем, или нет.

— Значит, ни тот, ни другой ничего больше за всю дорогу не говорили?

— Нет, нет, — отвечают оба⁵³.

— А вот, когда вы приехали к месту, то как все произошло?

— Как? Вот мы приехали, — начал Жужгов, — остановились. Ехать на лошадях в гору, где их надо стукнуть, нельзя. Надо пешком идти. Я и говорю: выходите, господа, мы здесь пройдем через гору — тут прямая дорога есть к переезду. Михаил вышел и пошел со мной, как будто ни в чем ничего, а Джонсон вышел и как-то подозрительно осмотрел место. Ну, я иду с Михаилом, а Иванченко с Марковым — с Джонсоном. Колпашиков остался у лошадей. Зашли в лесочек, это совсем недалеко от дороги. Ну, тут я немного остановился, чтобы сравняться с Джонсоном, а потом и говорю: «Мы приехали, я должен вас расстрелять», — и, подняв браунинг, стреляю. Браунинг дал осечку, а в это время Михаил бросился к Джонсону и, плача, обнимает его шею. Я стреляю, и браунинг разряжается. Михаил падает. Вслед за этим выстрелом, почти одновременно раздается выстрел Иванченко, и Михаил, падая, увлекает за собой застреленного Иванченко Джонсона. Я подошел, и они еще шевелятся, и тут же наставил Михаилу в висок браунинг и выстрелил. Иванченко делает то же самое с Джонсоном, и наступает моментальная смерть⁵⁴. Мы принялись копать

могилу. Это дело длилось не долго⁵⁵. И тут мы, Ильич, вспомнили, что ты как будто немного сомневался в нас, и я велел снять одежду с Михаила, а снимая одежду, из карманов стали выпадать различные вещи: часы, портсигар, мундштук, ножичек, табачница и т.д. И мы решили вместе с костюмом взять несколько вещей: каждому по одной. Взять самое бесценное. И решили тебе ничего об этом не говорить. Я и не хотел, да вот видишь, не мог утаить от тебя. Как хочешь, вот эти вещи (и все четверо показывают каждый свою — это были какие-то пустяковины). Ты можешь приказать, мы их выбросим⁵⁶.

— Ну, если вы хотите их иметь, то возьмите. А все остальное?

— А остальное, как ты сказал, так и сделали, все в могиле. Если ты хочешь, то завтра или когда захочешь, я тебя свожу и покажу место.

— Это видно будет, а теперь, товарищи, по домам, и никому ни звука. Поняли?

— Это понять нетрудно.

— Ну, итак, двигаем. — Я поднимаюсь с этими словами с кресла, а они вслед за мной. Все мы вместе выходим из милиции. Провожают они меня до Исполкома — это по пути, и удаляются.

Пустые улицы. Трубы завода дымят. Гул и шум несется из цехов, и он кажется особенно сильным в этой тишине утра раннего. Это было в 4 часа.

Мы попрощались, и я пошел к себе. Спать пошел. Спать настоящему, ибо я был спокоен.

63

Ленин, Свердлов и начало конца всех Романовых

Спал я довольно долго. Часов в 11 утра кто-то нетерпеливо настойчиво барабанит в дверь. Поднимаюсь, отпираю, ложусь снова и кричу: «Войдите».

Заходит Туркин, немного взволнованный и, не поздоровавшись, прямо с места в карьер: «Ты знаешь, Гавриил Ильич, Михаил Романов бежал».

— А ты что же это, т.Туркин, не потому ли меня разбудил, что одна скотина со двора сошла?

— Это, брат, не шутка. Ты не понимаешь, какое это будет иметь значение для белогвардейцев? Не понимаешь, насколько они могут усилиться.

— Очень понимаю и все готов понять и со всем согласиться. Но только дай мне выспаться.

Он на меня подозрительно поглядел и говорит: «Я тебе удивляюсь, как можно спать после того, что я тебе сообщил».

— Ну, что же я поделаю? Ну, соскочу, плясать или плакать, драться или обниматься буду, — но ничего это делу не поможет. Да ведь я и не власть.

— Давно ли ты таким формалистом, чиновником философствующим заделался, — явно раздражаясь и желая меня уязвить, зло бросает он.

Я вижу, что парень начинает злиться. Думаю — довольно. И говорю, меняя тон: «Запри на ключ дверь и сядь сюда».

Он на меня поглядел и как будто что-то понял, и быстро запер дверь и подсел к кровати.

Я ему говорю: «Это, Миша, я его бежал».

— Вот, черт, какого же ты черта надо мной столько времени мудрил, — и, улыбаясь, говорит: — Это хорошо, а то наделал бы он нам делов.

— Ну вот, Миша, сегодня же ты поедешь в Москву, к Свердлову и скажешь, что я тебе расскажу.

— Идет. Но нет ли какой okazji ехать в Москву?

— Есть. Ты же секретарь Совета, а не знаешь, что Съезд Советов собирается⁵⁷. /.../

Кончили заседание Совета. Впечатление у рабочих от побега Михаила самое прескверное: принимают с тягостным чувством — прозевали, прокараулили, а теперь-то что? Чья кровь прольется в борьбе контрреволюции, руководимой Михаилом? Если теперь вот-вот к Екатеринбург подкатят, то что будет дальше? И у всех одно: что с ними церемониться! Бить их и все. Убытку меньше. Все жалеют, что он бежал, а не расстреляли. Я прислушиваюсь и думаю: какое же верное чутье у них. Без больших размышлений, без вывертываний всего нутра, а просто бить их — убытка меньше.

На Совете встретил Гришу Авдеева. Он подходит и спрашивает: «Ну как, Ильич, все ли хорошо? А ты вернее меня решил. Я теперь тоже сделал бы так, как ты. Почему ты меня не взял?»

Я гляжу ему в его всепонимающие глаза и улыбаюсь. А затем говорю: «Ты понимаешь?»

Он не ответил и глазами только блеснул в ответ.

— Ну так молчи. А что ты теперь согласен, то я и тогда знал, что потом постигнешь. И нетрудно теперь согласиться, когда все сделано, послушай-ка, что рабочие-то говорят.

— Я-то слышал, они, знаешь, по-разному думают: одни — это большинство — жалеют, что не расстреляли, другие — это коммунисты — расстрелять надо тех, кто прокараулил и не расстрелял Михаила, и третьи — это меньшинство из коммунистов и беспартийных — что Михаил расстрелян, а не убежал, и довольны. Но все рабочие предпочитают видеть труп Михаила, а не бежавшего и ставшего во главе контрреволюционных войск. Даже меньшевики и с-ры от самых крайних правых до левых — все сливаются в один поток: убить надо было, ротозей.

— А вот оно как, Гриша, ты интеллигентов не любишь, а приказы хотел выполнить, а я к ним отношусь с уважением, а приказы изорвал.

— На то ты и наш жоак, чтобы вернее и быстрее решать. А все-таки я тоже верно решил, хотя и позднее. Когда ты сказал насчет семнадцати и ушел, я все это связал в один узелок и получил, что ты кого-то хочешь расстрелять, вопреки приказам из центра, и потому так сильно задумчив. И тут-то я и стал думать и решил, что я ответил тебе формально, т.е. неправильно.

— Словом, я не промазал? Таково было бы мнение всех рабочих, если бы им сообщили об этом факте.

— Нет, не промазал.

— А не значит ли это, что они выносят резолюцию недоверия защитникам Михаила?

— Конечно, значит.

— Выходит так, что они порицают и Ленина, и Свердлова, и всех его усердных исполнителей?

— И еще как осуждают. Если бы они знали, Ильич, правду, что ты против всех приказов Лениных и Свердловых и против всей этой безмозглой интеллигенции восстал и пристрелил его, то как бы они на тебя посмотрели! Они бы любовались тобой, и как бы они ненавидели эту дряблую, дрянную слякоть человеческую — интеллигенцию — которая очень быстра и решительна, когда вопрос поставлен о жизни рабочих, и трусливо гуманна, когда речь идет о царях.

— Так молчок, Гриша.

— Ну, а ты как думал. Конечно. Ведь я все знаю для себя. Пусть кто умеет, догадается, как я догадался и как догадываются некоторые рабочие. А я все-таки прав. Вот тебе еще один факт против интеллигенции. Они наверху, им виднее, у них все нити власти, а ты, рабочий, внизу, а они ошиблись в оценке всего — и внутреннего, и внешнего положения нашей республики, и личности Михаила, его значения, а ты внизу, тебе гора мешает глядеть, делать обзор, да еще и они на этой горе со своим авто-

ритетом наводят тень на светлый день, а все-таки ты решаешь верно. Вот оно как. А поставь тебя на гору, дай тебе те средства познания, ты горы своротишь, а они, видишь, как навоняли.

— Да ведь все равно, Гриша, если бы на вершине стояли рабочие, и они отдавали [бы] те приказы, что Ленин и Свердлов, а этих приказов не послушал бы какой-нибудь интеллигент и сделал то, что я, то ты ведь так же ненавидел бы интеллигенцию, как и теперь.

— Ну нет, в том-то и дело, что получается все как раз наоборот. И так, что вся она заслуживает большого презрения и малого доверия: гнать ее надо, Ильич.

— Ты усаживаешься на своего конька и располагаешься для длинного разговора, а я занят. Я сейчас пойду с Туркиным, ему кое-что поручу сделать в Москве. До свиданья, Гриша.

— До свиданья, Ильич. А жаль, что у тебя нет время сегодня. Я, знаешь ли, перечитал и «Коммунистический манифест», и «Гражданская война во Франции» и хотел тебе сказать, что ничего особенного. /.../

После заседания Совета мы с Туркиным пошли ко мне, и когда мы зашли в комнату, я запер дверь, уселся и говорю:

— Ну, видишь, вот и в Москву на съезд едешь.

— Да, а Обросов, кажется, все-таки недоволен, что ты его не пустил на съезд.

— А мне в высокой степени начхать: доволен ли он или нет. Я не обязан всех довольными делать. Но он молчал и ничем не выказал недовольства.

— Но так ведь он же знал, что если он что-нибудь скажет, то ты выступишь, и молчал. Однако оставим, оставим это. Мне ведь надо собираться и ехать на станцию. Ты мне скажи, что и как передать Михальчу. — (Это кличка Свердлова в 1906 году, во время его работы в Перми).

— Ты, наверно, у него остановишься на житье?

— Не знаю.

— Я у него жил. Да это безразлично. Так и скажешь. Гражданин⁵⁸ убежал Михаила и всех присных его. Пусть не рассказывает об этом всем-то, а Ленину и еще кому надо знать, Дзержинскому, например, и довольно. Да, поди, сами знают, кому сказать нужно. Если станет спрашивать, почему я это сделал и как, то скажи, что их телеграфное распоряжение местным властям создало такое положение, что Михаил мог бежать в любую минуту. Я случайно узнал от проболтавшего арестованного офицера о наличии офицерской организации, ставящей целью освободить Михаила. Узнал также, что местные власти ни официально, ни частным по-

рядком ликвидировать Михаила не дадут. И больше того — они скрывали его пребывание от меня. Приближение фронта к Екатеринбургу увеличило опасность побега Михаила. Михаил — это единственная фигура, вокруг которой может объединиться вся контрреволюционная сила внутри РСФСР. Единственная фирма, которой могут помогать правительства всех буржуазных стран. Больше, чем какой бы то ни было другой, и больше, чем всем фирмам вместе взятым. Опасность для советской власти от побега Михаила и возглавления им всех контрреволюционных сил возрастет в величайшей степени. И во всяком случае, обойдется не дешевле многих и многих тысяч рабоче-крестьянских жизней. Скажешь еще, что все их приказы я понимал не как свидетельства большой любви к Михаилу, а как вынужденный жест в сторону буржуазных правительств всех стран. И потому, чтобы снять голову с контрреволюции и не дать повода ни к каким осложнениям с внешним миром, я избрал форму побега. Но заявишь от моего имени, что если надо, то я могу, хоть сейчас, хоть после, предстать перед судом и ответить за все, что я сделал. Понял? Сумеешь передать?

— Конечно, сумею, ведь это не на собрании выступать.

— Ну, так смотри, не перепутай.

— Что перепутать? Я возьму, да запишу все, что ты только что сказал, а когда на станцию поеду, к тебе забегу и прочитаю. Если что не так будет, поправишь.

— Хорошо, хотя и не очень.

— Почему?

— Да не люблю я в этом деле никаких письменных следов.

— Ну, так ведь я запишу условно, для себя.

— Идет.

— Так я бегу, Гавриил Ильич, собираться?

— Действуй.

— Я тебя здесь найду, наверно?

— А где же?

Приходит ко мне Дрокин и спрашивает, что я думаю о побеге князей из Алапаихи⁵⁹.

Я ему подаю телеграмму от Свердлова, в которой он меня спрашивает, принимал ли участие в Алапаевском побеге «Камский Комитет».

Он прочитал и взглянул на меня немного прищуренными глазами, желая понять все. Все понять. А потом: «Это тебя он "Камским Комитетом" называет?»

- Да, меня.
- Так что же ты ответишь?
- Я уже ответил.
- Как? Не запрашивая Алапаевку? — немного даже с прискоком вскрикнул он.
- Нет, не запрашивая.
- А что же ответил?
- «Камский Комитет» участия не принимал, но его методами.
- Но почему ты знаешь?
- Да потому что я развязал этот психологический узелок. Говорил же я тебе. Я убрал психологическое препятствие. И зачем же мне Алапаху спрашивать, коли я тебе заранее сказал, что это так будет.
- Но ты ошибиться можешь.
- Если хочешь, проверь, а я в этом уверен и потому дал телеграмму. Видишь, настолько уверен, что дал телеграмму, что это так. Вот, что называется — знать пролетариев-революционеров. Как по книге читаешь. Не так ли, Вася?
- Да, ты здорово хватил. Я даже готов думать, что ты дал в Алапаевку телеграмму, чтобы они их прикончили.
- Я не давал, да и с какой же стати я дам в Алапаевку телеграмму? Посуди-ка, поразмысли-ка. Официально я ничто.
- Но тебя там знают.
- Знают Беловы, сидел с ними в тюрьме. Ну, и все.
- И это достаточно, чтобы тебя послушать.
- Ты думаешь?
- Да, я в этом уверен.
- Плохо считаешь. Я телеграмм не давал.
- Да я не в том уверен, что ты телеграмму дал, а в том, что если бы ты дал, то Беловы, зная тебя, исполнили бы твое распоряжение.
- Этого я не знаю, но видишь, я уверен в большем: они меня без телеграммы поняли.
- Да, это изумительно. А я проверю. Ведь я по должности это должен сделать. Сейчас же посылаю хлопца в Алапаевку.
- Дело твое.
- А ты не обидишься?
- А это почему?
- Ну, всякое бывает.

Теперь прошло семнадцать лет. Ни раньше я ни с одним алапаевским товарищем не встречался и не говорил на эту тему, ни

после «побега» Михаила и ни после «побега» князей с Алапаевского завода — я не спрашивал никого из них, почему они это сделали. Но с первой минуты я был уверен в том, что правильно понимаю события. Так оно и было. В этом сказалась историческая неизбежность гибели Романовых. Они не могли отделаться потерей одной короны и даже с головой, как Людовик XVI. Не могли отделаться гибелью провокаторов, жандармов, полиции. Нет. Все это могло быть достаточным для 1861 года, но не для 1917. XX век корон не любит.

Туркин приехал и сразу разыскал меня, чтобы рассказать о впечатлении, которое произвело на Ленина и Свердлова мое сообщение.

— Приехал я туда и сразу к Михалычу: говорю, что у меня очень серьезное дело есть к тебе, поговорить надо. А у него постоянно суетня, толкотня, народ, запросы, заседания и т.д. Трудно найти ему свободную минуту, но так как от нас бежал Михаил, а в делегации из Перми не было никого из лично ему известных, то при встрече со мной он сразу вспомнил, что Михаил бежал. И когда я ему сказал, что дело есть и говорить надо, то он, сверкнув своими пенсне, поглядывая на часы, спрашивает — много, что надо говорить? «Нет, не очень, но надо». — «Мне тоже с тобой надо бы потолковать. А почему Гражданин не приехал?» — «Не знаю. Но он не хотел ехать. И меня вот послал». — «Так вот как: сегодня ко мне после всех заседаний идем чай пить, и там потолкуем». — «А когда это?» — «Я постараюсь быть свободным к 10 часам вечера. К этому времени ты будешь у меня и, кстати, повидеешься с Ольгой⁶⁰». — «Идет». — Так и было. Вечером, немного позже 10 часов мы сидели у него за столом. Нас было пятеро: Михалыч, Ольга, Аванесов, Енукидзе и я. Ольга и я сидели уже за столом, когда вошли Свердлов, Енукидзе и Аванесов. Усаживаясь за стол, Свердлов своим басом зовет меня: «Почему это, как это? что это? бежал Михаил?» — «Я вот по этому делу и хотел бы с тобой поговорить. Я наказ имею говорить наедине с тобой». — «Хорошо, сейчас мы с тобой возьмем чай, хлеб и уединимся». Когда мы зашли в другую комнату, он сейчас же набросился на меня: «Ну, рассказывай, что случилось?» Я ему передал то, что ты мне велел. И впечатление было очень сильное. Он был очень, очень доволен. И тут же созвонился с Лениным и немедленно назначил свидание. И я должен был повторить рассказ в присутствии Ленина и Свердлова.

— Ну, а Ленин?

— Ленин тоже очень был доволен, что Михаил не убежал, а его убежали. Тут же они решили, что они знают, что он бежал. И пусть так и остается. А потом Ленин спрашивает: «А кто этот Гражданин, что все это организовал?» Свердлов ему напомнил: «А помните, мы вместе на открытие памятника Карлу Марксу ходили⁶¹, и я еще сказал, что это наш философ?» «Да, да, припоминаю», — говорит Ленин. «Ну, так это он. Это один из самых больших стажеров. Орловскую каторгу вынес. У нас он один, и таких, как он, нет». — «И не глупый, видать». Словом, знаешь, Гавриил Ильич, они очень облегченно вздохнули, когда узнали от меня об этом, и тебя хвалили.

— А ведь я знаю, что они довольны были.

— Почему ты знаешь?

— Во-первых, потому, что они не дураки и понимают значение Михаила для контрреволюции, но подумать об этом, осмыслить это, как надо, они могли только после побега. А во-вторых, я получил телеграмму, где они спрашивают, не я ли «бежал» князей из Алапаихи.

— Ты понимаешь, если Михалыч, который временем Ленина дорожит больше, чем всем остальным, если он, не спрашивая его, имеет ли он время и хочет ли он слушать, а прямо назначает свидание и заставляет меня повторять мой рассказ для Ленина и его, то ты из одного этого можешь понять, какое значение имел для них этот факт. А если бы ты видел их лица в это время.

— Ну, а говорили они, что они опростоволосились, давая столько приказов в защиту Михаила?

— Нет, не говорили. Но ведь они и довольны были, что ты все их приказы к чертовой матери послал. Значит, они признали ошибку.

На другой или третий день после приезда Туркина я уехал в Екатеринбург⁶².

Глава V. ТРИ ПОПРАВКИ

64

Две поправки Мотовилихи
приняты Лениным и Свердловым

Две поправки внесла Мотовилиха к действиям Центрального Советского правительства и Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии. И они признаны историей.

Но самая главная и основная поправка — это третья: скрутить Лукояновых. Прекратить бессудные казни и расправы всех сортов со стороны Лукояновых всего Союза — ждет своего признания.

Некоторое время спустя из Екатеринбурга я уехал на фронт.

Побывал в Вятке, в Казани, в Воронеже, Сибири, Петрограде, Москве и т.д. и всюду наблюдал, что Лукояновы — это не пермское явление, а общереспубликанское. Самые мрачные предсказания моего друга-философа, Гриши Авдеева, подтвердились.

Молчать было преступно. Я решил выступить открыто.

Мои статьи напечатаны не были, а переданы Бухариним (редактором «Правды») Ленину. Это было в 1921 году. Ленин разразился письмом, рассчитывая больше не на свою аргументацию, а на свой авторитет.

В своих статьях я требовал свобод: слова, печати, собраний, коалиций (организации партий) для пролетариата и крестьянства.

Вместо того, чтобы сказать честно и открыто, что никаких свобод ни пролетариату, ни крестьянству он дать не хочет, и объяснить, почему это нельзя дать, он пустился в политиканскую болтовню самого низкого свойства. Вопреки всему, что написано в моих статьях, он подкинул мне мысль, что я хочу свободу слова и печати для буржуазии.

Этот бесчестный прием меня возмутил больше всего. Он показал, что на честную идейную борьбу Ленин не идет.

Приписав мне эту мысль, что я хочу свободу слова, печати и т.д. для буржуазии, он пускается в самую необузданную словесность: «свобода печати, слова и т.д. в XVIII веке была лозунгом революционным и прогрессивным, а теперь ложь и обман буржуазии, и вы, Мясников, шли в одну дверь, а попали в другую. Хотите спасти пролетарскую революцию, а хватаетесь за средства, несущие верную гибель ей. (Свобода печати для буржуазии)».

Я ответил, что под предлогом лишить буржуазию всех и всяких свобод вы лишаете пролетариат и крестьянство в первую голову. Вы, Ленин, замахиваетесь на буржуазию, а бьете нас по зубам, у нас кровь из зубов, скулы трещат у нас, у рабочих. Не о свободах для буржуазии я говорил и говорю, а о свободах для трудящихся масс и в первую голову — для пролетариата. Если вы, Ленин, хотите знать, для кого я хочу свобод, загляните в ЧК, и вы увидите, что 90% политических заключенных в ЧК — это рабочие и крестьяне. Вот для них-то я и хочу свобод.

Буржуазию мы били и будем бить не хуже, а может быть, лучше многих других. И если вы, Ленин, хотите, давайте ее бить вместе. Но давайте по-товарищески относиться к рабочим и крестья-

нам. Никаких свобод для буржуазии. Максимум принуждения и минимум убеждений к буржуазии, максимум свобод для пролетариата. Максимум убеждений и минимум принуждения к пролетариату и крестьянству.

*Он разглагольствовал о лишении свобод буржуазии, а мои статьи запрещал печатать: дворянин Ленин запрещал печатать статьи рабочего*⁶³.

Мои статьи и письма являются нелегальными и до сих пор, письмо Ленина ко мне напечатано в его полном собрании сочинений (том 18-й)⁶⁴.

Я не боялся напечатать письма Ленина и напечатал нелегально в брошюре «Дискуссионные материалы», где поместил мои статьи, его письмо и мой ответ, с резолюцией 7-тысячного собрания рабочих Мотовилихи⁶⁵.

Я был исключен из партии в феврале 1922 года, а в марте был арестован в Мотовилихе, и меня пытались «нечаянно» пристрелить⁶⁶. Это известно Коминтерну — Кашену, Суварину, Селье, Трэну, Троцкому, Маслову и пр.⁶⁷

Лукояновы оказались сильнее Мотовилихи. Они торжествуют. Лукояновы всего СССР организовались в единую партию и у них вся власть. Но Мотовилиха крепнет, ширится, растет. Она становится монолитной и цельной. С развитием индустрии и индустриального земледелия, весь народ все больше и больше превращается в единую, сплошную Мотовилиху. И Мотовилиха скажет свое слово. Она внесет свою третью поправку. Мотовилиха восторжествует.

65

Стоило ли убивать?

И вот теперь, в 1935 году, на шестой год моего побега из Союза Лукояновых, белогвардейцы кричат: «распни, распни его», Лукояновы в СССР кричат: «распни, распни его». Ведь если они расстреливали и расстреливают шептунов из пролетариев, то тем более нужно расстрелять меня, который говорит громко и не является знатной вельможей. Меня-то Ленины, Свердловы, Сталины и компания не захотят оградить телеграфными приказами: я не Михаил II.

Результат тридцатилетней революционной борьбы: пролетариат не имеет права «шептать», не имеет права свободы слова, печати, собраний, организаций партий. А я, пролетарий, вынесший за свои идеи, за принадлежность к партии большевиков боль-

ше, чем все члены Политбюро и ЦК вместе взятые, я не имею права не только говорить и шептать, но иначе думать, по-своему понимать интересы моего класса, пролетариата, и жить в Союзе Советских *Социалистических* Республик, вместе с моими детьми и женой⁶⁸. Нет, Лукояновы этого не потерпят. И вот, спасаясь от Лукояновых, я бегу в буржуазную Францию, чтобы немного передохнуть от непрестанных ласк Лукояновых, от непрерывных тюрем и ссылок и опять тюрем и ссылок. И здесь я получаю возможность не только думать, но и писать. Это ли не трагедия пролетариата?

В 1918 году Лукояновы — это было не правило, а многократно повторяющееся отступление от правила. Это был симптом. Теперь лукояновщина — с 1921 года, возведена в принцип. В норму. В закон. Бессудные расправы над инакомыслящими пролетариями — явление бытовое, обычное, нормальное. А все махинации с ЧК и с ГПУ дела нисколько не изменяют. Пролетариат СССР не имеет права свобод: слова, печати, собраний, организации. И где сидит Лукоянов — на Лубянке или на Красной площади — он одинаково приятен пролетариату.

Так вот. В 1918 стоило ли рвать приказы Ленина и Свердлова и убивать Михаила?

Я боролся, борюсь и буду бороться за наше рабочее государство, основы которого намечены выше. Но не боролся за свободу Лукояновых расправляться с нами, пролетариями, за то, что мы осмеливаемся шептать. Не за лукояновскую свободу я боролся, а за пролетарскую.

На пути к цели лежала помеха. Я ее убрал. Мотовилиха всего Союза уберет лукояновых. И потому:

Самовластительный злодей,
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле⁶⁹.

Оправдала ли история наш акт? Оправдались ли наши предвидения?

Да, полностью, целиком.

Всем известно, что белогвардейцы и интервенционисты всех стран в 1919 году с юго-запада подходили к Туле, с северо-востока продвинулись за Казань, с запада были в 4 километрах от Пет-

рограда, с севера были около Вологды. Это при условии, когда контрреволюция была лишена знамени, была лишена программы, способной мобилизовать более значительные силы как внутри, так и вне страны. Михаил Романов с его жестом в пользу Учредительного собрания был бы этим знаменем, этой программой, которая бы сделала всех с-р-ов (за исключением группы Марии Спиридоновой), а также всех меньшевиков (за исключением группы Лозовского и Мартова) сторонниками Михаила Романова, ведущего страну к Учредительному Собранию. А это, несомненно, отразилось бы в сильнейшей степени на поддержке всем капиталистическим миром контрреволюции. И если контрреволюция в состоянии была запретить революционные силы в маленьком кругу (размеров Московского государства времен Ивана Калиты), то фирма Михаила способна была бы сделать значительно больше, и кто знает, не стоило бы это головы Советской власти? И во всяком случае, это стоило бы не одной сотни тысяч рабоче-крестьянских жизней.

Каждый из действующих лиц склонен придавать всем своим действиям большее значение, чем их реальная стоимость. Может быть, и я страдаю этим общечеловеческим недугом. Это должны решить читатели. Что же до меня, то я спокоен. Я сделал, что мог. Сделаю, что могу. Знаю, что в Мотовилихе будет праздник.

Конец

Примечание:

Троцкий часто похвалялся доверием Ленина, приводя пример с чистыми бланками, которые давал ему Ленин⁷⁰. Я этим похвастаться, как видят, не могу, а могу сказать, что я рвал мандаты Свердлова и Ленина, а после они меня считали правым. И в Мотовилихе, где я имел возможность выступить открыто один раз против письма Ленина, я имел единодушное согласие против него. Ленин не получил ни одного голоса. Этим Троцкий похвастаться не может. Чистый бланк Ленина — это не свидетельство правильного понимания интересов пролетариата.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Косецкий* (Касецкий) С. — помощник пристава в Мотовилихе. Убит в октябре 1906 в здании мотовилихинского Народного дома боевиком А.А.Миковым (Революционеры Прикамья. Пермь, 1966. С.395).

² *Сивилев* Василий Максимович (1885-1935) — рабочий-большевик. В марте—апреле 1922 проходил по следственному делу группы мотовилихинцев, связанных с Мясниковым (ЦА ФСБ РФ. Арх. №Н-1794 Т.10).

³ *Борчанинов* Александр Лукич (1884-1932) — рабочий-большевик. В 1921-1922 занимал антимясниковскую позицию. В 1923 о нем и о М.П. Туркине (см. далее в тексте) Мясников скажет: «спевшаяся и спившаяся подлая теплая компания /.../ пресмыкающиеся лакеи» (ЦА ФСБ РФ. Арх. №Н-1794. Т.48. Л.101-106).

⁴ Описываемый ниже в тексте эпизод относится к декабрю 1917.

⁵ Речь идет об одной из сестер *Лукояновых* — Вере Николаевне или Надежде Николаевне.

⁶ Содержание данного реферата, судя по всему, воспроизведено в главке «Кое-что в происхождении человеческого общества» из III части «Философии убийства...» — «Самопроверка» (см. прим. 37).

⁷ Имеется в виду *Лукоянов М.Н.**

⁸ Челябинск был захвачен Дутовым на начальном этапе борьбы Оренбургского казачества с Советами в ноябре 1917, но уже 20 ноября город отбили красногвардейцы. В марте—апреле 1918 после ряда поражений дутовцы бежали в Тургайские степи (вновь активизировать военные действия на Южном Урале Дутов смог только после восстания чехословацкого корпуса). 26 мая 1918 Челябинск был захвачен чехословаками.

⁹ Вел.кн. *Михаил* Александрович находился в Перми со второй половины марта 1918.

¹⁰ Одним из участников убийства Д.Бажина (1917) был А.В.Марков. См.: Платонов О. Царевубийцы // Литературная Россия. 1990. 21 сентября. С.19. О Маркове — см. далее в тексте.

¹¹ Речь идет, по всей видимости, об А.И.Плешкове, расстрелянном впоследствии после захвата Перми армией Колчака.

¹² *Преображенский* Евгений Алексеевич (1886-1937) — чл. КП с 1903. Во время революции 1905-1907 — член Уральского областного бюро РСДРП(б). После 1917 — один из руководителей Уральского обкома партии. В 1918 — левый коммунист. После 1921 — на хозяйственной работе. Один из ведущих советских экономистов. За участие в «левой оп-

позиции» в 1927 исключен из партии и сослан в Уральск. В 1929 после раскаяния был восстановлен в партии. Расстрелян.

¹³ *Артем* (Сергеев) Федор Андреевич (1883-1921) — чл. КП с 1901. В 1906-1907 работал в Перми, где возглавлял Пермский комитет РСДРП(б). После октября 1917 — на руководящих постах.

¹⁴ *Митрофанов* Алексей Христофорович (1879-1941) — революционер. Чл. КП с 1903. С 1901 жил в Перми. Один из руководителей восстания в Мотовилихе в декабре 1905. После революции и гражданской войны — на партийной и хозяйственной работе.

¹⁵ *Лашевич* Михаил Михайлович (1884-1928). Чл. КП с 1901. Один из руководителей Октябрьского переворота в Петрограде. Затем — на ответственных постах в Красной армии. В дек. 1918 — марте 1919 командующий 3-й армией Восточного фронта (см. прим. 21). После гражданской войны на военной и политической работе. В 1927 за принадлежность к троцкистской оппозиции исключен из партии. В 1928 — восстановлен.

¹⁶ *Войков* Петр Лазаревич (1888-1927) — политический деятель, дипломат. Член РСДРП с 1903, меньшевик. С августа 1917 в РСДРП(б). С октября 1917 — в Екатеринбурге, где сперва становится председателем Городской думы, затем комиссаром продовольствия Уральской области. Председатель Заводского совещания заводов Урала. Замешан в истории убийства Николая II и его семьи. В 1919 — зам. председателя Правления Центросоюза. В 1921 — председатель советской делегации в Смешанной советско-польской комиссии по реализации Рижского договора, одновременно состоит членом правления треста «Северолес». С 1924 полпред СССР в Польше. Убит в Варшаве Б.Ковердой.

¹⁷ *Сорокин* В.А. — председатель Пермского Губисполкома с 21 янв. 1918.

¹⁸ *Смилга* Ивар Тенисович (1892-1938) — чл. КП с 1907. В гражданскую войну — чл. РВС ряда фронтов. Расстрелян.

¹⁹ Ср.: «Слухи о восстании мотивилихинских рабочих накануне падения Перми не подтверждаются, было лишь сильное брожение на почве продовольственной неурядицы». (Сталин И., Дзержинский Ф. Доклад В.И.Ленину // Сталин И.В. Сочинения. Т.4. М., 1947. С.191). В других советских источниках «брожение» названо «эсеровским восстанием». События на Мотовилихинском заводе начались 5 декабря 1918. «Открытое выступление эсеров-меньшевистского охвоста в дни, когда белогвардейские войска были на подступах к Перми, потребовало от Пермской партийной организации и военного командования принятия срочных и чрезвычайных мер. Военный совет 3-й армии объявил Мотовилиху на осадном положении и приостановил работу на заводе для очистки его от белогвардейцев и предателей. Были созданы революционный комитет и комиссия для рассмотрения событий» (Очерки истории Пермской областной партийной организации, Пермь, 1971. С.155). Председателем военно-

революционного комитета, созданного 6 декабря, стал Мясников (это со слов самого Мясникова; из материалов Гос. архива новейшей истории г.Перми — б.Партийный архив Пермской обл. — следует, что он *вошел в состав* ВРК). Решительные карательные меры (массовые аресты и расстрелы) позволили уже 10 декабря возобновить работы на заводе.

²⁰ Ср.: «Почти перед самым отступлением наших войск мы с Колпачниковым расстреляли быв[шего] нач[альника] з[аво]да Темникова, его сына офицера (нашли у них пулемет) и еще инженера Иванова (зав. снарядного цеха №3) как служившего в охране. Все это мы делали по решению ЧК и мотовилихинского ревкома» (Воспоминания А.В.Маркова. Цит. по: Платонов О. Указ. изд. С.19).

²¹ Ср.: «Новый командующий 3-й армией М.М.Лашевич и его штаб не проявили инициативы и распорядительности в руководстве боевыми операциями. Более того, Лашевич окружил себя сомнительными военспецами, пьянствовал с ними. В штабе не знали, что происходит на фронте, есть ли резервы, оружие, боеприпасы, не была организована работа разведки. Под давлением превосходящих сил 3-я армия, ослабленная непрерывными боями, отходила на запад. Когда белогвардейцы подступали к окраинам Перми, контрреволюционеры подняли в городе панику. Штаб 3-й армии не сумел организовать обороны города /.../ 24 декабря Пермь была захвачена белыми. В их руки достались богатые военные трофеи — железнодорожные составы, баржи, продовольствие и вооружение /.../ Уралобком просил ЦК назначить партийную следственную комиссию для того, чтобы учесть допущенные ошибки /.../ Центральный Комитет партии назначил партийно-следственную комиссию в составе Ф.Э.Дзержинского и И.В.Сталина, поручив ей изучить причины падения Перми и принять меры к укреплению боеспособности 3-й армии. 5 января 1919 года комиссия прибыла в Вятку и приступила к работе /.../. По предложению комиссии скомпрометировавший себя Лашевич был снят с должности командующего армией и на эту должность 5 марта 1919 назначен бывший полковник С.А.Меженинов» (История Урала. Т.2. Пермь, 1965. С.99). Ср.: «Это не было, строго говоря, отходом, тем более это нельзя назвать организованным отводом частей на позиции, — это форменное беспорядочное бегство наголово разбитой и совершенно деморализованной армии со штабом, неспособным осознать происходящее и скольконибудь учесть заранее неизбежную катастрофу, неспособным своевременно принять меры для сохранения армии путем ее отвода на заранее подготовленные позиции, хотя бы ценой потери территории. Вопли Реввоенсовета и штаба третьей армии о "неожиданности" катастрофы лишь демонстрируют оторванность этих учреждений от армии /.../ их неумение руководить действиями армии.

Все эти обстоятельства послужили основой той беспримерной растерянности и беспомощности, которые характеризуют совершенно беспорядочную эвакуацию ряда городов и пунктов в районе третьей армии» (Сталин И., Дзержинский Ф. Отчет комиссии ЦК партии и Совета Обороны тов.Ленину // Сталин И.В. Сочинения. Т.4. Указ. изд. С.199-203).

3-я армия была разгромлена силами Сибирской армии под командованием генерала А.Н.Пепеляева.

²² *Мрачковский* Сергей Витальевич (1883-1936) — чл. КП с 1905, военный деятель. Участник гражданской войны. В 1920-1925 — командующий Приуральским, а затем Западно-Сибирским военными округами. Сторонник троцкистской оппозиции. В 1927 исключен из партии. После раскаяния — восстановлен. В 1933 — снова исключен. Расстрелян.

²³ Продвижение чехословаков и казаков в направлении Екатеринбургa началось сразу же после захвата ими Челябинска (26 мая 1918). 28 мая бои шли у станции Аргаш, затем наступавшими был захвачен Кыштым (в 130 верстах южнее Екатеринбургa). В результате усилий Красной армии Кыштым был освобожден и линия фронта до июля проходила близ станции Аргаш (и Кыштым, и Аргаш находятся между Верхним Уфалем и Челябинском).

²⁴ *Лукоянов Федор* Константинович — в июле 1918, во время расправы над семьей Николая II, — председатель Уральской областной ЧК (находилась в Екатеринбургe). Э.Радзинский отводит Ф.Лукоянову роль таинственного «шпиона», проникшего под видом плотника в дом в Тобольске, где проживала царская семья. (См.: Радзинский Э.С. Господи... Спаси и умири Россию: Николай II: жизнь и смерть. М., 1993. С.278-282). Факт психического заболевания Ф.Лукоянова, судя по всему, был использован при создании художественного фильма «Царевубийца».

²⁵ Решение о высылке вел.кн. Михаила Александровича из Гатчины в Пермь было принято на заседании Совнаркома 9 марта 1918.

²⁶ Вместе с М.А. в Пермь приехали: его управляющий и личный секретарь Н.Н.(Брайан) Джонсон (мать Джонсона была экономкой в доме, купленном М.А. в Англии еще до начала Первой мировой войны), камердинер Никифор Чельшев и шофер Василий Борунов (по др. источникам, напр., в списках заложников, расстрелянных в Перми осенью 1918, слуги М.А. значатся как — В.Ф.Чельшев и П.Я.Борунов). Супруга вел. князя графиня Н.С.Брасова не сопровождала мужа в ссылку: она приезжала в Пермь один раз в мае 1918. В Пермь был выслан также П.Л.Знамеровский, полковник, б.начальник Гатчинского железнодорожного жандармского управления. С ним одно время жила в ссылке его жена В.М.Знамеровская. В своем дневнике М.А. упоминает лиц, с которыми он общался в ссылке (среди них также высланные): С. и О.Тупицыны, повар Митревели, П.Н.Второв, Екатерина Даниловна (?), Добродины (Добротины), Николаевы, инженер Андреев, правовед Нагорский, доктор Шипицын, полковник М.П.Обыденев.

²⁷ По приезде ссыльных в Пермь Пермский Совет объявил было распоряжение об аресте М.А. и Джонсона. После того, как они отправили телеграммы на имя Ленина и Бонч-Бруевича с просьбой позволить им свободное проживание, Бонч-Бруевич и Урицкий телеграфировали Перм-

скому Совету соответствующее указание: «имеют право жить на свободе под надзором местной Советской власти» (Цит. по: Буранов Ю., Хрусталев В. Гибель императорского дома. М., 1992. С.94-95). Сначала М.А. поселился в гостинице при б. Благородном собрании.

²⁸ Гостиница по ул. Сибирской (ныне ул. К.Маркса, 5). Здание гостиницы возведено в 1907 по заказу лесопромышленника В.Н.Королева. В рекламе 1910-1911 говорится о «первоклассных» гостиничных номерах «Королёвские». В обиходе прижилось название «королевские» (см.: Топоров С.А. Самосуд // Вечерняя Пермь. 1990. 15 января; Цит. по: Самосуд: Убийство великого князя Михаила Романова в июне 1918: Документы и публикации. Пермь, 1922. С.37).

²⁹ Первое время над М.А. и Джонсоном был установлен гласный надзор милиции, и они ежедневно ходили отмечаться в местный штаб Красной гвардии. Затем надзор был снят и Пермский исполком заявил о снятии с себя ответственности за «целость» Михаила Романова. См. далее в тексте.

³⁰ Ср. прим. 20; скорее всего, речь здесь идет о том самом «сыне-офицере». Последующий эпизод представляется сочиненным задним числом.

³¹ Мясников в 1918-1920 несколько раз избирался членом ВЦИК, первый раз — на III съезде Советов (январь 1918), делегатом которого он был.

³² В связи с описываемыми событиями автор не раз упоминает А.В. Колчака. Последний весной 1918 находился сперва в Пекине, а затем в Харбине. Летом Колчак в качестве частного лица пребывал в Токио. Никакого влияния на события весны—лета 1918 в Сибири и на Урале оказывать он не мог.

³³ Представляется сомнительным, чтобы автор в 1918 руководствовался подобными соображениями. Высказал же он их впервые в 1921 в своих «Докладной записке в ЦК», статье «Больные вопросы» и ответном письме Ленину (см.: Дискуссионный материал. Указ. изд.). В 1921 Мясников имел в виду именно 1921, а не 1918-1920. Ср.: «Мы, пролетарии, не церемонились друг с другом, когда это надо было, и тех, которые мешали нам победить буржуазию, мы не совсем товарищески "уговаривали" — садили в тюрьмы, а иной раз и расстреливали. Но это было время такое: если бы этого не сделали, то буржуазия побила бы нас, весь рабочий класс /.../ Теперь другое время» (Там же).

³⁴ Жужгов Николай Васильевич (1877-?). Дополнительные сведения о нем см.: Коробейников В.Ю. Приведено в исполнение // Вечерняя Пермь. 1990. 4 апреля; Самосуд. Указ. изд. С.46-49; Платонов О. Указ. изд. С.19.

³⁵ Из других источников следует, что Иванченко в это время занимал пост начальника милиции г.Перми (см., напр.: Революционеры Прикамья. Указ. изд.).

³⁶ Иван Федорович *Колпацников* вместе с А.В.Марковым в 1918 участвовал в расстрелах арестованных местной ЧК бывших полицейских, офицеров царской армии и др. (см.: Платонов О. Указ. изд. С.19).

³⁷ Речь идет о предыдущей части (III главе «Самопроверка»). Общее представление о ее содержании могут дать перечисленные ниже по порядку названия главок этой части: «Одиночка №44 Орловского каторжного централа философствует», «Пасхальное наставление в законе божем», «Не веришь в бога? — Сумасшедший. (Из каторги в дом умалишенных)», «Опять одиночка №44, и как меня приняли в первый раз в Орловской каторге и Толстой», «Адам, Ева, Вольтер и Достоевский», «Смердяков и Карамазов», «Моисей, заповедь "не убий", Толстой и Достоевский», «Война это убийство с целью грабежа и растления, Или заповедь "не убий" по Моисею», «Бог, война и эксплуатация», «Крест — это орудие казни революционеров в старое время», «Моисей, Достоевский и Смердяков», «Экклезиаств», «Дарвин, Авенариус, Мах, Богданов, Энгельс, Плеханов, Ленин и Маркс», «Одиночка, кандалы и пытка — это не что иное, как комплекс ощущений», «Гегель», «Авенариус и его теория познания», «Связь гносеологии с идеалом», «Кое-что о происхождении человеческого общества», «Разделение общества на повелителей и исполнителей: Богданов, Плеханов, Ленин и Гюйо», «Беспорочное зачатие женщины и беспорочное зачатие мужчины», «Полицейская и революционная философии», «Идеалистическая и материалистическая философии как две формы мышления, в которых вращалось сознание веков», «Государство, нормы, право и монополия на убийство», «Наше государство», «Не сотвори себе кумира ни на земле, ни в небесах».

В «Самопроверке» исчерпывающе отображен миропорядок Мясникова с четко обозначенной персонифицированной ценностной шкалой, на которой расположены персонажи мировой истории и культуры. Положительные персоны по возрастающей: Адам, Аристотель, Дарвин, Гюйо, Богданов, Ленин, Плеханов, Маркс, Христос, Иисус сын Сираха, Ева, Смердяков. Отрицательные персоны по степени их негативности: Вольтер, Гизо, Мах, Авенариус, Гегель, Толстой, Экклезиаств, апостол Павел, Алексей Карамазов, Моисей, царь Давид, Достоевский, господь бог.

³⁸ Мясников был делегирован из райкома на работу в Губ. ЧК решением общего собрания коммунистов Мотовилихи 27 мая 1918 (из Справки, составленной по материалам Гос. архива новейшей истории г.Перми — Ф.620. Оп.1. Д.1-3).

³⁹ Сведения о какой-то особой охране вел. князя в других источниках отсутствуют.

⁴⁰ О вызове в ЧК и о предписании ежедневно ходить туда отмечаться сделана запись в дневнике М.А. от 21 мая 1918. Указание на Мясникова в ней отсутствует. Дневниковая запись от 7 июня 1918 начинается так: «В Чрезвычайном Комитете я слегка сцепился с одним "товарищем",

который был очень груб со мной» (Цит. по: Самосуд. Указ. изд. С.14). Не исключено, что этим «товарищем» и был Мясников.

⁴¹ Скорее всего, Мясников в своих подсчетах исходит из запомнившегося ему числа тех, кто был арестован ЧК впоследствии в связи с официальной версией бегства М.А.

⁴² Неустановленное лицо, вполне вероятно, — вымышленный, собирательный образ мотовилихинского рабочего-коммуниста. Предыдущая глава, в которой описано купание и излагается разговор с Авдеевым, дана в сокращении.

⁴³ Ср.: «[Болотов] — /.../ Скажите, ведь комитет распоряжается чужой жизнью. Ведь он посылает на смерть? Ведь он подписывает смертные приговоры? Где его право? /.../ Почему Давид, Ваня, Сережа, какой-нибудь слесарь с Путиловского завода идет с бомбой в руках умирать, а я, скрестив руки, благословляю его? Ведь это поп обязан благословлять, а мы не попы... [Розенштерн] — /.../ Я знаю. Я сам работал в терроре. Трудно, никто не знает, как трудно отдать свою жизнь. Еще труднее убить. Но труднее всего, поверьте мне, неизмеримо труднее всего /.../ распорядиться судьбой других... Для этого нужны огромные силы, большие, гораздо большие, чем для террора. Нужно иметь мужество принять ответственность, ответственность крови, крови товарищей» (Савинков Б. (В.Ропшин) То, чего не было // Савинков Б.В. (Ропшин В). То, чего не было: Роман, повести, рассказы, очерки, стихотворения. М., 1992. С.352, 354).

Или: «/.../ Я здесь стоял и слышал взрыв. Великий князь убит.

В ту же минуту Дора наклонилась ко мне и, не в силах более удерживать слезы, зарыдала /.../ и повторяла:

— Это мы его убили... Я его убила... Я...

— Кого? — переспросил я, думая, что она говорит о Каляеве.

— Великого князя» (Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М., 1991. С.78).

⁴⁴ Ср.: «Первая мысль об этом зародилась у тов. Мясникова Г.И. Об этом он сказал в Управлении милиции тов. Иванченко, который был комиссаром по охране гор. Перми» (Марков А.В. Воспоминания. Цит. по: Буранов Ю., Хрусталева В. Гибель императорского дома: 1917-1919 гг. М., 1992. С.112. Авторами цитируется вариант воспоминаний, хранящийся в ГАРФ); «Позвонили ко мне в кино "Луч" в Мотовилихе, где я был в то время управляющим, чтобы я пришел в милицию, что, конечно, я тотчас же исполнил. Это было наше первое совещание из 3-х лиц по этому делу. Мясников посвятил нас в чем дело, но троим нам, конечно, это сделать было невозможно, и мы тут же решили пригласить по рекомендации т.Иванченко т.Жужгова Николая, а по моей — т.Колпащикова Ивана, и по моему предложению решили дальнейшее совещание перенести в кино "Луч", т.к. в милиции могли нас подслушать. Но в самой конторе кино "Луч" также место было ненадежное. Тогда мы все, уже пять человек, перебрались в будку кино, где и продолжили свое засе-

дание, правильное, это было не заседание, а распределение ролей между нами» (Марков А.В. Воспоминания. Цит. по: Самосуд. Указ. изд. С.21. В сборнике публикуется вариант воспоминаний, хранящийся в ГАПО).

⁴⁵ В июне 1918 в Алапаевске находились: вел. князь Сергей Михайлович, Игорь Константинович, Константин Константинович, Иоанн Константинович, князь Владимир Палей, вел. княгиня Елизавета Федоровна и супруга Иоанна Константиновича — сербская принцесса Елена Петровна (последняя покинула Алапаевск незадолго до кровавой расправы 18 июля 1918).

⁴⁶ *Двойнишников М.Ф.* — см. о нем в Приложениях: «Из Автобиографии Мясникова».

⁴⁷ В кн. «Революционеры Прикамья» в Указателе имен есть некто *Бабинцев* (без инициалов) с пометой: «в 1902 г. участник революционного движения на Мотовилихинском заводе» (С.784).

⁴⁸ Ср.: «В Перми лошадей поставили во двор Губчека, посветили в это дело председателя Губчека т.Малкова и помощника Иванченко т.Дрокина В. Здесь окончательно был выработан план похищения. Решено было так: явиться около 11 часов вечера в гостиницу, где жил Михаил Романов, предъявить ему документ, подписанный т.Малковым, о срочном его выезде из г.Перми по указанию лиц, предъявивших мандат. Если он будет сопротивляться и откажется следовать, то взять силой.

Документ этот я сел за пишущую машинку и напечатал, поставили не особенно ясно печать, а тов. Малков неразборчиво подписал. Во время печатания мною на машинке мандата пришел в Губчека т.Сорокин — инженер, в то время Предгубисполкома. Он догадался, что мы чего-то хотим сделать, но чего — ему никто не сказал, но он чувствовал, что что-то затевается крупное, рассмеялся и ушел.

Далее тов. Дрокину было поручено занять место т.Иванченко по охране Перми и ждать указаний от нас, заняв место у телефона, что им и было сделано. Тов. Малков остался в ЧК» (Марков А.В. Воспоминания. Цит. по: Самосуд. Указ. изд. С.21-22).

⁴⁹ Ср.: «Тов. Мясников ушел пешком к "Королевским номерам", а мы четверо: т.Иванченко, с т.Жужговым на первой лошади, я с Колпащиковым на второй, около 11 часов подъехали к вышеуказанным номерам в крытых фэтонах к парадному» (Марков А.В. Воспоминания. Цит. по: Самосуд. Указ. изд. С.22).

⁵⁰ Ср.: «Жужгов и Колпащиков отправились в номера, мы же с Иванченко и Мясниковым остались на улице в резерве, но сейчас же потребовали подкрепления, т.к. Михаил Романов отказывался следовать, требовал "Малькова" (он плохо говорил по-русски), чтобы его вызвали по телефону. Тогда я, вооруженный наганом и ручной бомбой ("коммунистом"), вошел в помещение, стража у дверей растерялась, пропустили беспрепятственно, как первых двоих, так и меня. Я занял место в коридоре, не допуская никого к телефону, вошел в комнату, где жил Романов, он продолжал упорствовать, ссылаясь на болезнь, требовал доктора,

Малкова. Тогда я потребовал взять его, в чем он есть. На него накинута что попало и взяли, тогда он поспешно стал собираться, спросил — нужно ли брать с собой какие-либо вещи. С собой вещи брать я отказал, сказав, что ваши вещи возьмут другие. Тогда он просил взять с собой хотя [бы] его личного секретаря Джонсона, — это ему было предоставлено, т.к. это было уже раньше согласовано между нами. После чего он насроко накинута на себя плащ. Жужгов тотчас же взял его за шиворот и потребовал, чтобы он выходил на улицу, что он исполнил. Джонсон добровольно вышел из комнаты на улицу, где нас ждали лошади. Михаила Романова посадили на первую лошадь. Жужгов сел за кучера, и Иванченко рядом с Михаилом Романовым; я посадил с собой Джонсона, а Колпашикова за кучера, и таким образом в закрытых фэтонах (к тому же моросил дождик) мы тронулись по направлению к Мотовилихе по тракту». (Марков А.В. Воспоминания. Цит. по: Буранов Ю., Хрусталеv В. Похищение претендента: Неизвестный дневник Михаила Романова // Совершенно секретно. 1990. №9. С.27).

⁵¹ Ср.: «Как потом выяснилось, что тов. Мясников, который в момент нашего подъезда к номерам был около здания номеров, но когда в номерах произошла заминка, и Михаил Романов отказывался ехать, и что дело могло кончиться только расстрелом его и других на месте /.../ он струсил и убежал» (Марков А.В. Воспоминания. Цит. по: Буранов Ю., Хрусталеv В. Гибель императорского дома. Указ. изд. С.118).

⁵² Ср.: «Когда по расчетам мы должны быть уже за чертой города, тов. Дрокин звонил официальным тоном в милицию, что в "Королевские номера" явились неизвестные личности и увезли по неизвестному направлению Михаила Романова и просил срочно направить по Сибирскому тракту и Казанскому конную милицию. Это же было сообщено в Губчека. Это же сообщил по телефону заведующий номерами в Губчека и милицию» (Марков А.В. Воспоминания. Цит. по: Самосуд. Указ. изд. С.22-23).

⁵³ Ср.: «Сначала похищенные вели себя спокойно и когда приехали в Мотовилиху, стали спрашивать, куда их везут. Мы объяснили, что на поезд, что стоит на разъезде, там в особом вагоне их отправим дальше, причем я, например, заявил, что буду отвечать только на прямые вопросы, от остальных отказался. Таким образом, проехали керосиновый склад (бывший Нобеля), что в 6 км от Мотовилихи. По дороге никто не попадал. Отъехавши еще с версту от керосинового склада, круто повернули по дороге в лес направо» (Марков А.В. Воспоминания. Цит. по: Самосуд. Указ. изд. С.23).

⁵⁴ Ср.: «Отъехавши сажен 100-200, Жужгов кричит: "Приехали — вылезай!" Я быстро выскочил и потребовал, чтобы мой седок сделал то же самое. И только он стал выходить из фэтона, — я выстрелил ему в висок, он, качаясь, пал, Колпашиков тоже выстрелил, но у него застрял патрон браунинга. Жужгов в это время проделал то же самое, но ранил только Михаила Романова. Романов с растопыренными руками побежал по направлению ко мне, прося проститься с секретарем. В это время у

т. Жужгова застрелял барабан нагана (не повернулся), т.к. пули у него были самодельные. Мне пришлось на довольно близком расстоянии (около сажени) сделать второй выстрел в голову Михаила Романова, отчего он свалился тотчас же. Жужгов ругается, что его наган дал осечку. Колпашиков тоже ругается, что у него застрелял патрон в браунинге, а первая лошадь, на которой ехал т. Иванченко, испугавшись первых выстрелов, понеслась дальше в лес, но коляска задела за что-то и перевернулась, т. Иванченко побежал ее догонять, и когда он вернулся, уже все было кончено. Начинало светать. /.../ Когда ехали обратно, то я ехал с тов. Иванченко вместе, разговаривали по этому случаю, были очень хладнокровны, только я замерз, т.к. был в одной гимнастерке» (Марков А.В. Воспоминания. Цит. по: Самосуд. Указ. изд. С.23).

⁵⁵ Ср.: «Зарывать [трупы] нам нельзя было, т.к. светало быстро и [было] недалеко от дороги. Мы только стащили их вместе, в сторону от дороги, завалили прутьями и уехали в Мотовилиху. Зарывать ездил на другую ночь тов. Жужгов с одним надежным милиционером, кажется, Новоселовым» (Марков А.В. Воспоминания. Цит. по: Буранов Ю., Хрусталева В. Гибель императорского дома. Указ. изд. С.114). Упомянутый И.Г. Новоселов в 1928 написал письмо в газету «Правда», записку для Истпарта и заявление в Истпарт, в которых, оспаривая роль некоторых из участников расстрела, убийство М. Романова и Джонсона ставит в заслугу себе, Жужгову и А.И. Плешкову (см. прим. 11).

⁵⁶ Ср.: «После совершения расстрела Михаила Романова по возвращении в управление Мотовилихинской милиции, когда производился раздел вещей расстрелянных между участниками, то 1-му Иванченко В.А. были отданы с расстрелянного Михаила Романова золотые шести угольчатые именные часы червонного золота, с надписью на одной из крышек Михаил Романов, которые в настоящее время у т. Иванченко /.../ С расстрелянного Романова также было снято золотое именное кольцо и пальто и штиблеты — бывшему расстрелянному начмиллии А.Ив. Плешкову. А с расстрелянного камердинера [имеется в виду Джонсон] вещи разделены между Марковым и Колпашиковым И.Ф.» (Новоселов И.Г. Заявление в Истпарт. Цит. по: Буранов Ю., Хрусталева В. Гибель императорского дома. Указ. изд. С.116-117). «Летом 1964-го на одной из встреч с А.В. Марковым в Москве я обратила внимание на его наручные серебряные часы необычайной формы и, на мой взгляд, очень древние. Они отдаленно напоминали дольку срезанного крутосваренного яйца. На вопрос, откуда такие часы, Андрей Васильевич ответил, что они принадлежали лично секретарю Михаила Романова Брайану Джонсону, и он взял их себе на память, сняв с руки Джонсона после расстрела.

— С тех пор не снимаю с руки, — сказал Андрей Васильевич и добавил: — Идут хорошо, ни разу не ремонтировал, только отдавал в чистку несколько раз» (Аликина Н.А. Взвесить на весах истории // Вечерняя Пермь. 1990. 3 февр. Цит. по: Буранов Ю., Хрусталева В. Гибель императорского дома. Указ. изд. С.108).

⁵⁷ Речь идет о V Всероссийском Съезде Советов (проходил в Москве 4-10 июля 1918). М.П. Туркин значится в списках делегатов съезда.

⁵⁸ Партийная кличка Мясникова.

⁵⁹ Операция по умерщвлению алапаевских узников (18 июля 1918) сопровождалась довольно грубой инсценировкой их побега. Указанная беседа могла происходить только после 29 августа 1918, т.е. после возвращения Мясникова с фронта, куда он был направлен по увольнению из Губчека в начале июля.

⁶⁰ Партийная кличка Новгородцевой Клавдии Тимофеевны (1876-1960), жены Я.М.Свердлова.

⁶¹ Мясников путает хронологию: открытие памятника К.Марксу и Ф.Энгельсу состоялось 8 ноября 1918 в дни работы VI съезда Советов, а встреча Туркина со Свердловым была в июле.

⁶² Скорее всего разговор с Туркиным состоялся после 29 августа.

⁶³ Выделенные слова отчеркнуты на полях и подчеркнуты в следственном деле.

⁶⁴ См.: Ленин В.И. ПСС. Т.44. С.78-83.

⁶⁵ О брошюре см. в пред. к наст. публ. и прим. 33. В следственном деле Мясникова имеется ряд документов, проливающих свет на историю ее опубликования. Ниже приводятся два из них:

1

Телеграмма
МСК ЦЕКА РКП

Копия

Из Перми 7339/Б 53 23 12 20

На Ваш НР 46642 официального согласия Губкома на издание брошюры не было точка Постфактум когда брошюра была уже напечатана выпуск был санкционирован для узкого круга читателей точка Подпись Губком признал издание брошюры плодом недоразумения Решение было принято присутствии тов Муранова точка НР 13462 12/12 21 года

За секретаря Губкома
Верно:

М Туркин
М Бурикова

2

ЦК РКП тов. Михайлову

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По делу об издании и распространении брошюры т.Мясникова

По распоряжению тов. Уншлихта мною произведено расследование об издании и распространении брошюры т.Мясникова по предложению ЦК РКП.

Мною запрошены: заведующий 35-й типографией гр. Чуканов и арендатор этой типографии гр. Желудков.

Из допросов выяснилось, что заказ на брошюру дан тов. Антоновым ночным редактором «Гудка» гр. Желудкову, как спешная работа к партконференции. Гр. Желудков отдал печатать в 35 типографию, заведующему гр. Чуканову. Разрешение на печатание дано Цензором Троицким (оригинал находится в Воен. Цензуре с датой т. Троицкого). Тов. Троицкий выставил лишь условие, что брошюра, весь тираж, будет выдана коммунисту. Желудкову же тов. Антонов заявил, что изданную брошюру получит сам автор т. Мясников, который и заплотит совместно с т. Антоновым за печатание ее.

Разрешение Губиздата должен был достать т. Мясников (уже после издания брошюры).

Брошюра отпечатана в количестве 500 экземпляров.

Получена лично тов. Мясниковым, который заплатил за нее 5000000 руб. Из типографии перевезена во 2-й дом Совета, в литера 15, которую занимал тов. Мясников вместе с тов. Смирновым.

Из личного опроса тов. Смирнова выяснилось, что т. Мясников раздавал брошюру сам многим тов. Московской организации РКП и приехавшим на партконференцию и съезд Советов. Часть издания увез с собой на Урал. Кому персонально брошюра давалась Мясниковым, т. Смирнов не знает, т.к. дома бывал редко.

Несколько экземпляров имеется и сейчас в вещах, оставленных т. Мясниковым в литере 15.

Тов. Мясников не допрошен, т.к. по командировке ЦК РКП находится на Урале.

Полагаю, что поскольку содержание брошюры известно ЦК РКП, предлагаю ЦК РКП привлечь т.т. Мясникова, Антонова и Воен. Цензора т. Троицкого к партсуду.

27/1-22

ПомНачСОВЧК

⁶⁶ Мясников был арестован 25 марта 1922. Ср.:

Начальнику общей части

29.03.1922

Рапорт

Доношу, что 28 марта с/г в 7 часов вечера в камере №4 содержащийся под стражей политически-заключенный Мясников Гавриил произвел буйство, выразившееся в побитии двух стекол в раме у окна в камере. Причем часовым, стоящим на посту у камеры, было произведено три выстрела, на коковые явились караульный начальник с краснойармейцами караула и дежурный помкомандант тов. Шахмаев.

После чего были вызваны начсач тов. Болотов и зампредгубчека тов. Семченко, коковые и пришли в камеру заключенного.

Командант

[подпись]

Версия Мясникова изложена им в «Автобиографии» (см. Приложение).

⁶⁷ *Кашен* Марсель (1869-1958) — один из основателей Французской компартии (1920), в 1924-1943 — член президиума ИККИ, убежденный сталинист; *Суварин* (наст. фам. Лифшиц) Борис (1895-1984) — историк, политический деятель, французский коммунист, после 1917 — активист Коминтерна, в 1926 на VII пленуме ИККИ исключен из Коминтерна. Был близок к Троцкому, с конца 1920-х — активный антисталинист; *Селье* Луи — функционер ФКП, представлял ее на IV конгрессе Коминтерна (1922), в 1930 содействовал Мясникову в получении французской визы; *Трен* (*Трэн*) А. — в 1920-е один из руководителей ФКП, где был среди лидеров левого течения. В конце 1920-х исключен из ФКП и Коминтерна. В начале 1930-х сотрудничал с Мясниковым; *Маслов* (наст. фам. Чемеринский или Чемиринский) Аркадий (1891-1941) — политический деятель, в первой половине 1920-х — один из лидеров Германской компартии. Будучи арестован в Германии, был заочно избран канд. в чл. ИККИ. В 1926 исключен из компартии и Коминтерна. Вместе с Рут Фишер организовал «Ленинский союз» в Германии. В 1923-1934 сотрудничал с Мясниковым. Умер при невыясненных обстоятельствах на Кубе.

⁶⁸ *Жена* Г.И. — Мясникова (урожд. Варнина) Дарья Григорьевна (1895— после 1946). Его *дети* — Юрий (1919 г.р.), Вадим (1922 г.р.) и Борис (1923 г.р.) — погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Фотография, где они все трое изображены в матросках, была послана отцу в Париж в 1930 с надписью: «Матросы с разбитого корабля (как они себя называют) приехали к тебе».

⁶⁹ Из оды А.С.Пушкина «Вольность». Ср.: «Б.И.[Николаевский] передал мне рассказ Мясникова, что когда он был еще молодым рабочим и впервые был арестован за революционную деятельность и заключен в тюрьму, то, беря из тюремной библиотеки книги, читал Пушкина, как говорят, "запоем" (оказывается, Пушкин — "любимый поэт" Мясникова!) И вот Мясников наткнулся на стихотворение "Кинжал". "И он, — говорит Б.И., — рассказывал, что "Кинжал" произвел на него такое потрясающее впечатление, что в тюрьме он *внутренно поклялся* стать именно вот таким революционным "кинжалом". Вот где психологические корни его убийства великого князя. И говорил он об этом очень искренне...» (Гуль Р. Указ. соч. С.217-218).

⁷⁰ См.: Троцкий Л.Д. *Моя жизнь: Опыт автобиографии*. Т.2. М., 1990. С.204-205.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

1. Из автобиографии Мясникова

/.../¹ лице и из тихого захолустного городка уехал на Урал, в город Пермь, завод Мотовилиху.

II

Это было весной 1905 года.

Русско-японская война не была еще окончена. А отзвуки кровавого воскресения 1905 г. тихо стлались по лицу земли великой и будили сознание рабоче-крестьянских масс.

Мне было 16 лет. Из ровненского, мирного, ничем не возмущаемого городка я попадаю в бурный рабочий водоворот. Как губка впитывает воду, так и я жадно вбирал в себя все дотоле не виданное и не слышанное. Я искал правду.

Та правда, что мне вбивали в голову, перестала быть правдой: «Ищите и обрящете». Я искал и нашел. Я вступаю в члены партии социалистов-революционеров. Это было в 1905 г. в мае месяце. А в сентябре 1905 г. я покидаю ряды этой партии и вступаю в члены РСДРП.

Я — шестнадцатилетний рабочий, слесарь одного из самых больших заводов не только Урала, но и всей России (в это время на заводе работало не меньше 10000 человек), уже имею какой-то критерий, чтобы выбирать из двух линий партии — с.-р. и с.-д.

Но и внутри социал-демократической партии не было единомыслия: шла борьба между меньшевиками и большевиками. Я примыкаю к большевикам.

Надо сказать, что все это происходит в подполье, нелегально. Быть членом партии социалистов-революционеров или социал-демократов — это совсем не означало быть в почете, иметь доходы, власть, привилегии. Нет. А это означало — жертвы, жертвы и еще жертвы. Это налагало величайшие обязанности и в награду за их исполнение ждали: пуля, веревка, каторга, тюрьма и ссылка.

Но для меня, загоревшегося подростка, все нипочем.

Забастовка? — Я бегу на собрание, раздаю прокламации, вместе с другими бастующими рабочими кидаю гайки в стариков-штрейкбрехеров, что остались у станков и тисков. Мы их выгоняем из завода.

Одна забастовка сменяется другой. Мотовилиха бурлит. А она давала тон всему Уралу. Вместе с Мотовилихой киплю и я.

Волнуюсь, кричу, спорю, перебегаю от одной группы рабочих к другой, слушаю, учусь, читаю.

III

Но вот и декабрь 1905 г. После 2-х месяцев свободы начинается драка за свободу. Пролетарии Мотовилихи готовятся к вооруженному восстанию.

Александр Лбов (знаменитый в свое время) собирает несколько человек рабочих с.-д., которые бы не струсил при случае, и, к великому моему счастью, к числу тех, кто не струсит, причисляет меня. Я вместе с Александром Лбовым иду экспроприровать оружие на керосинный склад Нобеля, что в 7 километрах от Перми и в 2-3 километрах от Мотовилихи.

Подготовка к восстанию — это значит достать оружие. И мотовилихинцы его доставали: разоружали полицейских, жандармов, покупали, ковали и делали. А экспроприация — это была новая форма разоружения врага и вооружения рабочих. Это была первая экспроприация.

Экспроприация удалась. Без единого выстрела разоружили охрану в 12 человек и отобрали 12 револьверов.

Я был горд, что мне дали револьвер для экспроприации, а затем дали револьвер из экспроприированных, чтобы завтра, 13-го декабря 1905 г., пойти на восстание.

И я пошел. Но в том доме (в доме Морашева, за Ивой), в котором разместился десяток боевой дружины, чтобы бить из этой засады по казакам, я был схвачен казаками.

Из этого дома стреляли (убили двух казаков) и разъяренные пьяные казаки разгромили дом, схватили меня и нашли у меня револьвер.

Можно без труда представить, что они выделывали со мной, шестнадцатилетним повстанцем.

Брошенного без сознания, замученного до полусмерти, подбирают товарищи и увозят в больницу.

Из больницы всех подозрительных увозят и отчасти «расходуют» по дороге «при попытке к побегу», а отчасти отправляют в тюрьму.

Я беспомощен что-либо сделать сам. Моя голова, лицо и руки превращены в какой-то сплошной, бесформенный кусок мяса, почерневшего, как сплошной черный кровоподтек. Мои глаза закрылись этой черной опухолью всего лица. Забинтовано лицо, голова и руки.

На помощь пришли товарищи, и с разрешения либерального врача, без разрешения властей меня увезли на квартиру к инженеру Давыдову. Скрыли.

Это меня спасло. При чрезвычайном положении суд был простой: из дома стреляли, убили казаков, меня арестовали и нашли револьвер. Просто и ясно...

Это было первое боевое крещение и первый опыт.

IV

Но недолго гулял я на свободе. В 1906 г., 10 июня меня арестовывают в заводе Мотовилихе в цеху. Производят обыск в заводском инструментальном ящике и находят много прокламаций. Уводят на квартиру и там находят прокламации, нелегальные газеты, извещение об Объединительном съезде РСДРП, револьвер, четыре ударника для бомб и печать районного комитета партии.

Это были самые большие аресты в Перми и Мотовилихе. В этот же день были арестованы Я.М.Свердлов, его жена — Новгородцева, Клаша Кирсанова (нынешняя жена Ярославского), Преображенский и много других, а всего 54 человека. И было создано «дело 54», дело Пермского Комитета РСДРП. Следствие просеяло эти 54 и осталось 20. Судили 20 человек.

Арестовали тайную типографию. Захватили бомбы и лабораторию для изготовления бомб и весь состав Комитета. Я был арестован лично знаменитым истязателем Касецким. И, желая получить от меня, молодого рабочего, нужные сведения, он засадил меня и дал поесть селедки. Я — неопытный, с большим аппетитом поел... Но пить... пить не дали. Это было недолго, три дня всего, но это было тяжело. На мои просьбы воды давали селедку. Но я уже ее не брал. А Касецкий приходил «поговорить», но ничего не добился, я, как хороший ученик революции, твердил: «я от всяких показаний отказываюсь».

Касецкий вскоре был убит, и убили его мои товарищи, те, что были в моей боевой дружине, начальником которой я был до ареста. Убили в театре, на глазах у всех и с одного выстрела из браунинга. Стреляли от выходной двери. А Касецкий сидел в 1-м ряду. Пуля просверлила ему голову. Нахватано было много народу, но действительного виновника убийства не арестовали, его убил молодой 18-летний рабочий социал-демократ-большевик, Алексей Архиреев².

V

И вот я уже член Пермского Комитета и осужден на 2 года 8 месяцев каторжных работ. Но, вследствие несовершеннолетия, каторга была заменена ссылкой на вечное поселение в Восточную Сибирь.

В 1908 году в июне месяце я, одетый во все арестантское, прибываю на место поселения.

И, не давая опомниться властям, я на третий день, продав халат, бушлат, боты и брюки арестантские, покупаю лодку и бегу.

VI

В 1909 году в гор. Тюмени между многими другими арестован Агапит Мячков, как руководитель Тюменской организации и забастовки машаровцев. Его имя открывают. Оказывается, это Гавриил Мясников, бежавший из ссылки на поселение.

При аресте были взяты все необходимые материалы для привлечения меня к суду по 102 статье, но жандармы этого не хотят. Они хотят вывести меня в расход: через провокатора, Михаила Двойнишникова (официально установлено [его] провокаторство только в 1917 году, за что Двойнишников и был расстрелян), обвиняют меня, что я провокатор.

В 1910 году в Александровской пересыльной тюрьме собирается вся социал-демократическая тюремная фракция и судит меня. В суде принимает участие и Е.Преображенский. Выносят оправдательный приговор. Но надо сказать, что с провокаторами обычно расправлялись просто: их убивали.

Я ничего о подозрениях товарищей и суде не знал. Только после мне сообщили, что речь шла обо мне, и сообщил это Преображенский.

Я тут же сообщил Преображенскому свои соображения, что это дело жандармов, и как только они узнают, что их дело прогорело и что я реабилитирован, то они непременно возвратят меня в Тюмень, предадут суду, и я пойду на каторгу. Он согласился со мной. А товарищи устроили мне «внеочередную» отправку на этап, а по дороге в ссылку я бежал.

VII

Но в том же 1910 году в декабре месяце на Ленских золотых приисках арестовывают слесаря, Нестора Попова. Арестовывают за агитацию и отправляют в город Бодайбо в тюрьму. Это был я. Мне уже 21 год. Установив, что это я, предают меня суду за побег. Не зная ни о моих прежних побегах, ни о моем тюменском деле, до суда освобождают под назор полиции, а я бегу. Это было в июне 1911 года.

VIII

1913 год — это год 300-й царствования дома Романовых. В гор. Баку идет подготовка к 300-летию с двух сторон: со стороны официальной и со стороны нелегальной, большевистской.

Жандармерия встревожена. Мобилизованы все шпики и провокаторы.

В доме №5 на Ольгинской улице что-то творится неладное. Живет там какой-то слесарь-истопник, Попов. С женой, не с женой, а так себе — с бабой очкастой.

Часто к нему приходит много людей. Уходят. Снова приходят. Сам часто уходит. Да и кому какое дело.

А вот поди же ты и поговори с начальниками охранных отделений...

Следят они за этим Поповым, зорко, по пятам. Он видит и говорит жене: «Только бы дело довести до конференции гор. Баку и проводить хорошо праздничек 300-летия, а после я удеру. И чорта дикого они [меня] арестуют. Бросить же дело не могу. Некому передать». (Теперь-то ох как много Тер-Габриэлянцев, что называют себя большевиками с 1904 года, но оба Тер-Габриэлянца, как предсовнаркома Армении, так и предЦИКа Армении³, были там, и оба не только палец о палец не ударили для поддержки организации, но и, как чорт ладана, боялись встречаться с нелегальными. Были там Стопани, Лядов⁴, да и мало ли еще!).

Но и жандармерия знает свое дело. Примерно за полтора месяца до 300-летия, за неделю до конференции, в поезде, что ходит между Баку и Балаханами, происходит что-то не совсем обычное: дали один звонок, два, и вот уже прошло не меньше 15 минут, а 3-го отправного звонка не дают.

Один человек нервничает больше всех. Рабочий, как и все — с узелком, видать, хлеба, завернутого в платке, как обычно ездят на работу.

Вошел он в первый вагон, а прошел весь поезд и оказался в последнем. Хотел он спрятаться от четырех любопытных глаз, да не удалось. И, небрежно бросив узелок с «провизией» на скамейку, сел и думает: «В Балаханах такая суতোлка на вокзале, что я там не только от 4-х, но и от десятка скроюсь...»

А в это время готовят ордер на арест Попова и потому поезд задержали. Эта задержка и волнует его.

Но недолго пришлось волноваться. Скоро с той и с другой стороны в обе двери вагона заходят по жандарму и идут друг другу навстречу. Встретившись с четырьмя глазами, с теми, от которых хотел укрыться этот рабочий, они подходят к этому рабочему и спрашивают его фамилию. Тот отвечает: Попов.

— Вы арестованы, следуйте за нами в жандармскую, — говорит жандарм.

Попов встает и идет к двери между двумя жандармами: один спереди, а другой сзади. Но не успевают они сделать и нескольких шагов, как сзади идущий жандарм спрашивает: «А этот узелок не ваш?»

- Мой, — отвечает Попов.
- Возьмите его. А что же в нем?
- Прокламации.
- Какие?
- К 300-летию дома Романовых.
- Значит, и вы готовитесь к 300-летию?
- А то как же, готовимся.

По приговору выездной сессии Тифлисской Судебной Палаты, за принадлежность к партии большевиков, я был приговорен к 6 годам каторжных работ со специальным кандалным сроком. За побеги приговорен к 3 годам каторжных работ.

IX

Кто же не знает Орла? Орел — это всем каторгам каторга. Мужественные, крепкие революционеры при слове «Орел» бледнели и терялись. Да, это не каторга, а сплошной ужас. Это костоломка. А отправляли туда самых буйных, строптивых и непокорных.

В 1917 году в марте месяце из Орловской каторжной тюрьмы прямехонько из одиночного корпуса, из одиночки №44, под звуки музыки, пение революционных песен, под громкое «ура» — выхожу я, бородатый и усатый, с проседью, в коротко остриженных (под машинку) волосах на голове, выхожу на свободу. Мне 28 лет.

X

Из каторги, это точно. Но подозрительный этот Мясников. На вопрос орловских «революционеров»:

— Вы за оборону, товарищ? — Вопрос был задан не в переносном, а в буквальном смысле слова, на пороге дверей каторги. Я ответил:

— Товарищи, я социалист. Знаю постановления Штутгартского и Базельского конгрессов, провозгласивших лозунг «Война — войне». За это я был в каторге.

Этого было достаточно, чтобы меня не снабдили ни деньгами, ни одежей и чтобы я на собраниях и митингах с боем брал слово: мне говорить не давали. Но каторжная одежда имела великую силу. Я не пожалел, что меньшевики и с.-р. не снабдили меня ничем. Когда мне не давали слова, я появлялся самочинно на трибуне и говорил: «Товарищи, только сейчас вы сняли с меня кандалы, сняли их с моих ног и мыслей, а мне здесь их надевают вновь: мне не дают говорить». Этого было достаточно, чтобы

опрокинуть всю дипломатию оборонцев, и они, подавляя свою злобу, вынуждены были давать слово.

А большевика я там ни одного не встретил.

XI

В арестантской одежде я приехал на Урал, в Мотовилиху. В первый день моего появления Комитет партии командирует меня в Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов завода. И во всем Исполнительном Комитете мы были 3 большевика: Карякин, Решетников и я. Скоро дело изменилось /.../.

И засел я в Мотовилиху, прилагая все силы, чтобы остаться там: председатель ЦК партии и ВЦИКа Я.М.Свердлов, человек твердый и решительный, а потерпел-таки неудачу и не мог заставить меня поехать в центр — в Петроград на работу.

Был я членом ВЦИКа и председателем губернского комитета партии и комиссаром дивизии и т.д., но все это я считал формальностью, а по существу всегда считал себя членом мотовилихинской организации.

Мое влияние там было очень заметно. Допустим, к примеру, что Зиновьев, Троцкий или теперешний всеильный владыка Сталин встал[и] бы в оппозицию к Ленину, и Ленин написал письмо к той организации, где работали они, против них, то кто же усомнился бы в том, что каждый из них не собрал бы большинства против Ленина. А я вот собрал подавляющее большинство в Мотовилихе, и солидное большинство в Перми против ленинского письма. И это объясняется не какими-то мистическими качествами моими, а тем, что я, выступая, имел программу, знал, что надо говорить и как говорить. Знал, за что нужно звать бороться рабочих и как бороться. /.../

XIV

До 1920 года я вместе с партией прохожу всю дорогу борьбы, а борьба была тяжкая. А в 1920 году начинаются разногласия. И чем дальше, тем все больше и больше они принимают определенную форму.

Первые репрессии по партийной линии. Уполномоченный ЦК Израилевич⁵ доложил, что, если меня не убрать с Урала, то с Уралом не справиться. И троцкист Крестинский⁶, тогда генеральный секретарь ЦК, проводит постановление о снятии меня с работы и переброске в Самару. А когда я приехал в Москву, то узнаю, что не в Самару, а в Петроград. «На выучку к Зиновьеву», — как он шутя выражался.

Поехал. В первый день приезда состоялось собрание ответственных работников в том же 1-м Доме Советов, где жили все ответственные работники, где жил и я. Я был приглашен. И как это ни странно, но с первых же слов Зиновьев, как докладчик, без всякого повода с моей стороны, обращаясь к собранию, говорит: «Товарищи, к нам приехал страшный оппозиционер, тов. Мясников, но мы не боялись и не боимся никаких страшных оппозиционеров и не испугаемся тов. Мясникова».

Я совершенно не склонен был в этот вечер выступать, но вызов сделан, надо ответить. И я сказал, обращаясь к собранию: «Товарищи, что бы я ни сказал и как бы я ни сказал, вы отнесетесь отрицательно. Если чихнет т. Зиновьев — чихнет скверно, то вы хором скажете — будьте здоровы, и похвалите, как хорошо он чихает, а вот если я лучше, очень изящно чихну, то вы все хором загудите — ох, как он скверно чихает. Вот почему у меня нет желания говорить здесь. А насчет того, что я страшный оппозиционер, то можно сказать одно, что тов. Зиновьев кем-то напуган. Пугать же я никого не хочу, а сказать кое-что имею. И придет время — скажу, не побоюсь никаких застрашиваний».

Это было вступление к драке. Драка же была потом.

Зиновьев драки не выдержал. Два-три раза дали мне выступить на партийных собраниях, а дальше посредством всяких махинаций слова не давали.

Наконец, после одного собрания ответственных работников по вопросу о политическом изживании кронштадтского восстания репрессии усилились и стали явно принимать грязный характер: хотели подбросить уголовщину.

На этом собрании Зиновьев был особенно зол на меня, и было на что сердиться. Он делал доклад и после двухчасовой речи сделал конкретное предложение: Комарова⁷ из Губчека перевести в секретари Совета, Трилиссера⁸ из секретарей Совета перевести в Политпросвет, Равич⁹ перевести из отдела Управления в Наробраз и т.д. и т.п.

Я взял слово и спрашиваю собрание: «Товарищи, неужели петроградские рабочие бастовали потому, что Комаров, Трилиссер, Равич своими мягкими частями не те стулья давили? Неужели Кронштадт восстал потому, что Равич не то кресло занимала?»* /.../

* Ударение на Равич сделано намеренно: это вторая жена Зиновьева. *Прим. автора.*

Зиновьев понял, что идейно бороться против меня он не в состоянии, если эту борьбу перенести в рабочие массы партии. И начинаются грязные штуки. /.../

Я увидел, что надо уехать из Петрограда. И уехал. А партийный комитет меня не задерживал.

В газетах, в сборниках Петрограда я поместил несколько статей, и теперь можно увидеть по ним, что в общих чертах программа Рабочей Группы сложилась еще тогда. /.../

XVI

ЦК меня на Урал не пускает. Послали меня, как метлу, в Наркомвнешторг, но я, наученный Петроградом, был настороже и, поглядев дня 2-3 на работающую там ашатию, решил, что выгнать всех мне не удастся, а выгнать надо, а если я их не выгоню, то какую-нибудь грязь прилепят. Я ушел, решив, что пусть в этой грязи купаются творцы ее.

Послали в Главтоп. Смилга, кривляющийся интеллигентик, начинает разговор с матушки, полагая, что мне, как рабочему и каторжанину, это очень нравится. Такого же тона держался и Бухарин. Между своими товарищами я смеялся над их глупостью, над их ходом под мое рабоче-каторжное положение. /.../¹⁰

Я покинул [Урал]. А по приезде в Москву я был исключен из партии. Это было в 1922 году, 20 февраля. А 22 февраля 1922 года на собрании рабочей оппозиции принимается известная декларация, за подписью 22-х и подается в Коминтерн.

Троцкий был командирован драться против нас. И особенно большой шум подняли против моей подписи: «Мы его исключили из партии, а он не перестает играть свою роль в партии».

XVII

После этого я поехал в Мотовилиху, заручившись назначением меня заместителем директора завода. Здесь, не имея возможности принимать участия на партийных собраниях, я умел удерживать большинство за собой: декларация 22-х была мотовилихинской партийной организацией одобрена. /.../

Но если у главарей организации Перми не хватило мужества выступить против меня на собрании, то они показали свою храбрость в другом месте. В 2 часа ночи батальон ГПУ занимает обе проходные завода (ворота) и ставятся пулеметы. Мобилизованы все силы и брошены на завод, чтобы подавить всякие протесты. И в это же время ко мне на квартиру приходят агенты ГПУ и,

предъявляя ордер, арестуют меня и предлагают ехать на заготовленной для меня лошади.

Я не согласился, а позвонил на завод и потребовал лошадь с кучером и притом предложил агентам ГПУ ехать не «горками», а около линии железной дороги. Я был предупрежден старым товарищем, что ГПУ хочет меня «израсходовать случайно», и мне даже сказали, кто придет арестовывать меня, когда придут и где повезут.

Спутав все карты вызовом лошади, да еще с кучером и другим направлением дороги, я до ГПУ доехал благополучно.

Но ГПУ, получив от Сольца (секретаря ЦКК)¹¹ по прямому проводу указ не церемониться со мной, понял его так, как и нужно понимать. И если не удалось по дороге, то они решили довести дело до конца «у себя».

И, очистив предварительно всю внутреннюю тюрьму ГПУ от всех заключенных, переведя их в губернскую тюрьму, они в дощатую, сколоченную из полудюймовых досок, стенку коридора пускают одну пулю за другой, три пули в мою камеру — как раз в то место, где я обычно сидел и в уровень моей головы.

Но что-то подняло меня с этого места. За секунду и не больше до выстрелов я переместился, сошел с места, и тут раздается один выстрел за другим.

Открыли камеру и видят меня стоящим, целым и невредимым. Растерялись и спрашивают: «Что случилось, т.Мясников?»

Я отвечаю: «Ничего. Все в порядке. Только одно плохо, что стрелять не умеете».

Все ГПУ, а там было больше всего рабочих Мотовилихи, узнало о «случайных» выстрелах. Москва, информированная о происшедшем, дает приказ отправить меня в Москву.

Я голодал, не принимал ни хлеба, ни воды. А жене с годовалым ребенком на руках и беременной в стадии последних дней, сообщают, что я жив, здоров, спокоен и даже весел, но свидания не дают.

А когда слышали выстрелы, то один из товарищей бежит к ней и сообщает, что тов. Ильич застрелен.

Жена, взволнованная, бежит в ГПУ, а ей сообщают, что тов. Мясников отправлен в Москву. Этот ответ ей казался подтверждением вести о моем расстреле.

На 12-й день голодовки я был освобожден из внутренней тюрьмы ГПУ в Москве. /.../

XVIII

Рабочие массы Москвы бродили и искали. Наша рабочая оппозиция топталась на месте, ничего не предпринимая, не желая предпринимать.

Члены рабочей оппозиции один за другим приходили ко мне «поговорить». Все знали, что я член рабочей оппозиции, и все понимали, что есть между нами и официальным руководящим ядром разногласия.

Рабочая оппозиция в лице ядра: Шляпникова, Медведева и Коллонтай¹² — считала, что я и наша группа являемся левой фракцией рабочей оппозиции. Но этим еще больше путали и без того запутанное положение. Если рабочая группа Мясникова есть фракция рабочей оппозиции, то что же такое рабочая оппозиция? Они ответа не давали. /.../¹³

XIX

Дальнейший ход событий показал, как права была Рабочая Группа.

В 1923 году широкая волна стачек. За один год бастует не меньше 400-500 тысяч рабочих. Самые крупные из стачек: Москвы, Иваново-Вознесенска, Сормова, Донбасса и Урала проходят под влиянием Рабочей Группы¹⁴.

Это официально признано тогдашними вожаками Зиновьевым, Каменевым, Бухариным и К°, и даже оппозиционным Троцким. /.../

Троцкисты во главе с Троцким принимали во всех репрессиях ГПУ и ЦК самое деятельное участие и были наиболее рьяные клеветники и держиморды, желая доказать бюрократии, что они ни в каких рабочегрупповских грехах не повинны. /.../

XXI

Ранней весной 1927 года, после 3,5-летнего заключения в одиночках Московской, Томской и Вятской тюрем я был освобожден в ссылке в гор. Эривани.

7 ноября 1928 года, вышедши на демонстрацию в честь годовщины Ноябрьской Революции я домой не возвратился, а вошел в один из домов, сбрил усы, бороду, волосы, одел другой костюм и с портфелем, туго набитым рукописями, сел на извозчика и поехал на вокзал. А там купил билет до города Джульфа. И ждал поезда. Поезд опоздал на 2 ч. 30 м.

Тучи стали рассеиваться... Это нехорошо. Ночь будет светлая. Эх, темная ночь, выручай! Думаю: луна на ущербе и появится перед утренней зарей. Но лучше, если были тучи, ветер, дождик или снег и темно, темно. А нет. Ну, и пусть.

Приходит поезд. Сажусь. Тесно. Лезу на верхнюю полку. Удобнее и глаз меньше.

А около 12 часов ночи поезд проходил между станциями Доржан-2 и Джульфа, и здесь на ходу я прыгнул с поезда и бегом к реке, чтобы, пользуясь прикрытием поезда и шумом, невидно и неслышно добежать до реки Аракс. Спешно раздеваюсь, привязываю на голову портфель и одежду и в Аракс. Вода жжет: холодная, ледяная. Шумит Аракс, тучи ходят. Идет небольшой снежок. По руслу дует резкий ветер. Переплыл¹⁵. /.../

В апреле месяце 1930 года, благодаря стараниям товарищей Луи Селье и других, я получаю визу на въезд во Францию. 8 мая 1930 года я высадился в Марселе.

XXII

Декларация, написанная для прочтения
в Парижском суде и переданная защитнику
г.Кану, который ее не огласил

Еще в 1923 году меня, как оппозиционера, автора брошюры под названием «Манифест Рабочей Группы» и как организатора этой Рабочей Группы, выслали в Германию. Выслали тайно: на аэроплане. И только я вступил на немецкую землю, как в некоторых немецких газетах появляется заметка, что цареубийца Мясников в Берлине.

Кроме ГПУ, дать эту заметку никто не мог. Оно хотело руками белогвардейцев расправиться со мной, как с политическим противником. А белогвардейцы не замедлили начать охоту за мной. /.../

ЦК ВКП(б) и ГПУ настолько были встревожены моим побегом, что было вынесено специальное постановление о насильственном увозе меня из Персии в СССР (см. об этом «Воспоминания бывш. чекиста Агабекова»¹⁶). Особенное внимание ГПУ приковывал мой портфель, наполненный моими работами. И вот начинается охота и за рукописями и за моей головой.

Дело не вышло. Я, обманывая бдительность агентов персидской полиции и ГПУ, нелегально отправил рукописи в одну сторону, а сам бежал в другую, — в Турцию.

Сидя в персидской полиции, я чувствовал, что ГПУ цепко схватило меня. И оказалось, что в «Новом Времени», органе мо-

нархистов в Белграде, за январь месяц 1929 года появилась статья под названием: «Злодейское убийство Михаила Романова». Значение этой статьи ясно: напугать персидскую полицию, что я опасный террорист, нечто вроде профессионального царубийцы, и что шаху персидскому угрожает опасность, а с другой стороны — натравить белогвардейцев, чтобы они расправились со мной.

В Турции через своих агентов ГПУ пытается украсть у меня рукописи, написанные мною в Турции. Не удалось. Дело кончается арестом Ивана Железова, пытавшегося подкупить за 1000 турецких лир двух исполнителей.

По приезде в Париж я списался с друзьями и получил нелегально отправленные из Персии рукописи. Но ГПУ и здесь не оставило меня в покое: поместив в белогвардейских газетах заметки с призывом к расправе со мной, и после этого, через своих агентов Алексеева (из «Возрождения») и Палкина, ворует рукописи.

ГПУ знает, что первая мысль, которая может появиться у меня о виновниках исчезновения рукописей — это ГПУ. Чтобы отвести удар от себя, они через своего агента, Алексеева, направляют удар на «Возрождение», придумывая нелепую историю, что хотели украсть несуществующие воспоминания об убийстве Михаила Романова, а в действительности украли все те рукописи, за которыми так упорно охотились в Персии и Турции.

Раскрытие следа, направляющее следствие в сторону «Возрождения», берет на себя Алексеев, рассчитывая, что после грозных заметок в «Возрождении» и бурцевского «Общего Дела», угрожающих расправой со мной, я не посмею через суд преследовать воров, иначе меня ждет неминуемая расправа.

Вышло иначе. Я не испугался угроз белогвардейцев и ГПУ и начал преследовать воров. Ясно, что вдохновителями белогвардейских газет «Возрождения» и «Общего Дела», неистово призывающих белых расправиться со мной, является ГПУ. /.../

Бурцев искренне убежден, что он использует Палкина и Алексеева против меня, а в самом деле ГПУ, через Палкина и Алексеева использует Бурцева для борьбы с оппозицией, представителем которой я являюсь.

В этом моем заявлении суд найдет, надеюсь, ключ того, почему я сразу верно указал адрес воров.

Считаю, однако, необходимым заявить следующее: если бы мне возвратили рукописи, я отказался бы от преследования воров.

Заключение

Мясников бежал из СССР. Это факт. И бежал под покровительство законов буржуазного государства. Допустимо ли это?

Допустимо ли пролетарскому революционеру обращаться в буржуазный суд для преследования воров рукописей?

Некоторые простачки, сплетники и политиканы делают изумленное, возмущенное лицо благородного революционера, когда они передают друг другу на ушко, что я прибег к помощи буржуазной юстиции в двух случаях: 1) Бежал из страны «пролетарской» диктатуры под покровительство законов буржуазного государства. 2) Захотел в этом буржуазном государстве использовать юстицию для преследования воров рукописей.

К сожалению, на удочку сталинцев и троцкистов попадают хорошие, честные пролетарские революционеры, не понимая того, что Мясников бежал в *буржуазное*, а не пролетарское государство не по воле, а по беде: ясное дело, я предпочел бы быть в пролетарском государстве, но такого пока нет на земле. Допустимо ли это? Допустимо ли преследовать воров рукописей через эту буржуазную юстицию? Сталинцы хотели бы, чтобы они украли рукописи, а я в своем непротивленчестве злу превзошел Толстого и поблагодарил воров и главное — молчал.

Если взять за образец революционеров сталинского типа, то они руками персидской полиции держали меня в тюрьме (полиция Персии есть не буржуазная, а монархическая).

По проишкам сталинцев, турецкая буржуазная юстиция приговаривает на 4 года тюрьмы за пропаганду.

Пронюхав про мой побег из Персии в Турцию, они внушают турецкому послу, что на территорию Турции в моем лице бежит английский шпион, по национальности армянин (используя известную национальную вражду турок против армян) и подают телеграмму мне вдогонку. Только случайное и не предвиденное мною самим изменение маршрута спасает меня от неминуемой расправы аскеров (пограничная турецкая стража).

В немецком консульстве пускают слух, что я английский шпион, а в английском, что я немецкий шпион, добиваясь отказа в визе, и многое, многое другое. Грязные клеветники и поганые лжецы ведь не брезгают никакими средствами, чтобы выкрасть рукописи: натравливают белогвардейцев, входят в открытый союз и совместно воруют их и, разумеется, хотят, чтобы никто этого не знал, и таинственно в благородном возмущении шепчут: «Какой же этот Мясников преступник, что вздумал обратиться против нас к помощи буржуазной юстиции».

Надеюсь, что это прояснит головы некоторых «благородных» революционеров.

Я бежал из СССР по постановлению Временного Центрального Организационного Бюро Рабочей Коммунистической партии СССР (нелегального, разумеется), и за все свои действия ответственен перед ним, что ни в какой мере не лишает товарищей всех стран права сказать свое мнение о правильности или неправильности как постановления ЦБ, так и моего поведения.

Пишу эту маленькую биографическую справку для того, чтобы уничтожить возможность сплетен, дрызг, клеветы, которые распускают идейно немощные, бессильные к идейной борьбе сталинцы и троцкисты, которых очень внимательно слушают падкие до сплетен «революционеры», развесив свои ослиные уши.

Пусть сплетники выходят на свет, в печать и повторяют то, что они рассказывают тайком, за уголком. Особенно это надо знать тем, кто называет себя «сыновьями и дочерьми русской революции», не имея ни к одной из 3-х революций никакого отношения.

Конец

[1931]

ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-17674. Т.2. Л.323-381.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Из следственного дела 1923-1928 гг.¹⁷

1. Обращение мотовилихинцев В ЦК РКП(б)

Центральный комитет Р.К.П.(б.)

Ознакомившись с тезисами тов. Мясникова мы нижеподписавшиеся члены партии находим 1-е, что объявления тезисов тов.Мясникова целиком «несовместимыми с интересами партии» есть результат не серьезного отношения к делу организационного Бюро ЦЕКА, которое очевидно без особого труда может всякое инакомыслие считать вредным и «несовместимым с интересами партии».

2. Что воспрещение выступать тов.Мясникову не разрешает тех вопросов, которые выдвинуты в его «докладной записке» и статье «Больные вопросы», которые ежечасно встают перед коммунистами фабрик, заводов, сел и деревень.

3. Разрешение выступать с критикой линии ЦЕКА и в защиту своей точки зрения только в «дискуссионном листке» указывает на то, что Цека занят обереганием, опекой членов партии от проникновения к ним этих «вредных вопросов».

4. Мы нижеподписавшиеся члены партии разделяем точку зрения т.Мясникова, а потому и настаиваем на том, чтобы, как тов.Мясникову, так и всем нам, стоящим на его позиции, дали свободу слова и печати внутри партии.

5. Отзыв тов.Мясникова из Мотовилихи рассматриваем как очередную ссылку его за инакомыслие и просим ЦЕКА оставить его здесь в Мотовилихе.

6. Все репрессии (ссылка, лишение права внутривнутрипартийной критики и права отстаивать свою точку зрения, лишение избирательных прав и т.д. вплоть до исключения из членов партии), применяемые к тов.Мясникову, считаем и будем считать репрессиями против нас.

[1922]

Т.2. Л.16.

2. Заключение Пермского Губотдела ГПУ

28 марта 1922

/.../ Я, Уполномоченный Секретного Отделения Пермского Губотдела ГПУ Овчинников, рассмотрев дело за №3746 о гр-не Мясникове Гаврииле Ильиче, обвиняемом 1) в создании нелегальной группы, через которую, а также и личной агитацией, он настаивал к враждебному отношению против советской власти и ее законодательным актам, 2) в разложении дисциплины в рядах красной армии, нашел:

Гр-н Мясников 32-х лет, происходит из гр-н Казанской губернии, Чистопольского уезда, с 1905 года по 1922 год по Март месяц состоял членом РКП(б) и постановлением ЦК РКП за систематическое нарушение партийной дисциплины из членов партии исключен; до революции подвергался репрессиям со стороны царского правительства вплоть до каторжных работ за принадлежность к революционным организациям, с 1917 года по день исключения из партии работал на партийной и советской работе, занимая ряд ответственных должностей, к моменту ареста находился на должности Пом. Управляющего Мотовилихинского Орудийного завода. Возложенное на Мясникова обвинение обосновано на данных агентурной и следственной разработки дела и рядом выступлений Мясникова на общих партийных собраниях и съездах, как в бытность его еще членом РКП(б), так и после исключения из партии.

По приезде Мясникова из Петрограда в Мотовилиху с изложенными в его брошюре тезисами, он усиленно занялся распро-

странением их полунелегальным образом, как среди членов партии Мотовилихинской организации, так и беспартийных. На предупреждение Губкома о призыве Мясникова к порядку, он еще более под разными докладами на собраниях разлагал единство организации, иногда неуместными совсем выкриками, что «верха от нас руки прочь» или «палка о двух концах», вполне сознательно этими словами разжигая партийных рабочих, политически мало развитых, а знавших только личность Мясникова и слепо ему веря.

К концу 1921 года в Мотовилихинской организации среди членов партии получились две группировки, так называемые «Мясниковцы» и «Губкомцы». Такое явление получилось исключительно благодаря работе Мясникова. При вторичном возвращении Мясникова в Мотовилиху, проездом в Сибирь, созданная им группа «Мясниковцы» еще более начала выявлять себя и уже доходила до того, что члены партии Мотовилихинской организации под руководством Мясникова и без ведома Райкома устраивали собрания, которые являлись нелегальными. Известие об исключении Мясникова из рядов РКБ(б) в Мотовилихинской организации среди солидарных с тезисами и поступками его подняло необычайный шум и грозило определенным официальным расколом единства партии. Вопреки всяких постановлений и циркулярных распоряжений ЦК, выносились резолюции, что исключение Мясникова из партии «равносильно исключению нас всех» и Мясников, будучи исключенным из рядов партии, определенно открыто выявил себя совершенно чуждым как по отношению вообще к завоеваниям Октябрьской Революции, а также и к твердой политической линии и тактике РКП (большевиков).

22 Марта 1922 г. на общем заводском собрании рабочих Мотовилихинского завода, устроенном без членов Райкома РКП(б), Мясников под влиянием заранее подготовленной группы от беспартийных был избран председателем Собрания и ему же от беспартийных было предложено сделать доклад о текущем моменте, каковой и был сделан, и в своей демагогической речи не столько обрисовал международное положение, сколько указывал на свои тезисы и о своем исключении из партии и своим поступком он ярко обрисовал еще раз свою нетвердость политической линии и уклон к содействию эсеро-меньшевистскому элементу, что было этим элементом учтено и в результате собрание вынесло постановление и предложенное Мясниковым постановление, вполне аналогичное с его поступками и тезисами, как свобода слова и т.д.

Задавшись определенной целью в корне обострить отношения рабочих к РКП(б) и учреждениям, он на собрании уполномоченных цехов предложил переизбрать завком, указав, что там ком-

мунистов быть не должно. Этот вызов со стороны Мясникова, более чем никогда, подействовал на членов партии и его единомышленников и под предлогом защиты Мясникова, т.е. восстановления его в членах партии и признания правильным заявления 22-х, две цеховых ячейки вынесли постановление о выходе из партии и сдали в Райком партийные билеты.

Дальнейшая деятельность Мясникова в Мотовилихинском заводе, несомненно, могла привести к полному разложению революционных рабочих завода и правильного функционирования последнего; в результате чего пошла бы совершенно насмарку работа партийных и советских органов, сверхчеловеческими усилиями поднявших производительность орудийного завода, имеющего для всей РСФСР огромное значение, особенно в настоящий момент, когда мы не гарантированы от внешних нападений наших врагов.

Учитывая это обстоятельство и принимая во внимание намерение Мясникова вести разлагающую работу и дальше, что привело бы, в конечном результате, к открытому выступлению рабочих Мотовилихинского завода и повторению Кронштадтской авантюры, местные губернские органы, в лице Губисполкома, Губкома и Губпрофсовета решили убрать Мясникова из завода и поручить Губотделу ГПУ произвести его арест. Находясь уже под стражей в камере при Губотделе ГПУ, Мясников самым позорным образом склонял часового к преступлению, предлагая ему за вознаграждение передать на волю той нелегальной группе, которую он создавал в течение нескольких месяцев, писанные им записки, в которых призывал к демонстративному выступлению своих единомышленников и молодежь, предлагая всем рабочим завода вынести протест об аресте его. Это все говорит за подрыв авторитета правящей партии и сов. власти вплоть до свержения ее.

Исходя из вышеизложенного обвиняю: Мясникова в том, что он будучи исключен из рядов РКП(б) и имея намерение создать враждебное отношение к руководящим партийным и советским органам образовал вокруг себя нелегальную группу, через которую, а также и личной агитацией, настраивал как партийных, так и беспартийных рабочих Мотовилихинского завода враждебно по отношению к советской власти и ее законодательным актам, выставляя требования, аналогичные с политическими требованиями подпольных контрреволюционных группировок и организаций, чем содействовал последним. Кроме того, находясь уже под стражей в камере при Губотделе ГПУ, с целью установления связи с его единомышленниками, пользуясь недостаточным снабжением к[асноармей]цев продовольствием, склонил стоявшего на посту

часового к совершению преступления — тайной передаче письма, обещая в будущем улучшения его материальных условий, каковыми действиями сознательно разлагал дисциплину в рядах красной армии. Ввиду того, что арестованный Мясников отказался от подписи предъявленного ему обвинительного акта и дачи показания по существу обвинения, а заявил официальному представителю Губотдела ГПУ, что поводом его аресту служат не обстоятельства общественного характера, а побуждения и заинтересованность отдельных личностей, —

предлагает: —

Дело за №3746, вместе с арестованным Мясниковым Г.И. препроводить в Госполитуправление на распоряжение.

Уполномоченный	[М.Овчинников]
Согласен: Начальник Секретотделения	[Петров]
Утверждаю: Предгубполитотдела	[А.Борчанинов]
Нач СОЧ	[Ст.Болотов]
Секретарь	[?]

Т.9.Л.47-48об.

3. Акт медицинского освидетельствования

[май 1923]

Мы, нижеподписавшиеся в помещении Внутренней тюрьмы ГПУ освидетельствовали заключенного Гавриила Ильича Мясникова — 33 лет, причем оказалось следующее:

Заключенный жалуется на бессонницу, зрительные галлюцинации, судороги [в] руках и ногах и головокружение. В течение десяти дней последних, по его словам, голодал. В 1914 и 1915 годах, по его словам, в тюремной обстановке он перенес душевное заболевание, вызвавшее перевод его в психиатрическую больницу, где он пробыл около трех месяцев. Заболевание выражалось в галлюцинациях зрительного и слухового характера, депрессивном настроении. По характеру исследуемый считает себя раздражительным, вспыльчивым и вместе с тем решительным. В бытность свою в тюрьме в 1914 и 1915 годах, исследуемый интересовался разрешением религиозных вопросов, в связи [с] тем подвергал себя самобичеванию (наносил себе раны, не давал им возможности заживляться). При объективном исследовании в данный момент обнаружен: учащенный пульс, слабо выраженный дермографизм, усиленный коленный рефлекс, понижение глоточного рефлекса. Со стороны нервно-психической отмечается правильная ориентировка во всем окружающем (месте, времени, окружающих лицах), отсутст-

вие бредовых идей, наличие зрительных галлюцинаций (появление фигур), сознаваемых больным, понижение настроения духа.

На основании вышеизложенного следует придти к заключению, что заключенный Мясников при некоторой неустойчивости нервно-психической конституции проявляет в настоящее время симптомы психастении, усилившиеся в связи с тюремным заключением, вследствие чего он нуждается в отдыхе при санаторной обстановке, лечении в нервно-психическом отношении.

Начсанчасти:

Кушнер

Врач-психиатр Московских Губернских
мест заключения

Т. Маслов

С подлинным верно:

[Эйзенберг?]

Т.9. Л.85.

4. Из заключения ГПУ

23 мая 1923

По делу №14175 гр.Мясникова Гавриила Ильича
по обвинению его по 72-ст. Угол[овного] кодекса
в издании, хранении и распространении к.р. изданий

Я, Помнач СО ГПУ — Дерibas¹⁸, рассмотрев [агентурный и] следственный материал по этому делу и ознакомившись с материалом по группе «Рабочая Правда» нашел:

1) Начиная с 21 года означенный гр.Мясников, еще состоя в рядах РКП(б), издал в разное время несколько литературных произведений, которые широко были использованы не только меньшевиками и эс-эрами, но и всей заграничной к.р. прессой в ее общей травле против Сов. России и Коммунистической партии; 2) С этого времени и до самого момента исключения его из РКП Мясников остался злостным врагом этой партии, упорно работая по ее разложению; 3) Наконец, в самое последнее время, уже после его исключения из партии, выяснилось, что деятельность Мясникова не была просто заблуждением недостаточно дисциплинированного члена РКП, относительно которого можно ограничиться наложением партийного взыскания: оставляя в стороне [агентурные] данные — достаточно ознакомиться с содержанием брошюры «Тревожные вопросы», авторство которой неопровержимо принадлежит гр.Мясникову, чтобы убедиться, что деятельность Мясникова за последний год носила явно к.р. характер, была направлена против Сов. власти и диктатуры пролетариата в один из самых тяжелых моментов РСФСР; группы же, которые Мясников пытался создавать, не были просто внутривнутрипартийными течени-

ями, несколько погрешившими против партийной дисциплины, несмотря на запрещения образовывать фракции в рядах партии, а были объективно к.р. группами, своими тенденциями перекидывающими мостик к меньшевикам.

Характерно полное сходство в основных чертах этой брошюры с явно провокаторской подпольной листовкой группы (Рабочая Правда), широко распространяемой по заводам и фабричным предприятиям России, при явном попустительстве заграничной и, в частности, немецкой тайной полиции, через ее агентов из так называемого 4-го Интернационала.

Разница между брошюрой «Тревожные вопросы» и обращением группы «Рабочая Правда» при программном единстве сводится лишь к частным тактическим разногласиям. Гр.Мясников не борется с «Рабочей Правдой», как делает это с РКП, а стремится лишь внести в ее методы действий технические улучшения. /.../

Ввиду собственного заявления Мясникова о необходимости для него и для лиц его направления прибегать к непартийным средствам якобы для партийных целей и выраженной им солидарности с к.р. группой «Рабочая Правда», объявленной им совершенно законным явлением, к гр.Мясникову, безусловно, должны быть применены репрессивные меры, наравне с враждебной нам буржуазной интеллигенцией.

Гр.Мясников, как быв. старый большевик и коммунист, имеющий за собой большой партийный стаж и сделавшийся злостным ренегатом, готовый в борьбе с рабоче-крестьянской властью использовать свои партийные связи — является неизмеримо более вредным элементом, чем представители откровенной буржуазии в лице ее интеллигенции, в силу своего классового положения не имевших [так! — *Публ.*] непосредственного доступа к пролетариату. Хотя в деятельности Мясникова имеются все признаки преступлений, предусмотренных ст.ст.62 и 72, как руководителя к.р. организаций, направленных против Соввласти

Я, Помнач СО ГПУ — Дерibas предлагаю, приняв во внимание его пролетарское происхождение применить к нему ту же самую меру административного взыскания, которая была применена к Питериму [так! — *Публ.*] Сорокину, Изгоеву и др. представителям буржуазной интеллигенции с которыми он, если не на словах, то на деле объединился, а именно: выслать гр.Мясникова за границу или в Туруханский край сроком на 3 года. /.../¹⁹

Т.9. Л.117-120.

5. Рапорт об отправке Г.И.Мясникова в Германию

15 июня 1923

Совершенно секретно
Нач. СО ГПУ тов.Дерибас

Во исполнение Вашего распоряжения доношу, что сегодня 15 июня в 8 час. 30 мин. с Ходынского аэродрома улетел в Кенигсберг аэроплан марки RR-8 при пилоте Воедило и механике Власове с дипломатическим курьером НКВД тов.Крастиным и двумя пассажирами — Мясниковым — русским гражданином и Мильцине-ром — Германии подданным.

Поведение Мясникова было подчеркивающе-вызывающе. Он присутствующим при отправке аэроплана немцам и какому-то русскому инженеру, фамилия которого пока не установлена, демонстративно подчеркнул, что не он летит, а его летят, несмотря на то, что он гражданин Советской Республики (это дословно).

Первоначально я думал заграничный паспорт дать тов.Крастину, с тем чтобы он его передал Мясникову уже за границей, но вынужден был при посадке дать его Мясникову, считаясь с его категорическим отказом ехать, не имея лично на руках паспорта.

Вообще, он намеренно и откровенно при всяком случае высказывал мнение о ГПУ, как учреждении, конечная задача которого — провоцировать всех и каждого.

Расписка в получении Мясниковым 100 долларов и расписки НКВД в получении 1064 рубл. за паспорта и 5 долларов для немецкого врача прилагаю.

Секретарь СО ГПУ:

(П.Буланов)²⁰/.../

Т.9.Л.139.

6. Г.И.Мясников — Д.Г.Мясниковой²¹

15 сентября 1923

Милый Доник. Сегодня я получил первый номер газеты «Правда» и мне хочется за все твои заботы обо мне расцеловать крепко, крепко, ну, знаешь ведь, как я это умею. Так вот так. — Знаешь, какая мысль пришла мне в голову. Ведь по случаю образования союза Соц. Сов. Респ. была объявлена амнистия, она, судя по газетам, была применена к убийцам и к оказывающим вооруженное сопротивление Советской власти при изъятии ценностей [и] к прочей сволочи; а так ты вот что сделай: сходи к Белобородову и Преображенскому и поговори насчет применения амнистии ко мне. Неужели я хуже всей этой пакости? Если удастся это тебе сделать, то и ехать не надо будет, и я поеду к тебе. Мо-

жет быть, надо официально действовать, т.е. подать письменное заявление на имя Калинина — Члена Президиума ВЦИК, поговори с Николаем²², и думаю, что кое-что из того выйдет, а не выйдет, так будет лишний козырь в руках — контрреволюционеров освобождают, а коммунистов-рабочих, дерзнувших сметь свое суждение иметь, ссылают.

У Вас ведь там веселее — происходят выборы в Советы, кое-что хотелось бы сделать. Можно бы кое-где конкуренцию устроить — ну да что поделаешь: бодливой корове бог рог не дает. А ведь можно бы было так сделать: подготовить заранее список: агитировать за него на заводах, а на официальном собрании не спорить, а голоснуть в тихую. Да выставить также кандидатов, чтоб у них у всех поперхнулось, вроде Ник[олая], Д[емидова]²³, Бер[зиной] и других, ну, да что я это в политику ударился, ведь это для меня запретный плод. Ну так вот как, Донишка, выручай-ка ты меня — да и ребята пусть приналягут, авось да что-нибудь и выйдет. А штука бы дельная была — вдруг да и я окажусь членом какого-нибудь Совета — поневоле амнистируешь. Так ты, Донишек, постарайся выручить меня. Мне уже очень не хочется здесь быть, да и тебя тянут, а без тебя да без ребят мне скучно. Ну так действуй! Спроси Николая, получил ли он от меня письма.

Юрочка, скажи мамочке, пусть она меня пустит в Россию к Вам, проси. Братишкам моим сынишкам: я тебе привезу паровоз и другие игрушки. Ну, так вот целую я Вас всех, а вы поцелуйте друг друга.

Остаюсь скучающий по всем моим ребятам. Ваш все тот же
Г.Мясников

Привет всем. /.../

Т.52. Л.471.

7. Из письма Г.И.Мясникова — Н.В.Кузнецову²⁴

21 сентября 1923

Николай, я удивляюсь, как это ты ухитрился молчать столько времени. Я тебе послал две статьи и решительно не знаю — получил ли ты их или нет. Посланы они были воздушной почтой на твое имя, адрес Главметалла. Была послана телеграмма тоже на твое имя с запросом «получил ли ты статью или нет» и на эту телеграмму нет ответа — что с тобой. Ты, значит, или изъят из обращения, или эти усердные не по разуму перехватили и то, и другое.

В этих двух статьях я писал, что нам надо: 1) Завоевать завкомы, а не бежать из профсоюзов; 2) Необходимо принять участие

в выборах [в] Советы; если открыто нельзя выступить, то вести нелегальную агитацию за свои списки и на официальном выборном собрании втихомолку, без прений, без шума проваливать списки господствующей группы, проводя свои. Я очень бы был не прочь видеть тебя, Демидова, Берзину и других членами Московского Совета, — я, собственно, и сам не прочь попасть туда, хотя бы для того, чтобы самым фактом избрания испортить кровь этой компании и тем самым заставить возвратить меня в Россию.

3) Необходимо принять в той или иной мере участие в праздновании Октябрьской Революции с такими лозунгами: а) Да здравствуют Советы Рабочих депутатов фабрик и заводов. Государственный контроль профсоюзам. Да здравствует пролетарская демократия. Свободу слова и печати рабочему классу. Амнистия всем рабочим, арестованным и сосланным за свободу слова. Ни одного ареста, расчета без ведома завкома. Освобождение рабочих — дело самих рабочих. Да здравствуют завоевания Октября. Да здравствует мировой Октябрь.

Дальше я считаю необходимым, чтобы наша группа сейчас же принялась за кампанию подготовки к 5-му конгрессу Коминтерна. /.../

Издание «Манифеста» на русском языке мне обошлось около 100 долларов — высылайте деньги, — я в долгах. Издано 5 000 шт. Устраивайте как можно скорее отправку его. Я имею самые различные возможности послать по 1, по 2 экземпляра. Устройте с Булкиным в Петрограде, в порту. /.../

Хорошо в том случае, если меня не выручите отсюда, чтобы устроить меня каким-нибудь представителем или заместителем Главэлектро или кого-нибудь в этом роде. Я имел бы больше свободы действий — куда надо, туда и поехал.

Ну, ребятунки мои, как мне хочется быть вместе с вами, — вы и представить себе не можете.

Привет мой пролетарский коммунистический всем, всем, всем.

Жму твою руку /.../

Т.48. Л.28-29.

8. Из докладной записки об аресте Г.И.Мясникова

27 ноября 1923

19-го сего ноября в 13 часов я получил от Нач. СО ГПУ тов. Дерибас приказание арестовать Г.Мясникова.

Во исполнение сего, выяснив наружным наблюдением его местонахождение, в 13 1/2 часов я попытался вместе с Уполномочен-

ным Активного Отделения Оперода тов.Эрманом задержать Мясникова на улице. — Подойдя к Мясникову, я предложил ему от имени Нач. СО ГПУ т.Дерибаса следовать за мной в ГПУ, — однако Мясников выполнить это отказался и стал ругать меня площадной бранью, называя «жандармом», «сыщиком» и т.п.

Не имея возможности задержать его силой, тем паче, что по возбужденному состоянию Мясникова было видно, что он окажет сопротивление и соберет на улице толпу, я принужден был следовать за Мясниковым и пошел за ним в его квартиру. В квартире своей Мясников вместе со своей женой Д.Г.Мясниковой продолжал ругать меня, Эрмана, ГПУ — и категорически заявил, что «он не сдастся» и что его мы сможем взять только мертвым. Все мои увещевания были бесполезны, поэтому я, созвонившись с т.Дерибасом о высылке «подкрепления», послал за таковым тов. Эрмана и принужден был один в течение часа выслушивать брань Мясникова и его жены по своему адресу и по адресу ГПУ. Отмечаю между прочим следующие характерные моменты. Мясников с пеной у рта обвинял Соввласть в том, что его спровоцировали, выдав ему визу на въезд в РСФСР; /.../ о Кузнецове в частности Мясников отзывался в разговоре с женой с иронией — видимо он не считает его стойким в убеждениях и полагает что он /.../ «раскается». Жена Мясникова вторила ему и кричала с не меньшим, чем у Мясникова, озлоблением о том, что ГПУ душит рабочий класс, что «Рабочая Группа», несмотря на все репрессии, будет существовать и действовать, что она — Мясникова, будет «бегать по всей Москве» и рассказывать о «Рабочей Группе» и о том, как «ГПУ вместо того, чтобы бороться с буржуазией ведет борьбу с рабочими». Кроме того, в разговоре с мужем она говорила о том, что она бывает у Рязанова²⁵, что Рязанов передал ей какую-то посылку, что Белобородов²⁶, у которого она часто бывает, на днях сообщил ей, что в РКП(б) действительно назревает раскол, что образовалась какая-то новая подпольная группировка, в которую входит 46 человек²⁷, что Лукин — это провокатор, который выдал «Рабочую Группу». /.../

Отмечаю следующий характерный штрих. В кармане пальто Мясникова мы обнаружили три экземпляра «Манифеста» (следовательно, Мясников распространял таковой); когда Мясников это заметил, то заявил: «Ну что же, теперь ГПУ будет иметь 103 экземпляра» — это замечание показывает, что Мясникову стало известно о том, что мы обнаружили у Булкина в Питере 100 экземпляров «Манифеста». /.../

Нач. 12 отд. СО ГПУ

[Славатинский]²⁸

Т.9.Л.185-187.

9. Заявление Г.Мясникова в ГПУ

20 декабря 1923

Прошу перевести ко мне в «палату» тов.Н.В.Кузнецова.

Как бы не рассматривали нас, какие бы «страшные контр-революционеры» мы ни были, но никто из Вас не решится поставить нас на одну доску с теми, кто организовал покушение на т.Ленина, убил Урицкого и Володарского, пролил реки крови рабочего класса России — с эсерами, но мы, коммунисты-рабочие, расходимся в понимании тактических задач с Цека, с господствующей группой в партии, не пользуемся в заключении, в тюрьме и тем, чем пользуются эс-эры. Они, как во время предварительного следствия, а равно и теперь сидят вместе, а нам это не разрешают. Прошу поставить нас в одинаковые условия с эс-эрами. Кроме тех мотивов, которые я привел — мне, исходя из состояния моего здоровья, абсолютно необходимо общение с близкими мне людьми, что признает любой добросовестный, хоть сколько-нибудь понимающий в этих вопросах врач. В этом никогда не отказывали и «орловские» палачи.

Большой палаты №6 (совсем по Чехову).

Г.Мясников

P.S. Если последует отказ, то прошу указать мотивы.

Г.М.

Т.9.Л.174.

10. Мясников — ОГПУ

19-31 января 1927

В ОГПУ при Совнаркомех СССР
Политического заключенного
Вятского Губотдела ОГПУ
Г.И.Мясникова

Заявление

Из постановления Це-Ка-Ка ВКП(б), объявленного мне 14/08-1925 года, видно, что если бы я «искренне раскаялся», т.е. отказался от своих мыслей, убеждений, идей, то был бы не только освобожден из тюрьмы, но и принят обратно в партию. Значит, единственным препятствием не только моего освобождения, но и вступления в ВКП, считается то, что я не считал и не считаю возможным под влиянием голых репрессий отказаться от убеждений: сижу, значит, не за тот или иной поступок, а за то, что имею мысли не сходные с мыслями руководителей Це-Ка-Ка ВКП.

Сто пятьдесят миллионов населения СССР в своем подавляющем большинстве являются православными христианами: тихо-

новцами, живощерковцами и т.д. и тем не менее только за то, что они имеют отличные мысли от мыслей руководителей ВКП, их в тюрьму не садят. И правильно это. Для государства и для ВКП(б) совершенно несущественно, как у меня устроена голова и почему она работает иначе, чем того хочет Цекка ВКП(б). Но для Государства и для руководящей и правящей партии важно, чтоб вредные мысли, идущие вразрез с принципами Государственной философии, не получили распространения и не послужили основой образования групп, партий, фракций, конкурирующих с правящей партией. *Вот почему я считаю необходимым заявить, что я отказываюсь от всякой не подконтрольной Цека ВКП или подконтрольных ему учреждений деятельности: выступлений в печати и на собраниях без предварительного согласия или одобрения партийных и Государственных организаций*²⁹. А потому тем самым уничтожается препятствие к моему освобождению: прошу меня освободить. Православные христиане молятся по-своему, по-своему и думают. Молиться я не собираюсь, но думать как умею, как могу не откажусь. Да если бы отказался, не смогу не думать, думать именно по-своему, как то может вот так устроенная голова и не хочу и не прошу большего, чем рядовой гражданин СССР.

Обостряющаяся международная обстановка может потребовать напряжения всех сил для обороны СССР. Я оборонец. «Добросовестный оборонец». Во[змож]но, что и я окажусь в этом деле чем-нибудь полезным.

Но если бы ОГПУ почему-либо считало освобождение мое даже и при этих условиях невозможным, то прошу сообщить мне причины, препятствующие моему освобождению и, если это в пределах моих возможностей, я их устраню.

Если же ОГПУ посчитает для себя более приемлемым освободить меня, но чтоб я добровольно покинул пределы СССР, то для меня как ни печальна такая перспектива, но все же наиболее приемлема — вследствие моего недомогания. Приемлема и прямая высылка, остракизм. И если посчитают возможным заменить заключение остракизмом, то прошу.

Но если не возможно почему-либо ни освобождение в СССР, ни замена заключения остракизмом, то прошу перевести меня для отбывания срока заключения в московскую внутреннюю тюрьму ОГПУ, а семью на жительство в Москву. Мотивы к переводу известны из прежних моих заявлений.

Очень прошу не задерживать ответ больше месяца.

Политический заключенный Г.Мясников

Т.8. Л.263-264.

25 февраля 1928

Дорогой друг и товарищ Гав[риил] Ильич.

Вчера наконец-то я получил прием у т.Молотова и, как обычно, основной вопрос на этом приеме я ставил о возможности или невозможности твоего приезда в Москву. В результате моей беседы с ним точно выяснилось, что вопрос о приезде и о переезде в Москву окончательно отклонен. Также отклонен вопрос о переезде в Москву Д[арья] Г[ригорьевны]. Что же касается вопроса о перемене Эривани на другое какое-либо место, то, Молотов говорит, об этом нужно договориться с Советскими организациями, т.е. ОГПУ. Так вот, Гав[риил] Ильич, теперь уже можно считать этот вопрос выясненным и, по-видимому, всерьез и надолго. Сиди, братушка, там и не рыпайся. Как бы много ни причинило тебе это сообщение мое неприятного, но сообщить его тебе нужно. Что будет дальше, трудно сказать, но, по-видимому, ожидать перемены отношений к тебе со стороны ЦК скоро едва ли возможно. В октябре месяце складывалось мнение к тому, чтобы начать с тобой переговоры на основе твоего заявления. Теперь считают это бесполезным. Большого писать не буду, уж очень-то, брат, на душе скребет-то. Напишу более подробно несколько позднее, а пока желаю всем Вам там устроиваться поосновательней и забыть про скорое снятие с Эривани. Передай мой искренний привет Дарье Григорьевне, Юрик[у], Диме и Борису. Всех вас крепко целую.

Н.Кузнецов

Над[ежда] Вас[ильевна]³⁰ шлет искреннее сожаление и горячий привет, дети тоже. Письма с карточкой для передачи Лизе³¹ не получал, где-то пропало.

Куз[нецов]

Т.8.Л.115.

Приложение 3. Из следственного дела 1945 г.³²

1.Из письма 1 Управления НКГБ СССР
во 2 Управление НКГБ СССР о выдаче визы
Г.И.Мясникову

27 декабря 1944

При рассмотрении вопроса о въезде из Франции в СССР известного Вам Мясникова Г.И., руководством Наркомата было принято решение выдать ему визу на въезд в СССР с целью привлечения его здесь к ответственности как изменника Родине.

Из НКВД СССР нами получено сообщение, что 18.XII.44 г. нашим посольством во Франции Мясников направлен в СССР. Т.3. Отд. конверт.

2. Из протокола допроса Г.И.Мясникова

18 января 1945

/.../Вопрос: Вследствие каких причин вы бежали за границу?

Ответ: Начиная с 1920 года я, имея разногласия с Центральным Комитетом РКП(б) по вопросам определения сущности пролетарского государства, диктатуры пролетариата и пролетарской демократии, проводил нелегальную фракционную борьбу, выразившуюся в создании так называемой «Рабочей группы».

Организация этой группы, по мысли ее руководителей, должна была перерасти в легальную партию, могущую противопоставить себя РКП(б) и повести с ней борьбу в новых условиях легального существования.

К концу 1922 г. «Рабочая группа» организационно оформилась. Это нашло свое выражение в создании «Центрального бюро» и опубликовании «Манифеста», автором которого являлся я — Мясников, принятого за платформу нашей оппозиционной группы. Уже позднее «Центральное бюро» издавало свой печатный орган «Рабочий путь к власти», нелегально распространявшийся в СССР, особенно в городах, где рабочая группа имела некоторое влияние, как то: Москве, Ленинграде, Харькове и Нижнем Новгороде.

За проводимую мною нелегальную фракционную работу я неоднократно подвергался репрессиям со стороны органов советской власти и последняя мера наказания мне была определена — ссылка в Ереван.

Будучи несогласным с политикой, проводимой Советским правительством и ЦК ВКП(б), а также желая избежать дальнейших репрессий, я решил бежать за границу.

Вопрос: Расскажите, как проходила подготовка к побегу?

Ответ: В начале 1928 года после нелегального издания моей брошюры «Что такое рабочее государство», в Москве состоялось тайное заседание «Центрального бюро рабочей группы». На заседании было принято решение, обязывающее меня во избежание ареста за издание брошюры бежать за границу и выполнять функции заграничного представителя этого бюро.

Вопрос: Из каких источников вам стало известно о состоявшемся решении, ведь вы находились в Еревани?

Ответ: Об этом решении мне рассказал прибывший по поручению «Центр[ального] бюро» для встречи со мной Кузнецов Николай (отчество не помню) /.../

Вопрос: По каким вопросам вы допрашивались в политической полиции в Тегеране?

Ответ: Чиновник полиции допрашивал, главным образом стремясь выяснить мотивы, побудившие меня бежать из СССР, задавая наводящие вопросы, не являюсь ли я агентом ГПУ. Я отверг его предположения, доказывая, что это несовместимо с той политической позицией, которую я занимал в отношении руководства ВКП(б). Я документально доказал, что являюсь ссыльным и последнее время проживал в Еревани.

На допросе я требовал своего освобождения из-под стражи и предоставления мне возможности выехать из Персии.

Вскоре в полиции мне было сообщено, что германским правительством мне разрешен въезд в Германию. Для оформления документов я просил препроводить меня в немецкое консульство, где мне в визе было отказано по представлению советского посла. Тогда я решил бежать из-под стражи. В этих целях я попросил отпуск на 24 часа с целью, якобы, оформить свой выезд из Персии через одно из иностранных представительств. В сопровождении полицейского я дошел до советского посольства и зашел туда один, т.к. полицейский на это права не имел. В беседе с советским консулом я сообщил ему, что, якобы, имею намерение возвратиться в СССР, чего в действительности не было. Из посольства вышел другим ходом и, таким образом, я ушел от персидской охраны и создал видимость у советских представителей моего намерения, якобы, возвратиться в СССР³³.

Вопрос: Находясь в Иране, с какими лицами или антисоветскими организациями вы устанавливали связь?

Ответ: Я послал телеграмму Троцкому в Стамбул и председателю немецкого рейхстага с сообщением, что я нахожусь под стражей в Тегеране и прошу оказать мне помощь.

Вопрос: Вам Троцким была оказана помощь?

Ответ: Нет. Уже позднее, будучи в Турции, от его сына Седова я узнал, что последний по поручению Троцкого послал на мое имя в Тегеран письмо и деньги, которые по распоряжению персидских властей были возвращены в Стамбул, где проживал в то время Троцкий.

Кроме того, я заходил в чехословацкое представительство и, встретив знакомого мне ранее по совместному пребыванию в Ростовской тюрьме сотрудника посольства, б.эсера (фамилию его

забыл), я передал ему мои рукописи для дальнейшего направления их в исторический архив гор.Праги.

Вопрос: Как долго вы находились на нелегальном положении в Персии?

Ответ: После того, как ушел от преследования персидской полиции, я решил воспользоваться поддержкой знакомого мне по совместному пребыванию в полиции депутата меджлиса (фамилию его не помню). Он был арестован за сопротивление реформе шаха Пехлеви и до моего побега был освобожден. Он меня снабдил деньгами и дал проводника. В этот же день я уехал из Тегерана и при помощи переправщиков в июне 1929 года достиг турецкой границы /.../

Г.З. Л.31, 32, 34-36.

3. Из протокола допроса Г.И.Мясникова

19 января 1945

/.../Вопрос: Нам известно, что будучи в Турции вы установили связь с Троцким. Почему вы об этом «умалчиваете»?

Ответ: Не скрываю, что в Турции я встречался с Троцким.

Вопрос: Покажите, при каких обстоятельствах вы установили с ним связь.

Ответ: По прибытии в Стамбул в полиции с меня взяли подписку, что на территории Турции я не буду заниматься какой-либо политической деятельностью и обязуюсь в ближайшее время покинуть пределы страны. Будучи в полиции, я осведомился, по какому адресу проживает Троцкий. Чиновник полиции рассказал мне, как найти Троцкого, и я направился по указанному адресу. В тот же день я встретился с Троцким в доме, где он проживал.

Вопрос: С какой целью вы встретились с Троцким?

Ответ: Я находился в крайне тяжелом материальном положении и рассчитывал получить от Троцкого некоторую поддержку.

Вопрос: Очевидно, не только получить материальную поддержку, а и установить контакт по вражеской работе против СССР?

Ответ: Я не хотел какого-либо организационного и идейного блока с Троцким, так как он неприязненно относился к руководителям «рабочей группы» и лично ко мне — Мясникову.

Вопрос: Тем не менее по приезде в Стамбул вы поспешили связаться с ним. Скажите, о чем вы говорили с Троцким?

Ответ: Троцкий принял меня в своем рабочем кабинете весьма высокомерно. В беседе с ним я рассказал о преследованиях меня турецкой полицией, а также о своих материальных затруднениях и просил Троцкого оказать мне содействие в получении визы на выезд из Турции в Западную Европу. От содействия в получении визы Троцкий отказался. В связи с тем, что я не имел квартиры, Троцкий предложил мне на некоторое время остаться у него. В квартире Троцкого я прожил несколько суток.

Вопрос: А вопросы антисоветской работы разве вы не обсуждали с Троцким?

Ответ: В самом начале беседы Троцкий предупредительно заявил мне, что он не намерен обсуждать со мной какие-либо политические вопросы и поэтому на эту тему у нас разговора не было.

Вопрос: Вы показываете неправду. Являясь непримиримыми врагами ВКП(б) и будучи объединены чувством ненависти к советской власти, вы не могли обойти молчанием вопроса своей предательской работы против советского государства. Показывайте правду, о чем вы договорились с Троцким?

Ответ: Повторяю, что при встречах с Троцким политических вопросов мы не касались. Беседовали, главным образом, по вопросам, не имеющим отношения к нашей борьбе с ВКП(б). Троцкий больше говорил со своим сыном Седовым³⁴ и секретарем Франк³⁵ о рыбной ловле и охоте и никаких суждений по вопросам политического характера в моем присутствии не высказывал.

Вопрос: Напрасно вы пытаетесь свои переговоры с Троцким о планах совместной борьбы против советской власти представить как бытовательский разговор о рыбной ловле и охоте. Предлагаем говорить правду. /.../

Ответ: Поддерживать связь с Седовым, а через него и с Троцким меня заставило критическое положение, в котором я оказался в Турции. Дело в том, что в Турции, кроме них, я никого не имел знакомых и поэтому, несмотря на политическую и личную неприязнь к Троцкому, я не хотел порывать связь.

Все мои встречи с Седовым носили личный характер и только в одну из встреч я предложил ему сообщить Троцкому о моем намерении написать статью по вопросу позиции «рабочей группы» в случае вооруженного столкновения СССР с буржуазными государствами и напечатать ее в бюллетене, издаваемом Троцким.

Вопрос: Как реагировал Троцкий на ваше предложение?

Ответ: Как сообщил мне Седов, Троцкий отказался напечатать полностью мою статью и предложил написать по этому вопросу краткое письмо в редакцию, но я не согласился.

Вопрос: Сколько вы имели встреч с Седовым?

Ответ: С Седовым я встречался довольно часто, но эти встречи, как я уже показал, носили бытовой характер. Я помогал Седову производить закупку продуктов для семьи Троцкого, и за это получал вознаграждение.

Вопрос: Известно, что Троцкий оказывал вам материальную поддержку не только за «хозяйственные услуги». Покажите, на какие расходы финансировал вас Троцкий.

Ответ: От Троцкого я получал деньги всего два раза и незначительные суммы. Первый раз он дал мне на личные нужды 10 долларов и второй раз, перед моим отъездом во Францию — 25 долларов.

Вопрос: А на антисоветскую работу разве вы не получали от него субсидий?

Ответ: Нет, не получал. /.../

Т.3. Л.39-41.

4. Из протокола допроса Г.И.Мясникова

25 января 1945

/.../Вопрос: Известно, что, будучи в ссылке, вы развернули активную антисоветскую работу. Покажите подробно о своей вражеской работе в г.Ереване.

Ответ: Находясь в ссылке в Ереване, я написал брошюру «Что такое рабочее государство», закончил писать начатую мной в Томском изоляторе книгу «Критика теории и практики ВКП(б) и Коминтерн» и брошюру «Очередной обман». В своих книгах и брошюрах я подвергал критике теоретические и практические установки ВКП(б) и Коминтерна. Обвинял ЦК ВКП(б) и Советское правительство в том, что они отошли от принципов пролетарской революции и взяли курс на установление государственного капитализма в стране. Я утверждал, что рабочий класс СССР политически бесправен, и обосновывал программные требования «Рабочей группы». /.../ Большинство книг, написанных мной, по техническим причинам остались не изданными. И только брошюру «Что такое рабочее государство» я лично сам сумел нелегально отпечатать на гектографе в количестве 200 экземпляров. Несколько экземпляров этой брошюры я распространил среди рабочих гончарного завода в Ереване, путем подкладывания брошюр в местах наибольшего скопления рабочих, например, у проходной будки завода.

Большая часть этих брошюр была разослана мной по почте в адрес завкомов следующих заводов: Мотовилихинского, Лысьвенского, Чусовского, Леснера в Ленинграде и других. Таким путем мною было распространено около 150 экземпляров, а остальные я уничтожил перед своим побегом за границу. Несколько книг я передал приезжавшему ко мне из Москвы Кузнецову для центрального бюро «Рабочей группы».

Вопрос: Связь с центральным бюро вы поддерживали не только через Кузнецова, а и через других лиц? Расскажите об этом.

Ответ: Моя связь с членами центрального бюро «Рабочей группы» носила эпизодический характер. В Ереван приезжали из Москвы активисты «Рабочей группы», которые информировали меня о своей нелегальной работе. Я, в свою очередь, через них передавал свои установки членам бюро «Рабочей группы».

Вопрос: Назовите фамилии активистов «Рабочей группы», приезжавших к вам в Ереван.

Ответ: Я помню только одного Кузнецова Н.В.

Вопрос: Вы опять пытаетесь скрывать от следствия своих соучастников по вражеской работе. Настаиваем на том, чтобы вы назвали всех лиц, связанных с вами по нелегальной антисоветской работе в период вашей ссылки в Ереване.

Ответ: Не отрицаю, что ко мне в Ереван по делам «Рабочей группы» кроме Кузнецова, приезжали и другие лица, но прошу поверить, что фамилии их я сейчас не помню.

Вопрос: Приезжали не только связники-одиночки, но целые группы руководящих участников нелегальной «Рабочей группы»?

Ответ: Признаю, что такой случай однажды имел место.

Вопрос: Когда?

Ответ: Летом 1927 года ко мне в Ереван одновременно приехали несколько членов центрального бюро «Рабочей группы», и я провел с ними конспиративное совещание.

Вопрос: Сколько членов бюро присутствовало на этом совещании?

Ответ: Вместе со мной пять членов центрального бюро.

Вопрос: Назовите их.

Ответ: Кроме себя, я могу назвать только Тиунова Сергея³⁶. Остальных участников совещания я назвать отказываюсь.

Вопрос: Почему?

Ответ: По своим этическим соображениям.

Вопрос: Что это за «этические» соображения?

Ответ: Я могу рисковать своей головой и отвечать за свои поступки, выдавать же других лиц и подвергать их возможному

репрессиям со стороны советских органов я не хочу. Если на прошлых допросах и сегодня я называл некоторых своих соучастников по оппозиционной работе, то это делал потому, что [они], кажется, известны органам следствия.

Вопрос: Почему вы полагаете, что остальные активные участники «Рабочей группы» и, в частности, члены центрального бюро, не известны органам государственной безопасности?

Отвечает: Насколько мне было известно, ранее они не подвергались репрессиям со стороны органов советской власти, и я предполагаю, что в настоящее время они находятся на свободе и вне всяких подозрений о прошлой связи со мной. /.../

Т.3. Л.46-47.

5. Из протокола допроса Г.И.Мясникова

1 февраля 1945

Вопрос: Чем вы занимались в Париже в первое время?

Отвечает: Вскоре после приезда в Париж я познакомился с издателем редакции анархо-синдикалистской газеты «Рабочий коммунист» Прюдомо, а через него, в свою очередь, познакомился с неким Жигулевым-Ирининым.

Жигулев-Иринин в то время являлся небольшим предпринимателем по чистке стекол (витрин) в магазинах и устроил меня к себе на работу.

Вопрос: Известно, что с Жигулевым-Ирининым вы были связаны не только как с «предпринимателем», но сотрудничали с ним в активной подрывной работе против советского государства. Вот об этом, в первую очередь, вы и показываете.

Отвечает: Жигулев-Иринин (имя, отчество — не помню) работал сотрудником советского полпредства в Берлине, с 1927 г. — невозвращенец, по своим политическим убеждениям — анархист. В Париже он редактировал газету «Путь труда». Еще до моего приезда в Париж в этой газете были помещены две моих статьи, написанные мной еще в Турции и посланные оттуда во Францию. Будучи в Париже, первое время я имел в виду сотрудничать с Ирининым в этой газете, однако вскоре между нами обнаружилось разногласия, и я порвал с ним всякую связь. Дело в том, что Жигулев-Иринин казался мне весьма подозрительным человеком, и я считал его агентом Французской полиции, или, во всяком случае, связанным с какой-либо белогвардейской организацией. Он настойчиво предлагал мне познакомиться с известным белоэмигрантом Бурцевым, в то время как сам Бурцев в издаваемой им газете

«Общее дело» поднял против меня «шумиху», обвиняя в организации убийства Михаила Романова. Эта кампания была подхвачена всей белогвардейской печатью, и я вынужден был не только не встречаться с Жигулевым-Ирининым, но и скрываться у своего знакомого француза Вальдпюржера, у которого прожил около полугода, не выходя с квартиры. Только в начале 1931 г. я сумел устроиться на работу слесарем у владельца мастерской Дюрко.

Вопрос: /.../ Будучи за границей, вы имели связи в СССР и по вражеской работе. Говорите об этом.

Ответ: Какой-либо связи с «центральным бюро» «Рабочей группы» у меня не было. Припоминаю, что в 1931 г. в адрес завода Пермского пушечного завода (Мотовилиха) я посылал по почте свою брошюру «Очередной обман». Брошюра была написана мною еще во время пребывания в ссылке в гор. Ереване и отпечатана на мои личные средства в 1931 г. в Париже. В этой брошюре я пытался доказать, что в Советском Союзе отсутствует пролетарская демократия и советское государство превратилось в государство капиталистическое. Я писал, что государственную власть в России захватила партийно-советская бюрократия и призывал к уничтожению этой бюрократии.

Вопрос: Прямо говоря, вы призывали к свержению существующего в СССР строя?

Ответ: В брошюре «Очередной обман» я заявлял о необходимости проведения коренных реформ в СССР и, в частности, об устранении Совнаркома, сравнивая его с советом министров буржуазного государства. Я писал также, что необходима амнистия всем политическим заключенным, арестованным за антисоветскую работу, а также указывал на необходимость уничтожить судебные функции ГПУ и развивал другие, направленные против РКП(б) и советского государства взгляды.

Вопрос: Еще кому в СССР вы посылали антисоветскую литературу?

Ответ: Больше никому в СССР я подобных посылок не делал. Свою брошюру «Очередной обман», которая была отпечатана тиражом в тысячу экземпляров, я распространял только за границей.

Вопрос: Каким путем?

Ответ: Вначале я пытался предложить продать ее через один из белогвардейских магазинов в Париже, но получил отказ и после этого решил распространять брошюру лично сам. Мне удалось продать всего лишь несколько десятков экземпляров. Несколько экземпляров я направил в адрес «Рабочей коммунистической партии» — в Германию, «Конгрессу производственных союзов» в

Америку, «Независимой рабочей партии» в Англию и несколько экземпляров послал в Бельгию.

Кроме того, несколько брошюр мной были переданы руководителям анархо-синдикалистского движения во Франции, с которыми к тому времени у меня установился личный контакт.

Вопрос: С кем конкретно?

Ответ: Я познакомился с издателями анархо-синдикалистского журнала «Пролетарская революция» — Робер Лузоном³⁷ и был знаком с руководителем анархо-синдикалистской группы — Пьер Монатом³⁸. Лузон и Монат оказывали мне содействие в устройстве на работу. Оба они, как анархо-синдикалисты, по своим политическим взглядам были близки ко мне, и я поддерживал с ними дружеские отношения. С 1931 г. я принимал участие в общественной жизни французских анархо-синдикалистов и являлся членом «унитарной конфедерации труда».

Кроме того я был в хороших отношениях с бывшим генеральным секретарем ЦК Коммунистической партии Франции Треном, находившимся в оппозиции к Коминтерну и к руководству ЦК Компартии Франции. Нас сближала идея создания «рабочего интернационала». Я передал ему написанную мною еще в Турции платформу и устав будущего интернационала, который, по моим замыслам, должен объединить все течения в международном рабочем движении, находящиеся в оппозиции к 3-му Интернационалу. Мой проект был переведен Треном на французский язык, отпечатан на ротаторе и распространялся во Франции. Несколько экземпляров этого проекта Треном были направлены в Германию, Бельгию и Америку.

Должен сказать, что мы пытались создать центр связи между всеми оппозиционными группами, не входящими в Коминтерн, однако, в конечном итоге, ничего не получилось. /.../

В 1934 г. мною было написано и отпечатано типографским способом две тысячи экземпляров обращения к французским рабочим. В своем «обращении» я писал о терроре в Советском Союзе и о массовых преследованиях оппозиционеров за нелегальную работу. В «обращении» я писал, что бывший редактор печатного органа «Рабочей группы» «Рабочий путь к власти», Тиунов Сергей, в течение шести лет находится под стражей и томится, как я указывал, в камерах ГПУ. В этом «обращении» я выступал против ВКП(б) и Советского государства и призывал рабочих требовать освобождения Тиунова из-под стражи.

Вопрос: Кто являлся источником клеветнической информации о Советском Союзе, которую вы использовали при составлении «обращения»?

Ответ: О том, что Тиунов Сергей арестован органами ГПУ, мне рассказал бежавший из Советского Союза бывший работник ЦК ВКП(б) Волынцев. Кроме того, я беседовал с бельгийским подданным, ранее работавшим в Москве и также бежавшим из СССР анархо-синдикалистом Лазаревичем. Сведения, полученные из бесед с этими лицами, мною и были использованы при составлении «обращения» к французским рабочим. 1500 экземпляров этого «обращения» было распространено среди анархо-синдикалистских профсоюзов во Франции. 400 экземпляров обращения было конфисковано у меня при обыске французской полицией.

Вопрос: А куда были направлены остальные 100 экземпляров?

Ответ: Возможно, что я посылал их для распространения в других странах, но сейчас этого припомнить не могу.

Вопрос: В Советский Союз посылали?

Ответ: Насколько мне память не изменяет, посылал в Пермь, в адрес завкома Мотовилихинского завода. Я рассчитывал, что в Мотовилихе сохранились мои старые оппозиционные связи и посылаемое мной «обращение» к французским рабочим встретит известное сочувствие и поддержку.

Должен сказать, что за издание этого «обращения» в 1934 г. я был арестован французской полицией, меня обвиняли в том, что я вмешиваюсь во внутренние дела Франции и было вынесено постановление о высылке меня из пределов страны. Я был освобожден из-под стражи с предложением в течение трех суток выехать из Франции. Этого решения я не выполнил и скрывался у своего знакомого Анри Баре.

Затем, спустя два месяца, по ходатайству генерального секретаря «всеобщей конфедерации труда» Жуо³⁹, решение о высылке меня из Франции было отменено. В 1934 г. из Парижа я выехал в гор. Куломье и устроился там работать на строительстве клиники у доктора Ранье Арбельтье и проработал у него до 1936 г. В 1936 г. вернулся в Париж.

Вопрос: Где вы устроились на работу по возвращении в Париж?

Ответ: Я поступил рабочим на международную выставку и работал там до 1937 г. В этот период времени я работал над книгой «Победа и поражение рабочего класса в СССР или кто предал Октябрь — Ленин? Троцкий? Сталин?» Эта книга мною была написана, но издать ее я не сумел. Если следствие найдет нужным, я могу изложить содержание этой книги.

Вопрос: Ваше враждебное отношение к Советскому государству и клевета на ВКП(б) достаточно хорошо известны и поэтому нет необходимости останавливаться на изложении клеветнического содержания вашей книги. Покажите, чем вы занимались в последующее время?

Ответ: После окончания строительства французского павильона на международной выставке, я некоторое время был без работы. В 1938 г. я устроился на работу на фабрику «Люстра» по окраске и выделке мехов, но через полгода оказался без работы. В конце 1938 г. я устроился работать в качестве слесаря к частному предпринимателю в мастерскую по изготовлению различных приспособлений для метро. В это время мною была закончена работа над книгой по вопросу перерастания буржуазной революции в социалистическую: «Хроника рабочего движения в Мотовилихе». Должен оговориться, что в этой книге я не допускал никаких выпадов против ВКП(б).

Вопрос: Не хотите ли вы этим сказать, что вообще прекратили свою подрывную работу против СССР?

Ответ: К этому времени я прекратил свою борьбу против ВКП(б) и никаких действий в этом направлении не предпринимал.

Вопрос: Неправда, будучи непримиримым врагом Советской власти, вы вели активную подрывную работу против Советского государства до последнего времени. Не пытайтесь скрывать что-либо от следствия, а показывайте правду!

Ответ: Я ничего не скрываю от следствия и показываю только правду. О своей борьбе против ВКП(б) я показал все и мне больше нечего говорить.

Вопрос: «Нечего говорить», потому что хотите скрыть свою связь с иностранными разведками, по заданию которых действовали против СССР?

Ответ: Я никогда никакой «связи с разведками» не имел и показывать мне об этом также нечего. Прошу поверить мне, что последний период времени я не только не проводил какой-либо работы против Советского государства, а, наоборот, в условиях войны считал необходимым прекратить всякую борьбу против ВКП(б) и в среде французских рабочих высказывался за необходимость ориентироваться на Советский Союз.

Вопрос: Вы пытаетесь выдавать себя за патриота Советского государства. Вам это не удастся. Лучше расскажите, чем вы занимались во Франции при немцах?

Ответ: При немцах я некоторое время работал слесарем в мастерской по изготовлению различных металлических приспособлений для метро, а потом в начале 1941 г. был арестован.

Вопрос: При каких обстоятельствах и за что арестовали вас немцы?

Ответ: 23 июня 1941 г. я решил посетить Советское посольство в Париже с целью получить разрешение на въезд из Франции в СССР, или, в крайнем случае, предложить свои услуги Советским властям. В это время посольство было занято уже немцами, которые меня и арестовали. На вопрос немцев, с какой целью я посетил здание Советского посольства, я ответил, что в Советском Союзе проживают три моих сына призывного возраста и поэтому я решил обратиться в посольство с целью справиться об их судьбе. После проверки моих документов, немцы освободили меня, взяв обязательство — ежедневно посещать Гестапо с целью регистрации. Под таким наблюдением я находился в течение трех месяцев, а потом от регистрации я был освобожден.

Вопрос: Очевидно, немцы взяли от вас обязательство не только посещать Гестапо, но и сотрудничать с ними?

Ответ: Нет, такого обязательства я немцам не давал и не мог дать, так как был настроен против них. До июля 1942 г. я продолжал работать в качестве слесаря на производстве, а потом бежал на неоккупированную зону Франции в Тулузу. Через месяц после прибытия в Тулузу я был арестован французской полицией.

Вопрос: За что?

Ответ: Как мне объяснили в полиции, арест мой был вызван тем, что в 1934 г. я подлежал высылке из Франции как иностранец. Но когда я предъявил соответствующий документ о том, что это решение было отменено, тогда полиция предъявила мне новое обвинение в том, что я террорист.

Вопрос: О чем вас допрашивали в полиции как «террориста»?

Ответ: Меня допрашивали всего один раз, а затем я был направлен в концлагерь в районе гор.Тулузы. В этом лагере я содержался 7 месяцев и в апреле 1943 г. вместе с другими заключенными был этапирован в 4 немецкий лагерь «Сулак», расположенный в 90 километрах от Бордо. В августе 1943 г. я бежал из этого лагеря в Париж, где проживал на нелегальном положении до освобождения Парижа от немцев.

Вопрос: Об обстоятельствах ареста вас немцами и французской полицией, а также о своем пребывании в концлагерях вы явно путаетесь и, очевидно, пытаетесь скрыть свою предательскую работу во Франции в период немецкой оккупации. На следующих вопросах вам необходимо рассказать об этом правду. /.../

Т.3. Л.56-62.

6 марта 1945

/.../ Вопрос: Чем вы занимались после освобождения Парижа от немцев?

Ответ: Я продолжал работать слесарем на заводе «Вербур и Дюрюшар» по изготовлению металлических приспособлений для парижского метро. 27 ноября 1944 года я прекратил работу в связи с моим предполагаемым выездом в Советский Союз.

Вопрос: Являясь непримиримым врагом Советского государства, вы приняли решение выехать в Советский Союз. Скажите, с какими намерениями вы решили приехать в СССР?

Ответ: Я предполагал работать в Наркоминделе или же в одной из центральных газет в качестве корреспондента.

Вопрос: А что вы предполагали делать в плане борьбы против Советской власти?

Ответ: Разрешение выехать мне в Советский Союз я рассматривал как легализацию «Рабочей группы», которая в легальных условиях сможет проводить свою оппозиционную деятельность. На первых порах я мыслил издать журнал, который явился бы органом, объединяющим все сочувствующие моим идеям элементы, подготовляя тем самым базу для организации второй партии.

Вопрос: О какой второй партии вы говорите?

Ответ: Будучи в Советском Союзе, я мыслил себе создать вторую партию на основе манифеста «рабочей группы», написанного мною еще в 1923 году. По моим планам эта партия должна была «конкурировать» с ВКП(б) во всех общественно-государственных организациях Советского Союза, как то: Советы, профсоюзы, кооперация. В качестве примера предполагаемой формы управления СССР, на который я опирался, служила двухпартийная система управления США. На опыте борьбы двух политических партий в Америке, демократической и республиканской, я полагал, что в СССР смогут также учредиться две партии — ВКП(б) и вторая партия, во главе которой стоял бы я — Мясников. Эта партия выступала бы по всем вопросам против ВКП(б).

Вопрос: На какие элементы вы рассчитывали опираться при организации этой партии?

Ответ: Я рассчитывал, главным образом, на те элементы из рабочего класса и крестьянства, которые примут нашу программу.

Вопрос: А точнее?

Ответ: В первую очередь я предполагал опереться на остатки «Рабочей группы» и на все элементы, в том числе из членов

ВКП(б), которые могли бы примкнуть ко мне после опубликования воззвания.

Вопрос: Какого воззвания?

Ответ: Воззвания, извещающего о легализации нашего течения «Рабочей группы».

Вопрос: С кем конкретно из ваших прошлых антисоветских связей вы предполагали установить контакт?

Ответ: Это показала бы моя будущая практическая деятельность, и назвать фамилии я сейчас не могу, так как с 1928 г. проживал за границей и никакой связи с какими-либо нелегальными антисоветскими организациями не имел. /.../

Т.З. Л.66-67.

7. Г.И.Мясников — Наркоминделу В.М.Молотову

Копия

1 апреля 1945

Заявление

Право убежища — это одно из величайших завоеваний, добытых в исторических битвах титанических сил свободы, мысли и творчества против сил рабства, гнета, насилия и мракобесия. Даже святая инквизиция вынуждена была признать его. Веками освященный обычай: — правительство, давшее визу на въезд в страну политическому эмигранту — этим самым отказывается от преследований за деятельность, имевшую место раньше выдачи визы. Анри Гильбо, Жак Садуль, Морис Торез⁴⁰ — все трое дезертиры войны, получив визу их приговор автоматически уничтожается, и они свободно живут и действуют. Есть тысячи примеров.

Я рабочий — мыслитель, писатель проживал в убежище во Франции, получил приглашение от правительства моей страны — возвратиться. Я возвратился. А меня прямо с аэродрома в тюрьму НКГБ, а здесь меня передают в распоряжение контрразведки, которая фабрикует возмутительное и чудовищное обвинение, очень веско подкрепляемое невероятными глумлениями и злобно мстительными издевательствами, а также тяжкими лишениями.

1. Если моя «вера» (убеждения) не совместимы со свободным проживанием в СССР, то я прошу возможность выехать за границу. Во Франции я работал слесарем. По распоряжению Полпредства взял увольнение и расчет, поступив, таким образом, в резерв сотрудников НКВД.

Зарабатывал я 28 франков в 1 час, вырабатывая в месяц 208 часов: $26 \times 208 = 5824$ франка, что составляет по покупательной способности приблизительно 1941 франк [Так! — Публ.]

2. Прошу распоряжения об уплате мне моего заработка с момента расчета по день поступления на работу.

С великим почтением

Г.Мясников⁴¹

Т.3. Отд. конверт.

8. Г.И.Мясников — наркому Госбезопасности

Копия

[Апрель 1945]

Гражданину Народному Комиссару
государственной безопасности

Заявление

Синонимом всего дикого, жестокого и беспощадно-мстительного был режим политических пленников в тюрьмах царского правительства.

Русский народ с ним боролся. Наша партия большевиков не была из последних отрядов борющихся армий, а я как член этой партии не был из последних бойцов ее и, как таковой, имел возможность испытать на себе все прелести этого проклятого режима. Я за принадлежность к этой партии получил три каторжных приговора, а один из них и за хранение и изготовление взрывчатых веществ и снарядов (можете поверить мне на слово, гражданин Нарком, что бомбы, изготовлявшиеся нами, приготавлились не на десерт Романовым и их слугам). Так вот, сидя в различных тюрьмах и каторгах в течение 8 лет, мне никогда ни в стадии предварительного следствия, ни после осуждения не запрещали: 1) переписки с родными и знакомыми; 2) свидания с родными и знакомыми; 3) иметь письменные принадлежности и заниматься литературным трудом. Это тогда.

А теперь, решив, что парижский воздух вреден для меня, меня извлекают оттуда и сажат в чистилище душ и телес советских граждан — контрразведку, маленькую келейку, где мало света, воздуха и пищи, нет и табаку, а о свиданиях, переписке и письменных принадлежностях и говорить нельзя.

Я прошел стаж трехмесячного чистилища, полагая, что я очищен от всякой скверны, и душа спасена, а потому вы мне разрешите хотя бы то, что разрешал царский режим.

С почтением к учреждению

и его главе

Г.Мясников⁴²

Т.3. Отд. конверт.

9. Из протокола допроса Г.И.Мясникова

7 мая 1945

Вопрос: Чем вы занимались в «свободной» зоне Франции?

Ответ: Через месяц после моего прибытия в Тулузу я был арестован французской полицией. /.../

После предъявления мне обвинения я обратился к американскому консулу в Виши с просьбой взять меня под свою защиту, как советского гражданина, желая тем самым избежать выдачи меня как заложника немцам. В своем заявлении на имя американского консула я писал, что в период пребывания в Советском Союзе я занимал ряд ответственных должностей и указал их. Потом я начал оппозиционную борьбу против ЦК ВКП(б) и по политическим мотивам эмигрировал во Францию.

И несмотря на это, Советское правительство не лишило меня права гражданства. Учитывая это, я просил взять меня под защиту и оказать противодействие вишійским властям в выдаче меня немцам. Это заявление и ограничило действия полиции, и я был направлен во французский концентрационный лагерь.

Т.3. Л.70-72.

10. Из протокола допроса Г.И.Мясникова

19 октября 1945

Вопрос: Выезжая в СССР, вы не изменили своих фракционных взглядов?

Ответ: Я свои взгляды не менял и менять не намерен.

Вопрос: Выезжая в СССР, вы намеревались проводить работу в плане ваших политических убеждений, о которых вы показали выше?

Ответ: Выезжая в СССР, я полагал, что мне будет представлена возможность работать по созданию новой партии.

Вопрос: Что вы еще желаете сообщить следствию по существу предъявленного вам обвинения?

Ответ: По существу предъявленного мне обвинения я дал показания, которые полностью подтверждаю и дополнить их чем-либо существенным не могу.

Вопрос: Имеете ли вы какие-либо заявления или ходатайства по существу следствия по вашему делу?

Ответ: Имею единственное ходатайство перед следствием освободить меня из-под стражи, ибо никакой политической фракционной деятельностью я заниматься не буду. /.../

Вопрос: Оставаясь на позиции враждебных политических убеждений по отношению к ВКП(б), как же вы смеете ходатайствовать об изменении вам меры пресечения?

Ответ: Я, оставаясь при своих политических убеждениях, без разрешения соответствующих органов отказываюсь от какой-либо активной политической деятельности.

Вопрос: Какие еще ходатайства и заявления вы имеете?

Ответ: Никаких других ходатайств и заявлений я не имею.
/.../.

Т.3. Л.95об.-96об.

11. Из протокола судебного заседания

24 октября 1945

Совершенно секретно

Отп. 2 экз.

ПРОТОКОЛ

Закрытого судебного заседания
Военной Коллегии Верх[овного] Суда СССР

Гор. Москва

Председательствующий: Генерал-полковник юстиции Ульрих В.В.
Генерал-майор юстиции Орлов А.М. и
Члены: Генерал-майор юстиции Матулевич И.О.
Секретарь: Капитан юстиции Мазур

В 20 часов 50 минут Председательствующий открыл судебное заседание Военной Коллегии и объявил, что подлежит рассмотрению дело по обвинению Мясникова Гавриила Ильича, преданного суду по ст.58-1 п. «а» УК РСФСР /.../.

Председательствующий: Подсудимый Мясников, понятно ли предъявленное Вам обвинение и признаете ли Вы себя виновным?

Подсудимый: Предъявленное мне обвинение понятно, однако не могу признать себя виновным в своих убеждениях, которые считаю не виной своей, а бедой.

Факты, изложенные в обвинительном заключении, не отвечают действительности по следующим соображениям: во-первых, в обвинительном заключении указано, что органами государственной безопасности Союза ССР, за проведение активной антисоветской работы, в январе 1945 года был арестован Мясников. Из этого явствует, что, якобы, я все время находился на территории СССР и проводил антисоветскую работу. Я жил в Париже. В СССР меня привезли обманным путем...

Председательствующий: Вас не обвиняют в том, как Вы были в Советский Союз.

Подсудимый: Но я хочу, чтобы меня поняли, при каких обстоятельствах я был арестован органами государственной безопасности. Во-вторых, в обвинительном заключении указано, что по возвращении из Германии Мясников вновь установил преступную связь со своими единомышленниками: Кузнецовым и Тиуновым. Я хочу пояснить суду, что когда я прибыл из Германии в СССР, то Кузнецов был уже арестован, а Тиунова я в то время еще совершенно не знал. К тому же, по прибытии из Германии, я сам лично был арестован. Как же писать в обвинительном заключении, что я установил с ними связь.

В-третьих, в обвинительном заключении указано, что, находясь в ссылке в гор.Ереване, Мясников написал ряд антисоветских клеветнических брошюр, которые лично отпечатал на гектографе и распространял в гор.Ереване, а также рассылал их в другие города Советского Союза. Поясняю, что антисоветского содержания брошюр я не писал. Я написал одну брошюру, которую действительно лично отпечатал на гектографе, но это была одна брошюра, а не «ряд», как указано в обвинительном заключении. Антисоветского содержания документов я никогда не писал...

Председательствующий: А как надо понимать Ваши произведения, проникнутые антисоветским духом?

Подсудимый: Я защищаю свою программу. Я стою за реформу Советского государства. /.../

Председательствующий: Свои показания, данные в процессе предварительного следствия, Вы подтверждаете?

Подсудимый: В основном подтверждаю, за исключением некоторых формулировок, записанных следователем. В частности, им было записано «непримиримый враг Советского государства». Разве я был когда таковым? /.../

Председательствующий: Кто Вам помог выехать из Турции во Францию?

Подсудимый: Из Турции мне помогли выбраться «комитет помощи Мясникову», созданный во Франции и Берлине по инициативе левых социалистов...

Председательствующий: А кто Вам дал визу на въезд во Францию?

Подсудимый: Бывш[ий] в то время министр иностранных дел Франции — Бриан.

Председательствующий: Почему именно Вы выехали во Францию?

Подсудимый: Я уехал во Францию потому, что никакие другие государства не давали мне визы на въезд в свою страну.

Председательствующий: А где Вы находились во время немецкой оккупации французской территории?

Подсудимый: Я работал в одной из нелегальных организаций. Затем, когда я узнал о том, что немцы должны были меня арестовать, я сбежал. /.../

Председательствующий: Когда Вами была выпущена антисоветская брошюра «Очередной обман»?

Подсудимый: В 1930 году.

Председательствующий: Кого Вы обвиняли в этой брошюре?

Подсудимый: ЦК ВКП(б). Одновременно я прошу прочесть мою рукопись «Философия убийства...», где Вы не увидите ничего антисоветского. Эту рукопись в 1940 году я послал Сталину.

Председательствующий: В процессе предварительного следствия Вы назвали часть своих единомышленников. Почему отказались назвать остальных своих единомышленников, приехавших к Вам в Ереван для контактирования антипартийной и антисоветской работы?

Подсудимый: Из морально-этических соображений я не назвал их. Вообще говоря, если мне доверяют свой секрет, я не могу сообщить о нем другим. К тому же я никогда не был «фискалом».

/.../ Член суда тов. Орлов: Вы сказали суду, что Вы «дружелюбно» относились к Советской власти. Тогда почему Вы сохраняете, скрываясь этикой, врагов народа, когда долг гражданина Советского Союза помочь органам Советской власти в борьбе с врагами народа?

Подсудимый: Я против «фискалов», как была против них и Екатерина II. Каждый отвечает сам за себя.

Член суда тов. Матулевич: Скажите, подсудимый Мясников, кем была написана антисоветского содержания статья «Капитуляция и кровавая черта», где, в частности, говорится: «...Бороться ли за такое государство, какое есть в России, где во главе производства, на ступени господствующего класса стоит бюрократия, бесконтрольно распоряжающаяся всеми ресурсами промышленности и трудом пролетариата, выполняя все функции низвергнутой буржуазии...»

Подсудимый: Это написано мною. Данной статьей я предлагал восстановить организации Советов Рабочих Депутатов предприятий, но не был против Советского государства вообще. Своих взглядов я не скрываю и от них не отказываюсь. Все это я писал до 1934 года.

Член суда тов. Матулевич: А как надо понимать Ваши показания от 24-го февраля 1945 года, где Вы говорили: «Я бы хотел уточнить эти показания. Дело в том, что до 1934 года я выступал в печати против Советского государства. После же 1934 года таких выступлений не было. Однако до 1938 года я продолжал писать книги, направленные против Советского Союза» (лд. 64, том 1-й).

Подсудимый: Это мои думы, которые не были отпечатаны.

Член суда тов. Матулевич: Но они были предназначены для чтения и, к счастью, не были опубликованы?

Подсудимый: Да, но когда, после мюнхенского соглашения, я увидел тучи, сгустившиеся над СССР, я не писал более этого и не критиковал СССР. С своей стороны, считаю, что критика полезна для исправления ошибок.

Более судебное следствие подсудимый ничем не дополнил, и оно было объявлено законченным.

Предоставлено последнее слово подсудимому, который сказал:

«Факты предъявленных мне обвинений я не отрицаю, но и не признаю себя виновным в своих убеждениях, за которые готов умереть.

Я прошу ознакомиться с моей биографией и тогда будет ясно, — как в борьбе, в тюрьмах, на каторге и в ссылках, как при царском режиме, так и при Советской власти, выковывались мои убеждения о необходимости вести борьбу за освобождение рабочего класса.

С Вашей точки зрения — это преступление. По-моему, — нет. Возможно, что ошибаясь я стал на такой путь.

Прошу все это учесть и дать мне возможность жить в СССР вместе со своею семьей, и я торжественно обещаю никогда более ничего подобного не писать. Если и удалось мне познать эту истину, то только вот таким тяжким для меня путем».

В 22 часа 05 минут суд удалился на совещание.

В 22 часа 45 минут, по возвращении суда из совещательной комнаты, Председательствующий огласил приговор и разъяснил осужденному порядок подачи ходатайства о помиловании.

В 22 часа 49 минут Председательствующий объявил судебное заседание Военной Коллегии закрытым.

Председательствующий

Верно:

Секретарь

Подпись

В. Ульрих

Мазур

Печать

Т.3. Л.119-125.

24 октября 1945

Совершенно секретно

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик
Военная Коллегия Верховного Суда Союза С.С.Р.

в составе:

Председательствующего — генерал-полковника юстиции
Ульрих В.В.

Членов: генерал-майоров юстиции
Орлова А.М. и Матулевича И.О.

При секретаре — капитане юстиции
Мазур.

В закрытом судебном заседании в гор.Москве 24 октября 1945 года, рассмотрела дело по обвинению:

Мясникова Гавриила Ильича, 1889 г.р., уроженца гор.Чистополь, Татарской АССР, русского, быв. члена ВКП(б), ранее неоднократно репрессированного, — в преступлении, предусмотренном ст.58-1а УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что подсудимый Мясников, являясь непримиримым врагом Советского государства, начиная с 1920 года стал на путь организованной борьбы против Советской власти и в 1928 г., изменив Родине, бежал за границу. Находясь в Турции, Мясников установил организационную связь с врагом народа Троцким, а затем, проживая во Франции до 1945 года, продолжал свою предательскую деятельность, группируя вокруг себя разные антисоветские элементы, написав, кроме того, ряд брошюр и статей антисоветского клеветнического характера.

Мясников своей враждебной деятельности против Советского государства не прекращал до дня его ареста в январе 1945 года.

Таким образом доказана виновность подсудимого Мясникова в измене Родине, т.е. в совершении преступления, предусмотренного ст. 58-1а УК РСФСР.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 319 и 320 УПК РСФСР, Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР

ПРИГОВОРИЛА:

Мясникова Гавриила Ильича на основании ст.58-1а УК РСФСР подвергнуть высшей мере наказания — РАССТРЕЛУ, с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

Приговор окончательный и кассационному обжалованию не подлежит.

Подлинный за надлежащими подписями.

Верно: Начальник отд. по суду 1 инстанции ВК ВС СССР

Капитан юстиции

(Мазур)

Печать

отп. 6 экз.

экз. №1 — в суд. произв. ВК

экз. №2 — в дело

экз. №3 — в ГВП КА

экз. №4 — Нач. Бут. тюрьмы

экз. №5-6 в отдел «А» НКГБ СССР

Т.3. Л.126, 127.

12. Справка о расстреле

СПРАВКА

Приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 24 октября 1945 года в отношении осужденного к РАССТРЕЛУ — Мясникова Гавриила Ильича, 1889 года рождения, приведен в исполнение 16 ноября 1945 года.

Зам. начальника 1 Отд[еления] Отдела «А» НКГБ СССР

Подполковник

(Балишанский)

Т.3. Л.130.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первая страница документа в деле отсутствует.

² В другом источнике — А.А.Миков.

³ Один из упоминаемых здесь: *Тер-Габриэлян* Саак Мирзоевич (1886-1937) — чл. КП с 1902, в 1928-1935 — пред. СНК Армянской ССР. Расстрелян.

⁴ *Стопани* Александр Митрофанович (1871-1932) — чл. КП с 1893, в 1924-1929 — прокурор РСФСР по трудовым делам; *Лядов* (наст. фам. Мандельштам) Мартын Николаевич (1872-1947) — чл. КП с 1893, в 1909-1920 — меньшевик, в 1927-1930 — чл. ЦРК ВКП(б). Автор первых работ по истории КП.

⁵ *Израилович* Абрам Ильич (1883-1938) — земский врач. В революционном движении с 1903. В 1920-е — зам. зав. Орготдела ЦК ВКП(б), затем — нач. Главгаза, чл. коллегии Наркомтяжпрома. Расстрелян.

⁶ *Крестинский* Николай Николаевич (1883-1938) — чл. КП с 1903, секр. ЦК в 1919-1921, с 1930 — на крупных постах в НКВД. Расстрелян.

⁷ *Комаров* Николай Павлович (наст. фам. и имя Собинов Федор Евгеньевич, 1886-1937) — чл. КП с 1909, в 1921-1922 — чл. ЦК РКП(б), в 1926-1929 — пред. Ленгор. и губисполкомов. Расстрелян.

⁸ *Трилиссер* Меер Абрамович (1883-1940) — чл. КП с 1901, в 1918-1930 — на видных постах в ВЧК—ОГПУ. Погиб в заключении.

⁹ *Равич* Сарра (Ольга) Наумовна (1879-1957) — чл. КП с 1903, в 1917 — чл. Петроградского к-та РСДРП(б). После окт. — на партийных и советских постах. В 1918 примыкала к «левым коммунистам». В середине 1920-х — активная участница оппозиции. Исключена из ВКП(б) в 1927, восстановлена в 1928. Перед арестом в дек. 1934 — управляющая Воронежским трестом кондитерских изделий. Выслана в Якутию на 5 лет. Затем арестовывалась в 1937, 1946 и 1951. Освобождена в 1954.

¹⁰ В опущенном фрагменте: попытка Мясникова вернуться на партийно-хозяйственную работу на Урал, удаление его оттуда решением Бюро ЦК по Уралу.

¹¹ *Сольц* Арон Александрович (1872-1945) — чл. КП с 1898, в 1920-1934 чл. ЦКК РКП(б)— ВКП(б).

¹² *Шляпников* Александр Гаврилович (1885-1937) — чл. КП с 1901, в 1921-1922 — чл. ЦК РКП(б), в 1923-1932 — чл. редколлегии Госиздата, расстрелян; *Медведев* Сергей Павлович (1885-1937) — чл. КП с 1900, с 1920 — профсоюзный и хозяйственный функционер, расстрелян; *Коллонтай* (урожд. Домонтович) Александра Михайловна (1872-1952) — чл. КП с 1915, с 1920 — зав. женотделом ЦК, с 1923 — на дипломатических постах.

¹³ В опущенном фрагменте: организационная борьба Мясникова с вершущей «рабочей оппозиции».

¹⁴ Масштаб выступлений, как и влияние Рабочей Группы, Мясниковым здесь преувеличены.

¹⁵ Ср. с записанными 10 февраля 1945 воспоминаниями одного из секретных сотрудников ОГПУ, освещавших деятельность Мясникова и его окружения в 1927-1928: «В день, забыл, не то октябрьских торжествов, не то советизации Армении, Мясников, переодевшись в женское платье, на извозчике выехал на вокзал и поездом доехал до какой-то станции, находящейся недалеко от реки. Тут Мясников встретился с Карапетяном Сосуном, с которым он вместе должен был переплыть реку и оказаться за границей, т.е. в Турции. Их проводник, подобранный Бабяном Аршо и, кажется, родственник самого Аршо, благополучно провел Мясникова и Карапетяна [через] все пограничные посты до реки, и когда Мясников и Карапетян стали раздеваться, чтобы войти в воду и переплыть, тут Карапетян неожиданно перерешает и отказывается /.../ с мотивировкой, что "я буду полезнее в Еревани, чем за кордоном". Мясников, не теряя времени, на папиросной коробке пишет жене, что он стоит по пояс в реке,

готов переплыть благополучно /.../. Сосун помогает Мясникову связать его носильные вещи, где был тщательно скрыт один из трудов Мясникова "Очередной обман", привязать этот узелок на затылке Мясникова. [Тот] пускается вплавь, переплывает на другую сторону, машет рукой Сосуну и только тогда Сосун возвращается обратно».

¹⁶ См.: Агабеков Г.С. ЧК за работой. М., 1992.

¹⁷ ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-1794. Далее указываются только номера томов и страниц.

¹⁸ *Дерибас* Терентий Дмитриевич (1883-1939) — чл. КП с 1902. С 1920 — в ВЧК—ОГПУ, с 1931 — член Коллегии ОГПУ. С 1934 — канд. в чл. ЦК ВКП(б). Расстрелян.

¹⁹ На черновике этого документа резолюция И.С.Уншлихта: «Согласен».

²⁰ *Буланов* Павел Петрович (1895-1938) — чл. КП с 1918. С 1921 — на серьезных постах в ВЧК—ОГПУ—НКВД (вплоть до секретаря Коллегии). Расстрелян.

²¹ Публикуется по подшитой в дело машинописной копии. Подлинник был изъят у адресата 19 сент. 1923 сотрудником ГПУ А.С.Славатинским. В его приписке на этой копии сказано, что Мясников перед своей высылкой в Берлин «сообщал Кузнецову, что [Е.А.] Преображенский и [А.Г.] Белобородов хлопочут об отмене его высылки».

²² *Кузнецов Николай* Владимирович (1882-1937) — токарь, чл. КП с 1904 по 1921. В годы Первой мировой войны — в ссылке. В 1917 — чл. Учредительного Собрания от Орловской губ. (избран по списку большевиков). В 1921 — сторонник рабочей оппозиции. Исключен из РКП(б) на XI съезде в 1922. Соратник Мясникова по Рабочей Группе. После ареста в сент. 1923 по делу Рабочей Группы приговорен к 3 годам лагеря. С 1925 — в ссылке в Усть-Каменогорске. Освобожден в 1927 с правом свободного проживания во всех городах СССР. В 1929 осужден по ст.58-10 на три года. С 1930 — в ссылке в Казахстане. Освобожден в 1934. Последний арест — в 1936. Расстрелян.

²³ *Демидов* Владимир Потапович (1884-1937) — чл. РСДРП(б) с 1907. В гражданскую войну — комдив на Вост. фронте. В 1921 — сторонник рабочей оппозиции. В 1923 — исключен из РКП(б). После ареста в сент. 1923 по делу Рабочей Группы высылался на Соловецкие острова. После «признания ошибок» — освобожден и восстановлен в партии. Вновь арестован в 1935. Расстрелян.

²⁴ Публикуется по подшитой в дело машинописной копии. Подлинник, видимо, был изъят у адресата или перехвачен ГПУ.

²⁵ *Рязанов* (наст. фам. Гольдендах) Давид Борисович (1870-1938) — в с.-д. движении с 1890-х, чл. КП в 1917-1931. До 1921 — на профсоюзных постах. В 1923 — директор Ин-та Маркса—Энгельса. Погиб в заключении.

²⁶ *Белобородов* Александр Георгиевич (1891-1938) — чл. КП с 1907. В 1918-1919 — пред. Уральского облизполкома, в этом качестве санкционировал убийство Николая II и его семьи. С окт. 1921 — крупный госчиновник. Исключался из КП за троцкизм в 1927, прощен после покаяния в 1930. Расстрелян.

²⁷ Речь идет о «Заявлении 46», появившемся 15 октября 1923, подписанном видными советскими и партийными функционерами и направленном против «режима фракционной диктатуры внутри партии», т.е. против сторонников Сталина, Зиновьева и Каменева. Его текст см.: Известия ЦК КПСС. 1990. №6. С.189-193.

²⁸ *Славатинский* Александр Сергеевич (1892-1939) — уроженец Самары, из дворян. В ГПУ с 1922 (нач. отряда Погранслужбы Штаба войск ОГПУ Западного края). С 1923 — нач 12 отд. Секретного Отдела ОГПУ. С 1925 — нач. 5 отд. СО ОГПУ. С 1926 — помнач. Секретно-оперативного управления 58-го погранотряда на Дальнем Востоке. С 1931 — помнач. Секретно-оперативного управления ПП ОГПУ по Московской обл. в дальнейшем — на работе в ОГПУ—НКВД в Ивановской промышленной и Саратовской обл. Перед арестом (25 ноября 1938) — сотр. Отдела кадров НКВД СССР. Погиб в заключении.

²⁹ Выделенные слова подчеркнуты в следственном деле.

³⁰ *Надежда Васильевна* — жена Н.В.Кузнецова.

³¹ *Лиза* — сестра Д.Г.Мясниковой, жена С.Я.Тиунова.

³² ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-17674. Далее при документах указываются только номера томов и листов.

³³ В следственном деле сохранился следующий документ:

«Проходное свидетельство №02

Генеральное консульство СССР в Тегеране настоящим удостоверяет, что предъявитель сего гр. Мясников Гавриил Ильич является гражданином СССР, направляющимся в Союз ССР.

Мясников Г.И. нелегально перешел границу из СССР в Персию в ночь с 7 на 8 ноября 1928 года.

Действительно до 15 мая 1929 г.

Генеральный консул в Тегеране

Секретарь

15 апреля 1929 года /.../»

А.Вайнман

Кисельгоф

³⁴ *Седов* Лев Львович (1906-1937) — старший сын Троцкого от второго брака. Учился в МВТУ. С сер. 1920-х помогал отцу в политической деятельности, становится его доверенным лицом и секретарем. Умер во Франции при загадочных обстоятельствах.

³⁵ «Латыш *Франк*, — писала впоследствии Н.И.Седова, — жил на Принцевых островах пять месяцев, позднее мы узнали, что он был агентом русской секретной службы». — Цит. по: Дойчер И. Троцкий в изгнании. М., 1991. С.101.

³⁶ *Тиунов* Сергей Яковлевич (1894 или 1896-?) — экономист, чл. РСДРП(б) с 1916, с 1922 — член Рабочей Группы. Первый арест — 7 сент. 1923. Постановлением Комиссии НКВД по административным высылкам приговорен к высылке в Минусинск (замененной Курском) сроком на 3 года. По словам Мясникова — в 1920-е — ред. нелегального органа Рабочей Группы «Рабочий путь к власти». Вновь арестован в янв. 1929 и приговорен ОСО при Коллегии ОГПУ к 3 годам ИТЛ по ст. 58-10. В 1932 приговорен по той же статье еще к трем годам (отбывал этот срок в Верхнеуральском политизоляторе). В марте 1935 дело было пересмотрено ОСО при НКВД СССР, и срок продлен на 2 года. С окт. 1935 — в ссылке в Новосибирске. В дек. 1937 Военным трибуналом Сибирского военного округа Т. осужден еще на 8 лет ИТЛ по ст. 58-10, а в нояб. 1954 — еще раз по той же статье — Магаданским судом. Дальнейшая судьба неизвестна.

³⁷ *Лузон* Робер (1882-?) — инженер. В революционном движении с 1890-х, входил в руководство Социалистической революционной рабочей партии, руководимой Ж.Аллеманом, редактировал журнал «Movement socialiste» — орган социалистов-синдикалистов. Был членом ФКП (1920-1924), вышел из нее вместе с П.Монаттом и организовал профсоюзную фракцию — Синдикалистскую Лигу. С 1924 издавал орган этой Лиги — «Пролетарскую революцию».

³⁸ *Монатт* Пьер (1881-1960) — французский профсоюзный деятель и публицист.

³⁹ *Жуо* Леон (1879-1954) — лидер Всеобщей конфедерации труда в 1909-1940 и в 1945-1947.

⁴⁰ *Гильбо Анри* (1885-1938) — журналист, французский социалист, в годы Первой мировой войны издавал пацифистский журнал, участник Кинтальской конференции (1916). С нач. 1920-х — в Германии, был корреспондентом «Humanité». С кон. 1920-х — сторонник Троцкого. В конце жизни — сотрудник националистической печати во Франции. *Садуль Жак* (1881-1956) — в годы Первой мировой войны — офицер французской армии. В 1917 командирован в Россию в качестве главы франц. военной миссии. После окт. 1917 — сторонник коммунистических идей, вступил во франц. секцию РКП(б) и добровольцем в Красную армию. Приговорен заочно французским военным судом к смертной казни. По возвращении во Францию (1924) — оправдан. В последние годы жизни — деятель ФКП. *Торез Морис* (1900-1964) — генсек ФКП. М.Торез прилетел из Москвы в Париж на том же самолете, на котором из Франции отравили Мясникова.

⁴¹ Печатается по присоединенной к делу заверенной сотрудником НКГБ машинописной копии.

⁴² Печатается по присоединенной к делу заверенной сотрудником НКГБ машинописной копии. На ней резолюция замнаркома НКГБ СССР Б.З.Кобулова от 29 апреля 1945: «К делу. Оставить без последствий до того, как Мясников не станет чистосердечно говорить о своих антисоветских делах. Объявить ему настоящее решение».

***ИЗ ИСТОРИИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ДВИЖЕНИЙ***

ПИСЬМО Б.В.САВИНКОВА В.Н.ФИГНЕР

Публикация Р.А.Городницкого и Г.С.Кана

Публикуемое письмо Б.В.Савинкова к В.Н.Фигнер (1852-1942) дает богатейший материал для понимания эволюции его мировоззрения. Написанное в 1907, в бытность Б.В.Савинкова одним из лидеров партии эсеров и центральной фигурой боевого дела, оно содержит в себе зачатки тех противоречий, которые впоследствии привели его к разрыву с почти всеми представителями российской демократической общественности. Обычно замкнутый и сдержанный, Б.В.Савинков в этом письме, написанном крайне откровенно и даже несколько патетически, пытается снять границу в общении с В.Н.Фигнер — женщиной, горячо им уважаемой и олицетворяющей все лучшие традиции революционного движения. Вопреки его желанию, В.Н.Фигнер не захотела (да, пожалуй, и не могла) принять его противоречивую и вечно мятущуюся душу. В 1908 их отношения порвались из-за резко негативной реакции В.Н.Фигнер на разрыв отношений между Б.В.Савинковым и его первой женой В.Г.Успенской. Но все же необходимо отметить, что в своих воспоминаниях, написанных в 1920-х, В.Н.Фигнер пишет о Савинкове, как о самом блестящем из всех встреченных ею людей.

Письмо Б.В.Савинкова печатается по автографу, хранящемуся в фонде В.Н.Фигнер в РГАЛИ (Ф.1185. Оп.3. Д.53. Л.1-2об.). Текст публикуется по правилам современной орфографии. Слова, подчеркнутые Б.В.Савинковым, выделены курсивом.

3-VII-07

Я получил Ваше большое письмо и много Вам за него благодарен. Я не собрался ответить до сих пор, — простите. Не собрался — не знаю почему. Быть может потому, что чувствовал инстинктом, что «мои ереси мешают цельности Вашего ко мне отношения»¹. Не могу сказать Вам, как мне это больно. Быть может,

*никогда и ни к кому в жизни я не относился и не отношусь так, как к Вам*². Не знаю, поняли ли Вы это на юге³. Во всяком случае, я теперь говорю Вам это. Примите это просто, — как знак моего безмерного к Вам уважения.

Но мне больно не только потому, что Вы так отнеслись к моим ересям. Я скажу Вам правду: если я смею считать, что во мне есть что-либо в малейшей степени стоящее внимания, то это именно мои «ереси». Все мои товарищи за самыми редкими исключениями только «прощают» мне их за то, чего я не знаю. Быть может, простите и Вы. И именно в этом прощении несказанная боль. Боль, ибо повторяю — в моих «ересях» я вижу попытку, быть может, слабую — все равно, — *революции духа*, борьбы с той стороной человеческого «я», которая, — я замечал, — во всех даже самых свободных людях несвободна и глубоко консервативна. Я говорю именно о духе, — о старой морали, старых традициях, я бы смел сказать — старой рутине. Этой старой моралью, этим духом позитивизма и рационализма питается все наше поколение. Я им питаюсь *не могу и не хочу*. В этом мое отличие от тех, с которыми я связан и буду связан всей моей жизнью, моей ненавистью и моей любовью. Одни смеются надо мной, другие бранят меня, третьи прощают мне. Все равно, — я *не могу жить теми мыслями*, которые для них закон, *хотя и могу жить теми же делами*, как и они. Мне больно, Вера Николаевна, мне очень больно.

Простите, ради Христа, это письмо. Я не хочу «плодить недоразумений», я не хочу даже «ересей» моих касаться. Я только хочу выяснить мою позицию: я еретик? Пусть. Я еретиком и останусь.

Не поймите худо мое письмо, — прошу Вас. Если бы Вы знали, как я Вас люблю, что значит для меня каждое Ваше слово, как мне тяжело, что Вы «нецельно» ко мне относитесь. Именно Вы, ибо мнение других для меня той цены не имеет и иметь не может.

Пусть так. Пусть мои «ереси» повлияли на Ваше ко мне отношение. Я же всегда и везде буду думать о Вас, помнить Вас, любить Вас и чтить в Вас мою мать родную⁴.

Низкий поклон Ал.Ив.⁵

Ваш П.⁶

P.S. Я уезжаю отсюда⁷, сам не знаю куда, но если бы Вы написали сюда, — мне перешлют. Напишите, прошу Вас.

¹ Это письмо Б.В.Савинкова является ответом на письмо В.Н.Фигнер от 30 июня 1907, в котором она, в частности, пишет: «Целую Вас крепко. Ваши ереси, действительно, мешают цельности моего отношения к Вам, но чтобы не плодить недоразумений, лучше не говорить об этом на бумаге» (ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.202. Л.4об.). По всей видимости, под «ересями» В.Н.Фигнер понимает отрицание Б.В.Савинковым основ старой морали, сдерживающих, по его мнению, творческие устремления человека. Эта позиция была неприемлема для В.Н.Фигнер, воспитанной на ригористических ценностях 1860-1870-х годов, верность которым только усилилась у нее после поражения «Народной воли» и Шлиссельбурга.

² По словам бывшей народоволки Г.Ф.Бохановской (1854-1936), Б.В.Савинков с момента знакомства с В.Н.Фигнер находился по отношению к ней в состоянии «непрерывного обожания» (Фигнер В.Н. Полн. собр. соч. Т.3. М., 1932. С.165).

³ В начале 1907 В.Н.Фигнер жила на вилле в Больё (юг Франции) у Б.В.Савинкова.

⁴ Любопытна реакция В.Н.Фигнер на это письмо. В своих воспоминаниях она пишет, что Б.В.Савинков «прислал мне письмо с подписью: "Ваш сын". Но я воскликнула: "Не сын, а подкидыш!.."» (Фигнер В.Н. Указ. изд. С.178).

⁵ *Ал. Ив.* — Александра Ивановна Корнилова-Мороз (1853 - после 1941) — член общества «чайковцев», ближайшая подруга В.Н.Фигнер, путешествовала вместе с ней в 1906-1907 по Европе.

⁶ *П.* — Павел Иванович, конспиративная кличка Б.В.Савинкова.

⁷ В это время Б.В.Савинков находился в Париже, куда приехал для встречи с бежавшим из Акатуя Г.А.Гершуни.

Р.А.Городницкий
Б.В.САВИНКОВ
И СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННАЯ КОМИССИЯ
ПО ДЕЛУ АЗЕФА

Разоблачение в конце 1908 провокатора Евно Фишелевича Азефа (Азева) явилось для партии социалистов-революционеров (ПСР) ударом, с которым она так и не смогла справиться. Провокаторы почти всегда проникали в ряды революционных партий, но этот случай был уникальный. Один из организаторов ПСР, член ее ЦК и руководитель Боевой организации (БО ПСР), человек, знавший практически все об оппозиционных движениях, о людях, принимающих в них участие, оказался платным агентом департамента полиции.

Имя Азефа, который олицетворял лучшие традиции освободительного движения, стало одновременно и синонимом невиданного предательства. Раскрытие его истинного лица изменило всю картину общественной жизни в России и повлияло на исход русской революции.

История Боевой организации ПСР достаточно полно отражена как в мемуарной, так и в исследовательской литературе. Однако некоторые факты боевой работы эсеров до сих пор не введены в научный оборот, а также недостаточно освещен вопрос о свертывании террора как средства политической борьбы. Поэтому предлагаемая статья будет преследовать и научные, и археографические цели.

В мае 1909 состоялся V Совет ПСР, который для расследования дела Азефа постановил образовать судебно-следственную комиссию (ССК), поручив ей рассмотреть все, касающееся Азефа как члена партии, провести следствие и вынести приговор. Членами ССК были выбраны А.Н.Бах, С.М.Блеклов (Сенжарский), С.А.Иванов (Берг), В.В.Лункевич (Араратский).

8 сентября 1909¹ комиссия конституировалась и избрала своим председателем Алексея Николаевича Баха.

Образование ССК совпало с наступлением самого мрачного периода в жизни ПСР. После разоблачения Азефа весь старый ЦК подал в отставку, и на V Совете был с большим трудом сформирован новый ЦК, состоявший из лиц, не имеющих большого авторитета. Было негласно решено, что пребывание ЦК за границей нецелесообразно, и, после выработки плана действий, все члены ЦК выехали в Россию. В Европе осталась функционировать Заграничная делегация и редакция центрального органа «Знамя труда». На случай ареста ЦК образование нового его состава было поручено Л.Э.Шишко, Ф.В.Волховскому и М.А.Натансону. Кроме того, существовала и боевая группа под руководством Бориса Викторовича Савинкова, ставящая своей целью центральный террор, которая еще в январе 1909 заключила соглашение с ЦК. Курировать деятельность этой боевой группы были назначены И.И.Фондаминский и В.М.Зензинов (последний, правда, в мае 1910 был арестован).

Кто же входил в действительное руководящее ядро ПСР, выработывал и претворял в жизнь основные решения? Представляется, что негласным лидером партии являлся Марк Андреевич Натансон. Он вступил в ПСР сравнительно поздно — в ноябре 1905 и тогда же вошел в ЦК. После смерти М.Р.Гоца и Г.А.Гершуни его позиции в руководстве ПСР укрепились окончательно, а разоблачение Азефа убрало с его дороги последнего конкурента в борьбе за руководство ПСР. На руку Натансону было и то, что многие члены прежнего ЦК были связаны с Азефом многолетним сотрудничеством (например, В.М.Чернов), и тень от его провокаторства ложилась и на них. «В партию ввел Азефа не я»², — утверждал Натансон, снимая с себя всякую долю ответственности за многолетнее пребывание провокатора в рядах ПСР. Поэтому не удивительно, что именно Натансон был тем лицом, с опроса которого начала собираться показания ССК. Его свидетельства, выслушанные членами ССК в декабре 1909 — январе 1910 на первых четырех заседаниях, и задали тон дальнейшей работе.

Причины существования провокации в партии Натансон увидел в самостоятельном, автономном положении БО. Недостаточный контроль над БО, по мнению Натансона, позволил не только непомерно развиться авторитету Азефа, но и стал основой для

¹ Все даты, относящиеся к жизни русской колонии в эмиграции, даны по новому стилю.

² Чернавский М.М. В Боевой Организации // Каторга и ссылка. 1930. №7. С.38.

противодействия решениям, проводимым ЦК, которые ставили бы работу партии на более широкую основу. Натансон заявлял, что члены БО относились свысока к гражданским партийным организациям, обвиняли их в отсутствии конспиративности и опытности. Давнее недоверие Натансона к формам боевой работы, практикуемым в ПСР, угадывается в его показаниях достаточно отчетливо. Он свидетельствовал: «Вот в каком духе было воспитано много чудеснейших юношей и девушек, что только БО под руководством Савинкова и Азефа, особенно Азефа, может что-нибудь творить, а остальные партийные организации — это только так себе... При этом все они были страшно отдалены от партии, многие из них за эти годы слежения, извощества, пребывания в таких конспиративных учреждениях, как химические лаборатории и т.п., страшно отстали от Партии, от ее общих интересов, от ее теоретических задач, от общих ее стремлений и от тактики»³.

В первой половине 1910 ССК весьма активно продолжила свою деятельность. Были собраны показания всех лиц, которые были намечены для опроса. Среди них преобладали бывшие члены ЦК ПСР или партийные функционеры высоких рангов: В.М.Чернов, Н.И.Ракитников, А.А.Аргунов, Н.Д.Авксентьев, И.А.Рубанович, С.Н.Слетов, М.Ф.Селюк, И.И.Ракитникова, Н.С.Тютчев и другие. Были также заслушаны свидетельства людей, так или иначе сталкивавшихся с Азефом на своем жизненном пути. Тенденциозность подбора кандидатов, приглашаемых свидетельствовать о фигуре Азефа и его роли в партии, была очевидна: членов БО не желали даже выслушивать. Так, например, ближайший сотрудник Азефа по боевой работе в 1907-1908 П.В.Карпович выразил согласие дать показания, но попросил лишь оплатить ему дорогу из Лондона в Париж. Комиссия предпочла обойтись без его свидетельств. Из членов БО были приглашены лишь те, кто впоследствии отошел от боевой работы и сблизился с руководящим ядром партии: В.М.Зензинов, Н.А.Лазаркевич, С.О.Лазаркевич, Б.Н.Моисеенко. Можно отметить лишь одно исключение — 6 мая 1910 выслушали показания К.К.Зильберберг. Из членов действовавшей в 1910 боевой группы никто не был приглашен. Поэтому не удивительно, что почвой, на которой могла взрасти провокация, свидетельствующие видели в особой, как им казалось, психологии боевиков, в их неприятии официального курса партии.

Так, Чернов замечал «наличность некоторой этаким психологической чуждости, психологической розни, с одной стороны,

³ ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.123. Л.37-38.

между большинством членов БО, а с другой стороны, между большинством общепартийных работников, в частности руководящих работников. Рознь эта сводилась к тому, что у некоторых членов БО была заметна далеко не равномерная, так сказать, расценка различных родов революционной работы. Им представлялось, что всякие другие виды работы, кроме боевой, являются как бы видами работы второстепенной ценности, второстепенной и в смысле политическом, и в смысле, так сказать, моральном, что ли»⁴. Аргунов утверждал, что «кавалергардский дух» боевиков «не исчерпывался только отчужденными отношениями или превознесениями боевиками своей боевой работы на счет других видов общепартийной работы, но что, кроме того, была и моральная отчужденность, моральный откол их, так сказать, от главной части партии»⁵. Хотя подобные обличения в адрес боевиков и не преобладали в упомянутых свидетельских показаниях, члены ЦК определенно перекладывали ответственность за Азефа со своих плеч на БО. И в лице членов ССК они нашли благодарных слушателей.

Сам состав ССК говорил о ее несомненной корпоративности. Трое из ее членов — Бах, Блеклов и Иванов — были связаны друг с другом еще с начала 1884 — они входили в состав нелегальных народовольческих кружков. И, как нередко бывает, чувство товарищества оказалось для некоторых из них важнее поиска истины. Председателем ССК был избран Бах — человек, считавший террор гибельным для массовой социалистической партии. Бах жил в Женеве и фактически не принимал непосредственного участия в ходе заседаний ССК, которые проходили в Париже. Застенографированные и отпечатанные показания регулярно отсылались Баху, и он давал членам ССК только указания направляющего характера. Всю организацию работ взял на себя Блеклов, человек в ПСР совсем новый — ее членом он стал лишь в 1909 — и, кроме Баха, практически ни с кем в ней тесно не связанный. Он особо рьяно выполнял все директивы председателя ССК. Иванов, также находившийся под полным влиянием Баха, как старый шлессельбуржец должен был своим моральным авторитетом освящать все решения ССК. Лункевич, можно сказать, был чисто декоративной фигурой. Все вопросы, на которые должна была ответить ССК, для Баха были решены заранее. Поэтому, даже не проработав как следует собранные показания, он 21 июля 1910 выступает на заседании ССК с докладом, который и лег впоследствии в основу

⁴ ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.130. Л.76-77.

⁵ Там же. Л.81.

заключения ССК. В докладе утверждалось, что именно в террористических настроениях руководящих кругов партии Азеф нашел благоприятную почву для своей провокаторской деятельности. В БО, по Баху, существовала лишь капральская дисциплина, отсутствовал должный нравственный уровень, и потому именно БО Азеф сделал своей цитаделью, придал ей характер исключительной обособленности от партии. Более того, любой человек, вступивший в БО, как заявил Бах, в силу своего членства в ней, переставал быть выразителем социалистических идей только потому, что они отсутствовали в уставе БО. Все руководящие силы партии, покровительствующие террору, просто-напросто объявлялись вольными или невольными пособниками Азефа.

Вывод получался незамысловатый: «Преувеличенное значение, которое придавалось террору как функции партии, неизбежно должно было поставить в особо привилегированное положение тех членов партии, которые усиленно практиковали его. В этом лежит основная причина гипноза, который выразился в упорном ослеплении руководящих сфер партии по отношению к Азефу»⁶. После прочтения доклада Бах высказал и свое личное мнение по отношению к террору в целом, суть которого сводилась к тому, что необходимо не только внести радикальные изменения в постановку боевого дела (так полагали остальные члены ССК), но «террор как планомерное средство борьбы должен быть вычеркнут из партийной тактики»⁷. Доклад Баха был принят за основу, и 10 августа 1910 ССК поручила Блеклову озаботиться о его напечатании в партийной типографии в условиях строгой конспирации.

Однако в ходе работы над подготовкой окончательного текста заключения для Блеклова выяснилась необходимость сделать в нем существенные изменения. Доклад Баха содержал ряд фактологических неточностей; кроме того, в нем не был освещен ряд важнейших эпизодов из жизни БО (например, о принятии ею устава). Склонялся Блеклов и к тому, чтобы вывод об ответственности ЦК прозвучал более определенно. Сообщение о задержке ухода в печать заключения вызвало раздражение Баха, и он пишет в сентябре 1910 Блеклову, что «наше произведение попало в сферу влияния партийной канители»⁸. Блеклов спешно его успокаивает, заверяя, что все изменения, внесенные им в текст, носят исключительно редакционный характер и ни в чем не противоречат сущ-

⁶ ГАРФ. Ф.1699. Оп. 1. Д.122. Л.5.

⁷ Там же. Л.25.

⁸ Там же. Д.57. Л.1.

ности выводов. Блеклов настаивал и на общем собрании членов ССК, но Бах, торопя выход заключения в свет, дал ему понять, что одна мысль о новом совещании причиняет ему огорчение. В этих условиях Блеклов под свою личную ответственность, правда, регулярно информируя Баха, вносит некоторые немаловажные изменения и дополнения в вариант, предложенный Бахом. 11 октября 1910 Блеклов извещает Баха, что он сделал все необходимое и отдал на днях текст в печать. Такова в общих чертах была работа ССК по расследованию дела Азефа и, надо отметить, протекала она довольно гладко.

Однако во второй половине октября 1910 парижские члены ССК получили письмо, которое нарушило устоявшийся порядок их работы и заставило внести в нее коррективы. Автором письма был Савинков, человек, пожалуй, лучше всех остальных в ПСР знавший Азефа и теснейшим образом с ним сотрудничавший на боевой ниве в течение пяти лет. В начале работы ССК Савинков предоставил в распоряжение комиссии текст своих «Воспоминаний», которые были им написаны в 1908-1909. Впоследствии они были опубликованы в журнале «Былое» в 1917-1918 и являются основным источником по истории БО ПСР. Эти «Воспоминания» активно использовались ССК при работе над заключением и для обоснования принятых ею положений об исключительно «внешней» партийности членов БО.

В письме Савинков извещал членов ССК, что он узнал, что

.../ Следственная Комиссия ссылается в своем заключении на отдельные места моих «Воспоминаний». Я прошу Следственную Комиссию обратить внимание на следующее:

I. «Воспоминания» были представлены в Комиссию лишь на предмет ознакомления с содержащимся в них фактическим материалом и ни в коем случае не могли заменить моих свидетельских показаний, каковые показания от меня затребованы не были.

II. «Воспоминания» не являются законченным литературным произведением и в имеющейся в Комиссии редакции к печати не предназначались .../ Из изложенного видно, что цитируемые Комиссией в своем заключении и мне неизвестные места могут быть мною при окончательной редакции «Воспоминаний» частично изменены или вовсе опущены, о чем я и считаю своим долгом заранее поставить Комиссию в известность⁹.

По получении этого письма 22 октября 1910 состоялось заседание ССК (на котором отсутствовал находящийся в Швейцарии Бах), собранное специально с целью обсудить сообщение Савин-

⁹ ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.89. Л.1-2об.

кова. Было постановлено «во избежание могущих быть недоразумений, неточностей и неясностей в "Заключении" Комиссии просить Делегацию ЦК принять меры к вызову т.Савинкова для дачи личных показаний в десятидневный срок, считая с 24 октября 1910 г.»¹⁰ Это решение фактически было принято Ивановым и Лункевичем, так как Блеклов считал приглашение Савинкова излишним и ненужным. Однако Иванов настоял на нем, полагая, что неприглашение может дать повод к полемике и вызовет со стороны Савинкова упреки в некорректном отношении к заинтересованным лицам и, следовательно, умалит авторитет доклада. Блеклов пытался опротестовать и эти опасения, но остался в меньшинстве.

Неосведомленный об этих закулисных играх, Савинков, живший тогда на юге Франции, известил ССК, что явится в назначенные срок.

Крайне любопытной была реакция председателя ССК Баха на произошедшие события. Бах, узнав лишь о самом факте приглашения Савинкова, заявил, что устраниется от работы. Этот внешне ничем не мотивированный демарш он в письме к членам ССК объяснил тем, что на любое изменение негативной оценки Савинкова в «Заключении» он не согласится, так как для него лично «это было бы равносильно измене долгу»¹¹. Намерение Баха устраниться вызвало целый переполох в ССК. 2 ноября 1910 Блеклов пишет Баху письмо, в котором, пытаясь успокоить его, уверяет, что ставить Савинкова, по которому и так в докладе будут нанесены сильнейшие удары, в положение изгоя, слова которого не должны приниматься во внимание, нецелесообразно. Из его показаний можно выудить ряд любопытных фактов, однако на любые изменения своего доклада комиссия не пойдет, что бы Савинков ни говорил. Блеклов построил модель, согласно которой он намеревался опрашивать Савинкова: любой новый тезис, который Савинков высказал бы, объявлялся противоречащим его «Воспоминаниям» и, соответственно, его показания автоматически будут отклоняться как недобросовестные. Кроме того, ничто не заставит ССК изменить вывод о надпартийности БО, и какая бы характеристика Савинкова ни прозвучала в докладе, жесткая критика учреждения, с которым Савинков был неразрывно связан, будет присутствовать непременно. Блеклов настаивает, что ненужное приглашение Савинкова не является опасным и угрожающим делу, и призывает Баха снять поставленный им «министерский» вопрос об отставке. Однако спокойствие Блеклова было

¹⁰ ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.121. Л.29.

¹¹ Там же. Д.82. Л.60б.

несколько наигранным. Обычно же уверенный в своих силах и проводящий опросы свидетелей напористо и самоуверенно, в данном случае он просит Баха приехать для участия в заседании и даже торопит его во избежание возможных недоразумений. В конце письма Блеклов выражает надежду, что ему удалось рассеять любые «подозрения» Баха, избежать раскола, и настойчиво повторяет: «В беседе с С[авинковым] я буду отстаивать то положение, что Комиссия пригласила его для нек[ото]рой проверки, право же пользования его "Записками" она считает ей принадлежащим»¹².

В такой непростой и нервной обстановке открылось 37-е заседание ССК 6 ноября 1910. Бах не успел приехать к этому сроку, и Савинков предстал перед членами ССК в отсутствие их председателя. Сначала все шло мирно, и собравшиеся условились сослаться только на устные показания Савинкова, черпая вопросы из его «Воспоминаний». Савинков сразу же стал редактировать некоторые места из них, более отчетливо формулируя свои основные мысли. Так, разъясняя, что значил авторитет Азефа для членов БО, он показывал:

Та БО, в которой я принимал участие и которая конструировалась летом 903 года, она конструировалась на таких началах: ни я, ни Созонов, ни Швейцер, ни Каляев, ни Покотилев¹³, словом, ни один из членов организации, мы, во-первых, друг друга не знали, а, во-вторых, в конструировании организации участия не принимали. ЦК — может быть, я не смею сказать ЦК, потому что формально его тогда, кажется, еще и не было, — но, одним словом, Михаил Гоц лично мне указал, когда я к нему обратился, — я знал, что к нему являлись также Созонов и Швейцер, — лично мне сказал, что не он, Михаил Гоц, заведует боевыми делами, и в частности БО, а человек, с которым он меня познакомит. Этим человеком оказался Азеф. Конструкция организации первоначально была такая: только один Азеф знал нас; все мы, повторяю, друг друга не знали. Мы знали Гоца, через Гоца мы знали, что Азеф устраивает БО. Из этого уже ясно, что наше положение как членов организации было не тождественно с положением Азефа: Азеф сразу явился как бы нашим начальником, в моих, например, глазах, начальником официальным, указанным ЦК в лице Михаила Гоца. Уже из этого ясно, что авторитет его между нами сразу должен был быть большой. Этот авторитет еще уве-

¹² ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.82. Л.7об.

¹³ Савинков Б.В. — член БО с сентября 1903 по ноябрь 1906, с августа 1904 по ноябрь 1906 — заместитель члена-распорядителя Комитета БО, руководитель БО с января 1909 до начала 1911; Созонов Е.С. — член БО в 1903-1904; Швейцер М.И. — член БО в 1903-1905, с августа 1904 по февраль 1905 — член Комитета БО; Каляев И.П. — член БО в 1904-1905; Покотилев А.Д. — член БО в 1902-1904.

чивался тем, что нам было известно, что Азеф — ближайший сотрудник и друг Григория Андреевича Гершуни, который в это время был уже арестован и для всех нас являлся по существу дела авторитетом.

Так что с самого начала жизни организации самая конструкция организации, я бы сказал, определяла Азефу известное место в организации — место ее начальника¹⁴.

Далее Савинков весьма подробно остановился на процессе выработки и принятия в августе 1904 устава БО.

Устав, в составлении которого Азеф принял деятельное участие, был доставлен Савинковым Михаилу Гоцу, и тот, прочитав его, не высказал никаких возражений. В тот период Азеф и М.Гоц играли в ЦК руководящую роль, и что принимал Гоц, то одобрялось и ЦК. Члены ССК указали на то, что Азеф в данном случае действовал как глава БО, но Савинков резонно возразил, что за все время работы с Азефом было сложно понять, где кончался член БО и где начинался член ЦК, кроме того, Азеф и был рекомендован в качестве члена ЦК в БО. Контроль над БО, свидетельствовал Савинков, осуществлялся весьма строго: «во главе БО стоял член ЦК, не член БО, делегированный в ЦК, а член ЦК, назначенный начальником БО. Это раз. А во-вторых, Гоц, носивший звание заграничного представителя БО и, вместе с тем, член ЦК, Гоц, можно сказать, всегда все детали всех наших дел знал. Гоц, я думаю, я вправе это сказать, — влиял на дела БО во всем. В сущности, ни одно предприятие без одобрения, без разрешения и без ведома Гоца не предпринималось»¹⁵. Стоял лишь технический вопрос — кто из членов ЦК должен был контролировать деятельность БО, так как ЦК в целом состоял из людей, не имеющих боевого опыта, и по чисто конспиративным соображениям было немислимо, чтобы вся коллегия знала о всех передвижениях и технических шагах членов БО. Блеклов и Иванов стали возражать Савинкову, указывая, что тут появляется тенденция отделения от ЦК. Савинкову оставалось повторить уже высказанный тезис о желательности контроля над БО лишь отдельными лицами, специально делегируемыми ЦК для этого.

После Блеклов попросил Савинкова откомментировать ряд моментов из его «Воспоминаний». Все они говорили о несогласии членов БО с ЦК по тем или иным вопросам. Савинков начал доказывать, что личные мнения боевиков никогда не проводились ими в жизнь и носили исключительно частный, разговорный характер,

¹⁴ ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.133. Л.2-3.

¹⁵ Там же. Л.6.

а картина, составленная из надерганных цитат, не соответствует истине. Блеклов, чувствуя, что разговор склоняется на скользкую почву, оборвал Савинкова и заявил, что комиссия будет принимать во внимание те факты, которые сам Савинков зафиксировал в своих мемуарах, и по ним составлять свое мнение. Савинков довольно ловко возразил, что именно он вправе припоминать, произошло ли то или иное событие так, как оно было записано им. Кроме того, и одного его устного заявления, что он ту или иную фразу не произносил, довольно для того, чтобы ССК больше не утверждала, что знает объективные факты. В ответ на это Блеклов, продолжая вести уже взятую линию, сказал, как отрезал: «Относительно этой фразы Комиссия будет иметь суждение»¹⁶.

Сложно понять, хотел ли Блеклов сломать самолюбие Савинкова и заставить его идти по нужному руслу или, наоборот, обострить ситуацию, но Савинков отреагировал лаконично: «Я должен предупредить, что я тогда откажусь от всяких показаний в Комиссии, потому что не может быть никаких суждений, раз я говорю»¹⁷. Право судить об исправленных фрагментах из собственных воспоминаний Савинков оставлял за собой. В создавшейся атмосфере Блеклову ничего не оставалось сделать, как только объявить перерыв для обсуждения решений.

Через некоторое время, открывая вторую часть заседания, Блеклов начал доказывать Савинкову, что ССК — не трибунал, который задает товарищам вопросы казуистического характера, и что все предшествующие беседы носили мирный оттенок, что не было разделения на следователей и обвиняемых и т.д. Блеклов утверждал, что ставить ультиматум ССК непозволительно, так как она выясняет истину. Истинной же подоплекой поведения Блеклова был его договор с Бахом. Савинков, чувствуя фальшь, продолжал настаивать на своем: он перестанет разговаривать, если комиссия не будет относиться с полным доверием к его словам; ведь в ССК был представлен черновой литературный материал, требующий уточнений. Далее пошли совсем пустые словопрения: что Савинков сделал и сказал бы в том или ином положении, в котором он не находился, много ли в докладе комиссии фрагментов из «Воспоминаний», которые могут быть опровергнуты другими цитатами. Блеклов доказывал Савинкову, что ССК только что приступила к делу и неизвестно, какое заключение будет сделано в докладе. Эти пререкания прервал Лункевич, выразивший желательность присутствия председателя ССК

¹⁶ ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.133. Л.11.

¹⁷ Там же.

на собрании для разрешения конфликта и попросил Савинкова остаться еще на некоторое время в городе. После закрытия заседания члены ССК решили немедленно вызвать Баха в Париж.

Своими впечатлениями от собрания Савинков поделился в письме к М.А.Прокофьевой. Невеста Е.Созонова, член боевой группы с 1909, девушка редкой душевной чистоты и благородства, Прокофьева в те годы становится ближайшим к Савинкову человеком, беззаветно ему преданным. Савинков с горькой иронией описывает ей происходящее:

Сужусь. Ха! Натурально, скандал. Судьи — праведники, я — человек, в словах коего позволительно усомниться. Допрос.

Я: Я этого не говорил.

Соломон: Вы это говорили.

Я: Я пов-то-ря-ю: я не говорил.

Соломон: Будем иметь суждение.

Я: Adieu.

Соломон: Ультиматум? Я не позволяю ультиматумов.

Я: Adieu.

Сепаратное совещание. Постановлено вызвать из Швейцарии Бога-Отца, ибо справиться со мною нет возможности без помощи небесных сил или, по крайней мере, умных людей. Я знаю, Вы спрашиваете себя, как это я удержался от оскорбления действием. Каюсь: удержался /.../ Слушайте, ей-Богу, сил моих нет. Зачем топить меня в болоте. Ну зачем? Я не хочу, чтобы меня топили в болоте. Мне наплевать на мнение всех Соломонов бывших, будущих и настоящих. Какое дело мне, что они недовольны. Пушай недовольны. Зачем меня еще мучить? О, Господи, Владыка живота моего. Мечтаю о скачках. Ей-Богу, лошади во много раз интереснее людей¹⁸.

Без труда угадывается, что «Соломоном» назван Блеклов, а Баха Савинков представил как «Бога-Отца».

Тем временем Бах поспешил прибыть в Париж — ситуацию надо было спасать. Судя по его дальнейшему поведению, Бах решил сгладить конфликт и вести себя внешне абсолютно лояльно, дабы отвести от ССК все формальные претензии и сохранить, таким образом, основу уже давно написанного «Заключения» в неприкосновенности.

ССК открыла свое 38-е заседание 9 ноября 1910. Вел его впервые почтивший своим присутствием опрос свидетеля председатель Бах. Начал он, обращаясь к Савинкову, со слов, которые обезоружили бы любого человека, усыпив его бдительность: «Приступая к нашей работе, мы совершенно отвлеклись от всяких

¹⁸ ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.528. Л.29-29об.

личных чувств, от всякого лицемерия /.../ Вот почему я хочу сказать Вам, что ни по отношению к Вам, ни по отношению к кому бы то ни было, не было ни доверия, ни недоверия. То, что Вам показалось недоверием, это именно идет из области исторической критики, но никоим образом тут вопрос не ставился на личную почву»¹⁹. Естественно, что, встретив такую умелую доброжелательность, Савинков, признав противоречие между текстом «Воспоминаний» и показаниями, взял назад свои резкие слова. Блеклов также пошел на попятную, заявив, что не имел ни малейшего намерения придать своим словам оскорбительный для Савинкова характер. Конфликт сгладился, и был решен ряд возникших еще на прошлом заседании спорных вопросов: Савинкову разрешили ознакомиться с теми фрагментами собранных свидетельских показаний, где речь шла о БО, и согласились вернуть ему «Воспоминания» по миновании в них надобности. В этот день собравшиеся не успели рассмотреть все интересующие их вопросы, и 12 ноября Савинков давал показания на 39-м заседании ССК, предварительно проглядев материал, уже собранный комиссией, и ознакомился, таким образом, со всеми спорными точками зрения.

Показания Савинкова освещали деятельность БО в 1903-1908, ее место в ПСР, действительную роль Азефа как руководителя БО, нравы, царящие в партии. Историческая ценность и уникальность этих свидетельств очевидна.

Бежав из ссылки летом 1903, Савинков приехал в Женеву, где М.Р.Гоц и Е.К.Брешко-Брешковская, узнав о его желании работать в терроре, свели его и Азефа. Первоначально Азеф произвел на Савинкова очень тяжелое и неприятное впечатление, в первую очередь из-за своей грубости. Дело Плеве не сблизило их, и Савинков подчеркнуто сдержанно сохранял с Азефом лишь деловые отношения. Перелом наступил во время подготовки покушения на великого князя Сергея Александровича. Азеф начал проявлять необычайную мягкость, внимательность и заботливость не только по отношению к Савинкову, но и ко всем членам БО. Стало казаться, что за его грубой оболочкой скрывалась нежная и ранимая душа, и многие прониклись к нему теплотой. В деле покушения на великого князя Азеф принимал самое ближайшее участие, он установил метод наружного наблюдения, назначил извозчиками Каляева и Б.Моисеенко, вручил всем паспорта для переезда через границу. Он мог выдать полиции всех участников этого дела, однако предпочел сообщить лишь маршрут передвижений Савинкова, и то после убийства Сергея Александровича.

¹⁹ ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.133. Л.21.

Савинков, выбиравшийся за границу, не был арестован, так как случайно поехал через Петербург, а не через Александрово. Кроме того, после выработки плана покушения Азеф отошел от деятельного участия в этом деле, и вел его один Савинков.

Свидетельствуя об идейном облике членов БО за период с конца 1904 до начала 1905, Савинков говорит о наличии разногласий в этой среде. По вопросам программы один Швейцер придерживался ортодоксальной эсеровской линии. Каляев склонялся к тем позициям, которые впоследствии выразили максималисты. Савинков в целом был близок к мнению Каляева. Однако в это время скорее шел процесс развития взглядов, и боевики, по роду занятий, не имели достаточно времени, чтобы заниматься теоретическими штудиями.

Гораздо существеннее были разногласия по тактическим вопросам, особенно по вопросу о терроре. Все боевики, кроме Швейцера, считали, что партия уделяет мало внимания террору вообще и центральному террору в частности. На этой почве возникло глубокое недовольство, правда, никогда не выливавшееся в открытые формы. Тогда на самой левой позиции стоял Б.Моисеенко, признававший террор и только террор, массовая работа отходила на совершенно далекий план. Д.Бриллиант уже делала оговорки в пользу пропаганды в массах, центральное положение занимал Савинков, Каляев был еще правее. Оппозиция к ЦК у всех прослеживалась несомненно.

Признавая, что БО должна быть партийной, члены ее, тем не менее, «понимали задачи центральной БО не только как задачи партийные. Мы полагали, что именно в лице центральной БО Партия больше, чем в лице своего какого бы то ни было учреждения, служит всей российской революции без различия партий и направлений»²⁰.

В дальнейшем, к середине 1906, состав БО совершенно изменился. Часть боевиков отошла от работы, некоторые попали на каторгу или погибли. Организация эволюционировала в сторону партийности в силу характера подбора ее членов. В нее вошли А.Р.Гоц, А.А.Павлов, В.А.Смирнов, Е.Ф.Кудрявцев, А.Г.Пискарев, Б.У.Вноровский — полностью партийные люди. Состав БО расширился до двадцати человек, но она была достаточно однородной в идейном смысле. На этом фоне Савинков стал выглядеть до известной степени еретиком.

Тем не менее, он не чувствовал никакой отчужденности в БО, наоборот, возникла близость со всеми, кто думал строго партий-

²⁰ ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.133. Л.24.

но. Савинков подчеркивает, что он был партийным человеком не через ЦК, а через своих товарищей по БО. В ЦК же Савинков всегда чувствовал себя совершенно одиноким. Но позиция его всегда была лояльной, и он подчеркивал, что «...ни одного момента я себя в моем сознании от Партии не отделял, что для меня уйти из Партии было тогда абсолютно невозможным, что вступить в какое-либо соглашение с какими-либо непартийными группами или учреждениями, не одобренными Партией, я бы не мог. У меня было известное понятие о моем партийном долге, и я этого своего партийного долга не нарушал и нарушить не мог»²¹. Однако отсутствие партийной отчужденности не означало для Савинкова согласия с ЦК ПСР — на собраниях ЦК он всегда молчал не потому, что соглашался с присутствующими, а потому, что, если бы он заговорил, то должен был бы возражать по каждому услышанному пункту.

Взгляды Савинкова также претерпевали некоторую эволюцию. Так, после дела вел. кн. Сергея Александровича он перестает считать, что задача ПСР сводится к совершению в России государственного переворота на социалистических началах, и видит историческое значение партии в том, что она поставила аграрный вопрос и разрешает его борьбой, в которой основное место уделяет центральному террору.

Причину противостояния между БО и ЦК можно было видеть в интригах Азефа, хотя никакого идейного воздействия на боевиков Азеф не оказывал. Вообще в БО, говорит Савинков, Азеф «занимал положение капитана корабля, я — старшего офицера, именно я сносился со всеми товарищами, был с ними в непосредственном общении, со многими в тесной дружбе. Он, если можно так выразиться, из своей каюты не выходил, отдавал приказы через меня, вел организацию через меня. Уже поэтому он не мог иметь никакого идейного влияния»²².

Но в некоторых областях игра Азефа имела успех. Он смог внушить членам БО мысль, что ЦК, как коллегия, относится к организации недоброжелательно и всячески стремится урезать ее полномочия. Кроме того, боевики знали очень немногих людей из ЦК, и, пользуясь своим авторитетом психолога, Азеф нередко давал персональные отрицательные характеристики лидерам партии. Так, например, про Чернова Азеф высказывался категорично: «/.../ человек даровитый, умный, но это просто лгун»²³ и аргу-

²¹ ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.133. Л.28-29.

²² Там же. Л.34.

²³ Там же.

ментировал свое мнение некоторыми примерами. Таким образом возникла рознь между руководством ПСР и боевиками, позволяющая Азефу бесконтрольно хозяйничать во всех сферах партийной жизни.

И все же помимо азефовских интриг, необходимо отметить и непоследовательность политики ЦК в отношении БО. БО была распущена ЦК после Манифеста 17 октября 1905, и хотя боевики посчитали это решение грубой исторической ошибкой, они подчинились ему. Подчинились, чтобы, распустившись в ноябре 1905, услышать новую директиву ЦК после I общепартийного Съезда в январе 1906 — после подавления вооруженного восстания в Москве — террор должен быть восстановлен. «Естественно, — свидетельствует Савинков, — явилось неудовольствие, что же в самом деле отцы Партии смотрят так далеко, что они на два месяца нас распускают; можно быть немного дальновиднее»²⁴. Вновь собранная БО получила директивы — закончить до открытия 1-й Государственной думы два крупных дела: ликвидировать московского генерал-губернатора Ф.В.Дубасова и министра внутренних дел П.Н.Дурново. С момента открытия Думы ЦК (по соображениям, непонятным боевикам, не видевшим существенного изменения в государственности России) предусматривал возможность прекращения боевой работы. Опять это вызвало раздражение боевиков, понимавших, что за столь короткий срок тяжело выполнить дело, и смирившихся с тем, что шансов осуществить эти покушения почти нет. И действительно, когда в мае 1906 была созвана I Дума, Совет партии по «высшим» соображениям прекратил боевую работу. Прекратил, чтобы после разгона Думы в начале июля снова созвать БО.

Так ЦК повторил ошибку, сделанную полгода назад. Эти роспуски и созовы создали в БО оппозиционное отношение к ЦК, политическая недалекость которого была налицо. Боевики, по словам Савинкова, стали чувствовать, «что над нами есть господин и что этот господин не всегда на высоте политической ситуации, что он не всегда разбирается в положении дел»²⁵.

В том же 1906 в жизни Савинкова произошли события, о которых он не упоминает в показаниях, но имевшие существенное влияние на всю его дальнейшую деятельность. В мае Савинков поехал в Севастополь с партийным поручением убить адмирала Г.Н.Чухнина, не зная, что на состоявшемся незадолго до этого Совете партии было решено прекратить террор. 14 мая Савинков

²⁴ ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.133. Л.86.

²⁵ Там же. Л.87.

был арестован и обвинен в покушении на коменданта Севастопольской крепости генерал-лейтенанта В.С.Неплюева, о подготовке которого он вообще не знал и осуждал сам способ его проведения, в первую очередь, из-за участия в этом деле несовершеннолетнего Н.А.Макарова, а также из-за большого числа невинных жертв. Уже из тюрьмы Савинков попросил у ЦК инструкций, так как создалось весьма щекотливое положение. ЦК оставил просьбу Савинкова без ответа. О душевном его состоянии говорит письмо к родным, написанное из севастопольской главной крепостной гауптвахты: «Обвиняться по делу, в котором не только не принимал участия, но которое считаю позором, чувствовать, что передо мной стена, — стена недоверия и желания повесить во что бы то ни стало и в самый короткий срок, знать, наконец, что погибаешь зря из-за чужой глупости, — может ли быть что-нибудь глупее этого?»²⁶ Бежавшего за границу в июле 1906 Савинкова ждало еще одно несчастье — в сентябре умер М.Р.Гоц, любивший Савинкова больше всех остальных членов БО, называвший его своим Вениамином, подчеркивая таким образом свое нежное, самое душевное, отеческое отношение к нему. В эти дни Савинков писал своей первой жене В.Г.Успенской: «...то чувство одиночества, которое так завладело мною последнее время, дошло до предела. Мне кажется иногда, что я в пустыне, и ни одной живой душе нет дела для меня, до моей души. Смерть М[ихаила Гоца] в личном смысле для меня громадна. Не И[ван Николаевич] [— партийный псевдоним Азефа. — Р.Г.] же поймет»²⁷.

В это же время, с августа 1906 БО возобновила свою работу, и террористы стали охотиться за П.А.Столыпиным. Однако трения с ЦК все возрастали, и в сентябре 1906 на съезде крестьянских работников в Финляндии произошел взрыв. Азеф заявил Савинкову, что недовольство против БО в партии достигло предела, и виновниками этого выставил Слетова и Чернова. Особо резко Азеф обвинял Чернова, по его словам, ведущего за кулисами активную агитацию против БО. Савинков с доверием отнесся ко всему, сказанному Азефом, тем более, что все основания для этого были. Слетов отказался предоставить агенту БО Э.М.Лапина адреса выразивших желание вступить в организацию кандидатов, а поведение Чернова, чье некорректное отношение к БО подтвердила и Лапина, виделось еще более опасным.

Азеф попросил Савинкова выступить на съезде, мотивируя это тем, что он плохой оратор. Савинков выступил очень резко,

²⁶ ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.335. Л.56-56об.

²⁷ РГАЛИ. Ф.1557. Оп.1. Д.8. Л.28.

заявив, что отсутствие дружелюбного отношения к БО делает невозможным продолжение работы. Вообще, свидетельствует Слетов, Савинков в то время был нервен: «я никогда не видел его в таком состоянии ни до этого, ни после этого»²⁸. ЦК закрыл глаза на поведение Слетова и Чернова и, пытаясь успокоить негодование БО, кооптировал Савинкова в ЦК.

Сам Савинков так оценил в показаниях роль Азефа в этом инциденте: «Азеф выдвинул меня на первый план, а сам стал за мою спину. Так что у ЦК получилось такое впечатление: Савинков делает скандал, а Азеф до известной степени в неловком положении и его поддерживает, но, быть может, и не одобряет поведение Савинкова. Между тем было как раз наоборот, и он был главным лицом в этой интриге»²⁹.

Однако попытки вдохнуть жизнь в старые организационные формы не достигли успеха. Савинков к тому времени был убежден, что практикуемые методы боевой работы успеха иметь не могут, а изменение должны произвести новые люди, пришедшие в террор. Азеф полностью поддержал Савинкова, и в ноябре 1906 на II Совете партии на Иматре Савинков от себя и от имени заболевшего Азефа, посоветовавшись заранее с членами БО, подал прошение об отставке. ЦК удовлетворил его, и БО была распущена. В данном случае, по проницательному замечанию Натансона, «Савинков был одурачен Азефом, потому что Савинков удалился, а Азеф-то, после, опять вернулся в БО, но уже не имея ближайшего свидетеля своих поступков»³⁰.

Подробно остановился Савинков и на методах управления, существовавших в БО. Юридически организацию возглавлял Комитет, который состоял в сущности из двух человек — главы БО Азефа и Савинкова. Формально Азеф мог не считаться с мнением Савинкова, но фактически ни одно решение не принималось без того, чтобы Савинков не поговорил специально с каждым товарищем, не уяснил их мнения, не постарался добиться единомыслия. Азефу Савинков излагал уже точку зрения всей организации, и хотя Азеф иногда принимал единоличные решения вопреки пожеланиям большинства членов БО — в целом работа определялась коллективной волей, сложностей и конфликтов почти не было, так как существенных разногласий в организации не возникало.

Савинков подчеркивает, что когда обсуждались какие-либо дела с Азефом, то оставалось впечатление, что во всех практи-

²⁸ ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.128. Л.96.

²⁹ Там же. Д.133. Л.58-59.

³⁰ Там же. Д.123. Л.32а.

ческих вопросах он был на голову выше всех остальных. «Теперь, — замечал Савинков, — конечно, многое можно скинуть: человек имел перед собою открытую шахматную доску, но тогда-то это было скрыто. А так как исход боевых дел определялся в громадной степени практическими способностями их руководителей, то это качество, конечно, очень ценилось в БО»³¹. Обычно молчавший, когда обсуждались теоретические вопросы, Азеф живо интересовался ими, особенно философией, когда приезжал за границу, освободившись от подготовки очередного террористического акта. Эта неистребимая тяга к интеллектуальному совершенствованию поражала боевиков. В поведении Азефа никогда не замечали ничего такого, что могло бы бросить на него тень, в глазах окружающих он был человеком исключительно моральным, хорошим семьянином, привязанным к жене и детям. Члены БО его чрезвычайно уважали и ценили, хотя особой близости у него ни с кем не возникало. Иногда боевики чувствовали его суровость и резкость, но, по словам Савинкова, «эту шероховатость и подчас даже отсутствие душевных движений мы себе объясняли так, что, что же делать, на войне, как на войне, человек стоит во главе такого дела, и тут уж не до сентиментальностей»³².

Савинков не говорит в показаниях о своем понимании мотивов, которыми руководствовался Азеф, попеременно предавая то департамент полиции, то БО. Видно, что в 1910 Савинков до конца еще не уяснил для себя этого вопроса. Ясно только прослеживается нежелание Савинкова излишне демонизировать фигуру Азефа, видеть в его поведении тайну, никогда не могущую быть раскрытой. Единственное, что Савинков мог четко охарактеризовать, — это итог своих отношений с Азефом: «Мне кажется, что все время я до известной степени был игрушкой в его руках, и не только в организационном отношении, но и в личных отношениях. Он варьировал свои отношения в зависимости от своих личных целей, и потом пользовался моими отношениями к нему, как козырем, в известных случаях»³³.

Переходя к кардинальному вопросу, поставленному ССК, — об ответственности тех или иных партийных учреждений за многолетнее хозяйничание провокатора в ПСР, — Савинков подробно излагает свое видение проблемы. Об ответственности БО за появление Азефа в партии не может быть и речи — организация была учреждена уже после того, как Азеф вместе с Селюк и Гершуни

³¹ ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.133. Л.49.

³² Там же. Л.48-49.

³³ Там же. Л.61.

объявили о создании ПСР. Но тот факт, что провокация Азефа так расцвела, иногда ставится в вину БО. Савинков вычленяет два аспекта в деятельности БО как учреждения — организационную постановку боевого дела и внутреннее устройство организации.

Постановка боевого дела была зафиксирована в Уставе, но определялась скорее обычным правом, то есть естественным течением событий, которые любой документ превращали в ничего не значащую бумажку. Но если встать на формальную точку зрения, то и тут ответственность должна падать на ЦК, так как Устав БО никогда коллегией ЦК не опротестовывался. I Съезд ПСР оставил Устав в силе. Таким образом Устав, написанный Савинковым и считавшийся им удовлетворительным, был принят и действовал с ведома, согласия и одобрения ЦК.

Но главный вопрос, безусловно, заключался в другом: действительно ли нравы и обычаи БО способствовали существованию азефовской провокации? Савинков говорит о своих ошибках, о персональной вине, так как он недостаточно обращал внимание на личность главы БО, просто не смог понять Азефа. Но и в данном случае его ответственность была не больше, чем ответственность любого из членов ЦК. Само внутреннее устройство и распорядки БО не являлись, утверждает Савинков, таковыми, «чтобы они могли культивировать провокацию. Наоборот, они скорее были таковы, что они могли препятствовать развитию провокации»³⁴. Состав БО не рекрутировался совершенно свободно: ЦК, не имея права вводить в БО своих кандидатов, имел право неформального вето, и с этим приходилось постоянно сталкиваться. Некоторых ценных партийных работников ЦК отговаривал от вступления в БО, хотя сами они стремились туда попасть. БО была заинтересована в притоке крупных сил, могущих повлиять на ход ее дел, однако постоянно натывалась на неодобрение ЦК. Так было в случае с А.Гоцем, Кудрявцевым, Зензиновым — ЦК препятствовал вхождению этих людей в БО, оказывая моральное давление на них, и они начинали колебаться.

И получалось, что в состав БО не попадали строго партийные работники, хотя члены БО и не противились этому сознательно. Приходилось исходить из критериев работоспособности каждого человека, не считаясь с его прежней партийной принадлежностью. Так было на протяжении всей истории БО.

В 1903 состав БО имел случайный характер. «Съехались, — показывает Савинков, — из разных концов России одиночки, которые в одиночестве, у себя в ссылках, решали для себя личный,

³⁴ ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.133. Л.64.

индивидуальный вопрос о терроре. Приехал Покотиллов с юга, приехал Швейцер из Сибири, приехал Созонов с Урала, приехал я из Вологды. Нас собралось несколько человек. И мне кажется, сколько я знаю, кроме нас не было желающих в то время»³⁵. Для людей, вошедших тогда в БО, не стояли вопросы об оттенках социально-революционной мысли, но они вполне созрели для самой ответственной работы.

Об особом менталитете БО можно говорить лишь с конца 1904. Но и тогда БО делилась на три отдела: Киевский — сформированный Д.Ш.Боришанским и состоявший в основном из рабочих; Петербургский — во главе которого стоял Швейцер, собравший людей, у которых не возникло больших сомнений по разным вопросам, и Московский — ведущий дело вел. кн. Сергея Александровича и состоявший из Савинкова, Каляева, Бриллиант и Б.Моисеенко. Члены Московского отдела идейно расходились с большинством партии, но никогда своих мнений публично не высказывали, считая своим долгом не афишировать оппозиционные взгляды. После гибели Швейцера и арестов 16-17 марта 1905, произведенных по указанию Н.Ю.Татарова, о менталитете БО говорить не приходилось, так как организация фактически перестала существовать. После воссоздания БО к концу 1905 особый менталитет у БО опять-таки не возник, так как в нее пришли люди строго партийные, и такие оппозиционеры, как Савинков и Р.В.Лурье, оставались в ней в ничтожном меньшинстве.

В связи с этим Савинков весьма остроумно замечает: «Если даже стать на такую точку зрения, что наши идейные разногласия с центральными учреждениями Партии культивировали провокацию Азефа, если даже стать на эту точку зрения — хотя я лично никак не уловлю логической связи между этими двумя моментами, — то и тогда идейное разногласие БО с центральными учреждениями Партии, БО как учреждения, а не как отдельных личностей, должно быть принято с большой осторожностью»³⁶. Таким образом, в первый период существования БО идейные разногласия не носят принципиального характера, потому что люди, входившие в организацию, еще не сложились, а в последний период в БО вошли строго партийные люди, и говорить о наличии этих оппозиционных тенденций можно лишь на основании московского отдела БО периода 1905.

Савинков подробно возражает в своих показаниях против обвинений в наличии особого «кавалергардского», военного духа в

³⁵ ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.133. Л.65.

³⁶ Там же. Л.68.

БО. Не было и следов никакого морального откола, утверждает Савинков. Была лишь особая психология боевика, отличная от психологии массовика. Савинков объясняет, что если человек долгое время работает в таких условиях, почти ни с кем не общается, ежеминутно рискует своей жизнью, то он находится в чрезвычайном нервном напряжении. Вся воля боевика должна быть крайне сосредоточена, ибо любой неверный шаг грозит не ссылкой и тюрьмой, а гибелью. И здесь никакая ошибка не прощается и не может быть исправлена. Подпольная работа не дает и морального удовлетворения — слезка за лицами, назначенными к истреблению, делает из человека филера, хотя бы и революционного филера, но все же любой интеллигентный, пусть даже среднего развития человек ощущает это дело как очень неприятное. Савинков говорит:

Сравните, положение боевика с положением массовика: массовик в ходе своей работы живет одной, общей жизнью со своими товарищами, у него никогда не бывает таких периодов, когда он играет роль какого-нибудь разносчика и целыми месяцами никого не видит — то есть видит товарищей только постольку, поскольку это строго необходимо для интересов дела, и часто видит товарища только одну минуту, достаточную для того, чтобы передать ему в рубле записку. Сравните их положение: один совершенно одинок, другой на людях; один делает приятную и полезную вместе с тем работу, скажем, занимается агитацией — это приятная работа; другой же делает полезную, но неприятную работу — он революционный филер; один немедленно видит результаты своей работы: вот у него был кружок в пять человек, а теперь у него там десять человек, вот он агитировал на заводе, и завод стал, вот он написал прокламацию, и она произвела такое-то действие и т.д. и т.д. Он в ходе своей работы получает известное конкретное удовлетворение от своего труда. Получает ли что-нибудь подобное боевик? Нет. Боевик существует только до покушения; покушение удалось — он удовлетворен. Но громадное большинство покушений не удается, и он работает, повторяю, без этого ежедневного удовлетворения³⁷.

Савинков утверждает, что хороший массовик всегда оказывался плохим боевиком, именно потому, что он был хорошим массовиком. Боевик понимает, что любая неосторожность приведет к провалу не только его, но и всех лиц, составляющих организацию. Все вещи он рассматривает под особым углом зрения, и смешивать его центральную боевую работу с массовой — значит уничтожить центральный террор, так как конспиративность в бо-

³⁷ ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.133. Л.69-70.

своей работе должна быть в десятки раз больше. Савинков категорически утверждает: «Нельзя быть пять месяцев революционным филером, потом пять месяцев заниматься пропагандой, а потом опять идти на филерскую работу, потому что у каждого организма есть инстинкт самосохранения, и БО не может отпустить товарища на общепартийную, массовую работу, рискуя тем, что он там провалится; она боится за него»³⁸. Понятно, что психологическая разница между членами партии, когда работа одного построена на конспирации и сужении, а другого на расширении и, следовательно, уничтожении конспирации, неустраима. Но утверждение о том, что элементы психологии боевика могут способствовать развитию провокации, трудно считать бесспорным. Нежелание понять эту ситуацию заставляло членов ЦК искать «военный дух», существовавший, по их мнению, в БО, противопоставляя его «штатскому» духу партии. Савинков же отводит этому «военному духу» самое последнее место.

Савинков анализирует эту неосведомленность ЦК о делах и атмосфере, существующей в БО, и видит причину этого явления в том, что члены ЦК всегда были удовлетворены тем, что им о боевиках докладывал Азеф. Эти aberrации возникали и множились, а ведь истинное положение дел легко было выяснить, но, между тем, утверждает Савинков, «ЦК не позаботился это сделать, хотя рядом был я, и не только я один, а был еще и Абрам Гоц, который всегда был доступен ЦК, и был Моисеенко, который то же самое, всегда был доступен ЦК. Не только Азеф неверно освещал, но и ЦК удовлетворялся одним только освещением Азефа»³⁹. ЦК не востребовал своих прав и не выполнял свои обязанности — проверять то, что говорил Азеф, и, видимо, можно сказать, что причина этому — удивительная наивность, граничащая с глупостью, со стороны членов ЦК.

Затронул Савинков в своих показаниях и весьма щекотливую тему, постоянно муссируемую многими лидерами ПСР, — вопрос о денежных тратах и «вольном» образе жизни членов БО. Для членов ССК это был любимый конек — у каждого опрашиваемого они буквально вырывали клещами любое свидетельство, могущее подтвердить, что БО «развращала молодежь». Все сплетни и слухи, относящиеся к аморальному поведению Азефа, подчас просто высосанные из пальца, — ставились в вину всему составу БО.

До знакомства с уже собранными показаниями Савинков довольно спокойно отнесся к этому вопросу. Он подчеркнул, что все

³⁸ ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.133. Л.70.

³⁹ Там же. Л.73.

факты, инкриминируемые БО, чрезвычайно преувеличены и выводы сделаны поспешно. Все свидания, происходившие в ресторанах, устраивались для боевых целей, так как каждое питейное заведение — идеальное место с конспиративной точки зрения. После делового разговора подобные встречи, кстати, по инициативе того же Азефа, как правило, сразу завершались. Экономия денег в БО также осуществлялась весьма разумно — в среднем на человека уходило по 200 рублей в месяц, хотя, конечно, все зависело от масштаба предприятия. Савинков привел цифры: дело Плева стоило около 30 тысяч рублей, дело Сергея Александровича — 7 тысяч, но дело Плева продолжалось 10-11 месяцев, то есть тратилось по 3 тысячи в месяц. Другое дело, что контроль за отпускаемыми суммами оставался в ведении ЦК, но, видимо, с отчетностью у Азефа всегда было все в порядке, и если он сам и клал какие-либо деньги в карман, то десять раз просчитав все возможные варианты, грозящие разоблачением, и поймать его на воровстве было почти невозможно.

Однако по ходу дачи показаний Савинков понял, что из образа жизни боевиков хотят сделать устрашающий жупел, в основе которого лежат просто-напросто смешные указания вроде тех, что Азефа видели с некими дамами или что члены БО покупали конфеты (их обертки использовались для прикрытия бомб) и т.д.

Савинков поясняет, что БО делилась на три непропорциональные части: «холуи», люди, занимающиеся выслеживанием и живущие в полной нищете; химики, ведущие средний образ жизни; и люди, играющие «барские» роли, осуществляющие координацию между различными частями организации. Обвинять последних в «широком» образе жизни — преступное легкомыслие или же тайное желание отказаться от террора как средства борьбы. На «барском» положении жили Покотилев, Б.Моисеенко, Швейцер и сам Савинков, то есть три-четыре человека. Требовать экономии от этих людей было невозможно — на общей экономии организации это сказалось бы губительно. «Если Вы хотите искать личной ответственности, — говорит Савинков, — то тут я ее принимаю на себя. Я говорю, что да, если я мог потратить на папиросы 10 копеек или 6 копеек, то я тратил 10, а не 6 копеек»⁴⁰. Особенно возмутили Савинкова показания Тютчева, ближайшего друга Натансона, утверждавшего, что члены БО обычно проводили время в кабаках. Савинков говорит, что Тютчев не имел ни малейшего представления о жизни боевиков, что по тем немногим случаям, когда он несколько раз бывал с Савинковым в Париже или Женеве в ка-

⁴⁰ ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.133. Л.76.

баках, он не имеет права делать никаких выводов и обобщений. Савинков персонально перечисляет людей, в которых бросил камень Тютчев: Каляев, Созонов, Б.Вноровский, Кудрявцев, А.А.Севастьянова — их ригоризм, их духовная жизнь естественно, сама собой опровергает все тютчевские инсинуации. Савинков указывает, что он перед двумя членами БО — А.В.Калашниковым и И.В.Двойниковым поставил под угрозой исключения из организации ультиматум о прекращении употребления спиртных напитков. Савинков риторически спрашивает:

Были ли наши отношения таковы, чтобы они могли развивать эту кабацкую атмосферу, и чтобы они, через эту кабацкую атмосферу, могли культивировать провокацию? Я как-то сказал, что я думаю, что во главе БО должна стоять единая воля. Я так действительно думаю. Я думаю, что в иных случаях, если можно так сказать, на театре военных действий в решительную минуту должен распоряжаться один человек. Но вместе с тем, я не только думаю, но и смею сказать, во всей своей террористической жизни я проводил этот принцип, что чем теснее организация, чем она больше походит на семью, чем меньше в ней начальства, чем меньше подчинения, чем больше дружбы, чем больше любви — тем организация крепче, тем она имеет больше шансов на успех. Я утверждаю, что моя сознательная воля всегда была направлена к тому, чтобы та единая воля, которую я принципиально защищаю, была собирательной волей организации, чтобы организация представляла из себя единое целое, со всех точек зрения крепко связанное между собой. Какие отношения существовали между нами? Я утверждаю категорически, и подтверждение моим словам вы найдете в письмах Егора Созонова, которые я цитирую в своих воспоминаниях, что все мы — за исключением Азефа — были связаны между собою самыми тесными узами. Здесь для нас не было вопроса, кто думает так, кто думает иначе; для нас был вопрос только в том, насколько каждый из нас товарищ друг другу; более того, я смею сказать друг и брат⁴¹.

Соответственно, внутренняя жизнь организации была на чрезвычайно высоком уровне, и внутренние переживания организации — были глубоко идеалистичны. Конечно, в лучшем варианте, утверждает Савинков, должен был появиться синтезированный тип партийного работника — то есть идеальным случаем будет тот, когда каждый член ЦК вместе с тем являлся бы и террористом. Однако непроницаемость почти всех членов ПСР, столкнувшихся с провокатором; личные амбиции, успокоенность, трусость и политиканство подавляющего большинства членов ЦК; за-

⁴¹ ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.133. Л.78-79.

носчивость, психологическая узость и наивность членов БО способствовали неудачам террора и создали условия для появления фигуры Азефа. Азеф перехитрил и переиграл всех без исключения; он олицетворял партию, его рост превысил рост этой партии, и фактически он похоронил партию под обломками своего авторитета.

Когда многочасовые заседания, в течение которых Савинков сказал все, что мог и что должен был сказать, приблизились к концу, поведение председательствующего Баха переменилось. Мало-помалу он начал высказывать и свое мнение по тому или иному вопросу. Так, оборвав рассуждения Савинкова об интеллектуальном уровне членов ЦК и БО, Бах стал утверждать, что горе заключалось в существовавшей системе, а не в людях, и что благодаря обособленности БО, «которая вытекает из самой сущности вещей, и вышло, что в среде социалистической партии существует учреждение, которое, по-видимому, идет вразрез с нею»⁴². Свое замечание Бах облек в форму протеста. Савинков на это возразил, что формы боевой работы были не придуманы, а постепенно и закономерно выработаны жизнью. Бах, уже не желая вступать в дискуссии, кратко заметил, что в докладе ССК на все будет дан совершенно определенный ответ. Савинков, понимая бесполезность разговора, выразил и свое мнение: «Я говорю, что не вижу возможности изменения организационных форм без гибели террора. Изменить эти формы, значит погубить террор, его не будет существовать /.../ Я с огорчением вижу, что, быть может, этот доклад будет содержать именно осуждение не отдельных лиц, которые, по-моему, может быть, и заслуживают такого осуждения, — в частности, скажем, я, — а осуждение учреждения, осуждение в частности БО, осуждение системы террора»⁴³. Бах же, которого даже Блеклов упрекал в письмах за то, что он берет в подготавливаемых им к публикации статьях «явно антитеррористическую ноту»⁴⁴, возразил Савинкову: «Не террора, как принципа, а террора, как он применялся у вас»⁴⁵. После такого заявления Савинков понял, что итог работы ССК должен заключаться не только в том, чтобы поставить плотину на пути распространения террора, но и в дискредитации его — Савинкова — как личности. Его революционное прошлое подлежало публичному уничтожению на страницах официальных документов ПСР. Все, что Савинков мог возразить, услышано не было, и он с грустью констатировал: «Я считаю, что моя точка зрения вполне ясна. Я,

⁴² ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.133. Л.84.

⁴³ Там же. Л.85.

⁴⁴ Там же. Д.58. Л.10б.

⁴⁵ Там же. Д.133. Л.85.

сколько мог, эту точку зрения защищал. Если Комиссия имеет тут другую точку зрения, я, конечно, ничего не могу поделать»⁴⁶.

Хотелось бы коснуться еще ряда сюжетов, освещенных Савинковым, которые относятся к 1907-1908 — периоду отхода Савинкова от деятельного участия в работе БО. Когда в 20-х числах ноября 1906 БО была распущена, Савинков был уверен, что любые террористические начинания будут безрезультатны; БО в сущности погибла, и всякая попытка ее возродить в прежних формах заранее была обречена на неуспех. Азеф на словах полностью поддерживал Савинкова. Однако в начале 1907 в Европу прибыл бежавший с торговли Гершуни, и Азеф условился с ним о возрождении боевой работы. При этом Азеф старался всеми возможными методами дискредитировать Савинкова в глазах Гершуни и преуспел в этом. Схема была проста до чрезвычайности: после того, как Савинков почувствовал в Севастополе веревку на шее, он сломался и, больше не желая идти на виселицу, продолжал работать в терроре лишь по инерции. Ракитников в письме к В.Н.Фигнер приводит мнение Гершуни, высказанное по поводу Савинкова, продолжающего отстаивать позицию о невозможности работать в терроре без привлечения новейших технических изобретений: «Просто, мол, сдрейфил человек»⁴⁷. В отношениях с Савинковым Азеф стал придерживаться другой тактики: он резко переменял позицию и стал звать его на работу в террор. Когда Савинков указал Азефу на противоречивую и столь быстро измененную позицию, тот ответил, что это недоразумение и Савинков его неверно понял. Азеф поставил вопрос так: «Ты террорист и я террорист, не справляясь с тем, можно или нельзя что-нибудь сделать, мы должны делать, и мы должны немедленно ехать в Россию»⁴⁸. Савинков, продолжая оставаться при своем мнении о необходимости радикальных изменений в террористической практике, недвусмысленно его выразил на встрече с Азефом и Гершуни в сентябре 1907.

Гершуни, уже соответствующим образом настроенный, все больше отмалчивался и только говорил о необходимости работать с Азефом в терроре. За спиной же Савинкова Гершуни стал распространять слухи о его безнравственности, моральном падении и т.д. — то есть весь букет обвинений, сознательно созданных Азефом. Савинков же знал только о недовольстве Гершуни его поведением, которое он себе объяснил тем, что оно вызвано

⁴⁶ ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.133. Л.85.

⁴⁷ РГАЛИ. Ф.1185. Оп.1. Д.681. Л.3об.

⁴⁸ ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.133. Л.33.

его отказом от работы. Азеф, свидетельствует Савинков, «тогда занял по отношению ко мне, как я теперь вижу, чрезвычайно лживую позицию: что вот, мол, ты имеешь определенное мнение и отстаиваешь его, и тут нет совершенно никаких причин быть тобою недовольным. И он был, в сущности, единственным из товарищей, который тогда так поставил вопрос по отношению ко мне. Это, конечно, опять-таки повлияло на мои отношения к нему, отношения не только организационные, но и личные»⁴⁹. Гершуни умер в марте 1908, так и не узнав истинного положения вещей, продолжая напористо придерживаться азефовских наветов на Савинкова и заклиная товарищей не приглашать его в БО, ибо положить на Савинкова нет никакой возможности, так как работать он хочет только из-за личного самолюбия. Натансон, детально зная позицию Гершуни и его взгляды на Савинкова, так охарактеризовал эту почти фарсовую ситуацию: «Я все это рассматриваю как одну из самых глубоких и тонко рассчитанных интриг Азефа»⁵⁰.

Подробно останавливается Савинков в своих показаниях на единственном предприятии руководимой Азефом в 1907-1908 новой БО, где он был задействован, — на попытке цареубийства, которую планировалось осуществить на крейсере «Рюрик», строившемся в Глазго. Привлек Савинкова к этому делу в июне 1908 Натансон как представитель ЦК за границей. Савинков, приветствовавший каждую случайную попытку террора, согласился участвовать в покушении. Чуть позже ЦК подключил к делу БО — в лице Азефа и Карповича. Первоначально в Глазго с русскими матросами работали Карпович и Савинков. Их план сводился к тому, чтобы провести и спрятать на корабле в Кронштадте члена БО, который во время царского смотра взорвет часть палубы так, чтобы вместе с царем задеть и свиту. Помочь осуществить этот замысел должен был матрос Герасим Авдеев. Вскоре приехал Азеф, и стали обсуждать возможности подсадки своего человека. Савинков говорит:

Все эти обсуждения, несмотря на то, что Азеф лично входил на корабль и рассматривал разные дырки, — на меня сделали тогда такое впечатление, что какой бы план ни был предложен, Азеф его все равно разобьет. Конечно, я тогда не мог думать о том, что здесь есть что-нибудь сознательное, и приписывал это просто усталости, которая выражалась в разных колебаниях; видно было, что человек потерял ту решительную

⁴⁹ ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.133. Л.60.

⁵⁰ Там же. Д.123. Л.48.

настойчивость, которая необходима была для приема плана, и настолько это впечатление было для меня тогда ясно, что я на второй или на третий день этих заседаний не удержался и сказал об этом Азефу в очень резкой форме, что «ничего мы тут не сделаем, вот будь здесь максималисты, они бы сумели сделать, а мы только языком треплем»⁵¹.

В итоге все разрабатываемые проекты были отвергнуты Азефом во имя «дисциплины БО». Решено было снабдить Авдеева револьвером, но всем представлялось очевидным, что этот человек, не переживший колебаний и сомнений относительно своей готовности убить и умереть, — фигура совершенно не годная для центрального акта. Так впоследствии и случилось — в сентябре 1908 состоялся высочайший смотр «Рюрика», и выстрел Авдеева на нем не прозвучал.

Савинков свидетельствует еще об одной детали. Боевики в ходе подготовки покушения в Глазго познакомились еще с одним человеком с корабля — вестовым Каптеловичем, то есть лакеем офицерской кают-компаний. Он на всех произвел довольно неприятное впечатление, хотя и высказывал готовность пойти на какое угодно дело. Савинков с Карповичем в отсутствие Азефа Каптеловича от дела отстранили. Однако вскоре Азеф вновь прибыл в Глазго и самолично вновь привлек Каптеловича. Савинков рассказывает:

Роль этого Каптеловича во всем этом деле была странная в том смысле, что при самом покушении Каптелович, у которого хранились револьверы, отказался выдать эти револьверы. Кроме того, насколько мне известно, но я знаю это уже с чужих слов, на царском смотре именно Каптелович был назначен ходить за царем и освещать ему электрическим фонариком все темные места корабля. Так что из всей команды в 700 человек был выбран почему-то именно матрос, который был в таком террористическом настроении. Я могу только отметить одно: Азеф почему-то счел необходимым присоединить в эти комбинации матроса Каптеловича, которого забраковали и я, и Карпович, и Авдеев⁵².

Все факты к 1910 окончательно убедили Савинкова в том, что Азеф не хотел этого покушения, никогда бы его не допустил, и что все действия Азефа были направлены лишь на создание грандиозной фикции крупнейшего, но не могущего быть удачным террористического предприятия.

Затронут был Савинковым и такой щекотливый сюжет, как его собственная роль в бегстве Азефа в январе 1909. Еще до дачи

⁵¹ ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.133. Л.94.

⁵² Там же. Л.95-96.

показаний, в марте 1910, Савинков прислал в ССК коротенькую записку, своего рода дополнение к «Воспоминаниям», следующего содержания: «Когда я писал о деле Азефа, я не отдавал себе отчета, что именно я являюсь главным виновником его бегства. Именно на мне, более чем на ком-либо другом, лежала обязанность убить Азефа. Я этого не сделал. В свое оправдание скажу, что в тот момент я не мог поднять на него руку, ибо еще любил его»⁵³. Потом, на заседании ССК, Савинков назвал этот вопрос центральным и просил уделить ему больше времени для разъяснения своей позиции в этом деле. Савинков просил членов ССК, чтобы даже намек не проскользнуло в докладе о его очень личном суждении по поводу бегства Азефа. Анализируя все обстоятельство, сопряженные с развязкой азефовской истории, Савинков заявляет:

Впоследствии я задавал себе такой вопрос: понимал ли я в то время, ясно ли я давал себе отчет, что из всех товарищей по Партии именно на мне и, быть может, на Карповиче лежит обязанность персонально убить Азефа. И я себе ответил, что да, я совершенно ясно эту свою ответственность сознавал. Тогда я задал себе вопрос: почему, собственно, я Азефа не застрелил тут же, на допросе? И вот я вам должен ответить совершенно искренне, как я себе ответил на этот вопрос. Нужно вам сказать, что мои отношения с Азефом в последние годы были очень хорошие, то есть мне они казались очень хорошими. Личной дружбы между нами никогда не существовало, но в моих глазах он был почти единственным достойным мне товарищем по прошлым боевым делам, и я не ошибусь, когда я скажу, что мое чувство к нему было приблизительно братское. Когда я убедился в том, что он провокатор, я понял, что в тот момент мое чувство к нему не изменилось, то есть я чувством этого не воспринял. Когда я голосовал в собрании за его убийство, я голосовал чисто логически, лично же я в себе, несомненно, силы его убить в тот момент не чувствовал и на допросе я с ним говорил, зная и понимая, что он провокатор, не так, как если бы я говорил с чужим мне провокатором.

Поэтому я должен сказать Комиссии, что я считаю, что ответственность за побег падает исключительно на меня, что он убежал только потому, что в нужный момент я не нашел в себе сил его убить, поднять на него руку. Вы понимаете, что это очень щекотливый вопрос и что при несколько другом освещении он может принять совершенно иной характер. Я это говорю Комиссии потому, что ответственность за его побег я считаю возложенной лично на меня и что именно я больше, чем кто-либо другой, за это отвечаю⁵⁴.

⁵³ ГАРФ. Ф.6212. Оп.1. Д.83. Л.9.

⁵⁴ ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.133. Л.48.

Любопытно заметить, что, возлагая на себя вину, Савинков ничего не говорит о решении ЦК по данному вопросу. А Азеф-то ведь был «отпущен» благодаря возобладавшей над всеми остальными позиции Натансона, который выдвинул, по свидетельству Слетова, малоубедительный аргумент, что «убийство Азефа в Париже повлечет за собой разгром всей эмиграции»⁵⁵. Подчинившись партийной дисциплине, Савинков и все те, кто выступал за немедленное устранение Азефа без всяких формальных проволочек, в конце 1908, видимо, еще плохо сознавали, что безнаказанное исчезновение Азефа ляжет несмываемым пятном позора на всю историю партии социалистов-революционеров.

Если о впечатлении, которое произвели речи Савинкова на членов ССК, мы можем только догадываться (хотя представляется, что оно было не из самых приятных), то свое видение прошедших заседаний Савинков изложил в письме к Прокофьевой:

...Суд. Председательствует Бог-Отец, человек умный.

Вступление /.../

«Мы весьма сожалеем»...

«Прискорбный инцидент»... «Находим неуместной редакцию Соломона»... «Огорчаемся»...

Я удовлетворен. Засовываю руки в карманы, воображаю себя Деревяшкиным и произношу:

Из-ви-няю /.../

Объясняюсь. Прошу принять во внимание. Почтительнейше ходатайствую. Прошу.

Суд благосклонен. Дело доходит до «кавалергардов».

— Выпивали?

— Точно так!

— Гм...

— Виноват, Ваше Пр-о!

— Деньги э-э-э тратили!

— Вообще-с или на что-либо в частности-с?

— И вообще и в частности.

— Тратил-с.

— Гм...

— Виноват, Ваше Пр-о!

— Начальство поощряло?

— Никак нет, Ваше Пр-о!

— Гм...

— Виноват, Ваше Пр-о!

— То-то.

Инцидент исчерпан. Из сего Вы изволите усмотреть, что я был послушен, как дай Бог Вам, когда я отдаю «соответствую-

⁵⁵ ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.128. Л.127.

шие распоряжения». Стекол не побил, скандала не устроил, взял под козырек и сделал идиотское лицо — ел глазами начальство. Довольны? Заслужил благодарность? All right. Теперь слушайте, заключение.

Заключение.

«Смысл судебного постановления — суда совести (all right) — в том, что вся прошлая жизнь *осуждается*, вся настоящая равно».

— Тэ-э-к-с. Как же теперь быть?

— Как угодно-с.

— То-есть, виноват, как-с, Вы насчет чего-с?

— Мы-с по совести.

— И я-с по совести.

— Как угодно-с.

— Тэ-э-к-с. Но все-таки-с?

— Подчинитесь.

— Трудно-с.

— Бог труды любит.

— Так точно. А все-таки трудно.

— Ну, как угодно-с. Жалуйтесь мировому.

— Merçi.

Я шучу. Но знаете, не до шуток. Меня так-таки вышибают.

Деликатно, честью просят. По шеем. «Как были мы на бале» и т.д. Что ж, мы люди маленькие /.../⁵⁶

В следующем письме Савинкова к Прокофьевой начинает проглядывать его усталость, ощущение проигрыша в игре, которую он вел долгие годы. Савинков иронически задает вопрос: дописывать ли ему прежнюю картину его жизни или «выбросить всю мазню в печь, а самому уехать в Бразилию "пасти быков", или на Северный полюс, к д[окто]ру Куку, или в лоно нашего праотца Авраама»⁵⁷.

Однако Савинкову недолго пришлось обдумывать последствия своих показаний в ССК и грядущий выход ее доклада. 14 декабря 1910 до него доходит известие, заставившее на время забыть все мелочные разборки, чинившиеся в ССК. Он узнает из газет о смерти Егора Созонова. Потрясенный и страшно обеспокоенный за Прокофьеву, Савинков пишет ей: «Хочется написать Вам еще, но главное, хочется помолчать. Я все равно не сумею Вам сказать, как мне больно за Вас, а если бы и сумел, Вы этому не поверите. Знайте все-таки, что Ваше горе поистине мое горе, уже потому, что оно Ваше, но и не только потому»⁵⁸.

⁵⁶ ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.528. Л.30-31об.

⁵⁷ Там же. Л.32об.

⁵⁸ Там же. Л.40.

В ближайший месяц депрессивное состояние Савинкова все более углубляется. Он замыкается в кругу семьи, состоящей из его второй жены Евгении Ивановны Зильберберг (по первому браку Сомовой) и невестки жены К.К.Зильберберг с малолетней дочерью. Вскоре, в начале 1911, к ним переезжает жить и угасающая от туберкулеза Прокофьева.

Поход на террор со стороны руководства партии совпал с кризисом внутри возглавлявшейся Савинковым боевой группы. Один ее член — И.П.Кирюхин был изобличен как провокатор, на двух других — Я.Ф.Бердо и В.Коморского — пало подозрение в сотрудничестве с департаментом полиции. Совершенно измотанный нервно и физически, Савинков начинает мучить себя вопросом о собственной вине как руководителя БО, не смогшего организовать должным образом работу. «У меня иногда такое чувство, что я гнуснейшая бездарность. Тогда я не могу спать, не могу думать, не могу говорить»⁵⁹, — пишет он Прокофьевой. «Меня мучит совесть. Мучит за все несчастья и неудачи. Вся вина лежит, конечно, на мне. Не формальная только вина, гораздо хуже: я разбил корабль о подводные камни, как плохой кормчий, нерадивый и недалновидный»⁶⁰, — делится Савинков в те же дни с Прокофьевой своими горькими мыслями. Однако это обостренное чувство ответственности вряд ли имело под собой твердое основание. Прокофьева излагала Савинкову действительные причины краха последней БО: одиночество террористов дошло до последнего предела, если даже у них и остались силы для продолжения борьбы и шансы на победу, то все равно, любая их война с правительством превратилась в их личное дело. «Самая блестящая наша победа, — пишет она 27 января 1911, — обратится в наше поражение, в торжественные похороны того, за что мы начали воевать. Я похорон не хочу и чувствую — нужно, должно остановиться. Может быть, завтра же мы будем не так одиноки, может быть, завтра мы увидим то, чего не видим, не находим теперь; я не только допускаю, но и верю в это. Завтра же мы будем об этом говорить, завтра же и начнем все снова. Но сегодня нужно поставить точку»⁶¹. Становилось ясно, что боевая группа, в состав которой входили Е.Зильберберг, М.Прокофьева, Н.С.Климова, М.М.Чернавский, С.Н.Моисеенко, В.О.Фабрикант, — обречена. В начале 1911 остатки группы собрались к Савинкову, чтобы совершить то, чего хотело не только правительство Российской

⁵⁹ ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.528. Л.47об.

⁶⁰ Там же. Л.49.

⁶¹ Там же. Д.165. Л.31.

империи, но и многочисленные круги эсеровской партии, — «привести над нею своего рода хакакири — голосованием констатировать ее распадение»⁶².

В этих условиях измотанность Савинкова достигла апогея. Он пишет: «...я устал, какой-то столетней усталостью устал. Не знаю. Но что-то худо, какое-то колесо скрипит, неподмазанное»⁶³. В его душе разрастаются настроения, всегда тщательно скрывавшиеся от постороннего глаза, — ощущение вечной тяжести, которая уже давно легла на него — «мастера красного цеха». «У нас моза цветет. В лошинах лежит талый снег. В саду голубые ирисы. Море холодное, но синее и большое. В общем, — что-то странное, какое-то мартовья. Сосна и кактус, ирис и снег. Все равно как у меня в голове, какая-то чепуха-репейник, бурьян, крапива и иногда просияние ума — хочется кончить со всем однажды и навсегда»⁶⁴.

Однако в натуре Савинкова был заложен огромный запас сил, позволявший справляться со многими ударами судьбы. Конец террора не означал завершения жизни террориста Савинкова. Похороны его любимого дела, с усердием приготовляемые ССК, заставляли Савинкова, человека волевого и неординарного, искать новых путей для самореализации. Прокофьева верно угадывала, что Савинков переборет в себе и забудет нанесенные ему обиды, ибо он не может вести «инвалидное существование». Глубоко веря в этого человека, она писала ему в январе 1911: «Я знаю, что Вы — единственная надежда на будущее, на выполнение в будущем того, что никем не может быть сделано сейчас»⁶⁵. И действительно, жалобы Савинкова начинают перемежаться к концу января с предчувствием нового настроения, которое придаст смысл наступающему этапу в жизни. Он сообщает Прокофьевой: «Я, кажется, совсем оглупел, обессилел, гожусь разве что на растопку. А кроме того, писать хочется. Знаете, я вдруг возьму и буду писать»⁶⁶. Именно в эти дни Савинков приступает к работе над романом «То, чего не было», продолжавшейся более двух лет. Руководство ПСР, вытеснившее Савинкова с орбиты политического действия, заставило его окончательно овладеть иным ремеслом — он становится профессиональным литератором.

Между тем деятельность ССК вступила в свою завершающую фазу. Показания Савинкова принудили отложить печатание

⁶² Чернавский М.М. К характеристике Г.В.Плеханова // Историко-революционный бюллетень. 1922. №2/3. С.23.

⁶³ ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.528. Л.50об.

⁶⁴ Там же. Л.51-51об.

⁶⁵ Там же. Д.165. Л.31об.

⁶⁶ Там же. Д.528. Л.51об.

доклада на несколько месяцев, так как в текст пришлось вносить изменения, в основном фактологического характера, а также выражать на ряд савинковских тезисов. На плечи Блеклова легла нелегкая работа. Нужно было, оставив в неприкосновенности все основные посылки и выводы, сделать заключение по возможности более объективным. Некоторые положения, выдвинутые Савинковым, были оставлены без внимания, другие опровергались показаниями цекистов. В целом тон доклада был смягчен, и часть вины возлагалась на ЦК, действовавший до 1905. В несколько завуалированной форме подвергались критике М.Гоц и Гершуни, способствовавшие появлению Азефа в ПСР. Некоторые положения направлялись лично против Чернова, последнего возможного соперника Натансона в ПСР. Блеклов в письмах к Баху выражал свое удовольствие от того, что «удалось прощупать самую суть партийных отношений, познакомиться с их подоплекой»⁶⁷. Следствием этого направления работы ССК было фактическое устранение Чернова от дел; он вышел из состава редакции «Знамени труда» и в течение нескольких последующих лет не играл никакой роли в руководстве ПСР. К марту 1911 познакомиться с окончательным вариантом текста «Заключения» были приглашены члены Заграничной Делегации и бывшего ЦК. Им было предоставлено право ознакомиться с ним и сделать «фактические замечания». Этим правом воспользовались Аргунов, Ракитников, Рубанович и Чернов. Поправки впоследствии вышли в свет в качестве дополнений к основному тексту «Заключения», причем замечания Чернова были подвергнуты цензуре и сопровождалась резкими примечаниями ССК. В результате даже многие члены ЦК были возмущены тем, что их лишили возможности защиты и отказались выслушать по существу. Некоторые из них впоследствии отстранились от партийной работы.

Наконец, в первой половине апреля 1911 «Заключение Судебно-следственной Комиссии по делу Азефа» было опубликовано. Ответственность за Азефа была возложена на всех боевиков. Объявлялось, что у БО отсутствовала всякая идейная связь с партией, а в основе ее деятельности лежали задачи не общепартийного характера, а ведомственные интересы. Признавая моральную чистоту некоторых уже погибших членов БО, ССК констатировала, что БО «была учреждением надпартийным по своему положению и отчужденным по своему духу»⁶⁸.

⁶⁷ ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.59. Л.1.

⁶⁸ Заключение Судебно-следственной Комиссии по делу Азефа. [Париж], 1911. С.42.

Савинкову, фигурировавшему в «Заключении» под буквой Ц., инкриминировалось неуважение к высшим органам партии и абсолютная чуждость руководящему коллективу ПСР. В качестве примеров, иллюстрировавших эти положения, были взяты тенденциозно откомментированные отрывки из «Воспоминаний» Савинкова. Нападкам подверглись и некоторые другие члены БО. Особенно резко звучали обвинения в адрес Карповича, который конфликтовал с Натансоном еще с 1908. Конечные выводы «Заключения» откровенно несли на себе отпечаток личных побуждений весьма определенного круга лидеров ПСР. ССК полагала:

1) что партия с.-р., как социалистическая по существу, может отводить в своей деятельности террору лишь строго определенное место и не должна допускать развития террора за счет других отраслей партийной деятельности; 2) что, сообразно с этим, боевое дело, как и всякая другая отрасль партийной деятельности, должно быть поставлено в строго партийные рамки; существование надпартийных или даже внепартийных боевых организаций, пользующихся партийными силами и средствами /.../ абсолютно недопустимо; 3) что, в интересах партийной этики, необходимо избегать продолжительной специализации партийных работников на боевом деле⁶⁹.

По сути, это были вывернутые наизнанку основные тезисы савинковских показаний.

Члены ССК могли праздновать победу: подготовленная в их изложении история ПСР стала официальным документом, и допущенные в нем искажения стали общепринятыми на многие десятилетия. Однако, как это ни парадоксально, у каждого из членов ССК нашлись причины быть недовольными результатами работы. Бах в письме к Блеклову в апреле 1911 высказал мнение, что «первоначальный текст был ближе не только к объективной истине, но и к правде»⁷⁰. Впрочем, у Баха, как у автора этого варианта текста, имелись, видимо, резоны сожалеть, что из созданного им документа были устранены фактические неточности. Блеклов переживал по поводу появления в печати «фактических замечаний» членов ЦК, которые, по его словам, «присосались к докладу, словно какие-то насекомые, и во всяком случае к украшению его не служат»⁷¹. Он испытывал чувство неудовлетворенности и оттого, что, отказав членам ЦК в возможности защиты по существу, ССК потеряла право на резкость суждений, и ее доклад

⁶⁹ Заключение Судебно-следственной Комиссии по делу Азефа. Указ. изд. С. 95.

⁷⁰ ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.63. Л.2.

⁷¹ Там же. Л.1.

мало кого удовлетворил. Блекловские письма к Баху полны этой неудовлетворенности: «полтора года работы, нужно признаться в этом, как это ни горько, дали почти что нуль»⁷². Наиболее потерпевшим во всей этой истории оказался Иванов. Он испортил приятельские отношения со многими товарищами, не принявшими «Заклучения», и потерял возможность вернуться к партийной деятельности в прежнем кругу. Похоже, что тягостные lamentации членов ССК были запоздалыми и беспочвенными, поскольку в свое время они усердно вели дело именно к такому результату.

Какова же была реакция тех, чье прошлое анализировалось и оценивалось ССК? Сколь бы мрачные прогнозы ни строили боевики относительно содержания «Заклучения», его текст их просто ошеломил.

Савинков сразу по прочтении этого документа составил протест следующего содержания:

В редакцию «Знамени труда»

Судебно-следственная Комиссия по делу Азефа, учрежденная V Советом Партии социалистов-революционеров, постановила и опубликовала свое «Заклучение». III глава этого «Заклучения» устанавливает ответственность Боевой организации как партийного учреждения. Ввиду того, что:

Ни одному из бывших членов Боевой организации не было предоставлено даже и то право, которое Комиссия сочла возможным предоставить членам бывшего Центрального Комитета — право фактических к «Заклучению» поправок, — чем было нарушено равенство обвиняемых перед судом, мы, нижеподписавшиеся, бывшие члены Боевой организации, полагаем, что столь грубое нарушение элементарных судебных гарантий лишает «Заклучение» всякой моральной силы.

Вместе с сим мы протестуем самым решит[ельным] образом как против сущности опорочивающих Боевую организацию обвинений, так и против многочисленных намеков, умолчаний, извращений, противоречий и фактических неточностей, допущенных Судебно-следственной Комиссией в своем «Заклучении»⁷³.

Предполагалось, что этот протест должны подписать почти все находящиеся в эмиграции члены БО 1903—1911. Сразу дали свое согласие все, с кем Савинков работал в последние годы — Е.Зильберберг, М.Прокофьева, Н.Климова, С.Моисеенко, В.Фабрикант. Последний нашел, что «Заклучение» зафиксировало принципиальное поражение революции во всех ее элементах и усмотрел

⁷² ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.63. Л.1об.

⁷³ Там же. Ф.5831. Оп.1. Д.338. Л.44.

в его содержании «огромную моральную победу правительства!»⁷⁴ Самой показательной была реакция «родоначальника» российского политического террора XX века — Карповича. Он согласился дать свою подпись под протестом по прочтении «Заключения» и просил Савинкова поскорее выслать ему творение ССК. Мнение его, правда, уже сложилось: «...как хотите, Партия состоит из людей, а в этой Пар[тии] собралась дружная компания, с которой, по моему мнению, можно только ругаться или уйти, но делать с ними ничего нельзя. Эти господа, желая удержать власть (ха!) и обелить себя, льют грязь на других. Не довольно ли с Вас грязь, которой они уже столько лет забрасывают Вас? Плюньте, уйдите»⁷⁵. Получив «Заключение», Карпович писал: «...какая-то мелочно-мстительная злоба дышит в каждой строчке, направленной по отношению [к] БО, и старание оправдать ЦК во что бы то ни стало»⁷⁶. Карпович был согласен подписать любой протест, направленный против всех партийных учреждений, и его презрение к столпам ПСР достигает предела: «Право, я не знаю, что лучше, такие ли освободители, к[а]к Бах и С° [К°. — Р.Г.] или русское самодержавие. Ведь жандармы допрашивают, а эти господа по слухам оплевывают печатно людей, благо они безответны»⁷⁷. Карпович завидует всем умершим членам БО, не увидевшим, во что выродилась партия.

Тем временем Савинков просит Чернавского поспособствовать сбору подписей остальных членов БО, проживающих в Париже, и договориться с руководством ПСР о напечатании протеста. Савинков понимал, что Чернавский, участвующий в революционном движении еще 1870-х годов, кандидатура наиболее предпочтительная для этого непростого дела. Кроме того, у Савинкова, видимо, не было желания в очередной раз подставляться под удар. Чернавский, в своем мнении о «Заключении» полностью солидаризировавшийся с Савинковым, ответил согласием. В начале третьей декады апреля 1911 Чернавский встречается с находящимися в Париже бывшими боевиками и весьма быстро получает подписи К.Зильберберг, В.Смирнова и супругов Лазаркевичей — членов БО в 1907-1909. Н.Лазаркевич писал Савинкову 22 апреля 1911, что на всех беспристрастных людей «Заключение» производит удручающее впечатление, что «среди этой пенистой злостной болтовни следует указать на *фактические* неточности»⁷⁸, и говорит о

⁷⁴ ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.198. Л.44.

⁷⁵ Там же. Д.84. Л.15об.

⁷⁶ Там же. Л.18.

⁷⁷ Там же. Л.16.

⁷⁸ Там же. Д.103. Л.8.

своим чувством гадливости от чтения произведения, составленного ССК. Чернавский, не смогший разыскать только Б.Моисеенко, и фактически выполнив первую часть поручения Савинкова, понес протест в редакцию «Знамени труда», чтобы напечатать его в ближайшем номере. Встретивший его там Авксентьев предложил смягчить конец протеста и удержаться от обвинений членов ССК в мошенничестве и недобросовестности. Чернавскому эти соображения Авксентьева показались основательными, кроме одного пункта, касающегося фигуры председателя ССК: «...относительно Баха лично я убежден в подвохе и не прочь был бы выразиться самым резким образом»⁷⁹.

Однако 23 апреля 1911 обнаружилось обстоятельство, коренным образом изменившее всю ситуацию: Чернавский, встретившийся у Фондаминского с Б.Моисеенко, узнал, что последний протест не подпишет, так как это значит высечь самих себя. Фондаминский стал убеждать Чернавского апеллировать в высшие партийные инстанции — в ближайший Совет или Съезд партии, потому что решение V Совета, избравшего ССК, не должно быть, по мнению Фондаминского, ошельмовано. Б.Моисеенко полностью присоединился к мнению Фондаминского. Чернавский, обескураженный этой неудачей, совершенно справедливо в письме к Савинкову дал оценку создавшемуся положению: «...мне кажется, выпускать протест без подписи Б[ориса] Н[иколаевича Моисеенко] невозможно — это значит обнаружить разногласия в среде боевиков и лишить протест всякого значения»⁸⁰.

Уже совершенно измученного Чернавского 25 апреля 1911 ждал новый сюрприз. Авксентьев, доведший до сведения Натансона требование боевиков напечатать протест, сообщил его ответ: рядом с протестом необходимо напечатать ответ ССК, а так как ее члены разъехались из Парижа, то дело придется затянуть на неопределенное время. Интересно, знал ли Натансон, что Блеклов и Лункевич, находящиеся в Париже, имели несколько иную точку зрения, выраженную в письме Блеклова к Баху от 26 апреля 1911: «Комиссия совершенно отклоняет от себя какое-либо участие в вопросе о том, что делать с протестом»⁸¹, и предоставляли решение этого вопроса на усмотрение редакции «Знамени труда»? В тот же день Чернавский узнал от одумавшихся Лазаркевичей об их отказе подписать протест, ибо до этого с ними была только устная договоренность, а Н.Лазаркевич стал обвинять Чернавско-

⁷⁹ ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.218. Л.18об.

⁸⁰ Там же. Л.20.

⁸¹ Там же. Ф.1699. Оп.1. Д.61. Л.1об.

го в том, что тот не дал ему времени на размышление. В письме к Савинкову Лазаркевич высказался яснее — он начал опасаться, как бы боевиков не обвинили в том, что они «не хотят, мол, считаться с партийными органами и их постановлениями»⁸². Лазаркевич предлагал доработать и обосновать с фактической стороны все направленные против «Заключения» претензии. Однако для возражений по существу, для внушительного обжалования потребовалось бы учреждение чего-то вроде альтернативной комиссии с весьма продолжительным сроком деятельности. Лазаркевичи этого не могли не понимать, и их позиция, основанная на нежелании конфликтовать с партийными верхами, свидетельствовала о расколе, возникшем в среде бывших членов БО.

В те же дни Чернавский узнает, что ближайший номер «Знамени труда» сверстан и протест в него не попадет. Чернавский обдумывает возможность составления нового протеста с апелляцией к Совету партии, только лишь бы этот новый документ объединил всех боевиков — ведь совсем промолчать невозможно. Но, понимая бесперспективность и этой затеи, Чернавский почти в отчаянии пишет Савинкову:

По-моему, если разобрать положение строго, нас почти уже выбросили из Партии. Нас выбрасывает не только Комиссия, но и ЦК, который издает «Заключение», и Заграничная Делегация. Нам дают понять, — убирайтесь, мол, вон — даже самым способом опубликования знаменитого произведения. Заграничная Делегация, — очень будто бы тоже недовольная («Заключением»), — знакомится с ним еще до опубликования, члены ее делают возражения, шушукаются, но нам его не сообщают. Мало того, принимают в типографии драконовские меры, чтобы, Боже сохрани, кто-нибудь не узнал содержания «Заключения» раньше его выхода в свет. И в этом Делегация принимает активное участие. В сущности, острее нашего протеста должно быть направлено не против Комиссии, а, главным образом, против ЦК и Заграничной Делегации⁸³.

Чернавский охотнее всего готов подписаться по заявлению, где фиксировалось бы, что члены БО, фактически вышвырнутые из партии, отныне не считают себя членами оной, и уверяет Савинкова, что во всех возможных исходах он останется только с ним.

Савинков, трезво оценив ситуацию, отвечает Чернавскому, что протест снимается. У Чернавского вся эта история вызвала желание удалиться от любых партийных дел, и он называет Са-

⁸² ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.103. Л.9об.

⁸³ Там же. Д.218. Л.22.

винкову главного противника появления протеста на страницах печати, да, собственно, и закулисного дирижера «Заключения»: «...дело-то, как уже выяснилось, пустое: кроме лисьего хвоста Марка Андреевича [Натансона] в нем ничего нет»⁸⁴.

Нет ни малейшего сомнения, что независимо от противодействия со стороны органов управления ПСР, наиболее значительную роль в срыве протеста сыграл Б.Моисеенко. Какие же события предшествовали отказу Б.Моисеенко поставить свою подпись под протестом вместе с другими членами БО? Близкий друг Савинкова по вологодской ссылке — с 1902, Б.Моисеенко вступил в БО в июле 1904 по его рекомендации. Вплоть до своего ареста в июле 1906 Б.Моисеенко являлся одним из руководителей и координаторов БО наряду с Савинковым и Азефом. После полугодового заключения в Бутырской тюрьме Б.Моисеенко поехал за своей женой М.А.Беневской в Сибирь, где прожил до начала 1909 и скрылся, опасаясь после разоблачения Азефа репрессий в свой адрес. Не последней причиной его побега были и охладившиеся отношения с Беневской. Прибыв в 1910 за границу, Б.Моисеенко пытается восстановить свои прежние отношения с Савинковым, но Савинков, как свидетельствуют его письма к Прокофьевой, нашел, что Б.Моисеенко «стал грубоват и нечуток. Иногда нутром хочется его не видеть, хотя /.../ я его люблю»⁸⁵. Б.Моисеенко сближается с семьей Фондаминского, и о результатах этого общения Савинков сообщает Прокофьевой: «...я с головой в личных несчастьях Ицека [партийный псевдоним Б.Моисеенко. — Р.Г.]. Все у него запутанно, перепутанно и невыпутанно. Я волей-неволей оказался в курсе всех этих узлов, и беда еще в том, что я не могу одобрить, хотя ничего и не осуждаю»⁸⁶. В конце 1910 Б.Моисеенко делает предложение А.О.Фондаминской — жене И.И.Фондаминского, ближайшего и к тому времени единственного друга Савинкова из верхушки ПСР. Подробности этой любовной коллизии установить нелегко. Ясно только, что Савинков не одобрил поведения Б.Моисеенко, что осложнило их отношения друг с другом. Так, в конце 1910 Б.Моисеенко в письме к Фондаминскому жалуется на Савинкова, высадившего его ночью из машины на окраине Парижа за нанесенное, по мнению Савинкова, оскорбление. «Передайте Амалии Осиповне [Фондаминской], — пишет Б.Моисеенко, — что это первый случай для приложения ко мне мерок эстетического аристократизма, но что я

⁸⁴ ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.103. Л.23об.

⁸⁵ Там же. Д.528. Л.47.

⁸⁶ Там же. Л.50.

этого не боюсь»⁸⁷. Этот инцидент по инициативе Савинкова был вскоре сглажен, но, естественно, оставил неприятный след.

З.Н.Гиппиус, близко знавшая ситуацию внутри семьи Фондаминских, детально описывала Савинкову отношения в этом любовном треугольнике, которые для Б.Моисеенко окончились ничем. О Б.Моисеенко Гиппиус сообщала: «Вы [ориса] Н[иколаевича] любите, конечно, знаете лучше. Но скажу Вам, сколько раз я его ни видела, даже раз пыталась с ним говорить наилучшим образом, — ничего не могла открыть; наталкивалась, извините, на какой-то "болванизм". Он ходит и сидит утопленником, а в разговоре отвечает мимо»⁸⁸.

Б.Моисеенко, конечно, догадывался об этих пересудах за его спиной, и они ему не нравились. 18 апреля 1911 он выражает в письме к Савинкову недовольство, что тот вместе с Гиппиус вмешиваются в его личную жизнь.

А буквально через несколько дней Б.Моисеенко сообщает Савинкову о своем отказе подписать протест: «Я считаю невозможным, — писал Б.Моисеенко, — протестовать против суда, назначенного компетентным партийным установлением, против суда, компетенцию которого я сам признал, давая ему свои показания; протестовать после того, как суд этот очень неблагоприятно и отрицательно высказался о моей деятельности»⁸⁹. Б.Моисеенко заявлял, что составленный Савинковым протест содержит лишь голословные заявления от лиц, обвиненных и осужденных ССК. Чтобы уж совсем не выглядеть столь непривлекательно, он сообщает свое мнение о приговоре ССК: «Я считаю его несправедливым, необоснованным, неисчерпывающим, на меня он производит впечатление предвзятого суждения, которому Комиссия искала подтверждения в известных ей фактах»⁹⁰. Желая найти выход из положения, Б.Моисеенко предложил или апеллировать к Совету партии или идти по пути фактических поправок к выводам ССК. Об утопичности подобных проектов мы уже говорили.

Позже, в июле 1911, Б.Моисеенко единолично выступил на страницах «Знамени труда» с открытым письмом к членам ССК. В письме утверждалось, что вера в Азефа в среде БО покоилась на убеждении, что конспиративная работа в ПСР не должна быть сопряжена с недоверием к любому из товарищей. Отсюда выводилось и пренебрежительное отношение ЦК к поступавшим предостережениям против Азефа и то, что «из всех ослепленных чле-

⁸⁷ ГАРФ. Ф.6212. Оп.1. Д.31. Л.3.

⁸⁸ Там же. Д.5831. Оп.1. Д.126. Л.63.

⁸⁹ Там же. Д.134. Л.13об.

⁹⁰ Там же. Л.14об.

ны БО прозрели последними»⁹¹. Письмо выглядело довольно беспомощным. Позиция Б.Моисеенко, занятая им в этой истории, была вознаграждена — в 1911 он удостоивается чести войти в состав Заграничной Делегации.

Характеризуя свои непростые отношения с Б.Моисеенко, Савинков писал в июле 1911 Беневской: «С Борисом нам оказалось не по дороге. Писать об этом не буду, но прежнего Бориса я в нем не узнал. М[ожет] б[ыть], и он меня не узнал...»⁹²

После выхода в свет «Заключения» ССК ближайшее окружение Савинкова подготовило еще один протест, написанный рукой Е.Зильберберг, более узкого содержания. Он гласил:

В редакцию «Знамени труда»

Судебно-следственная Комиссия по делу Азефа в опубликованном ею «Заключении» установила ряд обвинений, касающихся как личности товарища Ц. [Савинкова. — Р.Г.], так и характера его деятельности в БО ПСР. Мы, нижеподписавшиеся бывшие члены БО ПСР, связанные общими традициями и личными отношениями почти со всеми погибшими и отсутствующими членами БО, имели честь работать с товарищем Ц. в разное время существования БО и были непосредственными участниками и свидетелями внутренней жизни организации.

Мы утверждаем, что установленные Комиссией обвинения лишены всякого основания, и тем более энергично протестуем против той части «Заключения», которая касается товарища Ц., что Комиссия имела все возможности выяснить истину и ими не воспользовалась⁹³.

Под протестом стоят лишь три подписи: Евгения Зильберберг, Мария Прокофьева, Н.Климова. Этот почти семейный характер протеста можно объяснить тем, что, видя безнадежность попытки пробить стену партийного непонимания, как было в случае с первым протестом, составители второго решили отказаться от продолжения сбора подписей под ним. Судьба этих двух, так никогда и не появившихся в печати протестов, ясно показывает, что руководство ПСР не было заинтересовано в привлечении общественного внимания к героическому прошлому партии. Это презрительное отношение к террору и к людям, принимавшим в нем участие, было вызвано не осуждением кровавых методов боевой практики как нравственно недопустимых и потенциально способствовавших появлению из глубин безбрежного революционаризма людей с опустошенным сердцем и выжженным мозгом, — а

⁹¹ Знамя труда. 1911. №37. С.16.

⁹² ГАРФ. Ф.102. ДП.ОО. 1906. Оп.235. Д.115. Т.2. Пр.15. Л.204.

⁹³ Там же. Ф.5831. Оп.1. Д.338. Л.42-43.

диктовалось элементарной логикой внутривнутрипартийной борьбы, ведшейся во имя политической карьеры.

Савинкова же, в данном случае, вместе с ненужными реквизитами, оставшимися от былой террористической деятельности, просто выбросили за борт. Свое отношение к «Заключению» и к истории с протестом Савинков с предельной откровенностью выразил в письмах к Фондаминскому. В мае 1911 он писал: «Меня, нас не столько оскорбило "Заключение", сколько отношение к нему товарищей, в том числе, в первую голову, Ицека, который поистине не ведаёт, что творит. Я, мы почувствовали свою глубокую отчужденность от Сенжарских /.../ и Ицеков. Вероятно, эта отчужденность и определит все наши дальнейшие к ним ко всем вместе и к каждому в отдельности отношения»⁹⁴. Чуть раньше, 25 апреля 1911, Савинков в пространном письме подробно излагает свою позицию:

С Ицеком я спорить не буду. Высший партийный Суд ошелмил не только лиц, но и целое партийное учреждение. Что делать ошелмленным. Вы говорите: апеллировать в установленном порядке. Но Вы, говоря это, знаете, знаете уверенно, что апеллировать, в сущности, некуда, что Съезд в близком будущем состояться не может, что апеллировать, в сущности, значит примириться с шельмованием, похоронить всякую возможность сказать не когда-нибудь, а сейчас, в момент шельмования, что шельмование это несправедливо и незаслуженно. De jure — Вы правы, de facto — Вы предлагаете фикцию. /.../ Для меня, для нас, для Ицека в прошлом — Учреждение — неотъемлемая часть Партии, и если Учреждение уничтожено — уничтожена Партия, если Учреждение опорочено — опорочена Партия. Для нас — высшие партийные интересы нераздельны с интересами Учреждения, где нарушаются одни, там неизбежно нарушаются и другие /.../ Мое, наше партийное убеждение не позволяет нам принять ту фикцию, которую, исходя из своего партийного убеждения, рекомендуете Вы. /.../ Что же нам делать? Апеллировать в Съезд — значит помириться на фикции. Выйти из Партии — значит признать моральный вес «Заключения». Но ведь это же совершенно неприемлемо со всех точек зрения /.../ Я думал, что нашел выход в виде протеста. Смешно говорить о том, что протестом мы сами сечем себя. Нас высекли товарищи, избравшие Бахов и Сенжарских, нас высекли товарищи, судившие нас, Араратские и Берги, нас секут сейчас те, кто, как Вы, говорит: апеллируйте в Съезд /.../ Я все это знал и все-таки составил протест. Почему? Потому что промолчать трудно, почти нет возможности, я почти не вправе молчать. Протест вызвал разногласия.

⁹⁴ ГАРФ. Ф.6212. Оп.1. Д.42. Л.21-21об.

Вот Ицек, например, написал, ему думается, вероятно, убедительное послание. Вот Фор [партийный псевдоним Н.А.Лазаревича. — Р.Г.] заколебался. Но протест имеет смысл лишь тогда, когда его подпишут все «бывшие люди». И один нежелающий может своим veto сорвать все дело. Я отказываюсь от протеста. Я, мы промолчали.

«Заключение» не только несостоятельно, оно недобросовестно. Я берусь доказать не только наличие намеков, умолчаний, извращений, но — простите еще раз — и инсинуаций. Но кому доказывать? Вышло так: оплевали все, оплевали всех, живых и мертвых. И ничего поделать нельзя. Вам, Илюша, то, что я написал, может быть, чуждо. В Ваших глазах Протест — «ошибка», Вы «настаиваете» и т.д. Но Вы в Учреждении не были, Вы не связаны кровно с ним, Ваша жизнь не прошла в этой, опорощенной теперь, работе⁹⁵.

Спустя несколько месяцев, в июле 1911, когда страсти затихли, Савинков так расценивал в письме к Е.Е.Колосову опыт происшедших событий: «Меня много травили. За личную жизнь. За "Коня бледного". За мою работу. Теперь с грязью смешали в С[удебно]-С[ледственной] Комиссии. Я не ушел из Партии. Я из нее без того, чтобы изменились мои убеждения, не уйду. Я имею право сказать, что люблю Партию»⁹⁶. Но партия, которой Савинков отдал почти десятилетие своей жизни, не была готова ответить ему взаимностью. Будущее было чревато новыми размолвками, и оно показало, что трудный «роман» Савинкова с ПСР не состоялся.

Завершая рассмотрение конфликта Савинкова с ССК, необходимо отметить, что он зеркально отразил состояние партии эсеров к 1911. Период «бури и натиска» в ее истории завершился, и она скатывалась к внутрипартийным интригам, склокам и не всегда чистым политическим маневрам. Кичиться былым авторитетом партии у руководства не было достаточных оснований — не нынешнее руководство его зарабатывало. Большинство членов ПСР замкнулось в агрессивную скорлупу партийщины, изгоняя свободный дух и живую мысль из своей среды. Окружающая жизнь не оценивалась ими адекватно, и их постигла удивительная участь — весь многообразный мир перестал для них существовать и сделался неинтересен. ПСР, толкующая свою идеологию как синтез индивидуализма и общечеловечности, на практике требовательно подавляла индивидуальность каждого члена партии. Любое инакомыслие теперь изгонялось из партийной среды, и именно

⁹⁵ ГАРФ. Ф.6212. Оп.1. Д.43. Л.14-18об.

⁹⁶ Там же. Ф.102. ДП.ОО. 1906. Оп.235. Д.115. Т.2. Пр.8. Л.369.

это явилось истинной причиной противодействия ропоту бывших боевиков, шедшему вразрез с интересами партийных боссов. Партия не в состоянии была переварить мятежника Савинкова и склонных к «ересям» его соратников по БО, жаждущих живого дела и протестовавших против партийной мертвечины.

Конкретные же последствия деятельности ССК в концентрированном виде выражены в письме Карповича от 1 июня 1911 к своим товарищам по переставшей существовать боевой работе: «Это удар для террора почище Азефа. Знаете, у меня шевелится подозрение, что члены С[удебно-следственной] К[омиссии] именно и преследовали цель — убить террор, а затем — как мне знакомы эти обвинения по отнош[ению к] БО — это именно голос старейшего члена ЦК [М.А.Натансона. — Р.Г.]. Гадко, противно»⁹⁷.

Конечно, оценивать исчезновение эсеровского террора из политической жизни дореволюционной России можно по-разному — это зависит от этических и идеологических установок.

Однако каковы бы ни были субъективные обстоятельства свертывания боевой деятельности — активное стремление отвлеченного моралиста Баха покончить с БО в целом, как со структурой, или же нетерпеливое желание «генерала от революции» Натансона единолично обосноваться наверху партийной иерархии, оттерев всех возможных конкурентов, — объективный факт должен быть зафиксирован: после окончания работы Судебно-следственной Комиссии партия эсеров с молчаливого одобрения ее руководства перестает практиковать центральный террор.

И в свете этих «успешных» усилий показания Савинкова приобретают особый смысл. В них голос Савинкова звучит как гимн умирающему террору, как лебединая песня боевого движения, как оправдание перед судом истории и немногих уцелевших, и навсегда умолкнувших бунтовщиков. Показания Савинкова — последний в истории эсеровского террора «панегирик» участникам безнадежной борьбы, слепцам и фанатикам — словом, всем тем, кто, по признанию Ивана Каляева, хотел свести свой идеал с неба своей души на землю.

⁹⁷ ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.338. Л.34.

Б.В.САВИНКОВ И БОЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПСР В 1909-1911

Публикация К.Н.Морозова

В августе 1909 Б.В.Савинков закончил свои знаменитые воспоминания словами: «Я стал готовиться к новой террористической кампании». Пятнадцать лет спустя, находясь во внутренней тюрьме ОГПУ СССР, в предисловии к ним Савинков писал: «Воспоминания не закончены. В них не хватает описания борьбы с провокаторами (арест Татьяны Цейтлин, произведенный нами в Париже в 1909 г. и др.), последней попытки покушения на царя и убийства Нач. Петр. Охр. Отд. Карпова (1909-1910 гг.). Но по памяти я дополнять не хотел. Материалы же, касающиеся этого периода БО, находятся за границей¹». Другими участниками и свидетелями этой последней страницы истории БО было написано весьма многое, лишь фрагментарно воспроизводящее данные события².

¹ В декабре 1924 Б.В.Савинков написал предисловие к своей повести «Конь бледный», а также предисловие и примечания к своим «Воспоминаниям». Его воспоминания вскоре были переизданы в Харькове под названием «Воспоминания террориста» с предисловием старого большевика Ф.Кона. Авторские предисловия и примечания до сих пор в научный оборот не введены, но в ближайшее время будут нами опубликованы. Хранятся они: ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.7а.

² См.: Чернавский М.М. В Боевой Организации // Каторга и ссылка. 1930. №8/9. С.26-65; Чернов В.М. Перед бурей: Воспоминания. Нью-Йорк, 1953; Его же. Савинков в рядах ПСР // Воля России. (Прага). 1924. №14/15. С.154-163; Лебедев В. Конец Савинкова // Там же. С.164-189; Тютчев Н.С. Заметки о воспоминаниях Б.В.Савинкова // Каторга и ссылка. 1924. №5. С.49-72; Горбунов М. Савинков как мемуарист // Каторга и ссылка. 1928. №40, 41; Колосов Е.Е. Правительство в борьбе с революцией: По поводу воспоминаний Н.С.Тютчева // Тютчев Н.С. В ссылке и другие воспоминания. Ч.П. М., 1925. С.176-183; Мережковский Д.С. 14 декабря: Роман; Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский: Воспоминания. М., 1991. С.433-437; Фигнер В.Н. Полн. собр. соч. Т.3. М., 1932. С.165-182; Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной комиссии Временного правительства. Т.3. Л., 1925; Н.М.[Ракитников Н.И.] Дело Петрова // Знамя труда (Париж). 1910. №25; К убийству полковника Карпова // Там же; Записки А.А.Петрова: К истории взрыва на Астраханской улице. Париж, 1910; Бурцев В.Л. Дело с-р А.А.Петрова // Иллюстрированная Россия (Париж). 1939. №21; Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1991; Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 1992. Из

Материалы, о которых упоминал Савинков, вернулись в Россию вместе с Пражским архивом и хранятся ныне в личном фонде Савинкова в ГАРФ. Наряду с документами из фонда И.И.Фондаминского — представителя БО ПСР в Заграничной Делегации ЦК ПСР, они составили основу данной публикации.

Разоблачение Азефа вызвало в России и в партии тяжелый шок. Без преувеличения можно сказать, что азефовщина имела для ПСР самые тяжелые последствия практически во всех областях партийной жизни, серьезно повлияв на все ее дальнейшее развитие. Первое следствие разоблачения Азефа проявилось сразу же: возникла настоятельная необходимость роспуска БО и отставки ЦК ПСР. В этой ситуации Савинков действовал быстро и решительно: он заявил ЦК ПСР о своем желании создать новую боевую группу и возглавить ее. Сам он объяснял этот поступок двумя причинами: «Во-первых, я считал, что честь террора требует возобновления его после дела Азефа: необходимо было доказать, что не Азеф создал центральный террор и что не попустительство полиции было причиной удачных террористических актов. Возобновленный террор смывал пятно с боевой организации, с живых и мертвых ее членов.

Во-вторых, я считал, что правильно поставленная, расширенная боевая организация, при отсутствии провокаторов, может, пользуясь старыми методами, явиться паллиативом в деле террора: при благоприятных условиях ее деятельность могла увенчаться успехом»³.

ЦК ПСР оказался в сложном положении. Савинков имел в партии множество недругов и пользовался славой «революционного бретера» и «кавалергарда». Его «Конь бледный», появившийся в январском номере «Русской мысли» за 1909, создал ему еще и репутацию оплевывателя революции, претендующего на роль «сверхчеловека». Несмотря на поддержку В.М.Чернова и Л.Э.Шишко, одоббивших этические поиски автора, в эмигрантских кругах раздавались голоса об изгнании Савинкова из партии. Поставив Савинкова во главе вновь создаваемой боевой группы, ЦК вызывал огонь на себя.

Большинство членов ЦК, если верить В.М.Чернову, были невысокого мнения об организаторских способностях нового главы БО⁴. С другой стороны, ЦК был ограничен в выборе людей, способных возглавить БО, — П.В.Карпович сразу после разоблачения Азефа отошел от всех дел; а талантливого организатора масштаба Г.А.Гершуни, М.И.Соколова (Медведя), А.Д.Трауберга и В.В.Лебединцева у партии в тот момент просто не было. Зато появлялась опасность, что оппозиционная ЦК группа «инициативного меньшинства» В.К.Агафонова и Я.К.Юделевского возьмет дело террора в свои руки⁵.

исторических исследований можно назвать следующие работы: Николаевский Б. История одного предателя: Террористы и политическая полиция. М., 1991. С.300-302; Морозов К.Н. Б.В.Савинков и Боевая Организация партии эсеров (1909-1911 гг.) // Россия и реформы: Сб. статей. Вып.2. М., 1993. С.94-113.

³ Савинков Б. Воспоминания террориста. М., 1991. С.269-270.

⁴ Чернов В. Савинков в рядах ПСР. Указ. изд. С.159.

⁵ См.: Революционная мысль (Париж). 1908-1909. №1-6.

В этих условиях ЦК из двух зол выбрал меньшее и поддержал инициативу Савинкова по созданию боевой группы, действующей под контролем ЦК. В январе 1909 ЦК ПСР принял постановление о роспуске БО ПСР и о создании «боевой группы, состоящей из членов ПСР под руководством С[авинкова]». ЦК признавал независимость группы в «вопросах организационно-технических», брал на себя обязанность указывать группе «объект ее действия» и обеспечивать ее деньгами и людьми, а также разрешал ей именоваться БО ПСР в случае «исполнения ею ее задачи». Постановление должно было оставаться в силе «впредь до того или другого исхода предпринятого БО дела и во всяком случае не более года»⁶.

Это постановление ЦК вместе с соглашением между Савинковым и V Советом партии в мае 1909 (текст соглашения не обнаружен. — К.М.) стало правовой основой деятельности БО и определило рамки ее взаимоотношений с ЦК ПСР.

В начале 1909 Савинков вел переговоры с представителем Военной организации ПСР В.И.Лебедевым о формировании БО из кадров Военной организации. Но ни самого Лебедева, ни его товарищей, сторонившихся Савинкова как «революционного бретера, не останавливавшегося и перед кулачной расправой», не устраивали те жесткие централистские принципы построения БО и беспрекословное подчинение ее руководителю, которые были заложены еще Азефом. Как вспоминал позже В.И.Лебедев, «этот план боевой, идейной, товарищеской организации» показался ему «настолько чудовищным, особенно тогда, после провала такого крупного "генерала от террора", как Азеф», что он «тут же ответил, что вряд ли сможет войти в организацию, построенную на подобных началах»⁷.

Савинков, действительно, сохранил жесткую иерархическую структуру БО и, пожалуй, в чем-то даже ужесточил дисциплину в ней. При разговоре с кандидатом в БО, который должен был иметь известное революционное прошлое, Савинков ставил два обязательных условия. Со слов члена БО М.М.Чернавского они звучали так: «Условие первое: группа придерживается строгой военной дисциплины. Если же его [Савинкова. — К.М.] распоряжения кому-нибудь кажутся неразумными, можно возражать, приводить доводы, но окончательное решение будет принадлежать ему — Савинкову, так как только на нем лежит ответственность перед ЦК. Второе условие: Савинков оставляет за собою право во всякое время исключить из группы любого члена без объяснения причин, если найдет их неудобным объяснять»⁸.

Последнее условие мотивировалось необходимостью исключения из БО тех ее членов, которых нельзя было исключить за провокацию из-за отсутствия прямых улик. (Как правило, революционеры располагали лишь косвенными). Кроме того, по-видимому, это условие было нужно Савинкову и как дополнительный властный рычаг: если у членов БО 1903-

⁶ См.: Савинков Б. Воспоминания террориста. Указ. изд. С.270; ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.326. Л.1.

⁷ Лебедев В. Конец Савинкова. Указ. изд. С.166.

⁸ Чернавский М.М. В Боевой Организации. Указ. изд. С.30.

1905 г. он пользовался огромным авторитетом, то в новую БО вошли люди, его (за редким исключением) не знавшие.

Помимо этого Савинков принял радикальные меры по конспирации БО. Надо полагать, что не в последнюю очередь его подтолкнуло к этому разоблачение провокатора, выставившего свою кандидатуру в члены БО ПСР. Весной 1909 в Париже, где Савинков осуществлял набор в БО, к нему обратился филер наружного наблюдения, приставленный для слежки за Савинковым руководством заграничной агентуры в Париже. Филер сообщил изумленному Савинкову о проникновении в БО трех человек, связанных с охранкой: двух кандидатов — Т.М.Цейтлин и ее сожителя М.И.Деева — и одного члена БО, фамилии которого он не знал. Как свидетельствуют материалы охранки, произведшей позже подробное служебное расследование, провалил провокаторов агент наружного наблюдения Лурих (настоящая фамилия его — Лейтис), который также оказал помощь В.Л.Бурцеву в фотографировании всех филеров заграничной охранки в Париже⁹.

В ответ на требование доказательств Лурих сообщил Савинкову о предстоящей встрече агентов со знаменитым Доброскоком и посоветовал Савинкову проследить за ними. При помощи Бурцева Савинков организовал слежку за Цейтлин и Деевым, которая полностью подтвердила выдвинутое против них обвинение. Т.М.Цейтлин (Цетлин; она же — Мария Цихоцкая) — секретный сотрудник Московского охранного отделения с 1907 и бывший офицер М.И.Деев, не связанный с охранкой, но знавший о двойной игре своей сожительницы, были арестованы боевиками и помещены на конспиративную квартиру в Париже.

В ходе допросов их вина была установлена, и на этой же квартире состоялся партийный суд с участием ряда руководителей партии и В.Л.Бурцева. Суд приговорил их обоих к смерти, но затем приговор был смягчен, и они были вывезены из Парижа. По дороге в Германию Цейтлин удалось скрыться от двух своих сопровождающих.

Тогда же в центральном органе ПСР — газете «Знамя труда» было опубликовано извещение о провокаторстве Т.М.Цейтлин и предостережение от каких-либо контактов с М.И.Деевым¹⁰. Осенью 1909 Т.М.Цейтлин по инициативе руководителей Департамента полиции ходатайствовала о возбуждении уголовного дела против парижских эсеров. Но опасения охранки, что это дело обернется политическим скандалом, заставили спустить его на тормозах. В 1913 Департамент полиции установил, что Т.М.Цейтлин ведет двойную игру, снабжая Бурцева информацией, и что это якобы является платой за сохранение ей жизни. Дальнейшая ее судьба неизвестна, как неизвестна и судьба М.И.Деева.

Третий боевик, на которого указал филер, имел прочную заслуженную репутацию видного террориста и ни в чем уличен не был. Анализ писем помощника главы БО в 1907-1908 П.В.Карповича, примечаний Савинкова к его «Воспоминаниям» и мемуаров В.Н.Фигнер позволяет идентифицировать этого боевика как «Николая», «Панова», настоящая

⁹ ГАРФ. Ф.102. ДП.ОО. 1909. Д.189. Л.15-17, 65-69, 98.

¹⁰ Знамя труда (Париж). 1909. №17. С.18.

фамилия которого Суховых. Он участвовал ранее в покушении на начальника каторги Бородулина, а также сопровождал Савинкова и Чернова во время их последнего визита к Азефу.

Никаких улик против «Николая», кроме указаний филера, у Савинкова не было, и он обратился к Карповичу, хорошо знавшему «Николая». Вернувшись после обсуждения этого дела в Париже в Лондон, Карпович писал Савинкову: «Мои замечания поняли черт знает как, посему шлю Вам разъяснение, которое передайте в жандармское управление [Вероятно, речь идет о Следственной Комиссии при ЦК ПСР. — К.М.]. Никаких фактов, могших вызывать у меня *подозрение* в его виновности, я не узнал; наоборот, никаких ведь фактов нет — ни одного факта вообще»¹¹. Ввиду невыясненности ситуации «Николай» отошел от работы в БО.

Необходимо отметить, что по «делу Николая» ясности нет до сих пор. Оно разбиралось Следственной Комиссией при ЦК ПСР и по требованию Николая ему был представлен ряд пунктов, вызывавших сомнение у Комиссии. По крайней мере, в августе 1909 ЦК ПСР констатировал в своем постановлении недостаточность оснований для его реабилитации и принял решение продолжить следствие. Проверка нами картотеки провокаторов, хранящейся в ГАРФ, на фамилии Панов и Суховых результатов не дала.

Набор кандидатов в БО велся Савинковым в Париже совершенно открыто. Все члены старой БО и члены ПСР имели право подать заявление о приеме. Пользуясь этой открытостью, охранка энергично пыталась внедрять в БО провокаторов: агентам, находившимся в эмиграции, было рекомендовано выставить свои кандидатуры в БО ПСР. Так, весной 1909 максималист Мовша Рипс, завербованный в конце 1908 начальником московской охранки, получил от своего шефа приказ о вступлении в БО ПСР. Раскаявшийся Рипс сознался своим товарищам-максималистам и пытался застрелить приехавшего к нему за границу фон Коттена¹². Дело получило широкую огласку, Рипса судили и оправдали, а престиж израненного фон Коттена только вырос в глазах его начальства.

Кроме того, охранка установила жесткое наружное наблюдение за всеми членами организации. Из России в Париж были командированы опытные филеры, получившие приказ о круглосуточной слежке за Б.В.Савинковым¹³. По просьбе Савинкова Бурцев с помощью М.Е.Бакая устроил охоту на филеров (часть из них была перевербована) и публиковал в парижских газетах их фамилии и адреса.

Закончив формирование БО, Савинков поодиночке отправил ее членов ночью в Англию и, собрав их вместе, начал подготовку к предстоящей работе. За границей все члены БО имели чужие иностранные паспорта, жили одной колонией под прикрытием тщательно разработанной легенды. Местонахождение БО было тщательно законспирировано, ее адрес знал только один человек в партии — И.И.Фондаминский, представитель

¹¹ ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.84. Л.7-8.

¹² ГАРФ. Ф.102. ДП.ОО. 1909. Д.189. Л.51-54.

¹³ Там же. Д.238. Л27, 60, 71.

БО в Заграничной Делегации ЦК ПСР. При малейшем намеке на слежку Савинков менял местонахождение, паспорта и легенду боевиков. Сколько всего было таких переездов, установить сложно, но, видимо, не менее пяти-семи.

Сохранился черновик письма (кон. января 1910), в котором Савинков ругал Фондаминского за то, что тот сообщил о местопребывании БО двум лицам: «Как бы я ни верил В-у и Э-у [оба были приняты в БО, а затем исключены Савинковым. — *К.М.*], это принципиально недопустимо. Я не мирился с тем, что люди *догадывались о стране*, в которой я живу, как же я помирюсь с тем, что люди *знают город*, в котором я нахожусь. Придется уезжать и из Флоренции»¹⁴. Незадолго до того, находясь в Милане, Савинков заподозрил слежку за членами своей организации. Готовясь к эвакуации, которая задерживалась из-за отсутствия денег, он послал человека в Париж со следующим заданием: «1) увезти из Милана наши чемоданы, переделать их и конспиративно привезти их обратно 2) привезти денег»¹⁵.

Для поездок членов БО в Россию разрабатывались сложные и хитрые маршруты, делавшие слежку практически невозможной. В России члены БО получали от Савинкова адреса третьих лиц для переписки с ним, затем эти письма попадали к И.И. Фондаминскому и только потом — к Савинкову. Иногда чрезмерность конспирации приводила к курьезным случаям. Эмиссар Савинкова, возвращавшийся из России, не знал, где находится БО, и, перейдя границу Германии, поехал в Антверпен, где его ждало письмо «до востребования» с указанием времени встречи в местном кафе. Сразу же после его свидания с другим членом БО они оба срочно поехали обратно в Германию, в Нюрнберг, где их уже давно ждали¹⁶.

На высокий уровень поставил Савинков и паспортное дело. Он считал опасным заказывать документы через партийное паспортное бюро, т.к. если даже два-три паспорта прошли бы через руки провокатора, вся группа была бы сразу же взята под контроль охранки. Закупив через русского посольства чистые бланки паспортов, Савинков летом 1909 отправил члена БО в Россию с поручением привезти данные с надежных прописанных паспортов, необходимые для того, чтобы подделанные паспорта боевиков могли выдержать запрос полиции по месту их выдачи.

К середине лета 1909, закончив набор кандидатов в БО, Савинков перевез их на остров Джерси в проливе Ламанш, где для них была организована динамитная школа. В процессе обучения Савинков хотел получше присмотреться к членам БО.

В конце лета — начале осени 1909, несмотря на все кадровые и финансовые затруднения, Боевая Организация была сформирована в количестве 11-13 человек, хотя первоначально Савинков планировал набрать около 20. Большая часть членов БО жила вместе с Савинковым на острове Джерси, другая ее часть была отправлена в Россию с различными поруче-

¹⁴ ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.351. Л.77.

¹⁵ Там же. Л.68.

¹⁶ Чернавский М.М. В Боевой Организации. Указ. изд. С.39.

ниями. В этот момент в БО помимо ее главы входили его жена — Е.И.Зильберберг; невеста Е.С.Созонова — М.А.Прокофьева; видный эсер, бывший одно время членом ЦК, — С.Н.Слетов; В.О.Фабрикант; С.Н.Моисеенко — младший брат известного боевика Б.Н.Моисеенко; член старой БО М.М.Чернавский (самый старший по возрасту член БО — в революционном движении он участвовал еще со времен «Народной Воли»); член старой БО Л.А.Либерман; член старой БО Ян Бердо и самый молодой боевик — Вацлав Коморский. Кроме того в БО входили еще двое нам неизвестных, отчисленных вскоре Савинковым.

План действий, насколько можно понять из отрывочных данных, предусматривал деление организации на два отряда — наблюдательный и боевой. Осенью 1909 наблюдательный отряд должен был быть направлен в столицу России и, выполнив задание, вызвать к себе оставшихся боевиков во главе с Савинковым. Но пока шло обучение боевиков в динамитной школе на острове Джерси, а также велась подготовительная работа эмиссаров Савинкова в России, внезапно появилась возможность устроить террористический акт против одного из «гениев сыска» — генерала А.В.Герасимова.

Речь идет о широко известном «деле Петрова», единственном террористическом акте БО, доведенном до конца, и вызвавшем громкий скандал как в российском обществе, так и в эсеровской партии.

Александр Алексеевич Петров — народный учитель в Вятской губернии, член ПСР с 1902 (по данным Департамента полиции и собственным показаниям — с 1906), зарекомендовавший себя талантливым крестьянским пропагандистом, работал с конца 1905 в Казани в боевой дружине. По свидетельству Б.В.Бартольда, Петров пользовался большим авторитетом и хотя не состоял членом губкома партии, был хорошо осведомлен о его работе. За плечами Петрова было четыре ареста, два судебных приговора и побег из Глазовской тюрьмы. В Казани он принимал прямое участие в двух экспроприациях и косвенное — в покушении на вице-губернатора Кобеко. В результате взрыва в партийной динамитной лаборатории он лишился ноги, был схвачен полицией и приговорен к 4 годам каторги. Бартольд организовал ему побег из Вятской тюрьмы и отвез его за границу, где на свои деньги лечил в течение года. В конце 1908 они оба в составе группы О.С.Минора приехали в Саратов, где вошли в состав Поволжского Областного комитета, образованного из членов этой группы¹⁷.

По доносу провокатора 2 января 1909 группа была арестована. Через полтора месяца в Саратовской тюрьме Петров дал согласие на сотрудничество с охранкой, поставив следующие условия: сохранение в тайне его настоящего имени (он был арестован как Филатов), устройство ему побега, выплата ежемесячного жалования в 1000 рублей, всевозможные послабления в дознании по делу Б.В.Бартольда¹⁸. Данные им начальнику

¹⁷ См.: К убийству полковника Карпова. Указ. изд. С.6; ГАРФ. Ф.102/6с. Оп.1. Д.175. Л.110б.-12; ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.514. Л.40б.-5.

¹⁸ ГАРФ. Ф.102/6с. 1909. Оп.1. Д.175. Л.120б.

Саратовского ГЖУ полковнику Семигановскому устные показания о ряде уцелевших подпольщиков и типографии обкома были перепроверены последним и оказались, по его словам, верными. Письменные же показания Петрова пропали, но по отзывам А.В.Герасимова и Е.К.Климовича, являлись малоправдоподобными и «фантастичными»¹⁹. Директор Департамента полиции М.И.Трусевич категорически возражал против вербовки Петрова на его условиях и требовал дачи «откровенных показаний» и прошения о помиловании, ибо в противном случае «выпуск его равносителен освобождению каторжника и возвращению в партию сильного террориста, причем с момента освобождения он вовсе уходит из рук властей, не будучи связан письменным заявлением или другою важною уликою в измене партии»²⁰. Семигановский, отправляя Трусевичу копию собственноручных показаний Петрова и выписку, составленную ротмистром Мартыновым с его слов, категорически утверждал: «Оба эти документа являются несомненно доказывающими как причастность самого Филатова [настоящее имя Петрова жандармам было известно еще до переговоров с ним. — К.М.] к серьезным преступлениям, так и его измену партии социалистов-революционеров»²¹.

Отрицательное отношение Трусевича и Климовича к вербовке Петрова было проигнорировано руководством МВД, крайне нуждавшимся в сотруднике, способном осветить деятельность БО ПСР. П.Г.Курлов дал указание об организации побега Петрова и приеме его в секретные сотрудники. Побег состоялся в мае 1909. Прибыв в начале июня в Петербург, Петров встретился с новым своим руководителем полковником Карповым, назначенным на пост руководителя столичной охраны вместо А.В.Герасимова, и получил от него 1000 руб. Герасимов вручил Петрову такую же сумму и познакомил его со своим связным ротмистром Долговым, который одновременно с Петровым должен был выехать за границу.

Существует несколько версий как обстоятельств вербовки и побега Петрова, так и дальнейшего хода событий. Их подробному разбору мы посвятили отдельную работу²². Сам Петров настаивал на том, что вступил в связь с охранкой для раскрытия ее планов и разоблачения провокаторов. Такая трактовка событий легко опровергается документами ДП и показаниями лиц, имевших отношение к вербовке Петрова, но эсерами была официально поддержана. Посвященный во все детали этого дела В.Л.Бурцев дал согласие сохранить историю в тайне в обмен на обещание Петрова убить А.В.Герасимова. Кроме Бурцева и Бартольда история была известна Б.В.Савинкову, И.И.Фондаминскому и С.Н.Слетову.

Попытки выманить генерала с помощью Петрова в Финляндию, где в покушении должен был принять участие сам Савинков, сорвались. Тог-

¹⁹ ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.513. Л.40об.; Герасимов А.В. На лезвии с террористами. Указ. изд.

²⁰ ГАРФ. Ф.102/6с. 1909. Оп.1. Д.175. Л.14-15.

²¹ Там же. Л.16.

²² Морозов К.Н. Загадки «дела Петрова»: Был ли у Богрова предшественник? — в печати.

да в конце ноября 1909 Петров приехал в Петербург и стал уверять своего непосредственного полицейского руководителя полковника Карпова в том, что Герасимов склоняет его, Петрова, устроить покушение на Курлова и Карпова. Для проверки этого Карпов снял для Петрова конспиративную квартиру, где тот должен был встретиться с Герасимовым при тайном присутствии ряда высших чинов ДП. Случилось, однако, так, что на этой квартире Петров оказался лишь наедине с Карповым, которого и взорвал там в ночь на 9 декабря, попытался скрыться, но был схвачен.

На допросах и на суде Петров вновь настаивал на причастности Герасимова к этому делу. 9 января 1910 Петрова приговорили к смерти и через четыре дня повесили. Служебное расследование против Герасимова было спущено на тормозах²³, но Курлов воспользовался этой историей для компрометации Столыпина в глазах царя²⁴, в результате чего Герасимов попал в опалу²⁵.

Дело Петрова вызвало в эсеровской партии громкий скандал и больно ударило по Савинкову.

Савинков возлагал большие надежды на этот террористический акт, имея в виду моральную реабилитацию террора. И хотя дело Петрова, с прагматической точки зрения, было явной удачей, т.к. были устранены два серьезных полицейских противника (Карпов убит, а скомпрометированный Герасимов попал в опалу) и правительство вновь, как и с делом Азефа, попало в неприглядное положение (дело Петрова обсуждалось в Думе), о моральной реабилитации террора говорить не приходилось. Весть об участии в террористическом акте провокатора вызвала в партии множество толков и протестов. Вновь в глазах многих террор связывался с провокацией. Азевовщина оставила такой след в сознании людей, что предполагаемая польза от террористического акта совершенно обесценивалась самим фактом участия в нем провокатора. В своей объяснительной записке руководству партии Савинков пытался снять с себя, Фондаминского и Слетова обвинения в аморальности использования провокатора в террористическом акте.

Но аргументы Савинкова не были восприняты. Руководство партии, пытаясь выбрать из щекотливого положения, дало недостоверную информацию о деле Петрова. В сопроводительной записке неизвестного чекиста к одному из вариантов «Сообщения ЦК о деле Петрова», посы-

²³ Падение царского режима. Указ. изд. Т.3. С.481.

²⁴ Всеподданнейший доклад, составленный заведующим Особым отделом ДП С.Е.Виссарионовым, повторяя слова Петрова на суде, содержал следующую фразу: «...существует наряду с этим и другая группа, опирающаяся на неизвестную сильную руку. Исполнителем воли этой группы является генерал Герасимов и его ближайший помощник Доброскок. Эта группа стремится завоевать себе право на розыск и идет к своей цели, не стесняясь никакими средствами и даже не останавливаясь перед убийствами» (ГАРФ. Ф.102/6с. Оп.1. Д.458. Л.24-28). Из показаний Петрова и прямого свидетельства Герасимова в 1917 ясно, что под «сильной рукой» подразумевался Столыпин (Там же. Л.21об.-22; Падение царского режима. Указ. изд. Т.3. С.21).

²⁵ ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.513. Л.52-76об.

лаемого в «Знамя труда», заявлялось: «мы /.../ *всцело* основываемся на той позиции, которую занял на суде Петров, — это лишь буквальное повторение его слов. Его позиция на суде совершенно покрыла все те неточности и ошибки, которые в этом деле нами были сделаны»²⁶.

В ЦО партии была опубликована статья одного из трех его редакторов Н.И.Ракитникова «Дело Петрова». Действия Фондаминского, Слетова и Савинкова по приданию этому террористическому акту партийного характера были признаны ошибочными. По мнению руководства партии, выраженному Ракитниковым, необходимо было заявить Петрову об исключении его из партии и, не объявляя его провокатором, помочь ему как частному лицу техническими средствами в его личном предприятии против охраны²⁷.

Ряд эсеровских организаций осудил ЦК ПСР за его участие в деле Петрова²⁸, а Следственная комиссия при ЦК подала в ЦК заявление о «сложении своих полномочий» в связи с сокрытием от нее документов по этому делу, а также тем, что «заявление Делегации от 1 декабря 1909 г. совершенно не соответствует действительному поведению ее»²⁹.

В другом своем заявлении члены Следственной комиссии, рассмотрев предложенные им материалы по делу Петрова, пришли к выводу о том, что сообщенные Петровым охране действительные и вымышленные факты и имена «могли быть вредны как отдельным представителям партии, так и партии в целом». Проанализировав письма Петрова охранникам Герасимову, Долгову и Доброскоку, написанные им «под диктовку членов партии» (публикуемые ниже черновики письма и телеграммы Герасимову написаны рукой Савинкова), Следственная комиссия констатировала, что сообщались и верные сведения. «Сведения эти, — гласило заявление, — касающиеся, например, Савинкова в части своей, к сожалению, несомненно, соответствовали действительному положению вещей (например, утверждение, что "появление Савинкова снова на работе вызывает во многих сильное неудовольствие...", что "Савинков злоупотребляет своим положением 'нужного' человека и третирует Партию и диктует свои условия, не идя ни какие уступки")». Члены комиссии заявляли, что не представляя себе, по каким мотивам и причинам партии может быть выгодна осведомленность охраны о положении дел в партии. Вывод комиссии гласил: «Следственная комиссия не считает возможным в переживаемое Партией крайне тяжелое и смутное время поднять вопрос о формальном следствии над этим делом. Но тем не менее она считает своим долгом выразить как свое горестное изумление по поводу возможности таких фактов, так свое глубоко отрицательное отношение к приемам подобного рода, дискредитирующим не только тех, кто к ним прибегает, но и всю Партию»³⁰.

²⁶ ГАРФ. Ф.6212. Оп.1. Д.95. Л.119-121.

²⁷ Н.М. Дело Петрова // Знамя труда. 1910. №25. С.3-6.

²⁸ Спиридович А.И. Революционное движение в России. Вып. II: Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1916. С.466-467.

²⁹ ГАРФ. Ф.6212. Оп.1. Д.95. Л.39.

³⁰ Там же. Д.91. Л.1-1об.

Являясь сторонником технических новинок в террористическом деле, после разоблачения Азефа Савинков был вынужден согласиться с использованием старых методов, уже практиковавшихся БО, против которых он прежде так активно выступал. Но оставаясь, по его собственным словам, «при прежнем мнении о технических изобретениях как о единственном пути, который может поднять террор на должную высоту»³¹, Савинков не оставил попыток использования технических новинок в деле террора.

Работа С.И.Бухало по созданию аэроплана, начатая еще по инициативе Азефа, была при поддержке Савинкова продолжена с начала 1909. В Штутгарте была оборудована мастерская, и Бухало уже приступил к монтажу своего аппарата, но в середине—конце 1910 из-за отсутствия денег работа остановилась. Письма Бухало Савинкову позволяют проследить дальнейшее развитие событий. Попытки конструктора продолжить строительство аэроплана своими силами провалились. После долгих колебаний он заключил контракт с местным промышленником-миллионером, выговорив право на использование аэроплана в течение полугода после постройки для агитации против применения аэропланов в военных целях. Одно из последних писем С.Бухало Савинкову, датированное августом 1913, полно горечи и отчаяния: «работал для России, получит Пруссия; работал для мира, получит военное ведомство»³².

Рассматривался Савинковым и проект подводной лодки, представленный неизвестным автором в марте 1909. Она должна была иметь следующие характеристики: длина 6 м, диаметр 2 м, водоизмещение 11 тонн, погружение до 30 метров, экипаж 3 человека, наличие динамомашин, бензомотора и ручного двигателя. Проектом предусматривался способ доставки от места строительства (Лондон) к месту действия (Петербург) и способ хранения лодки до и после ее применения. Вооружение должно было состоять из четырех стокилограммовых мин, прикрепляемых к днищу корабля противника и взрываемых с помощью электрокабеля с расстояния в 200-300 метров. Столь сложный способ подрыва использовался для исключения возможности спасения экипажа с тонущего корабля, что неизбежно при использовании торпед³³.

По агентурным данным, проект разрабатывался для организации царевубийства и оценивался в 80 тыс. рублей, из-за чего и был отклонен³⁴. Возможно, какую-то роль в отклонении этого проекта сыграло и то, что в результате этого теракта погиб бы весь экипаж атакуемого судна.

Оценивая попытки технической модернизации террористической деятельности, можно говорить об их несерьезности и непрактичности. Огромная стоимость и многочисленные изъятия этих проектов требовали многомесячной доводки и совершенно не снимали с повестки дня основной вопрос — наличие в БО провокаторов, усилиями которых обреченным становился любой акт, совершаемый ли с помощью бомбы или с помощью аэроплана.

³¹ Савинков Б. Воспоминания террориста. Указ. изд. С.269.

³² ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.38. Л.58.

³³ Там же. Д.371. Л.3-18.

³⁴ ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1909. Д.238. Л.18об.

В конце осени 1909 из Нюрнберга в Петербург отправилась группа из восьми боевиков для постановки наблюдения за царем, вел.кн. Николаем Николаевичем и П.А.Столыпиным. Возглавлял этот отряд Ян Бердо. Боевики-извозчики должны были знакомиться с городом и по возможности собирать сведения о трех лицах, намеченных в качестве возможных жертв покушения. Планировался скорый приезд Савинкова с группой метателей, но он по непонятным для отряда причинам задерживался.

Благодаря провокатору Кирюхину, начальник петербургской охраны фон Коттен был в курсе всех дел боевиков. Во время пребывания отряда наблюдателей в Петербурге был арестован и стал давать показания (если верить словам фон Коттена) один из его членов Л.А.Либержман. Его арест был, судя по всему, случайностью (по наведенным эсерами справкам, он был арестован на улице при выходе из дома жены)³⁵, но чтобы уберечь от разоблачения на суде секретного сотрудника охраны, арестованного Либержмана просто в административном порядке отправили в бескрайние просторы Сибири.

Савинков по косвенным признакам заподозрил наличие в организации провокатора и в середине марта 1910 отозвал отряд за границу. Полиция, опасаясь провала своего секретного сотрудника, позволила членам отряда беспрепятственно покинуть Россию.

Собрав всю группу в Лондоне, Савинков объявил ее распушенной и вновь набрал ее в прежнем составе за исключением Вацлава Коморского (псевдоним — Миша Садовник). Сомнений в политической честности Коморского ни у Савинкова, ни у других членов БО не было. Вацлав Коморский был самым молодым членом организации, но на нелегальном положении находился уже с 1906, когда, будучи еще гимназистом, совершил террористический акт против директора Тульской гимназии³⁶. Из БО он был исключен за неуравновешенный, малоуправляемый характер и за странный инцидент с порчей паспорта (он засунул его за голенище сапога, от чего протерлась дырка на месте одной из цифр номера паспорта). Чернавский, работая в Петербурге под видом извозчика в одной паре с Коморским, однажды увидел того сильно навеселе и наутро сделал ему замечание, за что был послан «очень далеко». После резкого письма Чернавского Савинков прислал Фабриканта, и конфликт был улажен³⁷.

Чернавский, чувствуя себя виноватым, протестовал против исключения Коморского из БО, но Савинков настоял на своем. Но, отправляя В.Коморского к Фондаминскому, Савинков писал последнему в апреле 1910: «Мы расстались с ним, как товарищи, в общем он честно исполнял то, за что взялся... Посчитайтесь с этим и поддержите его. Я боюсь, он не выдержит [Коморский уезжал в Париж со слезами на глазах. — К.М.] и начнет пьянствовать. Ему необходима моральная помощь. Только Вы можете дать ему ее и в этом моя к Вам просьба — будет очень жаль, если мальчик собьется с пути»³⁸.

³⁵ ГАРФ. Ф.6212. Оп.1. Д.83. Л.10.

³⁶ ГАРФ. Ф.102. ДП.ОО. 1909. Д.238. Л.47.

³⁷ Чернавский М.М. В Боевой Организации. Указ. изд. С.44.

³⁸ ГАРФ. Ф.6212. Оп.1. Д.43. Л.4.

Ожидая новых паспортов, группа поселилась в английском городке Ньюкэй и продолжала искать провокатора. М.М.Чернавский называл этот период одним из самых мрачных, самых тяжелых моментов в своей жизни. Летом 1910 подозрения пали на Яна Бердо, бывшего чуть ли не «правой рукой» Савинкова (он составлял маршруты для ехавших в Россию боевиков и руководил отрядом наблюдения в Петербурге).

Отношения испортились после того, как Бердо обвинил Савинкова в шулерстве во время карточной игры. (Играть в винт «на интерес» стали после того, как Савинков исчерпал свои запасы рассказчика). Основу же подозрений в провокаторстве составило трехчасовое опоздание Бердо на свидание с Савинковым в Париже. По мнению всех членов БО, Бердо был не в бане, как он утверждал, а в русском посольстве.

Недостаточность улик для обвинения Бердо в провокаторстве заставила Савинкова исключить его из БО в июне 1910 «без объявления причин». Еще не понимая причин своего исключения, Бердо пытался апеллировать к товарищам по организации и к Фондаминскому, однако безуспешно³⁹. 7 ноября 1910 при посредничестве В.М.Чернова состоялась встреча Бердо с двумя членами БО, одним из которых был Савинков. Бердо узнал о подозрениях в свой адрес. Встреча должна была быть продолжена на следующий день, но Ян Бердо, написав прощальное письмо товарищам по БО, застрелился⁴⁰. Это самоубийство потрясло Савинкова и других членов БО и серьезно поколебало их уверенность в виновности Бердо.

Однако в 1924, отвечая на упрек В.М.Чернова в неудачах БО в 1909-1911, Савинков объяснял их наличием в ней двух провокаторов — Яна Бердо и Кирюхина. После революции 1917 В.М.Зензинов и Е.Е.Колосов, глухо сославшись на архивы ДП, также обвиняли Бердо в секретном сотрудничестве (Колосов назвал провокатором также и Коморского). Вынужденный капитулировать перед ссылками Колосова на архивы⁴¹, М.М.Чернавский все же выражал сомнения в провокаторстве Коморского и отчасти Яна Бердо⁴².

Анализ материалов ДП, проведенный нами, позволяет утверждать, что ни Ян Бердо, ни В.Коморский секретными сотрудниками охраны не были. По документам ГАРФ видно, что в 1909-1910 полицией велся активный розыск Яна Бердо и В.Коморского⁴³, в то время как о действительном провокаторе И.П.Кирюхине не было ни одного упоминания. Кроме того, они оба отсутствуют в картотеке и книге провокаторов, составленных уже в 1920-е, где зафиксированы с величайшей тщательностью не только секретные сотрудники, но и лица, давшие «откровенные показания». Имеются также указания начальника московской охраны

³⁹ ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.340. Л.1-19.

⁴⁰ Там же. Л.20-20об.

⁴¹ Горбунов М. Савинков как мемуарист // Каторга и ссылка. 1928. №41. С.169-171.

⁴² Чернавский М.М. В Боевой Организации. Указ. изд. С.34.

⁴³ ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1909. Д.238. Л.235об., 438; Там же. 1910. Д.237. Л.9; Там же. 1910. Д.238. Л180об., 34-34об., 47.

фон Коттена о наличии в БО только *одного* провокатора⁴⁴. Существует также еще ряд аргументов, которые позволяют поставить под сомнение вину как Яна Бердо, так и В.Коморского, застрелившегося в Булонском лесу в 1911 и попросившего похоронить его рядом с Бердо.

Истинный же провокатор — И.П.Кирюхин — был разоблачен лишь в сентябре 1910. Обстоятельства его вербовки, разоблачения и дальнейшая судьба подробно изложены в публикуемых ниже документах и комментариях к ним. Отметим лишь, что Савинков впервые увидел Кирюхина только после возвращения наблюдательного отряда из Петербурга. В виде исключения (накануне он женился и стал отцом) Кирюхин жил не вместе с остальными членами БО, а появлялся наездами. К чести Савинкова, он быстро начал сомневаться в Кирюхине. Разоблачение же провокатора произошло случайно.

В словесной пикировке с Натальей Климовой Кирюхин показал свою осведомленность в таких фактах ее биографии, которые он мог знать только из полицейских источников. Кирюхин был изгнан из БО и ее приговором объявлен провокатором.

Вернувшись к фон Коттену, Кирюхин ходатайствовал о своем помиловании, затем весной 1914 вместе со своим начальником перешел в разведку Генштаба и был заброшен в восточные районы Австро-Венгрии, где был арестован, а затем освобожден в сентябре 1914 русскими частями. О его дальнейшей судьбе см. в примечаниях к последнему из публикуемых документов.

Проникновение провокаторов в революционную среду было не единственной причиной, препятствовавшей формированию и деятельности БО. Савинков был серьезно ограничен в выборе людей из-за своего невысокого авторитета в кругах партийной эмиграции. По свидетельству М.М.Чернавского, в эсеровской эмиграции были люди, пользовавшиеся его полным доверием, «которые охотно пошли бы в боевую группу, но к Савинкову не пойдут»⁴⁵. Сам М.М.Чернавский колебался между Савинковым и группой «инициативного меньшинства», и только переговоры с Л.Э.Шишко и М.А.Натансоном подвигли его сделать выбор в пользу Савинкова.

К декабрю 1910 из 36 человек, подавших заявки на вступление в БО, Савинков отказал 14 из-за их непригодности к работе в специфических условиях центрального террора (некоторые из них сами забрали свои заявки). Из принятых в члены БО за полтора года работы 8 человек были удалены Савинковым или удалились сами. Среди ушедших из организации по собственному желанию особо выделяется, конечно, видный эсер С.Н.Слетов, тяжело заболевший во время работы (под видом извозчика) в Петербурге в отряде наблюдения. Другой участник наблюдательного отряда — «Уралец» (имя его нам осталось неизвестно) не вынес психологических и физических нагрузок, выпавших на его долю, и уехал к себе на родину. Остальные шесть человек были удалены Савинковым (вполне

⁴⁴ См.: ГАРФ. Ф.102. ДП.ОО. 1913. Д.375. Л.3-3об.

⁴⁵ Чернавский М.М. В Боевой Организации. Указ. изд. С.29.

возможно, что в их число Савинков включил Л.Либермана, арестованного зимой 1910 в Петербурге, и застрелившуюся весной 1909 Э.Лапину). Все цифры взяты из плана-конспекта Савинкова к отчету перед Заграничной Делегацией ЦК ПСР в ноябре 1910⁴⁶.

Савинков предпринимал титанические усилия по привлечению в БО надежных, проверенных людей.

В своем письме Фондаминскому (оно не датировано, но, скорее всего, относится к весне—лету 1910) Савинков предупреждал: «...я пришел к убеждению, что если Организация не будет увеличена в своем составе, то работать едва ли возможно. Кандидатами считаю: Донской, Смирнов, Ивановская, Якимова, Климова, Карпович, Фейт, Панкратов, Кругликов. Никого другого я в Организацию не приму». В этом же письме Савинков просил связаться с Донским и Ивановской, причем ответу Донского придавалось «настолько важное значение, что им обуславливается поездка М.М.[Чернавского. —К.М.] в Россию за Якимовой и Смирновым». В случае отказа Донского, писал Савинков, «несмотря на риск, потерю денег и времени, я считаю поездку М.М. необходимою: если мы сами не предпримем ничего для увеличения Организации, то рискуем остаться навсегда в самом печальном положении»⁴⁷.

Якимова и Смирнов, с которыми беседовал в России Чернавский, отказались, причем Якимова, по свидетельству М.М.Чернавского, употребила при этом выражение «дон-кихотство», охарактеризовав таким образом террористические устремления Савинкова в условиях всеобщей апатии и разочарования в терроре. Карпович, если судить по его письмам к Савинкову, поставил крест на карьере террориста⁴⁸. Переговоры Фондаминского с Донским, Ивановской, Фейтом, Панкратовым и Кругликовым закончились неудачей. Получив согласие на вступление в БО старшего ее члена Ф.Назарова, Савинков послал ему сопровождающего, но при переходе через границу Ф.Назаров погиб.

Очень настойчиво, более чем полгода, Савинков просил Фондаминского разыскать Н.С.Климову. В письме к Фондаминскому от 12 июля 1910 Савинков писал: «Изложите ей нашу историю, не жалея черных красок, и сообщите, где мы. Я хочу, чтобы она знала положение и понимание, куда идет. Не надо, чтобы здесь было недоразумение или разочарование. Если и после этого разговора она согласится, — примите ее немедленно»⁴⁹.

Приход в БО Климовой сильно поднял боевой дух членов организации. По свидетельству Чернавского, Н.С.Климова и М.А.Прокофьева были самыми волевыми и сильными личностями в БО после Савинкова⁵⁰. К сожалению, недостаток места не позволяет подробно рассказать о личностях этих двух женщин. Отметим только восторженные отзывы

⁴⁶ ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.331. Л.9.

⁴⁷ Там же. Ф.6212. Оп.1. Д.43. Л.31-31об.

⁴⁸ Там же. Ф.5831. Оп.1. Д.84. Л.7, 8, 14, 15об.

⁴⁹ Там же. Ф.6212. Оп.1. Д.83. Л.21-21об.

⁵⁰ Чернавский М.М. В Боевой Организации. Указ. изд. С.32, 59.

отнодью не склонной к завышенной оценке людей З.Н.Гиппиус о «неземном лице» Прокофьевой⁵¹.

Еще до разоблачения Кирюхина Савинков по согласованию с Фондаминским принял новый план действий. Подробности этого плана неизвестны, но, как видно из сметы БО на период с 1 июня 1910 по 1 января 1911, планировалась отправка в Россию и «устройство» там М.М.Чернавского, «Павла Ивановича» (Б.В.Савинкова) и С.Н.Моисеенко⁵². Кроме того, один боевик должен был стать извозчиком, а остальные десять после экипировки также отправлялись в Россию. Важная роль в этом плане отводилась неким «Голубцову» и «Юрию», которые членами БО не являлись, а связь с ними поддерживалась через Фондаминского. Судя по всему, Савинков решил отказаться от традиционных приемов ведения слежки и нападения, столь успешно практиковавшихся ранее Азефом. Также вопреки сложившейся традиции этот план осуществлялся совместно с Заграничной Делегацией ЦК ПСР.

В ноябре 1910 Савинков сделал Заграничной Делегации ЦК ПСР доклад о работе БО и закончил его представлением решения БО. В нем говорилось о прекращении «за технической невозможностью работы в том ее виде, в каком она велась до сих пор» и намерении «деятельность БО продолжать в новых технических формах»⁵³. Заграничная Делегация в начале 1911 (не ранее 1 марта) приняла решение отказаться от запланированного летом 1910 дела. В.М.Чернов выразил свое «особое мнение» по поводу решения о прекращении некоего «М-ского дела», где говорилось: «Нахожу, что в этом конфликте, если он будет, право будет на стороне БО. Со своей стороны выражаю крайнее сожаление о том, что накануне завершения бросается на произвол судьбы чрезвычайно важное дело, на которое уже затрачено так много партийных денег. Нахожу, что именно этим решением все предыдущие затраты обращаются в загубленный напрасно капитал, чем наносится большой ущерб партийным интересам»⁵⁴. Решение Заграничной Делегации о роспуске БО ПСР было принято, судя по всему, в марте—апреле 1911, но и после этого почти все члены БО еще некоторое время продолжали жить единой колонией. Сплачивала их помимо всего прочего и борьба за жизнь угасавшей от туберкулеза М.А.Прокофьевой. Пожалуй, лучшие человеческие качества Савинкова раскрылись именно в эти месяцы: Прокофьева была невестой его погибшего друга — Е.С.Созонова.

Настоящим потрясением для Савинкова уже после роспуска БО стало опубликование весной 1911 «Заключения Судебно-следственной Комиссии по делу Азефа», где основная часть ответственности за провокацию Азефа взваливалась на «психологию террористов» и недостаточный контроль со стороны руководства ПСР за корпоративной, изолированной от партии БО⁵⁵. Публикация «Заключения» стимулировала антитеррори-

⁵¹ Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский. Указ. изд. С. 436, 445, 449.

⁵² ГАРФ. Ф. 6212. Оп.1. Д.43. Л.32.

⁵³ Там же. Д.42. Л.7.

⁵⁴ Там же. Д.60. Л.3.

⁵⁵ См. подробнее в статье Р.А.Городницкого в наст. выпуске «Минувшего».

стический настрой парижских эсеров. Кроме того, недоброжелатели обвиняли Савинкова в боязни ехать в Россию для самостоятельного руководства делом. Основываясь на разговорах того времени, Б.И. Николаевский оценивал деятельность БО в своей книге так: «Последняя атака кончилась хуже, чем ничем. Здесь важно не только то, что среди отборных двенадцати трое оказались предателями, которые или состояли уже на службе в полиции, или поступили на нее во время своей работы в отряде. Быть может, более симптоматичным было то, что и у самого Савинкова — автора идеи этого последнего похода — не нашлось силы пойти на риск своей головой: он бесцельно метался по границе, тратил большие суммы из партийных денег, но в Россию так и не поехал»⁵⁶. Эти обвинения несправедливы — здесь, по-видимому, Савинков стал жертвой собственных дезинформационных усилий. С его подачи, чтобы запутать агентуру ДП, Фондаминский распространял среди парижских эсеров ложные слухи о планах и передвижениях БО. Между тем, по свидетельству З.Н. Гиппиус, к лету 1910 Савинков побывал в России трижды⁵⁷. Еще 29 января 1910 он писал Фондаминскому: «Я дал право и даже обязал Н[иколая] В[асильевича] [Яна Бердо. — К.М.] вызвать меня телеграммой в Москву в случае затруднений. У меня разлитие желчи от всех глупостей, пустяков, мелкого беса, ерунды, чепухи, перевирания, опаздывания на явки и прочая и прочая и прочая. Как это ни рискованно, при первой же новой пуганище я по телеграмме уеду в Россию, чтобы лично попытаться все исправить»⁵⁸.

Неудачи, эмигрантские склоки, глубокий шок от азефовщины, сомнения в допустимости и полезности революционного насилия — все это, постепенно накапливаясь, привело к душевному надлому и частичному переосмыслению прежних позиций, первые признаки чего проявились у Савинкова до роспуска БО в 1911.

Хотя идеи «Коня Бледного» — это во многом идеи З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского, стремившихся создать при партии эсеров своеобразный религиозный орден⁵⁹, следует отметить, что Савинков в этом романе пошел вопреки общераспространенным в революционной среде оценкам и ясно поставил вопрос о моральной ответственности каждого человека за проливаемую кровь. Сообщая Фондаминскому о своей работе над романом «То, чего не было. Три брата» в июле 1911, Савинков писал: «Я пишу роман. Боюсь выйдет снова "Конь Бледный"». Полгода спустя он еще более категоричен: «Я пишу дальше и уже не сомневаюсь, что и Вы меня проклянете»⁶⁰.

⁵⁶ Николаевский Б. История одного предателя: Террористы и политическая полиция. М., 1991. С.301-302.

⁵⁷ См.: Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский. Указ. изд. С.435. Гиппиус только перепутала год, впрочем, как и год роспуска БО, называя соответственно 1911 и 1912.

⁵⁸ ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.351. Л.75.

⁵⁹ См.: Религиозное сознание и революция: Мережковские и Савинков в 1911 г. / Предисл. к публ. М.А. Колерова и К.Н. Морозова // Вопросы философии. 1994. №10. С.138-142.

⁶⁰ ГАРФ. Ф.6212. Оп.1. Д.42. Л.38.

Публикация романа в «Заветах», политическим редактором которых являлся В.М.Чернов, вызвала в эсеровской среде шквал негодования, направленного как против самого Савинкова, так и против редакции журнала⁶¹.

В письме к Фондаминскому от 12 ноября 1916 Савинков подводит своеобразный итог своей работе в эсеровской партии: «Вы склонны утверждать "святое мещанство". Я не утверждаю и не отрицаю его. Оно мне чуждо. Под мещанством я понимаю не только внешне спокойную, построенную не на труде, а на деньгах жизнь. Под мещанством я понимаю душевные стоячие воды: примиренность, сердечный комфорт, самодовольство и вытекающую из них самоуверенность в обращении с людьми. Ни один из Вас не замечает того, что видно со стороны: Вы все окутаны ватой, в Вас нет ни душевного волнения, ни душевного мятежа и душевные трагедии Вам неизвестны — Вы принимаете за них уколы повседневных несчасть или Вашу нерешительность перед жизнью... Может быть, Вы и Ваш круг проживет жизнь лучше, чем я. Во всяком случае, Вы проживете ее более спокойно. Но я хочу Вам сказать: мне с Вашим кругом не по дороге. Я пишу это письмо, потому что мне давно было *нужно* сказать Вам — человеку, которого я люблю, — что манера Вашего круга жить, его *mentalité* и его душевная жизнь становятся мне все более и более чужими»⁶².

Неудача деятельности БО под руководством Савинкова была обусловлена комплексом причин, каждая из которых дополняла и усугубляла другие. Эти причины сложно выстроить по степени их важности, они тесно переплетены, но все же важнейшими из них нам видятся следующие:

1. После революции 1905-1907 гг. в российском обществе (по крайней мере, в тех его слоях, которые формировали общественное мнение) коренным образом изменилось отношение к революционному насилию, в том числе к террору.

2. После «дела Азефа» и «дела Петрова» в глазах общественного мнения (и даже в самой эсеровской партии) террор воспринимался как оборотная сторона провокации.

3. Революционные партии, в том числе и ПСР, были в высокой степени деморализованы. В рядах партии росло разочарование в терроре, а в руководстве усиливались антитеррористические настроения, крепло неверие в успех БО.

4. Условия кадрового комплектования БО были крайне неблагоприятны и несравнимы с предшествующими годами.

5. Большая засоренность всех революционных партий провокаторами, создававшая предпосылки для их проникновения в БО. Анализ от-

⁶¹ См.: Письмо в редакцию; Ответ редакции // Заветы. СПб., 1912. №8. С.153; РО ИРЛИ. Ф.185. Оп.1. Д.951. Л.137, Д.26. Л.4-7; Морозов К.Н. Идеиные поиски эсеров в третьиюньский период: По материалам журнала «Заветы» // Общественно-политические движения России XVIII-XX вв.: Межвузовский сборник научных трудов. Самара, 1993. С.87-97.

⁶² ГАРФ. Ф.6212. Оп.1. Д.42. Л.54-55.

четов губернских жандармских управлений свидетельствует о наличии в распоряжении почти каждого ГЖУ двух-трех провокаторов в эсеровской среде.

6. Неверие в Савинкова как руководителя БО и его невысокий авторитет в различных кругах партийной эмиграции.

7. Финансовые трудности.

Впервые за все годы существования БО и ее руководитель пытались действовать в условиях отсутствия «общественной» и при очень слабой «партийной» поддержке. Не имея возможности подробно осветить взаимоотношения Савинкова и Заграничной Делегации ЦК ПСР, отметим только, что вес и авторитет Савинкова в руководящих кругах партии был на порядок ниже, чем у Г.А.Гершуни и Е.Ф.Азефа. Это позволило руководству партии ограничить автономию БО до беспрецедентных в ее истории масштабов, а в решающие моменты («дело Петрова», ликвидация «М-ского дела») просто игнорировать мнения Савинкова. Постоянное мелкое вмешательство со стороны руководства партии Савинков отмечал неоднократно, как, впрочем, и перебои в финансировании БО⁶³. Савинков фактически не был «единым главой» БО, как об этом писал Чернов, и, естественно, часть ответственности за неудачи БО лежит и на руководстве партии.

Неудачей закончились и попытки группы «инициативного» меньшинства возобновить террор, предпринимавшиеся в 1909-1910.

Тем не менее эсеры и в последующие годы предпринимали попытки воссоздания БО. Нам кое-что известно лишь о двух таких попытках: в 1912 и весной 1914. Наверняка были и другие, но все они блокировались финансовыми и кадровыми проблемами.

Настоящая публикация состоит из 28 документов различного характера и происхождения. Это лишь небольшая часть документов, освещающих деятельность БО ПСР в 1909-1911, из хранящихся в фондах Департамента полиции, Б.В.Савинкова и И.И.Фондаминского. Мы отобрали наиболее яркие, на наш взгляд, материалы, освещающие различные стороны жизни БО ПСР и менталитет ее членов. Большая часть документов публикуется по оригиналам-автографам, докладная записка полковника фон Коттена — по машинописи с подписью-автографом. Все тексты приведены в соответствие с современной орфографией. Исключения сделаны в тех случаях, когда это необходимо для передачи индивидуальной авторской манеры или «партийного узуса». Зачеркнутые авторами слова даются в примечаниях к документу. В квадратные скобки заключены недостающие в подлинниках окончания слов и даты, восставленные публикатором. Датировка на всех документах сохранена авторская, в связи с невозможностью определить для некоторых документов, по какому стилю они датировались.

Приношу свою благодарность заведующей архивохранилищем ГАРФ по истории белого движения и эмиграции Лидии Ивановне Петрушевой за содействие в работе.

⁶³ ГАРФ. Ф.6212. Оп.1. Д.42. Л.4.

Объяснительная записка Савинкова по делу Петрова
и акт соглашения между Фондаминским, Савинковым,
Бартольдтом и Петровым¹

Летом 1909 г. я жил в лаборатории Боевой Организации на острове Jersey. В августе ко мне приехал С.Н.Слетов², и я впервые от него узнал, что лично мне тогда неизвестный А.А.Петров вступил в сношения с Саратовским, а затем и с Петербургским Охранным Отделением с целью, якобы, раскрытия провокации в Партии. Слетов рассказал мне биографию Петрова и передал собственноручную его рукопись³, содержащую подробный отчет о сношениях его с полк. Семигановским⁴ и ген. Герасимовым⁵. Слетов прибавил также, что, проверив в пределах возможности показания Петрова, он вполне доверяет их правдивости, т.е. верит, что Петров, действительно, руководился в своих сношениях с полицией⁶ неверно понятыми интересами Партии и не преследовал никакой иной цели, и что он, Петров, действительно, не выдал Охранному Отделению никаких, ни больших, ни малых партийных предприятий и никого из товарищей полиции не указал. Кроме того, по словам Слетова, Петров, прибыв из России в Париж и увидевшись с Б.В.Бартольдтом⁷, В.Л.Бурцевым⁸ и И.И.Фундаминским⁹, вполне понял моральную преступность и политическую безнадежность своей попытки¹⁰ и просит теперь у Партии одного — разрешить ему убийство ген. Герасимова¹¹.

Дело требовало быстрого решения и полной тайны. Испросить формальной санкции¹² Центр[ального] Комитета, члены которого были в России, не было времени, посоветоваться со старыми членами Партии, жившими за границей, было небезопасно. Эмигрантские колонии чересчур восприимчивы ко всяким слухам и сообщениям, — строгая тайна несовместима с эмигрантскими нравами. Представитель Партии за границей И.И.Фундаминский решился поэтому на крайнюю меру: узнать мнение только Слетова и мое, представителей независимой в техническом¹³ отношении Боевой Организации, уже получившей санкцию Партии на террористические дела, не только центральные, но и частные. Кроме того, сношения Петрова с ген. Герасимовым прежде всего касались Слетова и меня. Герасимов предназначал Петрова на роль нового Азефа, он рассчитывал иметь в его лице прочную и осведомленную агентуру в Боевой Организации и настойчиво советовал Петрову обратить свое внимание исключительно на террори-

стическую деятельность Партии. Фундаминский, Слетов и я решились взять на свою ответственность дело Петрова¹⁴.

Что можно было ответить Петрову? Перед нами был человек большого революционного прошлого, за правдивость показаний которого ручались Фундаминский и Слетов, человек несомненно по-своему преданный Партии и также несомненно не руководившийся в своих сношениях с полицией никакими личными целями. Но человек этот самым фактом своих сношений с Герасимовым совершил тяжкое партийное преступление, предусмотренное партийным законом и никогда и ни при каких обстоятельствах не оправдываемое. Буква закона¹⁵ требовала его немедленного исключения из Партии и опубликования как провокатора.

Такое решение имело вопиющие недостатки. Предложение Петрова убить Герасимова обуславливалось для него, конечно, не только политическим значением этого убийства: он видел в нем возможность восстановления своей опозоренной чести. Смерть Герасимова воочию показала бы, что он, Петров, поступил в Охранное Отделение действительно не из-за личных выгод¹⁶, что, если им и было совершено партийное преступление, то не по трусости и не из корыстолюбия, а единственно из ложного понимания партийных интересов. Он надеялся, что убийством Герасимова и собственной смертью он заслужит прощение Партии, сумеет загладить свой тяжкий грех перед нею.

Исключая его из Партии и публикуя его имя на позорной доске, мы лишали его этой надежды, мы убивали его морально, для Партии он становился одним из Азэфов, Цейтлиных, Жученок¹⁷ и других многих. О восстановлении чести не могло быть больше и речи. Даже и мертвый он оставался с клеймом провокатора, даже и отомстивший, он не переставал быть изменником.

Но мог ли он отомстить? Можно ли требовать от человека, пережившего позор сношений с ген. Герасимовым, двойной позор партийной измены, от человека, раздавленного морально, потерявшего надежду на искупление¹⁸, чтобы он нашел в себе силы на месть, на убийство? Пусть те, кто, блюдя чистоту Партии, постановляли по поводу дела Петрова свои моральные резолюции, подумают хоть немного: вправе ли Партия лишать того, кто хочет восстановить свою честь, возможности это сделать? Вправе ли Партия морально убить того, кто наибольшим, что есть у человека — свою смертью¹⁹ хочет загладить свой грех²⁰?

Второе решение шло вразрез с буквой закона. Петров совершил преступление, он хочет его искупить. Мы признаем за ним это право. Он хочет доказать искренность своего заблуждения. Мы даем ему эту возможность. Главный виновник, Герасимов, дол-

жен быть убит и мы, признавая политическое значение этого убийства, не только разрешаем его Петрову, но и оказываем ему нужную помощь, ибо без этой помощи самое разрешение было бы пустым звуком.

Фундаминский, Слетов и я, после долгого колебания, приняли это второе решение²¹. Был составлен следующий протокол:

АКТ

Представители ЦК ПСР Бакунов и БО С.Р. Ивернев, в присутствии члена ПСР Павлова, выслушав 17/30 августа 1909 г. рассказ члена ПСР Александра Алексеевича Петрова, установили:

что тов. Петров, по своему личному почину, без ведома кого бы то ни было из членов партии, в целях революционной борьбы, поступил на службу в Охрану в качестве секретного сотрудника, причем, по его рассказу, в искренности и правдивости которого мы не имеем никаких оснований сомневаться, с его стороны не было сделано никаких указаний на революционную деятельность каких бы то ни было лиц и организаций и вообще никаких фактических сообщений о революционных делах и деятелях²²;

что, затем, тов. Петров, убедившись, что им совершен поступок, противоречащий революционным традициям, недопустимый для революционера и наносящий существенный вред делу революции, пришел к сознанию необходимости обезвредить последствия своего поступка путем устранения им, тов. Петровым, одного из руководителей политического сыска в России.

С своей стороны мы, представители ЦК ПСР и БО С.Р. заявили тов. Петрову, что намеченный им исход является единственно достойным и целесообразным для члена ПСР.

Данный террористический акт может совершен только в пределах России или Финляндии, причем о нем публикуется в органах ПСР как об акте политического террора, совершенном с ведома и одобрения партии С.-Р.

В случае процесса товарищу Петрову предоставляется право заявить о том же на следствии и суде.

23 августа / 6 сентября 1909 года данный акт подписали:

Представитель ЦК ПСР

Представитель БО С.Р.

Член ПСР

Член ПСР

И.Бакунов

Ивернев

Павлов

А.Петров

ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.343. Л.6-6об., 8-10 об.

¹ Данный документ состоит из двух, представляющих собой единый комплекс. Объяснительная записка написана Б.В.Савинковым уже после гибели полковника Карпова и предания огласке обстоятельств дела Петрова. Она адресовалась руководству партии и заканчивалась фразой: «Был составлен следующий протокол». Объяснительная записка, датировать которую можно декабрем 1909 — январем 1910, была приложена к акту, датированному 23 августа (6 сентября) 1909 г.

Акт написан рукой Б.В.Савинкова и подписан четырьмя эсерами, из которых настоящим именем подписался только Петров. Так как в случае необходимости акт мог быть опубликован, остальные трое использовали псевдонимы. В круг лиц, посвященных в «дело Петрова», входили Б.В.Савинков, И.И.Фондаминский, С.Н.Слетов, Б.В.Бартольд, В.Л.Бурцев. Фраза из объяснительной записки Б.В.Савинкова: «Фондаминский, Слетов и я, после долгого колебания, приняли это второе решение. Был составлен следующий протокол», — заставляла считать, что именно они и подписали акт. Но если первые две подписи уверенно идентифицируются с И.И.Фондаминским и Б.В.Савинковым, то с третьей подписью дело обстоит сложнее. Есть предположение, что псевдоним «Сергей Павлов» принадлежал Б.Бартольду, а не С.Н.Слетову. В фонде Б.В.Савинкова хранится доклад «Сергея Павлова» о поездке в Финляндию для переговоров с руководителями финской партии активного сопротивления. Почерк, которым написан этот доклад, идентичен почерку Б.Бартольда. Кроме того, из письма Б.В.Савинкова И.И.Фондаминскому от 23 октября 1909 (документ 4 данной публикации) видно, что «Сергей» и «Степан» (настоящее имя С.Н.Слетова) — это разные люди, причем «Сергей» находился в Финляндии, а «Степан» был прикреплен к «Семену» (А.А.Петрову). Последнее видно также и из письма Б.В.Савинкова И.И.Фондаминскому от 2 октября 1909 (см. документ 2), а кроме того, подтверждается и показаниями А.А.Петрова, данными им в декабре 1909 Виссарионову о том, что вместе с ним постоянно находился С.Н.Слетов.

В пользу того, что подпись под актом «член ПСР Павлов» принадлежит Б.В.Бартольду, говорит не только то, что он на разных стадиях активно участвовал в деле Петрова, но и то, что, на наш взгляд, С.Н.Слетов скорее всего подписался бы как «член БО», а не как «член ПСР», в то время как Б.В.Бартольд членом БО не был и все его участие в делах БО ограничилось делом Петрова. Строго говоря, из объяснительной записки не вытекает, что именно Фондаминский, Слетов и Савинков подписали этот протокол (акт), они «приняли решение». По крайней мере, мы склонны видеть в этом недоговоренность или неточность Б.В.Савинкова, хотя и абсолютной уверенности в правильности предположений о принадлежности псевдонима «Сергей Павлов» Б.В.Бартольду у нас все-таки нет.

В деле содержится также черновик публикуемой объяснительной записки Б.В.Савинкова, имеющий ряд незначительных отличий от окончательного текста.

² Слетов Степан Николаевич (1876-1915) — видный эсер, член ЦК ПСР в 1903-1907 и в 1911-1912, партийный публицист и историк, в 1909 во-

шел в БО ПСР рядовым членом, в 1910 из-за болезни покинул ее. Живя за границей, в 1914 вступил добровольцем во французскую армию и погиб на фронте.

³ Эта рукопись была опубликована другом Петрова Б.В.Бартольдом на собственные деньги. Отдельные главы были опубликованы В.Л.Бурцевым в «Былом». См.: Петров А.А. Из записок // Былое. 1910. №13. С.82-138.

⁴ *Семигановский* П.К. — начальник Саратовского губернского жандармского управления в 1909. Вел первоначальные переговоры с А.А.Петровым и принимал участие в устройстве ему побега из психиатрической лечебницы. В 1917 был привлечен Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства к следствию по этому делу. Дальнейшая судьба неизвестна.

⁵ *Герасимов* Александр Васильевич (1861-1944) — жандармский генерал, с 1905 по весну 1909 — начальник Петербургского охранного отделения. В 1906-1908 — руководитель Е.Ф.Азефа. Весной 1909 осуществлял вербовку Петрова. В результате интриг, а затем скандала в связи с делом Петрова от активной работы отстранен. Роль Герасимова в этой истории не ясна, существуют аргументы за и против версии о его причастности к гибели Карпова. Тем не менее целый ряд фактов не позволяет рассматривать обвинения Петрова в адрес Герасимова только как стремление во что бы то ни стало погубить генерала. Год смерти Герасимова сообщен Д.И.Зубаревым.

⁶ Далее зачеркнуто: «исключительно».

⁷ *Бартольд* Борис Владимирович (1879-?) — эсер, друг Петрова, был арестован вместе с ним в Саратове, выпущен охранкой из саратовской тюрьмы по требованию Петрова. Принимал участие в подготовке покушения Петрова на ген. Герасимова. По свидетельству Б.В.Бартольда, о плане взрыва сразу нескольких охранников ему ничего не было известно. Сам Бартольд, добровольно помогавший Петрову, виделся с ним в Финляндии, а «дальнейшие переговоры с ним вел через тов. Бердо, командированного на помощь Петрову» и находившегося в Петербурге. По словам Бартольда, «ввиду поставленного представителями Партии предельного срока для совершения акта (15 декабря) и невозможности, по словам Петрова, залучить в столь короткое время Герасимова, решено было убить Карпова, что и было исполнено. /.../ Петров категорически утверждал, что ему не удалось до акта видеть в Петербурге Герасимова, и наблюдавший за Петровым Бердо подтвердил это». Если верить Бартольду, то следует, что он и Бердо дали свое согласие на убийство Карпова в силу вышеназванных причин.

⁸ *Бурцев* Владимир Львович (1862-1942) — известный публицист и историк, издатель историко-революционного журнала «Былое», газет «Будущее», «Общее дело», убежденный приверженец террора, широко известен как разоблачитель многих десятков провокаторов во всех российских революционных партиях.

⁹ *Фондаминский* Илья Исидорович (1879-1942) — видный эсер, друг и единомышленник лидеров ПСР Н.Д.Авксентьева, В.М.Зензинова, А.Р.Гоца и В.В.Руднева. В годы первой русской революции был уполномоченным ЦК, в 1909-1917 членом Заграничной Делегации ЦК ПСР. Официальный представитель Заграничной Делегации и координатор в ее взаимодействиях с Боевой группой Б.В.Савинкова, с которым находился в дружеских отношениях.

¹⁰ По рассказу самого Петрова на первой встрече его с С.Е.Виссарионовым 10 декабря 1909, происшедшее выглядело следующим образом. Освобождение Бартольда под залог, как, впрочем, и побег самого Петрова, возбудили в партии подозрения. Фондаминский заявил Петрову, что подозревает его в искусственности побега. Петров утверждал в комиссии, состоявшей из Фондаминского, Слетова, Бурцева, что «бежал самостоятельно и затем уже в партийных интересах вошел в связь с ген. Герасимовым», однако ему «не вполне поверили». Жил Петров сначала в Медоне на одной квартире с Бартольдом, позднее — в Ницце вместе со Слетовым.

По словам Петрова, Слетов сообщил ему решение ЦК о необходимости совершения для своей реабилитации террористического акта над кем-нибудь из руководителей политического сыска, место акта и личность жертвы оставлялись на выбор самого Петрова. В августе состоялась встреча с Савинковым, специально для этого приехавшим в Париж. Савинков наметил как цель покушения Столыпина и велел Петрову «вести проследку Министра: его выезды, приезды, нанять квартиру» и обещал приехать для выполнения убийства. Слетов передал Петрову жилет с гремучим студнем. Петров поставил в известность о своем провале Герасимова.

¹¹ Далее зачеркнуто: «Этим убийством Петров надеялся хоть в малой степени загладить свой тяжкий грех перед Партией и восстановить свою запятнанную честь».

¹² Слово вписано над строкой вместо зачеркнутого — «разрешения».

¹³ Слово вписано над строкой.

¹⁴ Ряд обстоятельств говорит о том, что Петров был заподозрен эсерами и вынужден был сознаться в своей связи с охранкой, известив о своем провале А.В.Герасимова. Эту версию подтверждают показания Фондаминского в 1917, заявившего, что «обстоятельства побега Петрова представлялись /.../ неясными». Партийный товарищ, который не дождался Петрова в условленном месте, когда тот бежал из психиатрической лечебницы, утверждал, что «он ожидал Петрова в том именно месте, на которое тот указывает в своем рассказе». Петров, по словам Фондаминского, не сам пришел с покаянием к нему, а признался в предательстве лишь после расспросов об обстоятельствах побега. Находясь в Петропавловской крепости, Петров 8 января 1910 говорил на допросе Виссарионову, что в начале августа 1909 написал Герасимову, что ему придется признаться в партии. На это тот ответил, что уж если надо говорить, то говорить все. Сам Герасимов в 1917 говорил о том, что в августе 1909 по

одному из писем Петрова он «понял так, что будто бы он начинает проваливаться» и передал эти письма Зуеву. Зуев также подтвердил этот факт.

Это, на наш взгляд, позволяет говорить о вынужденности признания Петрова, который вел себя как вполне «добропорядочный» секретный сотрудник, а не как раскаявшийся революционер. Можно предположить, что Савинков, Фондаминский и Слетов вполне отдавали себе в этом отчет, но решили использовать подвернувшийся случай для совершения террористического акта, столь необходимого для «моральной реабилитации террора». Их объяснения о вере в искренность Петрова можно было бы принять, если бы не ясные постановления IV Совета партии и Оргбюро ЦК ПСР, требовавшие в случае Петрова исключения из партии и объявления провокатором. Савинков, Фондаминский, Слетов и Буршев отнюдь не были столь неопытны, чтобы не понимать, за какое щекотливое дело они берутся, связываясь с провокатором, да еще после дела Азефа. Сомнения же в обстоятельствах побега Петрова, упоминаемые Фондаминским, вообще делали их веру в искренность Петрова весьма странной.

¹⁵ Нормативная база эсеровского следствия и суда, а также характер правосознания членов ПСР принадлежат к наименее изученным сюжетам. Когда Савинков говорит о «букве закона», он имеет в виду постановления IV Совета партии и Оргбюро ЦК ПСР, направленные на то, чтобы отбить охоту у малодушных членов партии на вступление в охранку для ведения двойной игры. Но эти формальные партийные постановления имели огромный вес только потому, что опирались они на традиции и опыт десятилетия революционного движения. Пафос Савинкова, защищавшего Петрова и собственное решение, производит странное впечатление: он спорит с аксиомами.

¹⁶ Далее зачеркнуто: «и интересов».

¹⁷ *Жученко* (урожд. Гернгросс) Зинаида Федоровна — член партии эсеров, с сентября 1905 в Московской организации ПСР, а затем входила в Областной комитет Центральной Области. Состояла на службе Департамента полиции (по идейным соображениям) с 1894 (или 1893). Разоблачена в августе 1909.

¹⁸ Слово вписано над строкой вместо зачеркнутого — «прощения».

¹⁹ Слово вписано над строкой вместо зачеркнутого — «жизнью».

²⁰ Далее зачеркнуто: «Вправе ли Партия, умывая спокойно руки, ограничиваться буквой закона, когда жизнь сложнее закона — когда в Охранное Отделение идет не только Азеф, но и Петров, и не только».

²¹ Представляется, что Савинков, Фондаминский и Слетов рассчитывали на два возможных исхода дела. Первый — убийство Герасимова в Финляндии, бегство Петрова и сокрытие всей его истории, которую они утаили даже от остальных руководителей партии. Второй — убийство Герасимова в Петербурге — Петров должен был произвести самовзрывом, для чего он был снабжен «адским жилетом». По показаниям Савинкова в 1917, для них стало сюрпризом, что Петров изменил первоначальный план и стал думать о бегстве с места покушения. Правда, Савинков го-

ворил не о жилете, а о бомбе, которую Петров должен был бросить в своем присутствии в квартире Герасимова, но у Петрова был только жилет, переданный ему членом БО Яном Бердо, и динамит (или гремучий студень), полученный Бартольдом от шведских социалистов (все это было найдено после ареста Петрова). Итак, в первом случае вся история должна была быть скрыта (Бурцев вынужден был бы молчать), а во втором (при гибели Петрова) — ей была бы дана такая трактовка, которая устроила бы этих трех эсеров и Бурцева. Опровержений со стороны ДП, а тем более правдивой информации опасаться не приходилось. В свете этих обстоятельств становится понятной та твердость, с которой Савинков, Бартольд, Бурцев и отчасти Фондаминский отстаивали «революционную» мотивацию поведения Петрова даже после того, как они познакомились с документами охраны, изобличающими его ложь. Они как бы «забыли» о соглашении с Петровым и о готовности признать его теракт партийным. Савинков, который в 1909 в резкой форме требовал от Фондаминского обязательно указать на факт руководства Петровым со стороны БО, в 1917 заявлял следствию о том, что отказался помогать Петрову в убийстве Герасимова «от имени БО ПСР, выразив готовность помочь ему в частном порядке, взяв ответственность за таковую помощь (главным образом техническую) на себя лично». Странной выглядит и позиция «охотника за провокаторами» Бурцева, сворачивающего разговор с Герасимовым и Доброскоком, как только он касался предположений об их участии в убийстве Карпова.

²² Петров устно выдал ряд саратовских подпольщиков и партийную типографию, что позволило Семигановскому говорить о его измене эсерам. Кроме того, в деле Петрова содержатся дневники наружного наблюдения за рядом лиц и указания о сохранении в тайне ареста одного из них, что позволяет предположить, что Петров делал выдачи и позже.

2

Савинков — Фондаминскому. 2 октября [1909]

Дорогой друг,

ввиду того, что дело С.¹ является не только делом Б.О., но и ЦК, считаю нужным дать следующие разъяснения:

1) Выяснилось, что нет никакой уверенности в том, что генерал² явится к Семену немедленно по его требованию. Наоборот, я был вправе предположить, что Семену придется ожидать в Финляндии неопределенное время. Вместо того, чтобы списываться с генералом из Финляндии, я предложил сделать это из Ниццы по следующим соображениям: а) Семен, по моему мнению, настолько разбит нервами, что ему необходимо поправиться, иначе за успех ручаться нельзя.

б) Необходимо выждать некоторое время, пока Борис³ устроит в Финляндии материальную часть и путь отступления. До окон-

чания этой предварительной работы Семен выступить не может, следовательно, его пребывание в Финляндии необходимо не вызывается.

с) Сношения Семена с генералом должны контролироваться членом Б.О. или ЦК. Я не мог взять на себя ответственности поручить этот контроль кому-либо в Финляндии, где Семен был бы под строгим наблюдением полиции.

д) Дела Б.О. требуют именно теперь моего присутствия, ибо мы накануне отъезда.

е) Ницца выбрана потому, что только из Монте-Карло Семену удобно выписать необходимые 1500 р.⁴ (имейте в виду, что 1000 р. он теперь же должен получить в Париже).

2) Общий план действия таков:

Семен под контролем Степана⁵ списывается с генералом, когда и где может с ним встретиться, причем стремится назначить свидание на Иматре недели через 3, к какому сроку Борис, вероятно, закончит свои приготовления. Семен извещает генерала, что живя поблизости Иматры (в Вуоксениске) он не будет иметь возможности отлучаться на долгое время, ибо товарищи за ним будут следить. Отсюда: невозможность для Семена выехать в СПб и необходимость генералу приехать именно на Иматру. Иматра выбрана потому, что там нетрудно бежать и еще потому, что там легче выбрать место, где при взрыве не пострадают посторонние люди. По окончании работы Бориса и по выяснении планов генерала, я вижу с Семеном и нахожусь в его распоряжении, хотя оставляю за Семеном и за Борисом право вызвать меня и раньше, по желанию. Прилагаю копию первого письма Семена к генералу⁶: Семен должен утверждать, что может войти ко мне в Б.О.

3) Если место действия будет перенесено в СПб., я оставляю за собою право отказаться от участия в деле (хотя я и не решил еще этот вопрос) по следующим соображениям: я не уверен, что генерал не арестует Семена и что все это дело не окончится торжеством Охр[анного] Отд[еления] — организационно я на это пойти не могу, ибо если первое дело Б.О. окончится даже не неудачей, а просто глупостью, это будет такой моральный удар для нас, от которого мы, по моему мнению, едва ли оправимся. Я предпочитаю потерять выгоды удачного дела, чем идти на риск глупости. Впрочем, повторяю, все зависит от переговоров с генералом, и я этим своим заявлением не хочу сказать, что отказываюсь от дела в СПб: я только оставляю за собою право решить этот вопрос впоследствии, если наше приглашение генерала в Финляндию окончится неудачей.

4) В случае полного успеха и бегства Семена, мне кажется, нет нужды объявлять имя Семена и публиковать его записки.

5) Прилагаю счет и смету.

NB. По моему мнению, дело стоит довольно прочно. Семен делает хорошее впечатление и, мне кажется, Борис также будет стараться исполнить свою работу аккуратно.

Я Вам уже писал, что получил известие, будто доктор обанкротился⁷. Правда ли это?

До сих пор мы получили от Вас (за сентябрь—октябрь):

До 15/IX 19917 фр. (2300 фр. + 17617 фр.), т.е. 7448 р. 87 к.
от 15 /IX до 1/X 528 £, т.е. 4963 р. 67к.

Считая за утерею на пересылке и размене, что Вы выслали нам 7500 р. и 5000 р. = 12500 р., нам остается дополучить согласно Вашей смете №2 (Считая 500 фр. долга И., которые он, конечно, не уплатил): 15188 р. 50 к.

12500 р.

т.е 2688 р.50 к.

если Вы можете выслать их немедленно, то присылайте сюда на имя Mademoiselle S.Dricker: 6-го мы уезжаем. Если не можете выслать к этому сроку, то передайте Ст. Ник.⁸

Адрес для ноябрьского и следующих взносов я Вам сообщу на имя Henry Holtzapfel'я и Edouarde Ellenbogen P.R. Paris шифром Степана, быть может, химией⁹.

На этот же адрес Edouarde Ellenbogen P.R. Paris Борис будет из Финляндии телеграфировать. *Протелеграфируйте* текст его телеграмм Степану на адрес: M-e Leo Friedrich Stamm P.R. Nice.

Имейте в виду, что телеграммы P.R. в Париже, быть может, получают на почте, а не на телеграфе. Шифр телеграмм у Степана. На письма Вы не отвечаете¹⁰. На это ответьте *немедленно*:

1) Обанкротился ли доктор?

2) Купил ли Бур[цев] главу моих воспоминаний и у Вас ли Воспоминания¹¹?

3) Послали ли Вы 400 фр. в октябре на имя Веры Глебовны Савинковой¹², Большая Гребецкая СПб. и если не послали, пошлите телеграфом из октябрьского взноса. Передайте также из того же взноса 150 фр. старухе в Севр.

У нас все хорошо, сравнительно, конечно. Я немножко недоволен публикой, ну да все обойдется¹³. Ждем В.О.¹⁴. Он приедет, тогда все разъедутся.

Обнимаю Вас, милый.

Ваш Павел¹⁵.

P.S. Очень меня ругают в Париже¹⁶? Где Климова¹⁷.

ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.351. Л.3-4об.

¹ Речь идет о Петрове, «Семен» — его конспиративная кличка.

² Имеется в виду А.В.Герасимов.

³ *Борис* — Б.В.Бартольд.

⁴ Речь идет, по-видимому, о части тех денег, которые А.А.Петров получил от Департамента полиции (3 тыс. руб.) и использовал на организацию своего покушения, дав отчет о них партии эсеров. Расходы БО по делу Петрова составили всего 131 руб. 25 коп.

⁵ *Степан* — Слетов С.Н.

⁶ См. документ 3.

⁷ Речь идет о докторе Жихареве, помогавшем БО деньгами.

⁸ С.Н.Слетову.

⁹ В части писем Савинкова Фондаминскому имеются куски текста, написанные симпатическими чернилами. Проявлялись они с помощью горячего утюга. Чаще всего к «химии» Савинков прибегал для сообщения адресов.

¹⁰ Савинков неоднократно укорял Фондаминского, что он отвечает «на три его письма одним своим».

¹¹ Возможно, речь идет о покупке Бурцевым главы воспоминаний Савинкова для «Былого». Савинков передал текст своих воспоминаний Судебно-следственной комиссии по делу Азефа и неоднократно просил И.И.Фондаминского забрать рукопись, опасаясь ее потери.

¹² Первая жена Б.В.Савинкова.

¹³ Речь идет о членах БО. Приведем характеристику Савинкова, данную ему одним из них — М.М.Чернавским: «На первом свидании Савинков произвел на меня впечатление человека чрезвычайно нервного, но туго подтянутого, хорошо умеющего держать себя в узде». Предложение Савинкова подыскать на Урале рабочего-боевика поразило Чернавского: «Прежде всего оно шло совершенно вразрез с моими представлениями о Савинкове, составившимися после нескольких свиданий с ним в Париже. Мне казалось, что это человек, твердо уверенный в своих силах, идущий к цели без колебаний, что он никому не доверит выбор своих сотрудников. Очевидно, в его настроении произошел, выражаясь по-современному, какой-то срыв, по-видимому, он не совсем доволен составом группы». Очень смущало исключение двух только что принятых членов группы». (См. Чернавский М.М. В Боевой Организации. Указ. изд. С.30, 36).

¹⁴ Речь идет о члене БО В.О.Фабриканте и о его приезде из России, после чего семь членов БО отправились в Петербург для организации слежки за царем, Столыпиным и великим князем Николаем Николаевичем.

¹⁵ *Павел Иванович* — конспиративное имя Б.В.Савинкова.

¹⁶ Слухов о Савинкове среди эмигрантов ходило немало. Часть из них имела под собой почву. Так, например, Савинков действительно время

от времени ездил в играть в Монте-Карло и далеко не всегда выигрывал. А В.Н.Фигнер, которая оценивала Савинкова как самого «блестящего» человека у эсеров, потрясли его жалобы на невозможность купить новые лайковые перчатки (Фигнер В.Н. Полн. собр. соч. Т.3. М., 1932. С.165-182). Но были и слухи абсолютно ложные, но тем не менее вредные для Савинкова. Так, один из эсеров, арестованный в Петербурге и незадолго до этого за границей беседовавший с Савинковым, передал на волю, что содержание их разговора стало известно полиции. Позже выяснилось, что разговор велся по телефону, при открытых ставнях и пр., что снимало какие-либо подозрения с Савинкова.

¹⁷ *Климова* Наталья Сергеевна (1884-1918) — максималистка, потомственная дворянка, в революционном движении с 1906, ближайшая соратница знаменитого максималиста М.И.Соколова (Медведя). Была осуждена на бессрочную каторгу, 1 июля 1909 бежала из московской каторжной тюрьмы. В середине 1910 приглашена Б.В.Савинковым в БО ПСР и в конце того же года покинула ее. См. также документы 17-19, 21 и 22 наст. публ.

3

Проект письма и телеграммы А.В.Герасимову
от имени А.А.Петрова, составленный Б.В.Савинковым

Копия

(Предполагается послать 1-2 окт[ября] из Парижа)

Александр Васильевич! Дела мои идут прекрасно. Вероятно, Вячеслав Михайлович¹ уже поставил Вас в известность о моих предварительных сношениях с «БО». Савинков после Азефа ввел за правило не принимать никого в «БО» без тщательного изучения, какова бы ни была партийная биография кандидата. Мне убедительно советуют товарищи, якобы для поправления моего здоровья, отдохнуть недели 2-3 в Ницце. Я же убежден, что это только одни разговоры, и что Савинков просто хочет предварительно изучить меня: мне намекнули, что в Ниццу придет «тоже отдохнуть» один из видных деятелей Партии, должно быть, Слетов. Я не сомневаюсь, что он будет следить за мной, и я должен буду выдержать своего рода экзамен, которого я, конечно, не боюсь. Вероятно, когда я «поправлю свое здоровье», меня отправят в другое место, где меня подвергнет искусу уже член «БО» — кто и когда — пока не знаю.

Из всей этой канители можно думать, что мне намерены поручить сразу же нечто ответственное; тем более, что неожиданно для меня неизвестно куда выехал из Парижа Борис Бартольд, и я

полагаю, что его вызвали для расспросов обо мне. В его аттестации, конечно, я не могу сомневаться.

И я хотел бы знать Ваше мнение — действительно ли нужно мне воспользоваться открывшейся возможностью попасть к Савинкову или Вы предложите что-либо другое.

Кстати, все, что касается известного Вам о Фейте² — не верно. Он стоит теперь вдали от всяких боевых дел, живет открыто в Париже, и вообще он — балда.

Не меньшей балдой оказался и Ваш парижский Бинт³, слежке которого за мной я по-видимому в значительной степени обязан «поправкой здоровья» не в Париже, а именно в Ницце. Надеюсь, что Вяч[еслав] Мих[айлович] все же до некоторой степени укротил сыскной пыл этого господина, да и свою «ошибочку» исправил, о которой, согласно обещанию, данному мною ему, я Вам не сообщаю.

Буду ждать Вашего ответа. Из Ниццы извещу Вас о дальнейшем ходе дела.

Число _____ подпись (Янус)

P.S. Все, что мною сообщено Вяч[еславу] Мих[айловичу], я получил под большим секретом от самого Зензинова⁴. Кстати скажу, что и он тоже не хватает звезд с неба⁵.

Пока первые дни в Ницце буду один и, конечно, использую этот случай вполне.

В следующих письмах из Ниццы развить подчеркнутую мысль —

- 1) Сав[инков] совершивши акт — в ЦК будет сила.
- 2) Убрав его, я сам, а не другой должен встать на его место.
- 3) Для этого я не должен ли зарекомендовать себя самостоятель[ным] делом.

Телеграмма из Лондона⁶

30/IX в ПБ. Герасимову:
«Введенская. Царенко. Был в Кельне. Альверт»

ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.343. Л.14-15об.

¹ Вячеслав Михайлович — под этой кличкой проходил офицер охраны Долгов, посланный А.В.Герасимовым в Париж для связи с А.А.Петровым.

² *Фейт* Андрей Юльевич (1864-1926) — сын врача, в 1890-х принадлежал к «группе народовольцев» М.С.Ольминского, за что был сослан в Сибирь. В ПСР вступил в 1903 в Чите, в 1905 кооптирован в Исполком Петербургского Совета рабочих и крестьянских депутатов, член ЦК ПСР. В 1906 арестован, в 1908 бежал из Сибири и эмигрировал. Являлся членом Заграничной Делегации ЦК ПСР.

³ *Бинт* Генри (1853-1929) — французский гражданин, в 1880-1917 агент заграничной агентуры ДП в Париже.

⁴ *Зензинов* Владимир Михайлович (1880-1953) — сын богатого московского купца, член «гейдельбергского кружка», к которому принадлежали Н.Д.Авксентьев, И.И.Фондаминский и А.Р.Гоц, с 1905 член ЦК ПСР, лидер Московского комитета ПСР и один из руководителей московского декабрьского вооруженного восстания. В 1906 — член БО ПСР. На V Совете ПСР избран членом ее ЦК. В середине 1909 уехал на нелегальную работу в Россию, в 1910 арестован охранкой как член ЦК ПСР.

⁵ Уничжительные характеристики, данные А.Ю.Фейту и В.М.Зензинову, — явная попытка Б.В.Савинкова дезинформировать охранку. И тот, и другой пользовались авторитетом в партии и вели активную работу. Зензинов, являясь членом ЦК ПСР, находился с середины 1909 в России и вместе с еще одним цекистом занимался налаживанием партийных связей и координацией деятельности местных и заграничных организаций. Ссылка на Зензинова как на источник какой-то информации почти наверняка ложна и необходима была Савинкову для того, чтобы, во-первых, зафиксировать пребывание Зензинова за границей, во-вторых, поднять значение Петрова в глазах Герасимова.

⁶ Текст телеграммы написан на обороте проекта письма Герасимову от имени Петрова.

4

Савинков — Фондаминскому. 23 октября 1909

Дорогой друг,

Сергей¹ Вам изложит в подробностях неожиданные затруднения, с которыми он встретился в Финляндии, он же представит Вам и письменный о них доклад. Ваше дело, конечно, установить, какие по Вашему мнению нужно, отношения с ЦК финнов², я же должен сказать (это мнение разделяется и В.³), что затруднения эти вызваны *не столько юридической стороной дела, сколько, мне кажется, нежеланием определенных финнов участвовать в каких бы то ни было наших специальных предприятиях*. Несмотря, однако, на указанные затруднения, Сергей частным образом через частных финнов устроил некоторую возможность действия

и отступления в Финляндии, так что отказ ЦК финнов не ставит нас в безвыходное положение.

С аннексией Выборгской губернии⁴, мне думается, вообще дело осложняется. Сам собою становится вопрос о действии в пределах России, а следовательно, в Петербурге. Я старался принять все меры, что считал своею обязанностью, для устранения этого риска. Если, однако, по независящим от нас обстоятельствам, придется перенести действие в СПб, я не отказываюсь от личного в этом участия, но раньше, чем дам окончательное согласие, я бы хотел видеть Степана⁵ и Семена⁶. О свидании этом я условился с Сергеем.

Я бы хотел через Сергея или Степана знать, как Вы *официально* отнесетесь к отказу ЦК финнов и не запретите ли нам действовать в Финляндии, даже если к тому представится возможность. Такое запрещение было бы резко противно моему мнению.

Еще о наших делах:

Если Вы не высылали денег октябрьских Mansell, как я Вас просил, *то и не высылайте, а передайте через Степана*: по дороге на свидание ко мне он заедет в Париж.

Денежный отчет о моих поездках по делу Сергея и К^о я представляю, когда поездки кончатся, теперь же сообщаю, что Сергей отдал мне в счет долга 450 фр.

Сергей обещал мне *внести сейчас же* весь долг его и К^о нам⁷. Он же обещал мне денежную помощь в возможных для него пределах нашему делу⁸.

Об этом он будет с Вами говорить.

Прилагаемое письмо Бур[цеву] прочтите и, прошу Вас, передайте лично.

Теперь два слова *pro domo sua*⁹. Голубчик Илюша, я не обещал и не обещаю *быстроты*. Я обещаю ее тем менее, что вижу на каждом шагу, что после Аз.¹⁰ и *всей болтовни* всех Марков Анд[реевичей] и Вер Ник[олаевен]¹¹ обо мне, мне приходится кроме обычных затруднений преодолевать личное недоверие ко мне. Я утешаюсь только тем, что имею доверие своих товарищей и Ваше и опять говорю Вам: или мы сделаем наше дело, или нас не будет. Обнимаю Вас, имейте терпение и доверие.

Сообщите мне, как дела в Вюртемберге.

Ваш Павел

ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.351. Л.11-12об.

¹ Сергей Павлов — псевдоним Б.В.Бартольда.

² Имеется в виду Партия активного сопротивления Финляндии, возникшая в 1904, которая была близка по некоторым программным и так-

тическим установкам к ПСР, совершала террористические акты, сотрудничала с русскими революционными и оппозиционными организациями.

³ Вероятнее всего, речь идет о В.О.Фабриканте или В.М.Чернове.

⁴ Выборгская губерния была присоединена в 1811 к Финляндии, включенной в 1809 в состав Российской империи. В 1907-1911 царским правительством был проведен ряд мероприятий, ограничивавших автономию Финляндии, в том числе и аннексия Выборгской губернии.

⁵ С.Н.Слетов.

⁶ А.А.Петров.

⁷ Речь идет, по-видимому, о расходах Бартольда и Савинкова по подготовке покушения Петрова на Герасимова.

⁸ Б.В.Бартольд, действительно, жертвовал деньги на БО, а затем начал финансировать Заграничную Делегацию ЦК ПСР, с трудом сводившую концы с концами.

⁹ *pro domo sua* (лат.) — от себя лично.

¹⁰ Имеется в виду установившаяся в эсеровской партии атмосфера недоверия после разоблачения Азефа в январе 1909.

¹¹ Имеются в виду М.А.Натансон и В.Н.Фигнер.

5

Савинков — Фондаминскому. 25 октября 1909

Дорогой друг,

только что прочел известие. Мое мнение, что хотя дело *проиграно технически*, оно *выиграно морально и общественно*¹. Поэтому я настаиваю, чтобы была сказана правда: руководство двух букв². Я придаю этому упоминанию большое значение, *только для этого упоминания я и шел на огромный риск* во всех отношениях. Факт отклонения от принятой линии поведения не уничтожает факта руководства и контроля, ибо руководитель принимает ответственность, конечно, и за ошибки руководимого.

В письме не хочу спорить. Говорю «спорить», ибо со слов В.³ вынес впечатление, что с Вами, как для меня ни неожиданно, — придется спорить. Во всяком случае *настаиваю на своем праве* участвовать в редакции⁴.

Лучше всего приезжайте с Нейером, *но ко мне не заходите*, а получив Р.Р. в San-Remo на Ed. Ell[enbogen] найдите меня по указанию. Телеграфируйте заранее: без этого не пошлю письма в San-Remo. Если поедете, приезжайте *осторожно*.

Обнимаю Вас.

П[авел]

ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.351. Л.48-48об.

¹ Имеется в виду убийство Петровым полковника Карпова вместо А.В.Герасимова.

² Речь идет о руководстве БО делом Петрова.

³ В. — вероятно, В.О.Фабрикант или В.М.Чернов.

⁴ Речь идет о тексте сообщения в партийной печати об убийстве Петровым полковника Карпова.

6

Савинков — Фондаминскому. 27 декабря 1909

Дорогой друг,

только что получил Вашу записку.

То обстоятельство, что решение принято без меня¹, я рассматриваю как *явное нарушение прав того Торгового Дома*², представителем которого я имею честь быть. Оправданий этому нарушению я не вижу никаких, ибо, с одной стороны, право моего участия было признано Вами официально и воспользоваться этим правом я пожелал, о чем имеется у Вас документ, с другой — адрес мой Вам был известен, и даже в случае крайней спешности Вы имели возможность снестись непосредственно со мною по телеграфу. Однако даже и спешности я из Вашей записки не усмотрел.

Напоминаю Вам, что до сих пор я старался поддерживать добрые отношения с Вашей фирмой, полагая, что вновь избранное правление не пойдет по следам старого³. В случае большой важности, я не воспользовался правами, мне предоставленными, и счел возможным иметь совещание с Вашим представителем.

Констатирую, что в данном случае — случае еще большей важности — Вы поступили обратно. Разница еще в том, что я *не пользовался своими правами, Вы же нарушили мои*.

Этот факт отнюдь не укрепит доверия акционеров нашего общества к правлению Вашего Дома, не укрепит, в частности, и моего. Более того, я предвижу, что опираясь на этот прецедент, мы, в аналогичном случае, поступим так же, как Вы, т.е. не считая нужным узнать Ваше мнение.

Ваш⁴

ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.351. Л.50-50об.

¹ Текст сообщения об убийстве Петровым полковника Карпова был составлен без участия Савинкова или кого-либо иного из членов БО ПСР.

² В целях конспирации Савинков часто использовал подобную терминологию. В данном случае речь идет о БО, взаимоотношения которой с ЦК регулировались январским постановлением ЦК ПСР о создании

боевой группы Савинкова и договором между БО и ЦК, принятом на V Совете партии в мае 1909. Текст этого договора неизвестен. Термин «договор» употреблял Савинков в одном из своих писем Фондаминскому, но, возможно, речь идет о резолюции «О терроре», которая не была опубликована. В любом случае, данный документ находится, вероятнее всего, в Архиве ЦК ПСР в Амстердаме.

³ Речь идет об отставке на V Совете партии старого ЦК ПСР в связи с делом Азефа и о выборах новых лиц в ЦК и Заграничную Делегацию. Савинков также имеет в виду тот факт, что с момента возникновения БО в 1902 между ее руководством и ЦК шла скрытая борьба по вопросу о степени независимости БО от партии.

⁴ Подпись неразборчива.

7

Савинков — Заграничной Делегации ЦК ПСР¹
[март 1910]²

Я хочу, чтобы товарищи знали о тех затруднениях, с которыми пришлось встретиться Боевой Организации еще в период ее формирования.

Центральный Комитет постановил восстановить Боевую Организацию в январе 1909 г. Только в марте 1910 года она оказалась в полной боевой готовности. Значит, с момента формального постановления до того дня, когда Организация стала в действительности представлять собою боевую силу, т.е. группу дисциплинированных, взаимно друг другу доверяющих и хорошо вооруженных людей, прошло 14 месяцев³. Чем объяснить эту медленность?

Денежное обеспечение организации взял на себя в размере 49 т.р. и сроком на 1 год Центральный Комитет, рассчитывая обратиться на боевое дело находившийся в его распоряжении источник ежемесячных взносов⁴ в размере от 2 до 3 т.р. в месяц и недостающие взносы покрыть из пожертвований⁵. Гарантию поступления ежемесячных взносов в размере minimum 2000 руб. представил в виде словесного обещания в присутствии В.Н.Фигнер⁶, М.А.Натансона⁷ и моем в марте 1909 г. доктор Жихарев.

Гарантия эта послужила одною из причин моего согласия взять на себя ответственность за восстановление Боевой Организации: только при условии полного денежного обеспечения можно было, по-моему мнению, приступить к работе с надеждою на успех.

Доктор Жихарев внес в мае 1909 г. 3 1/2 т. рублей, хранившихся у него как остаток от сумм Боевой Организации 1908 г., и в июле 2000 руб. Затем он никаких взносов не делал.

Тогда денежное обеспечение взял на себя по собственной инициативе И.И.Фундаминский⁸. Только благодаря ему Боевая Организация не была вынуждена прекратить свое существование из-за недостатка денежных средств⁹. Но *один* Фундаминский, конечно, не мог гарантировать правильности денежных поступлений: впер-вые в июле Боевая Организация получила возможность присту-пить к подготовительным действиям, в октябре недоимка Цент-рального Комитета уже равнялась 1800 р., в ноябре 2000 руб., в декабре 3200 руб., в январе 2080 руб., в феврале 3670 руб., не считая того, что ежемесячный взнос был понижен с первоначальной цифры в 3000 руб. на 2500 руб.

Насколько же велики были именно организационные расходы, т.е. расходы по постановке Организации, видно из следующей таблицы¹⁰:

июль — январь 1910 г.

Организац[ионные] расходы	12080 р.	или ок[оло] 48%
Содержание Организации	7945 р.	или ок[оло] 32%
Конспиратив[ные] расходы	2090 р.	или около 8%
Пособия	1500 р.	или ок[оло] 6%
Расходы по неприн[ятым] членам и др.	1705 р.	или около 6%
Всего	25320 р.	

В январе 1910 г. % организационных расходов увеличился еще более:

Организац[ионные] расходы	1770 р.	или 54, 5%
Содерж[ание] о[рганизац]ии	838 р.	или 25,6%
Конспират[ивные] расх[оды]	315 р.	или 9,6%
Пособия	206 р.	или 6,3%
Расходы по непр[инятым] чл[енам] и др.	136 р.	или 4%
Всего	3257 руб.	

Наконец, в январе 1910 г. Центральный Комитет получил воз-можность обратиться на нужды Боевой Организации некоторые по-ступившие в его распоряжение суммы¹¹ и с марта 1910 г. Боевая Организация могла считаться денежно обеспеченной.

Наличный состав Боевой Организации комплектовался в усло-виях тоже резко отличных от периода боевой деятельности 1903-1907 гг. Из 28 человек, заявивших желание вступить в Боевую Ор-ганизацию, 16-и, т.е. около 55% пришлось отказать: 13-и по их не-

годности к центральной боевой работе и 3-м по подозрению их в провокации. Из принятых 12 человек 5, т.е. около 40% принадлежали уже ранее к центральным партийным учреждениям и только 7, т.е. 25% всех кандидатов в Боевую Организацию, явились как члены местных организаций и групп. Кроме того, свою кандидатуру в Боевую Организацию выставили 2 установленных провокатора (Деев и Т.Цейтлин)¹².

Из принятых в Боевую Организацию товарищей 11 было состоящих под судом, лишенных прав состояния или разыскиваемых полицией и только 1 был полиции неизвестен.

Наконец, моральные условия, в которых пришлось формироваться Боевой Организации, были исключительно неблагоприятны¹³. После дела Азефа было утрачено взаимное доверие между членами Партии. Появилось партийное течение, отрицавшее необходимость террора. В партийную печать проникали статьи, направленные против восстановления Боевой Организации¹⁴. В партийных кругах громко выражалась уверенность в неизбежном поражении центрального террора. Словом, все элементы партийной деморализации были налицо. С другой стороны, радикально-социалистические элементы, оказывавшие раньше помощь Боевой Организации, отказывались ей служить, либо из малодушия, либо из недоверия. Боевой Организации пришлось формироваться вопреки общественному мнению и без достаточной¹⁵ поддержки Партии¹⁶.

Пусть же товарищи не судят строго нас, если нам не удастся решить наши задачи¹⁷.

Б.Савинков

ГАРФ. Ф.6212. Оп.1. Д.42. Л.3-5.

¹ Заграничная Делегация ЦК ПСР была создана на V Совете ПСР (в мае 1909), который в связи с делом Азефа принял отставку всего состава ЦК и провел реорганизацию структуры партийного руководства. Действовавшая наряду с ЦК, члены которого обязаны были находиться в России, Заграничная Делегация координировала деятельность разрозненной эсеровской эмиграции.

² В фонде Б.В.Савинкова хранится также черновик этого письма-отчета Заграничной Делегации, который имеет ряд отличий от окончательного варианта. См. прим. 17 к этому документу.

³ Факт появления этого документа именно в марте 1910 не случаен. Отзыв группы наблюдателей из Петербурга, поиски провокатора в БО и необходимость составлять новый план действий вынуждали Савинкова, с одной стороны, заранее подготовиться к возможным упрекам со сто-

роны руководства партии, с другой — тянуть время. Говоря о том, что БО оказалась в полной боевой готовности «только к марту 1910», Савинков был далек от истины. Как раз к этому времени БО уже находилась в параличе, имея проваленный план и провокатора в своих рядах. К активным же действиям БО перешла еще в конце осени 1909, когда в Россию была отправлена группа наблюдения.

⁴ Речь идет о деньгах, полученных Туркестанским обкомом ПСР в результате Чарджуйской экспроприации, совершенной группой эсеров во главе с погибшим в ходе этого дела С.В.Ососковым. Деньги были вручены уполномоченному ЦК по Туркестанской области В.Г.Иванову для передачи в ЦК ПСР с целевым назначением для организации царевбийства. Легализовавшись в России, В.Г.Иванов разместил деньги частью в банках, частью на руках (точная сумма неизвестна, около 70-80 тыс. руб.). В конце 1908, будучи за границей, он обещал предоставить какую-то часть этих денег для финансирования БО ПСР, но передал лишь незначительную часть обещанного. Понадобилось более полугодя, чтобы путем ущеждений и угроз вплоть до исключения из партии получить от него сумму в размере 43 тыс. руб., часть из которых была использована на общепартийные нужды (в зачет израсходованных из партийной кассы на БО ранее).

⁵ Далее зачеркнуто: «сумм, пожертвованных с этой целью И.И.Фундаминским и другими».

⁶ Хотя после эмиграции в 1906 В.Н.Фигнер вошла в состав Заграничной Делегации, ее участие в руководстве эсеровской партии было достаточно номинальным. Принимала участие в третейском суде над Бурцевым (в связи с делом Азефа), а затем сосредоточилась исключительно на защите прав политзаключенных в России.

⁷ *Натансон* Марк Андреевич (1850-1919) — известный народник, один из основателей общества «чайковцев» и «Земли и Воли», руководитель партии «Народного Права». Играл важную роль в ПСР. Избран в ее ЦК на 1 съезде в декабре 1905 — январе 1906. Вплоть до февраля 1917 являлся кассиром Заграничной Делегации.

⁸ Далее зачеркнуто: «в виду полной несостоятельности доктора Жихарева».

⁹ И.И.Фондаминский (он и его жена Амалия Осиповна происходили из богатых московских купеческих семей) оказывал помощь БО из собственных средств. Помогал БО и Б.В.Бартольд: судя по всему, он имел какой-то процент отчислений от наследства, который тратил на финансирование БО, а позднее — Заграничной Делегации. Примечательно, что отдавая все полученные (не очень большие) деньги из петербургского банка на партийные нужды, Бартольд был вынужден занимать деньги для себя лично. Члены БО также сами жертвовали на нужды своей организации. Дорогие вещи (часы, портсигары и т.п.) им пришлось однажды заложить для оплаты пансиона, где они конспиративно жили.

Кроме того, по свидетельству М.М.Чернавского, деньги на БО ПСР жертвовали еще как минимум двое неизвестных, отдававших деньги не-

посредственно Савинкову. Вероятно, были и другие пожертвования, но, судя по всему, эти суммы были невелики. Оценивая в целом финансовое положение БО, можно заключить, что многократные мольбы Савинкова о скорейшей присылке денег и его угрозы отставкой и роспуском БО имели под собой более веские основания, чем обычное желание руководителя выбить из начальства побольше денег для своей организации.

¹⁰ Подробной расшифровки расходов по всем статьям ни за данный промежуток времени, ни за последующий Савинков не делал. О существовании расходов мы можем судить только предположительно. В организационные расходы, надо думать, входили покупка оружия (браунингов и кольтов), устройство химической лаборатории на острове Джерси и покупка необходимых химикатов для производства динамита и бомб, покупка шести лошадей и пролеток для организации наблюдения в Петербурге (декабрь—март 1910). В статью «содержание организации» входили, на наш взгляд, расходы на транспорт и жилье для членов БО, а также расходы на питание и одежду (впрочем, последняя могла идти и по графе организационных расходов). Как уже упоминалось, члены БО жили за границей единой колонией, неоднократно меняя свое местопребывание. Кроме того, много ездили по России эмиссары БО, решая ее организационные и кадровые проблемы. Извозчикам из группы наблюдения давали деньги только на покупку экипажей, а на жизнь они зарабатывали своим ремеслом. Тяжелые условия их жизни, красочно описанные в мемуарах М.М.Чернавского, оказались, например, не под силу С.Н.Слетову, серьезно заболевшему и вынужденному уехать за границу. Членам организации приходилось экономить на еде: по воспоминаниям все того же Чернавского, летом и осенью 1910 группа ужинала печеной картошкой. К «конспиративным расходам» следует отнести покупку чистых бланков заграничных и русских паспортов и приобретение подлинных заграничных паспортов. Возможно, сюда же надо отнести траты на ухищрения, использовавшиеся членами БО при поездках в Россию: многочисленные пересадки с поезда на поезд с целью запутать филеров заграничной охраны. В «расходы по непринятым членам» включались транспортные и жилищные расходы кандидатов в БО, не ставших ее членами. Значительность организационных расходов БО, на наш взгляд, объясняется еще и тем, что после разоблачения Азефа всю инфраструктуру БО пришлось создавать заново.

¹¹ Речь идет о деньгах, полученных от В.Г.Иванова.

¹² Далее зачеркнуто: «(Таким образом из общего числа 30-и кандидатов в Боевую Организацию: 12 человек было принято или 40%; 13-и было отказано по непригодности или 43%; 5 — по мотивам их неблагонадежности или 17%)».

¹³ Первоначальный вариант фразы читался так: «Наконец, моральные условия, в которых пришлось формироваться Боевой Организации, представляли исключительные особенности сравнительно с предшествующими годами».

¹⁴ Далее зачеркнуто: «(Отдельные члены Боевой Организации подвергались весьма резкой критике еще до начала их деятельности)».

¹⁵ Первоначальные варианты, зачеркнутые в тексте: «моральной», «технической».

¹⁶ Далее зачеркнуто: «Таким образом, в денежном отношении Боевая Организация до марта 1910 г. была недостаточно обеспечена, в комплектовании своего личного состава она встретила с непредвиденными затруднениями».

¹⁷ В черновике письма, хранящемся в фонде Б.В.Савинкова, содержится следующая информация, не вошедшая в окончательный вариант:

Возрастной состав БО определялся так: от 50 до 60 — 1; от 30 до 40 — 4; от 25 до 30 — 4; ниже 25 — 4. Всего 12, из них состоящих под судом и лишенных прав состояния и разыскиваемых полицией 11.

/.../ Отсутствие этой моральной поддержки влияло также и на укомплектование Организации: кандидатов явилось, как было видно из предыдущего, меньше, чем когда-либо, и боевая подготовка этих кандидатов в большинстве случаев была ниже среднего уровня.

О поддержке т.н. общества, т.е. лиц, оказывавших ранее услуги БО, не приходится и говорить. Такой поддержки не было вовсе. Члены БО встречались либо с недоверием, либо с малодушием. Отношение радикальных кругов к восстановлению боевой деятельности видно из следующих цифр. Частных пожертвований в июле было 1900 руб. Август — 125 руб.; сентябрь — 300 руб.; октябрь — 125 руб.; ноябрь — 325 руб.; декабрь — 0; январь — 400 руб. Всего 1070 руб. [так! — К.М.], из коих 670 руб. было пожертвовано самими членами Организации и только 400 руб. на 8 месяцев поступило от сочувствующего общества.

Т.о., в денежном отношении БО до марта месяца была недостаточно обеспечена, в деле укомплектования своего состава она встретила с политической деморализацией партии и с несколькими попытками провокации, наконец, моральная поддержка общества и реальная его помощь равнялась почти нулю.

/.../ Пусть же товарищи не судят строго нас, не сумевших решить выпавшей нам на долю тяжелой задачи.

/.../ Боевая Организация, как бы она ни была обособлена технически и как бы ни была в своей деятельности оторвана от внешнего мира, нуждается в моральном сочувствии Партии и народа. И чем это сочувствие больше, тем сильнее Боевая Организация: каждый член ее знает, что за узкими пределами террористической группы стоит революционная армия и что каждый солдат этой армии верит ему, ждет от него высшего напряжения его сил, действительно сумеет выполнить то дело, за которое взялся. (ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.331. Л.3об.-5).

Я. Бердо — И. И. Фондаминскому. 23 июня 1910¹

Илья Исидорович!

Знаю, что ответов не могу получить на сонмище вопросов, которые меня всего охватили. Скрутили и мучают. Но Вы все-таки прочтите. Прочтите, чтобы меня понять!

Как трудно было вернуть мысль к своим функциям. Как мучительно долго было отсутствие ее. Она вернулась и явилось желание постараться уяснить себе причины.

Причины другие, о которых я спрашивал уже в Вашем присутствии, т.к. инцидент был там исчерпан². Он был исчерпан! Были искренние слова, поцелуи. Я принужден искать причину вне инцидента, ибо тогда как понимать поцелуи! Вы понимаете, что невыносимо тяжело. И этот клин на всю жизнь, на всю жизнь калекой!.. Но я опять в истерику впадаю.

Вам, Илья Исидорович, не каждое, б[ыть] м[ожет], слово будет совершенно понятно. Не будет понятно так, как оно стало бы понятно им, к которым я обращал свои слова, потому что за каждым словом следуют наши разговоры, наши мысли, наша совместная жизнь в организации.

Слова эти диктованы страданиями души моей... И не удивляйтесь мукам моим. Не удивляйтесь, что мысль работала скачками, хватаясь за соломинку в надежде найти ответ — ведь это не шутка, что я себя знаю, а цели организации мне известны! Какой вопрос ставит передо мной это знание? Какую же цель могла преследовать организация, исключая меня?.. Вы понимаете, Илья Исидорович, как мучительно больно думать дальше этого! И какими силами заставить мысль остановиться на этом месте и ждать ответа?.. Эх, тяжело!

Прочтите. Прочтите, если организация имела определенную цель в факте исключения и вынуждена была заявить об этом официально ЦК — то я хочу, чтобы Вы понимали меня.

Даже если ЦК in cogroge знает все подробности инцидента, то прочтите сами. Пусть наши семейные дела останутся среди нас.

Прочтите и уничтожьте, Илья Исидорович, если двери Организации закрыты и для этой бумажки.

Грустно и тяжело, очень тяжело... Тяжел удар молота, но я не стекло.

Н. В.³

Будьте добры, Илья Исидорович, сообщите мне адрес Миши⁴, если он Вам известен. У меня его вещи. До субботы пробуду в этом отеле⁵.

M-r Théodore Boulla (я) Hotel de la Coupe d'Or ch №20 Boulevard Garibaldi Paris

Н.В.

ГАРФ. Ф.5831. Он.1. Д.340. Л.16-17.

¹ В публикацию не включено первое письмо Яна Бердо членам БО из-за его большого объема. По воспоминаниям М.М.Чернавского, первое письмо Яна Бердо членам БО — выпренное и патетическое — только усилило подозрения в его адрес. Его содержание аналогично содержанию публикуемых писем.

² Во время карточной игры, которая, помимо вечерних бесед, скрашивала вынужденное безделье членов БО, Ян Бердо, заподозрив Савинкова в подглядывании к нему в карты, назвал его шулером, чем вызвал неловкость всех присутствующих. Савинков, бросив карты, молча вышел из комнаты.

³ Н.В. — «Николай Васильевич» — конспиративное имя Яна Бердо. Внутри БО у него было еще одно имя — «Ротмистр». Оно появилось весной 1909, когда его товарищи, наблюдая, как он обращался с заподозренными в провокации Цейтлин и Деевым, отметили, что он «строг, как настоящий жандармский ротмистр».

⁴ Речь идет о Вацлаве Коморском (конспиративное имя *Миша* Садовник), удаленном из БО весной 1909.

⁵ После исключения из БО Ян Бердо переехал в Париж и работал в партийной типографии. Савинков в одном из своих июльских (1910) писем И.И.Фондаминскому советовал ему «оттеснить» Яна Бердо от всякой партийной работы, ибо это грозило скандалом для Заграничной Делегации, когда «публика узнает, в чем его обвиняют». Воспользовался ли И.И.Фондаминский этим советом, неизвестно.

9

Я.Бердо — Неизвестному адресату. 30 июня 1910

Если товарищи так думают обо мне, как я сейчас имею основание предполагать, то я их понимаю — они не могли поступить иначе. Если Вы думаете, что я назвал или подумал о нем шулер и что я извинившись перед С.Н.[Слетовым]¹ тем самым показал, что я подлец, — вы не могли мириться с моим присутствием в Организации.

Для меня ясно одно, что если бы я так подумал о нем, то я повторил бы это потом и сейчас. И для меня ясно, что если бы я имел основание думать о себе так, то я ни минуты не оставался бы в Организации.

Что я могу сказать, когда Вы уверены в том, чего я не делал. Я повторяю — не думайте так, не думайте, ибо этого не было.

Повторяя Вам свою психологию, я думал, что Вам также понятно, как и мне самому, о какой мысли я говорил. Я допустил мысль, что П.И. посмотрел в карты (там, в этой обстановке, при тех условиях, в эту секунду жизни и т.д. и т.п.), — Вы предположили, что я думал о нем, как о шулере.

Если Вы уже не можете или не хотите видеть разницы в этих двух вещах, если Вы способны приписывать мне то, чего я не способен был сделать по отношению к Вам и если Вы можете думать обо мне, что я подлец — это указывает на одно — в Ваших сердцах нет больше места для понимания меня. Нет больше любви и нет возможности понимать того, что было на самом деле. Вы уже не можете понять, что в тот самый момент, как мне показалось, что П.И. посмотрел, — я потерял способность правильно думать, и Вы не можете понять, что моя любовь к нему стояла на препятствии к такому допущению, какое Вы мне приписываете. Если так, то я причину знаю. Она — мысль, которая лишь приписывается мне. Как может человек доказать, что его обвиняют неправильно, если ему ставят в вину то, чего он не делал? Тем, у кого есть любовь к обвиняемому, тем достаточно сказать — я этого не думал. Тем, у кого ее нет — ничего не докажешь.

Если я сумею убедиться или мне докажут, что я неправильно называю это любовью то чувство, которое я испытываю, то скажу — у меня любви нет. Я ее чувствую в себе к самому себе и в каждом другом человеке к нему самому. Из этого примера я ее и понимаю. Чувство любви дает право на полную интиму между двумя душами (как к самому себе), оно соединяет две души в одну, оно дает возможность разбираться в чужой, как в собственной, но в то же время оно стоит на препятствии к тому, чтобы укрепиться в одном из разбираемых пунктов любимой души. (Пока она существует, можно только плохо думать, но не придти к плохому заключению, ибо пока существует любовь, существуют те причины, которые ее вызвали). Если сумею убедиться, что я ошибаюсь, называя любовью то чувство, которое заставляет мужа (до безумия любящего свою жену) сомневаться в ее честности, благодаря пустому пожатию руки другому, отнимает у него голову — он ищет правильной мысли, но не может ее найти, — и которое стоит на препятствии, чтобы он в это верил, то я скажу, что дру-

гого чувства у меня нет. Это же чувство любви открывает ему глаза, лишь только они заговорят, они оба понимают, что он думал без мысли в голове. Любовь заставляет дрожать за любимого человека, за его чистоту, а это дает поле для предположений, но она не позволяет прийти к плохому выводу. Потому что она является результатом присутствия хорошего (по мнению того, кто любит) в том, кого он любит. Если я найду ответ, что любовь не то чувство, которое рождается у одного признанием хороших качеств в другом человеке и что она не дает права на полную интимность, что она не дрожит за чистоту любимого и тем самым не вызывает ревности, т.е. не допускает пустяковых предположений, то я скажу, что любви не существует. Она предполагается лишь, если желать назвать любовью другое чувство, слепое, безрассудное, ибо зачем-то у человека имеется мозг. И поскольку я не хочу сознательно закрывать глаз, то я не могу идеализировать ее и я называю любовью то, что существует, а не то, что можно нарисовать себе в воображении. Если я буду иметь возможность убедиться, что я ошибочно называл любовью то, что мешает матери назвать сына вором, когда она находит у него чужую ручку, — и если не любовь заставляет ее сказать ему «отнеси обратно», то я буду думать и поступать иначе.

Но все равно Вы меня не можете понять. И хотя я это знаю и все-таки повторяю — пока я жив, жива моя любовь к Вам. Ваша радость в деле будет моей радостью, Ваше горе — моим горем. Здесь, к сожалению, я могу лишь произносить слова и лишь время убедит Вас в их искренности.

Н.В.

ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.340. Л.18-19.

¹ Насколько можно понять из сбивчивых пояснений Я.Бердо, приведенных им в его первом письме в БО, С.Н.Слетов обозвал его «подлецом и провокатором», он же, промолчав, позже извинился перед С.Н.Слевым. Когда и в связи с чем произошел этот инцидент, неизвестно.

10

Предсмертное письмо Я.Бердо членам БО ПСР.
7 ноября 1910

Товарищи!

Здесь, стоя на краю гроба, я не в состоянии говорить по поводу тех чудовищных обвинений, какие предъявлялись мне Вами. Не в состоянии, ибо не могу побороть в себе чувство негодования и

если бы я его стал растревать, то не мог бы поручиться за конец. Возмущение, которое сводило меня в могилу, могло бы поднять мою руку против Вас. Против Вас, которых я не могу упрекнуть ни в отсутствии любви ни доброжелательности по отношению ко мне, но в то же время Вы являетесь моим Обвинителем. И мне легче умереть, чем поднять руку против Вас! на что меня толкает возмущение моего существа. И Вы задумайтесь получше уже здесь, над трупом, над безосновательностью своих подозрений. Только тут вы будете иметь возможность со всей ясностью понять, как жестоко и несправедливо глумились над моей личностью и как велика моя любовь к Вам, заставившая меня не защищать себя оружием.

Я счел уже свои часы. Немного их остается, а столько много хотелось бы сказать Вам, мои дорогие. Знайте, что в моей смерти правительство будет праздновать победу. Оно будет иметь возможность сказать — одним заклятым врагом меньше. И Вы должны искать того, чего искали, но искать в другом месте и не так, чтобы поиски Ваши окончились смертью невинного.

До последней своей минуты я не верю в то, что Вы можете обо мне так думать, но несправедливость обвинения столь тяжела для меня, что я не могу пережить его.

Последнее, прости, всем Вам, друзья мои, от столь же честно-го и преданного делу, как и Вы сами¹.

Ян Бердо

Еще раз спасибо за протянутую Вами руку, за Вашу любовь безграничную и до конца. Верю, что не по доброй воле своей нанесли мне удар прямо в сердце. Я же спокойно смотрю в глаза смерти, ибо умираю таким же чистым, как умер бы в руках правительственной шайки.

Последняя просьба к Вам, друзья, предложить Делегации возратить мой долг Деду 77 ф. 25 с., 17 ф. 30 с. Тамбовцеву и 2 фр. т.Захарову² (все в типографии).

Прощайте! Целую Вас всех крепко, крепко и в последний раз.

Ян Бердо

ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.340. Л.20-20об.

¹ В письме И.И.Фондаминскому от 22 июля 1910 Б.В.Савинков просил переслать ему письма Я.Бердо, адресованные Заграничной Делегации, и утверждал: «Я больше, чем когда-либо убежден, что он провокатор». После самоубийства Бердо Савинков сказал Чернавскому: «Переехали человека».

² Речь идет о трех работниках из партийной типографии в Париже.

Объяснительная записка Савинкова
о самоубийстве Я.Бердо. 18 ноября 1910

В Делегацию Центрального
Комитета ПСР

Дорогие товарищи,

считаю долгом поставить Вас в известность о следующем:

Окончивший жизнь самоубийством Ян Бердо состоял в БО с мая 1909 г. по июнь 1910 г., когда был уволен без объяснения причин.

Причиной, ему неизвестной, его увольнения послужили такие обстоятельства: Организация оказалась к весне 1910 г. скомпрометированной в полицейском отношении. Скомпрометированность эта могла быть объяснена лишь наличием внутренней провокации¹. При невозможности обнаружения таковой провокации, подлежали удалению все те лица, относительно коих у всех членов Организации не было полной и всесторонней уверенности в их моральной безупречности. Что же касается Яна Бердо, то моральная связь между ним и всеми остальными членами Организации была в этот момент поколеблена.

Впоследствии Ян Бердо обратился в БО с письменным заявлением о невыносимости для него создавшегося положения и просьбою выяснить ему причины его увольнения.

Идя навстречу его желанию, два представителя БО вызвали его 7-го сего ноября для объяснения*, в течение коего *Ян Бердо был* уличен и после долгого заперательства сознался во лжи Организации, в обстоятельствах, связанных с его обязанностями как ее члена².

Ввиду того, что Ян Бердо удовлетворительного объяснения мотивов своей лжи во время упомянутого объяснения не представил, ему было предложено представить заново в письменном виде.

8-го сего ноября вместо затребованных объяснений Ян Бердо прислал письмо, в коем заявлял о своем намерении лишить себя жизни. Того же 8-го ноября уполномоченные Боевой Организацией товарищи Моисеенко и Дед⁴ отправились к Яну Бердо с целью пригласить его для выслушания приговора Боевой Организации,

* При объяснении этом по просьбе БО и с согласия Яна Бердо присутствовал тов. Гарденин³ (Прим. Б.В. Савинкова).

коим Ян Бердо исключался из ее состава за ложь Организации в обстоятельствах, связанных с его обязанностями как ее члена.

Уполномоченными товарищами Ян Бердо розыскан не был.
С товарищеским приветом за БО
Борис Савинков

ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.340. Л.6-6об.

¹ Подозрения о наличии в БО провокатора основывались на двух обстоятельствах: словах правого депутата Думы, имевшего связи с охранкой, о прибытии «в столицу банды террористов», поделившегося этой новостью с приятелем-прокурором, которая затем дошла до сведения эсеров, и факте перлюстрации писем членов БО из Петербурга к Савинкову, шедших через подставных лиц. Последнее свидетельствовало о том, что те находятся под надзором полиции.

² Столь расплывчатая формулировка объяснялась отсутствием прямых улик, позволявших выдвинуть против Я.Бердо обвинение в провокации, в которой он подозревался. Сразу после возвращения группы наблюдения из Петербурга Савинков объявил о наличии в ней провокатора, и поиск его стал основной задачей группы. Вызов Савинковым Я.Бердо в Париж был предпринят исключительно для проверки подозрений в его адрес, и поэтому его опоздание и попытка скрыть его причины окончательно укрепили подозрения Савинкова и всех других членов группы.

Разоблачение в сентябре И.П.Кирюхина ставило под сомнение основной мотив исключения Бердо — подозрение в провокации, т.к., по словам Чернавского, члены БО исходили из того, что провокатор только один. Но принятие Бердо обратно в БО было психологически невозможно, а потому был вынесен приговор с указанной формулировкой. Многие в деле Бердо неясно. Прежде всего непонятно, почему он пытался скрыть причины своего опоздания. Странной кажется и его «недогадливость» о причинах исключения из БО, в то время как члены БО уже в течение нескольких месяцев искали провокатора, а его самого изобличили во лжи. Непонятны и мотивы его самоубийства, совершенного после того, как самое страшное для революционера обвинение — в провокации — фактически отпало.

³ Псевдоним В.М.Чернова.

⁴ Речь идет о С.Н.Моисеенко и М.М.Чернавском.

Записи Савинкова с изложением
биографии И.П.Кирюхина. Без даты.

Иван Петров Кирюхин¹ 28 лет, бывший писарь Черноморского флота, участвовал в Очаковском восстании², был приговорен к смертной казни, каковая была ему заменена бессрочной каторгой,

один из организаторов побега 35 матросов из Севастоп[ольской] тюрьмы, бежал с Амурской колесной дороги в 1907 г., был послан Гершуни в Москву на Гершельмана³ вместе с Ник.⁴, арестован, бежал⁵, ездил с А.Ю. в Ташкент⁶, в БО рекомендован Слет[овым] и Ф[ондаминским].

А. Не мог выяснить удовлетворительно: 1) своей моск[овской] жизни, 2) своей тамбовской жизни, 3) паспортов, по каковым проживал.

В. Был уличен неоднократно во лжи в этих трех пунктах.

С. Имел сведения о передвижениях и образе жизни Герасимова.

Д. На допросе после упорного запираательства признал, что его жена, по его словам, Зоя Вл[адимировна] Конюс, ур[ожденная] Фирсанова, состояла в сношениях с М[осковским] и С[анкт]п[е-тер]б[ургским] Ох[ранным] Отд[елением]⁷, о чем он не поставил в известность БО.

ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.342. Л.7.

¹ *Кирюхин Иван Петрович* (1883-?) — мешанин г.Николаевска Самарской губернии, секретный сотрудник Московского и Петербургского охранных отделений с декабря 1907. Кличка в охранке — «Пермяк».

² Имеется в виду Севастопольское восстание (октябрь—ноябрь 1905), в котором принимали участие моряки крейсера «Очаков».

³ *Гершельман Сергей Константинович* (1853-1910) — в 1906-1909 генерал-губернатор, командующий войсками Московского военного округа, ранен в результате покушения эсерки А.А.Севастьяновой 21 ноября 1907.

⁴ *Ник[олай]* — член БО ПСР (см. о нем предисловие к наст. публ.).

⁵ Побег был устроен охранкой. Нужно отметить сходство с обстоятельствами вербовки и побега Петрова: Кирюхин был беглым каторжником, и фон Коттен, вербуя его в секретные сотрудники, грубо нарушил закон. Подобные действия квалифицировались в 1917 Чрезвычайной следственной комиссией, опиравшейся на законодательство царского времени, как «сговор» и «превышение служебных полномочий».

⁶ А.Ю.Фейт и И.П.Кирюхин ездили в Ташкент для получения крупной суммы денег, по словам Кирюхина, «от сочувствующего», но по каким-то причинам денег не получили.

⁷ Представляется, что Кирюхин оклеветал свою жену. Известно, что, изгнанный из БО, он не вернулся к жене и ребенку.

Извещение об объявлении И.П.Кирюхина провокатором
[Сентябрь—октябрь 1910]

В Делегацию
Центрального Комитета

Дорогие товарищи,
считаю долгом поставить Вас в известность о следующем:
судебным постановлением Боевой Организации член ее бывший писарь Черноморского флота Иван Петров Кирюхин объявляется провокатором¹.

С товарищеским приветом
за БО Борис Савинков

ГАРФ. Ф. 6212. Оп. 1. Д. 42. Л. 8.

¹ И.П.Кирюхин считался «крупным приобретением» для организации. Он пользовался репутацией «человека со спокойной совестью», подкупая своей простотой, душевным равновесием и непосредственностью. Примечателен эпизод, рассказанный М.М.Чернавским. В момент объявления Б.В.Савинковым о наличии в БО скрытого провокатора долгое тягостное молчание прервал «спокойный и как будто даже веселый» голос Кирюхина: «"Этак придется, пожалуй, мне удирать от вас... Вы все давно знакомы между собою... Я тут один новый человек..." "Что выдумываешь? — сердито возразил кто-то (не помню кто). — Мы знаем о твоём прошлом!"» (См.: Чернавский М.М. В Боевой Организации. Указ. изд. С.47).

Кирюхин — Б.Н.[Моисеенко?] и И.И.Фондаминскому
Без даты¹

Борис Николаевич и Илья Сидорович²

Прошу Вас убедительно или пусть будет суд надо мною или же тихонько пусть не шепчутся, к[а]к в [случае с] Н.В.³ В противном случае я устрою ужасный скандал. Признаюсь виновным в том, что я им говорил не все, т.е. врал... Т[ак] к[ак] разве трусам говорят правду, а в этом я убедился после дела, от кот[орого] разбежались, а некот[орые] и не явились. Еще сильнее и сплеча стал врать тогда, когда я убедился, что они меня ловят на крючок.

Пьяный с намерением сказал, что я охран⁴. Они поверили и тут же устроили допрос, на кот[ором] объяснялись в любви. Ты очень хороший и т.п. Признайся, а в чем неизвестно...

Они думали, дурак, дескать, проговорился и признается и сделает нам террор. Хвалили ужасно Петрова, говорили, что он блестящий [революционер]. К чему? Или необходим БО Петров, без него вероятно некому сделать что-нибудь. А ведь БО существует 1 1/2 г. И ни черта...

И никак не могу помириться с тем, что он только стал наступать тогда, когда взял браунинг⁵. Трусил и прав был трусить. Но я-то не стал бы пачкать пулю. Думаю, хотя и не автор Коня Бледного и не работал с Азевым, но стрелять в него не стал бы.

Привет

Берлин. Холодно, запахло Рассеей и зимою. Заторопилась туда душа и застучало серденько.

И.Кирюхин

ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.342. Л.1-1об.

¹ Письмо написано по дороге в Россию, в конце октября—начале ноября 1910. Представляется, что мотивом этого и трех последующих писем (док. 15, 24 и 25) являлось желание оправдаться: используя отсутствие неопровержимых доказательств его провокаторской работы, Кирюхин пытается посеять среди членов Заграничной Делегации сомнение в правомерности действий Савинкова и его соратников. Собственно говоря, у Кирюхина и не было другого выхода, т.к., будучи объявленным провокатором, он становился бесполезен охране. Надо отметить, правда, что фон Коттен, ставший к этому времени начальником столичной охраны, сделал для своего «крестника» максимально возможное. В течение двух с лишним лет Кирюхин жил по подложным документам в Пскове и в Териоках (Финляндия), получая 200 рублей ежемесячно и занимаясь почти исключительно самообразованием.

² *Борис Николаевич* — это или Б.Н.Моисеенко или Б.Н.Лебедев, являвшиеся соответственно членами Заграничной Делегации и ЦК ПСР. *Илья Сидорович* — И.И.Фондаминский.

³ Речь идет о Яне Бердо.

⁴ По свидетельству Чернавского, Н.С.Климова начала подтрунивать над выпившим Кирюхиным, который, разозлившись, упомянул об эпизоде, когда она с секретного совещания максималистов поехала в гостиницу вместе с М.И.Соколовым. Ошарашенная Климова сообщила об этом Савинкову, подчеркнув, что Кирюхин не мог узнать этого от максималистов. Сам Кирюхин заявил, что узнал об этом от А.Ю.Фейта, но тот, срочно вызванный из Парижа, категорически отрицал это.

⁵ Речь идет о Савинкове.

Кирюхин — Б.Н.[Моисеенко?] [Конец 1910 — начало 1911]

Борис Николаевич!

Так как я в настоящее время проживаю в Финляндии, то здесь я столкнулся с одним анархом, кот[орый] не зная мою фамилию рассказывал мне, что в газете анархов появилась заметка о матросе Кирюхине, кот[орый] объявляется провокатором¹. Я требую сообщить мне об этом. Правда это или нет?

И какие данные послужили к тому, что объявить меня провокатором! Но ведь это все сделано без суда надо мною.

Если все надеются на то, что за меня некому вступить, то это очень плохо. Ужели личный скандал с некот[орыми] членами довел до такого ужасного поступка партии, т.е. объявить человека провокатором без всякого суда. Ведь я не скрывался, адрес дан Вам и имеют его другие и я бы по первому требованию явился на суд². Не сбежал же я и еще теперь прошу ответить мне и даю Вам адрес.

Конечно, Вы можете не ответить, тогда я не знаю, справедливо ли это будет.

И написать без суда тогда, когда человек может явиться каждую минуту, тоже несправедливо.

Адрес: Выборг, вокзал, предъявителю трехрублевого билета за №454431.

ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.342. Л.2-3.

¹ История эта явно придумана. И.П.Кирюхин, как это явствует из протоколов его допросов в 1917, узнал об объявлении его провокатором со слов фон Коттена. Объявление это было напечатано в центральном органе ПСР «Знамя труда» и перепечатано, как это было принято, газетами других революционных партий. Подобная перепечатка делалась в связи с принятой в охранке практикой «перепрофилирования» провалившихся провокаторов с одной партии на другую.

² Представляется вероятным, что если бы эсеры действительно устроили суд над Кирюхиным, его полицейское начальство отправило бы его на этот суд. Во-первых, эсеры в этот период уже не выносили смертных приговоров провокаторам, ограничиваясь лишь опубликованием их имен. Во-вторых, имелся небольшой шанс реабилитировать Кирюхина и вернуть его к революционной работе. В-третьих, при неудаче реабилитации Кирюхин мог бы без особых последствий для себя еще больше испортить репутацию БО и ее руководителя в глазах эсеровской эмиграции, и без того смотревшей с подозрением на Савинкова и БО.

Извещение БО ПСР. 9 декабря 1910

В Делегацию Центрального
Комитета ПСР

Дорогие товарищи,

считаю своим долгом поставить Вас в известность о следующем:

БО С.Р. имела суждение по вопросу о технической для себя возможности продолжать взятое на себя дело и постановила:

прекратить за технической невозможностью работу в том ее виде, в каком она велась до сих пор, деятельность БО продолжать в новых технических формах¹.

За БО

Борис Савинков

ГАРФ. Ф.6212. Оп.1. Д.42. Л.7.

¹ Содержание документа весьма расплывчато. Подобные формулировки и аргументы использовались Савинковым и Азэфом осенью 1906, когда БО оказалась в параличе, а затем — Савинковым в 1907. Но тогда речь шла, с одной стороны, об изменении самого «метода работы» БО, основанного на «динамитной технике» и выслеживании объектов покушения (предполагалось использовать технические новинки, в том числе аэроплан), с другой — об изменении организационных форм БО. Но в конце 1910 ни о том, ни о другом говорить уже не приходилось. «Технические изыски» Бухало из-за недостатка средств остановились, а больше в этом направлении ничего и не делалось. Гигантские сложности с подбором кадров для БО вообще делали вопрос о ее существовании предпринятым. Ведь И.П.Кирюхин «засветил» весь кадровый состав БО: полиция приступила к целенаправленному поиску этих людей и им грозили неминуемые аресты. Судя по всему, данное решение БО — попытка оттянуть время и «сохранить лицо». О каких «новых технических формах» идет речь, непонятно. Скорее всего, имелось в виду изменение предыдущего плана в целом, методов получения информации и устройства самого покушения.

Н.С.Климова — Б.В.Савинкову. 23 [декабря 1910]¹

Четверг, 23-е

Дорогой Борис Викторович!

Очень мне страшно за дедушку². Мне думается, что ему так плохо, как никогда еще не было. Недавно у него вырвалась такая фраза: «Я думаю, что скоро сойду с ума».

Все думает о своем умершем мальчике. Вот убил его, а где же расплата?

Порой мне кажется, что действительно может кончиться очень плохо. И лицо у него изменилось...

Помочь дедушке можно. Нужна простая, человеческая ласка... Я знаю наверняка, что нужно только это, но я сама не могу.

Милый, не вините меня. Каждому свое нужно — Вам вот от Монтекарловского чертобесья наверно полегчало³, а мне вот нужно быть некоторое время совсем, совсем одной. Я не могу, и не могу идти против себя, хотя знаю, если около дедушки сейчас никого не будет, то вероятно будет совсем плохо.

Через неделю я уезжаю совсем из Парижа и вероятно надолго.

Если когда-нибудь Вам понадобится написать мне письмо, перешлите через Ил.Ис.⁴

Всего Вам хорошего

Н.Климова

ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.90. Л.2-3.

¹ Дата по старому стилю.

² По-видимому, речь идет о М.М.Чернавском (Деде), члене БО.

³ Вероятно, речь идет об увеселительных заведениях Монте-Карло, куда Савинков изредка ездил играть в рулетку.

⁴ Имеется в виду И.И.Фондаминский.

Н.С.Климова — Б.В.Савинкову. 11 января [1911]¹

Среда 11 января

В этот раз скажу Вам то же, что и в первый: не вижу никакого смысла ни в вашем, ни в моем пребывании в ваших краях. Правда, раньше я не думала о той опасности, которой подвергаются здесь мои «крупные возможности», но поразмыслив и над этим, пришла к заключению, что «je ne risque de rien»², как говорят французы.

Не думайте, что я сержусь или смеюсь по поводу «возможностей». Нет, милый, мне просто стало грустно от Вашего письма: может быть, от того, что у меня вчера был трудный день, и я немного устала. Очень хотелось прочесть вчера «я совсем не люблю Вас, но совсем не боюсь за Вас».

Потому что я-то совсем не боюсь за Вас. Не боюсь для Вас ни огарков, ни недогарков, ни глада, ни мора, ни огня, ни воды, ни дня, ни ночи, ни жаркого солнца, ни прекрасных глаз...

И вот когда очень устанешь, то всегда тогда хочется, чтобы и мне кто-ниб[удь], где-ниб[удь] верил так, как я верю Вам.

И я думала, что Вы верите мне.

Не говорите мне, что я неверно поняла Вас, что то, что Вы сказали, значило другое. Милый, кто не победил «огарков», тот не победил еще ничего. Когда я думаю о человеке, который идет один и ночью, то всегда мне чудится так: вот идет он один и давно и долга была ночь. Он прошел и сквозь чащи, и сквозь бездны, и сквозь страшные сказки, — но не разучился все еще смеяться солнцу и верить в утро. И вдруг на пути его маленький, крошечный человечек, «огарок» с тусклыми серенькими глазками, с зябкими руками и дрожащим хиленьким тельцем — и вот устанет вдруг человек, и оставит его Бог — ибо это «самое страшное».

Не бойтесь же за меня, милый, как не надо бояться за человека, который хочет перепрыгнуть самую страшную бездну. Мне всегда тогда весело и хочется не отрываясь смотреть на него...

Ко мне подошло «самое страшное»... а во мне смеется кровь и хочется поцеловать страшилище в губы.

Я поцелую его.

Плохо знаете Вы меня. Никогда еще не подавала никому «вдохновенных гривенников». Ни вдохновенных, ни не вдохновенных. Я могу отдать себя всю и тогда получаю все взамен — всегда было так — эта ставка пока была беспроигрышной.

Так не зовите же меня, и не бойтесь за меня.

И если не будете верить мне, то я буду верить сама себе.

Н[аташа]

ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.90. Л.4-5об.

¹ Дата по новому стилю.

² Я не рискую ничем (франц.).

Б.В.Савинков — Н.С.Климовой. 14 января 1911¹

Милая Наташа, получил Ваше письмо и, как видите, спешу Вам ответить. Может быть, у нас наладится переписка: Вы вспомните, что обещали писать много, подробно, обо всем.

Вы верно поняли меня: и люблю я Вас очень и боюсь за Вас очень. И боюсь не в страшном, а в нестрашном, в житейском.

Вы говорите: «вот идет человек один и давно и долга была ночь... И вдруг на пути маленький, крошечный человечек, огарок... и вот устанет вдруг человек и оставит его Бог — ибо это самое страшное!»

Вот, по-моему, все это неверно. Если человек точно идет один и точно ночь долга, то никакой огарок ему на пути встретиться не может. А если огарок встретился, то значит человек искал его, огарок был нужен ему. Разве огарки не нужны Вам? Ну, скажите по совести, — разве только Вы нужны им? И не наоборот?

Ну, а потом, что же страшного, «самого страшного» увидели Вы в огарках? По-моему, вовсе они не страшные, а просто несчастные, слабые люди, такие же вот как мы с Вами, у Господа Бога своего приживалы. И если есть что-либо здесь страшное (я его не вижу, однако), то это страшное во всех людях без исключения, а не именно в огарках. Не обманываете ли Вы себя, милая Наташа, насчет «страшилища»? Вот мне, напр[имер], Вашего страшилища совсем не страшно: довольно я в жизни на него насмотрелся.

Что такое «огарок». По-моему, вот что: такой же, повторяю, несчастный и слабый, как все, как Гершуни, как Медведь, как Бабушка², только совсем неумный, совсем некультурный, совсем крикливый, совсем недейственный, совсем трусливый. Жалеть их можно. Вы их можете жалеть. Любить их можно. Илюша любит³. Одевать, поить, кормить можно. Осип кормил⁴. Речи им говорить можно. Гершуни говорил, Бабушка говорила. Видеть в них «страшилище», «бездну», бояться их? Вот этого-то и нельзя. Мне Чехов мил: он погрустил бы и посмеялся. И над нами бы погрустил.

Значит, совсем «нестрашное». Вот тут-то я и начинаю бояться. За Вас. У Вас, Наташа, есть рубль, настоящий рубль серебром. Зачем менять его? Узнаете Вы жизнь от огарков? Нет. Разве жизнь на rue Gazan? Узнаете Вы человека? Нет. Это бывшие люди. Узнаете Вы мысль человеческую? Нет. Ее у них нету — есть книга недавно прочитанная, плохо понятая. Что же Вы получите? Они-то от Вас получают многое, а Вы? Или уже так-то Вам рубля своего не жалко? Если не жалко, живите иначе — идите ко всем огаркам всей земли Русской, в ночлежки и в публичные дома, к босякам, к настоящему «бывшему человеку» — идите и живите с ними. Но ради Бога не на rue Gazan. Вы большой человек (в будущем), большому кораблю большое и плавание.

Вот, верю ли я в Вас? Ну да, конечно, верю. Очень верю. Во многих так не верю, как в Вас. Но верю ли безусловно, слепо, верю ли так, как Вы вот пишете? Нет. Ничего большого, страш-

ного, даже преступного для Вас я не боюсь, а маленького вот, чеховского, серенького, ненужненького — боюсь. Знаете что, Наташа, милая, в Вас юмора нет. Будь юмор, по-иному бы Вы многое видели.

Слушайте, я вот огарков разругал, а я их ведь люблю, брюхом люблю. Я ведь, может быть, для них и за них всю свою жизнь прожил, а буду ли я жить с ними? Нет. Не могу. Ску-у-у-чно. Неумные они.

Наташа, милая, ведь Вы же умная-преумная. Ну неужто Вы не видите, что нельзя говорить «кто не победил огарков, не победил ничего». Ведь побеждать-то нечего. Победа-то очень уж легкая.

Написал я Вам и испугался. Вы не только умная и сильная и хорошая, Вы еще гордая — а я Вас, как-никак, ругаю. Ну вот Вы теперь-то, наверное, рассердитесь. А Вы не сердитесь. Право же, я через огарков прошел — кое-какое право говорить о них имею. И не совсем же я дур. И Вас очень люблю. Так подумайте минутку: а что я хоть на крошку да прав?

Все-таки, хоть и не «имеет смысла» здесь жить, я же горячо надеюсь, что Вы возьмете и приедете, хоть на неделю.

Ваш всегда

П[авел]

ГАРФ. Ф.6212. Оп.1. Д.43. Л.35-36об.

¹ Письмо было отослано И.И.Фондаминскому с просьбой передать его Н.С.Климовой, но так и осталось у него и хранится вместе с другими письмами Б.В.Савинкова.

² Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна (1844-1934) — участница революционного движения с начала 1870-х, одна из организаторов и лидеров эсеровской партии. Неоднократно арестовывалась и большую часть своей жизни провела в тюрьмах, ссылках и на каторге. Пользовалась огромным моральным авторитетом в ПСР. Ее называли «бабушкой русской революции».

³ И.И.Фондаминский.

⁴ Возможно, речь идет об Осипе Соломоновиче Миноре — деятеле «Народной Воли», члене ПСР с момента ее возникновения, члене ЦК ПСР в 1905, а затем чрезвычайном уполномоченном ЦК, арестованном в январе 1909 в Саратове по доносу Т.М.Цейтлин и Е.Ф.Азефа.

М.А.Прокофьева — Б.В.Савинкову. 27 января 1910

Вы и Женя¹ несколько раз говорили мне о каких-то планах, о каких-то новых перспективах, открывшихся после [1 нрзб.].

Существование этих неизвестных мне планов и некоторые [3 нрзб.] помешали мне вчера категорически ответить на тот вопрос, который чувствовался в Вашем вчерашнем письме и прямо поставлен в сегодняшнем.

Сегодняшнее письмо устранило и все мои колебания и сомнения.

«Нет предмета для суждения», говорите Вы. Это значит, что даже не нужно ставить точки: сама поставилась.

Мы знаем, что «один в поле» может воевать гораздо дольше, чем это принято думать. Я даже не знаю предела, за которым один, если этот один есть, не может воевать.

Но я знаю, что есть предел одиночества, за которым один *не должен* воевать, если даже и может. Такой предел, я чувствую, настал теперь для нас. Может быть, он настал уже давно, но я имею силы и считаю себя обязанной признать это только теперь. У нас, оставшихся, есть силы идти дальше и я допускаю, искренно, не для формы только допускаю, что есть шансы на победу. Но наше одиночество дошло до тех пределов, за которыми война теряет смысл и значение войны и превращается в нашу личную цель. Превращается не нами, а тем, что вне нас. Самая блестящая наша победа должна в этих условиях обратиться в наше поражение, в торжественные похороны того, за что мы начали воевать. Я похорон не хочу и чувствую — нужно, должно остановиться. Может быть, завтра же мы будем не так одиноки, может быть, завтра мы увидим то, чего не видим, не находим теперь, я не только допускаю, но и верю в это. Завтра же мы и будем об этом говорить, завтра же и начнем все снова. Но сегодня нужно поставить точку.

Вы как-то сказали: «Я не знаю, что я буду делать, но инвалидом существовать не хочу». Эти горькие, больные, сказанные в минуту большого, острого горя слова я имела вчера в виду, когда говорила о горечи и обиде, которых Вы теперь должны, обязаны забыть.

Я глубоко и радостно верю в то большое, что Вы можете дать жизни своим «инвалидным существованием». Я знаю, что Вы — единственная надежда на будущее, на выполнение в будущем того, что нами не может быть сделано сейчас.

Но я оставляю все это в стороне и независимо от этого чистой и спокойной совестью чувствую — Вы должны, обязаны остано-

виться. И остановиться, как сильный, здоровый человек. Я хочу, чтобы Вы вернулись к той жизни, какой жили два года тому назад². Я хочу, чтобы, как тогда, Вы делали свое большое дело и, как тогда, были готовы в каждый данный момент оставить это дело для другого, если это другое станет возможным.

Я стараюсь сейчас по возможности короче, точно, резче ответить на /.../³

ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.165. Л.30-31об.

¹ Речь идет о жене Савинкова — Е.И.Зильберберг.

² В 1908 — начале 1909 Савинков отошел от БО и занимался литературной работой («Воспоминания» и «Конь Бледный»).

³ Окончание письма в деле не обнаружено.

21

Н.С.Климова — Б.В.Савинкову. [Середина — конец 1911]

Борис Викторович, милый, хотелось мне Вам написать большое письмо в ответ на Ваше — да потом раздумала: теперь уже ни Вам, ни мне это не нужно. Вот только что хочется сказать: верьте мне, что к себе отношусь честно, ничего не подтасовываю... Давно я не чувствовала себя такой здоровой и спокойной, как теперь. Вот все и будет об этом.

Слышала, что пишете, и радовалась.

С.Н. не пьет ничего¹. Выглядит хорошо. Один редко бывает — все с нашей компанией и, кажется, чувствует себя хорошо.

Бартольд остается, пробудет, сколько понадобится. Не думаю, чтобы что-нибудь вышло — а просто так.

Может быть, удивляетесь и недовольны тем, что В.О.² будет жить у нас. Не думайте, что я это решила так зря, не подумав.

Думала много и, кажется, так будет лучше.

Как по-Вашему, как он выглядит?

Карп[ович] нравится, славный малый, но для дела, мне кажется, навсегда конченный человек³.

Помните, Вы у меня видели бледненькую, беленькую каторжаночку? Она прослышала, что Вы имеете работу для печатной машинки. Коли так, не забудьте ее — очень ей заработок нужен — прямо до зареза.

Ну прощайте, милый.

Всего Вам радостного.

Ваша Н.

Вы у меня просили эту карточку. Вчера случайно нашла ее.

Барт[ольд] все беспокоится, что Вы без него обойтись не можете. Напишите ему что-ниб[удь] успокоительное в этом духе.

ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.90. Л.24-25об.

¹ Речь идет, по-видимому, о Сергее Николаевиче Моисеенко. Степан Николаевич Слетов находился в это время в качестве члена ЦК ПСР в России.

² В.О. — член БО В.О.Фабрикант. Вероятно, именно о нем упоминает в мемуарах М.М.Чернавский, когда говорит, что летом 1910 в разгар поиска провокаторов в БО «одного участника пришлось отправить в санаторий для нервно-больных».

³ Карпович Петр Владимирович (1874-1917) — эсер, совершивший первый в XX веке террористический акт: покушение в 1901 на министра народного просвещения Н.П.Боголепова. В 1907 бежал с поселения, эмигрировал, был помощником главы БО ПСР, но после разоблачения Азефа разочаровался в терроре и отошел от партии. Поддерживал дружеские отношения с Савинковым, по свидетельству В.М.Чернова, предсказывал его политическую эволюцию.

22

Н.С.Климова — Б.В.Савинкову. [Без даты].

Дорогой Борис Викторович!

Тем, что проехали мимо — Вы очень обидели меня. Объяснению Вашему не верю — ибо сомневаться в моем-то к Вам большим и хорошем отношении Вы никогда не имели основания.

Обо мне же Вы не знали ничего за это время лишь потому, что никогда этим не интересовались. Писать же первой, зная отношение к себе Вашего дома, конечно, я не могла. И Вы это тоже знаете.

Чем объяснить Ваше отношение к себе, я не знаю — и даже не пытаюсь узнать. Совесть моя поистине спокойна — Вы же искренность замените хорошими словами и постараетесь поскорее исчерпать инцидент. Так было не раз.

Всего Вам хорошего

Ваша Н.Климова

ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.90. Л.32-33.

Б.В.Савинков — И.И.Фондаминскому. 26 августа 1911

Дорогой Илюша,

Вы хотите, чтобы я дал «официальный» ответ Делегации на просьбу ее написать доклад о деятельности БО 1909-1910 гг. Пусть это письмо послужит таким ответом. Прошу Вас прочесть его в делегации и присоединить к Архиву Партии.

Сообщая мне о решении Делегации, Вы сочли нужным отметить, что решение это ничего оскорбительного для меня не содержит и указать¹, что я «должен» Делегации ответить.

В том, что решение это ничего оскорбительного не содержит², я сомневаться не могу: просьба представить доклад³ естественна и законна⁴.

Что же касается того, что именно я «должен» ответить Делегации, позвольте судить мне.

Договор, состоявшийся между мной и ЦК в начале 1909 г., исчерпывает правовую сторону моих к ЦК отношений. Согласно этому договору на мне не лежит *обязанность* представлять в ЦК отчетов о моей деятельности и за ЦК не оставлено *права* таковых отчетов требовать⁵. Полагаю, что Делегация оспаривать этого⁶ положения не будет.

До последнего времени я стоял на той точке зрения, что отношения мои, как представителя БО, к ЦК не⁷ должны исчерпываться только правовыми установлениями: я полагаю, что они должны определяться еще и взаимными моральными обязательствами.

Исходя из этой точки зрения я неоднократно поступался моими, предоставленными мне упомянутым договором, *правами*. В частности, не имея к тому *обязанностей*, представил в ЦК словесный доклад о деятельности БО в декабре 1910 г. Если бы я теперь признавал мои моральные, как представителя БО, обязательства к ЦК, я бы на просьбу Делегации ответил бы согласием и представил бы письменный доклад.

Таковых моральных обязательств я ныне не признаю.

Законно избранной Партийной С[удебно-]С[ледственной] Ком[иссией] опубликовано⁸ [Заключение].

Заключение это, в части своей, касающейся БО⁹, содержит не только порицание деятельности БО в ее историческом прошлом, но и¹⁰ моральное осуждение, как всей Организации в целом, так и отдельных ее членов, в частности меня¹¹.

В силу этого не нахожу для себя возможным в настоящее время наличие каких бы то ни было моих моральных обяза-

тельств¹² к ЦК. Договор 1909 г. дает мне *право* отказать Делегации в ее просьбе и *правом* этим я пользуюсь: доклад мною представлен не будет.

Всегда Ваш Б.Савинков

ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.351. Л.106-108.

Дорогой Илюша¹³,

еще два слова лично к Вам. Ваше письмо меня крайне удивило.

Я Вам писал после опубликования «Заключения» (на это письмо, как и на многие другие, Вы мне не ответили), что если я и остаюсь с Партией, то, конечно, не потому, что чувствую свою моральную связь с центральными учреждениями, а по причинам другого рода. Вам было хорошо известно, что *ни в какие отношения* с Делегацией и ЦК я вступить не смогу для себя возможности [так!] и единственно чего я хочу от «дорогих товарищей», чтобы они меня оставили в покое, не распространяли бы обо мне гнусных слухов, напр[имер], не требовали бы от меня участия в их делах, не просили бы писать докладов, из каковых потом разные Комиссии выведут несправедливые заключения, как случилось с моими «Воспоминаниями» и пр. Не понимаю, как после этого Вы можете передавать мне просьбу Делегации, да еще с советами; что я должен ответить и с оговорками о том, что меня никто не «оскорбляет». Мне все равно — оскорбляют, не оскорбляют, решают, постановляют, просят, — я их знать не хочу, для меня они никто.

Еще слово: если 200 фр. идут от Делегации (я до сих пор думал, что лично от Вас), то я, конечно, от них отказываюсь. Прошу Вас, напишите мне об этом, не делайте того, что Вы так часто делаете и что приносит только худые результаты: не замалчивайте моих писем, а отвечайте на них, как бы щекотливы они не были. Денег от Делегации я принять не хочу. От Вас — другое дело.

Вас я всегда люблю, как бы ни было грустно мне смотреть на то, что Вы делаете.

Обнимаю Вас. Ваш Борис. Привет Амалии¹⁴.

ГАРФ. Ф.6212. Оп.1. Д.42. Л.28-28об.

¹ Далее зачеркнуто: «кстати».

² Далее зачеркнуто: «усумниться трудно».

³ Далее зачеркнуто: «как нельзя более».

⁴ Далее зачеркнуто: «Я не вижу, почему может здесь идти речь об оскорблении».

⁵ Далее зачеркнуто: «Текст договора передо мною».

⁶ Далее зачеркнуто: «указанного мною».

⁷ Далее зачеркнуто: «могут».

⁸ Далее зачеркнуто: «"Заключение", т.н. Заключение Судебно-Следственной Комиссии. ЦК нигде и ни в какой форме, имея на то право и возможность, не заявил о своем с "Заключением" несогласии. Это молчание ЦК не может быть истолковано двояко: Высшее Партийное Учреждение, ЦК, не находит нужным опротестовать утверждение Комиссии. Между тем».

⁹ Далее зачеркнуто: «носят характер».

¹⁰ Далее зачеркнуто: «содержит в себе».

¹¹ Далее зачеркнуто: «При таком положении ни я, ни многие из моих товарищей».

¹² Далее зачеркнуто: «по отношению».

¹³ Первая часть письма, хотя и адресована И.И.Фондаминскому, представляет собой официальный ответ Савинкова на требование Заграничной Делегации об отчете о деятельности БО. Публикуется черновик письма, беловой автограф находится, вероятнее всего, в архиве ПСР в Амстердаме. Вторая часть письма обращена непосредственно к Фондаминскому и оказалась поэтому в его личном фонде.

¹⁴ *Амалия* — жена И.И.Фондаминского.

И.П.Кирюхин — [Б.В.Савинкову]. 27 августа [1911]

Страшно — объявить за глаза да еще и не прислать вырезку из роковой газеты, ведь кусочек бумажки нетрудно вложить в конверт. Хотя между тем, чем Вы меня объявили и между моим «враньем» (Как Вы говорите!) большая пропасть, которую сумели перепрыгнуть только Вы, зная вперед, что за это не будет ничего скверного для Вас.

Но после таких «отчаянно смелых» поступков можно кое о чем подумать и сделать гадость, конечно, только для себя. О самоубийстве не мечтаю, потому что иллюзией она [Так! — *Публ.*] мне кажется.

А вот о том, чтобы разрушить все, что Вы построили против меня, я смог бы одним поступком, но пойти в отдаленные

края только для доказательства не хватает духу, да и энергия убита и в конце концов кому это нужно и зачем. Для испытания самого себя уже и так кое-что сделано.

Узнав из газет, как Вы мстите за Егора¹ — мне стало немного легче. Ведь там, где мститель мог бы задушить руками, он царапает только ему руку. Это здорово, и это один из Вас или Вами посланный, которые про других говорят: «на него нельзя положиться». Нет, милые мои, только дела говорят, каков человек, а пойти и поугаить это сумеет каждый.

Вам неприятно читать письма нахального провокатора, но это моя слабость, хотя последняя. Подожду ответа до 1-го октября и больше не буду надоедать Вам.

Но знайте, что это мне не мешает когда-нибудь сделать хорошее.

Иван П.

Адрес: Выборг, Глав. Почтамт, до востребованию Адольфу Адольфовичу Томингас.

ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.342. Л.4-5.

¹ *Егор* — Созонов Егор Сергеевич (1879-1910) — эсер, с 1903 — член БО. 15 июля 1904 убил министра внутренних дел В.К.Плеве. Приговорен к вечной каторге. Покончил с собой в Горном Зерентуе, протестуя против телесных наказаний. 18 августа 1911 член эсеровского летучего отряда Северной области Логунов ранил начальника Зерентуйской каторжной тюрьмы Высоцкого.

25

И.П.Кирюхин — И.И.Фондаминскому. 2 ноября 1911

Я есть то, что называется в рус[ском] народе «целиною», т.е. способную на все без всякого страха, но вы... вы..., что назвал бы (теперь и всегда голодающий народ) сволочь, кот[орая] познала величие и славу и уже неспособна на мелкие дела (или черные, как Вы называете). Плохой народ, хуже деспотов.

Кирюхин останется Кирюхиным.

ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.342. Л.6.

Л.Варенов — Б.В.Савинкову. 15 января 1912

Уважаемый товарищ, по поручению Заграничной Делегации ЦК ПСР сообщаю Вам выписку из протокола Заседания Делегации 15-го ноября 1911 г.

«Ознакомившись с письмом тов. Савинкова, мотивирующим отказ представить отчет о деятельности БО за 1909 и 1910 годы тем, что по договору, заключенному им с ЦК, тов. Савинков взял на себя руководство организацией на условиях автономии ее деятельности и договором представление отчета не предусмотрено, а также тем, что тов. Савинков не считает себя морально связанным с настоящим составом Заграничной Делегации ЦК — Заграничная Делегация ЦК ПСР обсудила лишь первую половину мотивировки тов. Савинкова и признает ее неправильной: никакая автономия действий не освобождает тов. Савинкова по окончании действий и ликвидации организации от обязанности представить отчет в использовании личных сил и денежных средств, полученных от Партии.

Отказ тов. Савинкова Делегация рассматривает как серьезное нарушение дисциплины и постановляет довести о нем до сведения ближайшего полномочного Партийного собрания, письмо тов. Савинкова и выписки из настоящего протокола передать на хранение в архив Партии; протокол настоящего собрания сообщить тов. Савинкову в копии.

Одновременно с этим Делегация находит возможным предоставить отдельным членам ее, в случаях крайней необходимости, обусловленных интересами партийного дела, в сношениях с заинтересованными лицами приводить факт непредставления тов. Савинковым отчета о деятельности организации и расходовании денежных средств, приведя мотивировку этих действий тов. Савинкова».

С товарищеским приветом секретарь Заграничной Делегации ЦК ПСР

Л.Варенов

ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.353. Л.1-2.

Докладная записка Директору Департамента Полиции
от начальника Санкт-Петербургского Охранного Отделения
полковника фон Коттена. 7 октября 1913

Представляя при сем Вашему Превосходительству прошение на Высочайшее Имя беглого каторжанина, бывшего матроса Черноморского флота, из мещан г. Николаевска, Самарской губернии, Ивана Петрова Кирюхина, ходатайствующего о полном помиловании его, имею честь доложить Вашему Превосходительству, что означенный Кирюхин состоял моим секретным сотрудником в бытность мою Начальником Московского, а затем Петербургского Отделений по охранению общественной безопасности и порядка.

Вступив в сношения со мною в декабре 1907 года, на что было мною получено разрешение бывшего в то время Директором Департамента Полиции, Тайного Советника Трусевича, Кирюхин первое время освещал мне деятельность боевых элементов Московской организации партии социалистов-революционеров. /.../

Главнейшая его деятельность, под каковою я разумею его деятельность по освещению боевой организации партии социалистов-революционеров, началась осенью 1909 года.

В сентябре 1909 года Кирюхин получил через известного социалиста-революционера, бывшего врача, Андрея Юльева Фейта, предложение вступить в боевую организацию, во главе которой в то время стоял известный террорист Борис Савенков [так! — К.М.].

Отправившись в Париж, Кирюхин был там окончательно принят в боевую организацию, причем переговоры с ним вел террорист Степан Николаев Слетов. По распоряжению Слетьова Кирюхин вернулся обратно в Москву, где и должен был ждать указаний и дальнейших распоряжений со стороны организации.

Спустя один или два месяца в Россию приехал Слетов, имевший поручение возобновить в России некоторые связи, а, главным образом, проверить, насколько хороши те паспорта, которые имелись в распоряжении боевой организации. Исполняя это поручение, Слетов, совместно с Кирюхиным, объехал некоторые города центральной России, а затем уехал в Петербург. В декабре того же года в Петербург был вызван и Кирюхин.

По выработанному тогда боевой организацией плану, она разделялась на два отряда: первый отряд являлся разведочным и

состоял под начальством Слетова¹, а второй отряд был уже чисто боевым и состоял под начальством Савенкова. В состав первого отряда вошли кроме Слетова и Кирюхина известные террористы: Иван Коморский, Михаил Чернавский, Ян Бердо, Вульф Фабрикант, Сергей Моисеенко (Луканов), Лев Либерман и еще одно невыясненное лицо. Все они поселились в Петербурге, причем шесть из них жили под видом извозчиков. Поселились они попарно в разных концах города — Чернавский жил с Коморским, Слетов с Кирюхиным, Моисеенко (Луканов) с неизвестным крестьянином Пермской губернии². У извозчиков были условлены места, где они встречались в определенные дни друг с другом и с пешими членами своего отряда, т.е. с Яном Бердо, Вульфом Фабрикантом и Львом Либерманом. Но ни с кем из местной организации Петербурга они сношений не имели. Пребывание в Петербурге этого отряда было законспирировано настолько тщательно, что ни местная агентура Петербургского Охранного Отделения, ни заграничная агентура Департамента Полиции не имели об этом представления и лишь спустя около полугода заграничная агентура Департамента Полиции отметила этот факт. Все члены разведочного отряда были взяты мною под наружное наблюдение, благодаря чему я в каждую минуту был гарантирован, что покушение допущено мною не будет. Все сведения о пребывании этого отряда, равно о роли Кирюхина и о его прошлом мною докладывались лично, как покойному Председателю Совета Министров, так равно и бывшему в то время Товарищем Министра внутренних дел, генерал-лейтенанту Курлову, и Директору Департамента Полиции Зуеву. Согласно полученных мною указаний производство ликвидации отряда было намечено, когда в Петербург приедет главное ядро организации и особенно, конечно, глава организации Савенков. Однако в марте месяце, в силу до сих пор невыясненных точно причин, Савенков внезапно отозвал свой передовой отряд. Хотя при этом, благодаря сообщениям Кирюхина, несколько членов разведочного отряда и могли быть арестованы, однако, из опасения провала при этом Кирюхина и потери таким образом единственного источника освещения боевой организации, мною, с предварительного доклада о сем г. Товарищу министра внутренних дел генерал-лейтенанту Курлову, таковых арестов произведено не было. В первой половине марта 1910 года все члены отряда, за исключением Либермана, арестованного несколько ранее, скрылись за границу.

В конце апреля или в мае месяце того же года вся боевая организация собралась в Лондоне, где они и поселились все совместно. В это время Кирюхин познакомился с остальными членами

этой организации, а именно: Савенковым, Наталией Климовой, Евгенией Сомовой³ и некоторыми другими.

В июне месяце все члены боевой организации переехали на остров Горнсей в Ламаншском проливе, где и провели все лето. Савенков стал готовить план нового выступления боевой организации. Подобно вышесказанному и это место пребывания отряда и даже существование его, а тем более цели, намечаемые им, совершенно не были известны заграничной агентуре⁴.

К сожалению, в сентябре месяце 1910 года сношения Кирюхина с розыскными органами, отчасти благодаря его собственной неосторожности, были обнаружены или, вернее, заподозрены, почему ему было предложено немедленно уехать из Парижа, что он и сделал.

Однако, хотя, таким образом, Кирюхину и не удалось передать в руки Правительства преступную шайку революционеров, ставивших целью своей деятельности совершение злодейского покушения на священную жизнь Государя Императора, но все же и самим провалом своим он принес Государству неоценимую услугу. Факт обнаружения в самой среде боевой организации сотрудника Охранного Отделения, стоявшего крайне близко к Савенкову, который считал Кирюхина своим ближайшим помощником в деле подготовки боевой организации⁵, до того обескуражил всех членов преступной шайки, что они надолго бросили мысль о совершении террористических актов, и их организация распалась. Савенков поселился совершенно открыто на Ривьере, часть членов организации там же, остальные в Париже. Разоблачение Кирюхина повлияло на организацию страшно угнетающе, Савенков совершенно отказался от боевой деятельности и занялся литературным трудом, будучи убежден, что как бы тщательно ни конспирировал в будущем свои боевые замыслы, всегда около него найдется кто-нибудь из сотрудников Охранного Отделения⁶. И вот уже в течение трех лет все эти лица, являющиеся наиболее способными к боевым действиям элементами партии, совершенно бездействуют, что должно быть приписано почти всецело Кирюхину⁷.

В виду таковых крупных заслуг Кирюхина делу политического розыска, я со своей стороны всемерно поддерживаю его ходатайство и почтительнейше прошу Ваше Превосходительство не отказать в Вашем ходатайстве о полном помиловании Кирюхина⁸.

Приложение: прошение на Высочайшее имя⁹.

Полковник фон Кот[т]ен

¹ По нашим данным, возглавлял этот отряд Ян Бердо.

² Слово «крестьянин» употреблено как сословный признак: этот неизвестный был рабочим, завербованным в БО М.М.Чернавским по рекомендации эсеровского комитета. Настоящее его имя так и осталось неизвестным.

³ Речь идет о Е.И.Зильберберг (Сомовой), жене Б.В.Савинкова. С Савинковым она состояла в гражданском браке, поэтому охранка и фиксировала ее последнюю официальную фамилию, тогда как в революционной среде пользовались ее девичьей фамилией (она была сестрой известного террориста) или фамилией Савинкова.

⁴ Это подтверждается и изучением донесений заграничной агентуры в ДП.

⁵ Явное преувеличение. Савинков впервые увидел Кирюхина весной 1910, затем тот уезжал в Москву (у него родился сын), а уже вскоре после своего появления Савинков негативно отзывался о Кирюхине Чернавскому — «слишком много врет».

⁶ Фон Коттен несколько упрощает картину и преувеличивает «заслуги» И.П.Кирюхина. До марта 1911 БО продолжала вести подготовительную работу и распущена она была директивой Заграничной Делегации или ЦК ПСР (точно не известно) «за несвоевременностью». Текст директивы не обнаружен.

⁷ Обзор причин прекращения эсеровского террора см. в предисловии к наст. публ. Дополнительно следует отметить, что многие современники были склонны обвинять в неудачах БО прежде всего самого Савинкова из-за отсутствия у него организаторского таланта. Прямо или косвенно его в этом упрекали в своих мемуарах и статьях В.М.Чернов, В.И.Лебедев, В.Л.Бурцев, Е.Е.Колосов, З.Н.Гиппиус. Хотя эти оценки и не бесспорны, приведем некоторые из них. Так, Чернов в 1924 писал: «...слишком ли неблагоприятны были внешние обстоятельства, вмешался ли случай или Савинков оказался несостоятельным, как "единый глава" новой террористической организации, только из нее ровно ничего не вышло. /.../ Быть может, прав был Азеф, который говаривал: "Павел Иванович чересчур импрессионист, чересчур невыдержан и неровен для такого тонкого дела, как руководство террором". Быть может, прав был и Карпович, говоривший, что "без Азефа Савинков не тот, что был при Азефе: эффектен по-прежнему, да кишка тонка коротка: пустоцвет"» — См.: Чернов В. Савинков в рядах ПСР // Воля России (Прага). 1924. №14/15. С.159. Но самые убийственные характеристики Савинкову давал Е.Е.Колосов: «Вопреки общераспространенному мнению, которое, впрочем, сумел внушить другим сам же Савинков, — он не был человеком самостоятельного дела. /.../ Самый крупный его талант состоял в его замечательном умении убеждать всех окружающих, что он и есть для того или иного насущного дела тот самый человек, который бывает в таких случаях нужен, хотя бы качествами, необходимыми для этого, он и не обладал. /.../ Это был человек, заранее предопределенный к неизбежному банкротству, и вся его деятельность, начиная с 1909 г., есть последо-

вательный переход от одного краха к другому, что он совершал достаточно легко, так как был ко всему этому человеком глубоко беспринципным, типичным *нигилистом* той эпохи, что знали — все» (См.: Колосов Е.Е. Правительство в борьбе с революцией: По поводу воспоминаний Н.С.Тютчева // Тютчев Н.С. В ссылке и другие воспоминания. Кн. III. Ч. II. М., 1925. С.180-181).

⁸ В 1913 И.П.Кирюхин был помилован лишь частично: было прощено его участие в Севастопольском восстании 1906. Полное помилование он получил лишь в сентябре 1914 с лишением воинского звания и отдачей под надзор полиции.

⁹ Прощение не обнаружено.

28

Прощение И.П.Кирюхина. 5 октября 1914

Его Превосходительству,
господину директору
Департамента полиции
от Бывшего сотрудника
С-Петроградского охранного
отделения Пермьяка

Прощение

Начальником охранного отделения г.полковником Поповым мне было объявлено о Высочайшем помиловании и тут же было заявлено, что мне выдаются последние сто рублей.

Но так как в настоящее время я не имею никаких средств, то и оказался в бедственном положении; а даваемые мною сведения имели серьезный характер розыска первостепенной важности и для добывания таких ценных сведений пришлось много потерять энергии и нравственных сил — на каждом шагу рискуя своею жизнью. Ведь это было в трудную и опасную минуту для правительства, в тот момент, когда преступное сообщество в каждом виде провокатора, и несмотря на это департамент полиции приказал мне ехать за границу.

Последствия известны: если преступное сообщество не все было изъято, так разбито навсегда. За что в то время я получал довольно ограниченную сумму, потому что много денег не требовалось, и я надеялся на вознаграждение впоследствии.

Ввиду вышеизложенного осмеливаюсь обратиться к Вашему Превосходительству о выдаче мне пособия за оказанные мною услуги.

Пермьяк¹

ГАРФ. Ф.102. ДП.ОО. 1913. Д.375. Л.21-21об.

¹ В начале 1915 ему было выдано 300 руб. с уведомлением, что это «последняя выдача» денег. В 1917 при Временном правительстве Кирюхин был арестован и против него было возбуждено дело по обвинению в провокаторстве. Это дело велось Петроградской окружной судебной палатой, обрывается сентябрьским допросом 1917 и впоследствии оказалось присоединенным к агентурному делу Кирюхина в ДП. Хотя точных сведений о его судьбе нет, представляется, что он досидел в тюрьме до прихода к власти большевиков, которые без излишних формальностей его расстреляли.

С.В.Яров

**НА ЗАРЕ СОВЕТСКОГО СЛЕДСТВИЯ:
ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА 1918-1919**

Политическое следствие в пореволюционной России уже освещалось публицистами, историками и писателями — от С.П.Мельгунова до А.И.Солженицына. То, что оно было в значительной мере фальсифицировано, ныне мало кто оспаривает. Множество книг и статей о «борьбе с контрреволюцией» воспринимаются сегодня лишь как памятник ушедшей эпохе. Предлагаемая статья не претендует на рассмотрение данной проблемы во всей ее широте — это скорее задача фундаментального труда. Ее цели скромнее: на основании ряда «контрреволюционных дел» выявить некоторые элементы юридического мышления новых чиновников на низовом (волостном и уездном) уровнях. В историко-юридических монографиях последних десятилетий¹ эти вопросы еще не стали предметом специальных исследований.

В статье использованы материалы четырех дел, сохранившихся в фондах 142 (Комиссариат внутренних дел Союза Коммуны Северной Области — СКСО) и 9439 (Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем СКСО) Центрального государственного архива Санкт-Петербурга. Самое

¹ Гусев Л.Н. Советская военная юстиция в период иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР. М., 1951; Горман А.Я. Советское государство и право в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. М., 1955; 40 лет советского права. Т.1. Л., 1957; Кожевников М.В. История советского суда. М., 1957; История советского государства и права. Кн.1-2. М., 1968; Курицын В.М. Становление социалистической законности. М., 1983; Вопросы права и законности в первые годы Советской власти. М., 1984; Титов Ю.П. Развитие системы советских революционных трибуналов. М., 1987; Портнов В.П., Славин М.М. Становление советского правосудия Советской России (1917-1922 гг.). М., 1990.

раннее из них — дело М.И.Донского — в какой-то мере может считаться образцом политической трактовки заурядных явлений бытовой жизни, ставшей затем расхожим приемом отечественной юстиции. Началом этого дела стало задержание в ночь на 8 августа 1918 в селе Вознесенская Пристань (Лодейнополюский уезд Олонецкой губернии) мясника Михаила Ивановича Донского, 63 лет. Последний пытался сорвать какие-то листовки со столба, был замечен патрулем и приведен для объяснений в военный комиссариат.

Что это были за листовки, выяснить трудно. Сам М.И.Донской позднее заявлял, что «бумажки он сорвал как не имеющие никакого значения»². По сообщениям властей, они содержали «политические и внутренние распоряжения по поселку»³, а по свидетельству сына М.И.Донского, это было «изданное местным Комиссариатом по внутренним делам объявление о починке тротуаров»⁴. Причиной задержания и дальнейших следственных действий здесь стали не столько листовки, сколько поведение М.И.Донского на допросе в военкомате.

Допросу предшествовал личный обыск арестованного — у него отобрали деньги и золотые часы. Сам по себе обыск был предусмотрен действовавшими инструкциями, но очевидно, что М.И.Донскому было трудно понять, отчего допрос не мог быть проведен прежде изъятия у него часов. Несомненно, все происшедшее он принял за начало грабежа. В целом этот инцидент должен был закончиться штрафом. Учитывая нехватку и дороговизну бумаги, мотивы поступка М.И.Донского могли быть достаточно прозаичны и весьма далеки от политики. Сценарий разрешения подобных конфликтов был традиционен: краткий допрос и заключающая его нравоучительная сентенция должностного лица. Не стал поначалу исключением и этот случай: после беседы военкомиссар «гражданину Донскому выразил всю непристойность его поведения срывать советские объявления и сказал, что вы за это будете наказаны по всем строгостям революционного времени и подвергнетесь штрафу»⁵.

Упоминание о штрафах и взорвало М.И.Донского. Услышав о новых поборах, он не выдержал и крикнул: «Ну грабьте, все в ваших силах»⁶. Эти слова и привели к роковой развязке. Вместо

² Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. 142. Оп. 2. Д. 96. Л. 4.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 4.

⁶ Там же.

уплаты штрафа М.И.Донской был немедленно водворен в «арестное помещение».

На следующий день, 8 августа, состоялось заседание исполкома поселкового Совета, где с докладом о деле М.И.Донского выступил уже сам его председатель Дерябов. Незначительное происшествие вдруг стало приобретать необычно широкий резонанс. На заседании было решено послать комиссару внутренних дел СКСО М.С.Урицкому телеграмму следующего содержания: «Контрреволюционер Михаил Иванович Донской... ночью срывал советские объявления и воззвания. Снят точный допрос... Телеграфируйте, как поступить: послать к вам или ждать следственную комиссию»⁷. Тут же постановили произвести на квартире М.И.Донского «тщательный обыск, что может дать более материалов следственной комиссии»⁸.

Трудно сказать, почему «дело» М.И.Донского вызвало столь бурную реакцию. Объяснения здесь могут быть разными, но особо отметим два обстоятельства «высшего порядка». Во-первых, это общее ужесточение политического поведения всех структур управления, связанное с нарушением баланса власти: распад правительственной коалиции в начале июля 1918 придал большевикам смелости в их действиях. Теперь не надо было оглядываться на своих политических союзников — левых эсеров, — которые хотя и не отрицали террор, но все же дорожили своей репутацией защитников крестьян. Во-вторых, в июле—августе 1918 общая военно-политическая ситуация в стране действительно обострилась, и правящая партия видела свой шанс на выживание только в усилении репрессий. Отсюда и требование жестких наказаний и даже поощрение «революционных» самосудов и внесудебных казней, шедшие уже с самого верха как раз с лета 1918. Сентябрьский «красный террор» был по существу лишь легализацией, публичным обнажением тех приемов, которые санкционировались и применялись раньше. В инциденте с М.И.Донским уже можно обнаружить характерное «усваивание» в низовых структурах власти новых форм политического поведения — форм, которые хотя и не были им вовсе чужды и до того, но все же имели пределы, не будучи официально разрешенными.

Сложно выяснить, искали ли местные власти предлог для показательной расправы (запугивание уже тогда становилось одним из важнейших приемов манипулирования массами)⁹ или дей-

⁷ ЦГА СПб. Ф.142. Оп.2. Д.96. Л.4.

⁸ Там же.

⁹ В пользу этого предположения в какой-то мере указывает заключительный абзац объявления о казни М.И.Донского: «Призываем население к спокойствию,

ствительно считали мясника опасным врагом. Но уже молниеносное обращение в высшие инстанции во многом определило дальнейшую судьбу М.И.Донского. Его оправдание в любом случае могло уронить престиж местной власти. То, что срыв листовок даже при большой натяжке не мог быть серьезным поводом для судебного разбирательства — было ясно всем. Потому и потребовался обыск в доме Донского, во время которого следствие намеревалось добыть более весомые аргументы в пользу осуждения. Он, однако, никаких компрометирующих материалов не дал — и следствие вынуждено было сделать другой ход.

Этим ходом стало «дополнение» политических обвинений уголовными. Собственно, и здесь основания для преследования были крайне шаткими. М.И.Донского заподозрили по чьей-то жалобе в продаже мяса больной коровы. Расследование этого факта отразилось в протоколе дознания: «Гражданин Михаил Иванович Донской показал, что /.../ коровы он не покупал, а покупал корову Андрей Ефимович Паньшев /.../ Гражданин Андрей Ефимович Паньшев показал, что он корову купил у гражданина Андрея Петровича Лучина живую и корова была нездорова в телени, а другой болью не болела /.../ Жена Андрея Петровича Лучина показала, что корова действительно была больна в телени и больше ничем не болела, а когда убили, то была живая»¹⁰. Запись этих однообразно-монотонных допросов воспроизведена здесь лишь с одной целью: показать, на основании каких «доказательств» члены уездной ЧК пришли к следующему выводу: во всем виноват только М.И.Донской.

Тут и найдена была формула для тяжкого обвинения — «мародер». При этом сразу достигались две цели. С одной стороны, были «подкреплены» обвинения против М.И.Донского, с другой — найден способ более весомо оправдать в глазах людей жесткость наказания, чем одним только инцидентом с листовками. Вряд ли стоит говорить о корректности применения в данном случае самого термина «мародерство» — лексическая путаница вообще была характерна для того времени. Отметим только, что система наказаний за это преступление была уже достаточно разработанной и к тому же основанной на прочной правовой традиции. Этого не скажешь о политических преступлениях, характеристики которых пока еще были неопределенными, а пресекавшие их наказания — импровизированными. Из двух обвинений

но предупреждаем, что со всеми контрреволюционерами и мародерами будем расправляться по всей строгости революционного закона» (ЦГА СПб. Ф.142. Оп.2. Д.96. Л.9).

¹⁰ Там же. Л.3.

М.И.Донского — политического и уголовного — исход был если не предрешен, то юридически обусловлен (и тем самым стал реально возможен) скорее обвинением в мародерстве. В любом случае оно было тем камнем, который помог перевесить чашу весов в пользу осуждения. Это в целом отражено и в постановлении Лодейнопольской уездной ЧК: «Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, рассмотрев настоящее дело и принимая во внимание, что гр. Михаил Иванович Донской, как усматривается из показаний, явный контрреволюционер, а также причисляется к разряду мародеров и исходя из этого Донской заслуживает более сурового наказания, постановила: гр. Михаила Ивановича Донского на основании Декрета Совета Народных Комиссаров Петроградской коммуны приговорили расстрелять и настоящее постановление передать на утверждение Губернской Чрезвычайной комиссии»¹¹. Олонеккая ГубЧК дала согласие уже на следующий день — 26 августа¹².

Упомянутый декрет Совета Комиссаров СКСО, решивший по сути дела судьбу М.И.Донского, был подписан 18 августа 1918; на следующий день его опубликовал региональный официоз «Северная Коммуна»: «Враги народа бросают вызов революции, — заявлялось там, — убивают наших братьев, сеют измену и тем самым вынуждают Коммуну к самообороне... За контрреволюционную агитацию, за призыв красноармейцев не подчиняться решениям Советской власти, за тайную или явную поддержку того или иного иностранного правительства, за вербовку сил для чехословацких и англо-французских банд, за шпионство, за взыточничество, за спекуляцию, за грабежи и налеты, за погромы, за саботаж и т.п. преступления виновные подлежат немедленному расстрелу»¹³.

Между арестом Донского (8 августа) и его расстрелом (28 августа) прошло чуть менее трех недель. Так что законодательная новация не только санкционировала, но и заметно ускорила применение жесткого наказания.

В официальном «Объявлении» о казни Донского говорилось: «расстрелян контрреволюционер и мародер /.../ обвиняемый в агитации против Советской власти и за срывание советских объявлений...»¹⁴. Но об агитации нет никаких упоминаний в следственном деле М.И.Донского. Зато в декрете она перечислена как одна

¹¹ ЦГА СПб. Ф.142. Оп.2. Д.96. Л.7.

¹² Там же. Л.7об.

¹³ Сборник декретов и постановлений по Союзу коммун Северной области: Вып.1: Ч.1. Пг., 1919. С.132.

¹⁴ ЦГА СПб. Ф.142. Оп.2. Д.96. Л.9.

из причин, достаточных для применения смертной казни. Возникает впечатление, что обвинения получали окончательные формулировки даже не по результатам следствия (во многом и так фальсифицированного), а уже просто с оглядкой на подоспевший декрет.

Отметим основные черты этого дела. Незначительному бытовому происшествию придана отчетливая политическая окраска. С другой стороны, компромат, подбирившийся дополнительно, был призван не столько «подкрепить» политическую версию, сколько найти более весомые (в общеуголовном смысле) аргументы для осуждения. Смешение политических и уголовных мотивов в этом деле весьма показательно. Оно указывает на пока еще слабую разработанность идеологии и практики политических наказаний в советское время (старыми воспользоваться по известным причинам не могли). Примененные здесь приемы фальсификации не отличались сложностью и многообразием: удваивание обвинений для придания единичному событию статуса систематического, искажение деталей дела (многие из них получали нужную следствию подробность), наконец, произвольное выстраивание поступков обвиняемого в той последовательности и в тех сочетаниях, которые должны были свидетельствовать об их неслучайности и обдуманности.

Процессуальная сторона рассмотренного дела столь же красноречива. В документах дела нет ни одной ссылки на закон, ни на старый, ни на «революционный», помимо местного декрета, о юридической строгости которого достаточно судить по оговорке «и т.п. преступления». О том, что закон не имеет обратной силы и потому не мог служить основанием для казни, тут, очевидно, и не подозревали. Материалы следствия однозначно указывают на бесправие обвиняемого, отсутствие традиционных норм и правил расследования. Но юридическая безграмотность не только не затрудняла чинам новой власти выполнение их функций — наоборот, она объективно способствовала укоренению судебных процессов как способов политического преследования либо заугивания.

Дело агитаторов Ивана Васильева и Павла Ветошкина не имело столь трагической развязки. Его «политическое» оформление в конечном счете не состоялось — но для нас важнее проследить, как пытались это сделать. И здесь мы обнаружим приемы и методы, уже знакомые по делу М.И.Донского.

¹⁴ ЦГА СПб. Ф.142. Оп.2. Д.96. Л.9.

Слева направо: А.В.Марков, И.Ф.Колпашиков, Г.И.Мясников,
В.А.Иванченко, Н.В.Жужгов. Мотовилиха. 1918. ЦА ФСБ.

**И.Ф.Колпашиков, А.В.Марков, Г.И.Мясников, В.А.Иванченко,
Н.В.Жужгов, И.Г.Новоселов. Мотовилиха. 1918. ЦА ФСБ.**

Г.И.Мясников. 1920. ЦА ФСБ.

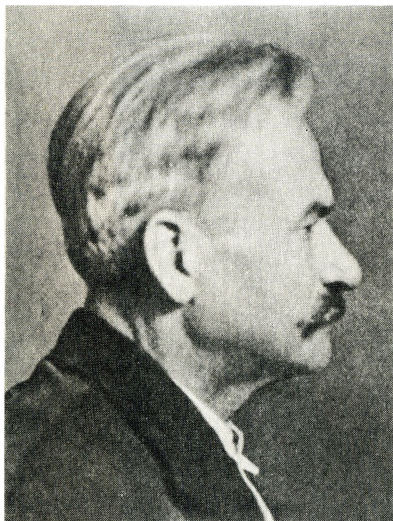
Д.Г. и Г.И.Мясниковы. 1927-1928. Ереван. ЦА ФСБ.

Слева направо: Вадим, Дарья Григорьевна, Юрий и Борис Мясниковы.
На обороте надпись: «Милому дорогому Папе своей собственной
персоной. Снимались 1930 г. 7 мая». ЦА ФСБ.

Г.И.Мясников. Париж. 1944. ЦА ФСБ.

Г.И.Мясников. Москва. Лубянка. Январь 1945. ЦА ФСБ.

**Б. В. Савинков. Нач. 1920-х.
Издательство благодарит Л. И. Петрушеву за подбор и предоставление
этой и трех следующих фотографий из фондов ГАРФ.**

П.В.Карпович. Между 1909 и 1914. ГАРФ.

Б.Н.Моисеенко. Между 1902 и 1906. ГАРФ.

М.А.Прокофьева. Между 1905 и 1911. ГАРФ.

Слева направо: К.А.Половцова, А.А.Мейер, Е.Н.Половцова, неустановленное лицо. 1909. Архив Л.А.Дмитриевой (Мейер).

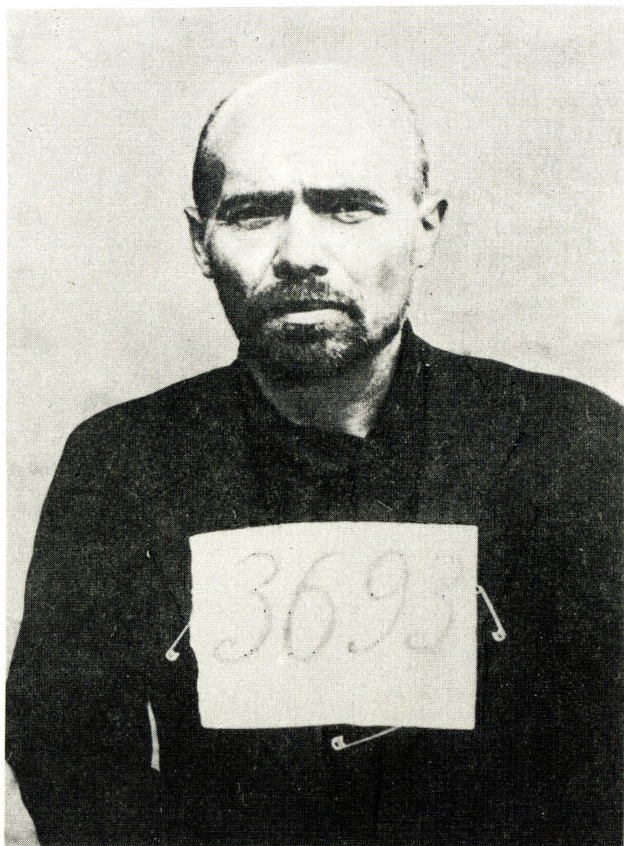
А.В.Чаянов — студент-первокурсник. 1907.

А.Ф.Фортунатов. 1923. Архив Н.И.Фортунатовой.

Н.М. и И.Г.Терентьевы. Тифлис. 1916.

И.Г.Терентьев. Июнь 1937. Фото из следственного дела.

В центре конфликта оказались петроградские рабочие, прибывшие осенью 1918 в Холмский уезд (Псковская губерния) для ведения коммунистической агитации среди местных крестьян. Возможно, это было и не единственной и не главной их целью: местом командировки оказались родные села и агитацией они занимались попутно с помощью своих близких. Очевидно, был недалеко от истины их недоброжелатель, доносивший местным властям, что «означенные лица прибыли не с целью агитирования, а просто так побывать на родине, ибо рабочих как таковых в отпуск не отпускают в настоящее время, а прибыв в местный исполком, им поневоле пришлось взяться за агитирование»¹⁵.

Толчком к фабрикации политического дела стало достаточно вольное, по мнению уездных чинов, поведение агитаторов и особенно непочтительность к местным властям, дошедшая до прямого вмешательства в их дела. Нельзя сказать, что политическую окраску поступки агитаторов приобрели случайно — но категоричность выводов была уж точно на совести их противников.

Один из первых сигналов о «неблагонадежности» П.Ветошкина поступил после инцидента в Каменском волостном Совдепе. Здесь П.Ветошкин случайно стал свидетелем упреков членам волсовдепа в том, что «на починку дорог выгнана только беднота, а кулаков нет»¹⁶. Он сразу же вмешался: «Починку дорог должны производить /.../ кулаки, а также и беднота /.../ Не есть кулак крестьянин, который своими мозолистыми руками добывает себе хлеб и имеет среднее хозяйство и самому не хватает хлеба»¹⁷. Присутствовавший при этом один из чиновников тут же «нашел, что агитатор Ветошкин ведет агитацию против Советской власти и обо всем сделал доклад в партию»¹⁸. Те же выводы (и с теми же последствиями) были почти одновременно сделаны и в отношении И.Васильева. Он вступился за арестованного бывшего пристава Жемчужина и даже ездил с ходатайством односельчан о его освобождении¹⁹. Видевший все это некий организатор комбеда «также сделал доклад в партию по отношению действия Васильева»²⁰.

На основании этих двух свидетельств Холмский уездный комитет РКП(б) 8 октября 1918 пришел к выводу о необходимости

¹⁵ ЦГА СПб. Ф.142. Оп.2. Д.177. Л.38.

¹⁶ Там же. Л.9.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л.9об.

¹⁹ Мотивы его действий оценить трудно, во всяком случае, после своего ареста И.Васильев «показал /.../ что он был введен в заблуждение о Жемчужине» (Там же. Л.5об.).

²⁰ Там же.

ареста П.Ветошкина и И.Васильева местной ЧК. На заседании, в частности, утверждалось, что агитаторы, «во-первых, принадлежат к кулацкому элементу, о чем свидетельствуют документальные данные от волостных исполкомов об их имущественном положении; во-вторых, агитации и митингов совсем не производят, а если и ведут, то в противную для нас сторону, и в-третьих, /.../ [приехали] не устраивать митингов, а просто отдохнуть под видом агитаторов и защищать кулаков /.../ Они ведут почти что антисоветскую пропаганду /.../ они дезорганизуют массы»²¹.

Говорили на заседании комитета все те же два информатора — остальные согласились с арестом. О правомочности своих почти что прокурорских действий уком, судя по всему, вряд ли задумывался, как впрочем и ЧК, выполнявшая его директиву. Практика бежала впереди нормы, иной канвы следственных действий, очевидно, уже не знали или не хотели знать. Обратим внимание на последовательность «углубления» обвинительных аргументов. Слова агитаторов не просто фиксируются, но и подчеркивается их умышленность — последняя доказывается упоминанием об их имущественном достатке. Тем самым действия агитаторов получали привычную для того времени «классовую» интерпретацию, а их слова уже нельзя было считать случайной оговоркой. Формально логические следствия их проступков выданы за непреложный факт, догадки — за нечто существовавшее. Сначала чисто субъективный вывод о защите кулаков, затем «логический» вывод из этого об антисоветской агитации и наконец еще один «логический» вывод о дезорганизации масс. Там, где было одно обвинение, конструируют уже три — такова несложная арифметика умножения преступлений, при которой $3 \times 0 = 3$; ее применение еще лучше видно в деле М.И.Донского.

Уже на следующий день, 9 октября, секретарь оперотдела Холмской УЧК записывает подробные ответы члена коллегии уездной биржи труда. Разговор на допросе шел об И.Васильеве, с которым информатор имел случай долго беседовать в начале октября. Публичные реплики И.Васильева о кулаках и бедняках не были столь известны, как слова П.Ветошкина, и понятно, отчего ЧК интересовала в первую очередь именно эта деталь. Показания и придали действиям И.Васильева нужную политическую криминальность: «В беседе этой Васильев, между прочим, сказал, что в Холмском уезде не имеется кулаков и напрасно Чрезвычайная комиссия арестовывает лиц, как например, Жемчужина, бывш. пристава. Васильев мне объяснил, что кулак тот, который

²¹ ЦГА СПб. Ф.142. Оп.2. Д.177. Л.37об.

имеет 30000 рублей и сам не работает. То же самое объяснял Васильев на Наговском волостном митинге, где присутствовал и я»²².

Вообще протокол допроса этого свидетеля является не столько записью всего того, что он вспомнил, сколько специально отобранным материалом для готовящегося обвинения. Вот характерный пример. «Я спросил у Васильева, — читаем в показаниях, — где она [М.А.Спиридонова²³] в настоящее время. Васильев сообщил мне, что она сидит, и добавил, что его чуть не выставили из партии за то, что он защищал Спиридонову»²⁴. Эпизод, казалось, давний и не имеющий отношения к данному инциденту. Но его особая фиксация несомненно помогала обеспечить большую убедительность собранным уликам.

Разумеется, взгляды П.Ветошкина и И.Васильева отличались от вполне большевистских. Политические обвинения им можно было предъявить с большей степенью уверенности, нежели М.И.Донскому. Им, несомненно, присущи некоторые оценки, которые местными властями трактовались как однозначно контрреволюционные. Но все же меру их политического вольнодумства не стоит преувеличивать. В сущности, они говорили о том же, о чем и многочисленные «вожди», о чем нередко упоминалось на митингах и в газетах: о недопустимости смешения «доброевольного крестьянина» с «кулаком». Пройдет немного времени, и о «повороте к середняку», о «доверии к середняку» вообще будут говорить все и всюду, начиная с Кремля и кончая сельским клубом. Оба они, коммунисты, в целом не вышли за те рамки, которые были предписаны членам РКП(б). Они, например, охотно выступают на митингах с «коммунистическими» речами. Они, если и протестуют, то не против самого понятия «кулаки» и не против подавления последних, а лишь против причисления к ним «средняков».

Сохранилась запись выступления П.Ветошкина на митинге в Тухомичской волости, сделанная местным учителем. Сложно судить, кто подвигнул последнего на сей труд, но этот документ был также приобщен к следственному делу. Протоколист едва поспевает за докладчиком — слова будто «проглатываются». Однако заметная нескладница речи имеет не только эту причину. Так говорили и писали тогда очень многие из числа начитанных (вернее, «наслышанных») рабочих и новоиспеченной интеллигенции. В данном случае очень ощутима, с одной стороны, ориентация

²² ЦГА СПб. Ф.142. Оп.2. Д.177. Л.35.

²³ Лидер партии левых эсеров, арестованная после событий 6 июля 1918.

²⁴ ЦГА СПб. Ф.142. Оп.2. Д.96. Л.35.

на газетные штампы, а с другой — личная импровизация оратора, еще более упростившего попавший в его руки агитационный материал.

«Явился я потому, — начинал свое выступление П.Ветошкин, — чтобы осведомить население... Почему у нас нет хлеба? /.../ Это случилось потому, что народ был призван /.../ на войну. Во всем виновата война... Буржуй и помещик, если он хоть чуть честный человек, и он скажет, что не Советы, а империалистическая война. Так же страдают и другие народы. Никто из трудового народа не должен быть союзником помещику и капиталисту. Если война не кончится, то дойдем до краха: не будет хлеба, не будет железа, [дойдем] до краха керосина. Мы должны задавить помещика и капиталиста. Империалистическая война была бы выгодна самому крупному помещику: он хотел убить побольше народу; народ будет в огромной нищете и тогда [помещик] будет снова царствовать»²⁵. А вот еще один фрагмент: «Но некоторые помещики и капиталисты уже валяются у ног и просят хлеба, но мы им не дадим. Им дадим тогда, когда они откажутся от своих прав. Сейчас идет борьба двух классов, а другой — класс капитала. Вот с этим классом мы и ведем страшную борьбу. Вам помещики говорят, что заключили невыгодную войну. Этим они стараются доказать, что мы продали страну. Все те недоумки, которые кричат, что нельзя войну заключать и за контрибуции»²⁶.

В этих записях едва ли можно найти политический криминал. Впрочем, и повторение оратором «подозрительных» рассуждений о кулаках оставляло мало места для творчества следователей: «Самые беднейшие не должны отбирать у крестьянина лошадь — словом, разорять среднего крестьянина. Если мы сделаем всех бедняками, если нужно разорить среднего крестьянина, то это вред. Мы должны не разорять, а поднять тех, у кого нет ничего. Мы должны карать лишь тех, кто не хочет поделиться»²⁷.

«Отклонение» П.Ветошкина и И.Васильева от обычных норм состояло на самом деле в том, что привычным от частого употребления лозунгам они нашли практическое применение, используя их буквально. Реальной же причиной их конфликта с местными властями могли быть или имущественные споры, на что намекал уком РКП(б), или чрезмерная «раскованность» рабочих, которые не заботились о субординации и даже осмелились кого-то поучать, или еще что-то иное. Во всем этом виден и отпечаток

²⁵ ЦГА СПб. Ф.142. Оп.2. Д.96. Л.2.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л.25.

личной неприязни между агитаторами и укомовскими информаторами; в документах, например, отмечено такое мнение И.Васильева о комбедовце: «Много выставляет свое я»²⁸. Политическая направленность ссоры определилась, возможно, и не сразу. Аргументы обвинения могли быть и другими. Однако, коль скоро в возникшей перепалке всплыли и политические вопросы, любое уклонение, пусть и непринципиальное, от традиционной их трактовки охотно представили как криминал. Дело быстро стало формироваться по привычным схемам.

Оно не отняло бы много времени у его инициатора, если бы не произошла неожиданная осечка. Присланный из Комиссариата внутренних дел СКСО следователь отказался рассматривать его как «контрреволюционное». То, что материал для обвинения недостаточен, а иногда и явно сфабрикован, значения могло и не иметь. Известны были уже случаи осуждения, для которых потребовалось еще меньше доказательств. Отметим, что и взгляды следователя не отличались особой юридической строгостью. Вот, например, как он судил о провинностях И.Васильева: «Он /.../ виновен в защите бывшего пристава Жемчужина и [в] том, что он катался с его дочкой и сыном на лошади, и [в] том, что он ездил с постановлением граждан/.../ о скорейшем разборе дела Жемчужина»²⁹.

Однако в данном случае на скамью подсудимых пытались посадить большевиков, и обвиняли их не в растрате или превышении власти, а в «антисоветской» агитации, что уже само по себе было необычно. Если приговором над М.И.Донским запугивали несогласных, то здесь судебное решение пришлось бы утаивать. Дело против «коммунистов-антисоветчиков» очевидно бы дискредитировало и власти, и их партию, и саму большевистскую идею. Прецедентов почти не было. Идеологическая значимость выглядела сомнительно. П.Ветошкин занимал к тому же какой-то пост в профсоюзной иерархии петроградских железнодорожников. Частое употребление бланков с печатью отнюдь не в служебных целях ему поставил в вину даже либеральный следователь из Петрограда³⁰.

Все это если и не сокрушало дело, то вызывало особую осторожность при его разборе. Возможно, колебания следователя имеют и еще одну причину. В документах имеется телеграмма Холмского уездного комитета РКП(б) о том, что следователь

²⁸ ЦГА СПб. Ф.142. Оп.2. Д.96. Л.35.

²⁹ Там же. Л.50об.

³⁰ Там же. Л.10.

Глебов относится к своим обязанностям пристрастно, ибо он «местный житель [и] заинтересован [в] деле»³¹. По-видимому, характерный для первых лет советской юстиции волюнтаризм опирался не только на «революционное сознание», но был связан и с традиционными общинными представлениями и навыками. Однако и второй следователь, присланный из Петрограда — Козлов — полностью подтвердил основные выводы Глебова. Дело было, вероятно, не в шаткости обвинительных улик, собранных партийцами. Потребовав отставки следователя, холмские власти покусились на репутацию Комиссариата внутренних дел СКСО — и это в ситуации острых межведомственных склок, которыми знаменита вся эпоха 1918-1920, да и более поздние времена. Согласиться с Холмским уком значило для петроградцев обнаружить свою некомпетентность, даже намек на которую вызывал у карательных органов сильное раздражение.

В деле П.Ветошкина и И.Васильева примечательнее всего то, что любое слово, даже жест, даже намек, содержавшие в себе критику именно неполитических действий местных властей, сразу окрашивались в тона политического криминала. На примере этого дела ясно видно, как инструменты советского политического сыска изначально приспособлялись с пулливому, изошренному выявлению и оценке не столько открытых действий, сколько намерений, скрытых намеков и неосторожно сказанных фраз.

Поводом для подготовки еще одного политического дела — «о контрреволюционном выступлении гр. М.Д.Дороничева» — стала речь последнего на собрании граждан Мегринской волости (Белозерский уезд Олонецкой губернии) 21 декабря 1918. Основанием послужил донос агитатора, читавшего здесь «доклад по текущему моменту, о мобилизации людей, лошадей, коров и пр.». По его словам, «Михаил Дмитриевич Дороничев /.../ указывая на усталось населения и смертельные случаи от голода граждан волости, говорил, что если народная власть не доставит хлеба, не оставит у нас последних коров и людей и лошадей, то мы не сможем идти в ряды армии». Гражданин селения Мегры, председательствующий на этом собрании С.И.Блинов спросил: «'Почему нет свободы слова, печати, личности и пр.'», так что это собрание носило контрреволюционный характер. Предложенная мною резолюция была большинством голосов отклонена, а была принята резолюция, приемлемая для граждан Мегринской волости»³².

³¹ ЦГА СПб. Ф.142. Оп.2. Д.96. Л.16.

³² Там же. Д.21. Л.1об.

Из протоколов допросов М.Д.Дороничева и С.И.Блинова можно почерпнуть кое-какие сведения об их биографиях. М.Д.Дороничев был членом РСДРП (меньшевиков) с 1905, тогда же был сослан в Тобольскую губернию, откуда в 1906 бежал в Петербург. Там, по его словам, он вновь занялся партийной работой. Однако в материалах следствия уже не приводится никаких подробностей его дальнейших революционных деяний. Судя по всему, он, по примеру многих, после революции стал постепенно отходить от политики. В 1918 он служил в Белозерском Союзе кооперативов, входил в местную организацию меньшевиков, но — по-видимому — в активных антибольшевистских действиях никем замечен не был. В ту пору его меньшевистское прошлое еще не стало опасным ярлыком, а в сочетании с революционными заслугами приносило даже некоторое уважение³³. К тому же в ноябре 1918 началось краткое примирение большевиков с меньшевиками, что вскоре привело к легализации последних. Во всяком случае, в дальнейших следственных действиях партийность М.Д.Дороничева никак не обыгрывалась: казалось, ее просто не замечали.

У другого подозреваемого — С.Блинова — была не менее революционная биография. О себе он показывал, что в 1904-1905 являлся эсером, в 1906 приговорен к каторге, от которой его освободила революция 1917 года. Некоторое время он работал секретарем в земстве, а затем стал председателем комитета деревенской бедноты. Похоже, он был совершенным воплощением «активиста», хотя сам этот термин еще и не вошел в обиход. Посланный в ноябре 1918 на съезд комбедов Северной области в Петроград, Блинов и там не удержался и выступил с речью, получив рукопожатие и благодарность С.П.Воскова и аплодисменты делегатов³⁴.

По ряду деталей можно в общем представить психологический контекст выступлений обоих обвиняемых на собрании в Меграх. Прочитавшему доклад агитатору начали задавать вопросы; спрашивали в основном женщины и почти только о хлебе. И тут, по словам очевидца, «после ряда выступивших ораторов, собрание стало носить более бурный характер /.../ стали выливать обиды на голод и даже одна женщина и мальчик плакали»³⁵. Уже по этим

³³ Он, например, не был арестован с самого начала, с него лишь взяли подписку о невыезде, мотивируя это тем, что «гражданин Дороничев, член социал-демократической партии меньшевиков, старый партийный работник с 1905, не мог говорить зажигательные речи, явно компрометирующие Советскую власть /.../ среди малосознательных /.../ масс» (Там же. Л.1).

³⁴ Там же. Л.4.

³⁵ Там же. Л.3об.

скупым штрихам нетрудно отметить, как нарастала нервность зала, быстро прорвавшаяся криком и плачем. К этому не были причастны ни С.Блинов, ни М.Дороничев, что подтвердили и многие показания. С.Блинов и М.Дороничев вмешались в ход собрания лишь на его критической стадии. Эти люди, имевшие немалый ораторский опыт, эмоционально чуткие и социально активные, судя по их биографиям, в данной ситуации промолчать не могли. Бесспорно, что они не только не подогревали критический настрой зала, но и сами старались особо не поддаваться ему. Их речи, конечно, отражали недовольство крестьян, но они усиленно подчеркивали его экономическую направленность и остерегались всего, что могло придать ему политический оттенок.

Выступление С.Блинова вообще имело «служебный» характер — он председательствовал на собрании и потому должен был как-то реагировать на крики и плач. Его реплика о свободе слова дошла до нас в нескольких вариантах, и во всех случаях отмечена ее сдержанность. Сам С.Блинов так передавал ее в своих показаниях: «Я, чтобы знали власти, что делается в деревне, сказал, что нужно дать свободу высказываться гражданам и просил /.../ зафиксировать все полностью, как велось собрание»³⁶. Близко к этому и свидетельство секретаря собрания Н.Кользаева: «После доклада председатель митинга т.Блинов сделал такого рода заявление, что теперь граждане, присутствующие на митинге, могут высказываться... так как теперь есть свобода слова»³⁷.

Настойчивый призыв С.Блинова вполне объясним, ибо только это могло ввести собрание в деловое русло. Говорить ведь на собрании никому не запрещалось, «свобода слова» подразумевалась, но после нескольких речей люди уже не выступали, а кричали, шумели, плакали — было «бурно», как говорил очевидец. Реплика С.Блинова в данном контексте не более чем умиротворяющий ораторский прием — она отнюдь не является утверждением об отсутствии свобод. Но в накаленной атмосфере собрания, даже вполне благонамеренное пожелание не шуметь, а *свободно высказаться* по существу дела, вполне могло показаться агитаторам двусмысленным. Едва они услышали о свободе слова, им сразу померещилась здесь то ли перепев «учредиловских» идей, то ли иной какой-то потаенный «нехороший» смысл.

С.Блинов в конечном счете оправдался, дела на него не завели, но проявленное со стороны следствия обостренное восприятие «крамолы» с его стороны в значительной мере объясняет,

³⁶ ЦГА СПб. Ф.142. Оп.2. Д.21. Л.3об.

³⁷ Там же. Л.4.

почему М.Дороничев, произнесший, правда, не реплику, но речь столь же умеренную, подвергся за нее преследованию.

Следователь скрупулезно опрашивал всех очевидцев выступления М.Дороничева, но улов его богатым не назовешь. Наиболее полный отчет об этой речи, разумеется, в показаниях самого оратора: «Агитационной речи против Советской власти я не произносил, а указывал на тяжкое экономическое положение; /.../ тов. агитаторам следовало бы обратить на это внимание и ходатайствовать перед центральной властью об отмене реквизиции лошадей и коров /.../ Я просил тов. агитаторов не переоценивать сил нашего Севера, а представить ту картину, которая есть в действительности, не вводить в заблуждение центральную власть»³⁸.

Сохранилась составленная М.Дороничевым резолюция митинга. Просительный тон выступавшего сохранился и здесь: «Наше население разорено, устало, оно ежедневно мрет как от болезни, так и от голода; если наша народная власть не оставит у нас последних лошадей и коров, если не доставит нам хлеба, если не увеличит производительности сельскохозяйственной жизни, то людей ожидает в недалеком будущем окончательное вымирание и гибель»³⁹. Резолюция была принята вместо другой, предложенной коммунистическим агитатором и сразу отвергнутой. Такая «насилственная» замена, однако, не повлияла на характер резолюции — она была явно умеренной. Так что похоже, что показания М.Дороничева правдивы.

Их в целом подтверждают и другие очевидцы. Один из наиболее осведомленных, секретарь собрания Н.Колызаев, почти текстуально повторил изложение М.Дороничева: «Он стал говорить, что ввиду того, что в этом году был недород хлеба /.../ то мы хотя хотим помогать настоящей власти, чем можем и уже дали лошадей, но просили бы т. агитаторов довести до сведения центральной власти, что коров необходимо оставить в волости»⁴⁰. Другие были более кратки, но и их показания по смыслу мало чем отличаются от предыдущего: «Дороничев /.../ говорил, что нужно просить власть, чтобы она обратила внимание на нужды населения и сделала некоторое снисхождение»; «в речи Дороничева ничего против власти не слышал, а он только говорил, что хлеба доставать трудно»⁴¹.

Свидетели П.Боричев и П.Вавилин были допрошены по просьбе самого М.Дороничева, но по ряду деталей можно пред-

³⁸ ЦГА СПб. Ф.142. Оп.2. Д.21. Л.3.

³⁹ Там же. Л.1об.

⁴⁰ Там же. Л.4.

⁴¹ Там же. Л.4-5.

положить, что он рассчитывал не столько на их пристрастную помощь, сколько на объективность. Ответы П.Вавилина, например, далеки от безоговорочной поддержки М.Дороничева: «Его речь я слышал всю и вынес такое впечатление, что это говорил ни в коем случае не большевик-коммунист, а если уж не противник, то по крайней мере во многом не согласный с действиями Советской власти в вопросах о мобилизации лошадей, коров и людей. Речи Дороничева я дословно не помню, так как прошло много времени, но открытых же выпадов против власти я не слышал»⁴².

Как и в других рассмотренных делах, здесь показания тоже следуют заранее намеченной канве — это не просто запись того, что запомнилось на митинге. Вопросы следователя в документах не фиксируются, но по ответам свидетелей нетрудно определить круг его интересов. Так, все опрошенные неизменно упоминают о политической благонадежности М.Дороничева. Эта тема присутствовала даже в показаниях С.Борочева, который вообще ничего не смог сообщить о крамольной речи — он ушел с собрания в самом начале и потому не был очевидцем происшествия. Но и он ответил: «Могу сказать, что раньше Дороничев был выслан в Сибирь за политику, а в настоящее время я от него не слышал ничего, что бы он говорил, что власть не хороша для народа»⁴³.

То же рассказывали и другие. Единственным аргументом в пользу обвинения М.Дороничева могла стать, пожалуй, его оговорка о голодных смертях в уезде. О ней говорилось почти на всех допросах и, думается, не только потому, что это показалось свидетелям чрезмерным и тем самым запомнилось им. Так, случаи смертей счел нужным специально отрицать даже ничего не знавший и ничего не слышавший С.Борочев — несомненно, его прямо спросили об этом.

Таков был почти весь следственный материал, на основании которого полагалось вынести заключение о степени вины М.Дороничева. Мы прибегли к такому обильному цитированию, чтобы ярче выделить парадоксальность выводов следователя. В его действиях, возможно, и была своя логика — но эта логика отражала не столько правосознание, сколько прямо соотносилась с политической психологией большевистских низов.

Датированное 3 февраля 1919 заключение следователя дает нам уникальную возможность увидеть не только результат его работы, но и, говоря словами Гегеля, «становление результата»,

⁴² ЦГА СПб. Ф.142. Оп.2. Д.96. Л.4об.

⁴³ Там же. Л.5.

самый ход политико-правовой мысли. Основной вывод заключения высказан им, вопреки старой юридической традиции, уже в самом начале: «Гражданин Дороничев действительно частично вел агитацию против действий Советской власти на митинге 21-го декабря 1918 г.». Слово «частично», как можно понять из дальнейшего, здесь означало не столько умеренность критики, сколько ее маскировку: «И вел это так умело, что затрагивая болезненные вопросы жизни, казалось, он описывал только течение жизни»⁴⁴.

Характерно это слово — «казалось». В самом заключении нет никаких упоминаний ни кодексов, ни уложений, ни даже декретов новой власти — здесь все решается как бы на глазок. Но даже окажись правовые акты под рукой у следователя, применить их было бы сложно — М.Дороничев обвинялся не столько за свои действия, сколько за их гипотетические последствия. Ему в основном инкриминировали составление резолюции митинга. Будучи в изложении следователя несколько сокращена, она стала еще более умеренной. Ее содержание буквально сведено к следующему: если власть не даст хлеба, то население будет голодать. Против данного силлогизма возразить было трудно — и не возражали. Криминал увидели в другом: «Неграмотные люди, плохо разбирающиеся в политических вопросах и хорошо не знающие, чем вызвана продовольственная разруха, представляют себе, что действительно Советская власть не хочет, да и не может дать хлеба народу, а берет только последний, и так они думая, действительно остаются недовольными существующим порядком»⁴⁵. Если в начале заключения следователь в полной уверенности реконструирует тайные замыслы М.Дороничева, то теперь ему становятся доступными и потаенные думы крестьян.

Это стремление угадывать чужие мысли постепенно становится все менее совместимым с формой и назначением юридического акта, но следователю трудно остановиться. Возникает впечатление, что он явно тяготеет кабинетной работой — ему бы самое место на трибуне: «Но такие господа не говорят того, кто во всем этом виноват, как то: в голоде и в настоящих мобилизациях против мирового капитала». Здесь обвинительное заключение уже напоминает агитационную статью или речь, из компилятора установленных фактов следователь превращается в *автора* или *оратора*: «Они, т.е. гг. Дороничевы, также не скажут, что ждет народную массу с восстановлением капитала, когда ее ни в чем не будут спрашивать, а будут только приказывать. Это все умалчи-

⁴⁴ ЦГА СПб. Ф.142. Оп.2. Д.21. Л.6.

⁴⁵ Там же.

вается, так как людям не могут прямо сказать, что мы поддерживаем власть /.../ помещиков и буржуазии, хотя и не в прежней форме»⁴⁶. Едва был найден подходящий для объяснения мотивов агитационный прием-штамп — и будто включился некий невидимый механизм: следователь воспроизвел всю цепь соотнесенных между собой политических клише, без остановки, автоматически, словно бессознательно — и так до конца, пока не выговорился.

В деле М.Дороничева, как и в деле М.Кайвы, рассмотренном ниже, нет сведений о вынесенных приговорах. В данном случае это и не столь важно. Нашей целью здесь, как уже отмечалось, является изучение именно низового механизма политического следствия. Его трудами и выполнялась основная работа по фабрикации дел. Верхние структуры (губернские и региональные) лишь утверждали уже подготовленные заключения, либо, что тоже бывало, отменяли их — но дополнительное расследование производилось редко.

Дело М.Кайвы — один из ярких образцов этого низового следственного «творчества». М.К.Кайва заведовал совхозом «Холм» в Недамецкой волости (Тихвинский уезд Петроградской губернии). Поводом для его ареста послужил какой-то донос или просто слухи об «агитации». Что под этим понималось, выяснить трудно. Следователь, явно испытывавший недостаток в уликах, в заключении не счел даже нужным упомянуть этот факт. Скорее всего «агитацией» сочли рассказы М.Кайвы о бывшем владельце имения С.Дитлове, помещенном, в числе заложников, в московскую Бутырскую тюрьму. Этим, скорее всего, можно объяснить постановление волостного Совета от 1 ноября 1919. На нем было решено не только пресечь агитацию, но и «произвести обыск всех хранилищ хозяйства и выяснить, не имеет ли Кайва переписки с бывшим владельцем имения. Если факт слуха будет подтвержден или будет обнаружена переписка /.../ то сразу же арестовать его — таким было решение местной власти»⁴⁷.

Переписка была найдена уже на следующий день. Тюремные письма С.Дитлова, очевидно, и были источником агитации М.Кайвы. Но криминалом сочли все же другое. Из писем Совет выяснил, что М.Кайва «посылал продукт для поддержания жизни белых заложников», т.е. С.Дитлову. Никакой иной вины у последнего, кроме «буржуазного происхождения», не было; в тюрьме он оказался, конечно, не случайно, но уж точно не за политическое преступление. Но обычному тогда еще поступку был сразу придан

⁴⁶ ЦГА СПб. Ф.142. Оп.2. Д.21. Л.6.

⁴⁷ Там же. Ф.9439. Оп.1. Д.1. Л.1.

политический оттенок. Вновь созванный на экстренное заседание волсовет определил, что своими поступками М.Кайва «восстанавливал население против Советского хозяйства и в частности против Советской власти». Во исполнение предыдущего решения М.Кайва, как замеченный в политической неблагонадежности, был арестован⁴⁸.

Все показания по делу М.Кайвы, собранные следователем, касаются одних и тех же вопросов — когда, сколько и кому давал он молока и масла; ни о какой политике здесь речь не шла. Человек, ставший в те голодные годы распорядителем продуктов, оказывался в центре особого, пристального внимания и односельчан и властей. Бесспорно, в его хозяйстве существовали какие-то непорядки, был ослаблен учет и запутана отчетность. Вместе с тем показания о его работе разноречивы и какой-либо ясной картины «вредительства» или постоянного ущемления малоимущих никоим образом не дают. Появление недовольных закономерно: кому-то отказывали в продуктах, кто-то их получал; потерпевшие склонны были объяснять отказы тем, что продукты отдавались имущим за большие деньги.

Разумеется, с жалобами шли и в волостной совет. По тому, с какой быстротой он воспользовался любым предлогом, чтобы сместить М.Кайву, уже можно определить, что здесь завхоз явно пришелся не ко двору. В протоколе Совета от 2 ноября содержится целый перечень вин М.Кайвы, и в первую очередь его отказ помочь семьям красноармейцев. В этом, очевидно, и усмотрели «восстановление населения против совхоза»; политический же вывод для Совета напрашивался сам собой.

В обвинительном заключении следователь прямо ссылается на постановление Совета, представляя его выводы как неопровержимые улики. Но небезынтересно сравнить собственно «советский» текст с обработкой его следователем. Обнаруженные различия впечатляющи.

Вот один из фрагментов протокола Совета: «Отношение Кайвы к распоряжениям власти по оказанию помощи продуктами голодающим семьям красноармейцев было отрицательным, с ответами излишков нет, нужны по хозяйству; между тем Кайва по своему личному усмотрению отпускал масло и молоко лицам, могущим приобрести на стороне»⁴⁹. В следственном заключении это место изложено следующим образом: «Из протоколов экстренного заседания /.../ устанавливается, что /.../ когда белые

⁴⁸ ЦГА СПб. Ф.9439. Оп.1. Д.1. Л.2.

⁴⁹ Там же.

банды были близки к колыбели Октябрьской революции — Петрограду, — когда их кощунственная рука была занесена над ним, то *заведующий советского хозяйства Кайва, ведя переписку с бывшими своими хозяевами — помещиками Дитловыми — отказывал в помощи беднейшему населению и семьям защитников революции*, ожидал эти банды, чтобы при их поддержке, в случае удачи, задушить тружеников-бедняков, т.е. был врагом их и сторонником господства помещиков и капитала /.../ Кайва ожидал своих господ, оберегая их имущество, прятал таковое /.../ Подобным своим поведением Кайва именно доказывал угодливость своим бывшим хозяевам и в случае их явки пресмыкался бы перед ними, ожидая подачи из рук паразита»⁵⁰. Мы специально выделили в тексте то, что следователь почерпнул непосредственно из протокола Совета. Все остальное — его импровизация; даже беглого взгляда достаточно, чтобы оценить ее масштабы.

Эти «вариации на тему» нескончаемы, но, заметим сразу, однокобразны. Вот еще один пример. Следователь переписывает некое «Уведомление Райсовхоза №5», из которого следует, что М.Кайва «слишком халатно вел отчетность, которая была им запутана и цифровых данных правильности ведения хозяйства совершенно не установить». Казалось, тут «хозяйство», а не политика, здесь риторические упражнения неуместны. «А почему? — пишет далее следователь. — Да потому, что он был врагом всех завоеваний Октябрьской революции, был врагом всему советскому». Примеры можно продолжить. «Весь следственный материал рисует Кайву за члена неблаговидного и вредного элемента»⁵¹. При всей лексической невнятице этого вывода, в нем отчетливо проявлена знаменательная для советского следственного мышления подмена оппозиций: вместо «виновен — не виновен» — «чужой — свой».

Этими четырьмя делами, разумеется, далеко не исчерпывается все многообразие практики послереволюционных лет. Вместе с тем они дают некоторое представление об основных элементах и приемах советского политического следствия. Отметим некоторые из них.

Для понимания механики следственных действий необходимо прежде всего определить степень их произвольности и ненормативности. Новые юридические нормы унаследовали от дореволюционных тяготение к тщательной регламентации следственных процедур, к детальному, почти дотошному перечислению про-

⁵⁰ ЦГА СПб. Ф.9439. Оп.1. Д.1. Л.33.

⁵¹ Там же. Л.33об.

цессуальных тонкостей⁵². Послеоктябрьская «декретомания» не обошла стороной и эту область права. В короткий срок создаются и буквально начинают теснить друг друга декреты, положения, циркуляры — аналог того, что происходило и в областях государственного управления, экономики и культуры. Но юридическая письменность все более диссонировала с юридической практикой, и этот разрыв между «словом» и «делом» очень ярко обозначен в изученных нами материалах.

Формально сохраняются традиционные следственные нормы: опрос свидетелей, показания обвиняемых, экспертизы, синтезирующее результаты следствия заключение. Полная отмена данных процедур и не могла произойти. Это, во-первых, окончательно дискредитировало и тем самым сильно ослабило бы следственные институты — важный инструмент политической власти большевиков, а во-вторых, имело бы нежелательные для них идеологические последствия. Однако следование этим нормам с самого начала было чисто внешним и поверхностным, маскируя произвол власти и фактическое бесправие обвиняемого.

В процессах девальвации права нельзя видеть только целенаправленные действия властей, хотя их интересам несомненно отвечала внутренняя эрозия тех правовых ценностей, которые с немалым трудом утверждались в общественном сознании в 1864-1917. Серьезную роль играл в первые пореволюционные годы и тот низкий уровень общей и политической культуры, которым отличалось большинство новых чиновников. Это особенно видно при знакомстве с подлинниками следственных дел. Невнятица, а иногда и просто безграмотность формулировок, неправильное употребление слов и понятий, путаница в названиях учреждений и правовых актов (на которые, кстати, при *назначении наказаний* все-таки ссылались) — все это стало обычным для юридических документов. Правовой произвол стимулировался и постоянными, нескончаемыми модификациями законодательства. Причины их были разными. С одной стороны, нестабильность военно-политической ситуации побуждала большевиков все более ужесточать систему наказаний, редуцировать следственные процедуры, ускорять и упрощать самый судебный процесс. С другой стороны, полити-

⁵² См.: Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 «О суде»; Постановление Наркомата юстиции РСФСР от 23 июля 1918 «Об организации и действии местных народных судов»; Циркуляр кассационного отдела ВЦИК от 6 октября 1918; Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 «О народном суде Российской социалистической Федеративной республики» (История Законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры: Сборник документов. М., 1955. С. 40-44, 48-54, 58-63, 66-72).

ческие выгоды такого «упрощения», будучи очевидными для властей, поощряли их к дальнейшим шагам в этом направлении; российская смута здесь уже была не причиной, а предлогом.

Декреты и циркуляры прввторялись и противоречили друг другу. Они отменялись иногда так быстро, что не успевали даже дойти до местных инстанций. Новые законы практически не действовали сколько-нибудь долго. Следователь зачастую и сам в точности не мог сказать, по какому положению он действует в настоящее время. Автономизация России после революции еще более обострила этот процесс. Местное нормотворчество в судебно-следственной сфере стало одним из неизбежных результатов регионального дробления страны. Уже упоминавшийся декрет СКСО от 18 августа 1918 — характерный, но не единственный образец такого рода. Достаточно заглянуть в многостраничный сборник декретов и постановлений СКСО, чтобы убедиться, сколь часто здесь по-своему решали вопросы, казалось, уже объясненные в Москве. В данной ситуации следователь, зачастую имевший лишь «правильное» социальное происхождение, но не квалификацию, предпочитал руководствоваться пресловутым «революционным сознанием». В рассмотренных нами делах впечатляет отсутствие ссылок на статьи и параграфы законодательных актов. Редко упоминание и самих законов, а если их и называют, то с характерными неточностями, будто узнали о них с чужих слов, понаслышке. Из многочисленных декретов, местных и высших, в которых он нередко путался, следователь перенимал «дух» закона, но не его «букву».

В этой ситуации обвинительный уклон в советском политическом следствии был предрешен. Разумеется, процессуальные нормы ориентировали на сбор всех сведений о подозреваемом, безотносительно к тому, оправдывают ли они его или усугубляют тяжесть его вины. И в следственных делах, за редким исключением, мы видим запись показаний, по-разному трактующих поступки фигурантов. Однако основное внимание следствия было сосредоточено на тех сторонах поведения подозреваемых, которые в наибольшей степени могли подчеркнуть именно их *неблагонадежность*. И даже в тех случаях, когда совокупность свидетельств ясно указывала на невиновность, исход дела мог быть различным. Все зависело от субъективной политической оценки — важнейшего элемента послеоктябрьского следствия.

Оно очень чутко реагирует на любые изменения идеологического климата в России. Политизация достаточно заурядных бытовых инцидентов — точный индикатор уровня государственной идеологической нетерпимости. Политический лозунг, вполне

большевистский, но не к месту произнесенный, является достаточным поводом для подозрений. В неправильном употреблении политических терминов видели двусмысленность, в сближении прошлой и нынешней эпохи — опасный намек. Словно в каком-то напряжении ожидали политической угрозы. Малейший жест, показавшийся сомнительным, был достаточен для нагромождения политических обвинений.

Историки-юристы много писали о советском правосудии на его начальном этапе. Сравнивались многочисленные судебные акты и их черновые варианты и наброски. Воспроизводилась полемика столпов новой юстиции по поводу тех или иных процессуальных тонкостей, изучалась иерархия судебных институтов. Однако на низовом уровне мы обнаруживаем не спорящего юриста, а малограмотного чиновника, следим не за анализом улик, а за пересказом политических банальностей. Представляется очень важным изучить, как высшие юридические акты, внешне крайне «революционные» и демократические воплощались в повседневной следственной практике. Это позволит глубже и полнее оценить общественное значение деформации традиционных правовых норм на ранней стадии советского общества.

«МНЕ БЫ ТОЛЬКО УМЕРЕТЬ ОКОЛО НЕЕ...»

Мать и дочь Половцовы

Публикация Я.В.Леонтьева

Жизнь К.А.Половцовой (1887-1949) настолько переплелась с биографией философа А.А.Мейера, что говорить о них в отдельности просто не представляется возможным. Как-то незаметно повелось, что колоритная личность Мейера заслонила образ его многолетней спутницы. Между тем К.Половцова вовсе не являлась alter ego своего друга и «ее внутренняя жизнь была всегда напряженной»¹. Историк и писатель Г.С.Габаев, характеризуя ее, писал: «С Ксенией Анатольевной мы сблизились в начале 1941 г. по переезде нашем с женою моею С.Г.Розен в Калязин, когда Ксения Анат[ольевна] радушно окружила нас самым дружеским уютом и самой горячей сестринской заботой. Кс[ения] Анат[ольевна] была на редкость богато и разносторонне образованный человек, талантливый художник, музыкант, архитектор, с высшими духовно-философскими запросами и образованием, ценный сподвижник своего мужа, талантливого философа и талантливого писателя Александра Александровича Мейер[а]. Она горячо интересовалась его углубленными изысканиями об искусстве вообще и о Фаусте в частности, помогая ему, переписывала текст, делала иллюстрации»².

К.Половцова происходила из семьи аристократов, отличавшихся либеральными взглядами. Ее отец, Анатолий Викторович Половцов (1849-1905), принадлежа к высшей государственной и сановой элите (он заведовал Административным отделом Кабинета Его Императорского Величества), был в то же время довольно крупным ученым — правоведом и историком, автором многих работ по крестьянскому вопросу, по истории и археологии Византии. Его жена — Екатерина Николаевна Половцова (1860-1933), урожденная Кравченко — была родной племянницей П.А.Кропоткина, дочерью его старшей сестры. Она училась в обычной непривилегированной гимназии, что вызывало недоумение со стороны титулованных родственников ее матери, а затем окончила Высшие женские курсы в Петербурге. Ее замужество, напротив, до такой степени огорчило Кропоткина, что между ним и племянницей надолго прервались

¹ Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992. С.324.

² ОР РНБ. Ф.1001. Оп.1. Д.34. Л.1об.-2.

всякие отношения. Екатерина Николаевна была весьма незаурядной женщиной. Она занимала должность специалистки по женским кустарным работам в Главном управлении землеустройства и земледелия. Кроме того возглавляла сельскохозяйственную комиссию «Русское зерно»³. Будучи либеральной помещицей, Е.Половцова задолго до революции отдала крестьянам большую часть своей земли в Скопинском уезде Рязанской губернии. Занималась организацией кустарных школ и мастерских для крестьянских детей (впоследствии в знак благодарности крестьяне в буквальном смысле кормили Половцову, приехавшую в деревню в конце 1918, чтобы попытаться спасти созданные ею школы).

Е.Половцова много занималась научной работой, изучала российскую кустарную промышленность в течение 30 лет. Составленный ею библиографический указатель по кустарным промыслам в 1912 единодушно был признан необходимым к изданию Кустарным съездом. Главным предметом своих научно-педагогических интересов она считала «творческие художественные способности моего народа (в особенности у детей)»⁴. Ее теоретические исследования и практическая деятельность были поощрены 16 золотыми медалями и 2 *grand prix*⁵. Вдобавок ко всему прочему Е.Половцова занималась литературным трудом — писала на исторические темы и была единственной переводчицей в России с голландского языка. Среди ее близких друзей были известный писатель и мыслитель, проповедник голландской реформатской церкви в Петербурге пастор Гиллот и выдающийся юрист А.Ф.Кони. П.А.Кропоткина она называла своим «другом и единомышленником».

По всей видимости, Екатерина Николаевна старалась развить самостоятельность характера и дарования у своих детей. Подобно своей матери, она отдала дочь учиться в казенную гимназию с «кухаркиными детьми». С ее одобрения К.Половцова поступила на частные курсы архитекторов (это был первый в России выпуск женщин-архитекторов). Однако, как это часто случается, между матерью и дочерью возникло определенное непонимание в мировоззренческом плане. Камнем преткновения в их отношении оказался частный учитель брата Ксении — А.Мейер. Он привлек подпавшую под обаяние его личности Ксению Анатольевну к участию в петербургском Религиозно-философском обществе, одну из главных ролей в котором играла родственница Половцовых поэтесса З.Н.Гиппиус. Неприятие Мейера у Екатерины Николаевны было обусловлено не только неосознанным, быть может, протестом против возможного мезальянса, но и характерной для ее круга подозрительностью к разнообразным «религиозным исканиям» начала XX в. В конце 1910 она уговорила дочь поехать в Италию, где в это время отдыхал П.Кропоткин, в надежде на то, что последний своим авторитетом развенчает ее «мистицизм». Сохранилось недатированное письмо Е.Н.Половцовой к П.А.Кропоткину, написанное не позднее 14 марта 1911, в котором речь шла о Мейере:

³ Almanach de St.-Petersburg: Cour, monde et ville. 1913/14. [СПб.], 1914. P.424-425.

⁴ Рукописный отдел фондов ГЛМ (далее — ГЛМ). Ф.287. Оп.1. Д.68. Л.8.

⁵ Там же.

Родной мой, тысячу раз спасибо тебе за *Ксению*. Как ты ее принял, как обласкал — изо всего этого вижу, что ты полюбил ее душой. Да и она этого стоит. Ну так вот что: раз она тебе стала близкой, родной, хочу тебе сказать еще об ней.

Я предложила ей поехать к тебе, узнать в лице твоим сильнейшее противоядие против того нравственного и душевного состояния, в котором она находилась в последнее время, против зловредного мистицизма. Человек, овладевший ее умом и душой в этом направлении, — человек юродивый с одной стороны, с слабо развитой волей, и человек не безусловно честный. В этом я совершенно убедилась и об этом прямо в глаза, в присутствии Кс[ении], сказала ему. Для меня выше Кс[ениии], лучше ее, *ничего* нет в мире — я люблю ее безгранично и *для нее* готова на любую жертву (если вообще можно назвать жертвой то, что делается во имя любви совсем легко). Предрассудков у меня нет, от них я избавилась. Что *он* еврей, что он женат (2 детей), что он беден и не способен прокормить *даже себя* — со всем этим я могла бы примириться. Но вот с чем я не могу примириться: что он *ходит во тьме*, утверждая, что это есть единственно разумное существование человека, ибо *ничего* на этом свете нет положительного, что мир зол, что ценно только то, что дается нам свыше, а потому искание новых путей (в искусстве, в религии, в науке и т.д.) есть бессмыслица. Отсюда бессмыслица всякая сознательная работа, отсюда отсутствие энергии и воли.

/.../

Возвратившись от тебя, Кс[ения] как будто первое время действительно стала проявлять намерение отрешиться совсем от ложного мистицизма, но... боюсь, ох боюсь, что *этот* человек опять завладеет ее мыслями...

Что делать — я теряюсь. В Кс[ению] у меня все-таки крепкая вера, ну а *ему* я не верю ни на волос (тоже сказала в глаза). Сказала я ему также и то, что не стоит ее мизинца, — с этим-то, впрочем, он согласен. /.../

Кс[ению] природа щедро одарила разными дарами и этим надо дорожить и пользоваться, чтобы делать людей вокруг себя счастливыми, а не наоборот, как проповедует *он*. Уходить только в себя, погружаться в самосозерцание — для этого надо родиться и другим человеком, нежели Кс[ения], иначе это будет только искусственно, а потому и ложно. Зачем ей навсегда бросить искусство, музыку (как она восхищается твоей музыкальностью!), архитектуру, которую она так любит? Зачем носить вечный траур, когда сердце ее так сильно бьется под черной рясой (прошлый год она так одевалась). Прости меня... Я пишу и плачу, плачу... Так мучительно хочется видеть Кс[ению] счастливой! Так страстно люблю ее...⁶

⁶ ГАРФ. Ф.1129. Оп.5. Д.6. Л.26-31.

Не обсуждая здесь вопрос об объективности приведенной характеристики Мейера, отметим лишь эмоциональный накал, свойственный отношениям Екатерины Николаевны с дочерью и ее возлюбленным. Кропоткин откликнулся на это обращение «длинным» письмом на 8-ми страницах «о вреде христианства и значении этики», адресованным Ксении⁷.

Попытка двоюродного деда переубедить К.Половцову оказалась тщетной. Ее роль в деятельности РФО только возрастала год от года. В начале 1914 она была избрана в Совет общества, через год стала его секретарем. В 1917 именно на ее петроградской квартире на Большой Пушкарской проходили собрания людей, принадлежавших к левому крылу РФО, на которых было положено начало деятельности религиозно-философского кружка «Воскресение»...

Об отношениях К.Половцовой и А.Мейера подробно рассказывается в неопубликованном беллетристическом произведении А.В.Бенфельд (Устьволокской) «Ирина. (Ее жизнь)», написанном со слов самой Ксении Анатольевны⁸. Надо сказать, что позже (скорее всего, это произошло после выхода К.Половцовой замуж за певца и музыканта П.Д.Васильева) Екатерина Николаевна как будто бы примирилась с существованием Мейера. Когда, после ее отъезда в деревню в 1918, дом Половцовых на Каменном острове был передан Детскому обследовательскому интернату и его директор А.С.Грибоедов присвоил себе все семейное имущество Половцовых, то, по собственному признанию Екатерины Николаевны, людьми, принимавшими «участие в моем несчастье по долгу», были А.А.Мейер и Е.В.Корш⁹.

⁷ ОР РГБ. Ф.369. Карт.319. Ед.хр.15. Л.1. — Об этом письме, как о сохранившемся, Е.Н.Половцова сообщила В.Д.Бонч-Бруевичу в открытке от 24 февраля 1931; местонахождение самого письма неизвестно.

⁸ ОР РНБ. Ф.1001. Оп.1. Д.497.

⁹ ГЛМ. Ф.287. Оп.1. Д.68. Л.2об. — В результате самоуправства Грибоедова погибли мемуары Е.А.Кравченко — родной сестры П.А.Кропоткина, содержавшие его пометки; историческая драма «Иисус и евреи», написанная Е.Н.Половцовой в соавторстве с пастором Гиллотом; библиографические материалы по кустарной промышленности и изучению русского орнамента, ряд других работ. В 1920 С.Г.Кропоткина и Э.Гольдман с мандатами в руках смогли заполучить у Грибоедова лишь семейные кропоткинские портреты. «Особенно обидно, — считала Екатерина Николаевна, — за исчезновение копий с фресок Юрьевой Божницы XII в., т.к. абсида, в которой мы с мужем работали, уже разрушилась, и фрески исчезли. Об этом с горечью говорят все знатоки искусства. Еще незавнаградима [sic!] утеря части gobelena, находящ[егося] в Зимнем Дворце. Эту часть разыскали в Париже, она изображает гербы губерний Российск[ой] Империи. Очень ценная вещь» (Там же. Л.17об.). На просьбу Е.Н.Половцовой вернуть этюд, написанный ее покойным мужем, и ковер кустарной работы из ее коллекции, — Грибоедов бесцеремонно ответил: «Нет, этюд висит в комнате моей дочери, он ей очень нравится, а ковер лежит у меня в кабинете» (Там же. Л.17). Коллегия врачей предложила Екатерине Николаевне обратиться к их третейскому суду, но она (вероятно, после одобрения действий Грибоедова З.И.Лилиной) в отчаянии «махнула на это дело рукой». В 1930 В.Д.Бонч-Бруевич предал огласке историю с Грибоедовым в ленинградской «Звезде» (№6. С.6). Упомянутая Половцовой Елена Валентиновна Корш была участницей кружка Мейера.

В июне 1917 вернувшиеся из эмиграции П.А. и С.Г.Кропоткины, вместе с дочерью и зятем, поселились на одной даче с Е.Н.Половцовой. В письме к лондонскому корреспонденту С.П.Тюрину от 4 сентября 1917 Кропоткин сообщал: «Мы прожили лето, до Московского [Государственного] совещания на даче, на Каменном острове среди чудного большого сада-леса с Сашей и ее мужем и с племянницей — вдовой Половцова археолога»¹⁰. В своих неопубликованных мемуарах о Кропоткине Е.Половцова вспоминала: «Мой хороший знакомый, голландский консул Н. фон дер Пальс, по моей просьбе, уступил нам свою уютную, большую дачу на Средней аллее. В это время "анархисты", которых П[етр] А[лексеевич] не признавал своими, заняли дачу Дурново и фон-дер-Пальс, боявшийся того же относительно своей дачи, с удовольствием уступил ее мне»¹¹. Несмотря на то, что осенью 1917 Е.Половцова и Кропоткин разъехались в разные стороны, их контакты не прерывались до самой смерти последнего.

Отношение к захватившим власть большевикам у дяди и племянницы было однозначно неприязненным. В письме к Е.Н.Половцовой от 1 декабря 1917 С.Г.Кропоткина писала: «Ужас наш в том, что идеал, за который мы боролись, втоптан в грязь, что теперешние события могут вернуть Россию в еще худшее, чем то, что было до революции. Ты знаешь, что мне сказал твой дядя, когда 26 октября раздался около нас первый пушечный выстрел: "Соня! это они хоронят революцию!" Сказал и поник головою от тяжких дум»¹². Отвечая Кропоткиным из Читы 6 января 1918, Половцова сетовала: «Какие ужасы натворили эти мерзкие большевики в Иркутске! Вы читали, вероятно, в газетах: разгромлены газеты "Сибирь" и "Иркутская жизнь", так что издания прекращены; портрет Брешко-Брешковской исколот штыками. Разрушены: духовное училище, две женские гимназии, а главное, музей — эта гордость города Иркутска. Осквернены церкви и алтари... Вообще, дела немцев у Реймса и Лувена бледнеют перед похождениями большевиков»¹³.

Как известно, впоследствии Кропоткин принял социальную революцию, хотя и не смирился с «якобинскими» методами большевиков. В отличие от своей матери К.А.Половцова и ее ближайшее окружение, по видимому, восприняли происходящее как данность. Кружок Мейера затеял выпуск журнала «Свободные голоса», который, по словам Н.П.Анциферова, «вызвал резкую оппозицию Д.Мережковского и З.Гиппиус». Позже Мейер принял самое активное участие в деятельности «Вольфилы», созданной в целях «исследования и разработки в духе философии и социализма вопросов культурного творчества», одним из товарищей председателя которой стал его бывший соратник по «мистическому анархизму» К.Эрберг. Утверждение о «всегдашней» лояльности К.Половцовой по отношению к советской власти, прозвучавшее в обращении Е.Н.Половцовой к В.Н.Фигнер (письмо №3 настоящей публикации), по-

¹⁰ Вопросы философии. 1991. №11. С.54.

¹¹ ОР РГБ. Ф.520. Карт.52. Ед.хр.16. С.20.

¹² Там же. С.22.

¹³ ОР РГБ. Ф.410. Карт.4. Ед.хр.38. Л.1-2об.

видимому, справедливо. По заслуживающему доверия свидетельству Анциферова, К.Половцова разделяла «всю [курсив мой. — Я.Л.] экономическую и социальную программу большевиков»¹⁴.

Полной противоположностью Ксении с детских еще лет был ее брат Кирилл¹⁵. Будучи офицером военного времени, он был контужен на фронте. Это обстоятельство не помешало ему поступить в Добровольческую армию и принимать активное участие в Белом движении. Оказавшись в эмиграции, он сотрудничал с РОВСОм и, в частности, проводил исследование по факту подозрительных связей Н.В.Скоблина (сообщено Д.И.Зубаревым). Известный нам круг источников не позволяет, однако, судить, насколько эта семейная коллизия отразилась на душевных переживаниях Е.Н.Половцовой.

По возвращении в Петроград в 1920 Е.Половцова заведовала отделом в Кустарном техникуме, читала курс лекций по истории и практике кустарного дела в Институте Лесгафта и попутно разбирала архив мужа в Публичной библиотеке. Лето 1920 она провела в подмосковном Дмитрове в доме Кропоткина, помогая ему в качестве переписчицы первых глав «Этики». Ежедневное обсуждение написанного часто заканчивалось спорами о религии. Критикуя «наивный позитивизм» Кропоткина, Е.Половцова отчетливо обозначила изменение своей прежней позиции: «Введение великолепно, я принимаю его всюо душой, но только мысленно переставляю одно слово: там, где ты употребляешь слово Природа (с большой буквы), я ставлю Бог и тогда очень счастлива»¹⁶.

Дальнейшая жизнь Половцовой-матери складывалась нелегко. Около 1925 она лишилась службы и зарабатывала на жизнь плетением кружев. Арест дочери в конце 1928 окончательно привел ее в состояние «потерпевшей кораблекрушение». Переживаемая внутренняя драма и материнский долг, — все это равно отражено в публикуемых ниже письмах Е.Н.Половцовой к Софье Григорьевне Кропоткиной (1856-1941)¹⁷ и Вере Николаевне Фигнер (1852-1942)¹⁸.

1

Е.Н.Половцова — С.Г.Кропоткиной

27.VII.30

Дорогая тетя Соня,

Я очень обрадовалась, узнав, что ты наконец-то вернулась из-за границы¹. Как твое здоровье? Совсем ли ты поправилась и была ли операция? Где ты будешь сейчас?

¹⁴ Анциферов Н.П. Указ. изд. С.332.

¹⁵ См. о нем прим. 3 к письму №3 наст. публ.

¹⁶ ОР РГБ. Ф.520. Карт.52. Ед.хр.16. С.30.

¹⁷ ГАРФ. Ф.1129. Оп.5. Д.6. Л.18-18об.; 20-20об.; 24-24об.

¹⁸ РГАЛИ. Ф.1185 (В.Н.Фигнер). Оп.3. Д.46. Л.1-4об.

Ник[олай] Конст[антинович]² прислал мне от тебя деньги (25 р.), и я благодарила тебя через него; надеюсь, что тебе об этом известно. Твоя помощь, конечно, пришлась как нельзя более кстати, хотя на первом плане для меня было приятнее всего то, что ты обо мне вспомнила, а писать тебе за границу я по некоторым соображениям не решилась. Действительно, дорогая моя, мне очень тяжело живется. Ты теперь, конечно, уже знаешь о большом и тяжелом новом моем огорчении — о переводе Кс[ении] сюда в Ленинград. Что? почему? — я ничего не знаю и ничего не могу добиться. Может быть, тебе бы удалось хоть что-нибудь узнать через Ек[атерину] Павл[овну] Пешкову³, кот[орой] говорил о Кс[ении] даже Горький⁴. Сама Кс[ения] всю голову сломала, думая о причине перевода сюда и *ничего* сама не понимает. Тетя Соня, родная моя, неужели так-таки ничего и нельзя сделать для бедной К[сении]?

Я решилась написать Катаняну⁵ письмо, прошу его и даже умоляю о смягчении положения К[сении]. Нашлось у меня несколько писем нецененного и незабвенного для меня дяди, в кот[орых] он так удивительно тепло отзывался об К[сении] после ее посещения в Рапалло⁶. Я цитировала его отзыв об ней в своем послании и умоляла его помочь Кс[ении] в память ее великого деда!.. Не знаю даже, дошло ли мое письмо, посланное 19/VII. Дорогая моя, умоляю и тебя. Не сможешь ли и ты подтвердить мою просьбу у Катаняна? Теперь у меня только надежда на тебя, потому что Вера Ник[олаевна]⁷, хотя и обещала свою помощь, но, очевидно, об этом забыла. Мне очень трудно приехать самой в М[оскву], но если это нужно, то я все-таки приеду. Посоветуй мне как быть. Я очень плохо себя чувствую; в мае мне минуло 70 лет, и я боюсь даже небольшого путешествия. Помогите мне, родная моя... Помогите во имя дяди, чье светлое имя осталось для меня самым дорогим на свете...

Крепко обнимаю тебя, прости, что затрудняю тебя

Катя

[Приписка на полях:] Адрес мой есть у Ник[олая] Конст[антиновича]

¹ В 1920-е С.Г.Кропоткина несколько раз выезжала за границу, в 1929-1930 она находилась в Лондоне, где проживали ее дочь и внучка.

² Лебедев *Николай Константинович* (1879-1934) — географ и журналист, анархист-федералист, автор работ по истории и теории синдикализма, душеприказчик П.А.Кропоткина, редактор его сочинений; в 1921-1933 — член Исполнительного бюро и секретарь Всероссийского общественно-го комитета по увековечению памяти Кропоткина.

³ *Пешкова Екатерина Павловна* (ур. Волжина, 1876-1965) — жена (1896-1904), друг и помощник М.Горького. В 1923-1937 возглавляла организацию «Помощь политическим заключенным».

⁴ М.Горький посетил Соловки в июне 1929.

⁵ *Катанян Рубен Павлович* (1881-1969) — с 1923 помощник прокурора РСФСР, заведующий подотделом надзора за органами следствия и дознания ОГПУ. В фонде П.А.Кропоткина в ГАРФ сохранился черновик письма Е.Н.Половцовой Р.Катаняну с просьбой о смягчении участи ее дочери (Ф.1129. Оп.5. Д.47).

⁶ К.Половцова побывала в *Рапалло* (Италия) зимой 1910/11.

⁷ Имеется в виду В.Н.Фигнер.

2

Е.Н.Половцова — С.Г.Кропоткиной

9.VIII.30

Дорогая Соня,

Благодарю тебя за твое письмо от 1-го авг. и за желание помочь мне.

Я думала, что тебе уже все известно, что касается Кс[ении], но все-таки пишу тебе еще раз.

7-го авг. 1929 г. после 8-ми месячного пребывания в ДПЗ (арестована Кс[ения] была 12 дек. 1928 г.) Кс[ения] была отправлена в Соловки на 7 лет, как «говорилось», по делу Мейера. Так это или нет, я не знаю, т.к. никто мне этого не сообщал. В Соловках Кс[ения] было не плохо: а как спец[иалист] (архитектор) она вскоре получила строительную работу, которой и предалась с увлечением; т.к. работу свою любит и желает быть полезной. Мне сообщали, что работою ее были там очень довольны. Кроме постройки она участвовала в журнале «Соловецкие острова», где помещались ее рисунки¹. Потом она преподавала на чертежных курсах черчение. В общем все, хотя и было тоскливо, но сносно. Она очень радовалась приближению весны, т.к. я могла к ней приехать на свидание. И вдруг, 15 апреля 1930 г. ее привезли опять сюда в ДПЗ, т.е. она сидит уже почти 4 месяца. Зачем? Почему? — я ничего не могу узнать. Неизвестность и неопределенность нас с ней совершенно извели. Хоть бы уж какой-нибудь конец! Может быть, о ней просто забыли? Я решилась обратиться к главе ГПУ — тов. Катаняну. К кому же еще? Послала свою просьбу 19 июля, результата, конечно, не знаю. Вот почему я просила тебя обратиться к нему. Мое послание я отправила ему по частному его адресу: 2-ой Обыденный пер., д.6 (это около Пречистенки), но

ты, вероятно, могла бы его видеть в учреждении ГПУ на Лубянке. Там, где живет Вера Севастьян[овна]², тебе могут, конечно, точно все указать, я надеюсь, что Коля Кропоткин³ не откажется. Но сама я голову потеряла и ничего не знаю. Если ты найдешь, что лучше просить кого-либо другого (Энукидзе⁴ — или еще кого), то реши сама. А может быть, В.Н.Фигн[ер] посоветует? Дорогая тетя Соня, умоляю тебя помочь Кс[ениии]. Я себя чувствую очень плохо и только и думаю о смерти. Устала... Целую и благодарю

Катя

¹ «Соловецкие острова» — ежемесячный журнал Управления СЛОН ОГПУ с редакцией в г.Кемь. В №3-4 за 1929 и в №1 за 1930 были помещены рисунки К.Половцовой к произведениям В.Кемецкого и Ю.Казарновского. В журнале также печатался А.А.Мейер.

² Кропоткина *Вера Севастьяновна* (Себастьяновна) (ур., Беринда-Чайковская, 1849-1935) — вдова А.А.Кропоткина. Жила с детьми в одном доме с адвокатом Николаем Константиновичем Муравьевым (Чистый пер., 3), сотрудничавшим в «Помощи политическим заключенным».

³ *Кропоткин Николай* Александрович (1878-1949) — племянник П.А.Кропоткина, в советское время — старший инспектор управления делами Московского коммунального хозяйства, член Коллегии защитников.

⁴ *Энукидзе Абель* Сафронович (1877-1937) — член Президиума и секретарь ЦИК СССР, член Президиума ЦКК ВКП(б). По словам дочери Мейера — Л.А.Дмитриевой, ее мать — П.В.Мейер (ур. Тыченко) в 1903 «ставила» в Баку нелегальную большевистскую типографию «Нина». Используя свое дореволюционное знакомство со Сталиным и Энукидзе, П.В.Мейер — по рассказам дочери — сумела добиться смягчения участи мужа («замены расстрела на 10 лет заключения»). Однако материалами лагерного дела А.А.Мейера (Архив МВД Карелии) эта версия не подтверждается: согласно этим документам Мейер был приговорен сразу к 10 годам.

3

Е.Н.Половцова — В.Н.Фигнер

Ленинград. Петр[оградская] Ст[орона]
Мал[ый] пр[оспект] д.7, кв. 10

24.X.1930

Глубокоуважаемая Вера Николаевна,
Я давно собираюсь писать Вам, но меня останавливало положение «потерпевшей кораблекрушение»...

Но вот я прочла «письма В.Фигнер». Они произвели на меня неизгладимое впечатление и... много слез пролила я над ними. Вы напрасно колебались, выпустить ли их в виде книги, говоря, что «книги издаются не для друзей и знакомых»¹. Я — одна из читающей публики, — и искренно благодарю Вас за то, что Вы выпустили в свет эти перлы любви, энергии и настойчивости воли. Не скрою от Вас, что ближе и дороже других писем были для меня письма «к матери и сестре Ольге». (Кстати сказать, с Вашей сестрой Ол[ьгой] Н[иколаевной]² я была вместе на Бестужевских курсах в [18]82-83 гг., даже на одном факультете). Над письмами «к матери» я горячо плакала... Бедная! как долго она ждала Вас, как тяжело было сказать Вам «поздно!»... Так, вероятно, будет и со мной; при этой мысли я впадаю в уныние и ужас. Во имя драгоценной Вашей матери поймите меня, дорогая Вера Николаевна! Мне 71 год, месяца 1 1/2 тому назад я перенесла воспаление обоих легких и во время болезни мысленно уже прощалась с моей Ксений, кот[орая] вторично сидит в ДПЗ уже 8-ой месяц, привезенная из Соловков после ссылки туда на 7 лет. Только после 6-ти месяц[ев] сиденья из допроса (разве же законно держать без допроса 6 месяцев?) выяснилось, что ее вызвали в числе свидетелей по делу акад[емика] Платонова. Полагаю, что она смогла выяснить, что *никого* из этого круга академиков не знает и что шепочное знакомство с одним из товарищей брата-эмигранта, Измайлова³, в счет не идет. «Разве я могу знать всех товарищей моего брата?» — пришлось ответить на допросе. *Больше ни о чем* ее и не спросили. И для этого вывезти из Соловков? (да еще и на аэроплане) и держать здесь почти 8 месяц[ев]? Конечно, в Соловках ей было несравненно лучше, чем в ДПЗ. Прежде всего, она там работала (по специальности — как архитектор), свободно двигалась за 4-5 км; 2) обменивалась со мной письмами (с 7 авг. по 12 апр. я написала ей 109 писем); 3) она могла читать, рисовать, даже участвовать в выставках, читать лекции и т.п. Здесь же никакие книги посылать ей не разрешается, даже специальные по архитектуре; а письма (открытки), законные по 2 в месяц, до меня не доходят. С книгами это не то, как было для Вас. Ведь сколько Вы всего перечитали и чему-чему только не выучились!!.. Даже иголку и нитки не разрешается ей посылать!! Ни карандаша!

И это человеку, полному творческих мыслей, художнице!..

Свидание дается по вторникам (но не регулярно). И какой же ужас эти свидания?! Из-за них-то я и схватила воспаление легких, но сейчас лишена даже и этого. Я в таком состоянии сейчас, глубокоуважаемая Вера Николаевна, что не найду слов, чтобы описать Вам его. Помимо отсутствия материальных средств (пен-

сию персональную за 50 л[ет] мой работы у меня отняли, отсутствие заработка, болезни сердца и т.п.) эта ужасная неопределенность: пошлют ли назад в Соловки или загонят в холодные тундры? Не дадут Кс[енин] возможности работать, когда спецы так нужны?!!

Мне жить недолго, хотелось бы только умереть *около* родной Ксении, а не вдали от нее. Сейчас я голодаю в самом настоящем смысле слова, и все, что только дают мне, как подавание, друзья, отсылаю Кс[енин] в ДПЗ. Но и тут очень ограничено то, что *можно* передавать...

Неужели внучка П.А.Кропоткина должна так страдать *только за то*, что верит в Бога? Да, я уверена, что если бы он был жив, то, конечно, заступился бы за нее. Если бы он не любил ее, не мог бы он так писать ей и мне о ней, как это было в янв. 1911 г. из Рапалло. «Мы вчера (10/23 1), проводив тебя, не захотели домой вернуться. Пусто! пошли к Ник[олаю]⁵, Соня там осталась. Я вернулся домой. Пусто без тебя! Дитя мое милое, родное! Крепка, крепко, всем сердцем обнимаю тебя и целую с любовью, родная, хорошая моя детка!» И т.д. Или из письма ко мне: «Дорогая моя Катя! Спасибо тебе большое, дорогая, что ты отпустила к нам милую Ксению. Мы оба крепко полюбили ее. Хороший, *глубоко-хороший* она человек, и свила себе в моем сердце гнездышко, — теплое гнездышко. Свила и улетела! Но есть надежда, что теперь связи не порвутся, и будем видеться» и т.д.... «Еще раз спасибо тебе большое, что дала случай полюбить Ксению»... Неужели он бы мог *так* писать, если бы не узнал ее со всех сторон⁶?

Вера Николаевна! Я не жалею и ни о чем не прошу, потому что Вы лучше меня знаете, возможно ли что-нибудь сделать для Кс[енин]. Вы тогда написали мне, что «потом легче будет, когда пройдет несколько времени». Ну вот и прошло почти 2 года (12/XII). Мне бы только умереть около нее, я ведь *очень* одинокая. А если ее отправят обратно в Соловки, или в тундру ли, то путь будет для меня закрыт.

Кс[ения] *всегда* стояла за советскую власть и *всегда* работала для нее, не понимаю, как этого не видят и не ценят? При том же она талантливый спец, и везде проявляет себя с этой стороны в самой усердной работе, не навязывая никому своей веры в Бога.

Соф[ья] Григ[орьевна] Кр[опоткина] что-то пытается сделать для Кс[енин], но она, бедненькая, больна и стара... Подумайте, может быть, Вам легче?..

Простите, что утруждаю Вас, но Ваши письма, Ваша любовь к матери — так сильно повлияли на мои излияния. Простите и не осудите.

Жму В[ашу] руку

Ек. Половцова

¹ Речь идет о томе писем из «Полного собрания сочинений» В.Н.Фигнер, вышедшего в 1928-1930 в издательстве Общества политкаторжан. Цитируемая фраза взята из предисловия.

² Флоровская *Ольга Николаевна* (ур. Фигнер, 1864-1919) — окончила Бестужевские курсы в 1884, принимала участие в народовольческих кружках, в издании органа группы социалистов-федералистов «Самоуправление», была замужем за врачом С.Н.Флоровским.

³ Имеется в виду Половцов Кирилл Анатольевич (1889-1973) — корнет 13-го Нарвского гусарского полка, в 1918 — участник 1-го Кубанского похода Л.Г.Корнилова, затем глава гражданского ведомства при Главнокомандующем союзными войсками на Севере России английским генерале Ф.Пуле, активный деятель «Национального союза», позже — в эмиграции; в 1922-1926 стоял во главе канцелярии Центрального Комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей, в 1930-1936 был генеральным секретарем этого комитета, умер во Франции. Сведениями о его связях с Николаем Васильевичем *Измайловым* (1893-1981) — филологом-пушкинистом, зятем академика С.Ф.Платонова, до революции служившим в лейб-гвардии Измайловском полку, перед арестом заведующим Рукописным отделом Пушкинского Дома, — публикатор не располагает.

⁴ По делу «Воскресения» К.Половцова была осуждена по ст. 58-11 на 7 лет лагерей. По «академическому» делу нового срока она не получила и была этапирована обратно на Соловки. Затем отбывала заключение на ст. Медвежья Гора Мурманской железной дороги, где работала по специальности в отделении гражданского строительства Управления Беломоро-Балтийского комбината, и в г.Дмитрове под Москвой.

⁵ См. прим. 3 к письму №2.

⁶ В фонде П.А.Кропоткина в ГАРФ находятся 23 его письма к Е.Н.Половцовой (22 из них написаны в период с 1917 по 1920, одно письмо относится к 1892). Большинство из них передано в Музей имени Кропоткина ею самой. 3 письма, вместе с другими бумагами, передала Музею К.А.Половцова в 1935 (ОР РГБ. Ф.410. Карт.8. Ед.хр.28. Л.1). Из воспоминаний Е.Половцовой видно, что во время конфискации ее имущества в 1918 пропали письма Кропоткина к сестре из крепости и некоторые его письма, адресованные Екатерине Николаевне. В начале 1930-х она пыталась отыскать и вернуть пропавшие письма через В.Д.Бонч-Бруевича, но, видимо, это не увенчалось успехом. Местонахождение цитируемых писем неизвестно.

Е.Н.Половцова — С.Г.Кропоткиной

22.XI.32

Дорогая Соня, я не получила ни разу ответа на мой вопрос, как твоё здоровье? Очень бы хотелось знать. Где ты сейчас?

Сообщаю тебе, что Кс[ения] скоро — недели через 2-3 будет в Дмитрове. Ее переводят на работы Москва—Волга¹. К праздникам она получила скидку своего сиденья в 6 месяцев. Я очень рада, что она увидит тебя, и ты ее. Надеюсь, что ей разрешат жить на вольной квартире, как это было на Медвежьей Горе. Я писала тебе, что прожила с нею 2 месяца летом.

Сейчас мое здоровье не важно, но я надеюсь повидать тебя, когда поеду опять к Кс[ении]. Пожалуйста, дорогая, напиши мне о твоём здоровье. А пока крепко тебя целую

Катя П.

¹ Решение о проекте строительства канала «Москва—Волга» было рассмотрено и одобрено на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 22 мая 1932. 1 июня ЦК и Совнарком СССР утвердили «Дмитровский вариант». В течение 4 лет и 8 месяцев он был осуществлен.

Е.Н.Половцова — С.Г.Кропоткиной

7.II.33

Дорогая тетя Соня,

Я опять пролежала 3 недели в постели из-за сердца на камфоре, строфанте и проч. Мне было очень плохо.

Сейчас я еще не выхожу из-за 5-го этажа и нахожусь под наблюдением врача. Это обстоятельство меня очень тяготит, т.к. я должна ему платить, а мне нечем. Не пришлешь ли ты мне хоть сколько-нибудь денег на доктора? Но мое положение очень тяжело, т.к. у меня отняли карточку продовольственную, и добрые люди приносят мне хлеб. От Кс[ении] вести хорошие, но дождусь ли я лета, когда она будет свободна? А как твоё здоровье? Напиши хоть одно словечко. Крепко тебя целую

Катя

***МАТЕРИАЛЫ
К ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ***

ИСТОРИЯ ПОЛУВЕКОВОЙ ДРУЖБЫ

Публикация А.Сергеева и А.Тюрина

Среди творческого наследия В.И.Вернадского значительное место занимает становящаяся доступной исследователям его переписка¹. Настоящая публикация вводит в оборот неизвестный ранее ее массив. Центральной фигурой здесь, наряду с В.И.Вернадским, является Александра Васильевна Гольштейн (1850-1937), которая на протяжении более чем пятидесяти лет была близким другом семьи ученого. Их переписка 1890-1937 годов позволяет «изнутри» рассмотреть политические и философские воззрения Вернадского, его отношение к событиям этого времени. Ряд писем посвящен посещению В.И.Вернадским Европы в 1920-х, его колебаниям в вопросе об эмиграции. А.В.Гольштейн, справедливо полагая, что В.И.Вернадский принадлежит мировой академической традиции, считала, что он более плодотворно мог продолжить научные занятия за границей.

Имя А.В.Гольштейн известно лишь небольшому кругу специалистов, занимающихся творчеством М.Бакунина, М.Драгоманова, М.Волошина и др. Подробных сведений о ней мы имеем не много².

Наш рассказ об А.В.Гольштейн, основанный на ее записках, начнем издалека.

Молодой швейцарский врач Жан-Жакоб Баулер, получив место при русском дворе, в 1814 переехал со своей женой, Элизабет де Гут, из Базеля в Санкт-Петербург. Вскоре молодожены обрусели и звались уже Елизаветой Францевной и Яковом Кондратовичем Баулерами. У них родились дети — дочь Юлия и сын Василий (1822). В конце 1826 Яков Баулер заразился тифом и умер.

С 1840-х Василий Баулер жил в Москве. Там он довольно быстро влился в круг Бакунина, Огарева, Герцена, Станкевича и Белинского. Ожесточенные споры о Гегеле были Баулеру не очень понятны. Ему было

¹ См. напр.: Из эпистолярного наследия В.И.Вернадского. Киев., 1991; Переписка В.И.Вернадского с Б.Л.Личковым: 1918-1939. М., 1979; То же: 1940-1944. М., 1980; Письма Вернадского к А.Е.Ферсману. М., 1985; Вернадский В.И. Письма Н.Е.Вернадской: 1886-1889. М., 1989. То же: 1889-1892. М., 1991 и др.

² См. ее мемуарный очерк: Гольштейн А. Московская весна / Пред. А.Алешина // Новый журнал. 1987. №168/169. С.275-304. См. также: Новый энциклопедический словарь. Т.14. СПб., б/г. Стлб.94.

странно, что силы тратятся, дабы из смутного и абстрактного извлечь что-то конкретное. Тонкости немецкой философии трудно воспринимались живым гельветическим умом. В конце концов он предпочел компанию своего более веселого друга Бибикова, который ввел его в дома Оболенских, Бобринских, Толстых... Здесь не говорили ни о Гегеле, ни о политике, зато были красивые барышни, читали Мюссе, музицировали и флиртовали.

Образованный, красивый и разнообразно одаренный, В.Баулер стал здесь своим. Вскоре он женился на Наталье Ивановне Семеновой, происходившей из рода атамана Семенко, сподвижника Мазепы. В 1780 ее предок поступил на службу к русской императрице, утратил свою украинскую вотчину, русифицировал фамилию и получил звание полковника и новое поместье на Оке — Нестерово.

Василий Баулер стал преподавать математику в Москве. Он был блестящим педагогом, прекрасно играл на фортепьяно, интересовался техникой (например, усовершенствованная им керосиновая лампа получила приз на выставке в Филадельфии). Русским он так и не стал, не любил деревенской жизни, в Нестерове ему было не по себе. Кроме дочери Александры у Баулеров было два сына: Аркадий (1852-1918?) и мальчик, умерший в младенчестве (1854).

От отца Александра Баулер унаследовала властную посадку головы, высокий гладкий лоб и прямой взгляд темно-зеленых с темными прожилками глаз. От матери ей достался небольшой рост, который мало соответствовал сильным чертам ее характера: решительности, жесткости и напористости.

Дома говорили только по-французски. Воспитывали детей французские, немецкие и английские гувернантки. Александра много читала, причем не только беллетристику, но и философскую литературу. Друзья отца — литераторы рано пробудили у нее вкус к словесности. В 16 лет она написала сочинение о лингвистических оборотах Рабле.

Стремление к независимости заставило ее в 18 лет выйти замуж за юриста Николая Вебера. От этого брака родились два сына — Лев и Варьян.

Молодая семья жила в Петербурге. Социальные вопросы волнуют Александру Васильевну, но к радикальным способам переустройства общества она остается холодна. В Петербурге она сближается с народниками-лавристами и принимает участие в «хождении в народ». Вернувшись в Петербург после долгого отсутствия, Александра Васильевна расстается с мужем и весной 1876 с двумя малолетними сыновьями уезжает за границу. Для этого было несколько причин: близость к народникам была чревата правительственными репрессиями (многие товарищи А.В. были арестованы и сосланы); необходимо было подлечиться — А.В. только что перенесла тиф. Тогда она еще не знала, что уезжает навсегда.

В Лугано ее познакомили с М.А.Бакуниным. Она стала близким ему человеком и поддерживала его в последние месяцы его жизни.

А.В. переезжает в Италию, знакомится с местными революционерами. Продолжается ее дружба с П.Л.Лавровым. Однако с течением вре-

мени А.В. отходит от революционной деятельности и отдается литературному труду.

В Италии она встречает молодого русского врача В.А.Гольштейна и, после завершения заочного бракоразводного процесса с Н.Вебером, выходит за него замуж.

Гольштейны переезжают в Париж, откуда А.В. начинает сотрудничать в русской периодической печати, как провинциальной, так и столичной. Она много переводит с английского и французского для российских толстых журналов, пишет бесчисленные «Письма из Парижа», статьи о французской литературе³. Она первой познакомила русских читателей с книгой Бергсона «Материя и память», а французских — со стихотворениями Бальмонта, Волошина и Пушкина⁴.

Большое место занимает в жизни А.В. общественная деятельность. В 1891-1892 она собирает средства для голодающих в России. В 1893 участвует в организации женского общества взаимной помощи в Париже. Оно получило название «Адельфия» и оказывало помощь приезжим женщинам в трудоустройстве, способствовало поднятию их культурного уровня, было местом общения женщин разных классов, одним словом, это был своеобразный женский клуб.

Среди близких к А.В. людей немало выдающихся представителей русской и европейской культуры: Ю.К.Балтрушайтис, И.М.Гревс, М.П.Драгоманов, К.Д.Бальмонт, М.А.Волошин, Вяч.И.Иванов, А.Бергсон, Р.Гиль, Ж.Дюамель, будущий президент Франции Ф.Фор и др.

Пестрота и разнообразие перечисленных деятелей не случайны. Нам представляется, что Александра Васильевна была генератором созидательной энергии: близко к сердцу принимала заботы и нужды других людей, устанавливала полезные связи и активно использовала их на благо нуждающимся.

А.В. много работала до самых последних лет. После развода ее дочери осталась жить с зятем, редактором «Возрождения» Ю.Ф.Семеновым. Продолжала участвовать в общественной жизни, работала над мемуарами.

Воспоминания А.В. начала писать еще в начале 1900-х и первую книгу издала по-английски⁵. При попытке напечатать их на родине русский

³ А.В. подписывала свои работы по-русски также псевдонимами А.Баулер, А.Вебер. См.: Баулер А. [Рец. на:] L'auvriere E. Edgar Poe: Sa vie et son oeuvre: Etude de psychologie pathologique. Paris, 1904 // Вопросы философии и психологии. 1905. №1(76). Янв.-февр. С.111-117; Баулер А. Анатоль Франс // Вопросы жизни. 1905. №10/11. С.212-235; №12. С.103-118; Гольштейн А. Элимир Бурже / Пер. М.Благовещенской под ред. В.А.Чудовского // Аполлон. 1910. №6. С.37-46. См. также в прим. к публикации.

⁴ См. примечания к письмам, а также: Pouchkine A.S. Contes populaires russes de Pouchkine / Traduits en français par Alexandra de Holstein et Rene Ghil et ornés de bois graves par Jean Lebedeff. Paris: Société littéraire de France, 1919; Holstein A. de. Un poète au courir amer: Les Marches terrestres. J.Baltrouchaitisse // La Vie. 1912. №2. (Mars). P.51-52.

⁵ Holstein A. de. Serf life in Russia: the childhood of a russian grandmother. London, 1906.

текст затерялся. Отдельные главы появлялись в дореволюционной и (после 1917) эмигрантской русской периодике, а также по-французски⁶.

Письма А.В.Гольштейн к В.И.Вернадскому печатаются по автографам, хранящимся в АРАН. Ф.518. Оп.3. Ед.хр.439, 440. Письма Вернадских к ней и ее — к Г.В.Вернадскому хранятся в фондах адресатов в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке.

1

А.В.Гольштейн — В.И.Вернадскому

5 января 1890
29, Avenue de Wagram

С Новым годом, дорогой друг Владимир Иванович! Всего хорошего и здоровья для Нат[альи] Егор[овны] — вот чего я Вам желаю.

Не беспокойтесь о Нат[алье] Егор[овне]¹ — ей лучше, гораздо лучше. *Это я Вам пишу откровенно.* Мы теперь видимся гораздо чаще, ибо мой лазарет опустел. Влад[имир] Август[ович]² со вчерашнего дня объявил себя здоровым, хотя он все еще чувствует какое-то неопределенное недомогание. Не знаю, поступаю ли согласно Вашему желанию, но я употребляю все усилия, чтобы убедить Марию Александровну остаться у Вас, пока Вас нет. Ее удерживают самые глупые соображения (денежные!!), а Наталья Егор[овна] боится ее уговаривать, потому что не желает ее стеснять. Мне показалось, что я хорошо сделаю, если вмешаюсь и тем дам перевес колебаниям. Удивляюсь, что Нат[алья] Егор[овна] не понимает доброты Марии Алек[сандровны], и знаете, мне кажется, что она ее не понимает как хохлушка великорусску и как ультракультурный человек дикаря. Культурность эта мною приписывается, конечно, не расе, а индивидуальности Нат[альи] Егор[овны].

Ну-с, где Вы? Доехали ли до Питера?

Пожалуйста, когда увидите Клейберов³, поздравьте их с Новым годом и скажите, что недурно бы им было вспомнить о моем существовании.

⁶ Баулер А. Одна из дорогих теней // Минувшие годы. 1908. №4. С.108-115; Holstein A. de. Printemps Moscovite: Souvenirs d'enfance // La Revue de Paris. 1909. V.13 (Mai—Juin). P.281-306; Баулер А. Московская весна. Глава 10: Савва: Из далекого прошлого // Возрождение (Париж). 1927. 7 сент. №827; Баулер А. Из воспоминаний бывшей феминистки // Там же. 1928. 26 дек. №1303; Гольштейн А. Московская весна / Пер. А.Тюрина // Новый журнал (Н.-Й.). 1989. №176. С.61-73.

Сегодня написала Ольденбургам⁴ и Кор[нилову]⁵. Он прислал нам такое хорошее письмо на Новый год и так нас утешил. Какой он «очень славный».

До свидания, дорогой друг. Буду писать Вам часто о Нат[алье] Егоровне, но ответов *не жду*, увидимся — поговорим.

Ваша А.Гольштейн

¹ Вернадская (урожд. Старицкая) *Наталья Егоровна* (Георгиевна; 1860-1943) — жена В.И.Вернадского.

² Гольштейн *Владимир Августович* (1849-1917) — врач, второй муж А.В.Гольштейн.

³ Вероятно, речь идет о семье друга В.И.Вернадского Иосифа Андреевича *Клейбера* (1863-1892) — астронома, приват-доцента СПб. ун-та.

⁴ Имеется в виду семья С.Ф.Ольденбурга.

⁵ *Корнилов* Александр Александрович (в тесном кругу — Адя; 1862-1925) — историк.

2

А.В.Гольштейн — В.И.Вернадскому

[14 августа 1890]¹

Спасибо, что помните и аккуратно пишете. Я пишу за два дня до срока, потому что завтра жду М[ихаила] П[етровича]² и вряд ли успею о многом писать. По части работы корплю за идиотским уставом желез[ных] дор[ог], который мне дали перевести за хорошие деньги. Думала кончить в неделю или полторы, а сижу за ним 3-ю неделю! благодаря глупости своей собственной. Рассчитывала сделать поскорее и дала переписать О.В. и поправить *без себя* le fr[ançais]. Ну, и пришлось все начинать почти что сначала. Теперь бы как раз впору начать и махом написать обозрение, что я и сделаю, как только свалю устав.

Крепко жму Вашу руку.

Александра

¹ Датируется по почтовому штампе.

² Имеется в виду Драгоманов *Михаил Петрович* (1841-1895) — украинский историк, философ, публицист, фольклорист, литературовед и общественный деятель. А.В.Гольштейн автор воспоминаний о М.П.Драгоманове: Баулер А. Михаил Петрович Драгоманов / Пред. Г.В.Вернад-

ского // Новый журнал. 1944. №8. С.321-333. См. также письма М.П. Драгоманова к А.В.Гольштейн: Матеріали до історії літератури і громадської думки: Листування з американських архівів: 1857-1933. Нью-Йорк, 1992. С.35-171; Holstein A. Michel Dragomanoff // L'Européen Courrier International Hebdomadaire. 1905. 27 mai. №182. P.4-5.

3

А.В.Гольштейн — Н.Е.Вернадской

7 октября [18]90

Дорогой друг,

Не сердитесь, не сетуйте и напишите... Мне страшно тяжело и скверно жилось за это время, живется скверно и в данную минуту. Страшно не хотелось писать близким, ибо не могла бы — и не могу — написать ничего, кроме изложения своей ноющей, бессильной, апатичной, покорной тоски. Но взявшись за перо, с тем чтобы писать — напишу, но коротко. Это все говорится именно Вам, да милому Вл[адимиру] Ив[ановичу] и больше никому не хочется говорить.

Не знаю, право, что такое со мною произошло за это лето. Какое-то умственное и нравственное истощение, умственная оскуделость, лень, апатия и глущее чувство стыда и боли за это бессилие. Вместе с тем периодами находила обидчивость, подозрительность, точно вдруг что-то переставлялось в душе на другой лад и какой-то другой человек начинал действовать и чувствовать. Третий же, настоящая я, смотрела за обоими и очень пугалась как того, так и другого. Все это резко-резко видно было, страшно меня мучило и совсем подрезывало. Так шли недели глупо, бессмысленно. На мое счастье Потемкин потащил меня на берег моря в Роскоф, где я пробыла 10 дней и ожила физически, да и нравственно. Природа в самом великом своем выражении — (океан) — охватила меня как-то особенно всецело, и я вдруг поняла, что материя — великая вещь, великая гармония, красота, великое проявление беспредельного целого, *du grand Tout*¹. Успокоилась, подбодрилась. Вернулась в Париж неделю тому назад и снова упала. Встретили меня бесконечные мелочи жизни, но мелочи ужасно важные и серьезные, которые не дают опять опомниться. Надо решить, что делать с Наташей², с Укой³, надо переезжать на другую квартиру, надо готовить мать к поездке в Россию. Наташа училась все лето у прекрасного учителя и сделала большие успехи, но экзамен все-таки надо передерживать, и если она его снова не выдержит, ей придется оставаться в том же классе, что я счи-

тала для нее вредным. Она самолюбива и мало верит себе, и остаться в том же классе значит убедиться, что она плоха. Это ребенок, которого надо, наоборот, ободрить, внушить доверие к себе. Взять ее из лица не решаюсь. Что с ней делать? Как ее учить? Et d'un⁴.

Уку надо куда-нибудь тоже пристроить. Он учился летом с тем же учителем, который очень им доволен, но находит, что школа для него необходима как дисциплина. Куда его отдать? Все в один голос говорят, что приготовительные классы лица никуда не годятся, что лучшая instruction primaire⁵ дается в обыкновенных школах écoles communales⁶. Боюсь общества этих школ, но, кажется, решусь на эту меру. Et de deux⁷!

Остальные мои заботы более мелкие, не стоящие разговора. Вообще письмо это будет глупое, отрывочное и бессвязное. Чувствую, что надо Вам все это сказать хоть как-нибудь, выжать из себя и отдать Вам и станет легче.

Портрет Марии Ивановны⁸ получила. Скажите ей, что ужасно ее благодарю, это для меня большое удовольствие видеть ее чудесное лицо.

Вещи Ваши высылаю завтра или послезавтра. Придется послать их через контору [Кука], потому что простые конторы желез[ных] дорог могут посылать вещи лишь в места, где есть таможня. Неудобство заключается в том, что это будет несколько дороже. Платить придется Вам на месте, ибо здесь они сами не знают, сколько это стоит. Я думаю послать grand vitesse⁹, а то Вы получите вещи Бог знает когда.

Насчет Вашего брата* совсем ничего определенного сказать не могу. Все это дело трудное и возможно только при личном присутствии здесь человека. Вы понимаете, что найти поддержку, рекомендацию всегда возможно, но найти самое место? Где? Кому? Как можно это делать за глаза? Если у брата Вашего есть средства на то, чтобы приехать в Париж, прожить здесь год и, при неудаче, уехать, то почему не попытаться счастья. Но я даже определенного мнения по этому поводу иметь не могу, особенно теперь, когда Париж все еще пуст, и я никого не вижу. То, что он называет надзирателем, это, вероятно, на парижском жаргоне называется ripon. Замечу, что эти места часто берут студенты, скажу еще, что это гибель для всякого человека мало-мальски талантливого, что оплачивается это очень плохо и не дает никакой карьеры. Это хорошо как временное положение для молодых людей, не имеющих возможности без этого продолжать за-

* Сверху рукой Н.Е.Вернадской: «о Мише Зарудном».

нятий. Неужели он не может делать ничего лучшего, получивши хорошее образование?

Дела Вл[адимира] Ав[густовича] по части практики очень плохи, но я надеюсь, что это временная остановка. Надо переждать.

До свидания, моя дорогая. Поцелуйте Гагу. Крепко Вас обнимаю. Как я понимаю Вашего отца и его положение!

Неизменно Ваша А.Гольштейн.

Очень сошлась с Васильевым. Он передаст от меня /.../¹⁰

¹ великого Все (*фр.*).

² Гольштейн (в замужестве Семенова) Наталья Владимировна (1880-1953) — дочь А.В. и В.А.Гольштейнов. Занималась музыкой, домохозяйка.

³ Ука — домашнее имя сына А.В. и В.А.Гольштейнов (?-1971, Китай) — впоследствии юрист, до революции работал на русской таможне Китайско-Восточной железной дороги, затем получил китайское гражданство.

⁴ во-первых (*фр.*).

⁵ начальное образование (*фр.*).

⁶ общественных школах (*фр.*).

⁷ во-вторых (*фр.*).

⁸ Мать В.А.Гольштейна (урожд. Якунчикова).

⁹ большой скоростью (*фр.*).

¹⁰ Конец письма утрачен.

В.И.Вернадский — А.В.Гольштейн

5.XII. [18]90

Москва,

Малая Никитская,

Д[ом] Крюкова

Дорогая Александра Васильевна,
Давно собираюсь я Вам писать, но совсем, совсем нет времени или, вернее, не умел с ним справиться. Как Вам известно, я уже теперь приват-доцентом здесь и начинаю с января два курса: на естественном и на медицинском. С Москвою, в общем, пока не могу свыкнуться: какую-то ужасную представляет она из себя квинтэс-

сенцию современного «русского духа» и во всех областях [нрзб. 1 сл.] ясно и сильно проявляется это и на Университете. А люди есть, конечно, хорошие. Теперь вожусь с устройством приспособлений для чтения лекций, которых здесь вовсе нет, готовлюсь к лекциям, работаю над темой для диссертации. Теперь вполне остановился над нею и беру вопрос о строении кремнекислых соединений вообще и пытаюсь рассмотреть целые группы силикатов не как соли кремневых кислот, а более сложных кремнежелезных, кремнеглиноземистых и т.п. кислот — получаются, кажется мне, некоторые результаты. Много времени ушло и на наше устройство. Читаю довольно много, больше по химии, частью по физике да кое-что историческое и из текущей литературы.

От здешней жизни, сколько могу, стою пока в стороне, но в общем у меня все растет и растет уверенность, что нынешней вакханалии будет конец, и яснее и резче определились мои *политические* убеждения. В этом отношении я, м[ожет] б[ыть], даже несколько резко противопоставляю их тезисам, выставленным в письме Адьки¹. Я убежден, что первая и единственная задача теперь ясное выставление их и пополнение этого коренного недостатка русского образованного человека: ни глиняные столпы русских «социалистов» разных оттенков, ни мистиков — не устоят против ясно выраженного и смелого выражения прав! А и здесь чувствуются веяния иных течений, есть и разные религиозные мистические течения, и толстовцы, и буддисты. Интерес к буддизму даже оказывается более распространенным, чем я ожидал. Обо всем этом я хочу подробно написать в письме Мих[аилу] Петр[овичу], которое Вам перешлю, а пока прошу усердно от меня кланяться.

Наташа чувствует себя, кроме этих двух дней — очень бодро, у ней сильно работает мысль, и мы теперь собираемся вместе читать Брайса об Американской республике, а так она работает и по своим вопросам; вопросы воспитания теперь сильно интересуют кругом самых различных людей. Для меня это все предвестники нового одушевления, которое, убежден, охватит русское общество.

К Вам большая просьба. Мы очень просим Маку² пересмотреть наши ящики с книгами, вынуть оттуда Наташины дневники о Гуле³, письма ее и к ней Марьи Иван[овны] и переслать, *как можно скорее*, это все *заказной посылкой* к нам. Книги также просим переслать: они нужны для работы; если попадутся какие-нибудь нелегальные (кроме Драг[оманова] «Малор[оссийских] песен») — просим оные выбросить. Деньги посылаем завтра. Дневники о Гуле и письма Наташа просит переслать скорее, т[ак] к[ак] ей они надобны для *спешной* работы. Простите, что беспокоим так, Вас

и Маку. Прошу передать ему и Владимиру Авг[устовичу] мой дружеский горячий привет. Уку и Наташу целую. Вашей матушке кланяюсь.

Ваш Владимир Вернад[ский]

P.S. Пишите почаще. Что́ нового в парижской жизни? Если выдаете Вульфа⁴, спросите, получил ли он мое письмо. Мелькает мысль о поездке летом за границу. Не может ли Мака зайти к бункистам Kliensicks (прот[ив] Collège de Fr[ance]), Hermann'у против Сорбонны и просить их присылать каталоги в Унив[ерситет], Минер[алогический] каб[инет], мое имя.

[приписка Н.Е.Вернадской]

Ужасно прошу скорее, немедленно для очень интересующей меня работы мои дневники и пачку писем о Гуле прислать заказной посылкой. И книги тоже, если возможно, немедленно вышлите все.

Ваша В.

Скоро напишу.

¹ Имеется в виду А.А.Корнилов. В письме к Вернадскому (1890), о котором идет речь, были сформулированы те политические требования, которые впоследствии легли в основу программы кадетской партии. См. также: Шаховской Д.И. Письма о Братстве / Публ. Ф.Ф.Перченка, А.Б.Рогинского, М.Ю.Сорокиной // Звенья: Исторический альманах. Вып.2. М.; СПб., 1992. С.218, 298.

² *Мака* — домашнее имя сына А.В.Гольштейн от первого брака — Льва Николаевича Вебера (1870-1956, Женева) — впоследствии доктора медицины.

³ *Гуля* — домашнее имя Георгия Владимировича Вернадского (1887-1973), сына В.И.Вернадского. Историк, перед эмиграцией (1920) — профессор Таврического ун-та, последнее место работы — Йельский ун-т (США).

⁴ *Вульф* Юрий (Георгий) Викторович (1863-1925) — профессор-кристаллограф Казанского, Варшавского и Московского ун-тов, чл.-корр. АН (1921), друг В.И.Вернадского.

5

А.В.Гольштейн — В.И. и Н.Е.Вернадским

Дорогие друзья!

Я уже писала Вам, что книги посланы на Вашу квартиру на имя Владимира Ивановича.

Мы все хвораем. Я пролежала в постели четыре дня, потом свалилась Наташа, а теперь хворает Ука. Это что-то вроде ин-

флюэнцы, абортивного тифа — не знаю. Вообще, какая-то гадость. Ука нас перепугал, у него был жар в 40°, бредил, кричал и был так жалок, что невольно наводил ужас. Он такой хрупкий, жалкий, что, кажется, нужно ничтожное усилие болезни, чтобы разрушить это слабое тело. Чуть ему лучше, рвется с постели, а чуть станет на ноги, рвется в школу, где сосредоточены теперь все его надежды и стремления. Сегодня он проснулся уже без лихорадки, начал свою деятельность, свои чтения и мечты, а к 4 часам опять тошнит и кружится голова. Боюсь, что опять надолго ослабит его эта хворь. Нервы его во время болезни ужасающие: все тело гиперэстезировано, малейший запах вызывает тошноту, а вертикальное положение позывы на рвоту. Но я не боюсь теперь, *avec beaucoup de soins*¹ это исчезнет. Только вообще страшный он ребенок.

И все-то я Вам пишу неприятное, тяжелое, да и Вы не веселы... Наташа много играет и делает успехи.

Вы спрашиваете, Владимир Ив[анович], что я читаю. Прочитала несколько книжек по сравнительной живописи; очень рекомендую Нат[алье] Егор[овне] «*Mental Evolution in Animals*» Romanes'a². Затем прочла *Journal des Goncourt*³, том, относящийся до 1870-71 год[а] (война, Коммуна). Боже, какое свинство! Может быть, в первый раз в жизни почувствовала, что художественная струна есть враг рода человеческого. Никогда не читала книги более циничной, более проникнутой самым грязным эгоизмом. Я понимаю, что сытый человек, направивший все свои способности на погоню за красотой и комфортом, мог написать в своем дневнике такие строки (всякий из нас думает иногда подло), но как можно печатать такие вещи.

Парадоксы часто увлекают людей минутно, но если здоровое чувство не возмущается ими через минуту и не заставляет человека отказаться от них — это признак большого падения. Книга поучительная во многих отношениях. Напр[имер], теперь, через 20 лет, видно, что весь ужас Коммуны заключался в полном непонимании деятелями того времени *злости дня*. Они хватили слишком далеко и не видели настоящей, немедленной потребности. Откажись они принять мир, они попали бы в общее настроение *всей страны* и их [нрзб.] говорит их яростнейший враг *Goncourt*. Но они предпочли *интересам страны интересы сословия...* и лопнули, как мыльный пузырь, несмотря на беспримерное в истории геройство.

До свидания пока.

В[аша] А[лександра]

¹ Здесь: при усиленном уходе (*фр.*).

² Речь идет о кн.: *L'Évolution mentale chez l'homme origine des facultés humaines* par G.S.Romanes. Paris, 1891.

³ Французские писатели Эдмон (1822-1896) и Жюль (1830-1870) *де Гонкур* вели дневник, который до 1895 продолжал Эдмон. При жизни писателей он печатался в извлечениях.

6

А.В.Гольштейн — В.И.Вернадскому

27 марта 1892
29, Avenue de Wagram

Спасибо, дорогой Владимир Иванович, за письмо. Страшно рада Вашим успехам в деле помощи голодающим. Посылаю Вам результат нашей здешней деятельности¹ пока в виде *appel'я*². Денег собрано до напечатания сего *appel'я* 400 frs. Вам будут высылать по 500. Хорошо, если бы Вы теперь же поблагодарили учредителей Комитета за доброе намерение помочь Вам в Вашей деятельности. Мы с Иваном³ благодарили, конечно, Комитет (мы оба фигурировали на заседаниях *comme membres du Comité russe*⁴, на это я получила разрешение Ивана), но лучше, если это сделаете Вы сами. Напишите на имя *Mme Morsier, 71, Rue Claude Bergard*, конечно, по-французски. Это очень облегчит деятельность здесь. Заметьте, что ведь никто из членов Комитета не знает ни Вас, ни даже нас с Иваном. Все это устроено *Mme de Morsier* по личному доверию ко мне. Письмо, посланное ей из России и показанное членам Комитета, значительно шире поставит наше дело в глазах других членов. Главным возражением было как раз сомнение в том, можно ли пересылать деньги прямо частным комитетам в России. Мы сказали, что наша группа есть Комитет, иначе здесь на Западе не понимают, *une oeuvre de charité doit avoir un comité*⁵. Поэтому напишите, что Вы благодарите от себя и Вашего Комитета. Это было бы для нас страшно хорошо.

Как горько, что Наташе нехорошо. Неужели Вы хотите пустить ее летом в Тамбовскую губернию? Я думаю, что при ее впечатлительности это было бы ужасно прожить лето среди ужаса общего горя и разорения.

Вы видите, хороший мой, что Ваш завет любить Ивана я исполнила. Страшно дружно с ним живем. Очень сильно его люблю, очень ценю его глубокую душу и страшно скорблю, что не могу дать ему большого покоя душевного своей дружбой. Да, были такие три дня, что я сама чуть с ума не сошла, глядя на Ивана,

и три дня буквально не отпускала его от себя ни на час... Теперь гораздо лучше. Пишите ему только чаще и сердечней. Письма Наташи для него настоящий душевный бальзам. Она часто ошибается, но всегда так хорошо все говорит, что Ивана это успокаивает. У него в душе столько любви и скорби, что всякий привет, всякая нежность для него драгоценна. Основное его горе — это недоверие к себе, вечная гнетущая мысль, что он плох, и что любить его не за что — это «сплетни». Но ведь я считаю, что Вы совсем не такой, как сами часто говорите, и что личная жизнь близких Вам совсем для Вас [так! — *Публ.*] не безразлична, что Вы совсем умеете страдать и радоваться с теми, кто Вам дорог. Да и как же иначе? Что это за абстрактная любовь к человечеству, если не умеешь любить отдельных людей, которые это человечество составляют. А Вы их любите — *je suis payéé pour le savoir*⁶.

Михаил Петрович⁷ — плох. Что будет дальше — не знаю. Грустно, больно думать, что разбивается эта полезная, хорошая жизнь. Мне его потеря будет страшно, мучительно горька.

Тороплюсь, мой дорогой. Обнимаю Вас крепко-крепко, как люблю.

Ваша Александра

Письмо это, конечно, назначается и Наташе.

¹ Речь идет о сборе средств во Франции в помощь голодающим Тамбовской губернии в 1891-1892.

² обращение, воззвание (*фр.*).

³ Имеется в виду Гревс Иван Михайлович (1860-1941) — историк-медиевист.

⁴ как члены русского комитета (*фр.*).

⁵ для благотворительной деятельности необходим комитет (*фр.*).

⁶ Букв.: я заплатила за это знание (*фр.*).

⁷ Драгоманов.

Дорогая Александра Васильевна,
Ваше письмо к Наташе, где Вы пишете о необходимости ответить телеграммой на получение чека, пришло поздно — т[ак] к[ак] я давно послал письмо, и телеграмма пришла бы одновременно с

письмом. Ваша телеграмма также не застала меня в Москве и была переслана мне сюда. По получении денег я послал расписку в Banque Ottomane и письмо Навиллю. Деньги я не получил, т[ак] к[ак] они пришли в субботу вечером накануне моего выезда в Полтаву — куда мне надо было уехать, чтобы иметь дней 10 свободных для приготовления к печати моего описания Кременчугского у[езда]. Я за ним теперь и сижу. Деньги, посланные Вашим Комитетом, будут употреблены на устройство столовых в Репьевке. Если будут еще деньги, нельзя ли их переслать в Моск[овский] Ком[итет] Грамотн[ости]? Если они будут пересылаться нам, то мы постараясь организовать сплошной район французской помощи (Репьевка на границе с нашими столовыми, но Кирсановского у[езда]). У нас теперь больше 80 столовых, и мы уже кормим 1500 лошадей. Все это не вполне достаточно, но, к сожалению, теперь уже значительно упущено время для большого расширения помощи. Но расширять все-таки нужно и *еще* можно. Пришлите еще одно-два объявления (печатн[ые]) Вашего Ком[итета], и мне бы очень хотелось иметь кое-какие сведения (в газетах?) о его действ[ельности].

Всего лучшего Вам и Вашим.

Ваш искренно

В.Верн[адский]

8

В.И.Вернадский — А.В.Гольштейн

Вернадовка
28.VII.[18]92

Дорогая Александра Васильевна,

Давно не писал я Вам, да и теперь черкну лишь несколько строк. Писать теперь не хочется. Наш краткий отчет после отказа «Рус[ских] Вед[омостей]» напечатать его помещен в «Р[усской] Жизни», и экземпляр Вам послан. Мы очень будем рады, если отчет для французов будет напечатан с Вашей подписью. Подробный отчет готовят Корнилов и Келлер¹. Теперь главная помощь закончена, но на остаток наших средств с согласия главного жертвователя г.Н.М.² мы организуем медицинский пункт для борьбы с холерой. Среди общей безурядицы, здесь особенно чувствуется трудность этой работы, но побачим. Ведет дело человек хороший — Ф.В.Берви³ (сын Флеровского). У нас время глухое и слухи глухие, и какое-то массовое чувствуется нервное возбуждение — следствие голода и всего прочего.

Завтра впервые еду в Моршанск на выборы в земское собрание, буду баллотироваться. Оттуда, коли какое-нибудь дело не задержит, поеду в Полтаву к Наташе.

Мне теперь не успеть ответить Вам на Ваше письмо и на мнение об изменении нами чувствуемого. Могу лишь сказать, что я этого ничего не чувствую и остаюсь совершенно прежним. Мое политич[еское] настроение лишь возмужало и укрепилось.

Это лето — сутолока с делами помощи да холерой, не позволило мне заниматься, да еще начало моего хозяйничанья, стройка дома и пр[очее]. Мечтаю проехать за границу, да когда попаду — не знаю. Эту зиму будет много работы с диссертацией — манит меня одна мысль.

Кстати, вышла ли переписка Тургенева⁴? Нельзя ли достать экземпляр? Напишите точно название, я могу выписать. Всем Вашим мой низкий дружеский привет, а Вас прошу гнать всякие сомнения.

Ваш Вл.Вернад[ский]

¹ Келлер Владимир Васильевич — юрист, участник помощи голодающим в Моршанском уезде.

² Вероятно, речь идет о вел.кн. Николае Михайловиче.

³ Речь идет о сыне известного народнического публициста и социолога В.В.Берви-Флеровского.

⁴ Вероятно, речь идет о кн.: Письма К.Д.Кавелина и И.С.Тургенева к А.И.Герцену. Женева, 1892.

А.В.Гольштейн — В.И. и Н.Е. Вернадским

24 февраля 1902
18, В[oulevard] Arago,
[Paris] XIII

Дорогой друг,

Никогда не сомневалась, что всякую нашу просьбу вы исполните в пределах человеческих возможностей. Особенных расчетов не возлагали на «Курьер», но решили попытаться.

У меня теперь новая и страшно для меня приятная работа в «Саратов[ском] Дневнике», приятная не по деньгам (платят они совсем плохо), но по тому чувству спокойствия, которое испытываешь, попадая в порядочное общество... особенно когда долго

приходится скитаться по кабакам и трепетать, что вот-вот тебе кто-нибудь заедет в физиономию. Это относится ко скитаньям по «Придн[епровским] Краям» и проч[ее] и проч[ее]. Страшно рада, что мой фельетон напечатали в «Р[усских] Вед[омостях]», но, право, в тысячу раз более радуюсь Вашему отзыву о нем. Это дает мне энергию писать еще очерки для той же газеты о ряде неизвест[ных] франц[узских] писателей. Теперь думаю приняться за Малларме¹, для кот[орого] у меня давно собран материал. Его считаю источником *зла* символической литературы, и, авось, за это мнение мне со временем простится мое увлечение Жидом, Жаммом, Лафоргом², о кот[орых] думаю писать потом. Все это я напишу теперь, а напечатаю лет через сорок...

Отлично понимаю, как много у Вас дела и как трудно Вам писать, но вот именно ужасно прошу в такие минуты *усиленной* работы посылать от времени до времени *cartes postales* с двумя словами о том, что Вы живы и здоровы.

В нашей обществ[енной] русской жизни идет все та же изморозь. Читаются лекции, по существу никому не нужные, много треску во всем этом и... рекламы. Состав проф[ессоров] в Русской школе до того запестрел, что ничего не разберешь, кроме неразборчивых соседств...

Недавно к довершению отечественного букета была и «студенческая история». Читает в Школе между прочим лекции некто Тамамшев. Читает, говорит интересно, скромно и просто. Человек он тоже простой, патриархальный и хороший, как кажется. Некоторые студенты Школы завели обычай сидеть на лекциях в шапках. Одному такому студенту Тамамшев заметил, что в шляпе сидеть не годится. Студент немедленно вышел, не снимая шляпы, из залы и так же немедленно вернулся в залу в шляпе, сел и больше шляпы не снял. После этого начались репрессалии, но не студентов, а злополучного профессора. Человек десять слушателей обратились к Тамамшеву с выговором, на что этот последний ответил, что, если его поведение не нравится слушателям, он лекций читать не будет. *Un point c'est tout*³. Все это мелочи, и такие гнетущие... Меня и Семенова⁴ пригласили участвовать в составлении устава Общества помощи неимущим студентам, но там тоже оказалось пестро и глупо, такая неприятно-азиатская атмосфера, что мы оба дальше первого заседания не пошли... Меня лично страшно волнует всегда близкое столкновение со всеми этими делами, вообще со всем, что тесно связано с чисто русскими интересами. Я слишком мало отошла от русс[кой] жизни, и всякое напоминание о ней меня поворачивает вверх дном... Я потом не могу работать, не могу ни о чем другом думать.

Начали ли Вы читать «Спрута»?⁵ Надеюсь, что Вы им останетесь довольны. Кстати, деньги мне выслали. Больше Вас беспокоить посылкой рукописи не буду.

От Ивана не получаю ни строчки, от Лели или Макуськи тоже. Живы они все или умерли, не имею понятия.

Маша Вебер⁶ — плоха. Одно время она, говорят, чувствовала себя лучше, но, по последним известиям, у нее целый месяц была непрерывная лихорадка, что ослабило ее страшно... Дети ее здоровы и живут в Женеве. А Мака⁷ бедный по-прежнему *fait la navette entre Leysin et Genève*⁸... Подумайте, дорогая, ведь ему всего 32 года, и жизнь его, можно сказать, кончена! Не осталось ни научной, ни профессиональной дороги, ни семьи, ни среды. Как меня ругал Иван⁹, когда я говорила, что женитьба Маки на Маше большое несчастье. И Машу безумно жаль, жаль ее таланта особенно. Это тоже один из тех пунктов, о которых всегда мне страшно думать.

Молодые Семеновы¹⁰ здоровы, хотя Ю[лий] Ф[едорович] измучен работой. Его диссертационная работа то подходит, то снова убегает, и это его и мучает и утомляет. Наташа по уши влезла в материнство, потеряла все интересы, кроме интересов детей, не играет, не ходит в концерты, слышать не хочет о театре, чувствует себя хорошо только с матерями, у которых есть маленькие дети. Ее дети прямо прелестны. Влад[имир] Авг[устович] находится en adoration perpétuelle¹¹ перед своим внуком, чем очень обижает Наташу, которая, кажется, больше любит свою девочку¹².

Ука ярый юрист, ярый республиканец, член республиканских студентских клубов, журналист. Китайский его язык тоже не в забросе. Он по-прежнему шалый, но хороший dans le fond¹³.

Вот сколько наболтала. Будьте здоровы.

Всегда Ваша

А.Гольштейн]

¹ См., напр.: Баулер А. Стефан Малларме // Вопросы жизни. 1905. №5. С.61-100. См. также: Баулер А. Символизм и его значение во французской литературе // Научное слово. 1905. №2. С.91-107; №3. С.75-87.

² Жид Андре Поль Гийом (1869-1951) — французский писатель; Жамм Франсис (1868-1938) — французский поэт; Лафорг Жюль (1860-1887) — французский поэт-символист.

³ И все тут (*фр.*).

⁴ Семенов Юлий Федорович (1873-1947) — литератор, с 1927 редактор «Возрождения» (Париж), зять А.В.Гольштейн.

⁵ А.В.Гольштейн перевела на русский язык роман американского писателя Фрэнка Норриса (1870-1902) «Спрут», (1901), см.: Русская мысль. 1902. №1-11.

⁶ *Вебер* (урожд. Якунчикова) Мария Васильевна (1870-1902) — жена В.Н.Вебера (см. след. прим.), художница.

⁷ *Мака* — домашнее имя сына А.В.Гольштейн от первого брака Валерьяна Николаевича Вебера (1871-1940, Ленинград) — геолога и палеонтолога.

⁸ курсирует между Лейзеном и Женевой (*фр.*).

⁹ Имеется в виду И.М.Гревс.

¹⁰ Речь идет о дочери А.В.Гольштейн Наташе, ее муже — Ю.Ф.Семёнове и их сыне Алексее Юльевича Семёнове (1901-?). Далее встретится его домашнее имя — Лоло.

¹¹ в непрестанном восхищении (*фр.*).

¹² Возможно, именно ее А.В.Гольштейн далее называет Татой.

¹³ в глубине (*фр.*).

Дорогая Александра Васильевна,
Хочу побеспокоить Вас одной просьбой, которая, надеюсь, не очень затруднит Вас. Я теперь м[ежду] пр[очим] обрабатываю продолжение «Очерков по истории научн[ого] мировоззр[ения]», которое думаю поместить в «Научн[ом] Слове» или в «Вопр[осах] Филос[офии]» и теперь работаю попутно над продолжением введения — «О научном прогрессе и народных массах». Мне необходимо ознакомиться немного с тем движением, которое было поднято несколько лет тому назад франц[узским] критиком Брюнетьером¹, (которого я очень не люблю) с его прошедшим через все образованное общество памфлетом о банкротстве науки. Слово это даже вошло в текущий язык. Я очень прошу Вас сообщить мне *точные заглавие* его памфлета и год издания; не был ли он целиком помещен в Revue de Deux Mondes (когда)? Если вспомните *заглавия* статей некоторых его оппонентов и сторонников, буду очень благодарен за сообщение — но никаких на это усилий не тратьте — т[ак] к[ак] тут говорит во мне чувство библиографа, и только. Для меня Брюнетьер интересен как тип не крупного зрудита, отставшего от живого общения с источником научной работы и с основным слоем общественной жизни — народной толпой.

Но вдаваться в изучение всей литературы вопроса я не имею ни времени, ни охоты. *Мой адрес: Вена, poste restante.*

Очень досадно, что приходится бывать за границей и не доезжать до Парижа, который я люблю куда больше всей Германии. Но все так складываются обстоятельства. Так и теперь дела тянут в Германию и Австрию, а проехать в Париж — мешает или недостаток времени или денег.

Мы на Зильте, где холодно, неуютно и в общем много хуже Бретани. Наташа, кажется, писала Вам, но ответа не имела. Дети были больны, но теперь оправились. Гуля совсем взрослый юноша, в VII классе! Мы с ним читали теперь Дебогория-Мокриевича² (какая полная интереса книга!) воспоминания, прочел он Кропоткина и занялся Витте и вошел в круг интересов уже не детского возраста. И мысль у него недурно работает. Эти два года в гимназии будут очень ему полезны: тем более, что кругом в гимназической молодежи растет и кипит молодое оппозиционное настроение.

На днях еду на конгресс в Вену, а оттуда в Боснию и Герцеговину. Много работал и напечатал 1-ый выпуск «Кристаллографии» — работы многих лет. Его пришло Семенову (надо?), как только приеду в Москву. Всего Вам лучшего. Мой сердечный поклон Влад[имиру] Авг[устовичу], Юлию Феод[оровичу] и всем Вашим.

Всегда Ваш В.Вернадский

Жду Ивана.

¹ *Брюнетьер* (Brunetière) Фердинанд (1849-1906) — французский критик и историк.

² *Дебогорий-Мокриевич* (Дебогорий-Мокриевич) Владимир Карпович (1848-1926) — народнический публицист, мемуарист. Речь идет о его книге: Воспоминания: Вып.1-3. Париж, 1894-1898; Штуттгарт, 1903.

В.И.Вернадский — А.В.Гольштейн

Трегастель, Hotel Talbot,
16/29. XII. [1]1908

Дорогая Александра Васильевна,
через неделю я уезжаю в Лондон и очень прошу Вас прислать мне, если возможно, сюда или в Лондон — *poste restante* — те рекомендации, какие Вы мне обещали, и указания *boarding-houses* и т.д. Я думаю пробыть в Лондоне одну-две недели, затем проеду на неделю в Шотландию (Эдинбург, окрестности Св.Андрюса, Глазго)

и, вероятно, в Корнуол и Девоншир. Затем 7-10 дней пробуду в Ирландии. Все время колеблюсь между стремлением к научной работе — засесть в Лондоне в библиотеках и музеях — и живой поездкой для ознакомления с некоторыми природными явлениями страны, известными мне из книг. Увижу на месте.

Получил книги, посланные для сестры, и очень благодарю Вас — но они пришли в пакете в довольно печальном виде. Вы послали не на всю сумму или часть пропала дорогой: пакет был надрезан.

Прочел Бергсона¹, и Наташа привезет Вам его. Я очень рад — и очень Вам и В[ладимиру] А[вгустовичу] благодарен, что Вы заставили меня его прочесть, ибо я прочел его лишь из любви к Вашим духовным личностям и мысли. Иначе я его бросил бы сразу из-за внешности его содержания и формы его изложения. Его повторения, бесконечное количество аналогий и — часто очень неудачных и некрасивых — сравнений все время возбуждало мой ум против него, и многие его сравнения и аналогии заставляли меня отбрасывать его выводы, т[ак] к[ак] я на место их немедленно ставил другие — также возможные сравнения и аналогии, или в его сравнениях находил стороны, им умолчанные, но которые приводили меня к другим выводам. Совершенно и в корне не соглашаясь с Бергсоном, я не могу отрицать очень красивых и глубоких местами идей, им проводимых, и того, что чтение его книги, хотя и окутанной ненужным балластом сравнений и аналогий, будит мысль и подымает сознание.

В качестве философского скептика-юмориста я не могу принимать тех выводов, которые делают люди той философской группы, к которой примыкает Бергсон, — эмпириокритиков в той или иной степени. В основе их философских построений всегда лежит, как исходная точка, не подвергаемая дальнейшей критике, современное научное представление. Поэтому все их дальнейшие выводы окажутся неверными и ложными, раз только — с дальнейшим ходом науки — отпадет тот камень, на котором они строили свое здание. Современное представление о биологическом эволюционизме, исключение из основных посылок области общественных наук и элементарное представление о науках неорганических, как о математической физике, лежит в основе построения Бергсона. Я думаю, что все это те области научного ведения, которые начинают — на наших глазах — отходить в область прожитого. Я не отрицаю значения этой работы в философской области, но совершенно не верю в ее будущее.

В самом деле. Касался разве эволюционный принцип *всех* стон человеческого организма? Действительно ли все сведется к

развитию нервной системы, как местами допускает Бергсон? Есть ненаучная, правда, — но очень любопытная попытка в форме романа представить ход будущего развития человечества. Она исходит из тех же самых посылок, какие берет Бергсон. С одной стороны, Уэллс рисует жителей Марса — более последовательно, чем Бергсон из его положения — в форме «пауков» с нервной системой. С другой — оригинальный мыслитель Лассвиц², принимающий во внимание социальную сторону человеческой жизни (не в смысле «социологии» биологических исследователей), дает картину идеальных сверхлюдей будущего. Оба воззрения возможны, и Б[ергсон] принял одно из них. Я считаю основным недостатком его гипотезы то, что он представил человека — вне общества — и счел, что ум приурочен к действию и к созданию орудий среди мертвой природы (не помню, отчего он говорит все время о твердой материи: с точки зрения развития геометрии и математики — это неверно исторически). Поэтому он не может объять жизни. Но можно — с тем же правом — перевернуть вопрос: ум развивался для действия и созидания орудий в социальной, т[о] е[сть] в живой среде, где только этим человек отличается от животных, и тот же процесс шел во всем организованном мире. Отсюда можно вывести с равным правом, как Б[ергсон], что только живое может «познать» ум и т. д.

Во всей книге чувствуется биолог, и то, что он говорит о неорганических науках, отзывается наукой времен Лапласа или Гаусса³, но не *современной*. Точно так же я не могу даже временно признать его идеи о «времени»...

Будучи, как Вы видите, так далек от него — я тем не менее с большим интересом вдумывался в его идеи об интуиции (в последовательном развитии и принимая во внимание исторический процесс человечества, эти идеи могут вполне разбить, кажется мне, его же собственную систему) и считаю очень оригинальной и интересной его попытку ввести эволюционизм в область идеалистических построений.

Простите, что так много написал Вам об этой — далекой от текущей жизни — материи. Нина и Наташа здоровы. Всего лучшего Вам и Вашим.

Ваш В. Вернадский

Струве⁴ мне советует остановиться в Лондоне в boarding house — Dune House.

Дорогая моя⁵, получили ли Вы деньги 150 фр[анков], которые я Вам послала? Влад[имир] все беспокоится, что они не дошли. Получили ли мое письмо?

¹ *Бергсон* Анри (1859-1941) — французский философ.

² *Лассвиц* (Лассвитц — Lasswitz) Курд (1848-1910) — немецкий философ, писатель-фантаст.

³ *Лаплас* Пьер Симон (1749-1827) — выдающийся французский математик, астроном и физик; *Гаусс* Карл Фридрих (1777-1855) — немецкий математик, астроном и геодезист.

⁴ Вероятно, имеется в виду П.Б.Струве.

⁵ Приписка Н.Е.Вернадской.

12

А.В.Гольштейн — В.И.Вернадскому

12 августа 1910
75, Rue de la Tour,
Paris XVI

Дорогой друг,

Бесконечное число дней проходит, а я при страстном желании общения с Вами все не пишу. Много было на это причин, но самая главная — я усиленно работала над своим переводом Бергсона¹ и наконец вчера кончила его. Для меня это целое событие: рада, потому что эта работа поглощала меня всецело, и как будто огорчена — это ведь разлука с персональ[но]стью, с которой я провела так много тягостных и радостных часов. Это главное событие моей внутренней жизни, поэтому и говорю о нем прежде всего. Другое событие уже в области чувства, и в нем нет ничего радостного, а одна томящая грусть, которая, впрочем, перерождается в нечто еще более неприятное, в какую-то холодную горечь. Вы, конечно, сразу догадались, что дело идет об отношениях с Иваном. Произошло нечто, чего я никогда не могла предвидеть. Что отношения с Иваном будут нарушены, это я знала, приглашая Машу² и ее бедных девочек в Париж, но я никогда не могла ожидать *формы*, в которую вылился наш теперешний разрыв. Ученица Ивана Добиаш³ перетелеграфировала мне полученную ею телеграмму с вестью о кончине Шуры⁴. Обливаясь слезами, я написала Ивану и Маше записку, содержания которой хорошенько не помню; знаю только, что глубоко страдала за них, может быть, за Машу больше, чем за Ивана, и что мне было невыносимо жалко, что погибла молодая жизнь, что исчез никогда не живший ребенок, которому так страстно хотелось жить... Но на это получила в ответ такое дикое письмо от Ивана, которое не могу резюмировать, а пришлю его с

Семеновым. После этого Иван был проездом в Париже, как-то дико виделся с Добиаш, ничего мне лично не написал (в своем письме он просил меня не отвечать ему), и потом вместо того, чтобы заговорить прямо со мною, спрашивал у Добиаш, видела ли она меня и говорила со мной о нем! Спрашивает это письмом. На что это похоже? Разве так расходятся с другом после чуть ли не 30-летней дружбы? Мне горько за Ивана. Горе, да еще такое страшное, как пьяное состояние, часто вскрывает душевные глубины... Неужели *das war des Pudels Kern*⁵? Мелкая злоба вместо душевного смягчения и за что? и на кого? Все это, конечно, перепутано с выражениями благодарности... Но во мне звучит холодная горечь, как сказала, и резюмируется эта горечь тоже стихом, Шиллера: *den Dank, Dame, begehre eun nicht*⁶. Вот Вам мои переживания минуты.

В области жизни и событий все хорошо. Владимир Августович бодр и здоров, много работает и стал общительнее немного, видит кое-каких людей и даже бывает со мною в гостях у молодых литераторов!! Лоло отлично подготовлен для поступления в лицей, поступает в 6-ой класс (всех 9), уже записан. Тата приводит меня в порядочное отчаяние своей невозможной для наук головой, и я не знаю, как с ней быть. Когда придет Семенов, будем по этому поводу держать совет. Каролина⁷ здорова, по-старому предана, храбро относится к жизни и работе, до безумия обожает детей и прочее все по-старому. Ука доволен, по-видимому, жизнью в Китае (он в Харбине теперь), его детей мать перевезла в Женеву. Я думаю, что это умно, потому что жизнь в Париже страшно дорога и становится все дороже. Наташу нашла немного похудевшей и постаревшей (как это странно говорить!), но более благоразумной, хотя тормозится она по-прежнему невероятно. Маку видела весной. Он весь эстетизм и всяческое изящество, но это уже не на парижский, а на женевский лад. Увлекается искусством танца, ритмической гимнастикой и прочими новизнами, к его работе не имеющими никакого отношения... Дети его здоровы. *Entre nous soit dit*⁸ (как почти все, что пишу), они не получают того образования и воспитания, которое могли бы получать при своих средствах; я думаю, что дети Семеновых имеют *больше*, чем они, и скорее воспитываются, как должны воспитываться дети, родившиеся в обеспеченной и интеллигентной среде. Но так как я стара и с возрастом утратила свою воинственность, я только попробовала сделать по этому поводу замечание, но в глубь вопроса не входила, встретив отпор. Непременно надо в старости лишь *смотреть* на жизнь молодых, а жить своей жизнью, это условие сохранения индивидуальности.

Завидую Вам, что Вы занимаетесь землей. Это переносит меня мыслью в раннюю молодость, и я чувствую, что это единственная вещь, единственный вкус, который меня никогда не покидал, хотя с той самой ранней молодости я никогда не имела случая близко стоять к этому великому и давнему занятию. Я думаю, что ничто так не захватывает человека, как своя земля. Желаю Вам блестящих успехов.

Кажется, реляция вышла обстоятельная. Остается всех Вас обнять и выразить желание с Вами вместе когда-нибудь свидеться. Но теперь земля, наверное, будет Вас крепко держать, ведь она сама всегда «прикрепляет».

Вот забыла только сказать, что мы никуда из Парижа не уезжали все лето. Погода такова, что и не хочется. С апреля почти не видели солнца, почти не было дня без дождя. Всюду, говорят, погibli и хлеба, и сено, и фрукты, а почва так пропитана водой, что к зиме предсказывают новые наводнения... Утешительно. Уже теперь набавилась цена на хлеб, на вино, и все рестораны набавили цены в Париже. *Où allons nous, chère Madame?*⁹ Как говорили прекрасные дамы, когда Вальдек Руссо¹⁰ сделался министром.

До свидания, будьте здоровы.

Ваша А.Гольштейн

¹ А.В.Гольштейн перевела книгу А.Бергсона «Материя и память»: СПб., 1911.

² Гревс (урожд. Зарудная) Мария Сергеевна (1860-1942) — жена И.М.Гревса, учительница, библиотекарь.

³ *Добиаш-Рождественская* Ольга Антоновна (1874-1939) — историк, чл.-корр. АН (1929). См. также: Kasinec E. A friendship destroyed: The hitherto unpublished correspondence (1917-1921) of the academicians Roghdestvenskie with the expatriate A.V.Golstein // Cahiers du monde russe et soviétique. 1987. V.XXVIII. №3/4. Juillet—Decembre. P.411-424.

⁴ Гревс Александра Ивановна (1894-1910) — младшая дочь И.М.Гревса.

⁵ Здесь была собака зарыта (нем.).

⁶ То благодарности, сударыня, не стоит (нем.).

⁷ *Каролина* Яковлевна (1865-?) — швейцарка, служанка А.В.Гольштейн.

⁸ Строго между нами (фр.).

⁹ Куда мы идем, дорогая? (фр.).

¹⁰ *Вальдек-Руссо* Рене (1846-1904) — премьер-министр Франции (1899-1902).

А.В.Гольштейн — В.И.Вернадскому

7 марта 1911
75, Rue de la Tour,
Paris XVI

Дорогой Владимир Иванович,

Знаю, что душевное состояние Ваше не таково, чтобы Вы с легким сердцем могли заниматься чужими делами, но, по свойственному людям эгоизму, все же решаюсь тревожить Вас.

Вы обещали мне похлопотать о переводе для меня, и я хотела выслать Вам серию ан[глийских] книжек по истории религий. Книжек этих мне до сих пор не высылали из Англии, и, может быть, к лучшему, потому что я нашла очень интересную книгу, кот[орую] переведу одна и с большим удовольствием. Это книга Flournaу, профессора ес[тественного] факул[ьтета] в Женеве «Esprits et Mediums: Melanges de Méthapsychique et de Psychologie».

Это очень хорошее серьезное и научное сочинение, кот[орое] составляет в своем целом полное изложение установленных фактов «спиритизма» с личными выводами автора. Flournaу — спиритуалист, но не спирит в смысле доктрины, т.е. признания в известных фактах спиритизма проявления душ умерших; вместе с тем Flournaу не отрицает переживания души после смерти. В вопросе о бессмертии души он стоит на почве веры. Если в принципе Вы думаете, что для такой книги можно найти издателя, я немедленно вышлю Вам книгу для прочтения. Я думаю, что Жуковский¹ издал бы эту книгу, но знаю, что в настоящую минуту он не может оплачивать переводов, издает их с тем, чтобы давать переводчику часть дохода с продажи. Так он печатает теперь мой перевод Бергсона. Мне же очень трудно было бы в настоящую минуту работать на таких условиях. Тем не менее, если Вы найдете, что на обычных основаниях (с простой полистной платой) издателя найти на эту книгу нельзя, напишите мне об этом немедленно, я все же спишусь с Жуковским.

Слежу с лихорадочным интересом за всеми событиями в высшей школе в России. Ваша разлука с моск[овским] ун[иверситетом], с любимым делом лаборатории, Вами созданной, нас обоих с В[ладимиром] Ав[густовичем] очень удручила. Так все случайно и сложно складывается в этом вопросе — так кажется издали — что решительно невозможно здесь составить себе понятия о положении вещей. Одно кажется мне очевидным, что в общем профес-

сура не обнаружила настоящей стойкости, т.е. не поддержала москов[ский] университет...

Вашему примеру — москов[ских] проф[ессоров] — должны были следовать почти все русс[кие] профессора, кроме настоящих черносотенцев².

Хотелось бы знать, как себя чувствует Нат[алья] Егор[овна] среди всех этих ужасов. Мне как-то происходящее кажется страшнее революционных дней...

Всего хорошего.

Всегда Ваша

А.Гольштейн

¹ Жуковский Дмитрий Евгеньевич (1868-1943) — издатель, переводчик.

² Речь идет о демонстративном уходе в отставку группы московских либеральных профессоров в знак протеста против политики министра народного просвещения Л.А.Кассо.

14

А.В.Гольштейн — В.И.Вернадскому

19 октября 1913
75, Rue de la Tour,
Paris XVI

Дорогой Владимир Иванович,

Спасибо за открытку. Хорошо сделали, что ничего не говорили в издательстве Поповой: я выслала почти вовремя перевод, не дождавшись поправок автора. Теперь получила их и [нрзб.] вставит поправки и переделки в корректурных листах. Получила уже и уведомление о получении рукописи и о том, что половина гонорара — по условию — будет мне выслана «в конце недели». Вероятно, будет; но, если *случайно* будете видеть кого-нибудь, от кого высылка эта зависит, вспомните меня и спросите — выслали ли?

Я написала Анне Егоровне письмо, просила ее пользоваться моими услугами, если ей будет что-либо нужно. От нее не получила никаких известий — письмо мое ответа и не требовало — но мне хотелось бы знать, в каком положении здоровье ее сына? Надеюсь, [нрзб. 2 сл.] благополучно.

Мы вернулись в Париж. Лоло перешел в другой лицей (Condorcet), где, по нашему мнению, занятия стоят серьезнее, потому что состав учеников другой: меньше богатых мальчиков и гораздо меньше иностранцев, по-парижски говоря, «moins de rastas»¹,

rasta — собственно хулительно иностранец, как Вы знаете. Та-ту оставили в частной школе еще на год.

Я погружена в перевод Бальмонта² на французский язык в сотрудничестве с одним французским поэтом Ghil'ем³.

Готовим антологию его стихов, которая выйдет в роскошном издании. Работа адская, но завлекательная. Досадно, что такая работа должна делаться бесконечно медленно, ибо каждое стихотворение после моего подстрочного и точнейшего перевода обрабатывается нами вдвоем, потом еще раз Ghil'ем, потом еще раз мною, и *читается* еще раз нами обоими, да и тут иногда кое-что меняется... Иначе, по-моему, поэтов переводить нельзя. Зато сам Бальмонт декламирует французского себя с наслаждением.

Читаю дело Бейлиса⁴... Не могу воздержаться, чтобы не высказать Вам свои «антисемитические» мысли.

Вы, конечно, понимаете, что *не* сочувствовать оправданию Бейлиса я не могу, Вы, конечно, понимаете, что *не* возмущаться деяниями черной сотни и властей я не могу, но я спрашиваю себя, почему когда и в России, и даже в других странах совершаются столь же страшные злоупотребления, целый мир не поднимается на защиту жертв этих злоупотреблений и поднимается всякий раз, когда жертвой является еврей? В числе повешенных в России, *наверное*, были десятки повешенных невинных людей, *все* судились, может быть, еще с большим пристрастием, чем судится несчастный Бейлис, и цивилизованный мир целиком не поднимался на их защиту... Почему? Волнение учащейся русской молодежи, бастующей в знак протеста и возмущения, кажется мне и бессмысленным и возмутительно-опасным. Мне кажется, что пора бы отделаться от семитофильского романтизма, признать, что евреи, скажем, не хуже неевреев, но не непременно лучше, признать, что их нельзя гнать, но необязательно любить и делать всякое *их* дело своим.

Низость и тупость властей злит меня тем более, что этим делом Бейлиса они прямо оказывают громадную услугу семитофильскому предрассудку...

До свидания, дорогой друг. Влад[имир] Ав[густович] шлет Вам сердечный привет и целует ручки Натальи Егоровны. Он теперь весь погрузился в работу и очень счастлив, что кончились его невольные вакансии.

Всего хорошего

Ваша А.Г.

¹ меньше авантюристов; rasta — сокp. от rastaquouère (*фр.*).

² См.: Balmont K.D. Quelques poèmes traduits du russe par A. de Holstein. Paris, 1916.

³ *Гиль* (наст. фам. Гильбер — Ghilbert) Пене (1862-1925) — французский поэт. См. также: Holstein A. de. A Rene Ghil: Souvenirs d'un collaboration et d'une tres grande amitie // Rythme et Synthese: Revue d'action litteraire et artistique 6-e annee. [Paris, 1924]. P.145-151.

⁴ *Бейлис* Мендель — приказчик кирпичного завода в Киеве, обвинявшийся в 1913 в убийстве христианского ребенка Андрея Ющинского для ритуальных целей. Развивая поднятую здесь тему, 21 октября 1913 А.Гольштейн писала В.Я.Богучарскому (письмо хранится в фонде последнего в ГЛМ): «Читаю дело Бейлиса... Господи! Когда же это им дадут равноправность. Безумно злую и негодую, что миленькие российские власти подняли целый вал семитофильства, что они питают пожар "еврейского вопроса", которому давно пора не существовать. Каюсь, мое отношение, при полном негодовании на все деяния властей, при полном желании, чтобы Бейлис был оправдан, при полной уверенности, что ритуальных убийств у евреев нет, — антисемитическое. Почему, скажите, когда, вероятно, десятки — если не сотни неевреев были повешены, будучи невиновными, и все повешенные судились с тем же пристрастием, что и Бейлис, почему на их защиту не стал весь цивилизованный мир, как стал на защиту Бейлиса? Почему интернациональный израилизм, имеющий в руках и мировую прессу, и мировой банк, не агитировал в защиту столь же бесправно обвиняемых и терзаемых? Почему мы, неевреи, всегда волнуемся, всегда агитируем, всегда выражаем всячески свое сочувствие по всякому несправедливому делу, касающемуся евреев? Мы, русские, потому что нет равноправия. А дело Дрейфуса? Согласитесь, что тут что-то неладно, что-то противоположное, особенно, если принять во внимание, что огромное большинство неевреев в душе евреев не любят... И все евреи это знают, и сверх справедливого к себе отношения требуют еще и любви. Или надо стать на точку зрения Соловьева, что евреи, народ Богом избранный, и тогда почитать их превыше всяких народов, или эмансипировать от обязательного для "порядочного человека" семитофильства и заниматься больше собою, чем ими, как то делают евреи. Читаю "Речь", но в семитофильстве не утверждаюсь...»

15

А.В.Гольштейн — В.И.Вернадскому

15 ноября 1913,
75, Rue de la Tour,
Paris XVI

Дорогой Владимир Иванович,

Не хотела утруждать Вас лишними хлопотами по моим делам, зная, как много у Вас своего и важного дела, а приходится...

Все о злосчастном переводе: от 27 сентября русского стиля мне было написано издательством, что половина моего гонорара за перевод книги Лакомба «Присвоение Земли»¹ будет мне выслана

на «в конце этой недели», сказано в письме. Сегодня 2 ноября русского стиля, я еще не получила ни денег, ни уведомления о причине их невысылки. Не я, а *издательство* поставило условие, что половина гонорара будет выслана по получении рукописи. Почему же это условие и подтверждение его письмом после получения рукописи не выполняется? Деньги, должна сказать, мне нужны *чрезвычайно*; именно теперь.

Будьте другом, как всегда, выясните это дело. Если бы Вы никакого касательства к «Поповой» не имели, я бы, пожалуй, не решилась Вас тревожить, но думаю, что Вам довольно написать туда записку, не теряя времени на личные переговоры, чтобы мне что-нибудь ответили. Я писала в издательство недели 2-3 тому назад, но ответить мне не удосужились...

С горячим интересом читаю дело Бейлиса. Величайшая подлость и величайшая глупость «Черной сотни». Ничто не могло больше этого процесса возвеличить евреев; «двуглавый орел» прямо проявил себя величайшим семитофилом.

У нас все благополучно. Надеюсь, что здоровье Натальи Егоровны хорошо, что home для «стариков» подвигается, что *Георгий Владимирович* имеет успех в качестве профессора и что *Нина*² мила, как всегда была. Всем шлю привет за себя и за Влад[имира] Авг[устовича].

Ваша А.Гольштейн

¹ Лакомб П. Присвоение земли: К вопросу о переходе коллективной собственности в частную собственность / Авториз. перевод А.Баулер. Пг.: Изд. тов. О.Н.Поповой, 1915.

² Вернадская (в замужестве Толль) *Нина Владимировна* (1898-1986) — дочь В.И.Вернадского, художница.

Дорогая Александра Васильевна,
Недавно узнал я о Вашем выздоровлении. Жизнь нас разъединила и расставаниями, и свиданиями, но крепка и глубока внутренняя связь между нами и часто вспоминается и чувствуется наше общее

прошлое и ясно представляется неразрывное дружеское наше чувство. Сердечно мы радуемся Вашему выздоровлению, и хочется мне переслать Вам эти несколько слов, которые я пишу не дома, [а] в заседании Госуд[арственного] Совета во время нудных речей, в промежутке среди небывалого для Гос[ударственного] Со[вета] подъема государственной смелости. Сейчас страшно завален работой и должен урывать минуты, т[ак] к[ак] наряду с работой общественной и военной (sic!) все свободное время и всю свою основную духовную работу направляю на исследовательскую работу и на слежение за ходом научного знания. Как это ни странно говорить, в мои годы я чувствую, что эта работа все углубляется и все расширяется...

Этим и объясняется отрывочность моего письма — пишу Вам урывками. Жизнь идет, и между прочим, особенно дорого становится бывшее, пережитое, во многом такое хорошее и глубокое. По мере того, как годы идут, и когда все увеличивается чувство мягкой горечи от ухода близких, как-то особенно чувствуется и больше понимается хорошее пережитое, и увеличивается чувство неразрывной связи с прошлым и будущим...

Сейчас здесь переживается грозное время. Настроение в общем сейчас очень серьезное, м[ожет] б[ыть], впрочем, недостаточно по сравнению с серьезностью переживаемого момента. В нашей внутренней жизни действительно переживается совершенно невероятное, вроде того царства Распутина и К°, о котором сейчас говорили даже здесь ораторы, и о котором сейчас кричит вся страна. М[ожет] б[ыть], по моему характеру, а м[ожет] б[ыть] потому, что я очень [долго?] живу среди лиц, работающих в положительном строительстве русской жизни, я спокойно смотрю в будущее России и уверен в конечном хорошем исходе из мирового пожара для нас.

Н[аталья] Е[горовна] была несколько нездорова, очень переживает происходящее; она много времени отдает приютам детей и работе в попечительстве, но сил у нее не очень много. Сын заканчивает диссертацию, которую должен начать печатать в декабре, — «Масонство в России при Екатерине II». Думаю, будет хорошая работа. Из него выработался своеобразный тонкий историк, ученый с творческим элементом, широким взглядом и точной отделкой. Лекции ему дают меньше, чем архивная работа. Пока он не на военной службе, до усиленной работы с диссертацией работал в Земгоре и вернется к ней по окончании. Ниночка полна порывов, огромных усилий и чрезвычайной своеобразности. Она очень увлекается украинством, научилась прекрасно языку и сейчас перешла на естественное отделение, желая сделаться агро-

номом в деревне. Я очень много чувствую в ней своего, мне понятного, но больше в умственной, чем нравственной или эмоциональной части личности.

Всего лучшего, возможного, дорогие старые друзья, Владимир Август[ович] и Александра Вас[ильевна]!

Всегда Ваш

В.Вернадский

¹ Письмо на бланке Мариинского дворца, где заседал Государственный Совет.

17

В.И.Вернадский — А.В.Гольштейн

[Не ранее октября 1920]

Дорогая Александра Васильевна,

Пишу Вам несколько слов. Эту записку Вам передаст проф. Валериан Конст[антинович] Агафонов¹, мой старый друг. Очень прошу Вас помочь ему в его деле, которое есть наше дело. Вместо Лондона, куда я имел возможность выехать, я очутился в Симферопле ректором Таврич[еского] унив[ерситета]. Отложил отъезд на несколько месяцев — но что это значит при нынешних обстоятельствах, никто сказать не может. Я стремлюсь за границу, так как здесь чрезвычайно трудно работать и я хочу закончить и издать по-русски и по-английски два своих труда:

1. «Основы геохимии» и

2. «Живое вещество с геохимической точки зрения».

Мне кажется, больше того, я убежден, что мне удалось найти новые, очень важные и крупные обобщения и законности, которые оправдывают мое существование на земле, и я хочу их издать до своей смерти. Здесь работать над ними можно, но я достигаю 10-25% работы в одно и то же время, следовательно, трачу в 4-10 раз больше времени, чем следует. Но ничего не поделаешь. Агаф[онов] Вам расскажет обо всех нас. Несмотря на все ужасы, я провожу эти последние три года в очень интенсивной творческой работе. Я думаю, что мне удастся сказать много нового в учении о живом веществе, мною создаваемом, и я надеюсь иметь возможность добиться организации специального для этой цели института. М[ожет] б[ыть], через американцев?

Я очень прошу Вас и Юлия Феодоровича, которому отдельно не пишу, [помочь] Агафонову в его хлопотах. Мы хотим вести

дело в должной интенсивности, подробности Вам об этом расскажет Аг[афонов].

Всего лучшего. Сердечно был рад узнать о Вас. О моем сыне — Гуле — Вам, верно, рассказывал Ю[лий] Ф[едорович]. Я исключительно счастлив в детях. Моя Ниночка, страшно одаренная — талантливая художница с совершенно особыми филологическими способностями (редкий тип филолога по призванию), с своеобразным самостоятельным умом и чудным сердцем. Мне больно сейчас, что она должна зарабатывать (служит в кооперативе), сапожничать (она никогда не гнушается никакой работы) и только урывками занимается. Дети вышли разные — очень дружные — но сын православный и русский без всяких украинских симпатий — а дочка украинка, в этой области душевно близкая мне. Не знаю, как сложится ее жизнь, и даст ли возможность судьба развернуться этой оригинальной и своеобразной личности. Для меня она после смерти моей дорогой племянницы (Нюты², дочери покойной сестры), которая была мне за дочь, — самый близкий человек. Я пишу Вам эти строки, зная, что Вам все это не безразлично. Н[аталья] Е[горовна] сильно постарела, но бодро переносит судьбу. В Англию мы собираемся ехать с ней вдвоем.

Ваш В.Вернадский

Здесь на ю[жном] берегу жена сына Серг[ея] Фед[оровича] с двумя его внуками, Сережа³ неизвестно где, остался в Новороссийске. Д[митрий] И[ванович]⁴ в Москве, в кооп[ерации]. О Сергее и Иване⁵ давно нет вестей.

¹ *Агафонов Валериан Константинович* (1863-1955) — минералог и писатель, работал с Вернадским в Совете объединенных землячеств; с 1921 — профессор Сорбонны.

² Короленко Анна Сергеевна (1884-1917) — арфистка, преподавательница Пб. музыкального института, племянница В.И.Вернадского (дочь его сестры Е.И.Короленко). Жила в семье В.И.Вернадского с 1910, после смерти матери.

³ Имеются в виду сын С.Ф.Ольденбурга Сергей Сергеевич Ольденбург (1887-1940), историк и публицист, его жена Ада Дмитриевна (урожд. Старынкевич; ?-1945).

⁴ Шаховской Дмитрий Иванович (1861-1939) — общественный деятель, историк.

⁵ Имеются в виду С.Ф.Ольденбург и И.М.Гревс.

М.И.Ростовцев¹ — А.В.Гольштейн

[1921]

Многоуважаемая Александра ... !

Простите, не знаю Вашего отчества. Получив Ваше письмо, я попытался устроить В[ладимиру] И[вановичу] приглашение в Америку от имени какой-либо авторитетной организации. Не знаю пока, что из этого выйдет. М[ожет] б[ыть], и удастся. Насчет денег хуже, хотя я и указал в своей записке, что материальное положение В[ернадского] тяжело, и ему едва ли удастся выбраться без материальной помощи. Боюсь, однако, что теперь шансов на мирный выезд В[ладимира] И[вановича] из Совдепии и на командировку его мало. Большевики опять начали старую песню о саботаже и т.д. с тем, чтобы покончить с остатками русской интеллигенции. Остается только второй выход, а он становится все более и более опасным. Относительно Бахметьева и Карповича² попробую тогда, когда Вы мне напишете что-либо определенное. Их нужно поставить перед совершившимся фактом, тогда можно будет настаивать. Я имею в виду факт пребывания В[ладимира] И[вановича] в Финляндии, особенно если он попадет туда по приглашению американцев. Во всяком случае, когда я узнаю что-либо более определенное, напишу Вам.

Преданный Вам М.Ростовцев

¹ Письмо на бланке: University of Wisconsin. Department of History. *Ростовцев* Михаил Иванович (1870-1952) — историк античности и археолог. С 1918 в эмиграции, преподавал в США.

² *Бахметьев* Борис Александрович (1880-1950) — последний русский посол в США. *Карпович* Михаил Михайлович (1888-1959) — историк, дипломат. Подробнее о нем см. в наст. вып. на с.560. По-видимому, Ростовцев рассчитывал на их американские связи в своих хлопотах о визах для Вернадского на въезд в США.

А.В.Гольштейн — Г.В.Вернадскому

17.X.[19]21

75, Rue de la Tour

Дорогой мой,

Боюсь писать, потому что в хорошее страшно верить по нынешним временам. Хватаюсь за стол, говорю «сухо дерево, завтра пятница» и закладываю.

Вчера у меня был несчастный Агафонов (почему несчастный, объясню потом) и рассказал, что он вновь говорил с Lasgoix¹ о Вл[адимире] Ив[ановиче] и представил ему записку о научной деятельности В[ладимира] И[вановича], причем подчеркнул его работы по радиоактивности, кот[орые] велись не только с чисто научной точки зрения, но и с точки зрения практической — розыск р[адиоактивных] минералов, их месторождение и проч[ее]. Lasgoix (секретарь А[кадемии] Наук) сказал, что это дело надо вести не одной Академией, но привлечь Университет, т[о] е[сть] Сорбонну, и свел Агаф[онова] с Appell'ем². Appel принял Агаф[онова], отнесся к его ходатайству *чрезвычайно сердечно*, сказал, что немедленно (immédiatement) начнет хлопоты сперва в М[инистерстве] Ин[о-]странных Д[ел], без чего нельзя. Агаф[онов] говорил о вызове В[ладимира] И[вановича] раньше английскими учен[ыми] общ[ествами] и сказал, не надо ли войти в сношение с англичанами. Appel ответил, что это *затянет* вопрос, что надо действовать быстро, но сказал, что он войдет сам в сношения с англичанами, но, не дожидаясь ответа из Англии, все же начнет сейчас же действовать. Спросил, требуется ли ассигновка средств. Аг[афонов], зная, что это страшно осложнит дело и может его провалить, ответил, что средств *не надо*. Мы с Аг[афоновым] очень довольны, полны надежд (хватаясь опять за стол!).

Но это не всё. Для нас очевидно, что дело не в одном В[ладимире] И[вановиче] — Н[аталья] Егор[овна] и Нина... Надо вызволить всех троих. Есть планы. Хочу писать Сергею³, хотя поругалась с ним бесповоротно... Надо ли? Хамоват он зело, но, надеюсь, не посмеет не помочь...

Деньги? Надеюсь надергать. Во всяком случае того, что есть или может быть у тебя (1 1/2—2), хватит на выезд и доезд до Парижа. У меня есть квартира и каждый день суп и хлеб, а там видно будет. Только бы вызволить — остальное приложится.

Почему Агаф[онов] бедный: у его жены, которая лежит не вставая несколько месяцев, *почти* определили рак позвоночника, перевезли ее в специальный госпиталь для лечения радио.

Узнала, что посланные мною 100 frs пошли деньгами, а не посылкой. Рада. Я так и хотела, боясь лишения пайка. Знаю, что Андр[усовы] послали посылку.

Ну, кажется, все.

Крепко обнимаю.

Будем бодро ждать и верить.

А.Г.

¹ *Лакруа* Альфред Франсуа Антуан (1863-1948) — французский минералог и петрограф, член французской АН (1904), иностранный почетный член АН СССР (1925), профессор Национального музея естественной истории.

² *Аппель* Поль Эмиль (1855-1930) — французский математик, член французской АН (1892), много лет был ее президентом; иностранный член-корр. Петерб. АН (1911), иностранный почетный член АН СССР (1925).

³ С.Ф.Ольденбургу.

20

А.В.Гольштейн — В.И.Вернадскому

2.1.1922

Дорогой Владимир Иванович,

К Новому году я получила большой подарок: мне говорили, что Сорбонна приглашает Вас изложить свои работы в ряде лекций. Мне страшно приятно было это с двух сторон: во-первых, это признание значения русской науки Западом, а во-вторых, я счастлива, что увижу Вас, вероятно, в скором времени. Ханг говорил мне, что лекции Ваши будут оплачиваться, таким образом Вы сможете приехать с Натальей Егоровной и Ниной. Я не знаю, сколько Вам собираются платить, но Ханг сказал утвердительно, что пребывание здесь будет оплачено. Очень надеюсь, что Нат[алья] Егор[овна] и Нина приедут с Вами. Можно устроиться недорого, а ведь у тети Саши, кроме того, найдется место всегда. С нетерпением жду вашего решения и уведомления. Ханг говорил, что в А[кадемию] наук в Петрог[раде] уже написано. Если Вы не приедете, это будет очень невыгодно истолковано здесь — нельзя пренебрегать вниманием западных ученых к русской науке.

До свидания, надеюсь, и всего хорошего.

Ваша Александра Васильевна

21

А.В.Гольштейн — В.И.Вернадскому

9.1.[19]22

Дорогой Владимир Иванович,

Если Вы примете предложение Сорбонны, то знайте, что деньги на путешествие *есть*. Я получила их от Гули. Дайте знать, куда их Вам выслать, когда это будет Вам нужно.

Крепко обнимаю всех Вас, дорогие и любимые друзья.

Тетя Саша.

Я уже писала Вам, что Ваше пребывание здесь обеспечено *будет*.

22

В.И.Вернадский — А.В.Гольштейн

16.II.[1]922
Москва

Дорогая Александра Васильевна,

Пишу Вам из Москвы, куда я приехал на несколько дней хлопотать о своей заграничной командировке. Но это дело подвигается чрезвычайно медленно при той волоките (превышающей то, что было в XVII столетии) и тех чрезвычайных затруднениях, которыми обставлен выезд семьи и даже одного. Надеюсь преодолеть все препятствия.

Я не буду Вам писать о нашей жизни здесь. Надеюсь рассказать при свидании. Лично я нахожусь в непрестанном научном творчестве эти годы и поэтому переживаю все иначе, чем большинство кругом. Научно хорошо работал и эти последние месяцы. Более или менее ознакомился и с тем, что делается за пределами России. Многие были нам неизвестны, многое сделано такое, что самостоятельно добыто и здесь — ибо многое и здесь получено, несмотря на невероятные условия жизни...

Я ушел совершенно в область этой работы и этой мысли и много передумал за эти годы. Не знаю, сумею ли сказать другим то, что мною познано, сумею ли затронуть других своею мыслью. Переживая одновременно и социальную и научную революцию (последнее гораздо крупнее), я нашел твердую точку жизни — в себе самом, внутри своей духовной сущности. И сейчас, смотря на себя с точки зрения человека, годами погружавшегося в историю мысли, — вижу на личном портрете хорошие и плохие стороны такого состояния. Я конкретно понимаю то состояние демона внутри, о котором так образно говорил Платон (Сократ) или Гёте.

Совершенно неожиданно для меня было приглашение в Париж. И с некоторым страхом решусь я выступить по-французски. Я собрался было за границу закончить свою работу о Живом веществе и его значении в земной коре, которую думал издать по-русски и английски. Приглашение Сорбонны изменило мои планы. Я вполне понимаю, что многое в той бумаге, которая пришла сюда от ректора Париж[ского] ун[иверситета] (Академия), было условлено в связи с моим здесь положением — в той моей оценке,

которую он дал, — но меня это обращение глубоко тронуло, ибо я всю свою жизнь, особенно за последние годы, ярко переживаю свою связь с былым науки, и для меня Сорбонна в ее многовековой истории давно дорогое, близкое и что-то очень большое. Прикоснуться к ней, войдя хотя бы и на короткое время в ее состав, для меня не пустая вещь. И странно, я больше всего чувствую Сорбонну средневековой. Я думаю прочесть — придется писать каждую лекцию — цикл лекций или по геохимии (новой науке, в которой я работаю много лет), или о живом веществе. Наташа сейчас переводит на французский мои «Очерки геохимии», стенографически записанные 8 лекций, которые я прочел в прошлом году в Академии. Они сейчас сданы (по-русски) в печать, и, может быть, их удастся издать по-французски. Сейчас на меня навалилось новое дело. Удалось восстановить работу над радием, которая началась мною в 1910 году. Начатая в 1916 году моими сотрудниками добыча радия из русской руды (новый минерал тюямунит) доведена в декабре 1921 г[ода] до конца; найдены новые приемы обработки и получен первый русский радий из русской руды. Сейчас приходится защищаться, чтобы удержать его в распоряжении науки. Спасение и восстановление этой работы — подвиг со стороны молодых ученых; один из них погиб, не выдержавши варварских условий жизни. И тут сейчас открывается целая огромная область нового. Человечество не понимает, к чему оно подошло. Кругом мало образного представления о желательном, неизбежном, достижимом будущем.

Деньги, о которых Вы пишете, сохраните у себя.

Горячо приветствуем все мы Вас, дорогой близкий друг. Надеюсь, до скорого свидания. Буду во всяком случае этого добиваться со всей энергией.

Всегда Ваш

Владимир

23

А.В.Гольштейн — Г.В.Вернадскому

13.III.[19]22
75, rue de la Tour,
Paris XVI

Дорогой Гуля,

Сию минуту получила твое письмо от 9 марта. Наши письма скрестились: два дня тому назад, кажется, я выслала письмо [Владимира] И[вановича] ко мне, написанное в Москве. У меня осталась

копия. Судя по этому письму, можно надеяться. Лишь бы с семьей, а то, на долгий или краткий срок, — это совсем безразлично... В[ладимир] И[ванович] не пишет ничего о корот[ком] сроке.

Я принципиально не читаю «Посл[едние] Нов[ости]»: не хочу этим подлецам давать свои гроши. Не понимаю, от кого они узнали о намерении В[ладимира] И[вановича] ехать в Париж! Мы так тщательно молчали с В[алерианом] К[онстантиновичем]¹, так боялись болтовни. Здесь благополучно сидит агент больш[евиков] Скобелев² и еще какой-то Михайлов. Трудно сказать, что выйдет из затеи Л.Джорджа³. Как-то чувствуется, что Генуэз[ская] конф[еренция] провалится. Во всяком случае думается, что ничего из нее не выйдет, даже если она состоится, но голову большевики подняли. Тяжкое время. Страшный развал настроения русских людей особенно мучительно наблюдать. Дух соглашательства просачивается, падает вера, растерянность общая — не знают, «что начать: ложиться спать или вставать», и при всем этом упорное желание каждой группы непременно делать *свое*, не примыкая к инициативе другой группы... Расползаются русские люди, по своему обыкновению, как тараканы. Верно, у вас так же, потому и трения, и неудачи. Я лично склонна верить вместе с вашими пессимистами, что тут не без эсеров, хотя надеюсь, что до уничтожения русс[ких] университетов дело не дойдет. Знаком ли ты, Гуля, с Крамаржем? Не хочешь ли получить рекоменд[ательное] письмо к его жене⁴? Мы с ней работали в одном комитете и были в дружбе. Сильное впечатление произвело на меня письмо В[ладимира] И[вановича]. Невольно завидуешь его любви к науке. Это такая любовь, которая совпадает со святостью. Кажется мне, что древние христиане должны были так чувствовать свою правду, как он чувствует свою науку. Удивительный человек, необыкновенная, святая душа; только бы не загиб он там...

18.III.[19]22. По обыкновению моей суетливой жизни это начатое письмо провалялось без пути. Получила после того последнюю твою открытку. Рада, что письмо благополучно дошло. Рада и тому, что дела унив[ерситетские] как будто улучшились. У нас некий прилив новостей из Совдепии. Говорят, что там с *обеих* сторон ждут Генуэз[скую] конф[еренцию]. Большевики надеются подкрепиться деньгами, обыватель надеется на какое-то вмешательство Европы!.. Говорят, что идет страшный процесс расселения России: еще недавно Москва систематически пустела — уезжали в деревни, — а теперь огромный прилив в города, особенно в Москву, потому что туда большевики стягивают продовольствие. Был здесь их агент Ипатьев. Он заявил в разговоре с одним крупным франц[узским] промышленником и ученым, мо-

им знакомым, что если России не помогут, то она через небольшое число лет окончательно одичает и перейдет в первобытное состояние. Это не мешало ему говорить русс[ким], что в Совдепии живет хорошо: ему, Ипатьеву, больш[евики] отдали имение, и у него два автомобиля!! Много еще всяких разговоров, а мне некогда писать.

Всего доброго

А.Гольштейн

¹ Агафоновым.

² Скобелев Матвей Иванович (1885-1938) — с 1921 неофициальный торгпред РСФСР в ряде европейских стран; до янв. 1924 — во Франции. С 1903 в с.д. движении (меньшевик), с 1922 — в РКП(б).

³ Ллойд Джордж Дэвид (1863-1945) — премьер-министр Великобритании (1916-1922), один из инициаторов проведения Генуэзской конференции. Речь, по-видимому, идет о попытках восстановления отношений западных стран с Советской Россией.

⁴ Крамарж Карел [Петрович] (1860-1937) — чешский политический деятель, лидер Национальной партии свободомыслящих (младочешской). Сторонник австро-славистской концепции чешской политики, творец «неославизма» (австро-русского сближения), который должен был противостоять пангерманским устремлениям. Его жена Наталья Петровна (урожд. Абрикосова) — из московской купеческой семьи.

24

В.И.Вернадский — В.К.Агафонову¹

Петроград
14.III.[19]22

Дорогой друг —

Твои открытки получил. Хлопочу о командировке за границу. Идет пока благополучно, но чрезвычайно медленно. Волокита невероятная. Особое затруднение — то, что хочу ехать с женой и Ниночкой. Я уже прошел через одну — первую — инстанцию; остается еще вторая, не менее важная, и сколько в ней придется провозиться — не знаю. Получил разрешение выехать на 4-5 месяцев, я сообразую свою поездку в связи с окончанием научной моей работы — но приглашение Парижского университета заставляет изменять мой план, т[ак] к[ак] чтение лекций на французском языке представляет для меня очень большие трудности. Я хочу прочесть курс геохимии или специальный курс о живом веществе

в земной коре. Но я вообще не знаю условий этого чтения. Что такое professeur agré[g]é²? Затем мне совершенно необходимо получить разрешение на въезд во Францию и лучше всего его иметь из Парижа. Не можешь ли ты помочь в этом и переговорить с Лакруа?

Еду я через Варшаву, если это удастся устроить, т[ак] к[ак] в связи с Ра хочу захватить в Вену (посетить Радиевый институт) и Иохимов (в Чехословакии — посетить Радиевый завод). Я тебе, кажется, писал, что я состою директором Радиевого института (при Акад[емии] Наук) и отказываюсь от директорства Геолог[ического] и Минер[алогического] музея. 1 декабря (как раз, кажется, в тот день, когда я был выбран в Париже³) на Радиевом заводе на Каме, связанном с Рад[иевым] институтом, был добыт впервые русский радий из русской руды, из тьюмунита, новым способом. Работа эта была начата в 1916 году и закончена — при современных совершенно невероятных условиях в 1921 г[оду]. Так или иначе к концу года мы надеемся иметь 2 1/4 g Ra. Можно с ним наладить много важного и интересного. Обратил ли ты внимание на работы [Звердермахера?] и [Столвова?] и их учеников?

М[ожет] б[ыть], французское разрешение можно послать или в Варшаву на имя гос[подина] Августа Морозевича⁴ (директора Польск[ого] Геол[огического] ком[итета]), или в Прагу на имя академика Ф.Славика⁵ (F.Slavik). Обоим я писал, но ответа не получил пока, т[ак] ч[то] надо с ними списаться. В Вене буду видеться с Ф.Бенке. Пишу тебе так — но здесь многие мои приятели сомневаются в том, что я скоро смогу выехать!

Я продолжаю находиться в непрерывном состоянии научного творчества. Надеюсь привезти в печатном, м[ожет] б[ыть], в неоконченном виде «Очерки геохимии» — лекции, читанные (и стенограф[ированные]) летом 1921 [года], которые печатаются сейчас, и жена начала их переводить на франц[узский]. Недавно прочел в Общ[естве] Естествоиспытателей доклад о химическом составе живого вещества. М[ожет] б[ыть], его можно напечатать в Revue scientifique или Revue générale des sciences françaises etc, я мог бы прислать или копию рукописную, или текст набранный: сейчас веду переговоры с изданием. Я даю здесь некоторые общие данные и между прочим вычисленную таблицу (по декадам) химич[еского] состава океана и живого вещества. Получились очень любопытные данные. Я все еще не решаюсь прочесть и изложить результат моей работы над измерением энергии живого вещества (явление размножения), но получаются любопытные формулы и, главное, конкретные числа. Я глубоко убежден, что в учении о живом веществе я ввожу новое течение в изучение природы. Удастся ли

мне это доказать и убедить? Сейчас идет и экспериментальная работа. Очень любопытны наблюдения Зелинского над составом живых насекомых. Здесь у меня работает пр[офессор] Садигов⁶ (над креветками *echinus vulg[aris]*), в Киеве М.Н.Бессмертная. Но я чувствую себя связанным, перевязанным, т[ак] к[ак] нельзя себе представить, до какой степени здесь трудна научная исследовательская работа. Делаешь 1/10 того, что сделал бы в нормальных условиях. Мечтаю об особом институте по изучению живого вещества — на берегу океана!

Сейчас читаю в Институте опыт[ного] дела курс: лекции по геохимии (историю отдельных химических элементов в земной коре), совершенно новый для меня и, мне кажется, вообще. Его стенографируют, и я надеюсь его издать. Печатаю брошюру «Начало и вечность жизни», сборник моих статей (2-й вып[уск] — 1-й на днях выйдет, статьи по высшей школе не ввожу по цензурным условиям!), сдал первый выпуск моей минералогии (унив[ерситетский] курс, совершенно переработанный) и кончаю печатанием 2-й вып[уск] II тома моей большой описательной минералогии.

Печатание здесь невероятно трудно. Идет в этом смысле страшное напряжение энергии с малыми результатами полезного действия. Но несомненно, все же печатанье увеличивается. Но как слабо! и как несответственно необходимости. В частности, сейчас эти литературные работы дают средства к жизни (за исключением опыта «Описат[ельной] минерал[огии]» — дарового академического издания), хотя платят за них гроши. Но иначе при «пайке» даже не проживешь с семьей, т[ак] к[ак] оплата труда здесь грошовая. Надо или продавать вещи, или продавать дешево труд, или заниматься тем развращающим дух времяпрепровождением в разных учреждениях, чем занимаются кругом. Литературу иностранную получаем урывками, с трудом и опять-таки с величайшими усилиями и неправильно. Французскую совсем плохо.

Я удивляюсь, что ты не получил моего 1 вып[уска] II тома Минер[алогии] (о H₂S). Я имею письмо, что его тебе выслали. Постараюсь привезти с собою, хотя их очень у меня мало. Для тебя я хочу привезти матерьял — новый — по турмалинам. Не хочешь ли продолжить кристаллографич[ескую] работу В.И.Воробьева⁷? Есть любопытные кристаллы. Но сейчас ведь на первое место выступает исследование кристаллов в X-лучах. И какие получаются выводы!

Чем больше вдумываешься в окружающее, тем больше убеждаешься, что настоящее великое течение, которое идет в человечестве, — это в данный исторический момент — течение научной

мысли. Оно должно дозветь само себе и перед ним мелки все политическ[ие], социальные, национальные и даже религиозные стремления жизни. В конце концов оно творит будущее и открывает для отдельной личности удивительный мир явлений.

Я очень занят сейчас мыслями о конструкции мировой науки. Давно хотелось тебе подробнее написать. Жду от тебя известий. Я и Академия писали в Сорбонну, но ответа нет. Напиши.

Горячий привет от всех нас тебе и Юл[ии] Мих[айловне]⁸. Очень надеюсь тебя и ее увидеть — приеду, как только получу все разрешения. Франц[узские] бумаги годятся и для проезда через Польшу.

Всего лучшего

Твой [В.Вернадский]

¹ Печатается по копии рукой С.В.Агафонова, сына В.К.Агафонова.

² «Принятый профессор» — ученое звание преподавателя высшей школы во Франции.

³ Речь идет об избрании Вернадского профессором Сорбонны. Ректор Парижского ун-та проф. Аппель сообщал об этом С.Ф.Ольденбургу в письме от 6 декабря 1921 и официально приглашал Вернадского для чтения лекций.

⁴ Вероятно, речь идет о польском профессоре-минералогe и петрографе Йозефе *Морозевиче* (Mogozewicz Jozef; 1865-1941).

⁵ *Славик* Франтишек (1876-1957) — чешский геолог (геохимик, кристаллограф и минералог), профессор Карлова ун-та в Праге (1910-1947), с 1913 — директор его минералогического ин-та.

⁶ *Садиков* Владимир Сергеевич (1874-1942) — профессор ПГУ, биохимик. 17 марта 1926 В.И.Вернадский в заседании отделения физико-математических наук АН представлял его работу «К методике химического анализа животных организмов».

⁷ *Воробьев* Виктор Иванович (1875-1906) — минералог, устроитель и хранитель минералогического отделения Геологического музея АН в Петербурге. Погиб при исследовании кавказских ледников.

⁸ Агафонова *Юлия Михайловна* (?-1922) — жена В.К.Агафонова.

Дорогой Гуля,

Сейчас получила твое письмо от 8-го. Будем просто верить, и чтоб не сглазить, говорю: сухо дерево, завтра пятница. Будем ждать

конца апреля, начала мая. Хорошо, что почти наверное можно ждать *всех*.

Посылаю копию письма В[ладимира] И[вановича] к Агафонову. Только теперь сын Вал[ериана] Кон[стантиновича] мог ее сделать. Жена Агафонова умерла, слава Богу! Агафонов был *раздавлен*, когда я его видела на другой день после ее смерти. Счастье великое, что его старший сын с ним. Это толковый, спокойный, выдержанный человек. Он заботится об отце, как женщина. Военный он — этим многое сказано...

Леонтьева знаю. Да, умный, а главное хитрый татарин, ему пальца в рот не клади. Интеллигент? Не знаю. Шаблон его заел и безмерное самомнение. Мы долго и много были в тесном общении. Льстивый он — за что его не вытерпела.

Генуэзская? Сам черт ногу сломит. Кажется мне, что их не признают. Так, из газет видно, будто франц[узское] общественное мнение не желает признания. А с другой стороны, Л.Джордж уже начал шантажировать Францию требованием уплаты проц[ентов] за воен[ные] долги, а с третьей — приманка уплаты русс[кого] долга... Трудно что-либо предвидеть. Скажем и в этом случае — будем надеяться на лучшее.

А.Г.

Крамарж[у] написала.

Страшно устала и пишу отвратительно — не сердись.

26

А.В.Гольштейн — Г.В.Вернадскому

13.IV.[19]22

Вчера вечером получила прилагаемое письмо. Когда увидела милые какие-то старинные буквы на конверте, не смогла сразу вскрыть письмо... Боялась, что радость обманет. Не обманула.

Письмо пришло, как видишь, из Лондона, проф[ессор] Golder о кот[ором] Наташа пишет, очевидно, в Париж не попал еще. Если попадет, сейчас же напишу, что он расскажет.

До свидания.

А.Г.

В.И.Вернадский — А.В.Гольштейн

Петроград
13.V.1922

Дорогая Александра Васильевна —

Ваше письмо от 5.1.[1]922 дошло до меня только *вчера*. Не знаю, какая почта виновата, но у нас это нередко бывает. Я Вам писал из Москвы, но не знаю, получили ли Вы его, мое письмо?

Вот уже несколько месяцев я хлопочу о поездке за границу. Но все двигается необычайно медленно. Затруднение состоит именно в том, что я хочу приехать с Наташей и Ниночкой. Оставлять ее здесь одну — даже на несколько месяцев — я не хочу и не могу. Из Парижского университета тоже не получаю никакого ответа — д[олжно] б[ыть] в связи с теми же почтовыми условиями. Не знаю, кому там надо писать.

Очевидно, скоро придется ехать в Москву — ускорять дело. Поездка в Москву сейчас большое дело — стоит она несколько десятков миллионов рублей (одни билеты для одного не менее 16-20 мил[лионов]), и порядочное место достать трудно. Всюду надо протекцию или очень большое количество денежных знаков.

Я сейчас нахожусь в очень большом подъеме научного творчества и весь погружен в новые, мне кажется, достижения, а в то же время перерабатываю жадно все проходящее, совершившееся кругом. Надеюсь скоро — через месяцы все-таки! — увидаться.

Ваш всегда Вл[адимир]

Мои шлют Вам сердечный привет.

А.В.Гольштейн — Г.В.Вернадскому

30.V.[19]22
75, rue de la Tour,
Paris XVI

Дорогой мой Гуля,

По возвращении в Париж (вчера) нашла открытку от Влад[имира] Ив[ановича].

До моего возвращения Ю[лий] Ф[едорович] С[еменов] не мог выслать посылку, потому что мое письмо *пришло к нему в субботу*, и нельзя было купить доллары. *Сегодня*, 30 мая, посылка послана. Я рада, что не выслали без меня: после получения открытки

Влад[имира] Ив[ановича] я выслала посылку на имя Нат[альи] Егор[овны], ибо может случиться, что Влад[имир] Ив[анович] будет в Москве, когда посылка придет, и ее, пожалуй, не выдают. Думаю, что так лучше.

Да, очевидно, не скоро мы их дождемся. Только не горюй. Постараемся иначе поступить. Справимся, обмозгуем.

Копию с открытки посылаю сейчас Агафонову, чтобы он переговорил с Сорб[онскими] властями насчет Влад[имира] Ив[ановича] и сообщил его вопросы о переписке с Сорбонной.

Одна туча прошла — подлое Генуэз[ское] собрание. Надеюсь, что и Гаага сойдет. Идет Антихрист на мир Божий. Пока что еще не дошел, но как будет дальше — неизвестно. Пока работают его пособники Ллойд Джордж и К°, «самого» не видно.

Ну, обнимаю тебя, жену твою. Крепись и верь в лучшее.

Твоя А.Гольштейн

29

А.В.Гольштейн — Г.В.Вернадскому

10.VI.[19]22

75, rue de la Tour,
Paris XVI

Сейчас прибежал милейший В[алериан] К[онстантинович], принес прилагаемую открытку и бутылку хорошего белого вина! Ура! едут, надеюсь. Крепко обнимаю, поздравляю, но плюю три раза налево, чтобы черт не подвел, хватаюсь за стол и говорю: «Сухо дерево, завтра пятница!..» Вино выпили, чокнулись, все честь честью. А теперь о делах.

1. Визу надо брать, когда наши будут уже в Праге. Визу я могу достать всегда и просить Мин[истерство] Ин[остранных] Дел телеграфировать во фр[анцузское] праж[ское] консульство. Так мы уже делали несколько раз. Визу ведь надо просить, указывая, где находится лицо, о кот[ором] хлопчешь, она посылается не на лицо, а в консульство. Кроме того, пока они не приедут, неизвестно, надо ли просить для всех трех или только для Вл[адимира] Ив[ановича]. Может быть, Н[аталья] Е[горовна] и Нина захотят пожить у тебя? Может б[ыть], наконец, и Вл[адимир] Ив[анович] захочет провести лето у тебя и отдохнуть от райской жизни в западном аду? Итак, о визе не хлопчем, но когда они приедут, когда будет решено, все ли они едут или только Вл[адимир] Ив[анович], то телеграфируй мне так: Arriveron tous, это

будет значить, что визу надо всем троим; или: Arrivera père или Arriverons Nina et père или mère et père.

2. Приедут они все, наверное, приблизительно голые, надо их одеть. Не предпринимай ничего в этом направлении, т[о] е[сть] ничего не *покупай*. Я немедленно начну искать для всех них одежду — это моя специальность, и я целые ящики посылала уже в Константинополь. Кроме того, надо заняться розыском денег, это оставь между нами, потому что я боюсь, как бы В[ладимир] Ив[анович] и Н[аталья] Ег[оровна] не протестовали, а между тем это необходимо сделать, и по мнению В[алериана] К[онстантиновича].

Кажется, все. Если еще что-нибудь забыла сказать, напишу.

А.Гольштейн

30

А.В.Гольштейн — Г.В.Вернадскому

14.I.[19]23

75, rue de la Tour,
Paris XVI

Дорогой Георгий,

Вся трудность и весь ужас — для нас — положения в том, что позиция, принятая Влад[имиром] Ив[ановичем], совершенно невозможная: возвращаться в совдеповский рай ему определенно не хочется, это говорила мне Н[аталья] Е[горовна], но признать это свое нежелание он громко и прямо тоже не хочет, а своим поведением делает многое невозможным. En désespoir de cause¹ я решила поговорить с Н[атальей] Е[горовной]. Она во всем со мною согласилась, пробовала было стать на старую точку вопроса «чести»: объяснять, что В[ладимир] должен вернуться потому, что иначе других академиков не будут пускать за границу, но Агаф[онов] перечислил ей тех академиков, кот[орых] пустили после В[ладимира] Ив[ановича], и она сдалась. Агаф[онов] ушел, и мы долго говорили. Она как бы надеется на чудо, на провал Антихристово отродья. Я говорила и о том, что во время провала будет такая смута, в кот[орой] многим Сер[геям] Ф[едоровичам] не сдобровать, и что в этой смуте может погибнуть и В[ладимир] Ив[анович]. Я действительно так думаю. Со всем этим Н[аталья] Е[горовна] согласилась и решила мало-помалу склонить Вл[адимира] Ив[ановича] к решению остаться. Что из этого выйдет, не знаю. Агаф[онов] предпринял поход, кажется, в союзе с французами на карман одного многомиллионного иудея с целью подбить его отпустить денег на лабораторию этого самого проклятого вещества. Он же написал очень длинное письмо Ford'у на ту же тему. Всё

это *возможности*, но и всё это «справа затажна»², выражаясь по-хохлацки. Когда справа затажна, надо ждать, надо время. Из Совдепии никого не выпишут для такого дела, да и не выпустят оттуда Вл[адимира] Ив[ановича] работать не во славу большевицкой Академии наук где-то за границей. Какой им в этом авантаж? А, повторяю, Сергей Федорович большой авантаж тащит пристяжной честнейшего из людей. Н[аталья] Е[горовна] говорит, что Вл[адимир] Ив[анович] хочет все же *вернуться* в Европу из Совдепии. Но вернуться нельзя будет не только потому, что его не выпустят, но и потому, что *здесь* все будет потеряно, как была почти что потеряна Сорбонна, когда Вл[адимир] Ив[анович] заявил весной, что вернется в Совдепию...

Я думаю, что им надо переехать в Прагу и там ждать исхода хлопот о лаборатории, пусть Вл[адимир] Ив[анович] живет этой надеждой, а Н[аталья] Е[горовна] вздохнет среди своих. Н[аталье] Е[горовне] эта мысль очень улыбается, но она говорит, что теперь надо жить так и там, где надо для В[ладимира] Ив[ановича], ибо дети уже отрезанные ломти. Я говорила, что ты этого не перенесешь и что об тебе она тоже должна думать. Согласилась и с этим. Таковы настроения.

Был Струве. Говорила с ним о Праге. Он говорит, что Прагу устроить возможно, но что *Вл[адимир] Ив[анович] может всему помешать*. Может. Я просила его переговорить с тобой. Может быть, вы оба выработаете какой-нибудь план действий.

Я же думаю, что с Владимиром Ивановичем надо играть на «справу затажну». Надо убеждать его, что необходимо предпринимать все меры для устройства лаборатории и ждать результата здесь, на западе, ибо из Совдепии ничего предпринимать нельзя. К сожалению, я не дерзаю заводить этого разговора с Вл[адимиром] Ив[ановичем] — боюсь своего языка и азартного характера. «Забывают стихии», как говорит Н[аталья] Е[горовна], и все пропадет.

Из бессвязно изложенного ты все же видишь, что твой приезд сюда не только нужен, но, м[ожет] б[ыть], необходим. Приезд Нины был бы тоже очень нужен, но *вместе с тобой*. Тогда новый триумвират — Георгий, Нина³ и Нат[алья] Ег[оровна] — мог бы, думается, успешно играть на «справу затажну». А м[ожет] б[ыть], и письменно эта кампания могла бы хоть приготовить почву?

Пока все, что могу сказать. Так всегда сжимается сердце, когда вижу теперь Наталью Егоровну...

Поздравляю всех вас, пражские друзья с русс[ким] Новым годом.

Тетя Саша

Адреса своего никогда не пишешь — это очень неудобно.

¹ В отчаянии (*фр.*).

² Долгое дело (*укр.*).

³ Вернадская (урожд. Ильинская) *Нина* Владимировна (?-1955) — жена (с 1908) Г.В.Вернадского. Окончила Историко-филологическое отд. ВЖК. Занималась музыкой, пением.

А.В.Гольштейн — Г.В. и Н.В.Вернадским

[1922]

Мои милые товарищи-триумвиры,

Я очень боюсь.

Н[аталья] Егор[овна] говорила мне, что ученики Влад[имира] Ив[ановича] усиленно зовут его в П[е]т[ер]б[ург], говорят, что без него работать плохо или трудно и т.д. Я охотно верю, что это верно, но, признаюсь, мне совершенно наплевать, если какая-нибудь барышня, сжигающая мышь для получения из ее пепла 0,0000...1 grms никеля, будет жечь другую мышь или какого-нибудь зверя вообще с тем же успехом. Если говорить о пользе науки, то, разумеется, работая здесь, Вл[адимир] Ив[анович], конечно, сделает больше для науки сам, чем 40000 ученых барышень. Et d'un¹.

А боюсь я вот чего:

Приезжает сюда Сергей Фед[орович]. Я боюсь, что он будет убеждать Вл[адимира] Ив[ановича] уехать, я боюсь, что Серг[ей] Фед[орович] пустит для его убеждения *все* в ход... Вы не сердитесь, если думаете иначе, а я думаю, что для Сер[гея] Фед[оровича] вопрос о возвращении Влад[имира] Ив[ановича] необыкновенно важен: ему надо прикрыть свое рыльце в пушку незапятнанным ничем именем Влад[имира] Ив[ановича]. Et de deux².

Я буду стоять на страже, но Вам обоим, особенно Нине, надо возобновить бдительность и при случае обнаружить быстроту и натиск Суворова.

Очень крепко обнимаю Нин и Гулю.

Тетя Саша

¹ Это первое (*фр.*).

² Это второе (*фр.*).

А.В.Гольштейн — Г.В. и Н.В.Вернадским

17.VI.1923
75, rue de la Tour,
Paris XVI

Дорогие мои Гуля—Нина,

Получила письмо.

Думается, что не очень опасно. Я ведь страшно испугалась, когда Нат[алья] Егор[овна] сказала, что едет Сергей¹. Очень мне *грустно*, что Нина разделяет мой страх, — все же почему-то как-то надеялась, что мои осуждения Сергея *несправедливы*. Ведь человек я азартный и часто могу быть несправедливой. Теперь о Сергее не слышно. Говорят, будто московские мерзавцы высылают Иванушку² моего. При этом известии Нат[алья] Егор[овна] сказала мне: «Это будет очень хорошо для Ивана». Я согласилась, но вопроса о их возвращении не подняла. Еще благоприятное: Нат[алья] Егор[овна] усиленно *ищет* не меблированную квартиру, ищет *к осени*. Я помогаю и молчу о возвращении. Мне кажется, что просьба Н[атальи] Егор[овны] «дать им свободу» скорее замаскированный совет не спорить с Вл[адимиром] Ив[ановичем] — упрямым людям не надо давать повода утверждаться в их ложных взглядах, а пререкания всегда их утверждают. Словом, пока лучше стоит дело. Влад[имир] Ив[анович] собирается ехать в Англию на конгресс. Вижу у него беспокойство о деньгах... Я думаю, что лучший способ убеждения — при случае — это нравственное обязательство перед французами, кот[орые] хотят дать Вл[адимиру] Ив[ановичу] *légion d'honneur*³, даже премию из Академии, о чем вы знаете, и вообще выписали его для того, чтобы спасти от большевиков, и вдруг Вл[адимир] Ив[анович], получив все это, уедет в Совдепию, Евразия тож. Будем твердо верить. Только бы не приехал Сергей.

Читала ряд кор[респонденций] в Times. Нечто настолько ужасное, что нет слов выразить этот ужас. Даже для нас, хорошо осведомленных людей, там есть новые ужасы. Способ набора шпионов для ЧеКи — это такой ужас, до которого не додумалось жестокое воображение Э.По. Ничто еще не поражало меня в такой мере. Я перевела эту часть кор[респонденций] для «Вестн[ика] Нац[ионального] Комитета», там вы ее прочтете. И есть люди — какая-то дама, приехавшая из Совдепии, — которые говорят, что *вся интеллигенция за совесть* может работать с большевиками,

примирилась с ними. И под этих разбойников, дьявольских ставленников хочет ехать Влад[имир] Ив[анович]!

Нет, Нина, отъезд туда не «бесмыслица», а трагическое безумие.

Крепко целую Нину и Гулю.

А. Гольштейн

¹ Речь идет о С. Ф. Ольденбурге.

² Возможно, источником слухов о грядущей, высылке И. М. Гревса стали его служебные неприятности этого времени (запрет на преподавание и пр.).

³ Орден Почетного легиона.

33

А. В. Гольштейн — Г. В. Вернадскому

15. XII. [19]23

Дорогой мой,

Твой триумvir и вечный сообщник Вал[ериан] Кон[стантинович] стоят на страже, все знают, все видят, но что смогут сделать — это неизвестно и неопределимо. Очень мудроно письменно изложить положение дел, тем более, что *фактов* нет, а только впечатления. Начну с фактов.

В[ладимиру] И[вановичу] страшно повредило его заявление, сделанное весной, кажется, что он вернется в Совдепию. За это мы, конечно, должны благодарить нашего «взаимного» друга Сереженьку Великого. Вышла такая история, что Lacroix по просьбе Агаф[онова] устроил потом приглашение читать лекции, а кредитов на сие не было, так что наши дорогие Вер[надские] сидели без денег. Тут было много всяких деталей, кот[орые] я совершенно забыла. Знаю только, что все это очень удручило и В[ладимира] И[вановича], и Наталью Егоровну.

Теперь Агаф[онов] хлопочет об устройстве лаборатории для сжигания мышей, хлопочет с двух сторон — в Америке и здесь. В Америку, по совету Юл[ия] Фед[оровича], он написал письмо Форду. Это, конечно, более чем гадательно, — здесь он вместе с Жантилем будет делать налет на некоего архимиллионера, сына Израила. Это, кажется мне, возможнее, хотя тоже очень гадательно.

В[ладимир] И[ванович] делает какую-то очень важную работу, и Н[аталья] Е[горовна] надеется, что если работа окажется удачной и важной, то это побудит сорбон[нских] людей оставить здесь В[ладимира] И[вановича]. Это возможно. Н[аталья] Е[горовна] определенно *мечтает* остаться здесь. Недавно — вчера — говорила, что если я перееду в Bois Colombe, хорошо найти в том же доме квартиру и им, и прибавила, «если возможно будет остаться». Что хочет В[ладимир] Ив[анович], этого, думается, никто не знает.

Впечатления мои вот какие: Вл[адимир] Ив[анович] все более и более отходит от всякой личной жизни и, скажу, от всякой иной личной мысли, кроме научной. Мне кажется — и дай Бог, чтоб я ошибалась — что ради научного честолюбия он теперь готов на все. Пожалуйста, не толкуй слова «честолюбие» в каком-нибудь пежеративном¹ смысле. Честно, благородно и глубоко в нем засела мысль, что исследование живой материи — дело величайшей важности для науки. Так как мысль эта, кажется, принадлежит ему, то естественно, ему хочется осуществить эту мысль самому, а не просто передать ее потомству. В этом честолюбие. В каком смысле готов на все? Тут, думается, не без влияния разных людей соглашательского типа из г[оспо]д ученых. Ты, вероятно, знаешь, что большевики теперь усиленно пропагандируют возвращение эмиграции. Им это нужно и лестно во всех отношениях. Думаю, что отход ученых, посланных ими в командировку, им очень неприятен. Не потому, что они дорожат работами этих ученых, а просто потому, что такой отход — свидетельство против них. Они в свое время уморят, вышлют, расстреляют при надобности или без надобности того же Верн[адского], но им надо показать той же Сорбонне, что «их» проф[ессора] находят возможным в их раю жить и работать, что так красноречиво доказывал здесь наш «взаимный» друг. Мне чудится, что на В[ладимира] Ив[ановича] есть натиск в этом направлении. Там ему посулят — а м[ожет] б[ыть], посулили? — устроить лаб[ораторию] живого вещества... Тогда все и всё бессильно. На это он пойдет. И будет все это обман, ложь и чепуха, но он пойдет. И за все это заплатит Н[аталья] Е[горовна]. Она положит на алтарь науки остатки своих слабых сил. На эти мысли меня наводят разные мелкие факты. Все это впечатления. Повторяю, дай Бог, чтоб я ошибалась. Тебе пишу все, без оговорок, ничего не утаивая.

En résumé: если где-нибудь на земном шаре устроится это живое вещество — чтоб все черти его слопали! — то В[ладимир] Ив[анович] останется, если не устроится, думаю, что уедет. «Устроить дело», как пишут тебе, это значит получить кредиты на

лабораторию, «вернуться потом» значит приехать временно в новую командировку, м[ожет] б[ыть], для оборудования сего учреждения...

Это чрезмерно горько и грустно.
Нежно целую Нин и тебя.

Тетя Саша

¹ Пежеративный — уничижительный (от pejoratif — фр.).

34

А.В.Гольштейн — В.И.Вернадскому

29.VIII.[19]24

Спасибо великое, дорогой мой Владимир Иванович, за открытку и добрые вести. Надеюсь, что Н[аталья] Е[горовна] вернется совсем освобожденная, на этот раз, от своей немощи.

Про себя ничего сообщить не могу, ибо целый месяц не вставала от своего стола — работы было очень много. Теперь кончилась часть («Страшную месть»), но осталась еще огромная речь Dale'я о химиотерапии, история трудная и ответственная — это для патронов, очередное. Хорошо, что в августе не было этой работы, а то не заработала бы на Гоголе. Теперь чувствую, что заслужила некоторый отдых и думаю 4-5 сент[ября] уехать к La Chesnais¹.

Восхищена Н[атальей] Е[горовной] и ее кулинарными интересами!.. Это особое свойство ее характера — всегда всякое дело делать с необыкновенной добросовестностью. Ведь ей лично совершенно все равно, что есть, аисине gourmandise², но раз она стряпает, она должна это дело изучить. Удивительный человек.

Когда Вы вернетесь и куда? На новую квартиру или на Toullier?

Получила с оказией письмо из Москвы. Пишут: «Переписка с границей очень опасна, всегда грозит обыск». Также сообщают, что преследования интел[лигенции] страшные. В один день арестовали и выслали 70 чел[овек] из людей более или менее известных корреспонденту. Обыски в том доме, где он живет, непрерывные — обыск, и потом «увезут». По-видимому, теперь это новый термин среди обывателей — «увезут». Еще также писали, что все, кто вернулись, «поверив обещаниям большевиков, в

отчаянии, но назад их не пускают». Словом — весело там живетя...

Крепко Вас, дорогой друг, обнимаю и Н[аталью] Е[горовну] тоже.

Ваша А.Г.

¹ Имеется в виду семья Ла Шене. Ла Шене Пьер Жорж (1865-1948) — французский писатель, переводчик (перевел всего Ибсена) и издатель.

² Никакого чревоугодия (*фр.*).

35

А.В.Гольштейн — семье Вернадских

[Осень 1924?]

Дорогие и любимые, старые и молодые, Сижу в комнатке с чудным видом на долину и холмы; все зеленое с желтыми полосами хлебных полей. Тихо, жарко, ослепительно солнечно. Мои милейшие La Chesnais приготовили мне такую комнатку, кот[орая] совсем в моем вкусе и стиле. Отдельно от всех, с выходом прямо на террасу — сад, комнатка в башне, старая, симпатичная. Mme La Ches[nais] поставила старую прялку, старый диван, крытый старым барахлом (очень симпатичный), много цветов в старых мужицких фаянсах, две большие полки книг... Точно всю жизнь я здесь жила, так все устроено *в моем стиле*. А Mr La Chesnais положил накануне моего приезда на стол пакет папирос, спички и пепельницу!.. Милые, добрые друзья. «Кабаную», как говорил Мих[аил] Петр[ович]¹. По утрам ходим с La Chesnais гулять, т[о] е[сть] вчера ходили, влезли на холм, кот[орый] здесь называют торжественно Mont Brévoir, ну, mont — это для красоты слога, просто холм. Ходила вчера на речку — красивая речка. Деревня странная, большие дома, высокие, неуклюжие, старые. На площади, у мэрии, дивная липа, вероятно, многостолетняя, кругом каменная скамья, очень весело кругом, тихо, сытно. Огромные быки идут под ярмом, стада гусей, куры сытые, ленивые бродят, утки ковыляют по берегу реки — нет! большевикам здесь не место. Какие телеги, какие сараи, какое огромное богатство разлилось в крестьянстве. Завидно. Думается, что это не только «завоевание революции», все это довольство, но главным образом завоевание многовековой цивили-

лизации. Липа на площади ширится как символ консерватизма, всегда, кажется мне, сопряженного с настоящей цивилизацией. Такое же впечатление я вынесла в Англии, где среди улицы остается старое дерево, а дома обходят его, чтобы не уничтожить, а сохранить. Отчего мы ничего не сохраняли! Какое преступление мы все совершали, когда гнались за «последним словом». Вероятно, оттого, что были дикарями. Оттого и теперь не все понимают, что из навоза (чтоб не сказать более энергичного слова) ничего не выйдет, кроме нового слоя навоза...

Ну, будет. Всех любимых целую. Вере Михайловне² передайте привет.

Всегда Ваша А.Гольштейн

¹ Драгоманов.

² Возможно, речь идет о В.М.Любошинской (урожд. Герценштейн).

А.В.Гольштейн — В.И.Вернадскому

9.VII.[19]25

57, rue Bernard Palissy
Avon (S[eine] et M[arne])

Сейчас получила Ваше письмо. Все время хотела Вам написать, но по глупости ума вообразила, что Вы живете не по старому адресу.

Радуюсь, что Вы живете хорошо и что Ваш Bourbon все же принесит пользу.

Ужасно удручена вестью о болезни Нины — Нинеты¹... что с ней? Почему не может приехать даже позднее? Разве что-нибудь такое долгое, что тянется месяцами? Очень прошу — напишите немедленно, когда получите настоящее известие. Вот не было печали, так черти накачали. Бедный Георгий, для него год почти без «мамочки», да еще с тревогой за Нинету — вещь ужасная.

Если будете писать, напишите адрес Агафонова, — ему тоже собиралась написать, но уж совсем не знала куда. Как это в самом деле хорошо, что его сестра человек без агафоновщины, а то был бы зарез. Мы с Вами этого так боялись.

Была в Париже три дня и вернулась опять сюда, где мне прямо райское житье. Все хорошо — лес, мои милые хозяева, мужицкий грязненький дом, моя комнатушка, окно, у которого кача-

ются ветки грушевого дерева. К довершению благодати нашла в книгах Вадима² дивное издание Шекспира, и так как у меня работы нет, читаю комедию за комедией. Ведь Шекспир это мой поэт поэтов, нет для меня поэта более усладительного, кроме, разве, Сервантеса.

«Возрождение»? Да. Mais que voulez-vous? Tout les parvenus sont pareils³. Петр⁴ — «немец с русской душой». Вот почему он валит «стяг» и «лозунг» в одну кучу. Вот почему ему надо писать «село и веси», когда это «масляное масло». Полемика без задора, но с научной логикой и вылавливанием мелочей, важных в научной дискуссии, бессмысленной в газете.

А рядом со всем этим православие, кот[орое] он не может *чувствовать*, как можем мы, хотя давно из него вышедшие. Струве не помнит себя ребенком в правос[лавной] церкви, он не читал «Богородицы» с нянькой, он не имеет этих традиций, у него это *надуманное* православие, тоже научная экскурсия только в область чужой науки. В этой надуманности или выдуманности есть, наверно, искренняя *мысль*, но чувства нет никакого, а без этого всякая вера мертва и... скучна. Никого она не трогает и не убеждает. Меня злит. То же и «вождь». В смысле «вождя», думается, я вела бы себя приблизительно так же: от нас так далеки были всегда «вожди», что мы невольно будем пересаливать свое почтение или уважение *quand nous viendrons avec la cour leur présenter nos hommages*⁵. Поэтому тоже при искренней мысли, нечто ложное, холодное, неуклюжее. Как немец Струве по природе груб и неуклюж. Груб в чувствах, неуклюж в языке. А рядом с ним и с его глубокой все же мыслью пристяжными скачут разные прохвосты, вроде Амфитеатрова⁶ и того нововременского, что пишет каждый день, — Пиленко⁷, кажется. Ваш Сигуничка⁸ тупо, прилежно собирает по немецким газетам кусочки и лепит никому не нужные статейки. Эта пристяжная лишняя, но хоть не базарная. А в общем, — газета полезная, необходимая, и никому чужому я такой критики не скажу. Она необходима для отпора *развращающим* жидовским «Послед[ним] Нов[остям]». Ведь то, скрытое до поры до времени соглашательство, и то, что до сих пор его нет, это показывает, что большевики не вечны, слабы и г.Милюкову и его жидам теперь не на руку к ним пристягнуться.

От Макуси — ни звука. Дочери⁹ его мне писали, писали, что он с Ваней¹⁰ уехал в Туркестан, и ни слова о том, что он собирается за границу. Боятся? Не знали?

Крепко Вас обнимаю.

Всегда Ваша А.Г.

¹ Имеется в виду Н.В.Вернадская, жена Г.Вернадского.

² Возможно, имеется в виду Зелинский Вадим Иосифович (?-1929) — сын народовольца И.В.Зелинского. По-видимому, А.Г. жила в то время в его доме.

³ Ну что вы хотите? Все выскочки одинаковы (*фр.*).

⁴ Речь идет о П.Б.Струве.

⁵ Когда мы придем вместе со всеми засвидетельствовать им наше почтение (*фр.*).

⁶ *Амфитеатров* Александр Валентинович (1862-1938) — писатель. С 1921 в эмиграции. С 1925 сотрудничал в «Возрождении».

⁷ *Пиленко* Александр Александрович (1873-1920) — юрист-международник и журналист, профессор СПб. ун-та, думский корреспондент «Нового времени». По-видимому, А.В. имеет в виду кого-то другого.

⁸ Возможно, имеется в виду С.С.Ольденбург.

⁹ Вероятно, описка: у В.Н.Вебера была только одна дочь.

¹⁰ Вебер Иван Валерьянович (1909-1931) — сын В.Н.Вебера (внук А.В.Гольштейн).

А.В.Гольштейн — Г.В. и Н.В.Вернадским

[13 июля 1925]

Совсем два слова и деловых: скажите Глебу¹, что я прошу его возратить мою «мебель» Вам. Я, давая ему свой хлам, предупредила, что даю «до востребования». Если не хотите этого моего поручения исполнить, то пришлите *его адрес*, я напишу, если не пришлете, напишу Ляле² для передачи Глебу. Напишите, когда будете устраиваться, очень надо знать.

А.Г.

¹ Имеется в виду *Глеб* Петрович Струве.

² Имеется в виду Алексей Петрович Струве.

А.В.Гольштейн — Г.В.Вернадскому

29 oct[obre] 1925
75, rue de la Tour

Дорогой друг Георгий,

Давно надо было написать тебе, поблагодарить за посылку денег, сообщить какие-нибудь новости о твоих и проч[ее]. Но я все время была в расположении духа, которое называю «а quoi bon?»¹ По-русски это все же не просто «зачем?» Это что-то другое и очень томительное...

Про твоих или наших ничего не могу сообщить. В[ладимир] И[ванович] ждет письма от С[ергея]. Он получил от отца Мирры Ив[ановны], но это ему ничего не говорит. Я как-то раз «сорвалась» и в один из понедельников перед обедом в столовой, когда никого не было, выложила быстро — как в детстве, когда дерзила старшим, — все свои мысли: «Вы ехать не только не должны, но не имеете права, потому что вы губите этим всю свою семью и особенно Н[аталью] Е[горовну». В[ладимир] И[ванович] что-то возражал, а я не слушала и сказала: «Не стоит об этом говорить». В[ладимир] И[ванович] немного надулся, но потом обошлось. А «сорвалась» я потому, что как-то почувствовала, что отъезд — по существу, разрыв. Я чувствую ясно, что мы становимся на разные стороны баррикады, не с Н[атальей] Е[горовной], а с ним. Это очень тяжело, но с этим ничего не сделаешь. Я, конечно, смогу не порвать с ним, так сказать, физически, но внутренний разрыв неизбежен. Это дело не разума, а чувства. Я не могу вынести, что[бы] близкий мне человек вернулся добровольно в Академию после юбилея и речей и всех мерзостей, и вернулся, когда мог не возвращаться, вернулся потому, что дал слово человеку, кот[орого] все и там презирают и ненавидят... И так как-то глупо навязывается мысль о полной отчужденности с тем из приятинцев, кот[орого] после Ивана любила больше всех. А в сущности, остался близок один Иван.

Корнилова не стало.

Из писем Дмитрия Ивановича² ничего не понимаю: кроме того, что он колпак и стал тупым колпаком, хотя, конечно, безусловно честен в мыслях, не говоря о поступках.

Я начала писать по другому поводу, а вдалась в излияния лирической тоски.

Вот еще в чем дело.

Ты, кажется, видел у меня моего близкого друга Аграфену Михайловну Панютину. Это близкий друг Влад[имира] Соловьева, он умер у нее на руках. После его смерти мать Соловьева подарила ей на память золотой брелок, кот[орый] Влад[имир] Серг[еевич] носил всегда не снимая. Это драгоценное воспоминание Панютина вывезла из России и всегда носит. Она хотела оставить его после своей смерти Николаю Трубецкому. Этим летом она прожила с Трубецким, много говорила с ним и пришла к заключению, что он *не стоит* этого наследства, бесконечно дорогого нравственно и совсем *не ценного* денежно. Она решила отдать его после своей смерти тебе и спрашивала меня, достоин ли ты получить его, достаточно ли ты ценишь память Влад[имира] Серг[еевича] и не думаешь ли ты, подобно Трубецкому, что Влад[имир] Серг[еевич] был вреден делу православия и проч[ие] благоглупости, развиваемые дурацким евразийством. Я, конечно, сказала, что ты достоин абсолютно, но что тут есть одно препятствие: у тебя нет детей, и брелок этот не пойдет как память о Соловьеве в семейное достояние Георгия Вернадского. Думаю, что если ты примешь наследство, то в свое время, — то далекое время, когда ты будешь близок к смерти, — ты завещаешь в свою очередь брелок достойному хранить память Соловьева. Напиши, что ты обо всем этом думаешь.

Я все еще сижу у моря и жду погоды, т[о] е[сть] сына. Никаких вестей. Суш[кин]³ обещал справиться и написать Влади[миру] Ив[ановичу]. Жду, а настроение à quoi bon все усиливается.

Крепко обнимаю тебя, очень дорогой мой, и Нину-жену. Нина-сестра уехала немного в лучшем состоянии. Так надеюсь, что дело с ее замужеством устроится — это страшно тревожит Н[аталью] Ег[ор]овну. Как ей не хочется расставаться со своей квартирой! Бедный, бедный друг! Сколько испытаний, сколько тревоги! Как ее слабое тело выносит такую душевную муку — совсем не понимаю.

Всегда твоя

Тетя Саша

Письмо начала 29 окт[ября], а кончаю сегодня, 2 ноября.

¹ Чего ради? (*фр.*).

² Шаховского.

³ Вероятно, имеется в виду Петр Петрович Сушкин (1868-1928) — зоолог, палеозоолог, академик (1923), друг В.И.Вернадского.

Г.В.Вернадский — А.В.Гольштейн

2.11.1925

Bubenec, Buckova 597

Prague

Дорогая тетя Саша!

Месяц тому назад, в первый же день, как я вернулся в Прагу, я выслал тебе через банк свой долг — 200 франков. Но теперь вдруг меня взяло сомнение, получила ли ты деньги, т[ак] к[ак] я сообразил, что не получил из банка добавочного уведомления, что деньги были посланы. Напиши, пожалуйста, получила ли тогда деньги — (ч[то]б не тратиться на марку, можешь переслать записочку через маму).

Хочется еще окликнуть тебя перед отъездом моих родителей из Парижа. По-видимому, папа ничего не получал из Академии? У меня тайная надежда все-таки, что родители задержатся в Праге. Надеюсь, что здесь всегда можно будет папе устроиться до курса в чешском университете, ведь на 1926 г[од] бюджет с фондом на помощь русским ученым уже принят, т[ак] что мое положение на год более или менее обеспечено, а значит и папу с мамой могу поддержать, живя с ними же. Через две недели здесь выборы в парламент, но я надеюсь, что особых перемен не будет.

Целую ручки.

Сверхъестественный племянник Гуля

Привет Юлию Федоровичу, Тате и Каролине Яковлевне.

Нина шлет привет.

А.В.Гольштейн — Н.Е.Вернадской

18.II.[19]26

В тяжелую годовщину, в ряде тяжелых воспоминаний (кончина В[ладимира] А[вгустовича]) получила Ваше письмо. Оно останется для меня также одним из тяжелых воспоминаний. Все, что могла сказать о Вашем отъезде, сказала давно. Считаю, что это безумство, ненужное донкихотство, за которое жестоко заплатите Вы, ни в чем не повинная. Писать не могу — подавлена, как Георгий, бурно волнуясь, как Нина.

Дай Бог, чтоб все мы ошибались, дай Бог, чтоб Вы нашли там возможность жить. Дай Бог, но я не верю и могу только горько

спрашивать — зачем? За что причинять столько горя Георгию и Нине? И ради чего?

С этими горькими чувствами обнимаю Вас, бесценный друг. Да благословит Вас Бог в Вашем подвиге, никому не нужном.

The rest is silence¹.

Всегда и всегда и навсегда Ваша

А. Гольштейн

¹ Дальнейшее — молчанье (англ.).

А. В. Гольштейн — Г. В. Вернадскому

24. II. [19]26

Гуля мой славный и дорогой,

Как писала дорогой и горячо любимой Н[аталье] Егор[овне], я вместе с тобою удручена и вместе с Ниной-дочерью бурно взволнована. Это сплошное безумство. Дай Бог, чтоб Вл[адимиру] Ив[ановичу] не пришлось горько каяться в своем нелепом решении. Хотела бы ошибаться, но, боюсь, что его там прижмут за долгое пребывание за границей и за позднее возвращение. Никто не поверит, что он вернулся, выполняя данное слово, объяснят это тем, что не удалось ему устроить свою жизнь здесь, и вот там, в Совдепии, его будут кормить... Ну, авось, все это чушь и только мои страхи, авось не будут его там прижимать и окажут великий почет. Авось! и дай Бог.

В сущности пишу вздор, ненужный, пишу, чтоб сказать, что у меня, как у тебя, горькое и тяжелое горе на душе. Обнимаю. Думается тоже, что я не выполнила дружеского долга, не высказала Вл[адимиру] Ив[ановичу] прямо, что думаю, не решилась послать того длинного письма из дипломатических соображений. Могу утешить тебя только тем, что там теперь они не будут голодать и холодать. Физическое благополучие будет, а вот как Влад[имир] Ив[анович] вынесет нравственную атмосферу «рабства» (его выражение по приезде сюда) и хамство его друзей — этого представить себе не могу. Думаю, что Ферсману¹ его приезд очень будет неприятен, и он будет интриговать вовсю... Но дай Бог, чтоб и этого не было. Пусть все ему будет хорошо. Но бедной, бесценной Н[аталье] Ег[оровне] будет дурно без тебя и Нины — тут уж нет сомнений, она едет на тяжелую, беспросветную жизнь, надо

только желать, чтоб ее здоровье не пошатнулось опять, — в этом моли Бога, потому что тебе дан дар молитвы.

Еще обнимаю. Когда-то увидимся и что скажем друг другу? Не знаю.

Всегда твоя

Тетя Саша

¹ Ферсман Александр Евгеньевич (1883-1945) — геохимик и минералог, академик (1919).

42

А.В.Гольштейн — Г.В. и Н.В.Вернадским

23.XI.[19]26

Дорогие мои Гуля и Нина,

Да, я не писала, а Вы? После отъезда Ваших родителей не получила от Вас ни строчки. Но не в том дело.

У нас все благополучно, но в этот момент уж очень бессмысленно хлопотливо. Когда это письмо придет, Вы уж будете, вероятно, знать, что Ю[лий] Ф[едорович] должен быть фактическим редактором «Возрождения» при Струве, в качестве политического редактора.

Сейчас все напишу, а пока два слова о Семенове и его пребывании в Праге. В Праге он пробыл два дня, причём заранее написал Петру Дм[итриевичу]¹, поручив ему устроить все нужные свидания. Время было Петром Дм[итриевичем] распределено час за часом. Было время и для Вас, но обедом Ю[лия] Ф[едоровича] у Гримма², где его задержали на полчаса, колесо свиданий и разговоров завертелось вновь, и он к Вам не попал. Он очень об этом жалел и жалеет, а я и вдвое...

«Возрождение»: в горделивом помешательстве непогрешимого папы, Струве никогда не умел выбирать людей, а с «Возрождением» втянул в дело самоуверенного дурака (*imbécile fieffé* — по-французски вернее) Зайцева³, который своим бестактным поведением создал непримиримый конфликт между издательством и редакцией. Гукасов⁴, истративший на «Возр[ождение]» полтора миллиона фр[анков], не захотел долее терпеть отношения к себе как к денежному мешку, обязанному лишь благодарить великих людей за то, что они принимают его деньги, а контора, и типография, в усердии перед хозяином и раздраженная высокомерием не только Зайцева, но редакционной мелкоты, делала редакции всяческие пакости мелкие, но скверные, а редакция систематически платила

тем же. Всякий человек, имеющий хоть смутные понятия о том, что такое газета, поймет, что при таких условиях газету издавать нельзя. Гукасов предложил Семен[ову], как сказала, быть фактическим редактором, а Струве оставаться политическим руководителем, тем, что французы называют *rédacteur politique*. Семенов согласился. Тут началась настоящая русская каша, кот[орая] тянется и поныне. Струве злится, желает сделать из этого личного вопроса вопрос политический. Тут идут разговоры и переговоры. Говорят, привлеченные Струве сторонние люди (очень почтенные) говорят на заседаниях редакционных, говорят по праву разные самые нелепые слухи и т.д. Струве уцепился за Зайцева и его не уступает, а по существу все дело только в нем, в необходимости избавить газету от этого чурбана. Струве не соглашается оставаться, но пока не сказал последнего слова — уйду. И в этой каше варится Семенов, желая во что бы то ни стало сохранить единственную и первую национальную газету, а я в качестве пятого колеса волнуюсь, злюсь, плохо работаю и совершенно зря до полусмерти устаю. До сих пор не *конфиденциально*, а дальше пойдут тети сашинские выходки, кот[орые], Гуля, пишу только для тебя. Ты знаешь, что я далеко не высокого мнения о Струве. Признаю его ум, не берусь судить о его научных заслугах, но и как политического деятеля, и особенно как редактора всегда я оценивала его мало (я ведь близко его видела во время издания «Освобождения»). И как человек он, по-моему, мало ценен. Но все же не ожидала, что он так мелко-низко может себя держать в общественном деле. Мелко и трусливо, задорно исподтишка, без всякого морального удержания перед лицом страшного материального краха мелких людей, кот[орых] он привлек к делу; что он вопросы личные будет возводить на уровень политической проблемы, что во всем будет выступать его самолюбие, его персона и маскировать суть дела, суть конфликта. Дрянной он, маленький человек, «немец с русской душой», но без человеческой души и уж, конечно, без капли русской крови. Бессмысленна русская кровь — знаю, — но она дает «развратную» широту ума, как говорил Бакунин⁵, а я скажу, пожалуй, и развратную, но широту чувства и готовность жертвовать не только самолюбием, но и чем угодно, до жизни включительно. Не могу в письме подтвердить фактами эти мои утверждения — надо писать тогда чуть ли не статью, — но делюсь с тобой *впечатлениями*. Я не от Струве хочу скрыть эти впечатления, я готова все это сказать ему в глаза, но я не хочу, чтоб в *эту минуту* такие суждения исходили от меня, слишком близкого человека к Семенову, и не были бы приписаны ему. Семенов поступает *жертвенно*. Принимая редакторство в газете

уже совершенно испорченной, под страхом быть бойкотированным многими выдающимися сотрудниками (ибо Стр[уве] ставит вопрос, как я слышала и даже знаю, «или со мною или против меня, я уйду, и стало быть с другим нельзя»). Семенов оставляет верный заработок, очень хороший, и рискует, если ему не удастся поставить газету, уйти почти на улицу, т[о] е[сть] без определенного заработка — этот заработок надо будет вновь искать и создавать. Таково положение дела в нашей злобе дня. Еще ничего не решено, и чем все кончится, совсем не знаю.

Такова внешняя политика на Турке⁶, а внутренние дела совершенно удовлетворительны. Я не особенно хорошо отдохнула летом, но более или менее здорова, усилению перевожу и резюмирую английские работы по сифилису, вижу массу людей и устаю от этих свиданий больше, чем от сифилиса. Словом — всё старая тети сашинская жизнь.

Тата все лучше и лучше играет на альте и весной играла в концерте соло с оркестром, играла с *хорошим* успехом, и хорошо играла. Выступить публично соло с оркестром — это, так сказать, офицерский чин.

Каролина все покрикивает от болей.

У нас живет подруга Таты, художница Зина Мандельштам, и я очень рада, что у Таты есть молодое общество.

Очень благодарю Нину за ее письмо. В эту минуту как-то недосужно ей писать — пусть простит.

Агафонов все такой же очаровательный человек, нежно любящий друг. Очень мы теперь близки.

Крепко всех Вас, мои милые, целую.

Тетя Саша

P.S. Струве получал 3000 f[rs.] в месяц и 7 месяцев был вне Парижа. Хорошо это? 7 месяцев из 18?

¹ Долгоруков *Петр Дмитриевич* (1866-1945) — князь, общественный и политический деятель.

² *Гримм* Давид Давидович (1864-1941) — в 1920-1927 профессор Русского юридического ин-та в Праге.

³ *Зайцев* Кирилл Осипович (Иосифович; 1887-?) — историк, журналист. Один из заместителей П.Б.Струве в газете «Возрождение».

⁴ *Гукасов* Абрам Осипович (1872-1969) — нефтепромышленник и финансист, издатель «Возрождения».

⁵ См.: Баулер А. М.А.Бакунин накануне смерти: Воспоминания // Былое. 1907. №7/19. Июль. С.62-87.

⁶ Так в тесном кругу называли Rue de la Tour — парижский адрес А.В.Гольштейн.

А.В.Гольштейн — В.И.Вернадскому

5.VII.[19]32

Дорогой Владимир Иванович,

Очень обрадовалась милому Вашему письму и хотела сейчас же ответить, но удержалась, чтоб дать Вам время всецело предаться свиданию с Георгием. Ведь в Ваших условиях жизни свидание с детьми — крупное событие.

Очень боюсь, что в сентябре мы не увидимся: я в июле уезжаю к Маке и пробуду у него два месяца — так устроилась с отпуском. Во всяком, впрочем, случае должна вернуться не позже 15 сентября. Не знаю, когда вернется «старик», что-то давно не получаю от него писем.

Рада и понимаю, что Вы погрузились в «научный сдвиг», считая его величайшим событием в истории человечества. Тут я не судья, ибо ничего не знаю и ничего в науке не понимаю. Мое настроение иное: мне представляется, что великие успехи науки совершили величайшее зло для человечества: они сдвинули цивилизацию человечества на путь механизации и крайнего либерализма. Мне, человеку очень старому, тяжело жить именно при этих великих достижениях научных открытий, при их применении к жизни людей. Эта механизированная жизнь накладывает на душу людей какой-то противный матерьялистический отпечаток. Кажется, не сегодня, так завтра всех людей заменят машины, тот [нрзб.] отпечаток, кот[орый] теперь говорит на жел[езно]-дор[ожных] станциях и уведомляет в телефон, что номер телефона переменяли. Это страшно для меня. Кроме того не знаю, насколько при отсутствии правильных условий политических и социальных условий и самая наука может идти вперед. Рядом с общим озверением озвереют, вероятно, и ученые.

Не понимаю Вашего рассуждения о народе. Почему мы с Вами не народ? Ведь мы никогда крепостными не были, а члены народа такие же, как бывшие крепостные. И трагедия в этом. Всякий народ может все вынести, но не может вынести отсутствия своей головы, своего мозга. Крепостное право голову имело, *не главу*, а голову. При крепостном праве были и поэты, и ученые, и торговцы, и кулаки, а из этих «кулаков» вышла вся крупная русс[кая] промышленность. Все с полной или значительной свободой инициативы, совершенно личной. Теперь есть *глава*, притом коллективная, но головы не вижу и все слышу, что и то, что осталось, надо снять, и знаю, что снимают. Трудно при таких обстоятель-

ствах выжить. Жаль, очень жаль, но со страхом думаю, что не выживем.

Про себя не пишу, потому что все писала Нат[аше] да и Георгий расскажет, хотя виделись мы с ним плохо, трудно после долгих лет разлуки что-то сказать в течение часа-двух.

Вот Вы пишете о конце жизни — Вам рано об этом думать, а вот я чуть ли не [с] каждым месяцем чувствую постарение. Еще много могу делать, но все делаю медленно и при всякой торопливости страшно устаю. Не думайте пока о конце — он от Вас сравнительно далек, слава Богу.

Обнимаю Вас, и всех детей, и внучку.

Ваша Александра

P.S. Начала письмо 5-го, а кончила сегодня 7-го. Усиленно шью, готовлюсь к отъезду.

А.В.Гольштейн — Н.В.Толль

6.XI.[19]32
14, rue de Montmorency
Boulogne-sur-Seine

Дорогая, всегда горячо любимая, милая Нина!

Совсем тронута твоими письмами. Все ясно понимаю — и почему не писала, и как живешь, и как хорошо ко мне относишься, и за все радуюсь, и за все благодарю, и крепко тебя целую. Все же выходит, точно мы поговорили «в моей комнате», только говорила ты, а теперь буду говорить я.

Прежде всего страшно рада, что ты практикуешь, и еще более рада, что сразу получила клиентов. Важно необыкновенно в наше несуразное время, чтобы женщина была материально независима. Независимость эта, конечно, для матери неестественна, но с этим ничего не поделаешь, родились вы все поздно, когда женщина — на свое несчастье — сравнялась с мужчиной и взяла на себя материальную заботу о семье, т[о] е[сть] платную работу сверх домашней — детей, хозяйства: в этом несчастье современной женщины. По-моему, несчастье и семьи, ибо женщина прежде создавала семью, весь ее дух, а теперь ей это так же недосужно, как и мужчине было сперва. Но этого не изменишь, и вы, молодые, приспособитесь к этому, по существу, неправильному укладу жизни. Не беспокойся о том, что не можешь еще чему-то учиться. Привожу цитату одного немецкого медика-проф[ессора] — забыла

кого — ее, цитату, часто приводил Влад[имир] Август[ович]: «Verzeih mir Gott dass ich durch viel studieren, den Sinn fürs praktische verlor»¹. Практика при личной ответственности даст тебе больше *знаний*, чем сотни клинических лекций и проч[ее]. Поэтому не стремись еще к учению — довольно, надо теперь творить свое, свои точки зрения, свои приемы.

Как мы выделись с Влад[имиром] Ив[ановичем]? Буду откровенна, м[ожет] б[ыть], чрезмерно, а ты меня прости, если огорчу. К Влад[имиру] Ив[ановичу] у меня неизменно братская *любовь*, поэтому все, что мне в нем не нравится, я ощущаю сильнее и острее, чем если бы мое чувство к нему было более холодное. Мне тяжело его видеть, потому что я все его поступки осуждаю. По моему мнению и чувству он своим отъездом в Совдепию разрушил свою *чуждую* семью и поставил бедную Наташечку в трагические для нее условия, Георгия и тебя в тяжкие условия. Ведь Георгий страшно страдает от разлуки с матерью, не может отделаться от вечной тревоги за родителей, и это при его *глубине* души! Чего это ему стоит. Думаю, что и твоя жизнь отравлена... У Влад[имира] Ив[ановича] есть его наука, а что остается Нат[алье] Егор[овне]? Вечная тревога, вечные лишения, вечная разлука с детьми и внучкой, вечная мысль при отъезде *туда*, что она м[ожет] б[ыть], уже никогда своих любимых не увидит. Слабая она телом, все это ее грызет и сокращает ее жизнь, а жизнь ее прекрасная была, и сама она такая светлая, такая нежная для всякого, кто имел счастье к ней подойти. И все эти страдания она, уже старая и слабая здоровьем, должна нести из-за какого-то донкихотского порыва Влад[имира] Ив[ановича], что он убийцам и мерзавцам дал слово вернуться! Вот всего этого я не могу ему простить. Любовь моя остается, говорить ему, что думаю, не могу, потому что если заговорю, то будет резко, может быть, даже грубо, любовь останется, но отношений больше не будет. Будь он менее близок, было бы легко говорить, нечего было бы беречь, да и чувствовалось бы все не остро, не чувством, только умом, а ум это дело второстепенное. Вот почему свидание наше для меня было плохое: он говорил много о своей науке, в кот[орой] я ничего не понимаю и кот[орая] меня абсолютно не интересует, так что я почти не слушала. Про себя мне ему говорить нечего — его не может интересовать моя духовная жизнь, вся сосредоточенная на горечи мыслей о России и на кровной ненависти, непримиримой, животной, к тем убийцам этой России, которым он служит. Ко всему этому прибавлю еще тяжелое чувство обиды за Влад[имира] Ив[ановича], когда слышу ему осуждение. Зачем этот человек, прошлое кот[орого] было полно благородства, поставил себя в двусмыс-

ленное положение? Конечно, не думаю, чтоб он подписывал подлые заявления «академиков», но ведь он ихний академик и за академию отвечает. Научно работать он мог бы и здесь... Вот, Нина, совсем откровенное сообщение, своего рода исповедь.

То, что пишешь про мою Наташечку, меня не удивляет. Я это чувствовала в каждом ее письме: ужас ее жизни там, ужас возвращения туда, м[ожет] б[ыть], на голод, на унижение при необходимости молчать, все терпеть молча. Она всегда была правдива и пряма, ей молчать нелегко, не говоря о всем остальном. И зачем он приехал сюда один, зачем не доставил Нат[алье] Егор[овне] возможность видеть здесь друзей и родных? Разве это хорошо? Ведь ей было бы хорошо вздохнуть этим Парижем, кот[орый] она так любит. Нехорошо. И все это я чувствовала и переживала при наших свиданиях. Теперь ты всё, всё знаешь.

Письмо сие беспорядочно, пишу, точно говорю, немного a bâtons rompus².

Очень радуюсь замужеству Таты. Тата ведь последнее звено, держащее меня в жизни. Тата не может жить без опоры, это характер особый, музыкальный, она из тех женщин, кот[орые] до глубокой старости сохраняют какую-то детскость. Тот ужас, кот[орый] называется жизнью, им не по силам выносить без опоры. Всегда со страхом думала, что с ней будет, когда я умру. А теперь говорю «ныне отпускаеши, Господи, раба Твоего с миром». А я, Нина, так устала жить, что мне прямо необходимо просто ждать смерти, не бояться умереть, — теперь это мне дано. Будущий муж Таты меня заменит с большим успехом. Это человек сердечный, простой, дельный, Тату глубоко любит (так мне кажется), ему более сорока лет, значит, знает, что делает, и понимает Тату со всеми ее недостатками и достоинствами. Я покойна.

Крепко обнимаю. Благодарю Ник[олая] Петр[овича]³ за дружеские слова. Еще целую.

Всегда твоя

Тетя Саша

Оба твои письма пришли на старый адрес. Сей новый запиши.

¹ Спасибо, Господи, что столь многое из изученного мною утратило смысл в практической жизни (нем.).

² перескакивая с одного на другое (фр.).

³ Толль Николай Петрович (1894?-1985) — археолог, муж Н.В.Вернадской.

А.В.Гольштейн — Н.Е.Вернадской

17 октября 1936
14, rue de Montmorency
Boulogne-sur-Seine

Дорогой мой друг Наташечка!

Вчера *дивно* виделась с Влад[имиром] Ив[ановичем]. Провели мы вместе *почти* целый день. Никаких знаменательных слов мы друг другу не сказали, но я глубоко почувствовала всю силу нашей давней дружбы, почувствовала сердечную любовь Влад[имира] Ив[ановича]. Очень было отраднo это свидание, особенно *мне теперь*: ведь так возможно, что оно последнее. Влад[имир] Ив[анович] говорит, что не уверен в приезде на будущий год, а я не уверена, что буду жива на будущий год. В мои годы (86) нельзя задумывать вещи на год вперед, хотя можно прожить и больше года.

Все нашли, что Влад[имир] Ив[анович] имеет чудесный вид, гораздо более здоровый, чем в прошлом году, — это очень, очень хорошо.

Говорил мне Влад[имир] Ив[анович], что и Вы, родная, чувствуете себя очень хорошо. Давай Бог. Да, все хорошо, но я с грустью думаю о Георгии, — как ему тяжело не видеть отца, а если Влад[имир] Ив[анович] не приедет на будущий год, то когда они свидятся? Ведь Георгию, конечно, безумно ехать в Москву, даже при американском гражданстве. Так мне кажется. Хотя не гаснет — и даже разгорается надежда, что большевики исчезнут... Но «мечты, мечты, где ваша сладость», а все же «вечная к ним рифма радость», поэтому почему не помечтать?

Вас страшно хочу видеть. Если приедете на будущий год, устроюсь так, чтоб приехать в Прагу, буду копить деньги и приеду, если буду жива.

Много говорил Влад[имир] Ив[анович] про Вашу внучку. Большая это Вам радость.

Я в этом году провела три месяца у Маки в Савойе (в горах) около Женевы и в самой Женеве. У вас одна внучка, а у меня, как по моему возрастному чину полагается, 6 правнуков, есть между ними интересные, есть плохенькие.

Ну, родной старый друг, до свиданья! Вдруг увидимся? Крепко, крепко обнимаю.

Всегда Ваша

А.Г.

А.В.Гольштейн — Г.В.Вернадскому

[1936?]

Дорогой Георгий,

Очень и очень благодарю тебя за твое последнее письмо. Так была довольна твоими словами о моей «речи», что наконец начала серьезно думать, а потом писать свои воспоминания¹ о Драг[оманове]. Что я должна была их написать, это я знала, но меня всегда от писания чего бы то ни было останавливают две вещи: à quoi bon? и прямо чуть не отвращение от того, что напишу. Теперь вижу, что мое писание будет интересно и даже нужно тебе, что оно будет плохо написано, это не имеет никакого значения, ибо все значение этих воспоминаний заключается в их правдивости, разумеется, не абсолютной, но такой, какую я видела и запомнила. Не скоро кончу эту работу. Раз я начала, хочется сказать как можно больше. Очень трудно будет писать о его политической деятельности за границей — это очень сложно, многое ему надо было тщательно скрывать, напр[имер] такие вещи, как свидание с Желябовым...

О себе сказать нечего — *les peuples heureux et les vieux n'ont pas d'histoire*². Слышала, будто твои родители приехали, но никаких вестей от них не имею.

Крепко обнимаю.

Твоя тетя Саша

¹ См. прим.1. к письму №2.

² У счастливых народов и стариков истории нет (*фр.*).

А.В.Гольштейн — Г.В. и Н.В.Вернадским

21 января 1937

14, rue de Montmorency
Boulogne-sur-Seine

Дорогие и милые друзья Гуля (с его разрешения) и Нина.

Обрадовала меня ваша открытка ненадолго: как только проч[ла] ее, так и огорчилась! Слава Богу, что Георгий уже на ногах и без температуры, что самое главное.

Где это он схватил эту болезнь? Простудился или заразился подлым гриппом, который принимает теперь, как чума, самые неожиданные формы... Воображаю, бедная Нина, твои страхи и тревоги. Нечего сказать, хорошенький вам выпал Новый год.

У нас благополучие среднее: заболела Каролина, никакой «менажки» у нас тут найти трудно почти нельзя, пришлось и за больной ходить, и в доме все делать — устала. Теперь Каролина на ногах, и я отдохну.

На праздники к нам приезжала Тата. Она совсем молодец, увлечена *землей*: пчелами, огородом, цветами. Страшно рада за нее и ее жизни завидую. Ведь вы знаете, что она вышла замуж за русского, бывшего офицера Белой армии, пчеловода.

Лоло в Алжире, служит. Женился, своей судьбой доволен.

Юлий Федорович по-прежнему редактор «Возрождения». Работает много, но при теперешнем нашем жидо-социалистическом министерстве рабочие синдикаты, сплошь большевистствующие, устроили ряд неприятностей, вынудивших издавать не ежедневную газету, а еженедельную.

Ваша покорная слуга — я, стара, гложу, всякое физическое усилие утомляет безмерно, но, кажется мне, голова еще на плечах, хотя все забываю, но не в работе, свою работу еще делать могу.

Об ваших родителях ничего не знаю уже давно. Часто вижу Агафону, с кот[орым] говорим о вас.

Шлю сердечный привет, крепко обнимаю.

Всегда Ваша

А.Гольштейн

48

А.В.Гольштейн — Г.В.Вернадскому

17 апр[еля] 1937
14, rue de Montmorency
Boulogne-sur-Seine

Воистину Воскресе!

Дорогой друг Гуля,

Всегда готова ответить тебе о всем, что ты пожелаешь меня спросить... Но вот что плохо — голова моя лишена всякой памяти и близких событий, и дальних. Мне кажется, что пестрая моя жизнь, невероятное число самых разнообразных людей, большое число мелких дел, в которые меня вводила эта жизнь, всё перепутали в

моей памяти. Только получив твое письмо от 8 апреля, я вспомнила, что существовал Павлик¹, и что у меня была с ним переписка по поводу писем Драгоманова, но совсем не могу вспомнить, чем она кончилась. По этому поводу сообщаю тебе, под *полным секретом*, что после смерти М[ихайло] П[етровича] его жена Люд[мила] Михайловна² отнеслась ко мне с большим недоверием и даже враждебно. Мож[ет] быть, ты найдешь ее письма ко мне в этот период. Смутно помню, что ввиду этой враждебности я совершенно отстранилась от дела Драгоманова, ибо глупой женщине ничего объяснить нельзя, когда она вступила в роль вдовы великого человека! Думается, что письма изданы не были, ибо остались у меня, но, м[ожет] б[ыть], Павлик снесся с Люд[милой] Мих[айловной], и все это дело они сделали, не сказав мне, или я забыла, что произошло. Ты, может быть, найдешь еще письма Павлика, и что-нибудь они тебе выяснят. Почти убеждена, что у меня нет печатных писем Драгоманова. Во всяком случае, у тебя ведь подлинники, а не копии.

Хотела писать тебе, отвечая на твое первое письмо, когда получила второе. По поводу первого письма хотела сказать, что жалею, что ты совсем не пишешь о себе, о Нине, о том, как вам живется.

Влад[имира] Ив[ановича] видела прошлым летом. Кажется мне, что Антихристово отродье его подтянуло: он ко мне не приезжал, а выслал за мною племянницу Агафонова, у кот[орого] останавливался, и я ездила к нему. Боюсь, что его больше за границу не пустят.

Ну вот, крепко обоих обнимаю.

Всегда твоя тетьа Саша

¹ Павлик Михайло Иванович (1853-1915) — украинский писатель, публицист и общественный деятель.

² Драгоманова (урожд. Кучинская) Людмила Михайловна (1842-1918) — общественная деятельница, до замужества актриса.

Дорогой друг Гуля,

Спасибо за письмо. Отвечаю на него немедленно не потому, что оно требует немедленного ответа, а потому, что если я не отвечаю немедля на дружеское письмо, то — иногда — совсем не отвечаю.

Дружеское письмо — это разговор с другом; не надо думать, а просто сказать, что захочется. Только на деловые письма не отвечаю быстро — там надо соображать, писать с опаской. А какая опаска, когда пишу тебе? Никакой.

С письмами Драгоманова¹ делай, что хочешь: они *твои* теперь. Я знаю, что ты не способен комментировать их как-нибудь обидно, что ли, для моего умершего друга. Если тебе будут нужны какие-нибудь сведения, спроси, — все напишу, что знаю. Я теперь решила было писать свои воспоминания о Драгоманове. Если напишу, то вышлю тебе. Печатать их никто не станет, пусть лежат у тебя.

Год или два тому назад украинцы в Женеве устроили собрание в честь Драгоманова и вызвали туда меня. Пришлось говорить по-французски. В первый раз в жизни говорила публично — я не умею — пришлось написать и читать тайком. Если эту рукопись найду, то пришлю тебе. Хохлы мною остались довольны. Кроме того, в великом хаосе моих книг я нашла недавно пакет с надписью: G.V.Vernadsky, не моей рукой написанной. Вскрыла. Оказалось, письма к твоим родителям и пакет, моей рукой написанный: «Гольст[ейн] — письма из России». Ничего не читала, но поняла, что это и есть «архив кадет», о котором я писала. Пакет этот при переездах с квартиры на квартиру, очевидно, засунули под книги в мою, с позволения сказать, библиотеку, кою всегда устанавливал мой друг Лукаш²! И так, через не знаю сколько лет, вышлю тебе наконец это твое добро. Я думаю, что эта посылка будет для тебя куда занятнее и нужнее моей переписки. Смутно помнила, что у меня есть документы ли, письма ли, переданные мне твоими родителями, но считала, что они в сундуке с письмами, оказалось через несколько лет, что они в отдельном пакете. Не сердись на старую тетю Сашу. Дело в том, что когда мы меняли квартиру, Семенов и Тата ссылали меня к Боткиным на все время, пока новая квартира не устроена окончательно.

Пока до свидания, хотя бы письменно. Крепко обнимаю и тебя, и Нину. Радуюсь, что живете хорошо, теперь это явление редкое.

Всегда твоя

А.Гольштейн

¹ См. прим. 1 к письму №2.

² Лукаш Иван Созонтович (1852-1940) — писатель, с 1921 в эмиграции.

А.В.Гольштейн — Г.В.Вернадскому

10 июня 1937
14, rue de Montmorency
Boulogne-sur-Seine

Дорогой друг Георгий и неизменно милый Гуля,
Твое письмо от 29-го имело для меня большое значение: ты меня устыдил. Я начала свои воспоминания о Др[агоманове] и забросила. Всегда у меня есть чувство — «à quoi bon?» в соединении с вечным чувством, что то, что пишу, скверно написано, никому не нужно и т.д. Когда же написал, что просишь прислать эти воспоминания тебе, я решила, что написать их надо, что они кому-то, значит, нужны, и вот разобрала кучу рукописей, нашла женеvскую речь, начало воспоминаний и приготовилась серьезно работать.

Посылаю женеvскую речь. Она была сказана в тот день, когда хохлы прибили торжественно доску к дому, где жил Драгоманов, где написано: «Mikhaïlo Dragomanov — patriot ukrainien», этим и объясняется окончание моей «речи». Не знаю, поймешь ли ты мои каракули, ведь это был спешный перевод по-русски написанной речи, когда хохлы просили (правильно) говорить по-французски. Это *шпаргалка*, по которой я говорила.

Мои воспоминания будут только более подробным развитием этого конспекта, кое-что, вероятно, прибавлю.

Пока крепко обнимаю и тебя, и Нину.

Твоя А.Гольштейн

ПИСЬМА А.А.ГВОЗДИНСКОГО Е.Л.МИЛЛЕР (1918-1921)

Публикация, вступительная статья и комментарий
О.Р.Демидовой

В судьбе автора публикуемых ниже писем, словно в зеркале, отразились все события российской истории текущего столетия: войны, революции, эмиграция. Жизнь Гвоздинского сложилась трагически, но — и типично для русского человека его поколения.

Алексей Антонович Гвоздинский, сын драгомана Императорского Российского посольства в Турции, родился в 1883 в Константинополе. По окончании гимназии поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, однако курса не окончил и до начала Первой мировой войны работал маклером у старшего брата-биржевика (у отца Гвоздинского от первого брака было три сына и две дочери). В студенческие годы Гвоздинский жил у военного инженера генерала Мясковского, отца известного композитора, и там познакомился с В.А. и Е.Л.Миллерами. Дружба Гвоздинского с четой Миллеров продолжалась до конца 1940-х.

В 1914 Гвоздинский был призван на военную службу и отправлен сапером-прапорщиком на фронт, где попал в плен с армией ген. Самсонова. После окончания войны всех военнопленных вернули в Россию; Гвоздинский добравшись до Одессы, откуда бежал в Константинополь после того, как французское командование сдало город большевикам.

В Константинополе Гвоздинский прожил до осени 1921, после чего через Рим перебрался в Германию. В 1920-е был секретарем герцога Лейхтенбергского.

Конец Второй мировой войны застал Гвоздинского и его жену Софию Яковлевну Иванову в Польше. Супруги решили не возвращаться в Баварию, надеясь, что польское подданство Софии Ивановой обеспечит им безопасность, однако их надежды не оправдались. Вернее всего, они подверглись принудительной репатриации. Е.Л.Миллер в сопроводительной записке к письмам Гвоздинского высказывает и другое предположение. Любимая сестра Гвоздинского Маруся (о ней не раз упоминается в письмах) была вместе с мужем, бывшим офицером, сослана из Одессы на Камчатку. Возможно, Гвоздинский решил во что бы то ни

стало найти сестру и для этого рискнул вернуться в Россию. По непроверенным сведениям, ему удалось отыскать сестру и племянников. Последнее известие о нем Миллеры получили в 1947, после чего связь окончательно оборвалась. Где и когда закончился земной путь Алексея Гвоздинского, неизвестно.

О жизни Елизаветы Леонидовны Миллер сохранились более подробные сведения. Родилась 30 мая ст.ст. 1884 в Петербурге, в семье известного юриста Леонида Яковлевича Лозинского. Окончила Литейную женскую гимназию и Высшие женские курсы (1905). Через несколько лет поступила на курсы Alliance Française, по окончании которых в 1914 ей было присвоено звание домашней учительницы. В 1907 вышла замуж за Владимира Анатольевича Миллера, друга ее брата Михаила и ученика ее отца. У Миллеров было двое детей, умерших в детстве.

В конце 1918 супруги Миллер покинули Россию. После нескольких лет жизни в Дании и Англии они обосновались в Париже, где прожили 26 лет. После Второй мировой войны переехали в Южную Африку, в Йоганнесбург (1947). В 1958 умер В.А.Миллер; после его смерти вдова попыталась вернуться во Францию, однако ей не удалось получить разрешение французских властей. Последние годы Е.Л.Миллер провела в доме для престарелых под Йоганнесбургом; сотрудничала в южноафриканских газетах, писала для «Нового русского слова», работала над воспоминаниями, которые передала в Архив русской и восточно-европейской истории и культуры (Бахметьевский) при Колумбийском университете. Вместе с воспоминаниями архиву были переданы многочисленные документы и обширная переписка. Значительную часть последней составляют письма Гвоздинского.

Гвоздинский писал Миллер на протяжении двадцати пяти лет, с 1919 по 1946 (виделись они в последний раз в 1914). Для настоящей публикации отобраны письма первого периода эмиграции (до 1922), написанные из Константинополя, Рима и Берлина.

Письма печатаются по разрешению Бахметьевского архива. Тексты приведены в соответствии с правилами современной орфографии; дописывания и смысловые конъектуры заключены в квадратные скобки.

Публикатор благодарит фонд IREX, стипендия которого сделала возможной работу в архиве, и выражает благодарность К.Ю.Лаппо-Данилевскому и М.А.Моминой за помощь в подготовке комментария.

1

Константинополь
28.VII.1919

Дорогие Елизавета Леонидовна и Владимир Анатольевич¹,
Разрешите мне отвечать вам сразу обоим вместе. Письма ваши получил сегодня; нужно ли говорить, с какой радостью я читал эти строки, которых ждал так долго и нетерпеливо! Я написал еще

одно письмо в Копенгаген, направив его через наше посольство в Париже; оно, вероятно, уже не застало вас в Копенгагене².

Напрасно Вы думаете, Елизавета Леонидовна, что я пренебрег Вашим приглашением ехать в Копенгаген. О, как я стремился туда! Все делал, что было в моих силах, подавал всякие Gesuch'и³, но ведь проклятые «боши» не пускали! Можно было возвращаться только в Россию, и всех туда отправляли. Я должен благодарить судьбу, которая в конце моих странствований из лагеря в лагерь занесла меня в Гютероль, недалеко от бельгийской границы. Когда немцы должны были очистить Бельгию, им понадобились помещения для возвращавшихся войск, и наш лагерь был в 3 дня эвакуирован.

Возвращение на родину я еще и теперь вспоминаю с проклятиями и отвращением. Всю Германию я проехал в 3 дня, а от Вержболова до Одессы ехал 22 дня. До сих пор вспоминаю с содроганием чувство ужасного холода, от которого я страдал весь этот долгий путь; ехал я все время в товарных вагонах, порой разбитых, с неубранным навозом; питался главным образом чаем и хлебом. Ехал я каким-то кружным сложным путем через Гомель, Харьков, Полтаву, так как все время приходилось лавировать между большевиками и петлюровцами. Меня окружала тупая, злобная чернь с ее опостылевшими разговорами о «буржуях», пьющих кровь, о том, что их надо резать, резать и резать. Меня, знавшего Россию только 1914 года, поразил этот всеобщий развал и беспорядок, грязные, заплыванные вокзалы, разбитые ободранные вагоны, фантастическая дороговизна, отсутствие интеллигентных лиц... Да, я иначе представлял себе возвращение на родину! Все дороги, все вокзалы были забиты толпами голодных и оборванных пленных; это были существа, потерявшие облик человека, они были предоставлены самим себе, никто о них не заботился, никто их не принимал, не давал каких бы то ни было руководящих указаний. Питательные пункты только начинали организовываться, и то на юге, по инициативе частных лиц и после того, как из вагонов выносили окоченевшие трупы пленных, умерших от истощения.

Наконец добрался я до Раздельной и тут, в 60 верстах от Одессы, застрял на 4 дня: попал я туда в те дни, когда Петлюра «брал» Одессу, в Раздельной находился штаб командующего отрядом, дальше никого не пускали. Наконец Одесса пала; украинцы ликовали, точно одержали величайшую победу. В тот же вечер я был среди своих.

Через несколько дней на улицах Одессы трещали пулеметы, гремели пушки; это добровольцы выгоняли Петлюру; за ними

шли французы, обеспечивая им тыл. Так была оккупирована Одесса союзниками. На рейде стояли колоссальные серые утюги — «Ernest Renan», «Mirabeau» и другие; на улицах толпились голубые «poilus»⁴. Я часто вступал с ними в беседу и каждый раз выносил скверное впечатление; во всех речах их сквозило недовольство тем, что их прислали в Россию, желание скорее разъехаться по домам. А некоторые заявляли откровенно, что большевики совсем порядочные люди, и драться с ними решительно незачем. У меня еще в январе сложилось весьма определенное впечатление, что от французов добра не будет. Так оно и вышло. Одесса в очень скором времени была наводнена большевицкими агитаторами, которые в несколько недель распропагандировали французские полки. Начались случаи открытого нарушения дисциплины; однажды один полк в полном составе отказался выступить на фронт.

После взятия большевиками Херсона и Николаева Одесса переживала сильную тревогу. Тогда французское командование опубликовало приказ, в котором говорилось, что Одесса ни в коем случае не будет оставлена союзниками, и что они обеспечат Одессу продовольствием для 1 млн. людей. В городе после этого стало немного спокойнее, несмотря на то, что продовольственный кризис принял крайне острую форму. В этой области происходило что-то загадочное; всего в Одессе было вдоволь: хлеба, мяса, круп, яиц, молока... а цены росли, и дороговизна стояла неимоверная. Отличный белый хлеб продавался в неограниченном количестве по 9 руб. за фунт в то самое время, как город выдавал населению ежедневный паек — в 1/8 фунта скверного серого хлеба. Чего в Одессе не было, так это — топлива. Отсутствие угля вызвало совершенную остановку трамвайного движения, неправильное функционирование электрической станции, так что мы иногда целыми днями жили во мраке, прекращение подачи воды в верхние этажи. Какая грустная зима была в этом году в Одессе! Я вспоминаю темные вечера, стужу в квартире (в нашем доме с центральным отоплением топку прекратили в январе, когда как раз наступили сильные морозы)... вспоминаю плач детишек, которые забнут и которых нервирует полумрак... всегда при этом чувствовалось более или менее сильное желание есть.

Настроение в городе продолжало оставаться напряженным. Грабежи не прекращались. Как только наступала ночь, во всех частях Одессы начиналась стрельба, длившаяся до рассвета. Кто стрелял? почему? так это оставалось невыясненным. И как мне надоела эта стрельба, как опостылел вид вообще русской толпы с ее основным тоном — серой солдатской шинели и неизбежной

винтовкой. Серая шинель и винтовка — вот символ теперешней России.

Через 2 недели после известного приказа генерала Ансельма⁵ о том, что Одесса никогда не будет сдана, вышел за подписью того же Ансельма новый приказ, возвещавший изумленной Одессе, что союзники ошиблись, что они не могут обеспечить ее продовольствием, и потому будет приступлено к эвакуации города. Это было 3 апреля. На другой день в газетах появилась телеграмма из Парижа о падении Клемансо, которому палата выразила недоверие за его политику интервенции в русские дела. Впоследствии мы узнали, что это была ложь, но ее пустили для того, чтобы хоть как-нибудь оправдать бегство французов из Одессы, говоря — бегство, ибо о планомерной, спокойной эвакуации смешно даже и говорить.

В Одессе началась безумная паника. У дверей банков тянулись бесконечные очереди обывателей, бросившихся к своим текущим счетам и сейфам. Все ринулись в порт на пароходы, на вокзал; до чего люди потеряли голову, можете судить по тому, что за франк давали 10-11 рублей, а за английский фунт — 200 руб.

На улицах царил страшная суeta. В порт тянулись отряды французов и греков с обозами, по всем направлениям мчались грузовики. Два дня спустя я видел, как французы и греки топили в порту грузовик за грузовиком, ящики со снарядами и разными припасами. Вообще же они оставили большевикам богатую добычу. За время французской оккупации в Одессу было навезено много всякого добра; разумеется, они не успели вывезти за 3 дня все то, что привозили 3 месяца, и так торопились уйти, что не имели времени испортить или уничтожить все.

Небольшая горсть добровольцев была брошена на произвол судьбы; им сказали просто — спасайся, кто может! И каждый спасал себя, как умел: одни уходили в Аккерман (это ведь уже за границей! в Румынии!), другие спасались в Крым, Константинополь.

Все это казалось загадкой: ведь союзников в Одессе было около 60 тысяч с танками и артиллерией. Каким образом эта армия не смогла отстоять Одессу? Ведь в конце концов выяснилось, что Одессу взял отряд Григорьева⁶, в котором насчитывалось максимум 3 тысячи человек! Объясняется все это просто тем, что французские солдаты не хотели драться и все время отступали без выстрела.

Между тем, надо было действовать. Брат Вл[адимир] Ант[онович]⁷ уже давно решил отправить жену и пасынка в Италию; они уже имели визу. За неделю до этих событий, решив, что оста-

ваться долго в Одессе нехорошо, я стал хлопотать о визе и должен был получить ее как раз в эти панические дни. В Bureau des passeports французского командования толпилось множество алчущих этой визы. Французы пытались водворить порядок, но вместо этого вносили еще больший беспорядок и, обозлившись, били нещадно всякого, кто им подвернется. Я был свидетелем гнусного зрелища, как французский матрос до крови избил весьма почтенного господина, а за что? Вероятно, за то, что тот плохо понимал по-французски; он стоял, беспомощно озираясь кругом, и тщетно спрашивал: «За что?», а по лицу текли слезы и кровь. — В то же время французы сохраняли традиционную вежливость по отношению к дамам, которых всюду пропускали первыми.

Я получил свой паспорт, простояв весь день в очереди, но без визы, в коей мне отказали. Несмотря на эту неудачу, я все-таки попал на пароход, уходивший в Константинополь, два раза обманув бдительность французов, охранявших подступы в порт. Это были немного волнительные моменты, но все обошлось благополучно, и я очутился на пароходе без визы, без билета.

5 апреля я покинул Одессу, где уже выступили местные большевики, и по всему городу трещали ружейные выстрелы. Трудно передать, с каким тяжелым чувством я уезжал, как тяжело мне было расставаться с Марусей⁸ и как невыразимо жаль ее, бедную! Осталась она потому, что не решалась в этой панике ехать с детьми, и потому, что не было у нее решительно никаких ресурсов. Ей, бедной, нелегко жилось в Одессе еще до большевиков. Она жила только для детей, вся ушла в заботы о них, о том, чтобы они были сыты. А это был большой и тяжелый труд. Все сбережения, сделанные до и во время войны, были израсходованы; ценные вещи частью проданы, частью заложены. И в то же время она с какою-то стоической твердостью переносила все житейские невзгоды. Порой я прямо с изумлением, с восторгом преклонялся перед моей сестрой, и мне сейчас кажется такой вопиющей несправедливостью, что эта редкостная мать и героическая женщина должна страдать в этом царстве озверелой черни и всякой сволочи. И я уезжал из Одессы без тени радостного чувства, озлобленный, измученный духовно и физически.

В доброе старое время переезд из Одессы в Константинополь был очаровательной прогулкой, которая длилась всего 30 часов; теперь мы попали в Стамбул только на 11-й день, наш путь был долг и труден — настоящее «хождение по мукам».

Огромный океанский пароход «Corgovado» был переполнен французскими, греческими солдатами и беженцами. Все каюты, столовые, салоны, коридоры, трюмы, положительно все углы

были заняты людьми и их багажом. Грязь везде была умопомрачительная, и никто ее не убирал. За все время нашего пути мы не могли получить горячей пищи, хотя на кухне готовили, но это было исключительно для французских офицеров. Нам же ежедневно выдавали банку консервов и несколько галет. Самое неприятное было — грубое отношение к нам французов; порой я не верил своим ушам и глазам, и мне казалось, что это — переодетые немцы. И отношения все время обострялись, иногда, впрочем, по нашей вине. Когда мы стояли на Константинопольском рейде, был такой случай: французские офицеры, занявшие роскошный салон I класса, каждый вечер устраивали там кутежи с какими-то накрашенными девицами из Одессы, играли на рояле, пели. Некая экспансивная русская дама не выдержала и, явившись к офицерам, стала их упрекать: «Вы нам изменили! Вы нас покинули, бросили! Как вы можете после этого веселиться?» На эту неумную демонстрацию французы ответили еще лучше: французский лейтенант, заведывавший выдачей продовольствия, объявил, что после этого всем русским будет прекращена выдача съестных припасов. Нужно, впрочем, сказать, что обиженные французы не привели в исполнение своей угрозы.

По приезде в Константинополь (на вторые сутки после выезда) нам объявили приказ генерала Franchet d'Esperey⁹ о том, что все иностранцы должны быть высажены в Константинополе, а все русские, после того, как выдержат карантин и подвергнутся дезинфекции, должны быть отправлены в Новороссийск. Понятно, все возмутились: зачем в таком случае французы давали визы на Константинополь и *au-delà*¹⁰ заставляли платить за билет до Конст[антинопо]ля (без каюты, продовольствия) 80 франков или 800 рублей (хороший курс? установлен французским командованием). К чему было подвергать нас карантину и затем отправлять в Новороссийск, это гнездо сыпного тифа? К счастью, французы не выполнили своего намерения и, продержав нас на рейде 9 дней, наконец выпустили на берег. — В довершение всех наших мытарств, мою *belle soeur*¹¹ обокрали; она везла часть своих драгоценностей в небольшом чемоданчике, и вот этот невзрачный чемоданчик исчез безвозвратно, а стоил он 40000 рублей.

В это же самое время англичане эвакуировали массу беженцев из Крыма, без всяких задержек выпустили их на Принцевы острова, дали приют и пищу.

Как бы то ни было, нас выпустили, и мы покидали «Согсвадо» с чувством невыразимого облегчения, точно вырвались из тюрьмы. Мы поселились на Принкипо. Здесь меня окружало все,

что я так люблю: теплое море, голубое небо, солнце, ясная кроткая природа... но я не знал покоя, ибо не переставал думать об оставшихся в Одессе. А кроме того большие огорчения причиняли мне мои добрые компатриоты. Hotel des Etrangers, где мы остановились, был полон русских, преимущественно артистов, артисток московского балета и офицеров; и вот вся эта публика шумела, кутила, танцевала почти ежедневно далеко за полночь. Кажется, не было никаких оснований для веселья, а между тем наши беженцы веселились ужасно. Эти самые люди, как мне рассказывали, вели такой же образ жизни в Киеве, куда они бежали от большевиков. Затем продолжали то же самое в Одессе. Тут я мог сам наблюдать: все рестораны, кафэ, кабарэ, словом, все кабаки всегда были полны веселящимися людьми. Каждый почти день газеты сообщали об открытии новых кабарэ, грандиозных балах «с весельем до зари» (с характерным примечанием: «свет, отопление и охрана обеспечены»). Ту же самую картину приходилось наблюдать здесь, в Царьграде. Местные жители изумлялись и недоумевали...

Вот чем занимаются тут мои добрые компатриоты. Кроме того, они открыли массу клубов, где велась крупная игра. На одном Принкипо были 4 или 5 таких клубов; самый шикарный из них открыт флигель-адъютантом Его Императорского Величества Саблиным и кн. Урусовым. Кстати, жены обоих — безумные красавицы. М-ме Саблина давала в Константинополе концерт (арфа). Вообще некоторое время в Константинополе был настоящий Saison Russe. Улицы пестрели афишами о концертах русских знаменитостей; здесь дали концерты Липковская, Нина Кошиц, Каралли¹² и др. В былые времена, когда мне случалось слышать на улицах Константинополя русскую речь, я с изумлением оглядывался на отважного россиянина, который решил поехать в Стамбул. Теперь же вся Пера¹³ кишела русскими.

Но в данный момент Saison уже кончился: Липковская в Риме, а все прочие разъехались, кто — обратно в Россию, а кто поехал дальше странствовать на Запад.

Наша семья тоже рассеялась по лицу земли. Брат Вл[адимир] Ант[онович] находится сейчас в Париже (он получил визу в самый последний момент: большевики уже были в порту). Жена его в Риме. Доктор Юрий Ант[онович]¹⁴ остался в Москве; он, разумеется, не большевик, но почему он остался лечить большевиков — для меня это неразрешимая загадка. Жена его с 2 сыновьями на Кавказе. За несколько дней до моего отъезда из Одессы я получил от нее письмо: старший мой племянник, превосходный юноша 17 лет, был ранен и, едва оправившись от ран, заболел сыпным

тифом; мать сама ухаживала за ним. Все письмо дышало таким скорбным отчаянием, что мне стало жутко. В Одессе остались три сестры и старший брат, доуп нашей семьи, с женой и дочерью. Положение последнего должно быть особенно тяжелым, т.к. он служил в Дворянском Банке. Вы, конечно, представляете, какая участь постигла это учреждение с приходом большевиков, а у брата никаких иных ресурсов, кроме жалованья, нет.

Непрестанно думаю о любимой сестре моей Марусе и ее детишках; ее маленькая Любочка — это восхитительнейшее существо! За что страдают эти крохотные создания? Все так жестоко-непено! Мы часто говорили с Марусей о Вас, Елизавета Леонидовна. Она Вас очень любит и всегда жалела, что так поздно познакомилась с Вами. Ну, уж это — моя вина.

Что касается меня, то я пока бросил якорь в Константинополе. Служу в нашем посольстве, ведаю архивом¹⁵. Получаю 40 лир или, если хотите, 4000 рублей по нынешнему курсу, украинскими деньгами (не правда ли, хороший курс?). Если бы меня не приютил у себя брат, который тоже служит здесь Intendant'ом посольства, то мне пришлось бы трудновато. Долго ли придется сидеть тут — Аллах один ведает. Мне думается, что борьба с большевизмом растянется на годы. У Деникина сейчас — крупный успех, у Колчака — заминка, которая объясняется тем, что у него в тылу вспыхнуло 2 серьезных восстания (по имеющимся у нас сведениям). Восстания эти, кажется, еще не ликвидированы. Большевики везде ведут отменную агитацию. Нет, разумеется, никаких сомнений в том, что борьба Колчака и Деникина нужна, необходима. Но в конечном счете не они искоренят большевиков и большевизм. Это — отравка, которая слишком глубоко въелась в организм народа; я мог это наблюдать в Одессе; только время может уничтожить эту отраву. Сознаю, что ничем не обосновываю это воззрение; это — скорее интуиция и, как таковая, может оказаться совершенно абсурдной. Но я так верую.

Владимир Анатольевич спрашивает, где наши литераторы, профессора и т.д. Одни остались в Москве и славят Советы и пролетариев (Блок, Брюсов). Бальмонт — певец любви и солнца голетает и сам стирает свое белье (читал об этом в частном письме). Многие — за границей. В Париже работает наше Политическое Сопещание при участии целой группы известных деятелей из военного, дипломатического и финансового мира. Сопещание внимательно следило за работой Версальской конференции, подавало Слемансеау обстоятельные меморандумы, в которых защищались интересы России... Но кто теперь считается с нами? О России забыли, и в Версале дали место каким-то аферистам из Венесуэл-

лы, Эквадора, Чили... Где была Россия в великолепном *defilé*, устроенном в Париже 14 июля? Россия, миллионы сынов своих пожившая ради того торжества, в котором приняли почему-то участие какие-то экзотические иностранцы и шарлатаны-греки, которые теперь твердят, что Franchet d'Esperey победил только благодаря им. В Париже о русских говорят: *ces cochons russes! les sales bêtes!*¹⁶ Исключений, разумеется, встречается сколько угодно, но это *vox populi*.

Здесь в Константинополе возник целый ряд русских учреждений: телеграфное агентство «Руссагент», ведущее ожесточенную кампанию против большевизма; Торговый Комитет для Ближнего Востока; А.А.Тисленко здесь коммерческим агентом и налаживает товарообмен; в этой области в Екатеринодаре¹⁷, как мне кажется, делают немало промахов, но об этом как-нибудь в другой раз! Учреждено здесь Главное Управление морским транспортом, которое озабочено воссозданием морских сообщений. Имеется справочное бюро, обслуживающее беженцев, Комитет помощи беженцам. Только денег у всех этих учреждений мало!

Относительно Анны Евгеньевны¹⁸ ничего не могу сообщить вам; сведений о ней нет. Она или осталась в Крыму, или эвакуирована на Кавказ. Генерал Тихменев, по-видимому, в Екатеринодаре, т.к. оттуда мы получили запрос о судьбе его жены и сына. Но где последние, у нас нет сведений.

Месяца 2 тому назад в посольстве было получено из Новороссийска прошение, подписанное: Иван Дончич¹⁹; он просил оказать содействие в розыске драгоценностей его жены на сумму в 300000 франков. Кража была совершена во время их бегства из Севастополя. Сам Дончич собирался ехать в Константинополь, т.к. по некоторым данным украденные вещи должны быть направлены сюда. Приехал ли он сюда — не знаю. Во всяком случае, если мне удастся узнать что-нибудь еще о ваших знакомых, я напишу.

В Константинополе я нашел много перемен; с тех пор, как я был здесь в последний раз, прошло 9 лет, и многое за это время изменилось, но об этом можно написать еще несколько страниц, поэтому откладываю до следующего письма.

Пора, однако, кончать. Если это письмо пропадет, будет большая жаль: второй раз я не наболтаю столько. Пишите мне чаще, подробнее. Я чувствую себя здесь очень одиноким и часто переживаю дни очень, очень мрачных и печальных мыслей. Напишите мне, пожалуйста, про общих знакомых. Где Ваши братья, Елизавета Леонидовна? Что с ними? Чем занимаются?²⁰

Я так обрадовался вашим письмам, как если бы встретил вас на Пере. Беседа со старыми добрыми друзьями — одна из немногих радостей, которые остались на мою долю.

Владимира Анатольевича, ради его сегодняшнего праздника, обнимаю и целую трижды, а Вас, дорогая Елизавета Леонидовна, поздравляю с именинником и целую ручки.

Всей душой Ваш

Алексей Гвоздинский (refugie из Одессы).

Мой адрес: Mr. Gvozdinsky. Ambassade de Russie. Pera. Constantinople.

¹ Миллер (ур. Лозинская) *Елизавета Леонидовна* (1884 — не ранее 1960); Миллер *Владимир Анатольевич* (1885-1958).

² Супруги Миллер выехали из России в октябре 1918 через Данию и Англию.

³ *Gesuch* (нем.) — прошение.

⁴ *Poilus* (фр.) — солдаты-фронтовики.

⁵ *Ансельм* Филипп — командующий союзными войсками на юге России, прибыл в Одессу в январе 1919.

⁶ *Григорьев* Николай Александрович (1878-1919) — в 1917-1918 служил в войсках сначала Центральной Рады, затем — Украинской державы гетмана П.П.Скоропадского. В декабре 1918 перешел на сторону петлюровцев, после поражения которых в феврале 1919 — на сторону Красной Армии. С 25 апреля 1919 — командир 1-й Украинской стрелковой дивизии. 7 мая поднял мятеж против большевиков, 27 июля убит по приказу Н.И.Махно.

⁷ Старший брат Гвоздинского.

⁸ Сестра Гвоздинского, см. о ней вступительную статью.

⁹ *Д'Эсперре* Луи Феликс Мари Франсуа *Франше* (1856-1942) — в 1919 командующий французскими войсками в Одессе.

¹⁰ *Au-delà* — более того (фр.).

¹¹ *Belle-soeur* (фр.) — жена брата.

¹² *Липковская* (Маршнер) *Лидия Яковлевна* (1882-1958) — русская артистка оперы. С 1918 в эмиграции. В 1927-1929 гастролировала в СССР. *Кошиц* *Нина Павловна* (1894-?) — русская артистка оперы. С 1921 в эмиграции. *Каралли* (Коралли) *Вера Алексеевна* (1889-?) — русская артистка балета. В 1909 принимала участие в «Русских сезонах», с 1914 снималась в кино. С 1918 в эмиграции. В 1920 выступала в труппе А.П.Павловой.

¹³ *Пера* — бывший генуэзский, затем европейский квартал старого Стамбула, где располагались посольства христианских стран. Сообщено Е.И.Табанюхиной.

¹⁴ Средний брат Гвоздинского.

¹⁵ Ныне архив русского посольства в Константинополе находится в Архиве МИД России и публикатору недоступен.

¹⁶ Эти русские свиньи! Грязные скоты! (*фр.*).

¹⁷ Т.е правительство А.И.Деникина.

¹⁸ Знакомая Миллеров, сведений о ней обнаружить не удалось.

¹⁹ Знакомый В.А.Миллера.

²⁰ Братья Е.Л.Миллер Михаил Леонидович Лозинский (1886-1955) и Григорий Леонидович Лозинский (1889-1942) находились в Петербурге; позднее Г.Л. эмигрировал во Францию.

2

Константинополь, 20.IX.1919

Милая Елизавета Леонидовна,

последние дни были для меня днями очень большой радости: после долгого перерыва, во время которого испытывал такую тревогу и опасения, я получил целую грудку писем от самых близких и дорогих мне людей. И на душе сразу стало светлее и отраднее, когда узнал, что все здоровы и невредимы, хотя, разумеется, всем пришлось перестрадать немало, да многое, вероятно, еще предстоит. Пришли первые письма из Одессы. Вы проявили такой заботливый интерес к судьбе моей сестры, что я передам несколько подробнее содержание ее письма. Все существование сестры свелось к тому, чтобы, с одной стороны, обеспечить себе личную безопасность, с другой — прокормиться и, главным образом, прокормить детей. Так как в том доме, где они жили, обыски производились очень часто, и были случаи расстрела, то было уничтожено все, что могло скомпрометировать в глазах большевиков; при этом был предан сожжению мой дневник, который я вел в плену и имел несчастье забыть при бегстве из Одессы.

Выполнение второй задачи встретило страшные трудности. Муж сестры более 2-х месяцев был без места, пока ему, наконец, удалось устроиться в каком-то советском юридическом отделе, но коммунистические юристы платили скупое и даже совсем не платили. Дороговизна между тем стала кошмарной: фунт хлеба доходил до 130-140 рублей, масло стоило 300 рублей фунт, яйца — 110 рублей десятков. Положение особенно обострилось, когда восстали окрестные крестьяне и немцы-колонисты: Одесса оказалась блокирована с суши и с моря. «Это был ужасный период,

когда почти все продукты исчезли с рынка, когда, вследствие отсутствия подвоза молока, я вставала в 5 часов утра и ходила на 3-ю станцию за молоком для детей, а еще как-то вставала рано утром и обегала все базары в поисках кусочка масла, которое наконец нашла в единственной еврейской лавчонке и за которое заплатила 75 рублей за четверть». Они голодали: «последний месяц мы буквально недоедали, и каждый кусочек проглатывался с математическим расчетом. Бывало, ляжешь спать и смотришь на оставшийся кусок, и думаешь: когда бы его съесть, сейчас утолить голод или оставить его на утро, когда проснусь еще голодней».

Добровольцы пришли вовремя: за одну неделю хлеб подешевел до 22 руб., все продукты появились в изобилии, цены понижаются. Все повеселели, блаженствуют и не могут представить себе жизни лучшей, чем «без большевиков». Это сознание досталось Одессе тяжелой ценой, и я скажу, хорошо, что Одесса прошла через поганый котел коммунизма; это было необходимо для той черни, которая только и ждала прихода большевиков и затем пухла от голода. В то время, пока Одесса была в руках большевиков, установилось сообщение с Москвой, и сестра получила несколько писем от брата, оставшегося там. Представьте, ему, в материальном отношении, живется недурно. Живет он под Москвой, лечит крестьян, пользуется среди пациентов большой популярностью и ни в чем не испытывает недостатка, т.к. они привозят ему всякую всячину. Жалеет, что не может выписать к себе жену и детей.

Теперь у меня есть сведения о всех членах нашей семьи; Вы, конечно, поймете, какое это облегчение для меня. Одно время я сильно сомневался, что мы все когда-нибудь соберемся, и мне казалось, что не все из нас уцелеют, но теперь у меня предчувствие, что, испив до конца чашу всяких невзгод, мы будем опять вместе.

В последнее время я часто мысленно переносусь на далекий север и вспоминаю Петербург. Вы знаете, я до сих пор не могу привыкнуть к «Петрограду» и, сознаюсь, Петербург мне милее. Вспоминается Петербург, прежняя жизнь, те славные вечера, которые я проводил у вас на Жуковской. Хорошо было! И все-таки «будет некогда день», и мы опять встретимся, я приду к Вам, вспомним старое и какую массу расскажем друг другу!

Вы зовете меня в Лондон. Если бы Вы знали, как трудно выбраться отсюда... легче в рай попасть! Через какие мытарства нужно пройти, чтобы получить необходимые визы на Италию, Францию и Лондон! И потом — что я буду делать в Лондоне? Ведь надо есть, а у меня нет ни одного лишнего сантима. Языка

я не знаю, читаю свободно, но говорю с трудом и очень, очень скверно.

А у меня сейчас огромное желание поскитаться по белу свету, именно скитаться без всякой определенной цели, поехать куда-нибудь в Рио-де-Жанейро или в Лондон, потом в Коломбо... но только не сидеть на одном месте!

Вы спрашиваете, почему я не познакомил Вас раньше с сестрой. Чистосердечно отвечу Вам — сам не знаю, как это вышло. Вероятно, я не думал об этом и был, должно быть, поглощен чем-нибудь другим. Во всяком случае, это произошло без всякого умысла с моей стороны. Но если бы не вспыхнула война, то, несомненно, осенью 1914 года вы были бы знакомы и, наверное, подружились, ибо сестра моя, действительно, прекрасная женщина, с светлой душой и ясным умом. Если бы я не был ее братом — обязательно женился бы на ней!

Большое спасибо Вам за Ваши три последние письма, я получил их в один день. Буду Вам теперь писать самостоятельно, т.е. не дожидаясь Ваших писем. Вы же меня не забывайте; знайте, что я очень дорожу Вашими письмами.

Владимиру Анатольевичу передайте мой привет и пожелание удачи во всех его делах. Вам же, дорогая Елизавета Леонидовна, желаю здоровья и бодрости.

Преданный Вам

Алексей Гвоздинский

3

Константинополь, 9.X.1919

Неужели есть на земном шаре такие места, откуда никто никогда не писал в Турцию? с трудом верится, что такие глухие углы могут оказаться в Англии! Вы так заманчиво и красиво рассказали про этот уголок, что я с невольным вздохом сказал: увы! меня там нет. Так хочется скорей быть лицом к лицу с этой глубокой тишиной горных мест, всем существом погрузиться в нее! «Мир на земле, в человеках», кажется, стал такой далекой мечтой, что порой действительно можно впасть в отчаяние. Но ведь когда-нибудь люди да перестанут грызть друг друга, и немислимо, чтобы это долго продолжалось. Не падайте духом, милая Елизавета Леонидовна, турки говорят — «буда геджер!», т.е. и это пройдет! Я твердо верю, ни минуты не сомневаюсь, что все мы соберемся опять на берегах Невы и начнем жить свою жизнь заново, немного как будто поздновато, но что же делать! И своих Вы, несомненно,

найдете невредимыми. 3 года я считал своих погибшими, а однако они уцелели среди всех бурь и катастроф. Я все-таки в каком-то укромном углу моего опустошенного сердца чудом сохранил еще Веру и верую, что это Бог их не оставляет и хранит.

А вести из России столь отрадны, что можно ожидать скорого конца кровавого кошмара, окутавшего бедную Россию. Правда, если с большевиками и будет скоро покончено, то предстоит еще большая работа по собиранию России, и, как мне кажется, возня с разными самостийниками предстоит немалая.

Здесь, кстати, произошло недавно событие, которое доставило, вероятно, не мне одному живейшую радость: англичане ликвидировали так называемую Legation de la Republique Ukraine. Господа из этой Legation заседали тут и творили разные странные дела; между прочим, печатали в местных газетах объявления, что все едущие в порты «Украины» должны иметь визы украинской миссии; это, разумеется, вызвало энергичский ответ нашего Заведующего Русскими Делами (таков, пока, официальный титул русского дипломатического представителя в Конс[тантино]-поле), что лица, имеющие паспорта с украинскими визами, не будут просто пускаться в Россию. Теперь всем этим хлопцам англичане предложили покинуть Конс[тантино]поль. Подробности, весьма пикантных, по некоторым причинам, не могу писать.

Несколько дней тому назад в наше Посольство явилась молоденькая, интересная и элегантно одетая, без традиционного покрывала, турчанка; подает визитную карточку и на превосходном французском диалекте просит приема у Charge des Interets Russes. Оказалась она сотрудницей турецкой газеты «Вахит» (время), пришла в Посольство с целью интервьюировать нашего представителя о положении дел в России. На другой день интервью было напечатано в газете. Вот Вам факт, который для человека, знающего Константинополь, каким он был 5-6 лет тому назад, должен казаться прямо невероятным. А между тем в положении турецкой женщины за последние годы произошла целая революция. Если бы несколько лет тому назад на улицах Конс[тантино]поля появилась турчанка с открытым лицом и еще в сопровождении мужчины, ее, наверно, избили бы. Теперь я на каждом шагу в Старом Стамбуле встречаю турчанок без покрывала с кавалером, с которым они мило болтают, хохочут, и это стало такой обыденной вещью, что никто на нее не обращает внимания. Турчанки служат на почте, в магазинах, на станциях. Когда греки оккупировали Смирну, в Стамбуле на площади древнего византийского Ипподрома шли митинги протеста, и на ораторской трибуне выступали турчанки с пламенными патриотическими речами. Турчанки, пат-

ронессы благотворительных обществ, устраивают в садах старого Сералья празднества в пользу бедных. Я был на одном таком празднике и не без изумления наблюдал, как хорошенькие турчанки предавались флирту с итальянскими и французскими офицерами. Турчанка, флиртующая с «гяуром», — это что-то непостижимое, и Пьер Лоти¹, несомненно, был бы огорчен, хотя он так ратовал за эмансипацию турецкой женщины. А все-таки, несмотря на весь этот «прогресс», Халифат Османов — конченное государство, это чувствуется прямо в воздухе. На том же празднике для развлечения публики под тенистыми платанами старого султанского парка играл «оркестр янычаров». Красавцы-турки в огромных белоснежных тюрбанах, какие можно теперь видеть только на старинных гравюрах, в причудливых пестрых нарядах, с огромнейшими чудесной работы ятаганами и пистолетами за широчайшими поясами исполняли восточные напевы, своеобразного ритма и гармонии. И это был символ: турки эти в обыкновенные будни играют в обыкновенных народных харчевнях Стамбула, а поблекшие костюмы янычар взяты из музея. Эти оригинальные пышные костюмы, эти великолепные ятаганы и пистолеты, хранящиеся теперь в музеях, — вот что осталось от былого блеска и славы Султанов. И пусть турки уходят в [нрзб. 1 сл.], откуда они пришли. Царь-Град, рано или поздно, будет все-таки нашим. А это, право, хороший город! Несмотря на то, что я родился и вырос в нем, я его знал, пожалуй, не лучше Лондона, в котором, как Вы знаете, никогда не был. Только теперь я знакомлюсь с ним и начинаю ценить. Это какой-то парадоксальный город. Вы не найдете в нем ни единого красивого здания, а в целом этот город образует редкостной красоты архитектурный ансамбль, как архитектурное панно Гюбера Робера или исторические пейзажи Лоррена². Получаю теперь часто вести из Одессы; там все благополучно. Сестра жалуется только на усталость... Это естественная реакция после всего пережитого. Привет Ваш передал; она еще не знает, что я переписываюсь с Вами. Жду от нее письма для Вас.

Анне Евг[еньевне] написал и предложил переписываться с Вами через мое посредство.

Кончаю, дорогая Елизавета Леонидовна; желаю Вам здоровья и бодрости духа. Владимиру Анатольевичу мой сердечный привет. Чем он занимается в Лондоне и в какой области работает?

Всегда Ваш,

Алексей Гвоздинский

¹ *Лоти Пьер*, наст. имя Луи Мари Жюльен Вио (1850-1923) — создатель так наз. «колониального романа» во французской литературе.

² Робер Гюбер (Юбер) (1733-1808) — французский пейзажист, один из наиболее ярких представителей жанра руин. Лоррен (наст. фамилия Желле) Клод (1600-1682) — французский живописец и график, представитель классицизма.

4

Константинополь.
Сочельник 1919 г.

Дорогая Елизавета Леонидовна.

Как Вы рассердились на меня в последнем письме! и, кажется, продолжаете сердиться, т.к. с 8.Х. больше не пишете. По странному совпадению, и мое последнее письмо помечено тоже 8.Х.; с тех пор я не писал Вам. И мне стыдно теперь: я не должен был этого делать по отношению к Вам, мой добрый друг, ибо я слишком дорожу Вашей дружбой, и что бы ни случилось со мной, что бы я ни переживал, все-таки я прихожу к Вам. Это будет всегда так. Вы же простите мое молчание и не сердитесь слишком. В моей жизни выпадают периоды, порой довольно продолжительные, когда я не в состоянии написать и двух строк. Тогда меня одолевает тоска ужасная, и я забираюсь в свою берлогу, молчу. Или же на душе станет уже очень нехорошо, и тогда я чувствую потребность забыть в беседе с тем, кто, я знаю, поймет меня.

Так и сегодня, в наш Сочельник, мне грустно бесконечно! Я вспоминаю: в этот вечер, год тому назад в Одессе, мы зажгли елку для наших малышей; я храню в памяти восхищенное, изумленное личико маленькой Любочки, которая впервые за свою маленькую жизнь видела елку, выражение ее неописуемого восторга. Тогда я понял, какая красота скрывается в радостях детей. Теперь я далек от своих, и меня все время тревожит мысль: что будет, что будет с ними? Дела на Юге России приняли такой оборот, что у меня явилось сильное опасение, как бы Одессой вновь не завладела красная армия. Тогда жизнь там делается совершенно невозможной. Я получал довольно часто письма от сестры, в которых читал грустную повесть о ее заботах, лишениях, тревогах, о тяжелом физическом труде, который приходится ей нести (она стирает, например, сама все их белье!), письма, в которых она не жалуется, не падает духом, но в которых все-таки слышится отзвук душевных мук и глубокая тоска по иной, лучшей жизни. Все мои старания, направленные к тому, чтобы, хоть отчасти, облегчить ей материальные затруднения, все, на что я рассчитывал, — не привело ни к чему; порой я приходил в бешенство от сознания своего бессилия помочь. А эта иная, лучшая жизнь!.. Ка-

жется мне, что долго, слишком долго придется ее ждать. Эту жизнь нам не дадут ни Ленин, ни Троцкий, ни Колчак, ни Деникин.

31 декабря. — Кто-то помешал мне, и я продолжаю свое письмо в последний день года. Уходящий в вечность старый год захотел нас побаловать: сегодня небо плещет глубокой синевой, Стамбул весь залит солнцем, тихо и тепло — можно гулять без пальто. И я опять направляюсь в Стамбул, где часто забываю все, что тревожит и не дает покоя. Попадаю там на грандиозный митинг; на огромной площади между Св.Софией и мечетью султана Ахмеда, на арене византийского Ипподрома собралось несколько десятков тысяч народа, и эта масса людей в фесках кажется издала широким волнующимся полем красных маков. Турки собрались и протестуют против решения Entente отобрать у них Константинополь, протест запоздалый и ни к чему не ведущий. Сегодня эти правоверные спокойны, и я, быть может, единственный гяур в этой толпе, не заметил никакого враждебного отношения к себе. Возможно, что со временем турки и попытаются устроить тут что-нибудь вроде армянской резни 1895 года, но пока они спокойно и рассудительно протестуют, и порядок на митинге был образцовый при совершенном отсутствии полиции.

Стамбул дряхлеет и ветшает страшно! Разваливаются древние византийские церкви, превращенные в мечети, осыпаются в них драгоценнейшие мозаики... турки смотрят на эти разрушения равнодушно, точно чувствуют, что они доживают тут последние дни, явится новый «хозяин» и все поправит. Стамбул горит все время. Еще вчера из окон нашей канцелярии, откуда можно любоваться великолепной декорацией Стамбула, Пропонтиды¹ с островами и далекими малоазийскими горами, мы наблюдали большой пожар; горели дома около Св.Софии; порывистый ветер гнал на нас тучи дыма, окутав ими храм Юстиниана. Пройдет еще несколько десятилетий, и от Стамбула, прежнего живописного, колоритного Стамбула — ничего не останется. И я чувствую это, скитаюсь по Стамбулу и его закоулкам и знаю его лучше, чем очень многие местные старожилы. Если бы Вы попали сюда как-нибудь, Вы нашли бы во мне надежного гида.

Как же Вам живется, дорогая Елизавета Леонидовна? Как здоровье? Имеете ли вести от своих? Напишите мне, пожалуйста, по-старому хорошее письмо, простите еще раз за то, что я так долго не писал. У меня и сейчас душа так болит.

Мой привет Владимиру Анатольевичу.

Дай Бог, чтобы новый год принес Вам больше радости и светлых дней. Итак, не забывайте

Вашего Алексея Гвоздинского

¹ *Пропонтида* — от Пропонтис — древнего названия Мраморного моря.

5

Константинополь, 5.V.1920

Дорогая Елизавета Леонидовна,

мне очень жаль, что я ничего не могу сообщить о Ваших: ответа на посланные в Севастополь и Белград запросы до сих пор нет. — Мне думается, что Александра Никандровна¹ находится в Крыму, в противном случае она дала бы вам знать о себе. Как все это грустно... разрозненность семьи, и томительная неизвестность, и смерть Анатолия Ивановича², так меня поразившая... и все, что происходит здесь и в России. Бывают дни отчаяния, когда я теряю надежду вернуться когда-либо в Россию. А порой думается, что, может быть, мы никогда не были более близки к этому, как именно теперь.

Последнее время было богато событиями: мы были свидетелями проезда через Константинополь Деникина, проезда жалкого, похожего скорее на бегство; в здании Посольства было совершенно загадочное убийство Романовского³, после чего англичане наделали ряд грубейших бестактностей (о чем мог бы Вам рассказать много поучительного); Врангель вернулся в Крым и стал диктатором, усердно вешает и предаёт военно-полевому суду, наводит порядок и дисциплину. Люди, приезжающие из Крыма, рассказывают о Врангеле много хорошего и возлагают на него большие надежды, для меня, впрочем, непонятные.

В личной моей жизни за последнее время происходило много непонятного и нелепого, от чего я устал и злюсь, и пишу Вам так вяло. Мне только хотелось сказать Вам, что я никогда не забываю Вас, вспоминаю, сочувствую.

Простите, дорогая Елизавета Леонидовна, кончаю. Владимиру Анатольевичу — мой сердечный привет, скоро напишу опять.
Ваш Алексей Гвоздинский

Старушке Крагур⁴ все-таки пишу и на днях еще получил от нее трогательное письмо. «От одного хорошего человека весь мир может стать хорошим», — кто-то сказал. Если это так, то именно это удивительное существо, редкостной души человек, создано для этого.

¹ Миллер (ур. Капочинская) *Александра Никандровна* (1865-1924) — мать В.А.Миллера, после смерти мужа была эвакуирована на Кипр, где ее разыскал сын и выписал к себе в Париж.

² Миллер *Анатолий Иванович* (1860-1920) — отец В.А.Миллера, военный инженер, генерал-майор, умер в Новороссийске (в армии Деникина) от сыпного тифа 18 января 1920.

³ *Романовский* Иван Павлович (1877-1920) — начальник штаба Добровольческой Армии, Вооруженных сил Юга России, член Особого Сопровождающего. После отставки А.И.Деникина уехал вместе с ним в Турцию. Убит в здании российской миссии поручиком М.А.Харузиным.

⁴ *Краур* Альма — шведка, деятельница Красного Креста; через Красный Крест помогала Гвоздинскому, пока тот находился в плену.

6

Константинополь, 10.V.1920

Дорогая Елизавета Леонидовна,

большое у меня сегодня желание посидеть и поболтать с Вами! Порой так грустно и так обидно становится мне, и злюсь, что живем мы в разных концах Европы, и нас разделяет такое огромное расстояние. Бог знает, когда настанут те «лучшие времена», которых мы так жаждем, когда при тихом свете лампы, в уютном углу, можно будет говорить о чем угодно, только не о большевиках, Деникине, коммунизме и т.п. Но я верю — «буда геджер»: «и это пройдет», как говорят турки с интонацией, свойственной одним только закоренелым фаталистами.

Вы — женщина с Севера: все стремитесь в Норвегию, Финляндию, Бретань и до сих пор, кажется, южнее Венеции или Флоренции не были. А не тянет ли Вас побродить по Стамбулу? Какой гид был бы у Вас хороший! Пожили бы Вы на Принкипо, там так чудесно! А Вы вместо себя посылаете сюда очаровательных незнакомок, которые должны погубить мое сердце. Я и так загубил совсем свою душу и столько натворил нелепых вещей... но посылайте, кого хотите: кто бы от Вас ни приехал, сделаю все, чтобы быть полезным, приятным, чем угодно.

А меня, несмотря на всю мою любовь к Константинополю, неудержимо влечет куда-нибудь подальше, в те страны, где в темные, черные ночи сияет Южный Крест... Куда-нибудь на Цейлон, в Бразилию... Но на Цейлон я не попаду ни, вероятно, не один год просижу на берегах Босфора. В моей жизни всегда все складывалось не так, все наоборот: во мне живет душа скитальца, а я удивительно много сидел на одном месте; я очень высоко ставлю

семейную жизнь, дорожу ею и остался холостяком; люблю любить, столько было увлечений — меня не любят; дал мне Господь разум, как будто бы ничего, а ум у меня вышел все-таки дурацкий. И все в таком роде!

Одно время была надежда попасть в Париж, но теперь, кажется, приходится оставить ее. Брату моему там упорно не везет — он разорен, вернее — его разорили. Мне было бы очень страшно за брата, если бы я не знал, что у этого человека энергия тверда, как сталь. Он два раза разорялся и два раза делал состояние. Всегда буду помнить, как он, оставшись совершенно без денег, взял у меня часы, заложил их за 100 рублей, поехал в Москву, и в конце концов перед войною у него было больше миллиона. Рассчитывал я с помощью брата устроиться в Париже, но теперь ему самому приходится думать о своем спасении.

Из Одессы — ничего, ни звука с того дня, как ее взяли большевики. Это — ужасно! Я не могу даже представить себе жизнь Маруси с детьми. Боюсь очень, переживаю иногда мучительнейшее состояние тревожных догадок, опасений... За что ей, бедной, приходится страдать! Слава Богу, теперь зима прошла, по крайней мере хоть не мерзнут.

О моей belle-soeur имел сведения от знакомого, который приехал оттуда. Старший ее сын, большой мой любимец, был ранен в правую руку в бою под Ставрополем; остался калекой на всю жизнь; потом перенес сыпной тиф. Но все-таки молодец, научился работать левой рукой, поступил на какой-то завод и поддерживает мать. В общем — они не унывают и не сдаются, ведут борьбу.

Знаете, Елизавета Леонидовна, я иногда с таким наслаждением вспоминаю первый период войны. Как легко, свободно дышалось тогда! Никогда не забуду то раннее августовское утро, когда мы переходили впервые прусскую границу; все мельчайшие подробности оставили неизгладимый, живой след в памяти: осеннее чистое небо, прозрачный воздух и светлые дали, широкое, безупречное шоссе, с густыми, уже начинавшими желтеть деревьями по обеим сторонам, бесконечная вереница орудий, лошадей, людей, тяжелый грохот и топот, веселые голоса — все сливалось в одно целое, полное уверенности, и силы, и красоты, рождало легкую, бездумную радость. Помню долгие утомительные переходы, когда вся дивизия совершала какое-нибудь обходное движение, когда от усталости засыпал в седле, ночлеги под открытым небом и в грязных литовских избах, пробуждения под шипение и треск немецких шрапнелей над головой и массу непередаваемых мелочей походной жизни. Тогда часто приходилось трудно, бранились, чертыхались, а теперь — отраднo вспоминать! Никогда

в жизни у меня не было такого ясного, гармоничного состояния духа! Оно не возмущалось ничем: ни трудностями и лишениями походной жизни, ни картинами смерти, ран и крови. А что такое опасность, я понял только, когда мы были окружены немцами в Августовских лесах.

Все это я опять вспомнил сегодня, когда Вы напомнили мне предсказание о семилетней войне. Все мои записки, заметки и т.п. пропали, письма, которые я писал с фронта, не уцелели, а между тем хотелось бы восстановить все пережитое.

Не сердитесь на меня, очень прошу Вас об этом, если я порой молчу. В общем я — безалаберный человек, глупый — как Вы совершенно правильно выразились в одном из последних писем. Но помню я Вас всегда, Вы это знаете, хотя, конечно, это не оправдание моего молчания. Я вообще много молчу; иногда мне тяжело слушать звук собственного голоса.

Мой привет Владимиру Анатольевичу.

Ваш Алексей Гвоздинский

7

Константинополь, 23.V.1920

Дорогая Елизавета Леонидовна,

я очень рад, что мы получили, наконец, сведения о местонахождении Александры Никандровны. Как только была получена телеграмма от Штрандтмана, нашего посланника в Белграде¹, я сейчас же телеграфировал Посольству в Лондон, которое запросило нас об Александре Никандровне. Там Вам передадут без задержки, поэтому я не телеграфировал еще отдельно Вам. А.Н. находится на Кипре, вероятно, в Фамагусте, и теперь дальнейшие Ваши демарши должны идти через англичан; горячо желаю, чтобы Вам удалось поскорее освободить ее и выписать в Лондон.

В последнее время тут часто возникают слухи об освобождении от большевиков Одессы, каждый раз с нетерпением и волнением жду подтверждения их, но до сих пор все это оказывалось плодом чьей-то фантазии. С большой тревогой думаю о своих: как они переживут это время? Порой, когда я думаю о том, что им приходится испытывать, наша жизнь без всяких лишений и опасностей мне кажется прямо преступной, и становится стыдно за то, что хорошо ешь и бываешь весел. В последний год время от времени какие-то смельчаки вырывались из Одессы, приезжали сюда и рассказывали, что там творится; теперь мы совершенно

отрезаны и ничего не знаем. — В Крыму положение благополучно: армия занимает подступы к полуострову и, по-видимому, прочно; Врангель занят организацией и дисциплиной тыла и войск. Но недостаток там большой во всем, и доровизна превзошла все, что мы до настоящего времени знали.

Жду письма от Вас, дорогая Елизавета Леонидовна, как Вы живете? как Владимир Анатольевич? Передайте ему привет.

В личной моей жизни — никаких перемен, вечное недовольство собой, надоело это смертельно!

Будьте благополучны и не забывайте.

Ваш Алексей Гвоздинский

¹ *Штрандтман* (Штрандман) В.Н. — последний русский посланник в Сербии.

8

Константинополь, 14.VI.1920

Дорогая Елизавета Леонидовна,

отчего Вы молчите, не пишете? Я так привык к Вашим письмам. Когда их долго нет, становится скучно.

Скучно вообще стало, хотя люди живут, быть может, веселее, чем когда-либо. У меня какое-то странное ощущение, трудно его передать, что над миром опустились сумерки, и все везде слилось в скучный серый сумрак... Только в России одной, как это ни странно, мерцает свет, еще малый, незаметный. Не думается ли Вам, что в России (советской) под влиянием нашествия иноземцев может возникнуть такой подъем, такой взрыв оскорбленного национального чувства, который сметет не только поляков, но и большевиков, и кого угодно. Мне почему-то верится, что возрождение России пойдет именно по этому пути, из сердца Красной России, и этому я больше верю, чем Врангелю и иным диктаторам.

Приезжающие из Крыма восторженно отзываются о Врангеле; на вопрос — как настроение — отвечают: чудное, превосходное, бодрое, все с надеждой смотрят в будущее.

Счастливые люди, я им искренне завидую, ибо растерял все это, и жить с такой опустошенной душой становится иногда слишком трудно. И я благодарю судьбу, занесшую меня в Константинополь, где я нахожу то, что еще люблю: места, которые будят такое множество воспоминаний, и где находит раздумье, и море, вечное море с его вековым шумом.

Не знаю, глаза ли мои видят больше, чем надо и чем есть в действительности, или у меня развилась почти болезненная чувствительность, но в Стамбуле я нахожу неисчерпаемое количество прекрасных и милых вещей, которые оживают для меня и говорят многое, что для других остается тайной. Быть может, прав А. France, говоря: *c'est l'oeil de l'homme qui fait seul la beauté du ciel et de la terre. Nous donnons la beauté aux choses en les aimant*¹. Если это правда, то человек может гордиться: быть таким чародеем и властелином! А с другой стороны, грустно: неужели нет абсолютной красоты?

Сегодня в Эюбе², где я люблю бродить среди мраморных тюрбе, седой ходжа подарил мне две розы, обыкновенные розы, только что сорванные с могилы, но мне они кажутся самыми прекрасными розами в мире! они пахнут, как густое розовое масло, и я, проходя по тихим улицам Эюба, не могу надышаться их ароматной свежестью.

Эюб! Для Вас это пустой звук, а для меня это, быть может, самый очаровательный клочок Константинополя; это — маленький городок, затерявшийся в глубине Золотого Рога, священное место для правоверных, ибо здесь покоится в знаменитой мечети прах Эюба Аксара — знаменосца Пророка. Почти полтысячелетия ни один гяур не вступал под своды этой мечети, и даже вход во двор ее находился под строжайшим запретом. Около могилы Эюба покоятся вечным сном миллионы мусульман, и тут же рядом течет жизнь тихого, чисто турецкого городка; Эюб — это город живых и мертвых, кусок вечной трепетной жизни в вечном покое кладбища. Из улицы, полной криков и шума южной толпы, попадаешь в другую, где царит покой и уединение; по обеим сторонам тянутся тюрбе — мраморные мавзолеи — гробницы султанш, пашей, визирей... белый мрамор, золотые решетки, зелень вьющихся роз, жимолости, глициний и кипарисов — все так просто и так красиво! Орнаментака этих тюрбе говорит о вкусах XVIII века; здесь в Эюбе невольно вспоминаешь то время, когда в такой моде были всевозможные *turqueries*, когда маркизы любили позировать *Lancret*, *Latour*, *Vanloo*³ в костюмах султанш, *Rameau*⁴ на сцене Орега ставил свой балет *Le Turc genereux*⁵, когда зачитывались романами вроде *Abou Mouslu ou des vrais amis, histoire turque*⁶ и т.п. (помните великолепного и забавного Пашу с маленькими неграми в «Павильоне Армиды»⁷?). Я люблю двор священной мечети, тихий и такой поэтичный, с чудесным фонтаном, роскошными фаянсами, которыми одет мавзолей Эюба, и огромными платанами; я питаю такую нежность к этим огромным деревьям и с любовью гляжу на их многовековые стволы.

Они многое видели; под этими платанами прошли все султаны, начиная с Магомета Завоевателя; они видели свирепого Селима⁸, который писал стихи в духе античной любовной лирики и так часто рубил головы своим визирям, что тогда вошло в обычай пожелание своему врагу: «быть тебе визирем Султана Селима!»; они видели великолепного Сулеймана⁹, пьяного Ибрагима¹⁰, жестокого Махмуда¹¹, истребившего янычар; они видели сказочные шествия султанов, приходивших сюда, чтобы опоясать себя тяжелым мечом Османа, после чего они становились халифами правоверных и султанами великого государства от Вены до Каира и от Крима до Адриатики.

Эти платаны видели и блеск, и славу Турции; теперь, в эту весну, они — свидетели ее падения.

Теперь под их зеленой тенью бродят сыны Турции, разорванной на клочья и уничтоженной. Хотя турки устраивают на площади Ипподрома грандиозные митинги протеста, и турецкая печать решительно заявляет, что не найдется такой турецкой руки, которая подписала бы предложенные союзниками условия мира, такая рука найдется, и ее заставят подписать. Пройдут годы, и мы с Вами будем свидетелями кровавых плодов трактатов, сочиненных наивными людьми, желающими открыть новую эру на земле¹².

Я сижу под древними платанами, думаю, набегают весенний теплый ливень, но скоро опять сияет солнце, дымятся листы и мраморные плиты. А старинные персидские фаянсы, омытые дождем, сверкают, как груды сапфиров, аметистов и бирюзы.

И с такой неохотой возвращаешься в шумную, душную Перу, запруженную космополитической толпой, в которой яркими обольстительными видениями проходят русские женщины. Ах, эти русские женщины! Здесь, в этом имморальном городе, они, кажется, отбросили последние сдерживающие начала: кажется, что каждую из них можно купить, принеся ей в дар бриллианты, роскошь, комфорт или простое, легкое увлечение. И это опять скучно!

Из Одессы — никаких вестей. Иногда я с трепетом думаю о том дне, когда она будет освобождена, и я узнаю что-нибудь ужасное, непоправимое.

Ну, пора кончать. Будьте здоровы, Елизавета Леонидовна, не грустите и пишите

Искренне преданному Вам

Алексею Гвоздинскому.

Привет Владимиру Анатольевичу.

¹ Лишь человеческий глаз наделяет красотой небо и землю. Мы делаем красивым то, что любим (*фр.*).

² *Эюб* — северо-восточная часть Стамбула (на побережье). Сообщено Е.И.Табанюхиной.

³ *Ланкре* Никола (1690-1743), *Латур* Жорж де (1593-1652), *Ванлоо* Жан Батист (1648-1745) — французские художники.

⁴ *Рамо* Жан Филипп (1683-1764) — французский композитор и теоретик музыки.

⁵ «Благородный турок» (*фр.*).

⁶ «Абу Муслу, или Истинные друзья, турецкая сказка» (*фр.*).

⁷ «*Павильон Армиды*» — балет М.М.Фокина на музыку Н.Н.Черепнина.

⁸ *Селим I Грозный* (1467/68 или 1470/71 - 1520) — турецкий султан с 1512.

⁹ *Сулейман I Кануни*, Сулейман Законодатель, в европейской литературе Сулейман Великолепный (1495-1566) — турецкий султан в 1520-1566. В период его правления Османская империя достигла наибольшего территориального расширения и военно-политического могущества.

¹⁰ Возможно, *Ибрагим-паша* (ок.1789-1848) — египетский полководец и государственный деятель, стоял во главе египетского войска, одержавшего крупные победы над турецкими армиями во время египетско-турецкой войны 1831-1833. С 1847 фактический правитель Египта. В июле 1848 османским правительством был назначен наследным пашой Египта.

¹¹ *Махмуд II* (1784-1839) — турецкий султан в 1808-1839. Предпринял первые шаги к преодолению феодальной раздробленности, созданию централизованного государственного и административного аппарата. В 1826 уничтожил янычарский корпус.

¹² Речь идет об обсуждавшемся в то время Севрском мирном договоре (подписан 10 августа 1920 в Севре) — последнем из серии договоров Версальской системы. Договор оформил территориальное разделение Османской империи. От Турции отторгались не только арабские страны, но и ряд собственно турецких территорий. В итоге турецкому государству оставался бедный по природным ресурсам, лишенный промышленности и путей сообщения небольшой участок с центром в Анкаре. Стамбул оставляли туркам, однако союзные державы оговорили право пересмотреть это решение. См. также следующее письмо.

Константинополь, 30.VI.1920

Вы говорите, чтобы я написал Вам хорошее письмо. Милая Елизавета Леонидовна, скажите мне, какие из моих писем Вы относите к категории «хороших» и какие считаются «дурными»? Умею ли я вообще хорошо писать... Моя Маруся это утверждает, но она — сестра, которая слишком любит брата, а потому ей доверять особенно — нельзя. Вы знаете, у меня с малых лет была мечта — написать книгу! Какую — не знаю, но я решил, что обязательно напишу книгу. Эту мечту я не оставил и теперь, но мне идет четвертый десяток лет, и даже первая страница книги еще не написана. Это тоже — одно из 22-х несчастий моей жизни.

Ваше письмо из Франции получил и был несколько удивлен, забыв, что Вы мне как-то сообщали о своем плане съездить в Париж. Надеюсь, что Ваша отважная кузина отказалась от своего намерения ехать на Ближний Восток теперь, когда он мало-помалу становится кипящим котлом, в котором многим и многим суждено вариться и свариться. Заниматься тут санскритом или персидским искусством сейчас не время и не место. Ситуация запутывается, и будущее сулит мало приятного. Было одно время, когда Кемаль-паша¹ угрожал Константинополю, многие серьезно задумывались; если бы Кемалю удалось занять город, то мы — «посольские люди» — попали бы в не совсем приятное положение: ведь мы — «контрреволюционеры», а турецкие националисты находятся в определенном «контакте» с нашими коммунистами. Правда, сейчас на Кемалю выпустили греков, взявших на себя мало благодарную роль — колониальных войск Согласия (вернее — Англии); сейчас греки одерживают крупные победы, но конечный успех всего этого Азиатского похода — сомнителен².

Как бы то ни было — знаменитый Восточный вопрос³ вырос сейчас в гигантский вопросительный знак, за которым скрывается что угодно. Любопытно, что много офицеров Добровольческой Армии, которые были эвакуированы из Новороссийска на Принцевы острова, куда-то исчезли и потом объявились в рядах кемалистов: одна из многих гримас нашей удивительной революции!

Любопытно также, что я, уехав из России, дал себе слово никогда не касаться политических тем, а между тем то и дело к ним возвращаюсь. Какая непоследовательность!

5 июля

Вот видите: сел Вам писать с твердым намерением в тот же день кончить и отнести письмо на почту, но разные «привходя-

щие обстоятельства» помешали мне. Вы, наверное, подумаете, что виноваты опять «прекрасные турчанки». Милая Елизавета Леонидовна, прекрасных турчанок не существует: их выдумал этот шарлатан Лоти в своих игривых романах «Desenchantées» и «Aziade»⁴ (книги, которых не стоило бы читать, если бы в них не было несколько действительно красивых страниц, посвященных Стамбулу и Багдаду!). Христианки же, которых я люблю, — далеко, очень далеко. И один Бог ведает, где и когда я встречу опять их!

По воскресеньям я уезжаю теперь в Буюк-Дере и провожу там целый день у моря, на солнце. Гуляю обыкновенно по шоссе, которое тянется вдоль Босфора до самого Черного моря. В прошлый раз, когда я впервые после долгого времени опять увидел море, когда оно сразу, за поворотом дороги, открылось мне широкое, бескрайнее, ослепительно мерцающее под полуденным солнцем — я испытал внезапный припадок глубокой тоски по России и оставшимся там. Я испытал безумное желание проникнуть за ту светлую завесу на далеком горизонте, которая отделяет меня от тех, кого я люблю или кто мне дорог. Я был один перед этой сверкающей гладью и в первый раз после долгого времени плакал, сам не знаю отчего. Живы ли они там? увижу ли их? Я ничего не знаю, как не знаю, что будет со мною через год, через месяц, завтра и даже в следующий миг. Холодные, каменные черты слепой судьбы стоят передо мною, я спрашиваю ее, стараясь угадать загадку этих черт... но я ничего [не] знаю. Ужасно это!

Кончаю; чувствую, что много не напишу сегодня. Охотно, очень охотно посидел бы сейчас с Вами и поговорил бы; ведь мы с Вами не виделись скоро уже 6 лет! Как время летит!

Будьте благополучны и приветствуйте Вл[адимира] Ан[атолевича].

Всегда Ваш

Алексей Гвоздинский

¹ *Кемаль* Мустафа (в 1934 принял фамилию Ататюрк) (1880-1938), первый президент буржуазной Турецкой республики (1923-1938), лидер народно-республиканской партии; с 1919 возглавлял буржуазно-националистическую революцию в Турции.

² Речь идет о греко-турецкой войне 1919-1922, окончившейся поражением греков.

³ *Восточный вопрос* — принятое в дипломатической и исторической литературе обозначение международных противоречий конца XVIII — начала XX веков, связанных с распадом Османской империи и борьбой

великих держав за раздел ее территорий. Термин впервые употреблен на Веронском конгрессе Священного Союза (1822).

⁴ «Разочарованные», «Азиаде» — романы Пьера Лоти.

10

Константинополь
20-го ноября 1920 г.¹

Какое печальное занятие — перечитывать старые письма! воображение рисует образы прошлого, вспоминается бывшее столь недавнее и уже такое далекое, всплывает в памяти масса мелочей, которые тогда казались такими обыденными, что мимо них мы проходили равнодушно, а теперь они нам дороги и бесконечно милы... Грустно! ужасно грустно читать старые письма!

Я долго сидел сегодня над Вашими, дорогая Елизавета Леонидовна; я читал Ваши письма, и вдруг мне почудилось, что я опять сижу у Вас на Жуковской; в комнате мягкий полумрак, тепло, тихо... который час? быть может, 2 или 3 — кто знает! но уже глубокая ночь, ибо во всем доме невозмутимая ночная тишина, и с улицы не доносится никаких звуков; в рюмке золотится вино из какого-то удивительного бурдюка (опять его достал где-то Вл[адимир] Анат[ольевич]!), приятно пить его медленными глотками, перелистывая последнюю книжку «Старых Годов» или только что вышедший том Рабиндранат Тагора...

Повторится ли опять когда-нибудь в нашей жизни такой вечер? будет ли свидание с тем, кто близок по духу, кто дорог?

Трудно предугадать, какую будет возрожденная Россия. Мне думается, что она будет плохим сколком России времен несчастного Николая II или же — федеративной и демократической. И в том, и в другом случае жить в России мне лично будет тяжело. В первом случае будет скучно, во втором — немного противно, ибо демос всегда являлся для меня «чудищем облым и озорным»; «стоzewно» оно, это «чудище» всегда вопило и будет вопить только о своем желудке; но я все же признаю историческую необходимость осуществления его чаяний и не могу не жалеть, что многие не понимают этого. Демосу принадлежит будущее. Это грустно, ибо демос несет гибель нашему миру, нашим ценностям, всему, чем мы жили и так дорожили, нашему быту... Это — фатально неизбежно; от этой мысли я никак не могу отрешиться, и потому мне иногда становится отчаянно грустно. По всей вероятности, нечто подобное переживали некоторые язычники, римляне

и эллины IV века, свидетели медленного и бесповоротного угасания античного мира и зарождения новой эры — христианской. Старые боги умерли, новому Богу поклоняться они не умели, да и *не хотели!* Когда Юлиан задумал восстановить храм Дельфийского Аполлона, он поручил это дело своему врагу Фивасию. Фивасий, как добрый язычник, решил сначала спросить Бога об успехе задуманного дела и получил ответ: «Скажите царю, что прекрасный дворец разрушен, что Аполлон не имеет более ни святилища, ни вешего лавра, ни говорящего источника, что замолчала журчащая вода».

Дельфийские жрецы всегда были людьми умными и ответы давали мудрые, они были, выражаясь по-современному, — реальные политики и в то же время романтики; они тогда, в IV веке, поняли, что дело Юлиана обречено на неуспех, что боги умерли, и никогда больше не зазеленеет увядший лавр, никогда больше не будет журчать источник у жертвенника Бога. И, сказав императору: «Оставь, боги умерли!» — они уходили, скрывались, унося в своей душе огонь потухающей веры и любовь к гибнущей жизни.

Так чувствую сейчас и я. Я чувствую, что старая жизнь погибла (и не только у нас в России. Мировая революция, о которой мечтает этот старый каторжник Ленин, будет, но только в иных формах; она уже началась!); а к новой жизни у меня нет «вкуса». И я охотно ушел бы куда-нибудь, скрылся... но куда?

Довольно странное направление приняли мои мысли под влиянием Ваших писем, скажете Вы... Но я вспомнил также, что я преступно долго не писал Вам, что и от Вас давно нет вестей. Что бы это значило? Как Ваше здоровье? быть может, просто рассердились на меня? или настроение стало уж очень мрачным? Когда я думаю о Вас, милая Елизавета Леонидовна, мне кажется, что и к Вам жизнь неласкова последнее время.

Недели две тому назад пережил большую радость — получил письмо из Одессы от мужа сестры. Письмо отправлено контрабандным путем и потому отличается лаконической осторожностью. Слава Богу, в конце июля все были здоровы и невредимы; разумеется, во всем сильно нуждаются и голодают; а что они теперь должны испытывать, когда наступили холода (в этом году исключительно ранние: два дня назад здесь шел снег), как они теперь страдают — одному Богу известно.

Прощайте, Елизавета Леонидовна, и не сердитесь на меня, все же Вашего верного друга. Привествуйте от меня Влад. Анатольевича.

Дай Бог Вам всего светлого!

Всегда Ваш Алексей Гвоздинский

¹ В пропущенном нами письме от 28 июля 1920 А.Гвоздинский поведствует о своем замысле написать книгу о Стамбуле.

Константинополь
20 ноября 1920

Сегодня на рассвете прибыл в Константинополь на крейсере «Кагул» генерал Врангель; последним вошел он в Босфор из Черного моря, оставив позади Единую Красную Россию. Крымский период борьбы с большевизмом закончен; парижские газеты, которые я не могу читать без некоторого чувства отвращения, будут теперь искать виновных в этой катастрофе, и русские люди, которых, по-видимому, объединяет одна и та же ненависть к Ленину, будут сваливать вину друг на друга. — Действительно, может показаться непонятным, каким образом Врангель, располагавший, как говорят, стотысячной армией (прибывшие в Константинополь остатки этой армии составляют 35 000 человек), не смог удержать перекопской узкой позиции, сильно укрепленной, и для обороны которой и не требуется такая большая армия. Но армия эта не была одета, не была обута, не имела снарядов и патронов и была голодна. Против нее же стояла армия, значительно превосходящая ее численностью, с огромной артиллерией всевозможных калибров, громадным запасом снарядов и такими средствами борьбы, как ядовитые газы.

Мне непонятно одно: каким образом большевики, находящиеся, как это мы читали ежедневно в газетах, при последнем издании; большевики, против которых восстала чуть не каждая русская деревня; большевики, отрезанные от всего мира и блокируемые со всех сторон, не имеющие ни фабрик, ни заводов, ни транспорта; большевики, о которых с самого начала говорили, что они продержатся 3-4 месяца, — каким образом эти большевики смогли просуществовать 3 года, уничтожить Юденича, Колчака, Деникина, почти раздавить Польшу (не помешай им в этом Франция) и, наконец, выгнали из России Врангеля?

Я знаю, что многие, особенно в Западной Европе, будут истолковывать поражение Врангеля как окончательное торжество большевизма. Это, конечно, не так. Но не пора ли все-таки сознаться честно, что бесталанная российская революция оказалась все же способней, жизненней и сильней российской контрреволюции?

Что же будет дальше? Пока я не вижу ясных горизонтов; в связи с катастрофой в Крыму, разгромом Армении кемалистами¹ и поражением Венизелоса² на Ближнем Востоке создается положение, чреватое всякими возможностями, и мы, живущие в Константинополе, живее всего это почувствуем. Между прочим, парламент турецких националистов в Ангоре³ серьезно обсуждает вопрос о присоединении Турции к III Интернационалу... Стамбул и Интернационал — это такое дикое и безобразное сочетание, что кажется невозможным, но я перестал верить в несуществование невозможных вещей.

У Принцевых островов стали на якорь 120 пароходов, на которых эвакуировано из Крыма около 130000 человек; на некоторых пароходах люди *стоят* вплотную друг к другу, они могут, может быть, присесть, но о том, чтобы вытянуться и прилечь — не смеют и мечтать. Первые дни сидели без пищи и воды... словом — это настоящее, большое, глубокое бедствие, и страдания этих людей безмерны. Если люди хотят доказать, что они не превратились окончательно в волков, они должны помочь этим беженцам из Крыма.

Все наши летние здания в Буюк-Дере, все залы и гостиные Посольства отданы беженцам и раненым.

Любопытно, что англичане официально не хотят помогать нашим беженцам, мотивируя свой отказ тем, что Врангель в свое время не принял предложения Британского правительства вступить в переговоры с большевиками и примириться с ними⁴. Всем покажется такая постановка вопроса странной, но в таком духе была составлена нота, полученная нами от англичан; к чести адмирала de Robeck, His Majesty's High Commissioner⁵, нужно отметить, что он не подписал этой ноты, а поручил это своему помощнику.

Вот, дорогая Елизавета Леонидовна, в нескольких словах те события, которые в данный момент больше всего волнуют нас. Все это — бесконечно грустно. И когда задумываешься над всем, что происходит, то снова где-то в глубине моего «я» поднимается все тот же безумный и гневный вопрос — кому все это нужно? К чему все это? Ответа на этот вопрос я никогда не получу, как никогда не найдется такой силы, которая заставила бы меня поверить, что есть хоть в чем-нибудь смысл и цель.

Шнитников⁶, которому Вы поручили передать мне лаконичский и столь суровый упрек, выполнил свое поручение, вернувшись из Крыма. Тем временем я уже успел отправить Вам одно послание с просьбой — не сердиться за долгое молчание. Из этого Вы можете видеть, что я не считаюсь письмами с Вами. — Милая,

милая Елизавета Леонидовна! я очень люблю, когда Вы сердитесь; в таких случаях иногда Вы бываете правы, но все же — не всегда. Как мне Вас убедить, что я никогда не считаюсь с Вами письмами? Вы не хотите верить, что у меня порой бывает такое душевное состояние, порой очень длительное, когда мне невыразимо тяжело писать, говорить, видеть людей, слушать их, когда я замыкаюсь в себе, в своем страшном одиночестве. И тогда даже Вам, мой испытанный и милый друг, даже Вам я не сумею сказать ни единого слова, которое стоило бы сказать. Я слишком дорожу Вашей дружбой и глубоко люблю Вас, моего большого друга, чтобы говорить Вам то, что говоришь ежедневно при встрече с людьми, к существованию которых совершенно равнодушен. Сегодня я их встретил, завтра — нет, а может быть, и никогда больше не встречу — мне все равно! А как я был бы счастлив встрече с Вами! Лучше молчать, чем говорить Вам слова, лишённые смысла и чувства.

Как знать, быть может, мы с Вами и увидимся скоро... может быть, скоро начнутся мои скитания, я двинусь на Запад. Все это пока предположения и предчувствия, вызванные тем, что сюда эвакуированы все учреждения Правительства Врангеля. В Посольстве будет так много чиновников Управления Иностранных Дел, что начнется сокращение штатов, и я, как самый молодой по службе, останусь за бортом.

Вряд ли мне удастся найти в Константинополе какое-то дело или занятие, и вот почему я думаю, что придется двинуться на Запад; хотя и там будет трудно, а главное, и выбраться отсюда трудно: с одной стороны — визы, с другой — средства позволяют мне доехать до Дарданелл, но едва ли дальше.

Пока же я прощаюсь с Вами до следующего письма, которое, надеюсь, будет написано ранее 2-х месяцев. Милая Елизавета Леонидовна, не сердитесь и простите верного друга Вашего

Алексея Гвоздинского

Все же, судя по тому, что некоторые мои вопросы остались без ответа, я заключаю, что 1 или 2 моих письма не дошли до Вас.

Привет Владимиру Анатольевичу!

¹ Речь идет об армяно-турецкой войне 1920, закончившейся поражением Армении и подписанием Александропольского договора, поставившего Армению под протекторат Турции.

² *Венизелос* Элефтерий (1864-1936) — лидер греческой либеральной партии, в 1910-1915, 1917-1920, 1924, 1928-1933 премьер-министр.

³ Современное написание — Анкара. Речь идет о созданном 23 апреля 1920 новом парламенте — Великом национальном собрании Турции.

⁴ Вероятно, имеется в виду отказ лидеров Белого движения в январе 1919 заключить перемирие с большевиками. С предложением о заключении перемирия и созыве конференции на основе сохранения занятых к этому времени территорий от имени держав-победительниц 22 января 1919 обратился ко всем правительствам России президент США В. Вильсон.

⁵ Верховный Комиссар Ее Величества (англ.).

⁶ Знакомый Миллеров.

12

Константинополь
8 декабря 1920 г.

Вы всегда упрекаете меня за то, что я считаюсь письмами, и за это мнимое преступление казните страшной мезтью: последнее письмо Ваше помечено 21 июля — более 4 месяцев не пишете. — Да простят Вас боги, милая Елизавета Леонидовна!

Собрался Вам писать под гнетом многого, что вижу и слышу, что печалит и рождает мысли совсем не веселые. Каждый день нас приближает к какому-то неведомому будущему, которое многих так пугает, что они совершенно потеряли способность спокойно рассуждать и здраво оценивать события. В данный момент в Константинополе потянуло каким-то паническим ветерком, замечается усиленное стремление запастись какими угодно вилами и в любые страны. Я видел вчера характерный паспорт, в котором значится, что такой-то «se rend en Europe et en Amerique»¹. — И едут наши растерявшиеся эмигранты куда глаза глядят, лишь бы уехать подальше. Беда лишь в том, что теперь с каждым днем все меньше стран и мест, куда пускали бы бедного россиянина. — Сегодня некий взрослый младенец спросил меня: правда ли, что с 1 января Посольство переходит к большевикам?

Основательны или нет все эти страхи и опасения — не берусь судить, но в константинопольских настроениях сейчас мало приятного, и жить тут стало тяжело. Местные аборигены жалуются, что русские создали страшную дороговизну, а русские женщины внесли разврат и разложение в добрые константинопольские нравы.

Я иногда чувствую невыносимую боль в душе, и стыд, и злобу. Так много горя видишь на каждом шагу и такую бездну без-

душного эгоизма людей, которые могли бы помочь, но ничего не делают, ибо им всего дороже собственный покой и разный житейский вздор. Люди стали как шакалы — трусливы и подлы — жадны до чужого, а своим поделиться не хотят. Мне особенно тяжело, потому что выпало на долю быть свидетелем того, каким махровым цветком выросли все эти качества у людей, которых должен считать близкими.

Наше Посольство превращено в лазарет; в великолепных залах, где прежде устраивались блестящие рауты и балы, — теперь лежат раненые и больные, а большой двор — это биржа и базар, где с утра до вечера толпятся беженцы, продают десятки тысяч рублей за несколько пиастров, золотые вещи, бинокли и т.д. — И весь город полон сейчас русских, голодных, оборванных, грязных: кто продает что-нибудь, кто ищет к вечеру ночлега, кто просто шатается по улицам без дела. Эти, пожалуй, значительно счастливее тех, которых французы интернировали по лагерям в окрестностях Константинополя, где условия существования хуже самого скверного, что нам пришлось пережить в Германии, хуже знаменитого Strocher Moog'a²! Французы бессердечны, безжалостны, грубы и скупы.

Особенно тяжело положение Армии, интернированной на Чаталунг, Лемнос и Галиполи [sic]. Люди мерзнут, т.к. живут в палатках, и голодают. И этих истерзанных, голодных людей генерал Кутепов³ донимает ежедневным строевым учением и мелочными требованиями соблюдения воинской дисциплины. Повторяется то, что было в отряде Бредова, где последнего в конце концов возненавидели бешеной ненавистью. Мне рассказывали подобный случай: генерал Кутепов здоровается с гвардейской ротой, состоящей сплошь из офицеров. «Здорово, молодцы!». В ответ — гробовое молчание. Генерал не смущается: «Что же вы так тихо отвечаете? Здорово, молодцы!» Опять молчание. — Двое офицеров бежали из лагеря, их поймали и вернули. Кутепов хотел их расстрелять, но суд присудил им по 20 лет каторги, причем, ввиду исключительных обстоятельств, просил о смягчении приговора, в чем Кутепов отказал. В результате — офицеры все-таки разбегаются: каждую ночь переправляются на Азиатский берег и идут к Кемалю. В то же время в лагере идет пропаганда большевиков. — Врангель, кажется, ставит себе в крупную заслугу, что он вывез так много людей из Крыма. Будущее покажет, насколько это было вообще в интересах многих эвакуированных и насколько эвакуация такой большой армии послужит делу борьбы с большевизмом.

Трудно мне писать, дорогая Елизавета Леонидовна!

Как видите, письмо пролежало без движения несколько дней. Все время сталкиваешься лицом к лицу с целым рядом явлений, которые вносят такой разлад и такое нестроение чувств, мыслей, что становишься неспособным решительно ни к чему.

Тем временем я получил два Ваших письма и буду уж отвечать на них. А.В.Романову⁴ разыскал в тот же день, когда получил письмо Вл[адимира] Анатольевича: она работает в лазарете при Посольстве. Познакомиться же с ней не удалось: она слишком занята своей работой, да и у меня дела не мало.

Навожу справки об Анне Евгениевне, но думаю, что напрасно. Из Симферополя, по словам бежавших оттуда, мало кому удалось выбраться (эвакуацию никто не ожидал и не предвидел — о, слепые люди!), а кроме того наше «Главное Справочное Бюро» — отвратительная лавочка, через которую или совсем не получишь нужную справку, или же она приходит через 1-1,5 месяца. Расспрашиваю всех, от кого можно ожидать получения сведений об А.Е., и, во всяком случае, что можно будет сделать в этом направлении — сделаю.

Какой горькой иронией звучат Ваши слова о том, чтобы устроить А.Е., на случай, если она разыщется, — в приличное место! Знаете ли Вы, что такое Лемнос, Кипр, Тель-эль-Кебир, куда до сих пор посылали русских беженцев? Когда-нибудь все-таки мы напомним об этом тому, кому знать надлежит, а сейчас об этом трудно и долго говорить.

Вы говорите, что у нас, живущих в Константинополе, есть «хоть связь с тем, что осталось от России». И завидуете нам.

Это не так, Елизавета Леонидовна! и напрасно Вы завидуете.

Россия осталась там — по ту сторону Черного моря; Россия — в Крыму, в Костроме, в Симбирске, в Петербурге... Здесь же, в Константинополе, никакой России нет, а если есть, то у нее нет будущего, ибо она обречена на смерть (моральную, разумеется). Единственное, что осталось в Константинополе от России — это большой Двуглавый Императорский орел, который по-прежнему спокойно и гордо парит над главным фасадом нашего Посольства. Здесь — 100000 измученных и глубоко несчастных русских людей. Вот и все. Их надо жалеть, необходимо помочь им, но чувствовать утешение от того, что находишься среди них — не приходится; лично я, по крайней мере, этого утешения не нахожу именно потому, что эти люди не олицетворяют для меня России, как вообще не олицетворяют ее русские люди, которые разбрелись по

Балканам и Западной Европе. Вся эта эмигрантская масса, которая порой называет себя «цветом России», — есть бывшая, погибшая Россия, люди прошлого, но не будущего. Они так до сих пор и не знают по-настоящему, что произошло в России и что там происходит; они знают, что там есть чрезвычайки, где с живых людей сдирают кожу; есть вша и сыпняк, нет фабрик и хлеба. Но они совершенно не знают той глубокой, ужасно глубокой перемены, которая произошла во всем строе мыслей и чувств народа, живущего сейчас в Совдепии. С этим надо считаться, придется неизбежно считаться, прежде чем твердить «борьба продолжается», и что России нужен царь или что-нибудь в этом роде.

К России у меня такое странное и сложное чувство, что мне самому нелегко в нем разобраться. Люблю ли я ее или ненавижу? Порой я ненавижу ее так же пламенно, как раньше любил. Я возненавидел своих соотечественников, возненавидел еще в плену; кажется, я уже писал Вам, что они причинили мне больше огорчений, чем мои враги — немцы. Такой дикости, некультурности, абсолютного неумения беречь свое достоинство — мне не приходилось раньше наблюдать; и наряду с этим — какие претензии! Дайте русскому гимназисту 6-го класса карту звездного неба — он вернет ее вам исправленной... как это верно сказано!

И Россию я возненавидел, тоже сидя в плену, после лета 1917 года, когда рушилось все, чем я жил и о чем мечтал.

И все же я чувствую, как в глубине души сохранился уголок, где еще теплится огонек нежности к этой великой стране. Читали ли Вы когда-нибудь «Путешествие за три моря» Афанасия Никитина? там встречаются удивительные слова: «в Индии нет сильного жару; несносно жарко в Богареме, Джидде, Баку, в Аравии; жарко и в Хорасанской земле, но не очень; жарко и в Ширазе, но бывает и ветер; несносно жарко бывает в Шемафе, в Вавилоне, в Сирии; в Алеле уже не так. Обильны всем побережье губы Севастопольской, и Грузия, и Турецкая земля; обилье во всем и все дешево в Волошской земле⁵. А Русская земля — да сохранит ее Бог! Боже, сохрани ее! В этом мире нет такой прекрасной страны. Да устроится Русская земля!» Так писал в XV веке тверской купец, по торговым делам попавший в отдаленные глубины Индии и проведший там 3 года, все время тоскуя и мечтая о далекой милой Твери. Случайно найдя эту запыленную книжку на чердаке Посольства, я притащил ее домой, и когда уж очень скверно становится при мысли о том, что делается в России, я перелистываю эти старинные страницы. И откуда-то, из каких-то тайников душевных, вдруг поднимается теплая волна нежности, печали и слез.

Люблю ли я Россию? Часто я думаю о ней с такой неудержимой злобой. Но часто и повторяю за Афанасием Никитиным слова его молитвы.

Быть может, в горниле той мерзости, которая затопила сейчас всю Россию, в этой крови, грязи, сыпняке и нарождается новое слово, которое спасет не только Россию, но и весь мир... может быть! У меня сейчас нет сил верить в это, но со временем, вероятно, уверую. — Я люблю Россию и ненавижу ее.

Я бесконечно счастлив, это могу сказать вполне определенно, что здесь под боком есть Стамбул, куда можно уйти и от беженцев, и от большевизма, и от Венизелоса, в честь которого сегодня глупые греки устраивают шумные манифестации по Пере.

Удивительный город, где в самом центре его можно найти совершенное безлюдье, ясную тишину и полное одиночество — все, что я так люблю.

Стоять на гребне одного из 7 стамбульских холмов, у стен древней византийской церкви, подставить лицо спокойному и ровному ветру, идущему с севера, слушать, как старый платан около церкви шелестит пожелтевшими листьями... как это хорошо! Ветер срывает один за другим листья, они носятся по воздуху и на голубом небе становятся прозрачными, золотыми. Я долго смотрю на падающие листья, и мне больше ничего, ничего не надо! В этом одном золотом листе платана, падающем на смоченную недавним дождем землю, больше значения, и смысла, и красоты, чем во всем, что сейчас происходит в мире.

Благодарю Вас, милая Елизавета Леонидовна, за письма; рад им очень, хотя они мало рисуют мне Вашу жизнь. Я хочу больше знать. Но вижу, что душа Ваша болит, и понимаю, что тяжело писать. Еще раз благодарю Вас за то, что не забываете, если бы знали, какая это для меня радость!

Дай Бог Вам здоровья и ясности душевной.

Думаю же о Вас постоянно.

Ваш Алексей Гвоздинский

¹ Направляется в Европу и Америку (*фр.*).

² Лагерь для военнопленных, где в годы войны находился Гвоздинский.

³ *Кутепов* Александр Павлович (1882-1930) — с 1920 возглавлял Добровольческий корпус, в который тогда была свернута Добармия.

⁴ *Романова* Александра Вадимовна (ум. в 1961) — сестра милосердия, участница Белого движения. Активная деятельница Красного Креста и одна из создателей Русского Красного Креста Старой Организации. С 1918 в эмиграции.

⁴ Валахия (*Волошская земля*) — историческая область на юге Румынии, между Карпатскими горами и Дунаем.

13

Константинополь
3 февраля 1921 г.

Милая Елизавета Леонидовна,
проходил сегодня по Стамбулу и зашел в мечеть Баязета, того самого султана, который много путешествовал по своему царству и имел обыкновение собирать пыль, осевшую на его одежде и обуви. К концу его жизни набралось столько пыли, что из нее сделали целый кирпич. Теперь султан Баязет спит вечным сном в тюрьме около построенной им мечети, и под голову ему положен кирпич, сделанный из пыли его странствований. Если бы Вы знали, как я завидую этому непоседливому Баязету: если бы я имел такую же, как и он, возможность путешествовать; у меня сейчас безумное желание уйти из Константинополя, желание оставить все, передвигаться с места на место, блуждать, странствовать... Но увы! у меня нет сокровищ падишаха, нет и дурацких виз.

Любя большой любовью Константинополь, который является для меня самым прекрасным городом в мире и, вероятно, останется таковым, все же хотел бы покинуть его теперь, чтобы вернуться когда-нибудь потом, когда он примет иной облик.

Мне надоели эти «Высокие Комиссары», которые распоряжаются тут, как у себя дома; мне опротивели зеленатоватые англичане, пестрые французы, опереточные *carabinieri*; — вся эта чужеземная солдатня, как вша российская расплзшаяся по всему Константинополю и наводнившая его до самых отдаленных предметов; меня раздражают все эти «*Controle Interallie*», «*Commission Interallie*», «*Bureau Interallie*»¹, им же нет числа!

Я не могу видеть и эту многотысячную толпу моих любезных соотечественников, все эти грязно-серые фигуры в лохматых папах и продранных шинелях, этих конногвардейцев с винтовками и шашками, охраняющих неведомо от кого Посольство и Консульство; мне тяжело видеть эти бесчисленные комиссионные магазины с чудесным старинным серебром, фарфором, фамильными драгоценностями, прелестными табакерками и разными изящными вещами, вынесенными беженской волной на Перу... и толпу сытых англичан, раскупающих эти последние обломки русского быта. Мне надоели и те пленительные, с алыми губами и стройными ножками, русские дамы, которые приходят к нам в Канцелярию и устраивают нелепые сцены из-за того, что мы не можем

оказать им содействие в получении виз на Вену или Белград. Сегодня явился к нам некий корнет, которому стамбульская почта не доставила высланной из Италии посылки, и стал требовать, чтобы мы снеслись с итальянцами и разыскали посылку. Когда я высказал предположение, что к нам скоро будут обращаться мужья с просьбами о розыске сбежавших жен — корнет обиделся ужасно. Мне надоели эти россияне, справляющиеся у нас в Посольстве о хорошем оптике, дешевом портном, о лучшей бане в Константинополе.

Мне надоело все это нестерпимо, и хочется бежать подальше от всего.

Мечеть Баязета прелестна своим двором с фонтаном для омоений, старыми кипарисами и платанами и аркадами, под которыми седые турки торгуют четками и духами. В воздухе струится странный пряный аромат, совершенно не похожий на то, что делают Coty, Legrand, Roger и Atkinson². Здесь у меня есть старый приятель, почтенный дервиш, у которого я люблю рассматривать коллекцию четок. Мне нравится перебирать эти шелковые нити с куточками перламутра, шариками из разных камней и пахучего дерева. Кое-как я объясняюсь с старым дервишем и жалею о тяжелых временах; он меня успокаивает с уверенностью человека, который многое знает и многое предвидит. «Хуже не будет. Теперь будет только лучше. То счастье, которое тебе суждено, ты получишь, а больше этого счастья — не будет! Кисметен зиадэ олмаз!» Он достает флакон с какой-то густой, изумрудного цвета, жидкостью и выливает мне на руки несколько капель. И я ухожу от старого дервиша, унося смешанный запах фиалок и роз, а в душе — какое-то странное спокойствие. Кто знает, быть может, он прав!

Но, вернувшись в Перу, я встречаю знакомого, который рассказывает со слов лица, бежавшего из Одессы, что все жильцы того дома, где жила моя сестра, выселены. Надо Вам знать, что это огромный дом, принадлежащий обществу квартирновладельцев; в нем около 200 квартир; дом этот удобен для размещения разных штабов и учреждений, поэтому известие, которое мне передали, — очень правдоподобно. Я знаю, что муж Маруси — человек расторопный и не теряющийся, но все же я упал духом и впал прямо в отчаяние. В последнее время я много думаю о сестре и сильно тревожусь. Мне снятся нехорошие сны и пугают своим зловещим значением. У меня так невыносимо болит душа за Марусю и ее малышей, что я порой не нахожу себе места и не знаю, что делать с собой.

Никогда я не чувствовал еще такой усталости, как сейчас. И все, что терзает меня, я таю в своей душе, всегда один лицом

к лицу с моими тревогами и моими муками. Не с кем поговорить! Да и говорить не хочется, просто помолчать, но с человеком, который молчание твое понял бы.

Безрассудное желание прийти и лечь у ног и положить голову на колени тому, кто может сказать нежное слово, простое человеческое слово... о, какое это счастье!

Вас удивляет, что Яшу Лозинского³ не выпускают из Галипо-ли. Не выпускают, ибо не оставили намерения воевать с красными. По городу идут слухи о предстоящей мобилизации, я думаю, что они преждевременны. Но к весне что-то готовится. Все это я считаю безумным и преступным предприятием; преступным не потому, что оно направлено против Советской России, а потому, что оно закончится катастрофой и ненужной гибелью многих тысяч людей. Об этом я пишу немного подробнее Владимиру Анатольевичу.

Прощайте, дорогой друг. Да хранит Вас Бог. Пишите мне доброе и славное письмо, мне трудно сказать, как нужно мне сейчас приветливое слово.

Ваш Алексей Гвоздинский.

¹ Вероятно, организации союзников, осуществлявшие контроль за соблюдением Севрского договора.

² Известные европейские парфюмерные фирмы.

³ Двоюродный брат Е.Л.Миллер; выбравшись из Галлиполи, жил в Румынии.

Константинополь
7 июня 1921 г.

Дорогой Владимир Анатольевич,
могу себе представить, какими нехорошими словами ты бранишь меня! Я всецело присоединяюсь к тебе и браню себя еще худшими словами. Получил уже давно оба твоих письма, а также 10 англ. фунтов для полковника Бурага; деньги эти я переслал в Галиполи через Всероссийский Земский Союз; судьба их долгое время оставалась неизвестной, пока мне не ответили справкой и распиской, которые тебе посылаются. Меня удивляет, что сам полковник до сих пор не сообщил в Лондон о получении денег; это обстоятельство заставляет меня сомневаться в верности дан-

ной мне справки. Воровство в здешних эмигрантских кругах стало заурядным явлением, и если решают украсть, то над размерами суммы не задумываются, не размышляют также и о том, кого обворовывают. Поразительно, до какой степени атрофировалось у русского человека чувство уважения к чужой собственности. В этом отношении особенно яркий пример можно наблюдать в Буюк-Дере, где в летней резиденции нашего Посольства живет около 1000 беженцев. Вековой чудесный парк, один из роскошнейших на всем Босфоре, уничтожается безжалостно; вырубаются великолепные пинии, могучие кипарисы; разбираются на топливо оранжереи; исчезают скамейки, столики, мостики, загажены и затоптаны цветники.

Покойный мой отец, любивший этот парк, как свой собственный, насадил там массу кипарисов; ухаживал за ними, радовался росту каждого и искренне огорчался, если иной хирел и увядал. Много этих кипарисов стали прекрасными здоровыми деревьями. Но пришел беженец... и оставил после себя одни лишь пни. И все это делается в парке, который похож на лес, где масса хворосту и упавших деревьев; но за ними надо продираться сквозь чащу, гораздо проще срубить дерево, которое стоит у дороги. Когда пробуешь взывать к разуму и совести этих разрушителей, они неизменно отвечают: «Чего там жалеть какой-то парк, когда погибла Россия». И невольно зарождается вопрос: что смогут дать будущей России люди с такой логикой и такой психологией? Эти люди до такой степени искажены и изуродованы гражданской войной, что, когда я говорю с ними, мне кажется, что они говорят на каком-то незнакомом мне языке, — так непостижимы их рассказы о том, что делалось в России в эти 2 последние года! Грабители погубили Россию («грабь награбленное»), и грабители же загубили дело освобождения России от большевиков.

Скучно у нас сейчас в Константинополе в русских кругах! Все мертво, какая-то бесцельная вялость во всем и везде, взаимная грызня, и апатия, и лень. Над беженством нависла суровая трагедия, и один Аллах знает, что предстоит этой массе людей, которые неизвестно зачем и для чего бежали сюда из Крыма и готовы теперь вернуться в Россию. — А когда нам суждено вернуться... Я потерял всякую веру в то, что это может случиться в недалеком будущем.

Хочется мне уехать отсюда, да ничего до сих пор не выходит с визами. Куда бы ни пришел, лишь только покажешь русский паспорт — на тебя смотрят не то с сожалением, не то с ненавистью и отказывают. Зато Кудишь, здешний советский представитель, беспрепятственно выехал, кажется, в Англию. Правда,

французы, прежде чем выпускать его, запросили нас, имеем ли мы что-нибудь против этого; на это им было отвечено, что мы решительно не имеем ничего против. Я с наслаждением напустил бы в Западную Европу столько большевиков, сколько тараканов в константинопольских турецких банях.

Очень прошу тебя не сердиться на меня за долгое молчание; верь, что очень уж мрачно было на душе. Друзей своих, в молчании своем, я все же никогда не забываю.

Ну, старина, будь здоров и крепок! Все пройдет, и мы увидим с тобой еще не один бурдюк с добрым вином. — Обнимаю тебя дружески.

Твой Алексей Гвоздинский

15

Константинополь
8 июня 1921 года

Дорогая Елизавета Леонидовна,

все, что мне удалось узнать о Вашем двоюродном брате, сводится к тому, что в здешнем Haut Commissariat de Roumanie получена для него виза за номером 205 уже давно (3 января); о нем самом здесь мне не смогли ничего сообщить. Официальным письмом от Миссии на имя Военного Агента просили навести справку в Галиполи, ответа пока нет; как только узнаю что-нибудь — сообщу Вам.

Теперь буду писать Вам о себе; это скучно, но все же самое интересное из всего, чем могу поделиться. Лежит у меня длиннейшее письмо Вам, сочиненное в начале марта в ответ на Ваши слова: «надо бить и бить большевиков». Как это случилось, что я не отослал его — не знаю; если бы Вы прочли его, то, наверно, решили, что я стал коммунистом. Но я все же не коммунист, не большевик и в данный момент охотно следую совету Флобера — предоставить заниматься политикой консьержам; о большевизме basta! Больше не буду говорить.

По-видимому, в моей жизни должны произойти какие-то перемены; дипломатическая карьера моя близится к концу. Мне кажется, что придется оставить наше Посольство, которое медленно и тихо умирает. Иначе не могу определить положение вещей, существующее сейчас. Будущее мое темно и непонятно, как история мидян. Что будет — не знаю. Намечаются кое-какие возможности, некоторые комбинации, но пока об этом писать не буду,

затем что если начну раньше времени говорить о своих планах, они неизменно кончатся плачевной неудачей. Такая уж у меня примета; я, как и надлежит просвещенному человеку, суеверен: верю в приметы, в сны, в встречных попов, несмотря на то, что они падаются тут на каждом шагу, и в кошку, перебежавшую дорогу.

За последние 2-3 месяца живу напряженной жизнью, в которой моменты подъема и внутреннего просветления сменяются днями и неделями безумного отчаяния, дикой тоски. Я не понимаю, что со мной. Когда начинаю анализировать себя, мне кажется, что мое состояние — результат плена. Не знаю, продумал ли кто-нибудь из тех, кто сидел в плену, «проблему плена», а такая, несомненно, существует, недаром немцы еще во время войны писали об особой *Stacheldrahtpsychologie*! Я утверждаю, что плен изувечил и искалечил мою душу, если не на всю жизнь, то, во всяком случае, надолго; и большинство из нас, пленных, вернулось домой, неся в себе более или менее заметные следы опустошительного влияния плена. Когда я приехал в Одессу, Маруся спрашивала меня: «Плен не сломил тебя? Ты по-прежнему бодр и силен духом?» Я смеялся и отвечал, что об этом не приходится даже и спрашивать. Но скоро я заметил, что во мне происходит что-то странное, точно во мне сидел кто-то, чувствующий иначе, по-другому, чем раньше. Я, например, ласкал Марусиных детей и играл с ними, но в моем отношении к ним не было прежней нежности, искренности, непосредственности. Я с ужасом замечал, что занимаюсь ими только потому, что это дети моей сестры, мои племянники. Раньше мне самому хорошо было с детьми, поэтому и дети чувствовали себя со мной легко и свободно, любили меня. Теперь этого как будто не было. — Затем для меня началась новая пытка: я не мог переносить смеха; когда у нас собиралось общество веселых, смеющихся людей, я вставал и уходил, к великому огорчению Маруси, которая, не понимая, что со мной, начинала сердиться и говорить мне неприятные вещи. Помню также мои впечатления, когда я впервые после плена попал в театр. Опера, которая в Одессе была очень и очень приличная, оставила меня совершенно холодным; а драматический театр взволновал ужасно; когда я услышал впервые сценическую русскую речь, я зарыдал.

Порой мне кажется, что я похож на того мальчика из сказки Андерсена, которому в глаз попал кусочек злого зеркала, и в сердце тоже; и мне придется испытать какое-то большое страдание, чтобы в слезах моих вышел из сердца этот злой кусочек.

Я боюсь людей и ухожу от них, особенно если мне указывают на них. Так я и не познакомился с А.В.Романовой; один только раз был у нее, но дома не застал, а после этого не искал встречи.

А теперь ее здесь нет. И кто знает, быть может, я поступил глупо и ошибочно. Боюсь увлечений, а уберечься от них не умею, и на Пасхе пережил что-то дикое, странное, не совсем обыкновенное: 10 дней, все длилось именно столько, я переживал гамму удивительных ощущений и был почти счастлив. Затем все кончилось, она уехала, и я опять один, и вся моя великая беда в том, что я совершенно не умею забывать. Это тоже моя болезнь: о будущем я не думаю, настоящее меня не интересует, а живу я прошлым, личным своим или чужим. Словом, ни к чему я не годный человек!

О своих, оставшихся в России, до настоящего дня не имею никаких известий. Послал Марусе тремя разными путями письма и деньги, жду теперь ответа, но надежду питаю слабую. Что она, бедная, там делает? Читали ли Вы «Дневник» Зинаиды Гиппиус, напечатанный в «Русской Мысли»?² о жизни их в Петербурге? Читаешь эти отрывочные записи, и под конец вами овладевает такое чувство, точно вы живете в холодной, сырой комнате, где каменные стены, голые, без украшений; где мало света, а по полу ползают какие-то мокрые липкие гады. Омерзительна жизнь в России, и станет она лучше, когда мы с Вами поседем.

Здесь же — мало перемен. Как будто меньше стало русских; многие возвращаются в Россию — казаки, матросы, солдаты; интеллигенция пока не трогается с места и заполняет кинематографы и рестораны, которых тут множество; поют цыгане, танцуют, выступают создательницы разных «новых жанров»; а одно время здесь пышно расцвела игра в лото, причем играли не только на деньги, но на карту ставилась... хорошенькая женщина, которую можно было выиграть за 50 пиастров. Таковы результаты мирного завоевания Константинополя русскими. Когда-то мы вешали щиты на цареградских стенах да по босфорским берегам ставили кресты, на которых распинали византийских монахов и гречанок, а теперь привезли сюда своих женщин и продаем их... меняются времена, меняется и человек.

Не люблю я своих соотечественников (здешних), хотя знаю, что многие из них испытывают подлинное, глубокое горе, и вижу на Пере русских женщин, к которым мне хочется подойти и низко поклониться до земли.

Сердитесь ли Вы на меня, милая Елизавета Леонидовна? Ведь — нет, не правда ли? Я не решаюсь Вам обещать, что скоро опять напишу.

Кажется, написал много лишнего, но пусть идет мое послание таким. Будьте здоровы, мой дорогой и хороший друг, всегда помню Вас,

Ваш Алексей Гвоздинский

¹ Stacheldrahtpsychologie (нем.) — букв.: психология тех, кто находится за колючей проволокой, от Stacheldraht — колючая проволока.

² Русская мысль. 1921. №1/2.

Roma. Hotel Victoria.
Via Sardegna
20 сентября 1921

Милая Елизавета Леонидовна,

я в Риме! Знаете ли Вы, что это означает для меня? всю жизнь я думал об Италии, о Риме, как о далекой, далекой и недостижимой мечте... и вот я — в Риме; живу в нескольких шагах от Pincio и Piazza d'Espagna, места, которые были мне родными еще тогда, когда я жил на Екатерининском проспекте. Вечером я люблю сидеть на каменной скамье над Piazza d'Espagna, смотреть, как гаснет закатное небо над Вечным Городом. И только здесь мне стали понятны слова Гоголя о том, что нет лучшей участи, как умереть в Риме, когда все изменит, и не останется в целом мире угла, который привязывал бы к себе.

Я не раз писал Вам из Константинополя о моем желании пожить в скитания. Но когда настал день отъезда, я почувствовал великое сожаление о тех берегах, от которых отрывался. И теперь, даже здесь в Риме, я думаю порой о Константинополе с нежностью и печалью: это город, пребывание в котором не пропадет без следа. Два года, прожитые там, запечатлелись в моей памяти как ряд счастливейших дней моей жизни. Я жил в Константинополе, но это — не тот город, который знают большинство людей, бывавших или живущих там; мой Константинополь призрачен, это образ, который я творил целых два года, и, может быть, поэтому он так владеет мною, и с такою яркой силою порой вырастает передо мною над строгим и величавым образом Вечного Города.

Я ехал сюда на определенные предложения и обещания, но по приезде моем выяснилось, что эти обещания не могут сдержать. И вот я очутился тут без дела, без занятий, без заработка и почти без денег. Походил, позондировал в разных местах — ничего! И найти тут русскому человеку какое-нибудь дело очень трудно.

Железная необходимость «куска хлеба» гонит меня прочь из Рима. И я, еще не пив воды из фонтана Trevi, уже чувствую весь ужас расставания с Римом и грядущую *nostalgia* по нем. Придется

мне ехать в Берлин, где находится мой брат, и попытаться там что-нибудь найти; там у меня на это больше шансов. Сколько раз в плену давал себе слово не ездить в будущем в Германию!.. Какая это отвратительная гримаса судьбы!

Недели за две до моего отъезда из Константинополя получил письмо из Одессы от Маруси. Там все живы и здоровы (если можно сказать «здоровы» про людей, от которых осталась кожа да кости!), но какие-то ужасные письма, полные безысходного отчаяния и беспросветной тоски по иной жизни! Стали они в полном смысле нищими, ибо продавать уже нечего (у каждого осталось по 3 смены белья!) — Я послал им через верных людей денег и разных припасов, но это, разумеется, капля!

Отсюда месяц тому назад отправился в Москву знакомый итальянец в качестве официального представителя Италии. Я дал ему сведения о сестрах и просил добиться для них разрешения на выезд в Константинополь. Есть надежда, что это будет исполнено.

Думы об оставшихся в России и о разных других наших домашних делах, принявших к моему переводу в Рим фатальный и острый характер, не дают мне покою и часто заслоняют мне совершенно Рим. Я тогда ничего не вижу, т.е. глаза-то видят, но мысль и чувство так далеки от этого круга восприятий! Мучительно это чувство вечного раздвоения!

Я так и не получил ответа от Вас на мое довольно длинное письмо от 8.VI. Сердиты ли Вы, или у Вас слишком много своих горестей... не знаю, но я был бы так рад получить от Вас здесь в Риме весть, хоть самую краткую, но знать, что Вы не забыли меня и остаетесь моим добрым и чутким другом. Ради Бога, милая Елизавета Леонидовна, дайте знать о себе, напишите!

Передайте мой дружеский привет Владимиру Анатольевичу. Дай Вам Бог всего светлого.

Ваш неизменно Алексей Гвоздинский

Берлин. 30 октября 1921¹

Сажу в комнате с закрытым окном, с тем неприятно сухим воздухом, который получается от согревания его паровыми трубами, с безвкусными гравюрами на стенах, с благочестивой надписью над постелью: *Gott sei mit mir*²; чистота, порядок, аккуратность... это — Германия, Берлин. За окном однообразно шумит

дождь, который вот уже почти неделю непрерывно льет над Берлином. Завтра встану и опять увижу из окна обнаженные деревья с кое-где уцелевшими желтыми листьями, серое, задевающее крыши небо и дождь, тихий и унылый, который будет лить еще долго, долго... Это — север. Почему его наши поэты называли «милым»? Он стал так чужд моей душе! Чувствую, что южное ласковое море, солнце, тепло стали для меня очень уж близкими и родными, слишком уж дорогими... и я мечтаю о них, как мечтают о встрече с любимой.

Милая Елизавета Леонидовна, как тут нехорошо! Редко какой-нибудь другой город производил на меня более тягостное впечатление. Помните картину Добужинского «Человек в очках» — большое окно, в которое глядит серый день, серое небо, бесчисленные серые крыши и трубы фабрик, а у окна стоит человек в сером костюме, в очках; глаз как будто не видно, но чувствуется тяжелый, стальной, пронизывающий взор. Какой-то всемирной скукой веет от этого «человека в очках». Таков и Берлин. Кажется, я никогда не привыкну к этому городу; а жить тут надо, работать и зарабатывать, чтобы не подохнуть с голоду.

Здесь чувствуется напряженная работа, доведенное до maximum'a усилие человеческой работоспособности; надо платить миллиарды, и немцы понимают, что как ни брыкаться, а платить их заставят. Поэтому они и работают так, как, кажется, никто сейчас не работает. Мне дали из Рима передать заказ известной фотографической фирме Voigtländer'a. Когда я здесь явился в главную контору фирмы, то мне заявили, чтобы я пришел *через год*, т.к. фирма завалена работой и новых заказов сейчас не принимает. И так во всех отраслях немецкой промышленности! Надо платить, *il faut paуée...* но кому это нужно, чтобы мировой рынок захлебнулся в потоке немецких товаров?

С какой тоской, с каким сожалением вспоминаю теперь о Риме и о той удивительной жизни, которую я вел там. Рим снова стал для меня далекой, заветной мечтой. Уезжая, я простился с ним, выпив воды из фонтана Trevi и бросив в его грохочущие потоки монетку. Если бы исполнилось поверье, которое сулит возвращение в Рим тем, кто напилась воды из фонтана Trevi.

Я не знаю, что здесь делать помимо того, чем я должен заниматься; куда пойти и что смотреть. Вот город, чей облик лишен всякого намека на красоту; я не видел еще ни одного красивого здания, не встретил ни одной красивой женщины, ни одного изящного человека. Вся эта однообразная масса огромных каменных ящиков наводит на меня страх и уныние. Порой, когда в сумерки перехожу какую-нибудь огромную полутемную площадь (немцы

сильно экономят в освещении города), мне делается страшно; страшно за свою оторванность от всего, затерянность и одиночество — в этом чужом и холодном городе, в темный и мокрый вечер.

Дайте мне скорее весть о себе, милый друг, мне так нужен Ваш дружеский привет. Получили мое письмо из Рима, написанное за 2 или 3 дня до отъезда?

Приветствуйте Вл. Анатольевича; как его дела?

Желаю Вам здоровья и бодрости.

Ваш неизменно Алексей Гвоздинский

Alexis Gwozdinsky
Meierotto Strasse 2
bei Frl. Bandmann
Berlin

¹ Опущено письмо от 4 октября 1921 с подробностями о жизни Гвоздинского в Риме, отзывами о поэзии Гумилева и Ахматовой.

² С нами Бог (*нем.*).

18

Берлин. 16 ноября 1921 г.

Я любопытен, и потому мне так хочется узнать, чем Вы настолько поглощены и заняты, что нет у меня надежды получить от Вас длинное и хорошее письмо даже в близком будущем. Хорошо ли Вы себя чувствуете, по крайней мере, милая Елизавета Леонидовна?

У меня сейчас не имеется никакой возможности выкатиться из Берлина в Париж, ибо я беден; а беден я потому, что меня заедает «вша бедности»; пристала ко мне эта пакость давно, и никак не могу отделаться от нее. Сомневаюсь, чтобы я когда-либо вообще отделался от нее и разбогател, потому что, как Вам известно, деньги обладают странной особенностью — идти только к деньгам.

В Париж я поехал бы охотно лишь для того, чтобы повидать своих добрых и милых друзей, по которым я скучаю иногда самым опасным образом. Но *город* Париж... Бог с ним! Между Берлином и Парижем вовсе не так велика разница: те же ничего не говорящие моему глазу улицы, те же автобусы, трамы, метро и автомобили, запах бензина, и еще больше суетолюки и шума, и

еще менее симпатичные люди. Станным образом французы превратились в немцев 1914 года. История продельывает такие забавные штуки иногда над целыми народами. Словом, Париж, как город, моему сердцу ничего не говорит. Должен, впрочем, оговориться, что я его никогда не видал и сужу о нем лишь в силу некой интуиции, которая, я думаю, меня не обманывает.

Я знаю, милая Елизавета Леонидовна, как Вы порой мечтаете о севере, о снежных холмах, с которых так славно скатываться на лыжах, о елях, покрытых свежим, за ночь выпавшим снегом, об ослепительных снежных далях. Я сам бы сейчас с наслаждением походил бы часа 2-3 на лыжах, потом забрался бы к Вам в теплую дачу и уничтожил бы целого полсвинка (к оному вышеупомянутому полсвинку надлежит подать большую водочку), а потом опять до синих сумерек бегал бы по снежным холмам. Но все же теперь я замечаю, что стоит мне наряду с картинами севера сопоставить образы юга — все мое «я» неодолимо и стихийно тянется к южному морю, к камням, нагретым солнцем, к синему небу, к красной жирной земле, на которой зреет виноград, к кипарисовому стволу, по которому в знойный полдень стекают янтарные капли душистой смолы... Я слишком глубоко люблю природу, чтобы оставаться равнодушным к красоте севера и изысканности его настроений, но юг мне милей; не роскошь экзотики тропических стран, а ясная, солнечная простота Средиземного моря. Она как-то сроднилась с моей теперешней mentalité.

Расскажите мне о себе, Елизавета Леонидовна; что Вы делаете, о чем думаете, что Вас печалит? Когда мы увидимся?.. что сбудется с нами! как безумно хочется порой приподнять хоть уголок завесы, скрывающей от нас будущее! А, может быть, мое так просто и ничтожно, что не стоит даже желать этого!

Привет Владимиру Анатольевичу, желаю ему всяческих успехов в делах его.

Дай Вам Бог здоровья и бодрости.

Ваш неизменно Алексей Гвоздинский.

Берлин. 14 декабря 1921 г.

Дорогая Елизавета Леонидовна,
благодарю Вас за письмо с «Подорожником»; эта маленькая книжка хороша, очень хороша! С радостью читаешь эти чистые русские стихи; они пленяют ясными, четкими образами, тихой и

светлой печалью и тем глубоким, глубоким душевным теплом, которое присуще только русской женской душе. Вы мне доставили большое, подлинное удовольствие этой книжкой.

Давно уж собирался я написать Вам, но такая пустота в душе и в уме... кажется, не о чем писать, не о чем говорить. Если бы возможно было в тихом углу посидеть с тем, кто чувствует так же, как и ты, и страдает понятным тебе страданием, если бы можно было тихо сидеть и молчать... какое это было бы счастье! Нынче вообще так много говорят; сколько собирается в различных концах земного шара одних этих международных конференций и совещаний... все говорят, говорят, а человечеству от этого не легче. Как много людей на свете, умеющих говорить глупо или умно, и как мало таких, которые умели бы вовремя помолчать.

Мне здесь довольно тоскливо и очень холодно. Дела мало, заработок плохой; все та же постылая забота о завтрашнем дне и отвратительное ощущение зыбкой почвы под ногами. Есть в перспективе кое-какие более прочные комбинации, есть ворох обещаний... но что выйдет из этого, что будет, пока еще трудно сказать. Думаю, что — ничего, ибо мне не везет.

Берлин убивает меня своей огромностью. Сегодня ездил по делу на Dresden Strasse; переговоры заняли у меня всего 10 минут, а вся поездка туда и обратно потребовала 3 часа. И Dresden St. — вовсе не окраина.

Простите мне это бесцветное послание. Постараюсь написать Вам на днях лучше и более содержательно и вдохновенно. Вспоминаю Вас часто, Елизавета Леонидовна, всегда с добрыми мыслями. Так это хорошо, что не забываете меня!

Благодарю Вас за письмо и стихи. Приветствуйте Вл. Анат., и да хранят Вас боги.

Ваш неизменно Алексей Гвоздинский.

¹ Ахматова А. Подорожник: Стихи. Пг., 1921.

Берлин. 22 декабря 1921 г.

Едва успел я отослать Вам письмо с благодарностью за книжку Ахматовой, как получил открытку с Вашим новым адресом. Приветствую с новосельем! Не могу пожелать Вам «пустить корни» в Париже, но пока Вы там, дай Бог, чтобы жилось Вам легко.

Надеюсь, что мое последнее письмо, адресованное на rue d'Asmaïlle, Вы все-таки получите.

Уныл и мрачен Берлин; сейчас более, чем раньше, т.к. целую неделю льет дождь, и воет ветер. Но люди тут живут весело, и все Vergnügungsorte¹ полны; чтобы попасть даже в кинематограф, здесь нужно иногда прибегнуть к услугам барышников.

И на душе мрачно. Не знаю, почему с тех пор, как я вернулся из плена, меня все время преследует предчувствие какой-то грозящей опасности, какой-то тайный голос все время шепчет: «быть худу», и чувствуешь неотвратимость грядущей беды.

Как часто я вспоминаю Константинополь! Там все же были места, где я находил просветление и спокойствие. Нет моря! Я так люблю его и так отчаянно тоскую порой по нем. Я многое отдал бы за полчаса в бедной стамбульской кофейне, где седые ходжи в белых тюрбанах ведут тихие и важные речи, бурлят наргиле, и вкусно пахнет кофе.

Брат мой хочет ехать в Россию; ему кажется, что там можно работать, творить, создавать. А я с отчаянием думаю о возвращении в Россию. Не хочу ее видеть, не люблю ее.

Пишите, милый, добрый мой друг; я чувствую, что Вам тяжело, и сочувствую Вам глубоко. Покидаю Вас до следующего письма, надеюсь, напишу его скоро.

Ваш всегда Алексей Гвоздинский.

Как поживает Владимир Анатольевич? Привет ему от меня большой. От Fröken Крагур получил на днях письмо, как всегда, милое, доброе, доброе. Удивительная старушка!

¹ Увеселительные заведения (нем.).

ПИСЬМА А.В.ЧАЯНОВА

Публикация, вступительная заметка
и комментарии Р.М.Янгирова

Официальная реабилитация Александра Васильевича Чайнова (1888-1937) и 14 его коллег, ученых-аграрников Н.Д.Кондратьева, А.Н.Челинцева, Н.П.Макарова, Л.Н.Юровского, А.Г.Дояренко, А.А.Рыбникова, Л.Н.Литошенко, Л.Б.Кафенгауза и др., в январе 1932 признанных Коллегией ОГПУ виновными в принадлежности к контрреволюционной Трудовой Крестьянской партии, произошла 10 июля 1987. Как это бывало и прежде, комиссаров этой акции менее всего интересовало восстановление справедливости и доброго имени русской аграрной науки и кооперации. Очередная реабилитация предвляла масштабную пропагандистскую кампанию по идеологическому обновлению советской системы, либерализации ее общественно-политической и экономической жизни¹.

В соответствии с общепринятым новоязом, требовавшим «ускорения» и «перестройки» в сочетании с «человеческим фактором», Чайнов и его наследие попали в маховик советского «реабилитанса» с сопутствующими ему запоздалыми чествованиями, борьбой персональных амбиций и претензий на правонаследование², научной недобросовестно-

¹ См.: Возвращение. Реабилитирована группа ученых // Московские новости. 1987. 16 авг.; Зараев М. Читая Чайнова // Сельская жизнь. 1988. 16 янв.; Мясо-едов Б. Кто такой А.В.Чайнов? // Книжное обозрение. 1988. 22 янв. С.6.; Гавричкин В. Александр Чайнов — гражданин и ученый // Известия. 1988. 29 янв.; Открытие Чайнова // Комсомольская правда. 1988. 29 янв.; Никонов А. Ответственность науки и за науку // Коммунист. 1988. №1; Чему следует учиться у Чайнова: Английский ученый Теодор Шанин о проблемах и перспективах аграрной экономики СССР // Известия. 1989. 25 февр. и др.

² «Публикация» чайновской пьесы «Обманщики», предпринятая О.Дзюбинской по тексту американского репринта (Чайнов А. История парикмахерской куклы и другие сочинения Ботаника Х. Нью-Йорк, 1983), предвлялась анонсом: «ранее не публиковавшаяся в СССР пьеса» (Театр. 1988. №8) и пространным комментарием: «Этот этюд А.Чайнова /.../ показывает актуальные в те годы, рисовавшиеся во многих тогдашних произведениях, взаимоотношения между мужем и женой. /.../ Как трагически воспринимает Агриппина (так и хочется назвать ее Антонина, Тоня, Тонечка) /.../ появление Юния (может быть, Юрия?). Она возвращается домой, в Рим (читай: в Москву, в арбатские переулки) и подробно рассказывает Децимию (читай: Дмитрию), что творится в ее душе» (Там же. 1988. №9). В действи-

стью³ и лихорадочной публикаторской конкуренцией⁴. На какое-то время имя ученого вошло в моду, попав в центр внимания средств массовой информации, издательств, театров, киностудий и пр. По канонам принятой агиографии был воссоздан образ народного таланта, разночинца-демократа, пришедшего в своей научной и общественно-политической эволюции в ряды беспартийных большевиков, ближайшего сотрудника и чуть ли не персонального любимца Ленина, оказавшегося зорким провозвестником перемен середины 1980-х...

Уже к середине 1991, после безуспешной реанимации «заветов Октября» и попыток трансформировать агонизирующую экономику Советского Союза в «строй цивилизованных кооператоров», чаяновский «феномен» оказался организаторам исчерпанным, и он незаметно сошел со сцены, оставив после себя очередной исторический артефакт, наскоро сконструированный из обломков старой мифологии. Никого из современных биографов Чайнова не остановило отсутствие его личного архива, и они строили свои разыскания на печатных или вторичных источниках, почти игнорируя документы и материалы, сохранившиеся в разных архивных собраниях. Естественным следствием этого стали многочисленные неточности и ошибки (часть из них указана нами в комментариях), искажившие и без того тенденциозные и ангажированные исследования.

В нашей публикации мы намеренно отказались от пересказа биографии Чайнова, полагая, что она хотя бы в общих чертах уже знакома читателю, и лишь позволили себе небольшие справки об адресатах его писем. Также мы намеренно отказались от подробного комментирования чаяновской полемики с некоторыми адресатами по экономическим проблемам: отчасти из-за ее узкоспециального значения, но еще в большей

тельности пьеса была достаточно прозрачной авторской аллюзией на собственную семейную драму, в итоге которой он расстался со своей первой женой Е.В.Чаяновой (урожд. Григорьевой; 1892-1960), ушедшей от него к А.А.Рыбникову, но тем не менее не пожелавшей сменить фамилию от первого брака. Самым же поразительным примером публикаций этого ряда можно считать опус высокого чина КГБ Казахстана Т.Жилмагамбетова «Последние дни профессора Чайнова» (Простор. 1991. №2), сконструированный по материалам следственного дела и писем Чайнова к родным из ссылки. Ксерокопии этих документов (31 единица) хранятся в РГАЭ. Ф.731. Оп.1. Ед.хр.37.

³ Кабанов В. Александр Васильевич Чайнов // Вопросы истории. 1988. №6. С незначительными изменениями этот же текст вошел в: Чайнов А. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М., 1990. Этим же недостатком отмечены биографические заметки Вл.Муравьева и И.Елисеева в кн.: Чайнов А. Венецианское зеркало: Повести. М., 1990; и И.Елисеева в кн.: Чайнов А. Избранные труды. М., 1991.

⁴ См.: Чайнов А.В. Избранные произведения / Сост. Е.Серова. М., 1989 (рец.: Кабанов В. Это не Чайнов! / Литературная газета. 1990. 21 марта. С.2); Чайнов А. Крестьянское хозяйство: Избранные труды / Сост. Н.Фигуровская и А.Глаголев. М., 1990; Чайнов А. Венецианское зеркало: Повести / Сост. Вл.Муравьев. М., 1990; Юлия, или Встречи под Новодевичьим: Московская романтическая повесть конца XIX — начала XX века / Сост. Вл.Муравьев. М., 1990; Чайнов А. Избранные труды / Сост. И.Елисеев. М., 1991. Скандальную известность получили попытки тавтологических републикаций чаяновской прозы в журналах «Наука и жизнь», «Архитектура и строительство Москвы», «Юность» и др.

мере — из-за желания оставить этот труд более обстоятельным историкам отечественной экономической мысли XX столетия. Нашей целью было лишь введение в оборот оригинальных архивных материалов и сопутствующей информации, позволяющих, по возможности, уточнить место и функции одного из самых трагических персонажей отечественной науки в топологии исторического пространства и сообществе современников.

Работа по поиску материалов к биографии А.В.Чаянова и их подготовке к печати шла, с перерывами, с 1985 и, естественно, не раз пересекалась с параллельными разысканиями других исследователей, оказывавших ей на разных этапах внимание, помощь и поддержку.

Глубокой благодарности заслуживает, прежде всего, В.А.Чаянов, неутомимо ведущий работу по выявлению и пропаганде научного наследия отца и проявивший заинтересованное отношение к планам нашей публикации. Думаем, что она была бы почти невозможна и без блажелательного соучастия В.Н.Балязина (Москва).

С чувством особой признательности публикатор называет имя В.И. Пономаревой (РГАЭ, Москва), которой он обязан указанием на ряд чаяновских текстов, консультациями по их комментированию и разнообразной организационной помощью. Ценными библиографическими разысканиями мы обязаны также Н.Г.Крейн (Москва).

Отдельная благодарность — г-же Скаруффи, хранительнице Бахметьевского архива (Нью-Йорк), за любезное разрешение использовать материалы, хранящиеся в этом собрании.

Сознавая, что данная работа никоим образом не исчерпывает эпистолярия Чаянова, считаем необходимым назвать другие публикации, предшествовавшие нашей работе: Письма А.В.Чаянова к А.С.Ященко // Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин: 1921-1923. Париж, 1983. С.304-307; письмо А.В.Чаянова В.М.Молотову (6 октября 1927): Записка о современном состоянии сельского хозяйства СССР по сравнению его с довоенным положением и положением сельского хозяйства капиталистических стран // Известия ЦК КПСС. 1989. №6; письмо В.Брюсову (1912) в: Балязин В. Профессор Александр Чаянов. М., 1990. С.52-53; Разговор между писателем и цензором (переписка Чаянова с Главлитом по поводу издания сборника «романтических повестей») // Русская мысль. 1993. №3960. С.13. Фрагменты писем Чаянова матери, жене, тестю, сыновьям и обращений в НКВД Казахской ССР (1935-1937), извлеченные из следственного дела, содержатся в указанной работе Т.Жилмагамбетова.

Кроме того, за пределами нашей публикации остался чрезвычайно важный комплекс эпистолярных и биографических материалов, сохранившийся в архиве Н.П.Макарова. В настоящее время наследниками ученого решается вопрос о передаче этих документов на архивное хранение, и, надо думать, будет принято решение об их публикации.

Все документы публикуются по автографам. Тексты, в основном, приведены в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Исключения сделаны в тех случаях, когда это было необходимо для передачи индивидуальных авторских особенностей.

А.Ф.Фортунатову

Фортунатов Алексей Федорович (1856-1925) — земский врач, экономист, один из основоположников отечественной статистики, агроном, педагог, воспитавший несколько поколений студентов Петровской сельскохозяйственной академии и оказавший большое влияние на развитие экономической мысли в России.

Письма публикуются по автографам, хранящимся в ЦГИА г.Москвы (Ф.642. Оп.1. Ед.хр.290, 287, 286).

1

13 окт[ября] 1908

Многоуважаемый Алексей Федорович!

Прилагаю при сем Вологодский сборник¹ и 2 тетрадки социологических изысканий, из коих если представляет к[акой]-л[ибо] интерес, то это 2[-я] часть 1-й тетрадки (формула и ее обоснование) и тетрадка №2, где сделана, правда, не особенно удачная, попытка применения выводов экспериментальной психологии к двум социальным фактам, причем 4 страницы еще недописаны и будут доставлены завтра утром.

К терминологии, принятой в рукописях:

биологич[еские] ряды — по Авенариусу²

теория волевых представл[ений] — Т.Рибо³

теория личности рассматривает поступки к[а]к сумму ассоциативов, т.е. ас[социативных] связей между первичными элементами.

Крайне извиняюсь, что не мог дать просто общей сводки всего понимания социальных процессов, но несмотря на 2 дня работы ее сделать не удалось.

А.Ч.

P.S. Если Вас не затруднит, то б[ыть] м[ожет], Вы будете настолько любезны отложить для меня еще к[акие]-л[ибо] русские крестьян[ские] бюджетные папки, кроме Щербины⁴ и вологодских. Я бы зашел за ними завтра утром.

¹ *Вологодский сборник*, издаваемый Вологодским губернским статистическим комитетом. Вып.1-2 / Под ред. Ф.А.Арсеньева; Вып.3-5 / Под ред. Н.А.Полиевктова. Вологда, 1879-1887.

² *Авенариус* Рихард (1843-1896) — швейцарский философ, получивший известность благодаря разработанной им теории эмпириокритицизма. Одной из ее составных частей был принцип жизненных или «биологических» рядов, лежащих в основе «общей и формальной» гносеологии (см.: «Критика чистого опыта» — русский перевод 1905; 1907-1908; «Человеческие понятия о мире» — русский перевод 1902; 1909).

³ *Рибо* Теодюль (1839-1916) — французский психолог, чьи исследования приобрели особую популярность в России. Все психические явления, согласно Рибо, основаны на физиологии и психопатологии, а «волевые представления» человека строятся на произвольном внимании в зависимости от характера его труда (См.: «Болезнь воли», «Эволюция общих идей», «Психология чувств», «Логика чувств», «Творческое воображение»).

⁴ *Щербина* Федор Андреевич (1849-1936) — народник, земский статистик, выпускник Петровской сельскохозяйственной академии. Обследовал многие регионы России, преимущественно изучая потребление в крестьянских семьях. Результаты работ были им обобщены в многочисленных публикациях (около 100), суммированных в теории «средних потребностей» крестьянства (См.: Крестьянские бюджеты и зависимость их от урожая и цен на хлеб // Влияние урожаев и хлебных цен. Т.2. СПб., 1897; Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду: Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т.II. Воронеж, 1887; Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Воронеж, 1897; Крестьянские бюджеты. СПб, 1908). Депутат 2-й Государственной думы (1907). В 1918-1920 — активный участник Белого движения, член Кубанской краевой рады. С 1920 — в эмиграции (Югославия, Чехословакия), занимался педагогической, научной (См.: Законы эволюции и русский большевизм. Прага, 1921) и литературной деятельностью. См. о нем: [Федоров С.] Краткий биографический очерк о жизни и деятельности Федора Андреевича Щербины по случаю 60-летия научной и литературной деятельности. Прага, 1932.

2

26 мая 1911 года

Дорогой Алексей Федорович!

Пишу Вам послание с просьбой о совете или, вернее, о санкции уже проделанных статистических манипуляций.

Дело в том, что мои 25 волоколамских полных бюджетов разделяются между двумя резко различными районами (15 и 10). При свode оценочных данных (аренда, цены на продукты, заработная плата и пр.) я не решился свалить все в кучу и разработал их раздельно, но меня сильно смущает то, что в каждом районе слишком мало показаний (максимальный модуль

$$x = \sqrt{\frac{p(p-p)}{n}} = \sqrt{\frac{50 \times 50}{10}} = \sqrt{250} = 15,8\%$$

Впрочем, сие математическое построение, быть может, обнаруживает мою безграмотность), а к тому же нельзя сравнивать с земской текучкой, где цифры по «всему» Волоколам[скому] уезду (хотя часто у них число показаний меньше моих).

Однако разница между районами настолько велика, что я не решился складывать (заработная плата на юге % на 15-20 ниже). Число показаний колеблется по отдельным пунктам от 6 до 30, думаю, что при тщательном анализе это уже не так плохо.

Положение моей работы таково: кончил аренды, амортизацию мертвого инвентаря, урожаи, заработные платы и выход продуктов. С трудом начал разбираться в урочном положении. В общем, мои матерьялы собраны весьма посредственно и во многом небрежно. Не будь массы выверочных вопросов, было бы трудно устранить противоречия.

Из полит[ической] экономии читаю Кене и пр[очих] физиократов¹ — потешные люди. На той неделе примусь за немцев.

В общем, живу неважно — ничему не вполне приставлен, т.к. все условия, к[а]к кажется, благоприятны, но все что-то не ладится.

А. Чайнов

Вскоре представлю Вашему вниманию — апологетику статистической работы, основанной на показании 40 хозяев. Вопрос об оправдании ее для меня существенно важен. Все сводится к анализу понятия типичности.

Марья Вам кланяется.

¹ Кене Франсуа (1694-1774) — французский медик, личный врач Людовика XV. В конце жизни занялся разработкой вопросов философии и экономики. Его «Экономические таблицы» (1758) положили начало научной школе «физиократов» (Тюрго, Мирабо-старший, Мерсье де ла Ривьер и др.) и считаются одной из теоретических основ современной политической экономии.

3

Есиплево [? — Р.Я.] — Москва
[октябрь—декабрь 1911]

Многоуважаемый Алексей Федорович!

По прочтении Вашей брошюрки «Социолог[ия] и Стат[истика]»¹ я был лишний раз смущен тем, насколько представления официальной науки противоречат моим взглядам на социолог[ию] и стат[истику]. А посему я дерзнул в сей короткой записке очертить мое понимание этих наук, надеясь получить от Вас при встрече подобающие разъяснения.

Вы постоянно упираете на то, что социолог[ия], политич[еская] экономия и друг[ие] обществен[ные] науки в самой своей сущности априорны, зиждутся на предпосылке «Кады бы, да ка-

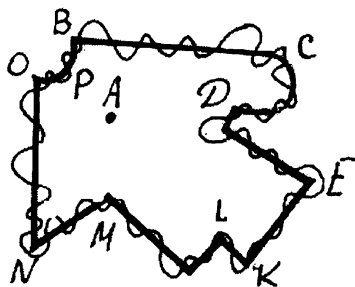
бы» и, следовательно, только патология этого созданного человеческим изменением мира и есть то, что мы назыв[аем] действительной жизнью.

Бесспорно, должен с Вами согласиться, что большинство авторов этих наук думают так, но это, с моей точки зрения, и является тем камнем преткновения, который задерживает развитие социальных наук в младенческом возрасте.

Это так... но это печально... И это надо разрушить. Мне вообще чужды и непонятны те люди, которые в своей философии держатся полицейско-государственного принципа, т.е., как только замечают явление, факт, сейчас же торопятся дать ему паспорт — определение, углубляют это определение и засим совсем позабывают об жизненных фактах и оперируют только с этими паспортами, перемешивая и сочетая их, как Бог на душу положит.

Совсем как в полицейской России, тут живут не люди, а паспорта; живут, женятся, осуждаются и умирают также не люди, а №№ паспортов... Это удобно и скоро, но паспорта, если они не фальшивы, всего паспорта, а не люди!

Приведу более яркий пример — даже графический.

Предположим, что нарисов[анная] кривая есть действит[ельная] жизнь, кипящая, изменяющаяся жизнь общества. Точка А — человек, и вот для того, чтобы понять окружающую его жизнь, он набрасывает на нее произвольную сетку классификаций, понятий, которые и обозначаются мною вроде вписанного многоугольника, причем от чуткости человека будет зависеть величина приближения этого многоугольника к кривой.

Сделав такого рода махинацию, человек почему-то считает себя вправе позабыть о самой жизненной кривой и разбирается только в гранях им самим созданного многоугольника.

Такого рода манипуляции я считал гибельными для наук вроде социологии или полит[ической] экономии.

Однако я сильно разболтался... Буду краток.

Социология представляется мне не к[акой]-н[ибудь] абстрактной наукой об воображаемом обществе, но, наоборот, наукой об реальности, наукой об том действительном обществе, что шумит и волнуется вокруг нас, наукой не только разлагающей процесс обществ[енной] жизни на составляющие ее факторы, не только объясняющей и распределяющей явления, но наукой, имеющей определенные законы, наукой, могущей указать дальнейшее направление обществ[енной] жизни. Многие вообще сомневаются в возможности ч[его]-л[ибо] подобного...

Мне же это представляется вполне ясным. В самом деле, жизнь человека, по выражению П.Кропоткина, на 3/4 бессознательна и [1 сл. нрзб.] бессознательная жизнь является исключительно продуктом среды.

На эти-то 3/4 люди и являются тем материалом, на который должна опираться *наука* — социология. Это составляющая часть жизни, она развивается исторически и подчиняется определен[ным] законам.

Рассматривая направления развития, сейчас вполне возможно с большим процентом вероятия указать на его дальнейший ход.

Какова же с моей точки зрения роль статистики по отношению к социологии?

Вы приводите цитату из речи Г.Тарда², где тот говорит, что статистика есть только методы исследования!

Я думаю еще больше: статистика, по-моему, есть только инструмент для количеств[енного] анализа общественной жизни.

Как для индуктивно-дедуктивных наук — физики, химии и пр. необходимы весы, мензурки, термометры и стереометры, так для лаборатории, употребляя не в переносном, а в буквальном смысле этого слова, для лаборатории *социологии* нужны измерительные приборы статистики. Итак, как видите, статистика представляется мне не более как измерит[ельным] прибором социологии и, если Вы утверждаете, что она главным образом нужна для государства, налогов и пр., то я Вам замечу, что весы употребляются и в колбасных лавочках.

А потому мне, откровенно говоря, совершенно непонятно разделение статистики и социологии на 2 науки.

Надеюсь поговорить на эту тему лично.

А. Чайнов

Список книг у Кареева³ доведен до 1897 года, и все, что мог, я уже оттуда исчерпал. Крайне благодарен за указание на книги М. Ковалевского⁴.

А. Ч.⁵

¹ «Социология и статистика: Лекция, прочитанная А. Ф. Фортунатовым в Новоалександрийском институте в сентябре 1897» (отдельный оттиск из журнала «Вестник воспитания» (цензурное разрешение от 19 мая 1905).

² *Тард* Габриэль (1843-1904) — французский психолог, чьи исследования получили признание в России. Имеется в виду цитата из его выступления на сессии Международного статистического института (СПб., 20 августа 1897). Цит. по: Фортунатов А. Ф. Указ. соч. С. 9.

³ *Кареев* Николай Иванович (1850-1931) — видный русский историк. Имеется в виду его работа «Введение в изучение социологии» (1-е изд.: СПб., 1897), содержащая обширный библиографический раздел.

⁴ *Ковалевский* Максим Максимович (1851-1916) — выдающийся русский ученый-обществовед, один из лидеров либерально-освободительного движения. Среди работ Ковалевского, заинтересовавших Чайнова, могли быть следующие: Крестьянское хозяйство во Франции сто лет назад // Русское богатство. 1893. №2-4; Вопрос о размерах крестьянской собственности до революции // Русская мысль. 1896. Кн. 8; Очерк происхождения и развития семьи и собственности. СПб., 1896; Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом: Опыт в области сравнительного этнографического и исторического права: Вып. 1-2. СПб., 1905.

⁵ В архиве Фортунатова сохранились и другие свидетельства его тесных отношений с Чайновым-студентом. Среди них «Подневные записи» с 1 сентября 1909 по декабрь 1919 с указаниями дней и имен посетителей Фортунатова: одним из самых регулярных был Чайнов (Ед. хр. 255). Здесь же по каким-то причинам отложились и оттиски статей Фортунатова с дарственными надписями: «Глубокоуважаемому Александру Васильевичу Чайнову. Составитель» («А. И. Чупров как статистик», 1908); «Дорогому Александру Васильевичу Чайнову от А. Ф.» («К характеристике А. И. Чупрова», 1908; «О знании и понимании», 1913); «А. В. Чайнову» («Памяти Платона Дмитриевича Азаревича», 1914; «О литературном наследстве Николая Лукича Скалозубова», 1915); «Петровцу Александру Васильевичу Чайнову к 50-летию Петровки» («Справка по библиографии Петровки», 1915); «Дорогому Александру Васильевичу Чайнову с глубоким уважением от составителя» («Вступительная лекция в Петровской земледельческой академии, в Коммерческом институте, Высшем техническом училище, Народном университете им. А. Л. Шанявского, 1916) — Ед. хр. 491, 492, 501. Ценные детали об их взаимоотношениях, эволю-

ционировавших в сторону разочарования учителя в ученике, содержатся в записанных нами устных воспоминаниях внука И.К.Фортунатова: «Когда Александр Васильевич уходил, он [А.Ф.Фортунатов. — Р.Я.] неоднократно мне говорил, что из всех его учеников единственный самый способный — это Александр Васильевич, который быстро развивается и делает большие успехи в сельскохозяйственной экономике. Но через некоторое время, в 1924 году уже начались какие-то мне непонятные расхождения между Алексеем Федоровичем и Александром Васильевичем, и он говорил мне: "Александр Васильевич такие имеет возможности, такой ум у него, такие способности, такая энергия, что он мог бы очень высоко подняться в теоретическом уровне, как сельскохозяйственный экономист, но есть у него небольшие, но заметные ошибки в направленности его мышления. Вот поэтому я считаю, что они ему вредят и он теряет эти возможности /.../ Я Александром Васильевичем очень много занимался, я его воспитывал, очень радовался его успехам, всем его постоянно поддерживал, но потом, к концу жизни, я увидел /.../, что я на своей груди воспитал змееныша. И вот это меня огорчает..."» (Архив публикатора). В написанном по нашей просьбе мемуаре «Петровка 1920-х годов» (1986) этот же мемуарист засвидетельствовал: «13 апреля 1925 года скончался мой дед... Сразу же появился Александр Васильевич. Он организовал печатание некролога и получил от Малого Совнаркома решение о назначении внукам Алексея Федоровича /.../ пенсии до совершеннолетия... С своей стороны семья передавала безвозмездно всю научную библиотеку Алексея Федоровича Фортунатова — 5050 единиц хранения — в библиотеку Института экономики и организации крупного сельского хозяйства... На работу библиотекаря была принята моя мать... 15 апреля состоялись похороны /.../ и на выносе тела из церкви одним из несших гроб, в головах его, был Александр Васильевич» (Там же).

И.И.Горбунову-Посадову

Горбунов-Посадов (наст. фам. Горбунов) Иван Иванович (1864-1940) — педагог, литератор, автор детских и «народных» рассказов, редактор журналов «Маяк» и «Свободное воспитание». Всероссийскую известность получил благодаря руководимому им (до 1925) издательству народной литературы «Посредник», издававшему этические сочинения Л.Толстого.

Письмо публикуется по автографу, хранящемуся в РГАЛИ. Ф.122. Оп.1. Ед.хр.1458.

4

26.X.[19]09
Москва

Многоуважаемый Иван Иванович!

Позволю себе обратиться к Вам с некоторой просьбой: этим летом я был в командировке в Бельгии... Там в настоящее время усиленно готовятся к ряду международных конгрессов,

имеющих быть при Всемирной выставке 1910 г. в Брюсселе... Организаторы этих конгрессов снабдили меня, когда я возвращался в Россию, рядом поручений, имеющих целью пропагандировать эти конгрессы у нас... По конгрессу о сельскохозяйственной кооперации уже удалось организовать русский местный комитет Конгресса, дело конгресса по вопросам самоуправления передано кому следует... Но я совершенно не знаю, что мне делать с конгрессом по вопросам «Education Familiale»¹... Знакомств у меня в педагогическом мире нет. Послал я десятка полтора проспектов в журналы и разные соответствующие учреждения, но ничего из этого не вышло... Быть может, этим делом заинтересуются деятели «Свободного воспитания»... К сожалению, я не знаю адреса К.Вен[т]цел[я]²... и посему направляю оставшиеся у меня проспекты к Вам с просьбой передать их кому Вы найдете нужным.

Остаюсь уважающий Вас

А. Чаянов

Долгоруковская ул, Тихвинский пер.,
д[ом] Юдиных, кв. 1,
телеф[он] 254-21

¹ Домашнее образование (*фр.*).

² Вентцель Константин Николаевич (1857-1947) — известный педагог, публицист, разработавший теорию «свободной школы» и «свободного воспитания» ребенка. Ряд его сочинений был опубликован издательством «Посредник». Автор неопубликованных воспоминаний «Пережитое, перечувствованное и сделанное», хранящихся ныне в Архиве Академии педагогических наук.

С.П.Мельгунову

Мельгунов Сергей Петрович (1879-1956) — общественный и политический деятель, историк и мемуарист, получивший особую известность в 1910-е годы как соучредитель кооперативного издательства «Задруга». Редактор и соиздатель журнала «Голос минувшего» (1913-1923), продолженного в эмиграции под названием «Голос минувшего на чужой стороне» (1923-1928).

Письмо публикуется по автографу, хранящемуся в РГАЛИ. Ф.305. Оп.1. Ед.хр.1433.

[8 октября 1917]

[Москва]

Глубокоуважаемый Сергей Петрович!

Податель сего Сократ Александрович Клепиков¹ есть то лицо, которому мною поручено установить и выяснить стоимость экономических книг, любезно предложенных Вами для приобретения экономическому кабинету Петровской Академии.

Очень прошу не отказать С[ократу] А[лександровичу] в указании времени и способа ознакомления с книгами.

Примите уверение в моем совершенном уважении

А.Чаянов²

¹ *Клепиков Сократ Александрович* (1895-1978) — двоюродный брат Чаянова, его ученик в Петровской сельхозакадемии. Профессиональную карьеру начал как экономист (Атлас диаграмм и картограмм по аграрному вопросу / Под общей редакцией А.В.Чаянова. М., 1917; Питание русского крестьянина / Под ред. и со вступ. статьей А.В.Чаянова. М., 1920; Промышленность Советской республики. М., 1920 и др.), служил в ВСНХ. Впоследствии, вероятно, после ареста именитого родственника, оставил экономику, стал книговедом и палеографом. Служил во Всесоюзной книжной палате, Библиотеке им.Ленина, Государственном литературном музее. См.: Библиография печатных планов города Москвы XVI-XIX веков. М., 1956; Сатирические листы 1812-1813 годов (Сводная библиография). М., 1963; Филиграния и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII-XX века. М., 1959; *Russian Bookbinding from the Middle of the 17th to the End of the 19th Century*. London, 1962; Филиграния на бумаге русского производства XVII-XX века. М., 1978 и др.

² Существует свидетельство о том, что Мельгунов поддерживал связь с Чаяновым и в годы эмиграции — см. его недатированное (1925?) письмо Е.Д.Кусковой: ГАРФ. Ф.5865. Оп.1. Ед.хр.313. Л.26.

В.И.Ленину

Документы публикуются по неавторизованным машинописным копиям, хранящимся в ЦГИА г.Москвы. Ф.2608. Оп.1. Ед.хр.35.

6

[Докладная записка]

[16 ноября 1918]
МоскваПредседателю Совета Народных
Комиссаров товарищу В.И.Ленину

I. Предлагая вниманию главы рабоче-крестьянского Правительства настоящую резолюцию, принятую единогласно еди-

ным порывом 900 представителей организованных кооперативно рабочих и крестьян, собравшихся со всех сторон Советской России, делегация Чрезвычайного Кооперативного Съезда¹ считает необходимым представить в развитие принятых съездом решений следующее:

1) Государственное значение кооперации в настоящее время никем не оспаривается. Ее роль в организации трудового крестьянского хозяйства, в снабжении этого хозяйства средствами производства и всей страны средствами потребления не нуждается в доказательствах.

2) При проведении обобществления народного хозяйства на кооперативный аппарат все чаще и чаще возлагаются поручения исключительной государственной важности, и кооперация сознательно и с полной ответственностью принимает на свои плечи выполнение этих обязанностей, возлагаемых на нее рабоче-крестьянским правительством, доставляя государству миллионы пудов льна, масла и других земледельческих продуктов и распределяя в стране средства существования.

II. Отсюда мы заключаем, что Высшей рабоче-крестьянской властью в строении нашего народного хозяйства на началах обобществления признается не только возможным, но и необходимым существование в новой России не только аппаратов, построенных на принципе государственного принуждения, но и других — на принципе творческой самостоятельности населения, организованной на кооперативном принципе ответственности исполнительных органов перед непосредственно обслуживаемыми им населением и организациями.

III. Полагая, что осуществление широких планов переустройства народного хозяйства возможно только при условии использования для этого всех форм и видов организованной силы крестьянства и рабочих масс, мы считаем необходимым привлечение к работам всего кооперативного аппарата во всем его целом, со всеми, свойственными ему особенностями, выработанными десятилетиями борьбы с ростовщицеством и торговым капиталом, и доказавшего свою организационную мощь достигнутыми реальными хозяйственными результатами.

IV. Кооперация принимает на себя все возложенные на нее поручения власти, но указывает, что кооперативный аппарат представляет собой живой организм, связанный сложной системой союзного строительства и увенчанный всероссийским центром, руководящим его работой. Каждый из органов этой системы есть орган живого тела и не может быть оторван от всех остальных без жестокого потрясения всей кооперативной системы. Сообраз-

но чему Московский Народный банк² не мыслится нами только как финансирующий центр. Нет, он является частью целостной системы кооперации, и его главная роль для нас не в тех деньгах, которые он дает, а в той исключительной организующей роли, которая творчески ведет организованную рабочую и крестьянскую самодеятельность от одной победы над торговым капиталом к другой.

V. Сообразно сказанному, предположение Комиссариата Финансов об усилении финансирования кооперации путем национализации банка³ кажется нам построенным на недостаточной осведомленности о его роли. Судьба Московского Народного банка должна рассматриваться не только в плоскости финансовой, но должна быть выведена в обсуждении на присущую ей плоскость общего народнохозяйственного рассмотрения в государственном масштабе, ибо в судьбах этого верховного организующего центра руководства кооперации интересы земледелия, крестьянства и продовольственного дела затрагиваются больше, чем интересы финансовой политики.

VI. Комиссариат Финансов предлагает кооперации или слить кооперативный банк с Банком Республики или умереть естественной смертью без финансовой поддержки государства. Ни тот ни другой выход не могут быть приняты народным хозяйством России. Мы утверждаем, что Московский Народный банк, а в лице его и вся кооперация не может в создавшихся условиях существовать без государственного финансирования, но в то же время не может себе ни одной минуты представить, чтобы Кооперативный отдел Банка Республики в какой-либо мере мог выполнить ту народнохозяйственную работу, которую выполняет теперь Московский Народный банк, ибо, повторяем, что Московский Народный банк не есть только сундук с деньгами, но прежде всего — творческий организующий центр. В нем ценны не деньги, а та деловая хозяйственная политика, в которой Московский Народный банк направляет работу русской кооперации и которая всю мощь свою и организованную силу представляет в распоряжение государственной власти, предупреждая, что вся эта мощь превратится в ничто, если из нее будет вынута кооперативная сущность.

VII. Поставленная проблема понимается нами в интересах народнохозяйственных не как проблема слияния кооперативного кредитного аппарата, а как проблема организации целесообразного сосуществования этих двух аппаратов, использующих разные, но равно могущие организационные начала. Мы полагаем, что Банк Республики должен в широчайших размерах кредитовать

кооперацию, привлеченную к выполнению государственных задач, но должен это делать не через десятки тысяч распыленных местных ячеек, а через кооперативный кредитный центр — Московский Народный банк.

Само собою, работа всей кооперации должна подчиняться и согласовываться с задачами экономической политики государства и над этой работой может быть установлен реальный контроль. Но государство не может отбросить от себя и не использовать исключительно мощный хозяйственный аппарат, каковым является кооперация. Разрушая же Московский Народный банк, государственная власть получит в свое распоряжение не целостный кооперативный аппарат, [но] только его разъединенные обломки⁴.

¹ Съезд представителей кооперативных организаций — пайщиков Московского Народного банка проходил в Москве 15-18 ноября 1918. На заседании 14 ноября замнаркома финансов С.Закс выступил с обоснованием необходимости национализации банка.

² Московский Народный банк — первое кредитное учреждение кооперации всероссийского масштаба, был основан в 1912.

³ 2 сентября 1918 Совнарком принял декрет о закрытии счетов всех юридических лиц в частных и общественных кредитных учреждениях и переводе их средств в Народный банк РСФСР.

⁴ «Ленин, ознакомившись с резолюцией съезда кооператоров и докладной запиской, пишет на этих документах: "В архив"». — В.И. Ленин: Биографическая хроника. Т.6. М., 1975. С.232 (далее — БХ).

Копия этого обращения 20 ноября была передана также Н.Н.Крестинскому (в то время наркому финансов). — См.: ЦГИА г.Москвы. Ф.2608. Оп.1. Ед.хр.35. Л.25.

7

Удостоверение

17 ноября 1918 г.
№152810

Настоящим удостоверяем, что в заседании 16 ноября с.г. Чрезвычайного съезда уполномоченных Кооперативов, входящих в состав Московского Народного банка, избраны нижеследующие лица для доклада председателю Совета Народных Комиссаров товарищу Владимиру Ильичу Ленину: Зельгейм Владимир Николаевич¹, Чайнов Александр Васильевич, Хинчук Лев Михайлович², Авсаркисов Михаил Парсаданович³, Швецов Александр Ильич,

Лихоносов Дмитрий Григорьевич, Круминг Густав Петрович, Штанге Александр Генрихович, Коробов Дмитрий Степанович⁴ и Супонев И.

Председатель Чрезвычайного съезда
уполномоченных Кооперативов
В.Н.Зельгейм⁵

¹ *Зельгейм В.Н.* — один из пионеров русского кооперативного движения, организатор и руководитель ряда кооперативных союзов.

² *Хинчук Л.М.* (1868-1944) — социал-демократ (меньшевик), статистик, сотрудник кооперативных организаций. В конце 1919 вступил в РКП(б). В последующие годы возглавлял Центросоюз и Всероссийский центр кооперативного совета.

³ *Авсаркисов М.П.* — председатель правления Московского Народного банка, в 1921 — член Всероссийского комитета помощи голодающим Поволжья (ВКПГ).

⁴ *Коробов Д.С.* — председатель правления Центросоюза, в 1921 — член ВКПГ.

⁵ Обстоятельства подготовки и проведения встречи Председателя Совнаркома с кооператорами суммированы биографами Ленина следующим образом: «Ленин беседует (ранее 11 часов) с членом президиума ВСНХ Ю.Лариным, который информирует о ходе работы Чрезвычайного съезда уполномоченных кооператоров, акционеров Московского Народного (кооперативного) банка /.../ Ленин принимает (в первой половине дня) делегацию Чрезвычайного съезда уполномоченных кооператоров /.../ (делегатами были избраны десять человек). Делегация передала Ленину докладную записку и резолюцию съезда, направленную против намечаемой национализации банка» — БХ. Т.6. М., 1975. С.232.

Устный ответ Ленина на обращение посетившей его делегации кооператоров свелся к следующему: «Советская власть уже восемь месяцев как стала на путь соглашения с кооперацией. В то время, как власть ни с кем не входила в соглашение, для кооперации она сделала исключение, ибо признает ее ценность. Соглашение с кооперацией необходимо для власти не только потому, что она обладает прекрасно налаженным хозяйственным аппаратом, но и потому, что кооперация представляет массовое среднее крестьянство, на которое должна опираться и власть. Но отказаться от национализации советская власть не может. Если кооперация не видит возможности совместной работы, то для власти такое положение неприемлемо» (Народное хозяйство. 1918. №12. С.59).

По итогам встречи Ленин 20 ноября пишет статью «Ценные признаки Питирима Сорокина» (БХ. Т.6. М., 1975. С.235), в которой, в частности, отмечает: «У меня были на днях представители съезда уполномоченных кредитных кооператоров. Они показали мне резолюцию их съезда, направленную *против слияния* кредитно-кооперативного банка с народным банком республики. Я сказал им, что стою за соглашение с сред-

ним крестьянством и глубоко ценю даже начало поворота от враждебности к нейтральности по отношению к большевикам со стороны кооператоров, но почва для соглашения дается лишь их согласием на полное слияние особого банка с единым банком республики. Представители съезда тогда заменили свою резолюцию другой, в которой вычеркнули все, что говорилось против слияния, но... но выдвинули план *особого* "кредитного союза" кооператоров, ничем на деле не отличающегося от особого банка! Это было смешно... Но "неудача" одной из таких /.../ попыток несколько не ослабила нашей политики с кооператорами. С средним крестьянством мы осуществляли и будем осуществлять политику соглашения, отсекая всякие попытки изменить *линию* советской власти и советского социалистического строительства» (ПСС. Т.37. С.196).

На предложение Г.Л.Пятакова о торжественном праздновании годовщины декрета о национализации банков Ленин накладывает резолюцию: «По-моему, довольно праздновать. *Смешно!* "Отпразднуем" 14.XII. хорошеньким, правильным, ловким, быстрым *слиянием* кооперативного банка с Госбанком» (ПСС. Т.50. С.208).

2 декабря 1918 Московский Народный банк был национализирован и превращен в кооперативный отдел Народного банка РСФСР. Единая, независимая от государства кредитная система русской кооперации была разрушена. Тем не менее, лондонское отделение Госбанка, в 1920-е годы обслуживавшее Центросоюз, и по сию пору сохраняет название «Московский Народный банк».

Несомненно, именно к Чаяннову и кругу его единомышленников-кооператоров относилась предсмертная ленинская ирония: «В мечтаньях старых кооператоров много фантазии. Они смешны часто своей фантастичностью. Но в чем состоит их фантастичность? В том, что люди не понимают основного, коренного значения *политической* [курсив мой. — Р.Я.] борьбы рабочего класса за свержение господства эксплуататоров» (О кооперации. ПСС. Т.45. С.369). Таким образом, ленинские планы развития кооперации в СССР, апеллировавшие к «строю цивилизованных кооператоров», никоим образом не подразумевали привлечение и использование старой кооперативной системы России, разгромленной большевиками в 1918-1920. См. об этом доклад А.С.Орлова «Начало возрождения кооперации в России»: Russian Economist. 1922. №9. Об этом же свидетельствует письмо 8, публикуемое ниже. Иную версию см. в: Баязин В. Указ. изд. С.111-113; 165-166.

С.П.Серее

Серее Сергей Пафнутьевич (1871-1933) — земский статистик, выпускник Петровской академии, большевик с 1903. В 1918-1921 — нарком земледелия.

Письмо публикуется по автографу, хранящемуся в РГАЭ. Ф.478. Оп.1. Ед.хр.294. Л.199.

[5 апреля 1919. Москва]

Уважаемый Сергей Пафнутьевич!¹

Согласно полученным данным, при мобилизации агрономического персонала по Смоленской губернии сняты с работы Смоленского кредитного союза шесть человек ответственных работников, чем совершенно разрушена в губернии кооперативная работа по снабжению сель[ского] хозяйства семенами, материалами и работа по сборке льна.

Так к[а]к по произведенной мобилизации в распоряжении смоленского Земотдела и без кооператоров оказалось достаточное количество агрономов, то, быть может, Вы нашли бы возможным оставить работников Союза на их прежней работе?

Если это невозможно в отношении них, то Сельскосоюз и Льюцентр убедительно просят оставить в кооперации двух членов правления Сигирского² и Колесникова и заведующего льняными операциями Моргулец³, отзыв которых совершенно разрушает всю кооперативную работу.

С товарищеским прив[етом]
проф[ессор] А. Чаянов⁴

¹ Ходатайство Чаянова приложено к обращению Смоленского союза кредитных и ссудо-сберегательных товариществ (Там же. Л.197-198). Ответ наркома на ходатайства нами не обнаружен.

² *Сигирский* Александр Иванович — активист кооперативного движения, один из руководителей Смоленского союза кредитных и ссудо-сберегательных товариществ. Впоследствии — в эмиграции.

³ *Колесников* Кузьма Петрович — заведующий товарным отделом Смоленского союза.

Моргулец Сергей Орестович — заведующий льняным отделом того же союза.

⁴ Наркому земледелия Середи было адресовано и одно из печатных выступлений Чаянова того времени: «Согласно распоряжению народно-го комиссара земледелия, бывшего земского статистика С.П.Середы, в целях расширения помещений, занимаемых рабочими и просветительными пролетарскими организациями выселяется из своей квартиры профессор А.Ф.Фортуатов — один из творцов русской статистики и духовный учитель всех ее работников, в том числе и самого С.П.Середы. Алексею Федоровичу, согласно плану уплотнения академии, в жительство отводятся помещения в квартире одного из преподавателей, его единственная в России библиотека по русской статистике, имеющая свыше 15000 томов, направляется на склад в селекционную станцию, а где будут происхо-

дить традиционные приемы Алексея Федоровича, питавшие собою в течение десятилетий творческую работу всей русской статистики, — сие в плане уплотнения не помечено. Я вполне понимаю, что в пылу политической борьбы можно не считаться [ни] с отдельными личностями, как бы ценны они ни были, ни с требованиями науки; можно отправить на эшафот Лавуазье и засадить Н.Морозова в Шлиссельбургскую крепость. Но ведь в Петровской академии нет ни борьбы, ни политики. И никто из современных политических деятелей не может оправдаться неведением того, что для ученой работы статистика необходимы сотни и тысячи книг, точно так же, как рабочему необходимы его машины, что для творческой работы необходим, прежде всего, покой и сносные условия существования. Не можем мы также считать, что сама работа Фортунатова государственно бесполезна /.../ Почему же тогда все это делается? Вот недоуменный вопрос, который невольно возникает в сознании» (Нечто совершенно непостижимое // Наша Родина. 1918. №39. С.1).

С.Н.Прокоповичу и Е.Д.Кусковой

Прокопович Сергей Николаевич (1871-1955) — экономист, общественно-политический деятель, публицист, теоретик кооперации. В юности увлекся идеями радикального народничества, за их пропаганду был исключен из Петровской сельскохозяйственной академии. Впоследствии перешел к «экономическому» марксизму, став «нефракционным» социалистом. В 1899 завершил образование в Брюссельском университете, в 1913 получил звание доктора философии Бернского университета. Принципиальный противник большевизма, принимал активное участие в революционных событиях 1917, отстаивая принципы парламентской демократии. Занимал ряд ответственных постов при Временном правительстве: в июле — октябре — министр торговли и промышленности, затем — министр продовольствия.

В 1921 вместе с Е.Д.Кусковой и Н.М.Кишкиным инициировал организацию общественного Всероссийского Комитета помощи голодающим Поволжья (ВКППГ). Об истории и составе участников этой организации см.: История образования Всероссийского Комитета Помощи Голодающим // Помощь: Бюллетень Всероссийского Комитета Помощи Голодающим (М., 1921. 16 августа. №1. С.2; репринт — Лондон, 1991). После разгона ВКППГ и кратковременного ареста Прокопович выслан за пределы РСФСР в июне 1922. В эмиграции возглавлял Экономический кабинет при Культурно-просветительной организации Земгора, редактируя его издания: «Экономический вестник» (1923-1924, Берлин), «Русский экономический сборник» (1925-1928, Прага) и «Бюллетень Экономического кабинета» (1924-1938, Прага).

Кускова (Прокопович; урод. Есипова) Екатерина Дмитриевна (1869-1958) — общественно-политическая деятельница и публицист. С 1885 — жена С.Н.Прокоповича. В юности разделяла идеи народничества, впоследствии присоединилась к «экономическому» крылу социал-демократии (см. ее воспоминания: Давно минувшее // Новый журнал. 1955. №43;

1956. №44, 45, 47; 1957. №48-51; 1958. №54). Вместе с мужем принимала активное участие в кооперативном движении, а также в политической жизни России в 1917-1921: участвовала в деятельности «Лиги спасения детей» и Совета Политического Красного Креста (в последнем сотрудничала и в годы эмиграции). Историю ВКПГ описала в воспоминаниях (Месяц соглашения // Воля России. 1928. Кн.3-5), благоразумно не упоминая о роли оставшихся в России членов Комитета. В эмиграции активно сотрудничала в периодической печати, придерживаясь собственной внепартийной ориентации «здравого смысла». Будучи одним из первых литературных наставников молодого Горького, оставила интересные мемуарные очерки об истории их взаимоотношений и идейном разрыве (Обезглавленный сокол // Современные записки. 1928. №36; Трагедия М. Горького // Новый журнал. 1954. №38). О ней см.: Аронсон Г. Е. Д. Кускова: Портрет общественного деятеля // Новый журнал. 1954. №37; Карпович М. Е. Д. Кускова (1869-1958) // Там же. 1958. №56; Русские писатели: 1800-1917: Биографический словарь. Т.3. М., 1994. С.246-248 (Автор статьи — В.Ерофеев).

9

Лондон—Берлин

[до 12 августа 1922]

Дорогая Екатерина Дмитриевна!

Дела у нас неважные. Люшка¹ уже неделю пластом лежит в кровати — болит голова и тошнит. Доктор пока еще ее не осматривал вплотную в смысле появления маленького, но думается, что все эти болезни именно на этой почве. Хорошо было бы, если это так, а то просто руки опускаются с ее здоровьем. Я что-то начинаю расклеиваться.

При первой возможности покинем Туманный Альбион и думаем перебраться в Италию², по пути заехать в Берлин, где анализировать ее с медицинской точки зрения основательно и всесторонне. Аппендицит резать, очевидно, нужно будет тоже у немцев, ибо публика делать его в Англии не советует, да и стоит это удовольствие здесь около 150 фунтов.

Поскольку позволяет здоровье, я продолжаю работать над «Крестьянским хозяйством»³ и, благодаря любезности московских друзей, на днях получил из Москвы почти все недостававшие мне книги.

Единственно, что мне не хватает, это корреляционных коэффициентов из работы С[ергея] Н[иколаевича], но выход его книги, очевидно, откладывается надолго.

Очень был бы я Вам благодарен, если Вы сообщили бы мне, какова в конце концов оказалась участь А.А.Рыбникова⁴ и

Н.Д.Кондратьева⁵, а также, где обосновались за границей Осоргины, Матвеев⁶ и Сигирский.

Меня особенно интересует М[ихаил] А[ндреевич]⁷.

Я уже более недели отрезан от всего света и кроме газетного матерьяла ничего не знаю о том, что происходит.

Письма же из Москвы и даже из Берлина оканчиваются лаконично на самом интересном месте словами «об этом подробно расскажу Вам при личном свидании».

Цензура не только русская, но даже и английская стала строга до черта и, напр[имер], письма ко мне из Парижа приходят в открыто распечатанном виде. Ну, пока всего-всего хорошего.

А. Ч.

¹ Домашнее прозвище О.Э.Чаяновой.

² Поездка Чаяновых в Италию не состоялась.

³ Здесь и далее речь идет о книге, написанной и опубликованной в Германии: *Die Lehre von der bauerlichen Wirtschaft: Versuch einer Theorie der Familienwirtschaft im Landbau von Aleksander Tschajanow*. Berlin, 1923 (русс. изд.: Учение о крестьянском хозяйстве. М., 1925).

⁴ *Рыбников* Александр Александрович (1877-1940?) — экономист, статистик, специализировавшийся в области кустарной промышленности, промысловой кооперации, организации крестьянского хозяйства и т.п. В 1917 — член Главного земельного комитета при Временном правительстве, один из разработчиков неосуществленной земельной реформы. В 1922 — уполномоченный ВКПГ по Саратовской губернии. 1920-е годы провел в Европе; по возвращении в СССР — профессор Тимирязевской сельскохозяйственной академии (ТСХА), сотрудник Госплана и Института сельскохозяйственной экономии (ИСХЭ). В июне 1930 арестован по делу Трудовой Крестьянской партии (ТКП); вместе с другими арестованными по этому делу приговорен коллегией ОГПУ 26 января 1932 к заключению в лагере, срок которого был затем продлен. Погиб в заключении.

⁵ *Кондратьев* Николай Дмитриевич (1892-1938) — выдающийся экономист-аграрник, специалист в области международной экономической конъюнктуры. Участник ВКПГ. В 1922-1924 командирован в Западную Европу (см. его письмо Кусковой от 21 сентября 1924. — ГА РФ. Ф.5865. Оп.1. Ед.хр.235) и США для изучения опыта развития сельского хозяйства. Впоследствии — профессор ТСХА, директор Конъюнктурного института при Наркомфине СССР, ведущий сотрудник ИСХЭ. Один из авторов-разработчиков планов развития советской промышленности и сельского хозяйства (1923-1928). В июле 1930 арестован по делу ТКП; 26 января 1932 приговорен к заключению в лагере. В 1938 расстрелян по приговору коллегии НКВД.

⁶ *Матвеев* И.П. — кооператор, сотрудник ВКПГ, высланный за пределы РСФСР после его разгона.

⁷ Осоргин (Ильин) Михаил Андреевич (1878-1943) — писатель, публицист. Чайнова связывали с ним дружеские отношения, установившиеся в период сотрудничества в газетах «Власть народа» (1917), «Наша Родина» (1918), и позднее — совместная работа в ВКПГ, в котором писатель сотрудничал в литературно-агитационной секции. Выслан из РСФСР в 1922.

Многие годы Осоргин неизменно интересовался жизнью семьи Чайновых, делаясь новостями из жизни московских друзей и в письмах к Кусковой. Его сообщения вносят новые краски в биографию Чайнова, хотя далеко не все из них сегодня могут быть откомментированы: «Поразило меня известие о Чайнове. Непременно напишите, если что новое узнаете о бедном А[лександр] В[асильевич] и о милой бедной Леле» (28 февраля 1924); «Вы не пишете, а я ничего не знаю о здоровье Ал[ександр] В[асильевич] Ч[айнова]» (16 октября 1924); «Сегодня у меня были Леля и А.В.Чайновы (я лежу больной). Они милы — но мой Бог! — как далеко зашли в "советских людях" забвение и успокоение! Меня это не удивляет, но все же любопытно! А[лександр] В[асильевич] пытается попасть в Египет на статистический конгресс, но еще не имеет визы. Леля пишет свои "труды" о театре» (27 ноября 1927).

Интерес Осоргина к судьбе московских друзей обострился после арестов по делу ТКП: «Екатерина Дмитриевна, дорогая Вы наша, Вы уже, наверное, много знаете о судьбе недострелянных. Где они? Кажется, приехала Ек[атерина] П[авловна] Пешкова? По моим сведениям, она в Сорренто, но не знаю наверное /.../ Если она что-нибудь письменно расскажет — перескажите при случае хотя бы кратко» (11 октября 1930). Три дня спустя он предложил Кусковой организовать кампанию европейской профессуры в защиту арестованных, а спустя некоторое время, когда надежды на освобождение исчезли и возникла нужда в помощи семьям заключенных, сообщал своей корреспондентке: «Ек[атерина] Павл[овна] написала мне из Сорренто и сообщила, что денег у меня лежит много [речь шла о гонорарных отчислениях писателю в Москве за исполнение спектакля "Принцесса Турандот" в театре-студии Е.Вахтангова. — Р.Я.] и что ей нужна новая доверенность, чтобы их получить. Я доверенность выслал и просил ее отдать деньги моим родным, а 600 рублей Оле Чайновой в уплату моего давнего долга. Надеюсь, что она исполнит. А, по моему, это хорошо, что Оля здорова; "развелась" же она, конечно, потому, что это понадобилось в общих интересах. Нам это странно, а там, вероятно, иначе и поступать нельзя. Ведь "цель оправдывает средства"! Романтические фигли-мигли кончены! Жены уже не спасают себя вместе с трупами мужей. Вы-то, конечно, сожглись бы, — но ведь потому Вы и в Праге! Прага — дыра, а у нас строят агрогорода. От одного названия можно повеситься» (28 апреля 1931). Впоследствии Осоргин неоднократно возвращался в своих письмах к истории с деньгами, переданными О.Э.Чайновой через Е.П.Пешкову (письма от 14 октября 1931, 28 ноября 1932). С этим связано также и одно из последних упоминаний Чайновых в его посланиях к Кусковой (18 мая 1933): «Из Москвы вести плохие — по части жизни наших друзей. Екат[ерина] Павл[овна] меня обидела кров-

но в этом деле с долгом Чайнову. Долг уплачен два года тому назад, и в сумме, валюту превышавшей. Моя ли вина, что она тогда почему-то не передала, а передала сейчас, когда я нищ и ничем Леле не могу помочь! Я наводил в Москве справку и оказалось, что деньги были переданы тогда же. В какое она меня поставила положение!» (ГА РФ. Ф.5865. Оп.1. Ед.хр.373).

Возможно, что информатором Осоргина и Кусковой о Чайновых была Е.Г.Винавер, работавшая в Политическом Красном Кресте и тесно связанная с Е.П.Пешковой. По роду службы ей приводилось довольно часто посещать СССР. См. ее письма к Кусковой (1928-1938). — Там же. Ед.хр.102.

10

[12.VIII.1922?]¹
Лондон— Берлин

Дорогой Сергей Николаевич!

Пишу Вам на этот раз экономическое письмо в связи с моей текущей работой о крестьянском хозяйстве. Мне очень не хочется делать параллельную Вашей работу по выводу корреляционных коэффициентов, а тем не менее в ближайшей главе я упрусь в них в упор. Поэтому очень бы просил Вас сообщить, какие у Вас сведения о печати Вашей книги в Москве, и если она вышла или выходит, то не сможете ли Вы по получении прислать мне хотя бы на время один экземпляр².

А затем, если у Вас ест[ь] на руках или в памяти цифры, очень бы просил сообщить коэффициенты корреляций между СЕМЬЯ (Е или Р, или Души — все равно) — СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВ[ЕННЫЙ] ДОХОД; СЕМЬЯ — ВАЛОВОЙ ДОХОД (с[ельское] х[озийство] + промысел)³.

По моим теоретическим соображениям корреляционная связь СЕМЬЯ — ВАЛ[ОВОЙ] ДОХ[ОД] (с[ельское] х[озийство] + промысел) должны дать высший коэффициент, чем СЕМЬЯ — С[ЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ] дох[од]. Хотелось бы знать, так ли это.

Очень трудно работать без книг. У меня с собою не оказалось целого ряда бюджетов и главное — ни одной книги с анализом социального состава крест[ьянских] хоз[яйств] по материалам повторных переписей (Черненко, Хрящева, Вихляев, Куценко⁴ и пр.). Быть может, случайно они есть у Вас?

Живем мы в тишине. Читаем Лескова, изучаем аглицкое наречие и гуляем в те редкие часы, когда нет дождя. Лондона еще не осматривали, а Леля целый месяц там и не была. Хуже всего

привыкаем к английской кухне. «Пища чижолая», а вина и закуски — форм⁵ и совершенно неизвестных сортов. Хотя есть недурная мадера — по праздникам пьем.

Привет.

А. Чайнов

¹ Датировано по письму к Е.К.Кусковой (см. письмо №11).

² Речь идет о кн. «Крестьянское хозяйство. По данным бюджетных исследований и динамических переписей», которую Прокопович намеревался в то время издать в Москве. Советское издание не состоялось. Книга вышла в Берлине в 1924. В работе над кн. «Die Lehre von der Bauerlichen Wirtschaft...» Чайнов использовал материалы статьи своего адресата, опубликованной в лондонском журнале «The Russian Economist...» (см. прим. 2 к письму 14). Ссылки на эту работу Прокоповича имеются также в чайновской «Организации крестьянского хозяйства» (М., 1925; переизд.: Чайнов А.В. Крестьянское хозяйство. М., 1990).

³ Корреляционные коэффициенты «Е[доки] (или Р[работники]) — Доход» активно использовались Чайновым в бюджетных расчетах крестьянского хозяйства (см. также письмо 16). Аналитические выкладки Чайнова на эту тему свелись к следующей формуле: «Семья (работники и едоки) — личное потребление — общая продукция семьи в сельском хозяйстве и промыслах — ежегодный доход от сельского хозяйства, урожай, посевная площадь и другие технические элементы хозяйства (скот, инвентарь и пр.)». Цит. по: Чайнов А.В. Крестьянское хозяйство. М., 1990.

⁴ *Черненко* Николай Николаевич (1863-?) — земский статистик, один из предшественников организационно-производственной школы. *Хрящева* Анна Ивановна (1868-1934) — статистик, чьи «динамические переписи» были объектом анализа Чайнова и Прокоповича. В 1918-1926 — заведующая отделом сельскохозяйственных переписей ЦСУ. *Вихляев* Пантелеймон Алексеевич (1889-1928) — земский статистик. *Куценко* Георгий Александрович (1878-?) — экономист-статистик.

⁵ Так в тексте.

Дорогая Екатерина Дмитриевна!

Ваше письмо получил и очень благодарю Вас за него, хотя не скрою, что первые строки его «о моем высоком коммунист[ическом] назначении»¹ меня раздосадовали изрядно, и я боюсь, что очередной московской сплетней будет слух о моем сближении с Бурцевым или Черновым.

Отвечать по существу на Ваше письмо мне очень трудно, так как я не располагаю и сотой долей той богатой информации, которой пользуетесь Вы... Из Москвы получаю только родственные письма, из которых заключаю, что люди живут пестро — и хорошо, и очень плохо, и что в северной России снова неплохой урожай, и снова плохо на юге.

О чем-либо более глубоком никаких представлений не имею, так как даже английские газеты читаю не каждый день.

О том, что нужно делать, за отсутствием материала предпочитаю не думать. Полагаю, что каждый должен знать то, что ему именно делать надлежит, и потому всячески приветствую Вашу не очень легкую теперешнюю миссию и Ваше намерение издавать настоящую русскую газету.

Если я правильно понимаю Вашу задачу как задачу содействовать прекращению гражданской распри и превратить русскую проблему из проблемы борьбы за власть в проблему спасения и возрождения родины всеми живыми силами ее, в том числе и коммунистическими, поскольку они содержат в себе живое творческое начало, — то в случае успешности ее разрешения за Вами будет исключительная историческая заслуга, и, в сущности говоря, кроме Вас, вряд ли кто мог бы за такое дело взяться, ибо Вас никто не может упрекнуть в партийности, и та позиция, которую Вы занимаете сейчас, — в сущности, та же, к[а]к и в эпоху 1917 года, если судить по Вашей прекрасной речи в Предпарламенте².

Если Вам интересен мой взгляд на желательный характер Вашей газеты³, то я мог бы [с]формулировать его, сказав, что газету эту следует вести так, *к/а/к* Вы бы вели ее сейчас в сегодняшней Москве, *будь там свобода печати*⁴.

Вполне с Вами согласен, что такого рода орган пользовался бы исключительным весом и авторитетом, особенно среди теперешней заграничной печати, которая не перестает пет[ь] «Интернационал навыворот»:

«Мы весь советский мир разрушим
До основанья, а затем, мы свой...»

и т.д. и печатать к[а]к это иногда делают даже «Последние Новости»⁵, во всеобщее сведение военные тайны хотя и красной, но все-таки русской национальной армии.

Мои ближайшие планы — на год по крайней мере — исключительно научного характера: хочется подвести научный багаж под основные устои своих социальных верований. Конкретно — удалось вчерне уже закончить 3 больших главы «Крестьянского хозяйства»⁶; сейчас уже работаю над 4-й и около 10 еще впереди.

Очень остро чувствуется недостаток в русских книгах, и я с большим интересом жду появления в свет последней работы Сергея Николаевича о крестьянских бюджетах, о чем пишу ему особо.

В Лондоне бываю редко и свято придерживаюсь Вашего совета не отказываться ни от одного разговора, который просят, но не лезть самому, сообразно чему имел длинную беседу с Бройкевичем и Бурышкиным⁷, причем с первым разошелся по всем пунктам.

Вот и все! Очень рад буду повидать Вас в Лондоне. Жизнь здесь спокойная и очень тихая.

А. Чаянов

«Утопию» высылаю, псевдоним Кремнев не очень раскрывайте⁸. А. Ч.

¹ По-видимому, реакция Чаянова на иронические комментарии адресата по поводу его благоприобретенных советских регалий: в 1921 он стал членом Комиссии по продналогу Народного комиссариата земледелия, членом Экономического совещания при Наркомземе, членом Коллегии того же комиссариата, а также сотрудничал в Госплане РСФСР.

² Кускова была делегатом Всероссийского Совета Российской республики (Предпарламента) от кооперативных организаций. Чаянов ссылается на ее выступление 10 октября 1917 (см.: Речь. 1917. 13 окт.), в котором она отстаивала народно-хозяйственную и общественную целесообразность работы кооперации в России и сформулировала ее политические цели и задачи, потребовав у Временного правительства наведения законности и порядка в стране.

³ Речь идет о предстоявшем участии адресата в издании газеты «Дни». См. прим. 2 к письму 13.

⁴ В 1917-1918 Кускова издавала и редактировала в Москве «демократическую и социалистическую» газету «Власть народа». Сорок лет спустя она припомнила этот эпизод своей биографии в связи с публикацией беллетризованных мемуаров К.Г. Паустовского «Повесть о жизни» (впервые: Паустовский К.Г. Собр. соч.: В 6 тт. Т.3. М., 1958), где она была описана вполне нейтральными, по советскому времени, красками: «...руководила газетой властная и красивая пожилая "энеска" Екатерина Кускова. Она говорила низким цыганским голосом, много курила, на нас, репортеров, смотрела свысока и неодобрительно» (Указ. соч. С.600). Отвечая, по-видимому, на вопрос своей корреспондентки И.Р. Мовшович, Кускова откомментировала этот пассаж следующим образом:

Паустовский... Помню его. И он, более честный, все же набросал. Все — вранье. Никогда к партии эн.-эс. [народных социалистов. — Р.Я.] не принадлежала. Никогда «низким цыганским голосом» не говорила и даже не знаю, что это значит — цыганский голос. И самое главное: никогда на репортеров не смотрела «свысока». Никогда не курила. А Паустовского — любила, это

был тихий, хороший юноша. Была властная, это правда. Но иначе в газете было нельзя. Тем более, что газета была кооперативная — в ней сотрудничали люди всех левых партий. Если не быть с ними властной, ничего бы не вышло — ссорились бы. Газету субсидировал Московский Народный банк — учреждение кооперации. Самым главным моим помощником был Эмм[ануил] Льв[ович] Гуревич-Смирнов /.../. Он был социал-дем[ократом], Юрьевский — социал-дем[ократ]. Мих[аил] Анд[реевич] Осоргин — тогда был эс.-эр. Работали дружно, газета была, конечно, за Времен[ное] правит[ельство], но критиковала его совершенно свободно. Зачем Паустовский врет?! /.../ с репортерами мы жили *очень* дружно. Но правила я их, конечно, сильно — были часто просто грамматически безграмотны. Паустовский выработался много позднее; тогда и он был малограмотен, но талантлив. Я все заставляла его писать не хронику, а фельетоны-очерки. Обидно за него... Ведь он меня *хорошо* знает».

(Кускова — Мовшович. 5 июня 1958. — Vachmeteff Archive. Prokopovich Collection. Box 1).

³ «Последние новости» (1920-1940) — газета, редактировавшаяся в Париже П.Н.Миллюковым.

⁶ *Бройкевич М.В.* — экономист, секретарь Русского экономического общества в Лондоне, редактор «Записок Русского экономического общества в Лондоне» (1920-1923). Прокопович и Кускова были членами этого профессионального объединения. *Бурыйшкін Павел Афанасьевич* (1887-1953) — промышленник, экономист, специализировавшийся в области бюджетных исследований. См. также его книгу «Москва купеческая» (Н.-Й., 1954; репринт: М., 1990).

⁸ Первая часть книги «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (М., 1920) вышла под псевдонимом *И.Кремнев*. Причины конспиративности Чаянова не вполне ясны, так как он сам до этого указал на себя в печати: «В начале 1920 г. выпустил в Москве (Госиздат) под псевдонимом Иван Кремнев первую часть "Путешествия /.../"» (Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918-1922 гг. // Новая русская книга. 1922. №5. С.38). Книга была прислана автором на отзыв в редакцию журнала; указание на это см.: Там же. 1922. №6. С.20. Рец. на нее Н.М[акарова] см.: Там же. 1922. №11/12. С.23. Рецензии на книгу были опубликованы и в советской печати: Ярославский Ем. Реакционная утопия // Правда. 1921. 25 янв.; см. также: Книга и революция. 1921. №12 (подп. А.Леньков). Впоследствии Ярославский вновь вернулся к чаяновской утопии, анализируя ее на предмет подтверждения политической неблагонадежности автора. См.: Мечты Чаяновых и советская действительность // Правда. 1930. 8 окт. С.2. См. также: Катанян Р. Предшественники вредительства // Красная новь. 1931. №2. С.118-121; Голиков Д. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн.2. М., 1980. С.271; Струве Г. О Чаянове и его утопии // [Чаянов А.В.]

Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии. Н.-Й., 1981 (репринт); Смит Р.Е.Ф. Несколько слов об источниках романа Г.Орвелла «1984» // Там же; Флейшман Л. и др. Указ. соч. С.304-307; Нехотин В. Об одной мистификации на социологические темы // Социологические исследования. 1986. №3. После ареста группы Чайнова Кускова отозвалась на эти инвективы печатной отповедью: Поймали, но не с личным // Последние новости. 1930. 17 октября. С.3.

12

[декабрь 1922]
Обервег — Берлин

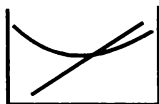
Дорогой Сергей Николаевич!

Огромное Вам спасибо за Вологодский сборник¹, дня через 2-3 я смогу отправить его назад. Эти дни у нас гостила чета Макаровых², которые с исключительным мужеством пробрались к нам через занесенные снегом горы, смен[ив] от Праги до нас 8 поездов и сделав 20 верст на лошадях по снегу. Снег валит целую неделю, не останавливаясь, и ходить можно только по пояс в сугробах.

На днях получил из Лондона телеграмму, что мои книги уже на пути в Берлин; не надеясь на Угримова и Шишкина³, я просил телеграфировать мне, и по приходе багажа немедленно выеду сам в Берлин.

Если же паче чаяния — все будет сделано без моего выезда и корзины попадут к Вам, то очень большая просьба — поместив книги в экономический кабинет, все рукописи и ремингтон (а его там немало)⁴ взять на хранение к себе домой, так как среди них очень много Ваших документов.

Пригодилась ли Вам моя программа и получили ли вы «Stat. Kelti [? — Р.Я.]». Нашлось ли у Вас время просмотреть мои писания; кстати, в конце главы о капитале у меня не совсем вразумительно рассказано о разделе бюджета на личн[ые] и хоз[яйственные] расходы (теория),

сейчас выправляю редакцию.

Шлю Вам самый горячий привет и еще раз благодарю за присылку. Привет Е[катерине] Д[митриевне]!

Леля шлет свой привет!

А.Чаянов

¹ См. прим.1 к письму 1.

² *Макаров* Николай Павлович (1887-1980) — выдающийся экономист-аграрник, один из лидеров организационно-производственной школы. В сферу его интересов входили методология бюджетных исследований, история и практика кооперации и другие проблемы. В первые пореволюционные годы преподавал в Воронежском институте сельского хозяйства. В 1920-1924 жил в Западной Европе и США, где изучал экономические проблемы, организацию и технологию сельскохозяйственного производства. По возвращении в СССР — профессор ТСХА, сотрудник ИСХЭ. В июле 1930 арестован по делу ТКП, коллегией ОГПУ 26 июня 1932 приговорен к заключению в лагере. В июне 1935 освобожден по частной амнистии и направлен в административную ссылку в Воронежскую область. По ее окончании — на преподавательской работе; докторскую диссертацию (третью по счету после закрытия темы первой и утерю второй в годы Великой Отечественной войны) защитил в 1956.

³ *Угримов* Александр Иванович (1874-1974) — агроном, экономист, председатель Московского общества сельского хозяйства, сотрудник ВКПГ. В эмиграции — сотрудник Экономического кабинета С.Н.Прокоповича. См. о нем: Решикова В.А. Высылка из РСФСР // Минувшее: Исторический альманах. Вып.11. М.-СПб., 1992. С.199-203. *Шишкин* — лицо не установленное.

⁴ Т.е. машинопись.

5 декабря 1921¹
Оберверг — Берлин

Дорогая Екатерина Дмитриевна!

Получив Вологодский сборник, я узнал Ваш почерк на бандероли и, проникнувшись признательностью, благодарю Вас за эту и многие другие заботы о нас. Живем мы, занесенные снегом, в самых идеальных условиях; такие только можно выдумать, и, если не поправляемся с феноменальной скоростью, то только потому, что совершенно не видим солнечного света за хлопьями снега, который валит 26 часов в сутки, так [как] ночью он валит двойными часами.

У нас два дня прогостили Макаровы, и мы с Николай Павловичем успели решить все мировые вопросы современности, а также несколько проблем будущих столетий, каковые его интересуют в области зернового хозяйства, — вплоть до 2400 года.

Очень благодарен за газету, хотя должен сознаться, что А[лександр] К[еренский] и иже с ним разрослись до такого объема, что после 36 «Дней» можно свободно вновь писать «Голос Рос-

сии»², и неприятная для с[оциал]-р[еволюционерского] сердца сыпь Кусковой, Пешехонова³ и пр[очих] заметно проходит, и здоровье с[оциал]-р[еволюционерского] тела вновь восстанавливается и очищается.

У нас ежедневно крупные события и порчения, ибо постепенно одно за другим перестают сходиться Лелины платья и висящий у Вас на сохранении костюм обречен минимум на 6 месяцев быть без употребления.

Мои экономические работы энергично продвигаются вперед, и к рождеству все, кроме введения и заключения, будет готово.

На рождестве у нас будет Пасха и кулич, а также елка, [и] если Е[катерина] Д[митриевна] и С[ергей] Н[иколаевич] захотят в снегах провести несколько дней и отдохнуть от всего берлинского, то они не разочаруются.

Для этого [в] 10.15 надо сесть в вагон на Gorliz Bahnhof, а в 5 Вы уже будете знакомиться с кулинарным искусством фрау De Rhyter; Ваши шубы будут сохнуть от снега около жарко натопленных голландских печей, будет лаять пес Инго и выгибать от радости спину кошка Мухен (оба Ольгунькины любимцы), а Сергей Николаевич убедится, что Reinvein в Шрейберхон[е] не хуже, чем в Берлине. Правда! Приезжайте на рождество.

Пока же привет и еще раз большое спасибо.

А.Чаянов

¹ Письмо датировано по одновременному письму О.Э.Чаяновой, описывавшей, в частности, ее семейную жизнь: «Живем мы здесь т[а]к хорошо, к[а]к только можно было мечтать. Эта "хорошесть" заключается главным образом в полном слиянии с тишиной, снегом, деревьями, думами и книгами и в полнейшей оторванности от людей. Никогда еще я не получала столько наслаждения от тишины и от безлюдия, к[а]к сейчас. В первый раз за 7 месяцев нашей жизни за границей у нас уютно в комнатах и получаешь большое удовольствие от возможности сидеть на мягком диване в теплой чистой комнате. В Англии это удовольствие стоило слишком дорого. Здесь же две комнаты, с прекрасным столом, с двумя прислугами, молоком и яйцами отдельно — обходятся нам на двоих в фунт в неделю» (ГА РФ. Ф.5865. Оп.1. Ед.хр.549. Л.11).

² Издание ежедневной газеты «Дни» (Берлин, Париж, 1922-1933) началось под ред. А.Ф.Керенского 29 октября 1922. Поначалу адресаты Чаянова были ее активными сотрудниками (из письма Кусковой к А.В.Тырковой-Вильямс от 10 июня 1922: «В воскресенье в Берлине открывается новая ежедневная газета "Дни". В ней мы принимаем близкое участие. /.../ Не знаю, что у нас выйдет. До ужаса все неясно /.../» — British Library. Manuscript Department. H.Williams Collection. Add.54441. P.55). Чаянов верно оценил эту неуверенность Кусковой, происходившую от нетождест-

венности общественно-политических позиций участвовавших в издании эсеров и иных социалистов, намекнув адресату на неизбежность разрыва при обострении этого невыявленного до времени антагонизма. Позднее Кускова и Прокопович прекратили сотрудничество в газете.

Газета «Голос России» (Берлин, 1919-1922) — «орган русской демократической мысли». С 5 августа 1921 стала выходить «при ближайшем участии» П.Н.Милюкова. С февраля 1922 поменяла направление на эсеровское (черновского толка). Последний номер газеты вышел 15 октября 1922.

³ *Пешехонов* Алексей Васильевич (1867-1933) — земский статистик, один из лидеров партии народных социалистов, публицист. В мае—августе 1917 — министр продовольствия Временного правительства. В годы гражданской войны был представителем «Союза возрождения России» в Добровольческой армии. В 1922 выслан из РСФСР. Жил в Риге, с 1927 служил консультантом торгпредства СССР в Латвии.

14

26.XII.1922¹

Обервег — Берлин

Дорогая Екатерина Дмитриевна! Шлю Вам самый сердечный привет и надеюсь увидеть Вас в наших снегах. Очень прошу передать привет С[ергею] Н[иколаевичу] и напомнить ему, что он хотел мне выслать ремингтонную копию его «Производительности»². Пусть также он не удивится, получив 2 главы моего «Кр[естьянского] хозяйства»³, это для прочтения, если у него будет время и охота. На днях сяду за новую книгу. Привет.

А. Ч.

¹ Приписано на открытке О.Э.Чаяновой с рождественскими поздравлениями.

² Имеется в виду статья: «Производительность крестьянского хозяйства по данным бюджетных исследований», опубликованная в журнале «The Russian Economist: Journal of the Russian Economic Association» (London. 1923. Vol.III. №9. January-June). Положения этой работы впоследствии вошли в книгу: Прокопович С.Н. Крестьянское хозяйство: По данным бюджетных исследований и динамических переписей. Берлин, 1924; а также: The Economic Condition of Soviet Russia. London, 1924. В них автор критиковал ряд важнейших идей и положений чаяновского «Учения о крестьянском хозяйстве». Следы этой дискуссии см. в письмах 16, 18, 19 и 22.

³ Имеется в виду книга Чаянова «Организация крестьянского хозяйства», опубликованная в 1925.

/.../¹ западе и место на кладбище.

Если же мы хотим еще быть с Россией (а я больше всего именно этого хочу), то я должен вмешаться.

А ведь как вмешаться и чем вмешаться — эту задачу разрешить трудно.

В маленьком масштабе еще, пожалуй, можно разрешить. Под сим я разумею нашу публицистическую работу. Надо твердо и определенно разделять Россию и СССР. Надо признать живые процессы в народном хозяйстве, даже содействие этим процессам интеллигенции, работающей с советской властью. Если мы этого не сделаем, то будем выброшены и останемся навсегда в стороне от России. Наши писания будут пустозвонством, никто и нигде не будет нам верить. Нужна объективность, при которой препятствия советской власти росту народного хозяйства выявятся еще ярче, что мы и должны делать, доколе будем иметь возможность.

Для осуществления этой задачи надо уменьшить личные политические мечтания [и] признать, что сила «там», а не «здесь» (Дан², например, считает, что без него все равно ничего не выйдет!). Надо создать такое внутреннее настроение, при котором можно было бы через СССР видеть Россию и ее живые силы. Надо это делать теперь же. Я часто слышу — вот, я читал в советской газете то-то и то-то, я совершенно согласен... Я слышу: скоро нам и писать будет не о чем... Разумеется, это все происходит потому, что мы не делаем [всего] или недостаточно делаем из того, что дарует нам жизнь. Конечно, надо делать с умом. Надо посоветоваться и, может быть, не только в «Днях», а и шире. Но все это маленький масштаб.

Он не удовлетворяет и не приближает конца.

Но как делать в большем масштабе, сказать не умею.

Вот что перед мною еще неясно мелькает. Простите, я буду писать про интервенцию, но не военную, а экономическую. Мне представляется неизбежным и в будущем проникновение в Р[оссию] иностранного капитала. Сами мы не выползем. Эта интервенция, как я упомянул выше, идет и теперь в наиболее разорительных для России формах. Эта интервенция усилится, так как при денежном хозяйстве в России давление Запада будет всегда более реальным. Ведь если будет на Запад передаваться червонец, то любой солидный банк может получить концессию — это

их пригрозит и напугает. Это куда страшнее Врангеля и всяких военных походов!

Так нельзя ли нам также использовать эти экономические возможности, открывающиеся перед Западом? Нельзя ли к экономическим концессиям Запада присоединить наши политические концессии? Я понимаю и не отрицаю, что выгодные концессии легче получить от сов[етской] власти. Но я почти уверен в том, что эксплуатировать концессии (28-30 лет!) спокойнее и выгоднее при гражданском правопорядке. К концессиям Запада для их получателей интересно получить политические гарантии, которые могут заключаться в том, что один по одному в состав сов[етской] власти будут входить несоветские люди, но работающие с Советами.

Как все это практически осуществить? Надо договориться самим — т.е. всем тем, кто понимает, что делается в России, кто способен принять новую Россию. Надо частное воздействие на зап[адно]евр[опейских] полит[ических] деятелей — необходим с ними сговор и некий общий фронт.

Вот какие мысли приходят в голову.

Фантастично? Может быть. Но что же делать? Я с большим усилием пишу статьи, с большим усилием работаю. И, если не будет перспектив, то невольно думается о преодолении себя и переходе где-нибудь, хотя бы в Литве, хотя бы в Эстонии на хозяйственный труд.

На днях я видел и говорил с приехавшими с юга. Все страшнее делается. Высшей школы нет, русская молодежь вне высшей школы. Старые профессора все больше и больше деморализуются, разложение усиливается. Нас боятся. Я сейчас вот не могу добиться встречи с людьми, которые сейчас в Берлине, с которыми я был близко знаком, чуть не на «ты». Они, видимо, уклоняются от встречи. Я их понимаю, хотя это обижает и раздражает. Но один ли тут страх?

Я не хочу обобщать, но доля истины в моих переживаниях, несомненно, есть. Нас слишком захватывает повседневная работа, кусок, наша эмигрантская жизнь. Хочется из нее вырваться, посмотреть со стороны.

Вот и в Вашем письме есть доля пессимизма.

Я все же пишу лично для Вас. Хотел бы знать Ваше настроение. Если будет время, напишите, хотя бы кратко, я пойму.

Пока, всего хорошего. Как здоровье Сергея Николаевича?

Я вам на днях послал открытку с просьбой посодествовать насчет высылки моих рукописей. Не откажите помочь в этом деле³.

Не был ли у Вас Савицкий⁴, которого я просил урегулировать поездки в Берлин пражских профессоров к нам в И[нсти]тут? О последнем — Институте — писать не хочется — так все нудно, скучно и довольно отвратительно.

Живем мы сейчас до некоторой степени в деревне. Оля с Женькой торчат на берегу озера — я иной раз валяюсь на песке и купаюсь. Много теряю времени на поездки в Берлин — 55 минут.

Оля шлет привет. Всего лучшего.

А. Ч.

¹ Начало письма не сохранилось. В верхней части листа оставлена пометка, сделанная адресатом: «Чаянов».

² Дан (Гурвич) Федор Ильич (1871-1947) — социал-демократ, меньшевик, активный оппонент большевизма. В 1922 выслан из РСФСР. В последующие годы — сотрудник «Социалистического вестника» и деятельный участник Социалистического Интернационала.

³ См. письмо 14.

⁴ Савицкий Петр Николаевич (1894-1968) — экономист, специалист по вопросам районирования народного хозяйства, публицист. В 1920-е годы — преподаватель Института сельскохозяйственной кооперации (Прага). Получил широкую известность как один из лидеров и идеологов евразийского движения. См. его работы в области экономики: Материалы по сельскохозяйственной эволюции России [Б.м., 1923]; Географические особенности России. Ч.1: Растительность и почвы. Прага, 1927; Россия — особый географический мир. Прага, 1927; и др.

16

3.1.[19]23
Гейдельберг — Берлин

Поздравляю с Новым годом!

Дорогой Сергей Николаевич!

Сейчас получил Ваше письмо и отвечаю с обратной почтой. [Благодарю] прежде всего за Ваше любезное приглашение принять участие в Вашем журнале, появление которого всячески приветствую¹.

Само собой понятно, что, поскольку хватит времени, постараюсь принять в нем ближайшее участие, однако, думаю, что опубликование меня как «ближайшего участника» было бы вряд ли полезным. То же думаю о Макарове. С *формальной* точки зрения, наличие Бруцкуса² достаточно свидетельствует о привлече-

нии нашего течения, отсутствие наше вряд ли кем-нибудь будет замечено, так как имена мое и Макарова известны в очень узких кругах и мало говорят широкой публике. Фактически, наверное, мы будем Вам очень полезны, а создавать лишнее затруднение в моих разговорах с Лубянской по возвращении в Москву мне не хочется. Само собою понятно, что для Вас, меня, Рыкова, Теодоровича³ — участие в экон[омическом] журнале не есть криминал, но рядовой чекист плохо отличает политику от экономики. А так к[а]к при первой медицинской для Ольгуньки возможности мы думаем вернуться в Москву (X/23), то без особенной нужды мне незачем демонстрировать совместную работу с П.Струве.

В еще большей степени порадовало меня предложение прочесть курс крестьянского хозяйства, что для меня особенно ценно теперь, так как нет ничего лучше, окончив работу, попытаться еще раз в другом — педагогическом разрезе изложить ее устно. Однако, по причинам на этот раз семейным, придется придать этому форму краткого эпизодического курса наездом⁴, т[а]к к[а]к до 1 марта Ольгунькино здоровье удержит нас в горах, а до апреля и ей и мне хочется завернуть хотя бы на 2, на 3 недели в Италию. Мне — для водного хозяйства, ей — просто посмотреть никогда не виданную античную культуру.

Если в отношении научн[ого] института применима техника У[ниверсите]та Шанявского⁵, то в течение февраля я бы мог на неделю — 1 1/2 приехать в Берлин и в 3-4 лекции изложить все основные идеи и факты теперешнего учения о крестьянском хозяйстве. Если этот, наиболее удобный для меня вариант *не подходит*, — будем сговариваться как-нибудь иначе.

В конце января я должен буду быть в Берлине, так как кончаются наши паспорта и мне нужно будет их возобновить, и предполагал бы прочесть у Вас доклад. На кооперативных днях я не буду, т[а]к к[а]к официально я с коопер[ативными] учреждениями теперь не связан, формального приглашения не получил, а ввязываться в это тяжелое дело, с которым я к тому же в корне не согласен по существу, — мне не хочется.

Поимейте в виду, что 13-15/1 в Берлине будет Макаров. Если Вас интересует получить его доклад, снеситесь срочно. Он сейчас в Женеве (Hotel Pensim des Familles, 14, rue de Lausanne, Genève).

Вашу работу прочитал, конечно, в первый же вечер по ее получении. Методически это крупный и серьезный шаг вперед. Вообще, Сергей Николаевич, как уже я Вам, кажется, говорил, в развитии русской экономической мысли Вам выпала завидная доля быть пионером в очень многих сторонах нашей науки и, быть может, наиболее западноевропейским ученым из всех нас.

Несомненно, что метод аналитич[еского] коэф[фициента] кор[реляций] будет иметь большое значение и за пределами России, и мне думается, что всего лучше Вам было бы напечатать его в одном из английских журналов, специально трактующих эти вопросы. На днях в Берлине будет А.С.Орлов⁶, наверное, будет и у Вас, и Вы сможете точно узнать как это сделать, т[а]к к[а]к он следит за этой литературой аккуратно, и в курсе.

Что же касается содержания по существу, то тема кажется мне недостаточно разработанной и полученные мной выводы мало дают для теории. Ограничусь пока двумя замечаниями, отлагая остальные до ряда дополнительных справок и пояснений с Вашей стороны.

1) Высокие коэф[фициенты] дохода с посев[ных] площ[адей] скопом и пр. понятны и малоинтересны теоретически, т[а]к к[а]к это есть технические связи, и все эти элементы, по существу, есть различные количественные выражения одного и того же явления — объема с[ельско]х[озия]ственной деятельности. Их теоретич[еская] ценность такова же, к[а]к ценность высокого коэф[фициента] корреляции между количеством произ[водства] льна и размером денежного дохода волокол[амского] х[озия]ства.

2) Ваши коэф[фициенты], выясняя значение земли, мало дают для оценки удельного веса семьи, ибо с ней нужно сопоставлять не с[ельско]х[озия]ственный, а *общий* доход семьи, для анализа же е/р — не доход х[озия]ства, а доход на 1 работника⁷. При встрече сообщу Вам свои сомнения и вопросы, пока же шлю самый горячий привет вам и Е[катерине] Д[митриевне].

А.Ч.

Ольгунья кланяется!

¹ Речь идет о приглашении Чайнова к сотрудничеству в журнале «Экономический вестник», издание которого было начато Прокоповичем в Берлине («при ближайшем участии» М.В.Бернацкого, М.В.Бройкевича, Б.Д.Бруцкуса, С.О.Загорского, А.И.Каминки, В.А.Косинского, Б.Э.Нольде, Л.И.Пумпянского, П.Б.Струве и А.А.Чупрова. Задачей издания было объединение русских экономистов за границей, сбор и анализ материалов «для разработки конкретных планов восстановления русского хозяйства». Первая книга журнала, вышедшая весной 1923, открывалась статьями Прокоповича — «Новая экономическая политика» и Струве — «Научная картина мира и понятие "равновесия"».

² *Бруцкус* Борис (Бэр) Давидович (1878-1938) — экономист, агроном, близкий к кругу организационно-производственной школы. С 1922 в эмиграции. После арестов ученых-аграрников и начала следствия по делу ТКП принимал активное участие в организации кампаний общественно-

го протеста западной интеллигенции в их защиту. В своих письмах к Кусковой он неоднократно обсуждал эту тему. Упоминая, например, идею привлечения к акциям протеста немецких научных кругов, он отмечал: «Вы прекрасно сделали, что в вопросе судьбы наших московских друзей Вы меня наставили на путь истины», предлагая ей также обратиться к коллегам в других странах: «Напишите крепкое письмо Питириму Александр[овичу] Сорокину. Он человек энергичный, и он это сможет наладить. Кондратьев его старый друг. Побраните его в кредит, что он мало делает». Комментируя протест германских ученых против очередной волны репрессий в отношении научной интеллигенции в СССР, этот корреспондент Кусковой давал оптимистический прогноз: «Для большевиков это гулкая пощечина. Они чувствуют свою зависимость от общественного мнения культурного мира гораздо более, чем это показывают. Я твердо надеюсь, что нашим узникам худшее не грозит и что воззвание явится к тому дополнительной гарантией. Я думаю, что правая оппозиция скоро победит Сталина и их тогда освободят» (ГАРФ. Ф. 5865. Оп.1. Ед.хр.70. 18 октября 1930). К этой теме он возвращался и позже, когда стало ясно, что его оптимизм в отношении политической эволюции в СССР не оправдался: «С нашими друзьями в России, по-видимому, плохо. Но судить их как будто не собираются. Видимо, и большевикам опротивела мерзкая картина их суда» (Там же. 28 мая 1931). «Что Вам известно о наших друзьях в Москве? Думается мне, что большевики их сошлют без суда, опубликуют кое-какие сознания и конец. Второй процесс затевать не будут; за границей все признали /.../, что большевики ломают комедь. Но как измучены интеллигенты!» (Там же. 23 декабря 1931).

В этом контексте уместно напомнить о том, что арест Чаянова и его коллег и кампания по их публичной дискредитации проходили на фоне следовавших один за другим судебных процессов над «Промпартией» (ноябрь-декабрь 1930) и «Союзного бюро меньшевиков» (март 1931). Подсудимые были принуждены давать показания о своих преступных связях с «группой Кондратьева—Чаянова», установленных, по их словам, в 1927. По свидетельству П.Пальчинского, например, в том году Чаянов участвовал в ряде заседаний «Нижегородского центра Промпартии», а в 1928 был создан объединенный ЦК ТКП и Промпартии «для разработки вопросов захвата власти». В то же время эти показания свидетельствовали о растерянности организаторов, не рассчитавших мотивов и масштабов конструированной ими в ходе следствия «преступной группы». Тот же Пальчинский утверждал, что ТКП «по ее данным, весьма, впрочем, сомнительным [курсив наш. — Р.Я.], насчитывала больше приверженцев, чем кастово замкнутая "Промышленная партия"» (Правда. 1930. 27 ноября. С.3).

Еще более отяготил дело Чаянова второй процесс, на котором обвинялся достаточно близкие к нему люди (Н.Суханов, например, служил сотрудником ИСХЭ). В.Громан и некоторые другие обвиняемые были вынуждены дать следствию показания, назвав поименно всех лидеров ТКП и охарактеризовав их действия как преступные (Правда. 1931. 27 февраля. С.4), а на суде заявили, что поддерживали связь с «контрреволюци-

онно-кулацко-эсеровской партией» Кондратьева—Чаянова и с «Промпартией» (Правда. 1931. 10 марта. С.1-2). Следствию удалось даже вывести на судебное заседание в качестве свидетеля Н.Кондратьева, признавшего существование «преступного союза ТКП с "Промпартией" и "Союзным бюро меньшевиков"», однако имя Чаянова в прямой связи с этими организациями не было названо. Вероятно, публичные показания Кондратьева должны были сломить волю упорствовавших сотоварищей и озвучить в числе прочего такой пассаж: «я не считаю возможным именоваться кондратьевцем... Я считаю необходимым не только для себя, но и для тех, кто вместе со мной боролся указанным оружием [«кондратьевщиной». — Р.Я.], сломить это оружие, и не только сломить его, но и разрушить, и не только разрушить его, но и те элементы в социалистической действительности, которые приводили к его возрождению» (Правда. 1931. 5 марта. С.4).

Заслуживает упоминания и мужество Н.Суханова, также напрямую не упомянувшего в своих показаниях имена Чаянова и коллег по институту. Его судьба была решена государственным обвинителем Н.Крыленко однозначно: «Ни одной минуты я не колеблюсь утверждать, что наша революция, революция мировая, а уже тем паче мировая история ничего не потеряют от того, что с лица земного шара исчезнет один из персонажей, представителем которых является гражданин Суханов» (Правда. 1931. 8 марта). В своем последнем слове подсудимый дал понять, что не признает себя виновным в предъявленных ему обвинениях: «Принимая во внимание позицию, занятую государственным обвинителем, я считаю для себя неуместным говорить о каком бы то ни было моем будущем. Но что я знаю, я знаю вполне достоверно: до последней минуты мною будет владеть чрезвычайное презрение к тем преступлениям, за которые я был осужден, чувство жгучей ненависти к носителям и к самой идее интервенции, вредительства и буржуазной реставрации, и полная уверенность в том, что пролетарская революция непобедима» (Правда. 1931. 9 марта. С.4).

Как известно, суд над группой ТКП, провести который планировалось следом за двумя первыми публичными погромами интеллигенции, так и не состоялся. Однако состав преступления, по которому в июне 1932 во внесудебном порядке были осуждены ее участники, был сформулирован заранее — в обвинительном заключении по второму процессу: «ТКП брала на себя организацию крестьянских восстаний и беспорядков, используя влияние кулацких элементов и колебания известной части середняков в вопросе об отношении к коллективизации сельского хозяйства, работу по снабжению восставших оружием и боевыми припасами и по доставке их в районы предполагаемых восстаний; работу по разложению частей Красной армии, в особенности направленных для прекращения беспорядков в сельских местностях /.../ особое место в контрреволюционной деятельности трех партий занимал вопрос о работе в области дезорганизации народного хозяйства» (Правда. 1931. 27 февраля. С.4).

В историю с делом Чаянова и его группы самым активным образом, пусть и косвенно, был вовлечен и М.Горький. Если для «внутреннего»

пропагандистского прикрытия в печати активно выступали Ем. Ярославский, Д. Заславский, Д. Бедный, А. Безыменский и другие ведущие «оруженосцы пера», то для дезориентации зарубежной общественности и дискредитации ее акций протеста на страницах главных газет страны одновременно публиковались авторитетные инвективы Горького: «Если враг не сдастся — его уничтожат» (1930. 27 ноября), «Гуманистам» (1930. 11 декабря), «По поводу одной легенды» (1931. 5 марта) и др.

³ Рыков Алексей Иванович (1881-1938) — видный деятель большевистской партии, в 1924-1930 — председатель Совнаркома СССР, отстраненный Сталиным от власти в ходе его борьбы с «правой» оппозицией. Расстрелян. Теодорович Иван Адольфович (1875-1937) — чл. КП с 1895; в 1922-1927 — зам. наркома земледелия. Погиб в заключении.

⁴ Очевидно, о подобной поездке в Берлин упоминала О.Э. Чаянова в письме к Кусковой (18 декабря 1922): «Прежде всего, большое спасибо за то, что мужа моего приютили и пригрели. Без Вас ему было бы совсем плохо в Berlin'e. Простите, что потревожила Вас телеграммой. Дело в том, что телеграмма Ал[ександра] Вас[ильевича] пришла после его приезда. И, ничего не получив от него, я очень волновалась» (ГАРФ. Ф.5865. Оп.1. Ед.хр.549. Л.10об.).

⁵ Имеется в виду система обучения, принятая в Московском городском народном ун-те им. А.Л.Шанявского (1908-1918). Предметная система давала право свободного выбора учебных курсов слушателями. Занятия в ун-те были вечерними. Об этом учебном заведении см.: Сперанский Н.В. Возникновение Московского городского народного университета имени А.Л.Шанявского: Историческая справка. М., 1913. В 1911-1918 Чаянов вел ряд экономических и гуманитарных лекционных курсов в этом учебном заведении. Документы об этом см.: РГАЭ. Ф.731. Оп.1. Ед.хр.24, 25.

⁶ Орлов Александр Семенович — экономист-аграрник, кооператор, специализировавшийся в вопросах кустарной промышленности и экономики приусадебного хозяйства. В начале 1920-х был командирован в Западную Европу; в этот период активно общался с экономистами-эмигрантами, публиковал экономические исследования в эмигрантской печати. Чаянов ожидал его приезда из Лондона после доклада в Русском экономическом обществе, прочитанного 4 января 1923 (изложение текста доклада «Пути прогрессивного развития и положение русского сельского хозяйства») и прения по нему см. в: The Russian Economist: Journal of Russian Economic Association in London: Записки Русского экономического общества в Лондоне. 1923. №9; полный текст под тем же заглавием опубликован: Современные записки. 1923. №14, 15). См. также его доклад, прочитанный 23 марта 1922 той же аудитории в Лондоне: «Начало возрождения кооперации в России» (The Russian Economist. 1922. №6). По возвращении в СССР — профессор ТСХА. В 1985 дочь ученого передала нам хранившийся в семье печатный «план Москвы XVII века», подаренный Чаяновым Орлову вскоре после его издания в 1922, вероятно, во время одной из встреч в Лондоне или в Германии. Год издания этой уникальной

московедческой работы устанавливается по автобиблиографической справке Чайнова, помещенной им в журнале «Новая русская книга» в рубрике «Судьба и работа русских писателей, ученых и журналистов за 1918-1922 гг.» (1922. №5. С.38). До сих пор считалось, что карта была издана Чайновым в 1920 (см.: Карта Москвы XVII века А.В.Чайнова / Публ. В.Кусова // Архитектура и строительство Москвы. 1988. №9. С.28). Ныне этот раритетный экземпляр передан на хранение в РГАЭ.

⁷ Корреляционный коэффициент «едоки/работники—доход» (см. прим. 3 к письму 10).

17

[18 апреля 1923]
Гейдельберг — Берлин

Уважаемый Сергей Николаевич!

Книжки Черненкова¹ не оказалось у меня на полках в Гейдельберге, а так к[ак] она была у меня наверное, то *или* она затерялась при докладе у Нilm'ы², *или*, быть может, осталась у Вас на полке среди книг, предоставленных в пользование Вашего кабинета.

Насколько мне помнится, я просил Ольгу написать Екат[ерине] Дмитриевне о сем в том письме, которое она писала о приезде мамы к нам. Страшно смущен, что невольно оказался неисполнительным.

Относительно Епифанского уезда и Вихляева³ в Москву написано, но ответ[а] нет и пока и не может быть. Точно так же нет из Москвы ответа и об издании Ваших книг, о которых мне говорила Ек[атерина] Дмитр[иевна], когда в Берлине был Х.

На днях кончил «К вопросу о экономической теории некапиталистических систем народного хозяйства»⁴. Вышло около 2 листов сжатого текста. Дам вылежаться и потом буду печатать в «Archiv für S.W. und S.P.» с редакцией которого, которая помещается в Гейдельберге, вообще, кажется, войду в тесный контакт⁵. К «Экономической политике» все еще вплотную не могу засесть — работаю урывками, очевидно, еще не назрело.

Привет Е[катерине] Д[митриевне]!

А. Ч.

Ваше «Сельское и лесное хозяйство» шлю.

¹ Имеется в виду книга Черненкова «К характеристике крестьянского хозяйства» (М., 1918), использовавшаяся в исследованиях Чайнова и Прокоповича.

² Вероятно, имеется в виду имя владельца пансиона, в котором жили Чайновы.

³ По-видимому, имеется в виду книга *Вихлева* «Очерки из русской сельскохозяйственной действительности» (М., 1901), использовавшаяся Чайновым и Прокоповичем.

⁴ См.: Zur Frage einer Theorie der nichtkapitalistischen Wirtschaftssysteme (К вопросу о некапиталистической системе хозяйства) // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1924. Bd.51. H.3 (русский перевод в кн: Чайнов А. Крестьянское хозяйство. М., 1990).

⁵ «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» («Архив общественных наук и общественной политики» — журнал, издававшийся под ред. В.Зомбарта и М.Вебера с 1922 в Тюбингене). Судя по библиографии, Чайнов опубликовал в этом журнале 2 работы в 1923-1924.

18

[19 апреля 1923]¹
Гейдельберг — Берлин

Дорогой Сергей Николаевич!

Направляю Вам при сем виновницу Вашего недовольства мною, которая наконец появилась на свет божий². Посылая, я еще раз просмотрел все ее формулировки и все же не совсем понимаю Ваше неудовольствие, ибо теоретически это последовательное развитие старых положений Госена-Джеворса³, в эмпирической же части она столь осторожна, что вряд ли может быть отрицаема.

Если я в малой степени использую метод корреляции, то виноваты Вы, ибо до сих пор еще не опубликовали полностью результаты Ваших исследований. Вести же работу параллельно мне не представлялось желательным.

Был бы очень рад, если бы Вы заглянули к нам в Heidelberg вместе с Е[катериной] Д[митриевной], которая собирается быть у нас около 1 сентября. По возвращении в Москву я думаю развить весьма большого захвата научную работу, и мне хотелось выслушать Ваши указания.

Огромный привет Е[катерине] Д[митриевне].

А. Ч.

¹ Датировано по почтовому штемпелю на конверте, надписанном отправителем: Herrn Prof. Proscopowiz Hahnelstr. 20 III Friedenau Berlin Prof. A. Tschayanoff Rohrbacherstr. 80 Heidelberg.

Письмо написано на бланке (реквизиты на немецком языке):

«Петровская земледельческая академия (Москва). Научно-исследовательский институт сельскохозяйственной экономии и политики. Москва, Арбат, Большой Николопесковский, 9».

На листе помета рукой адресата: «проф[ессор] А.В.Чайнов».

² Речь идет о книге по экономике крестьянского хозяйства. См. прим. 3 к письму 9.

³ Имеются в виду теоретические положения английского экономиста Уильяма Стенли Джевонса, данные им в книге «The Theory of Political Economy», на которую ссылался также и адресат Чаянова в работе «Крестьянское хозяйство. По данным бюджетных исследований и динамических переписей».

Дорогой Сергей Николаевич! Мне было опять очень грустно получить Ваше письмо в такой краткой и холодной форме.

Те строчки, которые посвящены в моей статье коммунизму или, точнее, государственному коллективизму, занимают в ней третьестепенное место, и мне хотелось бы знать Ваше мнение о центральных ее частях — об анализе рабского и крепостного хозяйства. Неужели и это, по-Вашему, «Евразия»?

Далее, внося коммунизм в общую систему, я внес в нее и натуральный строй, который многие мои немецкие корреспонденты склонны также считать стоящим вне экономики. Причем, на что обращая Ваше сугубое внимание — коммунист[ическая] нар[одно]-хоз[яйственная] система оказалась целиком стоящей вне обычных категорий народного хозяйства, и потому Вы в известном смысле правы, что она «отрицает хозяйство» в том смысле, к[а]к то мыслится в категориях обычной экономики. За всем тем я, все-таки совершенно не касаясь вопроса об его осуществимости, должен был его коснуться, отдавая должное весьма сильным течениям социалистич[еской] мысли, свойственной русскому обществу.

Теперь два слова о самом главном — меня поразили некоторые строчки в рецензии Вашей на книжку Литошенко¹.

Только в своих детских работах, опирающихся только на книжку Щербины, и еще более ранних бюджетных исследованиях я полагал, что прожиточный минимум крестьянина величина постоянная и т.д.

Уже в «Очерках теории трудового хозяйства»², в 1[-й] главе], где, к[а]к Вы совершенно правильно указываете, впервые была сформулирована моя теория, я *теоретически* (§4, начало страницы 10-й) пришел к выводу об изменчивости уровня потребления и только под давлением того весьма мало совершенно[го] эмпирич[еского] материала, который был у меня *тогда*, был *вынужден вопреки* теории принять неподвижный уровень потребителей и

взять теоретическую поправку, предложенную мне В.К.Дмитриевым³, который тогда был моим единственным руководителем в работе и которого вряд ли Вы обвините в «Евразийстве».

Эта теоретическая поправка (приравненная в развитии [к] функции CD) была явной натяжкой и, начиная со второго выпуска «Очерков по теории трудового хозяйства» 1913 года, я становлюсь на пункт признания изменчивости уровня благосостояния, что особенно ясно в старобел[ьской], где иначе возвращаюсь к чистой (без поправок Дмитриева) — теории трудо-потребительского баланса.

Говоря короче, я утверждаю, что теория трудо-потребительского баланса *не совместима* с идеей неподвижности уровня потребления к[а]к равно не совместима она и [с] натуральным строем хозяйства, который, к[а]к утверждает Мануилов⁴ и Литошенко, я кладу в основу учения.

Кроме того, дорогой Сергей Николаевич, во избежание недоумений в дальнейшем, с момента выхода моей «Die Lehre von Bauerlichen Wirtschaft»⁵ я считаю подлежащей критике только формулировку теории, установленной в IV главе этой книги (что будет оговорено в предисловии к русскому изданию), т[а]к к[а]к только в ней впервые вопрос поставлен во всей сложности. В моих же детских и юношеских работах мною совершенно был упущен учет процесса капиталовосстановления и вообще роль капитала в трудовом хозяйстве. Огромная просьба затратить час и прочитать IV и III главы моей книги.

В заключение должен сказать, что теория наша выросла на анализе материалов перенаселенных районов, и в наших юношеских работах многое, что являлось частным случаем, свойственным только северным черноземам и льянному району, принималось за общее.

В настоящем же положении теории этому найден удельный вес и теория свободна от этой ошибки.

Мне вообще кажется, что *если Вы признаете* необходимость построить теорию крестьянского хозяйства без понятия заработной платы и *чистой прибыли в капит[алистическом] смысле*, то все разногласия между нами легко устранимы, и достаточно одного вечера, вплотную затраченного на обсуждение, чтобы они пропали.

Ведь Ваши обвинения меня в Евразийстве, С[ергей] Н[иколаевич], основаны не на теории трудового хозяйства, а на *предполагаемых* Вами политических выводах из этой теории. «Предполагаемых», потому что я их никому и никогда еще не формулировал.

Здесь, быть может, сговор будет труднее, но всё я полагаю, что и здесь найдутся некоторые точки соприкосновения, если, конечно, исключить проблемы сегодняшнего дня, в отношении которых мы даже факты воспринимаем по-разному.

Огромное спасибо за книгу.

А. Ч.

¹ *Литошенко* Лев Николаевич (1885-1936) — экономист, научный оппонент Чайнова. Речь идет о рецензии Прокоповича на его книгу «Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства» (М., 1923), в которой Литошенко критиковал идеи организационно-производственной школы. Именно он ввел в советскую научную и идеологическую риторику термин «неонародничество» при характеристике взглядов Чайнова и ученых его круга. В своей рецензии на книгу (см.: Экономический вестник. 1923. Кн.1. С.202-205) Прокопович подверг серьезной критике аргументацию Литошенко, но, по мнению Чайнова, не вполне корректно рассмотрел эволюцию его экономических взглядов. Книга Литошенко вызвала ответную печатную реакцию самого Чайнова и его ученика Г.Студенского (см. чайновские «Очерки по теории крестьянского хозяйства»). Литошенко впоследствии работал в ЦСУ и ИСЭ. В июле 1930 арестован по делу ТКП; в июне 1932 приговорен к заключению в лагере; расстрелян по приговору коллегии НКВД.

² Работа Чайнова «*Очерки теории трудового хозяйства*» впервые опубликована в: Труды Московского общества сельского хозяйства. Вып.52. М., 1912 (отдельное издание — тогда же).

³ *Дмитриев* Владимир Карпович (1868-1913) — экономист-математик, статистик, сотрудничавший с Чайновым при разработке теории семейно-трудового крестьянского хозяйства. О нем см.: Шапошников Н. Первый русский экономист-математик Владимир Карпович Дмитриев. М., 1914.

⁴ *Мануйлов* Александр Аполлонович (1861-1929) — экономист, специалист в области кооперации. В 1917 министр просвещения Временного правительства. После недолгой эмиграции вернулся в СССР, служил в Госбанке СССР, преподавал в вузах.

⁵ Теория крестьянского хозяйства (нем.)

Дорогая Екатерина Дмитриевна! Прежде всего, огромное спасибо за маму... Чем ближе становится момент появления на свет чада, тем беспокойней я себя чувствую и тем более важным стано-

вится мамин приезд. Благодаря Вашей исключительной доброте и хлопотам, я думаю, удастся наладить мамин приезд еще до появления младенца, в чем я уже начал сомневаться... Еще раз большое спасибо за Вашу доброту и отзывчивость.

Мамин адрес: Москва, Поварская, Хлебный переулок, 9, кв.4. (Елена Константиновна Чайнова, урожд[енная] Клепикова, род[илась] 4 марта 1863 года в Вятской губ[ернии])¹.

Мы медленно, но основательно акклиматизируемся и уже во всех *амтах*² зачислены к[а]к гейдельбергские жители.

Еще раз большое, большое спасибо.

А. Чайнов

¹ Чайнова (урожд. Клепикова) Елена Константиновна (1863-1935). Хлопоты в связи с ее намечавшимся приездом в Германию не увенчались успехом. О родных и семье Чайнова см.: Сборник статей вятского старожила К.И.Клепикова. Вятка, 1899-1901; Семейный список Константина Игнатьевича Клепикова... Вятка, 1900; Автобиография Константина Игнатьевича Клепикова. Вятка, 1902; а также: Балязин В. Указ. изд. С.17-20.

² Здесь: регистрационные книги (нем.).

21

1 мая 1923¹

Гейдельберг — Берлин

Heute Sohn geboren Mutter ist gesund. Tschayanoff.²

¹ Телеграмма хранится среди писем О.Э.Чайновой к Кусковой. (ГАРФ. Ф.5865. Оп.1. Ед.хр.549. Л.7).

² «Сегодня родился сын. Мать здорова. Чайнов» (нем.). Речь идет о рождении старшего сына Чайновых — Никиты (погиб на фронте в 1942). Материалы к его биографии см.: РГАЭ. Ф.731. Оп.1. Ед.хр.105-111. В этом же собрании хранятся открытки с рисунками Чайнова, посланными сыну из ссылки в 1935-1937 (Там же. Ед.хр.23).

22

10 августа 1923

Гейдельберг — Берлин

Дорогой Сергей Николаевич!

Был очень огорчен, получив Ваше письмо. Однако, думаю, что появление моей книги не так уж опасно для репутации русской науки, к[а]к это Вам кажется¹.

Основы теории трудового хозяйства были мною опубликованы в «Archiv für S.W. und S.P.» еще в декабре 1922 года² и не только не скомпрометировали меня в глазах немецкой науки, но позволили на их основе развить весьма обширный круг тесных личных связей почти со всеми крупнейшими экономистами Германии. Судя по письмам Oppenheimer'a, Leifmann'a, голландца Blom'a и очень многих других, а также моим весьма пространным разговорам с A.Weber'ом, Bortkiewicz, Sering'ом³ и другими, они также не оставили впечатления эконом[ической] безграмотности.

Кроме того, я смею еще надеяться, что Вы недостаточно внимательно ознакомились с текстом работы. Из письма Вашего можно понять, что Вы обвиняете меня в опубликовании на немецком языке моих *русских* работ по теории крестьянского хозяйства. Ведь это не так, ибо из 7 глав моей книги только II и отчасти I содержит старый материал, но и он теоретически обработан несколько иначе. Все же остальные главы написаны *совершенно заново*, и я обращаю Ваше внимание на III и IV, которые и составляют центр работы, устанавливая баланс между влиянием *семейных* элементов и элементов капитала и земли в структуре крестьянского хозяйства.

[Приписка на полях:] Русский текст книги, который Вам передал Шломер, мне *очень нужен*, т[а]к к[а]к он единственный полный, и я бы хотел его получить до своего отъезда (10 сентября 1923 г.).

Разрабатывая III главу (7 последовательных вариантов), я имел в виду Вашу критику и Ваши устные замечания и полагал, что мой окончательный текст не может вызвать никаких возражений именно с Вашей стороны.

Словом, я смею надеяться, что Ваш резкий отзыв относится к Вашим представлениям о старых формулировках теории, а не к новой книге, которая, к[а]к мне кажется, свободна от всех тех упреков, которые иногда очень заслуженно делались нашим ранним работам.

Во всяком случае, она с такими намерениями писалась. Прилагаемая рукопись, к[а]к Вы увидите, носит исключительно абстрактный характер и стремится уместить теорию в общей системе полит[ической] экономики. Мне кажется, для того, чтобы критиковать ее в плоскости теоретической, необходимо противопоставить ей какую-либо другую *новую* теорию. Этого же пока никто из критиков не делал, ибо, дорогой Сергей Николаевич, ведь Ваши корреляц[ийные] коэф[фициенты] еще не теория, а сырой эмпирический материал наряду с другим, быть может, не столь блестящим методически, но не лишенным все же равнозначности с корреляц[ийным] методом.

Посылая Вам рукопись, я очень бы хотел получить в ответ не голое отрицание, а критику именно данного текста, теорию против теории.

Прошу Вас передать мой самый сердечный привет Екатерине Дмитриевне!

Ваш А. Чаянов

P.S. Меня очень огорчило Ваше очень резкое Пражское выступление в области того же крест[ьянского] хозяйств[ва]⁴, мне думается, Вам ни с научной ни с общественной точки зрения не нужно порывать с русскими аграрными кругами, а агрономическую публику Вы довели до белого каления. Большого труда стоило умерить их воинств[енный] пыл.

[Приписка на полях:] Кстати, Вы пишете о Laur и Brdlik⁵. С первым я хорошо знаком лично. Второго знаю по рассказам Hollman'a и Auhogen'a⁶ — ни тот, ни другой ни в коем случае не являются теоретиками, это типичное Betriebslehre⁷ до Aereboe'вского стиля⁸.

¹ Имеется в виду книга «Очерки по экономике трудового крестьянского хозяйства» (М., 1922; 2-е изд. — 1924; отдельные главы из книги печатались в специальных журналах в 1923-1924).

² По-видимому, Чаянов неточен и речь идет о статье «Gegenwartiger Stand der Landwirtschaftlichen Ökonomik in Rüssland // Schmollers Jahrbuch. 1922. Jahrg. 46. (Современное состояние аграрной экономики в России).

³ Вебер Альфред (1868-1958) — видный немецкий экономист и социолог, профессор Гейдельбергского университета. Борткевич Владислав Иосифович (1868-1931) — экономист, специалист в области математической статистики. С 1901 — профессор Берлинского ун-та, научный руководитель Чаянова в период его заграничной практики (1912). Впоследствии неоднократно консультировал его по проблемам экономико-математического анализа крестьянского хозяйства. Зеринг Макс (1857-1925) — экономист, профессор Боннского ун-та, специализировавшийся в изучении русских аграрных проблем; переводчик книги Чаянова: Die Landwirtschaft der Sovietbundes. Ihre geographische, wirtschaftliche und soziale Bedeutung (Аграрная экономика Советского Союза. Ее географическое, экономическое и социальное значение). Berlin, 1926.

⁴ Речь идет о докладе Прокоповича на семинаре по проблемам развития крестьянского хозяйства в России, организованном П.Б.Струве при Пражском Институте сельскохозяйственной кооперации. В начале 1924, в Москве, в чаяновском ИСХЭ была проведена научная дискуссия на аналогичную тему. Реакция власти на эту научную дискуссию и выводы ее участников не заставили себя ждать (см., напр.: Дубровский С. Мелкобуржуазные теории аграрной эволюции // Большевик. 1924. №3/4). Критикуя «белогвардейских» ученых-эмигрантов, аграрники-марксисты не

без прицела на будущее объединили взгляды «пражан» с позицией экономистов чаяновской группы.

⁵ *Лаур Эрнст Фердинанд* (1871-1964) — швейцарский экономист, один из организаторов так называемого «Крестьянского Интернационала». *Брдлик Владислав* (1879-1945) — чешский экономист-аграрник, иностранный член ИСХЭ.

⁶ *Аухаген Отто Георг* (1869-1945) — немецкий экономист-аграрник, специализировавшийся на исследованиях проблем аграрной экономики России.

⁷ Учение о предприятии (*нем.*). Здесь имеется в виду теория организации товарного сельскохозяйственного предприятия, сформулированная в начале XX в. в работах Ф.Эребо, Э.Лаура и переработанная впоследствии Чаяновым и другими участниками организационно-производственной школы в контексте их представлений о нетоварном крестьянском хозяйстве.

⁸ *Эребо* (устар. *Аэробоз*) *Фридрих* (1865-1945) — видный немецкий экономист, директор института сельскохозяйственной экономики при ун-те Бреслау, иностранный член ИСХЭ, пользовавшийся высоким авторитетом среди специалистов России (см. русское издание его книги: Основы сельскохозяйственной экономики / Пер. и ред. Б.Д.Бруцкуса. СПб., 1912) и оказавший существенное влияние на формирование организационно-производственной школы. Ср. с признанием самого Чаянова: «Мы можем считать себя учениками юбиляра /.../» (Чаянов А. 60-летний юбилей Фридриха Аэробоз // Пути развития сельского хозяйства. 1925. №3. С.173-175).

Дорогая Екатерина Дмитриевна,

мне очень хочется поблагодарить за Ваши милые письма и телеграмму и выразить свое крайнее сожаление, что, очевидно, мы так и не увидим Вас в Гейдельберге; а так к[а]к Ольга в Москву поедет в прямом вагоне «Кельн—Рига», то и вообще Вы лишите Ольгушку возможности похвастаться Вам сыном¹.

К тому же, я могу Вас упрекнуть и в некоторой непоследовательности. Вы пишете, что Вам трудно будет поехать лечиться и ищите летний курорт под Берлином, бросая, очевидно, из-за этой трудной идеи провести лето в Баден-Бадене (т.е почти рядом с нами), и в то же время — едете в Прагу. Хотя именно политическая суета для Вас теперь подобна яду.

Я очень ценю то гражданское мужество, с которым Вы последнее время отстаиваете свои позиции, и готов всячески поже-

лать Вам бодрости в нелепых и подчас жутких (Яблоновский)² нападок [так! — Р.Я.] на Вас.

Но в то же время, говоря откровенно, я думаю, что вся эмигрантская разговорная псевдополитика вместе взятая не стоит и 1/10 доли Вашего здоровья.

Ведь всякая Ваша победа будет пиррова победа, Вы не виноваты, что гг. Яблоновские в свое время не могли пройти даже przygotowительного класса полит[ической] грамотности, а учить их теперь — это ведь об стену горох кидать.

И к[а]к ни неприятно именно теперь бросать журналистику, поезжайте вместо Праги в Гейдельберг хотя бы на недельку, а потом в Баден[ен]-Баден] на 2-3 месяца. Ручаюсь, что в итоге и сами останетесь довольны. Здесь у нас все в цвету и, хотя в 15 верстах французы, тем не менее быт — что твои Богоспасаемые 80-ые годы.

Вчера Риккерт³ опроверг весь натурализм, сегодня Sachsen Borussia (корпорация) устраивает факельзуг⁴, а завтра аукцион домашних вещей Mittelstand Frauenverein⁵, а какие кинема (4!!!), какие Рейнские вина (если бы С[ергей] Н[иколаевич] знал и то и другое, он бы Вас силком утащил в Гейдельберг).

Итак, ждем.

А[лександр]

Мой самый горячий привет Евгении Ивановне!

¹ Из письма О.Э.Чаяновой (24 мая 1923): «У нас все по-хорошему. Расту сынишку своего /.../ [Доктор] нашел Никиту очень хорошим, совсем нормальным ребенком /.../ Молока у меня много /.../ молоко очень жирное и питательное — молочная корова 1-й сорт. С тех пор, к[а]к появился Никита, с ужасом думаю о возвращении в Россию. Тут можно создать такие чудесные условия для ребенка. Там — все это пойдет на-марку. Потом, последнее время мы стали получать "Известия", и прямо тошно, когда их читаешь. К[а]к безумно не хочется окунуться опять в эту жизнь» (ГАРФ. Ф.5865. Оп.1. Ед.хр.549).

² По-видимому, имеется в виду Александр Александрович Яблоновский (1870-1934) — известный публицист и журналист, в эмиграции сотрудничавший в газетах «Руль», «Возрождение» и др. В ряде статей он резко критиковал Кускову и других правых социалистов за «примиренчество» и «неортодоксальность» их политических позиций.

³ Риккерт Генрих (1863-1936) — немецкий философ, лидер школы неокантианства, получившей особую популярность в России в начале XX века.

⁴ Факельное шествие (нем.).

⁵ Женское буржуазное общество (нем.).

3.XII.[19]27
Париж — Прага

Дорогие Екатерина Дмитриевна и Сергей Николаевич!

Пишу Вам из Парижа, через который лежит путь нашего на этот раз короткого путешествия, и спешу послать Вам самый теплый сердечный привет.

Прошло четыре года с тех пор, как мы виделись с Вами последний раз в Берлине, и за эти четыре года утекло так много воды в потоке истории, что годы эти кажутся вечностью.

Для нас с Ольгой это время было временем напряженной, иногда сверхчеловеческой работы. Ее большую работу Вы, наверное, получили и знаете!; я печатал немного (3-4 работы), но очень много[го] достиг в организации нашего Института сельскохозяйственной экономики. Мы имеем теперь большой дом, библиотеку более чем 100000 книг, хорошо обставленные кабинеты, налаженную исследовательскую работу и великолепные связи с научными центрами всего мира.

Все это давалось очень трудно, требовало очень много сил и времени и давало очень мало денег, благодаря чему приходилось еще работать дополнительно. Уже 1 1/2 года я ничего, кроме научной работы, не делаю и даже наполовину сократил свою педагогическую деятельность (передал кафедру сел[ьско]хоз[яйственной] кооперации А.Н.Челинцеву² и оставил себе только организ[ацию] хозяйства). Живем мы в Разумовском, почти никого не видим и даже в театрах почти не бываем.

Семейство наше процветает и когда по воскресеньям к нам приезжает дедушка³, то мы предаемся семейным радостям. Дедушка постарел, часто прихварывает, но каждый год ездит в Кисловодск и возвращается оттуда обновленным.

Вот и все об нас. Если писать подробно о научной работе, то нужно переписать десятки страниц, да и будет ли это Вам интересно, я не знаю, уж очень узок тот круг вопросов, над которым я работаю — с[ельско]х[озияйственная] таксация, себестоимость, расчеты мелиораций, эффект землеустройства.

Все это для меня очень важно, но вряд ли имеет большой и общий интерес.

Мы пробудем в Париже не более недели и потом, проехав через Италию, быть может, посетим Египет⁴ — задача моей поездки по Италии и Франции это ознакомление с современным состоянием с[ельского]х[озияйства] к[а]к науки и изучение организации производства южных культур и сады [? — Р.Я.]

Шлю Вам большой привет! Напишите о себе.

Ваш А.Чаянов

Paris (8)

Rue de Penthievre, 13

[Приписка О.Э.Чаяновой:] Я крепко всех целую и страшно грущу, что я сейчас не с Вами. Люблю Вас всех очень и от всей души горячо обнимаю. Леля³.

¹ См.: Труды Государственного театрального музея имени Алексея Бахрушина. Т.1: Чайнова О.Э. Театр Маддокса в Москве: 1776-1805. М., 1927.

² *Челинцев* Александр Николаевич (1874-1962) — экономист-аграрник, один из лидеров организационно-производственной школы, специализировавшийся подобно Чайнову в самых различных областях сельскохозяйственной экономики, кооперации и пр. В 1920-е — сотрудник Института сельскохозяйственной кооперации в Праге, участник экономического семинара Прокоповича. В 1925 вернулся в СССР, впоследствии — сотрудник ИСХЭ и ТСХА.

³ Гуревич Эммануил Львович (?-1952) — народник, впоследствии социал-демократ меньшевистского крыла, деятель кооперативного движения, литератор, свойственник Е.Д.Кусковой, тесть Чайнова. После разгона ВКПГ недолгое время провел в заключении. Впоследствии служил в Институте Маркса—Энгельса, работая под руководством Д.Б.Рязанова. В архиве Кусковой сохранилось письмо Гуревича (23 января 1922): «Не знаю, может быть, мне и поставят в вину, что я не только получил письмо от "контрреволюционной дамы, вышвырнутой из России", но и отвечаю на него /.../ Живу так одиноко, что даже не представлял себе, что так можно жить. Проходят недели и недели, что я выхожу из дому только для того, чтобы пойти на службу и затем, вернувшись со службы, уже больше не выходить. Теперь у меня только одна служба — Институт. Кроме того, много перевожу по вечерам, так как необходимо много выработать, чтобы содержать сына в Петербурге /.../ помогать семье покойного брата и самому существовать» (ГАРФ. Ф.5865. Оп.1. Ед.хр.152. Л.1).

⁴ Поездка Чайновых в Египет не состоялась по формально-визовым и финансовым причинам.

⁵ Дополнительные подробности содержатся в письме О.Э.Чаяновой, посланном 29.11.1927 из Парижа в Прагу:

Родные мои Катерина Дмитриевна и Евгения Ивановна, так давно мы не виделись и так давно не писали друг другу, что не знаешь, с чего начать.

Все общие знакомые просили крепко Вас всех поцеловать, если я Вас увижу. Боюсь, что мы так далеко друг от друга, что не увидимся. В Прагу я приехать не смогу, потому что у нас очень

ограниченное количество денег. А так бы хотелось посидеть с Вами в тишости, поговорить /.../

Папочка все работает у Рязанова, работает много, очень устает. Живет все так же неуютно. /.../ Не знаю, с чего начать, что говорить. Мы здесь оба: и А[лександр] В[асильевич], и я по своим «научным» делам. Я — по театральным, он — по экономическим. Здесь и работаем, и бегаем. Оба очень устали, потому что до отъезда приходилось там очень много работать и уехать. После мы поедem в Италию, м[ожет] б[ыть] там немного отдохнем.

Ребята у меня очень хорошие. Оба совсем разные и оба хорошие, в особенности младший — Васенок /.../
Там же. Ф.5865. Оп.1. Ед.хр.549. Л.4.

25

16 января 1928
Мюнхен — Прага¹

Ольга в такой ярости, что не может выразиться членораздельно, поэтому излагаю обстоятельства еще раз.

Наша виза здесь в консульстве получена и все в порядке. Но на Ольгунькином *советском паспорте* не сказано, что он годен для Чехословакии. Поэтому мюнхенские чехословаки отказываются ставить уже готовую визу на ее паспорт и требуют, чтобы советское консульство сначала написало, что паспорт годен и для Чехословакии.

Советского же консульства в Мюнхене нет, поэтому нужно ехать в Берлин и просить Крестинского² дать официальную вербальную ноту в чехословацкое консульство в Берлине.

А. Ч.

Идиоты перворазрядные!

¹ Приписка на письме О.Э.Чаяновой, в котором та обсуждала возможность своего приезда в Прагу. Ввиду того, что чехословацкое посольство в Швейцарии отказалось выдать Чаяновым прямую въездную визу, им пришлось запрашивать ее из Германии. 17 января Чаянова пишет еще одно, последнее письмо Кусковой с сообщением о том, что хлопоты с визами не увенчались успехом. Она также сообщила, что «из Berlin'a в Москву надо выехать не позднее 21-го. Уже 24-го, в 9 часов утра А[лександр] В[асильевич] читает лекцию» (Там же. Л.1).

² *Крестинский* Николай Николаевич (1883-1938) — в 1920-е — полпред в Германии.

***ИЗ СЛЕДСТВЕННЫХ
ДЕЛ***

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО ИГОРЯ ТЕРЕНТЬЕВА (1931)

Публикация С.В.Кудрявцева
Вступительная статья и примечания
Н.А.Богомолова и С.В.Кудрявцева

Игорь Терентьев был одним из тех людей, которые принесли мировую славу русскому авангарду. Его книги принадлежат к числу наибольших русских книжных редкостей XX века, спектакли по крупницам восстанавливаются исследователями, изданное в 1988 собрание сочинений стало настольной книгой для всех, кто всерьез интересуется проблемами русской литературы десятих—двадцатых годов.

Меж тем до недавнего времени мы знали о нем очень мало. Конечно, было известно, что он был посажен, но что случилось в дальнейшем, — почти никто не знал. Одному из авторов статьи уже приходилось писать о том, что еще в семидесятые годы в среде литературоведов упорно ходила легенда о том, как Терентьев, не желая покидать лагерь, сменил фамилию и так и сгинул в Гулаге бесследно. Исследователями последних лет его судьба прояснена: досрочно освободившись после первого срока в 1933, он перебрался с Беломорканала на строительство канала Москва—Волга. 26 мая 1937 его арестовывают как участника контрреволюционной террористической организации в Дмитлаге и через 20 дней расстреливают в Бутырской тюрьме. В 1959 семье была выдана справка, где значилось, что он умер от упадка сердечной деятельности 23 октября 1941 (как всегда делалось в таких случаях, место смерти не указано). Но публикуемые нами документы относятся к более раннему времени, к 1931 году, когда он был арестован в первый раз (по некоторым источникам, правда, — во второй, что вряд ли похоже на истину: в таком случае, в деле это неминуемо бы отразилось). Времена были не сказать чтобы вегетарианские — читатель это без труда увидит из публикуемых материалов — однако еще и не такие, как шестью годами позже, когда от арестованного получили показания на уже фактически приговоренного к смерти С.Г.Фирина и тут же расстреляли. Здесь дело велось обстоятельно, допросы были долгими, показания давал в письменной форме сам Терентьев, потому материалы их значительно интереснее, чем в деле 1937 года (оно также сохранилось в архиве и имеется в распоряжении публикаторов).

Старый соратник Терентьева по Тифлису начала двадцатых годов Кирилл Зданевич писал в 1933 брату, жившему уже в Париже: «...года полтора я тебе не писал — не писал вовсе не потому, что не хотел, а потому, что слишком отвратительно вечно думать, что ты пишешь, как это может быть истолковано — враг ты или еще хуже чего пр[очее]. Работал я в одном симпатичном заведении: в одном из руковод[ящих] органов НКЗ (я "оформлял" выставки-передвижки, диаграммы), и вдруг в один прекрасный день все соратники — были объявлены вред[ителями], а другая часть — журналисты — получили 10 лет. Впрочем, пример еще ближе: И.Терентьев — оказался и то и се, один год сидел в ЧК, а потом получил 5 лет на работы в Карелию. Словом, понятно, что очень трудно здесь жить с идеологич[еской] стороны, так что ли, если можно выразиться, вовсе не потому, что враг и контра, как раз нет...»¹

Создатели теоретических конструкций истории советского искусства с легкостью проецируют некоторые черты разного рода «левых» течений на социальную действительность, без труда устанавливают сходство и говорят о том, что вот, мол, именно по проектам «левых» художников и строился соцреализм, бывший идеальной схемой реального социализма. Малевич, Мейерхольд, Маяковский, Родченко и другие предстают в этих конструкциях едва ли не основателями бесчеловечного здания советской эпохи. Оставляя гипотетические построения их энтузиастам, скажем о том, что для самих «левых» художников принципы соцреализма, формировавшиеся уже в двадцатые годы, были совершенно неприемлемы, а в реальном художественном процессе противостояние «левого» и консервативного тоталитарного искусства было совершенно очевидным.

Публикуемые документы, как нам кажется, с полной отчетливостью показывают, какими методами советские репрессивные инстанции добивались единомыслия и господства так называемого пролетарского искусства, а точнее — тех авторов, которые сами наименовали себя пролетарскими писателями, художниками, музыкантами, театральными деятелями и т.п. Напомним, что дело происходило еще до известной резолюции ЦК РКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», после которой на краткое время голоса «попутчиков», вплоть до предельно крайнего Мандельштама, стали опять слышны, — до тех пор, пока не произошла перегруппировка рядов их прежних оппонентов и во главе официального искусства снова не стали «пролетарии». Внимание исследователей, конечно, привлекала официально допущенная литературная полемика, и на ее основании делались выводы о расстановке сил в советском искусстве. Однако до сих пор не было достоверно известно, к каким средствам могли прибегать и прибегали власть имущие, дабы устранить конкурентов.

Как правило, общеизвестная история литературы и искусства первых советских лет выстраивается по такой схеме: первые послеоктябрьские годы — время преобладания «левых» течений, которые только что образовавшаяся власть вынуждена была принимать, поскольку они — едва

¹ Из архива Ильи Зданевича / Публ. Р.Гейро // Минувшее: Исторический альманах. Вып.5. М., 1991. С.154-155. Письмо от 28 марта 1933.

ли не единственные в сфере культуры — ее поддержали, но затем начинается постепенное вытеснение их с завоеванных позиций, причем все истинно продуктивное поддерживается официальными инстанциями, тогда как «заумь», «беспредметничество» и пр. решительно отвергается.

На самом же деле публикации последних лет (и наша — не в последнюю очередь) свидетельствуют о том, что внутри левого искусства вовсе не было единства. С одной стороны, существовала группа левовцев, стремившихся под знаменем социального заказа искренне войти в литературную жизнь советской эпохи, основанную на агитке, лозунге, открытой пропаганде. И в известном смысле их порыв был внутренне оправдан: для них действительно попытки нового государства сломать прежние жизненные установления были грандиозным экспериментом по переделке человеческой личности в духе революционной утопии. Вряд ли можно сомневаться, что Маяковский, Третяков, Брик, Родченко, Мейерхольд, Эйзенштейн стремились не только переделать искусство, но и заставить его служить переделке всей жизни. И не их вина, что переделка эта пошла по совсем иным принципам, что никакая посмертная канонизация Маяковского не могла приблизить осуществление его мечты о чистом и светлом мире будущего. Забираясь в область уже чистых гипотез, не имеющих непосредственно доказательной силы, можно предположить, что для Маяковского сближение с властью во всех ее проявлениях (вплоть до общеизвестной дружбы с Аграновым и прочими) было своеобразной попыткой заглянуть в пропасть, — и увидев бездну, он ужаснулся. Не случайно последние, предсмертные стихи его безусловно опять достигают той высоты, с которой когда-то начиналось его творчество. Не будем приводить общеизвестных строк Пастернака, скажем только о том, что для него Маяковский последних лет снова стал трагическим поэтом, и можно предположить — трагизм был не только личный, но и общественный. В конце концов, не случайно ведь не только Маяковский так тянулся к чекистам — вспомним хотя бы Бабеля, старавшегося понять их изнутри так же, как и какого-нибудь Бетала Калмыкова.

Но это уже находится за пределами нашего непосредственного предмета обсуждения. Возвращаясь же к нему, следует сказать, что помимо «левовства» существовал и гораздо более радикальный «заумный» футуризм, часто воспринимавшийся в новых исторических обстоятельствах вместе с беспредметничеством и другими внешне сходными направлениями в искусстве (хотя между собой они могли и враждовать), судьба которого была гораздо более сложной. Мы не знаем еще очень многого о крупнейших авторах, связанных с искусством этой направленности.

Вряд ли случайно следователь Гринер заставляет Терентьева формировать контрреволюционную организацию из Малевича, Филонова, Матюшина, Татлина, Эндера, а также Введенского и других обэриутов... При всех очевидных для исследователей различиях между этими деятелями искусства, есть что-то очень существенное, что объединяет их всех вместе с Терентьевым, с живущим во Франции Ильей Зданевичем, а в какой-то, еще более широкой перспективе — и с литературоведами «формальной школы», и с Добычиним, и с Мансуровым, и с Кузминым, и с

Клюевым, и с Ахматовой, и со сравнительно немногими другими, сохранившими в эпоху всяческой унификации свою особость. Если воспользоваться названиями литературных произведений той эпохи, то можно было бы вспомнить два рассказа — «Подземные ручьи» М.Кузмина и «Воздушные пути» Б.Пастернака. И та и другая метафора достаточно точно передают состояние тех деятелей искусства, которых мы имеем сейчас в виду. С одной стороны, они действительно находились глубоко под поверхностью официально насаждавшейся культуры, уже готовясь к тем временам, когда надо будет заставлять верных друзей запоминать стихи наизусть, как это делала Ахматова. А с другой — «слышится мне на воздушных путях двух голосов переключка». И напомним продолжение этих ахматовских строчек: «Двух? А еще...»

«Крайнюю левую» позицию занимали здесь футуристы-заумники и обэриуты, которых разоблачали в терминах, охотно воспроизводимых Терентьевым в своих показаниях. То, что цензоры шестидесятых-семидесятых называли «неконтролируемыми ассоциациями», у них было выражено в наибольшей степени и потому подлежало немедленному искоренению. К тому же было очевидно, что большая общественная активность, стремление все время выходить на публику, использовать спектакли, выставки, публичные выступления, дискуссии для пропаганды своих идей представляло определенную опасность для постепенно очищаемого ото всяких примесей советского искусства. И одновременно сравнительно малое количество читателей, зрителей, слушателей, сторонников делало их удобным объектом для первой атаки, как и замкнутую в академических структурах группу ученых.

Собственно говоря, массивов репрессий против «заумников» и не имело смысла проводить. В Москве деятельность А.Крученых почти прекратилась, в Ленинграде оказалось возможным изолировать Малевича, Филонова, Матюшина от публики (к тому же Малевич и Матюшин вскоре умерли); обэриутов (Хармса, Введенского, Бахтерева) и А.Туфанова провели по делу детского сектора Госиздата²; Мансуров в 1928 эмигрировал... На долю сотрудников ГПУ из активно работавших в искусстве остались Игорь Терентьев, всячески пытавшийся легитимизировать свои театральные опыты, и Павел Филонов. Судьба Филонова и его школы — особый рассказ, а к рассказу о деле Терентьева мы приступим.

Сначала был ликвидирован театр ленинградского Дома Печати (и арестован его директор Н.П.Баскаков). Попытка пристроить театр в Москве не удалась. Постановка оперетты «Луна-парк» вряд ли могла стать событием, — и тогда Терентьев, воспользовавшись приглашением с Украины, уезжает туда.

Этот момент представляет одну из загадок биографии Терентьева: почему он вернулся в Днепропетровск, где еще очень многие помнили его отца, начальника жандармского управления Екатеринослава, полковника корпуса жандармов? Почему он всячески афишировал свою деятельность?

² См.: Устинов А.Б. Дело детского сектора Госиздата 1932 г.: Предварительная справка // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Л., 1990. С.125-136, а также названную ниже публ. И.Мальского.

Мало того, по воспоминаниям дочери, «...тогда (в начале 30-х гг.) Игорь Терентьев подал заявление в партию. Теперь, он считал, ему было с чем прийти в партию. Происхождения своего он не скрыл и здесь. Через две недели его забрали»³. Отголосок этих же сведений находим в служебной записке В.П.Затонского, встревожившегося после писем ряда деятелей искусства («лефовцев», сотрудников Терентьева по ДПТ) и В.М.Примакова, которую он отправил на имя зам. пред. ГПУ УССР Карлсона: «...происхождение Терентьева (сын жандарма, что ли) и его поездка в Константинополь не были секретом — он будто бы сам написал об этом в своем заявлении о приеме в комсомол (или в партию)»⁴. Впрочем, не исключено, что версия о заявлении в партию была очередным мифом Терентьева, до которых он был большой охотник, — во всяком случае, в деле мы ничего подобного не находим, хотя следователю наверняка было бы выгодно приписать себе еще одно разоблачение: попытки шпиона прорваться обманным путем в партийные ряды.

О непосредственных причинах ареста мы доподлинно не знаем. В «анкете на арестованного» дается отсылка к материалам агентурной разработки «Ласточка», где Терентьев проходил как лицо, бывшее за границей и имевшее там постоянные связи. Указано там и то, что он являлся фигурантом некоего дела «Весна», которое, как можно предполагать, было связано с «раскрытием контрреволюционной организации» актеров терентьевского театра в Днепропетровске⁵. Один из первых протоколов допроса (не воспроизводимый нами протокол от 31 января 1931) содержит подробный рассказ Терентьева о вовлечении его «в контрреволюционную группу актеров». Эта тема, возникшая явно со слов следователя, дальнейшего развития не получила, — скорее всего, она служила лишь одной из тех «зацепок», которой воспользовалось следствие для начала и расширения дела. В материалах служебной переписки по делу отмечается также, что некоторые материалы дошли до ГПУ через прессу, сигнализировавшую о вражеской сути Терентьева и его театра.

Терентьев был арестован 24 января 1931 сотрудниками Днепропетровского оперсектора ГПУ УССР в своем гостиничном номере (гостиница

³ Терентьева Т. Мой отец Игорь Терентьев // Заумный футуризм и дадаизм в русской литературе. Bern, 1991. С.356.

⁴ Терентьев И. Мои похороны. М., 1993. С.46.

⁵ *От редакции:* По сообщению В.В.Иофе, архивно-следственное дело организации «Весна», насчитывающее ок. 3000 (трех тысяч) томов, хранится в архиве Службы безопасности Украины (Киев). Оно формировалось органами ОГПУ—НКВД в 1930-е из отдельных дел «контрреволюционных организаций» (как уже завершенных, так и продолжавшихся), ведшихся в разных городах СССР. Это дело было призвано объединить различные «монархические», «офицерские» и некоторые иные «организации» в единую «шпионско-монархическо-контрреволюционную» сеть, действовавшую по всей стране. Отголоски этого грандиозного замысла ОГПУ сохранились в лагерной мемуаристике в форме бытовавших среди заключенных 1930-х слухов о некоей «настоящей» (а не выдуманной следствием) и всесильной контрреволюционной организации «Весна», деятельность которой лагерный фольклор порой окружал романтическим ореолом легенды. Пользуемся случаем поблагодарить В.В.Иофе за сообщенные сведения.

«Спартак»). Находившаяся в этот момент там дочь Терентьева вспоминает: «Мы сидели в одной из комнат нашего гостиничного номера, и актер Фима Липкин рассказывал об ужасах еврейских погромов, которые он пережил в раннем детстве в Екатеринославле [так! — *Публ.*] (нынешнем Днепропетровске). Все притихли, а Фима как раз и говорит: "Мы сидим, слушаем, ждем. Пройдут мимо нашей двери или нет?" И вдруг постучали. Вошли трое. Спросили Терентьева. Я позвала. Папа пришел. Ему показали ордер на обыск и арест. Как все тогда, он уходил с уверенностью, что "там разберутся"...»⁶

Все остальные воспоминания дочери о деле, основанные на рассказах отца после возвращения, к сожалению, не вполне достоверны. Отметим только такую деталь: «По белью мы поняли, что его пытаются»⁷. Для «вегетарианских» времен дело довольно редкое, и сказалось ли тут усердие провинциальных чекистов или какие-то специальные обстоятельства, — нам узнать уже, очевидно, никогда не удастся.

Как кажется, материалы дела говорят сами за себя, однако хотелось бы подчеркнуть несколько принципиальных моментов. Во-первых, ясно обозначенное стремление следствия любой поступок подследственного привязать к тому, что именуется антисоветской или контрреволюционной деятельностью. Из самого невинного разговора делается вывод о шпионской или вредительской деятельности говорящих. Вторая особенность состоит в том, что искусство само по себе становится поводом для обвинения. Противостояние официальному «пролетарскому» искусству тут же квалифицируется как вражеская деятельность.

Как кажется, до сих пор исследователи истории советского искусства в столь прямой форме с этим не сталкивались. Конечно, было понятно, что в обвинительных заключениях искусство и «контрреволюционность» каким-то образом связывались, но степень этой связанности обнажается здесь впервые с такой отчетливостью. Даже арестованным обэриутам трудно было предъявить такие обвинения, поскольку их творчество по большей части оставалось неопубликованным. Здесь же стало возможным напрямую сказать, что «левое» искусство во всех его проявлениях является врагом искусства пролетарского.

Наконец следует отметить то, что следователь Б.Гринер работает сразу на нескольких фронтах: с одной стороны, это разоблачение «украинского национализма» и прежде всего деятельности Леся Курбаса, Микола Кулиша, Михайла Семенко (очевидно, с готовностью при необходимости набросить сети и на других); с другой, копится материал на московских и ленинградских знакомых и сотрудников Терентьева; с третьей — собираются сведения о людях, к искусству вовсе или почти не причастных, но которые могут быть удобны при фабрикации очередного дела. Следователь — пусть не очень умело, с ошибками и даже провалами, — пишет своеобразный роман, в котором Терентьеву отведена роль свидетеля против всех. И на первый взгляд кажется, что он безвольно подтверждает любые обвинения, изобретая по ходу дела еще и кое-что свое, развивая

⁶ Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре. Указ. изд. С.356.

⁷ Там же.

щее выдумки следствия и выглядящее, с точки зрения разумного человека, пародией на грани балагана. Но такое поведение может быть объяснено и некоторыми реальными причинами, о которых следует сказать.

В свое время Терентьев окончил юридический факультет Московского университета, и не мог не понимать, что дело его абсурдно не только с точки зрения права вообще, но и конкретно — советского уголовного права. Все обвинения базировались только на собственных его показаниях, не подтвержденных ни свидетелями, ни очными ставками, ни документами... В воспоминаниях дочери зафиксирован рассказ, который вряд ли может быть правдивым, но, возможно, за ним стоит и некая реальность: «Отец вспомнил как его "расстреливали". Вдруг объявили: "Игорь Герасимович, готовьтесь. Вы приговорены к расстрелу. Обещаем исполнить любое ваше последнее желание"».

Терентьев отвечает:

— /.../ Я хочу прочитать вам лекцию о ваших недостатках.

И полтора часа он доказывал тюремщикам, /.../ что вменное ему обвинение — чепуха /.../ Когда его спросили: "Зачем же вы его подписали?" — он ответил: "Я думал, что вам так надо. Вы — советская власть. А я за советскую власть. Я и подписал..."⁸

Обратим внимание, что в конце концов он был приговорен к пяти годам лагеря, тогда как обвинение требовало расстрела. Значит, даже тот суд, который был, признал большую часть обвинений несостоятельной. Значит, тактика Терентьева была в какой-то мере оправданной. И никто из названных им лиц, насколько мы можем сейчас это проследить, не пострадал. Даже арестованный В.С.Кашницкий был вскоре освобожден.

Таким образом, наша публикация преследует две основные цели: с одной стороны, публикуемые документы добавляют некоторые важные черты и подробности в биографию Терентьева, известную до сих пор не слишком хорошо; с другой — эти документы дают материал не только о методах и целях ГПУ в самом начале 1930-х, но и о позиции этого учреждения в художественной жизни СССР, что было немаловажно. Именно этими соображениями мы руководствовались при отборе текстов для публикации.

В первую очередь отобраны документы, написанные рукой самого Терентьева и содержащие реальные свидетельства о его художественной позиции, достаточно легко вычленимые среди официальных покаянных формул. В то же время мы сохраняем и канву того повествования, которое создавало ГПУ: вербовка, шпионская и контрреволюционная работа, связь с зарубежными разведцентрами (особенно комичной выглядит явная недоработка следствия, которую оно коряво попыталось исправить: Терентьев говорит о том, что был завербован англичанами, потом свободно переходит на рассказ о работе на французскую контрразведку, а потом пишет специальное пояснение, что всюду, где он говорил о контрразведке французской, на самом деле имел в виду английскую), агентурная сеть, вредительство в области театрального искусства... В некоторых

⁸ Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре. Указ. изд. С.357.

случаях очевидно, что историю придумывает следователь, а Терентьев впоследствии помогает ему, уточняя формулировки (достаточно сравнить, например, протокол допроса от 24-26 февраля, записанный рукою следователя, и собственноручные показания Терентьева, написанные 3 марта), в некоторых случаях дело выглядит наоборот: следователь заставляет обвиняемого фиксировать все важнейшие узлы дела со все большей определенностью (чаще всего такие документы нами не воспроизводятся, поскольку здесь наиболее явно выражена творческая фантазия следователя).

Таким образом, в оборот вводится довольно значительный материал, не только не воспроизводившийся ранее в таком объеме, но и вообще являющийся новым для читателей и исследователей, не допущенных к архивам карательных органов. Насколько нам известно, в настоящее время в значительной своей части воспроизведен лишь один документ такого рода, — дело С.Ф.Платонова из знаменитого «Академического дела»⁹. В остальных случаях публикаторы предпочитают или изложение материала, или его частичную публикацию¹⁰. Опасения исследователей можно понять: действительно, из нашего исторического далека легко возникает соблазн судить того или иного человека, не устоявшего перед следствием. Меж тем исследователю не подобает брать на себя функции еще одного обвинителя, теперь уже посмертного. Поэтому мы предлагаем и публикуемые материалы, и всякие другие подобного рода рассматривать лишь как исторический источник, подлежащий для извлечения информации обработке особого рода, пока еще не могущей быть формализованной, но необходимость которой очевидна глазу историка.

Дело по обвинению И.Г.Терентьева, хранившееся в архиве КГБ Днепропетровска, было скопировано С.В.Кудрявцевым. Отдельные материалы воспроизведены в книге: Терентьев И. Мои похороны: Стихи. Письма. Следственные показания. Документы / Сост. и подг. книги С.Кудрявцева. М.: Гилея, 1993 (книга вышла тиражом 150 экземпляров и мало доступна исследователям; далее обозначается *МП*), а также в двух газетных публикациях (Супремус [Москва], [Б.г.]. №1. С.7-8; Северная Гилея [Москва; Новодвинск], 1991. №6(8). С.4-6). Всего следственное дело состоит из 45 документов, сшитых вместе, и семи документов, сло-

⁹ См.: Академическое дело 1929-1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып.1: Дело по обвинению академика С.Ф.Платонова. СПб., 1993.

¹⁰ Так, скажем, поступают авторы весьма насыщенной материалами книги: Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994, основанной также на материалах следствия, а также И.Мальский, оговаривающий в предисловии к публикации: «...здесь представлена примерно половина следственных материалов, имеющих значение для литературоведов» (Разгром ОБЭРИУ: Материалы следственного дела / Вст. ст., публ. и комм. И.Мальского // Октябрь. 1992. №11. С.172).

женных в отдельный конверт. Как обычно бывает в подобного рода делопроизводстве, многие документы дублируют друг друга и потому тексты их или не приводятся вообще или приводятся в извлечениях для комментария в тех случаях, когда они позволяют внести какие-либо уточнения и дополнения в публикуемый текст. Приводим список документов, содержащихся в деле.

1. Постановление о начатии следствия, избрании меры пресечения и предъявлении обвинения (26 января 1931; воспроизведено в *МП*).

2. Анкета на арестованного.

3. Ордер на обыск и арест (24 января 1931).

4. Протокол обыска (24 января 1931; понятыми присутствовали В.С.Кашницкий и В.В.Инк¹¹, изъято 8 записных книжек и переписка).

5. Протокол допроса от 27 января 1931 (рукой Терентьева; воспроизведен в *МП* и воспроизводится в нашей публикации).

6. Письменные показания Терентьева от 28 января 1931 (воспроизводятся в нашей публикации).

7. Показания Терентьева от 29 января 1931 (воспроизводятся в нашей публикации).

8. Протокол допроса от 31 января 1931 (рукой следователя).

9. Показания Терентьева от 3 февраля 1931 (рукой Терентьева).

10. Показания Терентьева от 4 февраля 1931 (рукой Терентьева; воспроизведены в *МП* и воспроизводятся в нашей публикации).

11. Показания Терентьева от 9 февраля 1931 (рукой Терентьева; воспроизводятся в нашей публикации).

12. Показания Терентьева от 11 февраля 1931 (рукой Терентьева; воспроизводятся в нашей публикации).

13. Записка Терентьева следователю Гринеру от 23 февраля 1931 (вошла в последующие показания).

14. Протокол допроса от 24-26 февраля (рукой следователя; частично воспроизведен в *МП* и, также частично, воспроизводится в комментариях к нашей публикации).

15. Вырезка из херсонской газеты «Наддніпряньська правда» (1929. №241. 17 октября) со статьей С.Божко «Наше застереження», содержащей критический разбор спектакля «Инкогниго», показанного в Херсоне театром «СОЗ», и художественно-идеологической позиции театра в целом.

16. Показания Терентьева от 3-4 марта 1931 (рукой Терентьева; воспроизводятся в нашей публикации).

17. Показания Терентьева от 13 марта 1931 (рукой Терентьева; воспроизводятся в нашей публикации).

18. Дополнения к показаниям от 13 марта (рукой Терентьева; частично воспроизведено в *МП*, полностью воспроизводятся в нашей публикации).

19. Показания Терентьева от 8 апреля 1931 (рукой Терентьева; дублируют предыдущие показания).

20-21. Показания Терентьева от 22 мая 1931 (2 документа рукой Терентьева; дублируют предыдущие показания).

¹¹ Очевидно, описка: актрису и лаборантку Терентьева, жену Кашницкого, о которой неоднократно идет речь в протоколах, звали Эмилией Владимировной.

22. Показания Терентьева от 22 мая 1931 (рукой Терентьева; воспроизводятся в комментариях к нашей публикации).

23. Показания Терентьева от 22 мая 1931 (рукой Терентьева; воспроизводятся в *МП* и воспроизводятся в комментариях к нашей публикации).

24-25. Показания Терентьева от 28 мая 1931 (2 документа рукой Терентьева; дублируют предыдущие показания).

26-27. Показания Терентьева от 29 мая 1931 (2 документа рукой Терентьева; воспроизводятся в комментариях к нашей публикации).

28. Показания Терентьева от 12 июня 1931 (рукой Терентьева; воспроизводятся в комментариях к нашей публикации).

29. Показания Терентьева от 13 июня 1931 (рукой Терентьева; дублируют предыдущие показания).

30. Автобиография Терентьева (28 мая 1931; воспроизводится в нашей публикации).

31. Обвинительное заключение (машинопись, датированная 8 июля 1931; обвинение ходатайствует о применении к Терентьеву высшей меры социальной защиты — расстрела).

32. Выписка из протокола судебной тройки при Коллегии ГПУ Украины от 22 сентября 1931 (воспроизведена в *МП*; приговорен к 5 годам заключения в концлагерь).

33. Справка от 17 июля 1931 о прохождении Терентьева по следственному делу.

34. Сопроводительное письмо от 10 июля 1931 к материалам следственного дела.

35-42. Различные справки и сопроводительные письма, отчасти связанные с запросами о судьбе Терентьева.

43. Справка об изъятии из дела Терентьева дела агентурной разработки «Ласточка» и передаче в агентурный фонд (без даты).

44-45. Справка областного адресного бюро Днепропетровска на запрос о местонахождении Терентьева (13 июня 1989) и заключение о реабилитации (1989).

46. Ходатайство от 10 декабря 1931 о смягчении Терентьеву меры наказания, подписанное Н.Асеевым, О.Бриком, Л.Кассилем, П.Незнамовым, В.Катаняном, С.Кирсановым, В.Жемчужным, а также группой комсомольцев, работавших с Терентьевым в Днепропетровском Рабочем театре (машинопись; воспроизведено в *МП*).

47. Письмо Заместителя председателя ГПУ УССР Карлсона, направленное Председателю ЦКК НК РКИ УССР В.П.Затонскому в связи с ходатайством (№46) и содержащее информацию по делу Терентьева (машинопись, датированная 8 января 1932, с резолюцией Затонского от 25 января 1932; воспроизведено в *МП*).

48. Сопроводительное письмо к заявлению жены Терентьева Н.М.Терентьевой (само заявление в деле отсутствует) о смягчении приговора мужу (29 января 1932, с резолюциями).

49. Записка секретаря заместителя Председателя ГПУ УССР Я.Безрезнева сотруднику ГПУ Козельскому в связи с резолюцией В.П.Затонского (№47) (31 января 1932 г.; воспроизведена в *МП*).

50. Пустой конверт с надписью: «Тов. В.П.Затонскому. *Лично*. От Ви-т[алия] Примакова» (без даты; письмо в деле отсутствует).

51. Служебная записка В.П.Затонского заместителю Председа-теля ГПУ УССР Карлсону, связанная с ходатайством (№46) и письмом В.М.Примакова, с различными резолюциями (без даты; воспроизведена в МП).

52. Информация начальника СПО ГПУ УССР Кривца от 25 марта 1932 по заявлению Н.М.Терентьевой, мотивирующая отказ от смягчения ме-ры наказания (машинопись; первый экземпляр отправлен в Москву на имя секретаря зам. Председателя ОГПУ Бибикова).

Орфография и пунктуация рукописей по большей части приведены к современным нормам (сохранены лишь некоторые написания, пред-ставляющиеся характерными). В ряде случаев мы не сочли необходимым пунктуально восстанавливать в квадратных скобках различные образова-ния от слова «контрреволюционный», а также дополнять характерное для узуса двадцатых-тридцатых годов сокращение «б.» (т.е. «бывший»). Отметим, что Терентьев довольно регулярно сохраняет старую норму на-писания родительного падежа прилагательных («крайнего» и т.п.), слово «идеология» и его производные пишет с ошибкой — «идеалогия», вместо разделительного твердого знака использует, в соответствии с принци-пами двадцатых-тридцатых годов, апостроф. Опущены иногда встре-чающиеся подписи Терентьева в конце каждого листа собственноруч-ных показаний или протокола допроса. Не читающиеся из-за прошивки дела слова восстанавливаются в квадратных скобках с астериском. Су-щественные в содержательном отношении зачеркнутые слова даются в косых скобках.

В примечаниях не комментируются упоминания общеизвестных культурных фигур (Мейерхольд, Малевич, Лесь Курбас и др.). К сожа-лению, комментаторам неизвестны довольно многочисленные имена актеров и иных деятелей, которые часто упоминает в своих показаниях Терентьев, потому они также оставлены без комментариев.

У.С.Р.Р.

ДЕРЖАВНЕ ПОЛІТИЧНЕ УПРАВЛІННЯ

Днепропетровский сектор Д.П.У.

СПРАВА №773/18222

По обвин[ению] гр[ажданина] Терентьева Игоря Герасимовича
по ст. ст. 54-3, 54-10 и 54-11 УК УССР¹

Почато 26 января 1931 р[оку]

Скінчено 9/VII 1931 р[оку]

¹ Ст. 54 действовавшего тогда Уголовного кодекса УССР соответствовала ст. 58 УК РСФСР и содержала те же пункты. Таким образом, дело Терентьева было возбуждено по обвинению его в «сношениях в контрреволюционных целях с иностранным государством или его представителями», «пропаганде или агитации, содержащих призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений», «организационной деятельности, направленной к подготовке или совершению /.../ [контрреволюционных] преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из [этих] преступлений».

1

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Терентьева, Игоря Герасимовича.

Режиссер Днепропетровского Рабоч[его] Театра.

Бывш[ий] офицер.

От 27.1.-1931 года.

Происхожу из семьи жандармского полковника, бывш[его] Начальника Екатеринославского жандармского управления, умершего два года тому назад в эмиграции, во Франции в Марселе — Герасима Львовича Терентьева¹.

Брат мой, Владимир, офицер, воен[ный] врангелевский контрразведчик, ныне находится в Америке. Из Крыма эвакуировался в Константинополь, где был связан с иностранными к[онтр]разведками, о чем он мне лично говорил в бытность мою в Константинополе².

Мать и сестры также эмигрировали вместе с отцом и ныне живут во Франции.

Я сам в прошлом офицер, последний мой чин подпоручик при отделении жел[езно]-дорож[ных] войск управления военных сообщений Кавказского фронта в Тифлисе.

Сугубо религиозное воспитание, полученное мною в детстве, условия развития в специфическом и узком кругу знакомых, как взрослых, так и детей (что было связано с общественным положением отца), чрезвычайная длительность моего пребывания в этих условиях — впоследствии сыграли немалую роль в моем отрицательном отношении к Соввласти, что перешло во враждебность и готовность к борьбе с нею в те дни, когда в Константинополе мы встретились с братом после долгой разлуки: война была окончена, могла начаться та жизнь, единственным препятствием которой являлось существование власти большевиков.

Ныне, становясь на путь чистосердечных раскаяний в своей к/р работе, столь тесно примыкающей к моей социальной природе сына жандармского полковника, признаю себя виновным в том, что на протяжении 8-ми лет (с 1923-31 г.) стремился своей деятельностью к подрыву и свержению Советской власти, идя по примеру всех врагов Соввласти на организационное оформление моей социальной сущности.

Организационно для борьбы с Соввластью я закрепился в Константинополе при содействии брата Владимира.

Прибыв в ССР в 1923 г., я начал работать в избранном направлении долгий срок, ограничиваясь на практике вредительством в области театра.

Подробно о вербовке братом сообщу в следующих показаниях.

Написано собственноручно

Иг. Терентьев

Допросил

Ст. Упол. ПК Б.Гринер³

¹ Точная дата смерти отца Терентьева нам неизвестна: ср., в автобиографии, публикуемой ниже, слова: «Отец мой — Герасим Львович Терентьев 3 г[ода] т[ому] назад умер в эмиграции». Однако в анкете, предшествовавшей протоколу допроса Терентьева по делу 1937 года, год смерти отца указан — 1925.

² В.Г.Терентьев (1894-1968) после службы в Белой армии эмигрировал в Константинополь, впоследствии поселился в США. Братья действительно встречались в Константинополе: в письме к И.М.Зданевичу И.Терентьев упоминает брата как секретаря константинопольского отделения «41°» (Терентьев И. Собрание сочинений / Сост., подг. текста, биогр. справка, вст. ст. и комм. М.Марцадури и Т.Никольской. Bologna, 1988. С.396; далее обозначается СС). После отъезда В.Г.Терентьева в США между братьями была переписка — в нашем распоряжении имеется текст письма И.Г.Терентьева брату и М.М.Карповичу от 30 сентября 1925, где он интересуется судьбой пьесы «Ясная поляна», присланной им ранее. В США Владимир Терентьев одно время работал тренером по лаун-теннису, о чем брат знал: в анкете, содержащейся в деле 1937 г., он называет именно эту его профессию. См. также: СС. С.515.

³ Борис Григорьевич *Гринер* — ст. уполномоченный отдела перлюстрации корреспонденции Днепропетровского оперативного сектора ГПУ УССР, до конца вел следственное дело Терентьева и подписал обвинительное заключение в качестве уполномоченного секретно-политического отдела. Служба в отделе перлюстрации, возможно, проливает дополнительный свет на причины ареста Терентьева. Гринер является одним из

Становясь на путь чистосердечного раскаяния, признаю себя виновным в том, что идейно, практически и организационно я примыкал к контрреволюционной организации, возникшей в [19]22-м году в Константинополе при участии моего брата Владимира, бывшего одним из видных контрразведчиков в армии Врангеля.

Идейной сущностью этой организации была борьба за новую сверх-культуру в плане евразийского мессианства, сменовеховского культурничества и того еще не до конца выявленного беспредметнического изобретательства, представителем которого являлся я.

Практически в этой области, где намечалась моя работа (искусство), деятельность названной к[онтр]рев[олюционной] организации должна была выразиться в насаждении в СССР такого искусства — литературы, музыки, живописи, театра, которое, опираясь на соответствующую теорию, способствовало бы на практике отставанию, озлоблению, изоляции трудящихся масс от культурного строительства, руководимого коммунистической партией.

Теория состояла в основе из утверждения о приоритете формы над содержанием. Знание абсолютных «законов формы» выдвигалось как необходимая пролетариату «грамотность». Учение о массовом искусстве опиралось на теорию обязательного «расслоения массы». В области театра эта теория выдвигала «дискуссионный», «экспериментальный» спектакль как спектакль революционный, культурный, разбивающий публику на большое количество враждующих групп. Практической целью такого спектакля являлась борьба за монополию продукции формалистов как признанного партией — «коммунистического искусства».

Организационная связь лично моя (как чисто «идеологического работника») с к[онтр]революц[ионной] организацией должна была осуществляться через советскую прессу, через рецензентов, подпадающих влиянию нашей идеологии и на практике работающих в пользу госуд[арственной] монополии формалистов. Советская пресса, попадая в Америку, в Париж — являлась доста-

точным материалом для ориентации о ходе нашей деятельности здесь.

Фактическая работа контрреволюционной организации (не знаю, как пошло по организационной линии за границей развитие константинопольских позиций моего брата) — в СССР охватила всю территорию и все виды искусства, приведя в [19]30 году почти все «профессиональное» искусство к изоляции от масс.

Поставленные в такое положение кадры работников искусства должны были бы, в случае политических затруднений в нашей стране, в случае интервенции — посмотреть на разрушителей советской власти как на спасителей, ждущих вернуть искусство «народу», т.е. конечной целью и этой отрасли контрреволюционной организации (область искусства) являлось свержение советской власти и восстановление капиталистической системы в экономической, политической и культурных формациях.

Принадлежность свою к данной к[онтр]революц[ионной] организации, причины этой принадлежности с моей субъективной стороны выглядят как естественная борьба за развитие собственной творческой индивидуальности, которая не может, не умеет и не хочет терпеть никаких ограничений /отсюда презрение и ненависть к «тенденциозному искусству» у одних [зачеркнуто: у левых] и паническое откращивание от «психологического искусства» как будто в пользу «тенденциозного», «политического» у других антисоветски настроенных индивидуумов: или ты дай полную волю или объявляется «голодовка», но не для того, кто творит, а для потребителей, т.е. для массы (Леф — Новая генерация¹)/. Мое выступление минувшим летом на конференции АНРа² означало: смерть! Подхваченный на трибуну аплодисментами режиссеров, съехавшихся со всего Союза, я заметил, как в президиуме несколько новых для меня лиц (я 2 года не был в Москве) — удивленно переглянулись... из публики, кажется, Наум Лойтер³ крикнул поясняющие слова — «вождь левых». В эту минуту я почувствовал себя неважно и неважно почувствовала себя вся конференция. Павел Новицкий⁴ в тот же вечер на банкете мое выступление назвал ликвидаторским, а в кулуарах (точнее, в клозете) я слышал несколько возбужденных голосов у писсуаров (я сидел в одиночестве): «Мы лет через 10 только пойдем, что сказал Терентьев, если он сказал правду, а если соврал — то, может быть, и никогда не пойдем».

Эта фраза, сказанная в самую неофициальную минуту человеческой жизни, — произвела на меня сильнейшее впечатление. Я почувствовал, что и сам недооцениваю значительность своей очень простой речи на конференции режиссеров, куда я попал /за-

черкнуто: совершенно/ почти случайно (затащил Рубин). Суть в том, что я — вот-вот — что-то скажу *совсем простое*, а именно о своей принадлежности к к[онтр]революционной организации, сумевшей пустить шупальца на советском культурном фронте, и о своей настороженности перед решительной схваткой... Я призывал к разоружению, но я не сказал, что речь должна идти об /*зачеркнуто вставка*: моем/ организационном разоружении контрреволюцион[ной] организации на культурн[ом] фронте, а значит, я в возможной форме — вооружал режиссеров для дальнейшей борьбы, предостерегал об опасностях и... колеблясь сам, искал опоры...

Я давно уже не верил в то контррев[олюционное] дело, которое продолжало через меня делаться, /*зачеркнуто*: но/ поскольку сам я не находил конкретных практических шагов к разоружению себя и всех, кто со мною связан, поскольку я не мог переключиться на новый путь: субъективно я потухал, а объективно сильнейшим образом разгорался, как всякая политическая «кривая».

Инерция контрреволюционного разгона, взятого отбегом в Константинополь-Тифлис, а потом обратно до Москвы и до Ленинграда — делала свое дело. К счастью, рукою ГПУ я был остановлен, и если есть надежда у меня на сохранение жизни, то лишь в связи с этой остановкой.

Мне ясны мои ошибки и преступления.

Давая свои чистосердечные признания — я начал действительно понимать грозное величие пролетарской культуры, к которой мы могли так долго подходить шутя лишь потому, что с нами нянчились до последней минуты, ценя в пролетарском хозяйстве /*зачеркнуто*: последнюю гнилушку/ каждого, кто мог бы работать — честно.

Иг. Терентьев.

Допросил Б.Гринер.

28/1 1931 г.

¹ ЛЕФ (Левый фронт искусств) — литературно-художественная группировка, существовавшая в 1923-1929 в Москве. В 1929 трансформировалась в РЕФ (Революционный фронт искусств). Издавал журналы «ЛЕФ» (1923-1925) и «Новый ЛЕФ» (1927-1928). «Нова Генерація» — украинская литературно-художественная группировка, работавшая прежде всего в Харькове. О ней см. в показаниях Терентьева далее. Издавала одноименный журнал, выходивший с октября 1927 по декабрь 1930.

² АНР — Ассоциация новых режиссеров, существовавшая в Москве с 1925 по 1931. Текст выступления Терентьева на конференции АНР в 1930

неизвестен, однако можно предположить, что он близок по мысли к его статье «Антихудожественный театр» (Новый ЛЕФ. 1928. №9; перепеч. — СС. С.308-314).

³ *Лойтер Наум* Борисович (1890-1966) — театральный режиссер, член АНР.

⁴ *Новицкий Павел* Иванович (1888-1971) — театровед и театральный критик.

3

Показания — обвиняемого
Терентьева Игоря Герасимовича, из дворян,
б[ывшего] офицера, сына жандармского полковника.

от 29.I-1931 г.

В исполнение заданий, полученных мною в Константинополе от брата Владимира, я с 1923 по [19]30 г., возвратившись в ССР, проводил к[онтр]р[еволюционную] работу на культ[урном] фронте — в литературе и театре — в городах Москве, Ленинграде, Харькове, Луганске, Макеевке, Павлограде, Херсоне, Виннице и Днепрпетровске.

На особом месте — моя полуторамесячная служба в [19]23 г. секретарем Бакинского отделения Внешторга, где я проводил вредительскую работу путем затягивания деловой переписки и путаницы в ней.

Весь последующий восьмилетний период я за пределы работы в области искусства не выходил.

Москва

Моя антисоветская работа в Москве, в [19]23 г., заключалась в помещении в журналах «Леф» и «Крысодав»¹ стихов моего сочинения, проникнутых к[онтр]р[еволюционной] идеологией: из числа этих стихов помню — «1-е мая», напечатанное во 2-й книжке журн[ала] «Леф». Там говорится о «беспризорном» интеллигенте, — о «сыне отца», которому «некуда сунуться». Этот «сын» просит [у*] рабочего «руб на май» и приносит свое скорбное поздравление подающему «руб» — «с высоты труб». Антисоветский характер этого стихотворения, его двусмысленная, враждебная ирония тогда же были отмечены в «Правде»².

К этому же московскому периоду относится моя попытка образовать в Москве из антисоветски настроенных работников

искусства к/рев. организацию. Отсутствие необходимых знакомств и связей сделало эту попытку безрезультатной.

Знала об этих моих намерениях молодая поэтесса Наталия Бенар³, которая участвовать в моей антисоветской работе не согласилась, но обещала никому не говорить о ней.

Из Москвы, после 4-5 месячного пребывания, я переехал в том же [19]23 году в Ленинград.

Ленинград

В Ленинграде после 2-х месяч[ного] периода совместной работы в Музее худож[ественной] культуры⁴, я был завербован в Ленинградскую к.р. организацию художником Каземиром [так! — *Публ.*] Севериновичем Малевичем, который возглавлял эту организацию. Связь отдельных членов этой организации осуществлялась исключительно через самого Малевича, о чем я был предупрежден Малевичем с самого начала. Работа организации, возглавляемой Малевичем, проводилась в форме полной советскости, то есть ни в разговорах наедине, ни на собраниях члены организации не обнаруживали во внешнем поведении своем уличающих признаков контрреволюционера. Я знал о других лицах, об их принадлежности к организации только от Малевича, а также по внутреннему содержанию их художеств[енной] деятельности, организационно связанной с моею собственной антисоветской работой в области искусства.

Задачи организации заключались в проведении антисоветской идеологии при помощи искусства, в борьбе против гегемонии пролетарских группировок в области искусств, приобщение молодежи к «супрематическим» и прочим течениям, вырастающих [так! — *Публ.*] на почве неприятия действительности (в данном случае — действительности советской) и опирающихся на метафизическую философию.

В то же время, кроме внутрен[ней] антисоветской работы, ленинградская к.р. организация имела через Малевича связь с заграницей, о чем мне известно со слов самого Малевича. Малевич говорил мне, что через своего ученика, художника Лисицкого, проживающего в Берлине, он, Малевич, сообщается с соответствующими кругами антисоветских людей за границей (кто именно — не знаю), передавая им сведения о настроениях [и*] о движении советского строительства. Кроме того, я знал, что сам Малевич лично 1-2 раза ездил в Германию и Польшу⁵.

О специфическом характере деятельности других лиц, из числа названных мне Малевичем в качестве членов ленинградск[ой] к.р.

организации — фактических сведений не имею (Филонов, Матушин и друг.): общая характеристика, приведенная мною выше, исчерпывает материал, которым я располагаю.

Лично моя деятельность как члена Ленинградск[ой] к.р. организации заключалась в ряде идеологически антисоветских постановок, осуществленных в различных театрах Ленинграда: «Снегурочка», «Ревизор», «Наталья Тарпова», «Узелок», «Фокстрот»⁶.

Кроме того, многочисленные лекции, митинги, занятия с молодежью, где я проповедовал «беспредметническое искусство», выдавая его за искусство единственное «марксистское».

В связи с временной ликвидацией Ленинградского Дома Печати в [19]28 году⁷ — я вместе с руководимым мною Театром Дома Печати выехал на гастроли в Москву.

Москва

В Москве весной [19]28 г. я [*зачеркнуто*: повторил] показал «Ревизора», «Наталию Тарпову» и вторую редакцию постановки своей «Джон Рид» (первая редакция, сделанная при участии коллектива Ленинградского Красного Театра, не заключала в себе ничего к[онтр]революционного⁸).

Кроме показа своих старых ленинградских антисоветских постановок, в Москве я сделал одну новую постановку, а именно поставил оперетту «Луна-Парк»⁹. Антисоветскость этой постановки технически опиралась на трактовку типа продажного анархиста-террориста, которого я одел и загримировал Львом Толстым: чрезмерность так назыв[аемого] «глубокомыслия» этой трактовки [*зачеркнуто вставка*: террориста/ оперетту «Луна-Парк» перегружала и в результате — обычные для опереточного жанра «неестественности» выглядели политическим абсурдом с выводом о том, что «наши представители за границей» занимаются глупостями.

В Москве меня встретил Бернштейн, директор Харьковского театра оперетты; это явилось причиной моего переезда в Харьков (возобновить московскую постановку «Луна-Парка»).

Харьков

К антисоветской моей деятельности в Харькове (начало [19]29 г.) относится возобновление оперетты «Луна-Парк» (в московской редакции). Кроме того, в Харькове у меня установились по линии к.р. связи отношения с сотрудником редакции журнала

«Новая Генерация» Даном Сотником — аналогичные отношения моим в Ленинграде с Малевичем, то есть Дан Сотник, ссылаясь на то, что ему известна моя связь с Малевичем по ленинградск[ой] к.р. организации, — предложил мне приобщиться к деятельности харьковской организации, осуществляя связь с нею через него — Дана Сотника. Я согласился. В дальнейшем я остался на постоянную театральную работу на Украине, причем первый период этой работы после «Луна-Парка» проходил при организационном участии Дана Сотника (моя поездка на Донбасс и постановка в Макеевке «Мины Мазайло»): Дан Сотник продвигал меня на работу.

За этот период, кроме возобновления в Луганске харьковской моей постановки «Луна-Парка» и упомянутого спектакля «Мина Мазайло» в Макеевке, мною написан ряд статей, помещенных в журнале «Новая Генерация»¹⁰. В этих статьях я пытался установить связь комсомольской молодежи (по линии трамбовского движения) [с*] журналом «Н[ова] Г[енерация]».

Мои отношения с Д.Сотником вскоре стали отдаленными, и Сотник отказался от руководства мною. Причины мне не известны. Это случилось, приблизительно, на 3-й месяц моего пребывания на Украине и с этого времени я уже не считал себя принадлежащим к харьковской к.р. организации.

Уже не советуясь с Д.Сотником, я согласился на предложение харьковского Посредрабиса (Гольдберг—Горев) организовать новый украинский передвижной драм[атический] театр. Подготовительные к зимнему сезону работы этого театра, впоследствии названного «СОЗом»¹¹, — происходили в Павлограде. Одновременно с подготовкой репертуара на зиму (Херсон) — «СОЗ» обслуживал старым репертуаром /зачеркнуто: близлежащие/ Красноарм[ейские] лагеря.

Павлоград

Мною была прочитана лекция в лагерях для крас[но]армейцев с практич[еской] целью успокоить недовольство, которое было вызвано репертуарной политикой н/театра: все время и все силы театра сосредоточить на постановке двух пьес: «Инкогнито» и «Мина Мазайло»; представлявших собой к/р деятельность мою в области репертуара, и свести до минимума работу над иными пьесами, в том числе над «Диктатурой» Микитенко, почти забракованной коллективом театра вследствие моего доклада об этой пьесе.

Помимо этого, к/р суть лекции сводилась к тому, что я пропагандировал такое направление в искусстве, которое, выпячивая дискуссионность, дезорганизует массу.

Херсон

Постановка двух подготовленных в Павлограде к.рев. спектаклей «Мины Мазайло» и «Инкогнито».

В первой постановке дискредитировалась национальная политика, проводимая партией.

На постановке этой пьесы («Мина Мазайло») я остановился потому, что она была антисоветская по своей сущности. К/р суть «Инкогнито» заключалась в отождествлении гоголевского и советского общества. В финале («немая сцена») у меня на сцену возвращается Хлестаков. Оцепенение чиновников [от] этого усиливается: «А вдруг, все же, он настоящий?» — такова мысль стоящих на сцене персонажей. Мысль, которая внушалась этим финалом публике: «И тогда ничего нельзя было разобрать, когда имеешь дело с начальством, — и теперь ничего не разберешь: кто настоящий ревизор, а кто "инкогнито"».

Расчет на более активное восприятие спектакля зрителем был бы нереальным, — поэтому к/р направленность его вне спора. «Активность» восприятия обычно ставится в зависимости [так! — Публ.] от общей культурности зрителя. В действительности же, при наличии активности и культурности зрителя спектакль «Инкогнито» — просто никому не нужен, а при отсутствии культурности и активности зрителя — спектакль к[онтр]революционен.

Кроме упомянутых моих антисоветских постановок, моя к.р. деятельность в бытность худ[ожественным] руководителем театра «СОЗ» состояла также в том, что я принял в «СОЗ» ряд лиц, уволенных из Одесской Держдрамы, как склочный и политически подозрительный к/р элемент — Тинский, Ковалевский, Хуторная. О том, что они уволены как антисоветский элемент, я знал и принял их сознательно, стремясь к увеличению нужных для антисоветской моей работы актеров-спекулянтов.

Удар, нанесенный херсонской общественностью мне, — отшатнул от меня вместе с большинством коллектива — также и тех лиц, которые (Тинский, Ковалевский, Хуторна[я]) всячески стремились поднимать мой авторитет на Украине.

В период внутренних склок в коллективе «СОЗа» я эпизодически побывал в Одессе, где в Украинск[ом] Госуд[арственном] Театре поставил пьесу Афиногенова «Чудак».

Об этой постановке что-либо определенное в смысле ее политической характеристики [сказать] не могу, т[ак] как очень большое участие в этой моей работе принимали многие лица и худ[ожественно-]полит[ический] совет театра в том числе. Все в этом спектакле безнадежно запутано. Несколько очень ярких и сильных сцен. Все остальное бесхребетно. Это спектакль промежуточный, сборный и случайный. Гонимый «Гинскими», я на короткий срок был тактически пригрет Шраменко и Терещенко (директор и худрук одесской держдрамы).

С «СОЗом» я расстался в Виннице, получив предложение из Днепропетровска от театра Шевченковцев.

Днепропетровск

Будучи худ[ожественным] руковод[ителем] театра им[ени] Шевченко, я поставил пьесу «Постріл»¹². Спектакль был к/революционным. Производственные моменты трамвайного парка представляли собой покинутое «людьми» кладбище (белые абстрактные кубы монтировки), где из щелей появляются насекомые-вредители и над могилами порхают беспощадные мечтатели (ударная бригада), которых на финал я запрятал в трамвайный вагон — статичный, как катафалк. И весь этот финал (ударная бригада в катафалке) на фоне грандиозной электрифицированной доски, которая настолько явно и умышленно не была /зачеркнуто: ничем/ связана со спектаклем, что неизбежно напоминало какую угодно электрификацию, только не нашу.

Мои попытки создать в Днепропетровске антисоветскую организацию из местных работников искусства были безрезультатны и ничего конкретного в себе не содержат.

Иг. Терентьев

Допросил Ст. Упол. ПК Б.Гринер.

¹ 8 мая 1923 А.Е.Крученых писал И.М.Зданевичу: «Игорь здесь уже 1/2 месяца поражает, покоряет» (Русский литературный авангард: Материалы и исследования. Trento, 1990. С.141). В журнале «ЛЕФ» Терентьев опубликовал стихотворение «1-ое мая» и небольшую статью «ЛЕФ Закавказья» (1923. №2), а также упоминаемое в следующем примечании «Открытое письмо»; в журнале «Крысодав» (вышло 3 номера в 1923) — стихотворения «О нотах», «Частушка о грязнушке» (№1), «Пограничник молодой» (№2) и «Окно в Европу» (№3; все они перепечатаны в СС).

² Имеется в виду публикация: Сосновский Л. Желтая кофта из советского ситца // Правда. 1923. 24 мая. №113. Следует отметить, что Терентьев печатно отвечал Сосновскому (Открытое письмо // ЛЕФ. 1923. №3).

См.: также: Магаротто Л. Полемика Т.Табидзе с О.Мандельштамом и И.Терентьевым // Русский литературный авангард. Указ. изд. С.227-243.

³ *Бенар Наталья* Владимировна (1902 — 3 апреля 1984; за указание даты смерти приносим благодарность П.П.Ященкову) — поэтесса, автор книги «Корабль отплывающий» (М., 1922). В 1929-1930 после отказа сотрудничать с ГПУ была выслана в Днепропетровск. В обвинительном заключении по делу Терентьева говорится: «Привлеченная нами к следствию в качестве обвиняемой БЕНАР Н.В. подтвердила показания ТЕРЕНТЬЕВА...» Дело в отношении Бенар было выделено в отдельное производство, однако, судя по ее позднейшим рассказам, содержание которых сообщено нам П.П.Ященковым, закончилось благополучно: вскоре ей было, по ходатайству Г.М.Кржижановского, разрешено вернуться в Москву (вновь прописана в Москве она была с 1935).

⁴ *Музей художественной культуры* был основан в 1919 Н.И.Альтманом в особняке Мятлева на Исаакиевской пл., 9. Малевич был назначен его директором в августе 1923. В октябре 1924 преобразован в Институт художественной культуры (с марта 1925 — Гос. Институт художественной культуры, ГИНХУК). Закрыт в 1926. Подробнее см. комм. Марцио Марцадури: Русский литературный авангард. Указ. изд. С.61-62.

⁵ В Польшу и Германию Малевич отправился в 1927.

⁶ О театральной деятельности Терентьева подробнее см. в статье М.Марцадури (СС). Истинный смысл деятельности Терентьева в ленинградский период, как кажется, точнее всего характеризует К.М.Зданевич в письме к брату от 13 октября 1924: «Жизнь и все вокруг требуют от искусства *активной* работы в перестройке социальных условий. Мы не можем стоять в стороне. Искусство должно быть связано с массами — пролетариатом (отнодь не буржуазией — для них это эстетика, гурманство). Игорь Терентьев активно встал на этот путь: он заведует 2 клубами, режиссер, поэт и др.» (Минувшее.: Исторический альманах. Вып.5. М., 1991. С.137).

⁷ Ленинградский Дом Печати был временно закрыт, а его руководитель Николай Петрович Баскаков арестован в 1928. В ноябре 1928 Дом Печати открыт вновь. Баскаков был вторично арестован в 1932 и, как пишут комментаторы дневника Хармса, «вероятно, погиб в лагере» (Дневниковые записи Даниила Хармса / Публ. А.Устинова и А.Кобринского // Минувшее: Исторический альманах. Вып.11. М.; СПб., 1992. С.539). О положении Терентьева во время этих гастролей см. в письме К.М.Зданевича к И.М.Зданевичу от 28 мая 1928: «То, что я дал Игорю денег, конечно, это ужасная оплошность, /.../ но вот это было сделано почему. Крученных дал 100, Катаньян — 60, Третьяков — 50 и я — 200. Этим мы поддержали его в самый трудный момент — без них не было бы показа его театра в Москве. Но показ был, и его театр берут на госсубсидию. Другими словами, им одержана колоссальная наша победа! Сейчас театр пока не работает, но, вероятно, останется в Москве» (Минувшее. Вып.5. Указ. изд. С.145).

⁸ Первая редакция «Джона Рида» была поставлена Терентьевым в Ленинградском Красном театре в 1924; в 1926 для театра Дома Печати им была поставлена опера «Джон Рид», которую театр и показывал в Москве во время гастролей в Театре им. Вс.Мейерхольда.

⁹ См. статью Терентьева «К постановке оперетты "Луна-парк"» (СС. С.321-323).

¹⁰ В журнале «Нова Генерація» Терентьев опубликовал (на украинском языке) статьи «На 1929 год» (1929. №2), «Ф1, Ф2, Ф3» (1929. №3) и «Индустриальная бытовщина» (1929. №10). Переводы этих статей на русский язык — СС. С.324-327.

¹¹ СОЗ — «Соціалістичне змагання» (т.е. «Социалистическое соревнование») — передвижной театр, основанный Терентьевым в Павлограде в 1929 г.

¹² Имеется в виду «Выстрел» А.Безыменского.

4

Показания обвиняемого Терентьева Игоря Герасимовича, из дворян, б. офицера, сына жандармского полковника

В декабре 1921 г. я из Тифлиса выехал в Константинополь. Основной причиной отъезда было давнишнее мое желание побывать за границей с целью поднять свою квалификацию работника искусства¹. В Америке, в Вашингтоне, с 18-го года жил брат моей жены Михаил Михайлович Карпович², а в Париже с 19-го года — литератор Илья Михайлович Зданевич³, на помощь которых я рассчитывал, будучи с ними обоими в близких личных отношениях и состоя в переписке. О судьбе и местожительстве моей семьи, т.е. отца, матери, двух сестер и брата, я в течение 4 лет не имел никаких сведений, живя безвыездно в Тифлисе, и только осенью 21-го года я получил из Константинополя письмо от брата, в котором сообщалось, что вся семья живет на острове Халки близь [так! — *Публ.*] Константинополя⁴. В то время я долеживал третий месяц в постели, больной брюшным тифом. Получение письма с известием о семье, которая 4 года считалась без вести пропавшей, было в глазах окружавших меня родственников жены достаточным основанием для того, чтобы я мог серьезно поставить вопрос о своем отъезде за границу. При этом вопрос о жене и дочери решался так, что или они с моей помощью выедут туда, где буду я, или сам я вернусь обратно в Тифлис. Это было в некоторой зависимости от денежной помощи, которую мы ожидали от Ми-

хаила Михайловича Карповича (жившего в Америке), с которым я из Константинополя должен был связаться⁵.

Ко мне в качестве попутчика присоединился тогда же мой приятель художник-футурист Кирилл Михайлович Зданевич (брат Ильи Зданевича, жившего в Париже). Он взял на себя хлопоты о паспортах и визах, т.к. сам я еще с трудом передвигался по комнате. Кроме того, у Кир[илла] М[ихайловича] в Тифлисе было больше, чем у меня, знакомств (он тифлисский уроженец) и связей.

Помню, что в связи с получением паспорта я по указанию Зданевича был в Комиссариате труда у Арчила Микадзе, который, зная меня лично, выдал мне справку-рекомендацию. Что именно там было написано, не помню. Справку я передал Зданевичу.

Потом я вместе со Зданевичем был [в*] учреждении (каком именно, не знаю), где непосредственно выдавались паспорта. Там мне заявили, что необходима справка от ЧК о неимении препятствий к выезду. Помню, что я оттуда же направился в ЧК, где соответствующая справка была мне выдана в теч[ение] времени около одного часа.

Я понял факт получения от ЧК просимой справки так, что, не бывши в белых армиях и живя безвыездно в Тифлисе на глазах у всех, я имею право на то, чтобы мне не отказали.

Как б. офицер царской армии, демобилизованный вместе со всей Кавказск[ой] Армией и с тех пор больше на военной службе не бывший, я регистрировался, когда об этой регистрации было выклеено соответствующее объявление в первые же 2-3 недели после советизации Грузии.

В паспорте было указано против графы о воинской повинности — свободен (libre), паспорт был с обратным возвращением сроком на 2 1/2 года.

По возвращении из Константинополя, — в Батуме я сдал паспорт в учреждении, где в связи с визой прибытия нужно было заплатить 15 лир, которых у меня не оказалось.

Я стремился скорее попасть в Тифлис, паспорт мне больше был не нужен, поэтому я, получив в батумском союзе работников искусства временное удостоверение личности, выехал из Батума, не получив паспорта обратно.

По прибытии в Константинополь на пароходе, я был задержан неизвестным мне гражданином, который, говоря со мною по-русски, сказал: «Следуйте за мной». За сход с парохода нужно было платить какую-то значительную сумму денег. Об этом мы со Зданевичем узнали от столпившихся уже на верхней палубе пассажиров в последнюю минуту. Денег у нас не было совсем. Зданевич кинулся разыскивать кого-нибудь из попутчиков с целью

раздобыть требуемые деньги. В это время ко мне и подошел упомянутый гражданин. Перед этим мы видели со Зданевичем, как двое молодых армян были арестованы. Я был в толпе выходящих пассажиров, которые отделяли меня от Зданевича. Зданевич делал издали знаки рукой, чтобы я сходил на пристань. Я «последовал» за пригласившим меня гражданином, надеясь сойти на пристань и там соединиться со Зданевичем. У меня мелькала мысль о том, что я арестован, так как только что перед этим я был свидетелем ареста двух армян, но я не был в этом уверен до того, как следуя за неизвестным гражданином и, фактически, идя вместе с ним в общей толпе пассажиров, — я не оказался сданным на хранение кому-то в сторону: этот второй, кажется, был в полувоенной форме. Сдавая меня этому полувоенному, неизвестный гражданин (седенький, в штатском пальто) сказал мне: «Вы на территории расположения союзных войск». Точно не помню, — была эта фраза сказана мне по дороге с парохода или при передаче меня «полувоенному». Я искал глазами Зданевича, желая по крайней мере предупредить его о постигшей меня неприятности и, очевидно, при этом, незаметно для себя, — напевал, т.к. «полувоенный» сделал мне замечание на французском языке: «Тут не опера».

Я был в какой-то конторского вида комнате и в открытую дверь смотрел на проходивших пассажиров. Зданевича не было.

Вскоре вернулся «седенький» и предложил мне следовать за ним далее.

Он повел меня через город, и через минут 40 я был введен в какой-то многоэтажный белый дом с улицы. Мы поднялись на 3-4-й этаж и зашли в темную переднюю комнату. Мне показалось, что в этом доме — частные квартиры по виду самого дома, но что там было на самом деле — судить не могу.

Из темной передней меня мой сопровождающий ввел в соседнюю небольшую комнату, где был диван, круглый стол и стул.

В комнате я оставался несколько секунд один, после чего вошла, как мне показалось, горничная с подносом: там стояло полбутылки водки и закуска (маслины). Я был очень голоден и съел предложенное, выпив 1-2 рюмки водки.

Тут же открылась дверь, и в комнату вошел русский офицер. Внешность его сразу показалась мне знакомой. Это был штабс-капитан Иванов, известный мне по штабу тифлисского военного округа. Меня он тоже знал. Я сказал ему о причине своего приезда в Константинополь: желание повидаться с семьей. Иванов сообщил мне, что задержан я был на пароходе агентом английской контрразведки как прибывший из советского Тифлиса и добавил,

что допрашивать он меня не будет, тем более, что я, наверное, ничего интересного для них и не знаю.

Я попросил у него мелочь на пароход, так как хотел в тот же день добраться до о.Халки, где жила моя семья. Он дал мне 1 1/2 лиры. Больше я Иванова не видел.

Вечером того же дня я встретился с семьей на о.Халки⁶.

В Константинополе я пробыл около 8 месяцев⁷.

Причиной длительного пребывания в Константинополе были хлопоты о деньгах от Михаила Михайловича Карповича из Америки и переписка с Ильей Мих[айловичем] Зданевичем (Париж) [о*] возможности получения французской визы и устройства моего в Париже.

Эти два обстоятельства разрешились в положительном смысле только почти к самому концу моего пребывания в Константинополе.

Долгий срок пребывания в эмигрантском окружении, письма из Парижа от Зданевича — убедили меня в том, что за границу ехать нет интереса⁸. Это свое убеждение я сообщил и своему спутнику Кириллу Зданевичу, в результате чего он уехал в Тифлис, даже не дождавшись меня.

В этот период, зная мое твердое решение вернуться в ССР, брат завербовал меня [в*] агенты английской к[онтр]разведки.

После длительной обработки меня в духе неприятия советской власти, брат повел меня по незнакомому мне адресу (в районе Константинопольского театра), где меня встретил неизвестный мне человек в военной форме (подробностей не помню). Последний спросил меня о том, говорил ли брат Владимир со мною о моей работе в качестве [агента] английской к[онтр]разведки, согласен ли я на это предложение.

Я ответил утвердительно. После этого «неизвестный в военном» добавил, что все необходимые указания я получу от брата Владимира.

Содержание инструкции, полученной мною в дальнейших беседах с братом Владимиром, — заключалось в том, чтобы я по возвращении в ССР держал связь с лицами, которые будут встречаться на моем пути от имени английской контрразведки, в своей деятельности руководствовался бы их указаниями, и до определенного срока, который мне будет сообщен в свое время, — держаться границ антисоветской работы в области искусства, избегая работы в областях мне чуждых и незнакомых. Антисоветская работа моя в области искусства, должна заключаться в проведении к.р. идеологии при помощи искусства, во вредительстве на культурном фронте, в создании антисоветских организаций из

работников искусства. Первым лицом для связи брат назвал — Севастьянова. С этими заданиями я вернулся в ССР.

Иг. Терентьев

4. II. 1931 г.

Допросил

Ст. Упол. ПК Б. Гринер.

¹ 25 января 1921 Терентьев писал М. М. Карповичу: «Дорогой Миша! Правда ли, что у тебя все еще сохранилась надежда на что-то и как-то в России?! Я уже давно перестал думать о надеждах... /.../ Дело не в философском или поэтическом определении того, что есть "Эресефесер"! — свою частную жизнь уже никак не удастся связать хотя с чем-нибудь продолжительным: мы предполагали служить, а в свободное от занятий время предаваться благородным трудам искусства или науки! Это наша программа и она оказалась единственной, т. как, если не служим или не печатаемся, то ничего другого двигать не умеем...» (МП. С. 28). Это письмо определяет настроение, с которым Терентьев решил отправиться за границу. См. также письмо К. М. Зданевича к И. М. Зданевичу от 1 декабря 1921 (Из архива Ильи Зданевича. Указ. изд. С. 129). Точная дата прибытия Терентьева в Константинополь неизвестна: по другим сведениям, он оказался там в январе 1922 (см.: СС. С. 16, а также в публикуемой ниже автобиографии). Возможно, что он выехал накануне Нового года, а прибыл уже после него.

² *Карпович Михаил Михайлович* (1888-1959) — историк, дипломат. Уехал из Петрограда с российским посольством в Америку в мае 1917. См. в его автобиографии: «Мы выехали из Петербурга, если не ошибаюсь, 18-го мая, скоро после первого правительственного кризиса. Наши дипломатические паспорта были подписаны еще Милоковым, а на вокзале нас провожал уже Терещенко. /.../ После закрытия Посольства 30-го июня 1922 г., я переехал в Нью-Йорк, где жил до января 1927 г. Эти пять лет были периодом моей "беженской" жизни» (Hughes R., Malmstad J. Vladislav Khodasevich to Mikhail Karpovich: Six Letters (1923-1932) // Oxford Slavonic Papers: New Series. 1986. Vol. XIX. P. 133-134). С 1927 он преподавал в Гарвардском университете, с 1946 до смерти был редактором «Нового журнала». Об отношениях Терентьева и Карповича подробнее см. в различных материалах МП.

³ *Зданевич Илья Михайлович* (1894-1975) — поэт и художник. Далее упоминаемый *Зданевич Кирилл Михайлович* (1892-1969) — художник, жил и умер в СССР. О заграничной жизни К. М. и И. М. Зданевичей см. в уже цитированном письме Терентьева к Карповичу: «Мой приятель худож. [К. М.] Зданевич недавно объехал всю Европу и всюду — в Риме, Париже, Берлине — оставил мои книжки. Он говорит, — мой успех там гарантирован... /.../ Другой мой приятель — поэт Зданевич (брат худ-а) рискнул двинуться в Париж, но оказался не так увертлив, как художник, и потому застрел на американской службе в Константинополе без денег,

без квартиры и получив из Париже отказ в визе» (МП. С.28, 31). О начале эмигрантской жизни И.М.Зданевича см.: «В ноябре двадцатого года я распродал часть своих вещей, купил пароходный билет четвертого класса и вместе с возвращавшимися в Константинополь военнопленными и рогатым скотом покинул Батум. Через неделю я был в Константинополе, где прожил год в нищете, пока новый билет четвертого класса не позволил мне обменять константинопольскую нищету на Монпарнас» (Georgica II: Materiali sulla Georgia Occidentale. Bologna, 1988. P.95-96).

⁴ См. в том же письме: «О Володе узнал малопроверенную новость о том, что он с остатками Врангеля эвакуирован в С.-Стефано. Мучительная новость: если он в С.-Стефано, почему нет от него ни одного письма (из Константинополя письма прекрасно доходят почтой). А кроме того, очень хочется поехать свидеться, а на дорогу деньги нужны, каких нет» (МП. С.28). См. также в письме Терентьева к теще, М.Е.Пресняковой, от 18 сентября 1922: «...осенью прошлого года я получил единственное за это время письмо от Володи, в котором он сообщил о тяжелой болезни папы» (Там же. С.31).

⁵ См. в цитированом выше письме к М.Е.Пресняковой: «Отправляясь в Константинополь, я невольно связывал цель свидания со своими родными — со многими другими намерениями в том же заграничном направлении: Наташа и отчасти Михаил Викентьевич были склонны выехать за границу при некоторой финансовой комбинации, что вместе с моими личными желаниями и надеждами соединилось в некий план — правда, несколько рискованный и фантастичный!» (Там же. С.31). Наташа — жена Терентьева Наталья Михайловна, урожд. Карпович; Михаил Викентьевич — ее отец.

⁶ См. в том же письме: «Своих стариков, сестер и Володю я оставил в значительно лучшем положении, чем то, что было 8 мес. назад. Благодаря Мишиной помощи, все они приделались, имеют комнату, приобрели некоторые знакомства и понемногу сами зарабатывают» (Там же. С.32).

⁷ См. в том же письме: «Только что вернулся из Константинополя, где пробыл 8 месяцев» (Там же. С.31). О деятельности Терентьева в Константинополе практически ничего не известно. Из письма к И.М.Зданевичу от 8 августа 1922 следует, что в Константинополе он встречался с известным впоследствии эмигрантским литератором Ю.К.Терапиано (СС. С.396). По некоторым сведениям, он работал в одном из константинопольских кабаре вместе с А.Н.Вертинским (Там же. С.514). По рассказам Н.И.Харджиева одному из авторов публикации, в архиве Н.И. хранится трактат-манифест Терентьева, написанный в Константинополе и тогда же посланный И.Г.Эренбургу в Берлин для публикации в журнале «Вещь». Трактат опубликован не был, а после войны Эренбург передал его Харджиеву. В связи с известными обстоятельствами отъезда Н.И.Харджиева за границу и судьбой его архива данный рассказ в настоящее время документально проверить невозможно.

⁸ О причинах возвращения см. в том же письме: «Вернулся я в Тифлис, п.ч. почтовые сообщения между мной и Наташей по вине американского комитета были задержаны на 3 месяца — именно на этот срок запоздали деньги, которые я выслал Наташе из Константинополя. Три месяца просрочки в моих скудных возможностях много значили, и я побоялся настаивать на приезде Наташи в Константинополь, хотя и мог отправиться вместе с нею в Париж на стипендию в Сорбоннский Университет для продолжения своих филологических занятий (меня хотели туда отправить американцы). Я побоялся, что если вдруг эта блестящая комбинация не осуществится, надо будет с семьей зимовать в Константинополе, а это совсем плохо: Конст[ан]п[о]ль хуже Тифлиса в отношении заработка» (МП. С.31). Ср. также в письме К.М.Зданевича к И.М.Зданевичу от 20 марта 1922: «Здесь очень плохо мне: почти все время голодаю. Давножданное письмо из Америки пришло, но там нет ни одного слова про визу. Так что эти мечты надо оставить» (Минувшее. Вып.5. Указ. изд. С.129). К.М.Зданевич вернулся в Тифлис в начале июля 1922 (См.: Там же. С.131).

5

Показания обвиняемого Терентьева Игоря Герасимовича, из дворян, б. офицера, сына жандармского полковника

В январе [19]29 года директор Харьковской русской оперетты Бернштейн пригласил меня поставить «Луна-парк» в Харькове, для чего я приехал из Москвы, кажется, в том же январе¹. Приехал вместе с композитором Кашницким², который помогал мне ставить тот же «Л[уна]-парк» в Москве, гл[авным] образом по части радиофикации спектакля. Остановились мы в гостинице «Южной» в номере, помнится, сороковом — большая угловая комната на самом верхнем этаже гостиницы. Бернштейн был мне в свое время назван в Москве Равичем как лицо для связи с франц[узской] контрразведкой. /Зачеркнуто: Осенью/ В начале зимы [19]28 года, когда я еще не имел намерений ехать в Харьков, — переживая трудные минуты резко двойственного отношения ко мне со стороны Главреперткома, о чем подробно расскажу в дальнейшем. После окончания работы над «Луна-парком» и попытки моей возглавить небольшой «пробный» скандал политического характера (забастовочные тенденции обиженного на советскую прессу опереточного коллектива, о чем я тоже буду говорить в соответствующем месте своих будущих показаний) — Бернштейн счел нужным передать меня в другие руки, так как почва под ним самим, очевидно, заколебалась — как я узнал по газетам — времен-

но. Где он теперь, не знаю — возможно, на Северн[ом] Кавказе с опереттой, возможно и совсем другое... Слухов не было.

Бернштейн назвал мне Николая Геннадьевича Плеского в качестве лица, с которым я должен держать к[онтр]революционную связь по линии фр[анцузской] контрразведки. Этой фамилии я очень обрадовался, рассчитывая на интересные для нас обоих разговоры, т[ак] как меня и брата Ник. Ген. знал еще с детства (по гимназии, где он был учителем русского языка — я об этом уже говорил в своих показаниях и буду говорить подробно, если понадобится сосредоточить мои показания лично на Плеском)³.

Передо мной блеснула надежда на генеральный пересмотр всей своей к[онтр]революционной работы в целом, т[ак] как с Плеским я мог поговорить интимно, касаясь «душевных» переживаний в связи с такими темами, как брат, отец, юность и, наконец, наша судьба франц[узских] контрразведчиков, так неожиданно сведенных совершенно чужим для нас Бернштейном — случайным для нас человеком — механическим звеном в общем сцеплении необходимостей, имя которым одно: франц[узская] контрразведка. Ник. Геннадьевича я нашел в театре Курбаса на генеральной репетиции «Алло», куда я проник с большим трудом при помощи Недоли, бывшего тогда Завкультотделом ХОРИС'а (о Недоле, который мне был назван для связи с франц[узской] к[онтр]разведкой Курбасом — особо)⁴. Встреча с Плеским произошла с формальной стороны случайно, т[ак] как с Бернштейном у меня было условлено, чтобы я пошел в Главрепертком и там нашел бы Плеского. Узнав Николая Геннадьевича сразу, я не удержался от соблазна тут же подойти к нему и назвать себя. Ник. Геннадьевич очень испугался, но тут же совладал с чувствами и тихонько стал побуркивать, прикрывая по своей привычке рот ладонью и усмехаясь по-детски (с выкриками). Ник. Геннадьевич назначил мне свидание на собственной квартире по Гоголевской улице рядом с б[ывшей] гимназией, где я учился — маленький домик в глубине двора, вверх по лестнице, дверь налево. Квартирка маленькая — вся уставленная книгами, печками «буржуйками» и пересекаемая неизвестными мне домашними — женщинами и детьми (кажется), так что уединиться нам удалось с трудом. В театре мы о франц[узской] контрразведке не говорили. Нам обоим хотелось подумать, собраться с духом, т[ак] как, очевидно, и для Николая Геннадиевича эта предстоящая беседа, хотя он к ней и был подготовлен Бернштейном, нуждалась все же в отодвижении срока хоть бы на одни сутки от нашей, так сказать, «случайной» встречи в театре на генеральной репетиции обозрения «Алло». Мы очень долго говорили о чем угодно, кроме «главного пункта»,

т.е. нашей общей связанности с франц[узской] к[онтр]разведкой. Длительная наша беседа затянулась до глубокой ночи; эта беседа была для посторонних ушей вне всякой возможности подозревать политическую суть ее: мы прошупывали возможность помочь друг другу освободиться от тяжести «круговой поруки» в пределах своей собственной психики, что было связано с тою же «круговой порукой» вне нас и из этого внешнего круга происходящей. Мы вертели мыслью, обследуя все углы «внутреннего» — психического круга, не находя выхода из положения, т.к. «внешний» круг был реален, а разорвать его внешними же средствами мы не были готовы. Признанием этой *неготовности* была последняя фраза Николая Геннадиевича: «Мы обо всем с вами поговорили — как видите, мое положение непрочно. Может быть, ”мой близок час“», — Ник. Ген. имел при этом в виду свое служебное положение, которое в только что упомянутой предварительной беседе нашей характеризовал в смысле непрочности среди «национальных бурь».

«Единственно, чем я могу быть по-серьезному вам как талантливому человеку полезен — это передать вас теперь же попечению более крепкой фигуре [так! — *Публ.*] на нашем и не нашем фронте, а именно самому Лесю Курбасу, с которым произойдет ваша встреча так: вы познакомитесь сначала у меня в Главреперт-коме с его лаборантом Балабаном, который не в курсе дел, но есть основания чисто профессиональные, в силу которых Балабан захочет свести вас с Курбасом — я этому желанию Балабана помогу возникнуть и укрепиться — рассказать ему о ваших режиссерских подвигах. А там все пойдет в зависимости от вас самого». Я спросил: «Ник. Геннадиевич, вы говорите мне о Курбасе в том самом смысле, в котором я могу упомянуть имя Бернштейна[?]». Плеский ответил: «Да», — и, подумав, прибавил: «В смысле принадлежности к франц[узской] к[онтр]разведке — среди друзей точность, быть может, еще нужнее...» Я уходил от Плеского домой, в «Южную», где, не дождавшись моего возвращения, спал невинным сном мой действительный без всяких «но» и «быть может» друг — Владимир Самойлович Кашницкий.

В то время (после постановки «Луна-парк» — весьма высоко оцененной харьковской прессой) — я ежедневно бывал в Нарком-прос[е] у Мусницкого, который обещал мне то один, то другой театр, которые будто бы предназначаются для меня как реорганизатора и спасителя (гл[авным] образом разговор вертелся вокруг одесской Держдрамы и моих гастролей у Гната Юры в Киеве⁵. Юрой я был на словах приглашен поставить «что-нибудь исключительное» — случайно в период моей работы над «Луна-Пар-

ком» встретившись с ним в вестибюле гостиницы «Красной»). В одно из ежедневных моих посещений Наркомпроса (я каждый раз заходил к Ник. Геннадьевичу) — я встретил у Плеского молодого человека не совсем артистической внешности, очень болезненного, — который оказался Балабаном. Опуская все свои профессиональные разговоры и встречи с Балабаном (это тянулось около недели) — перехожу непосредственно к встрече с Александром Степановичем Курбасом — у него в комнате — очень просторной — тоже, как и у Плеского, ограниченной библиотечными стенками, но не семейного и не интимного вида комната: посредине далеко от стен — письменный стол, и больше ничего, кроме двух кресел у того же стола сбоку. Зашедшая домработница принесла кофе, молоко, хлеб и масло. Этакое начало сразу напомнило мне приезд в Константинополь, шт[абс-]капитана Иванова по признаку — «сначала надо угостить».

Александр Степанович сразу начал, так сказать, с конца: «Мы не будем, конечно, говорить с вами о французских к[онтр]разведках — вы достаточно подготовленный, судя по вашей известной мне по специ[альной] литературе режиссерской работе человек, чтобы можно было сосредоточиться прямо на практических выводах о дальнейшей вашей работе на Украине». Я так же, как и в конспиративной /зачеркнуто: разговоре/ беседе с Мейерхольдом, — не захотел оставить инициативу разговора в руках, т[ак] сказать, «противника», а потому, хотя мне было и так все достаточно ясно, сказал: «Я пришел к вам не только для академических разговоров. Ваше мнение о моих работах представляет большой интерес, но я хочу более точной редакции [реакции? — Публ.] вашей стороны в отношении упомянутой уже вами франц[узской] к[онтр]разведки». Курбас глубоко вздохнул, поднял брови и, не глядя на меня, сказал: «Да, я агент франц[узской] к[онтр]разведки, но практически все же дело в том, как разрешить трудный вопрос о вашей работе на Украине». Я приготовился услышать, что Курбас, подобно Плескому, немедленно передаст меня кому-нибудь другому, тоже ссылаясь на «непрочность своего служебного положения среди национальных бурь», но я услышал от него лишь намеки на указание будущего моего видителя, намеки, мною тогда не понятый: «Вам может быть полезен ваш друг Недоля. А с своей стороны я могу предложить следующее: в данный момент я добиваюсь получить нужного мне директора — это во-первых, а потом поставим вопрос о вас перед Скрыпником так, как я ставил вопрос об Инкижинове. Мы будем с вами работать в очередь — то в драме, то в оперетте, которую хотят открыть с будущего сезона. Весь этот план может провалиться в зависимости от

назначения неподходящего директора, который свяжет меня настолько, что работать я буду просто не в состоянии. Тогда вопрос о нашей совместной режиссерской работе с вами будет снят сам собой, так как тогда я сам окажусь не у дел: перед Наркомпромом я иначе не могу ставить вопроса — или я работаю как художник, и тогда директора должны мне дать понимающего мою работу, согласного с нею, или я при всем добром желании работать не смогу и не буду».

Речь шла о единстве художественной платформы режиссера и директора: самый больной вопрос театр[ального] фронта — разрешимый только путем уничтожения культурной к[онтр]революции — всеми способами от профилактики до хирургии включительно.

С Курбасом был выработан мною план наших к[онтр]революционных действий на Украине:

1. Поддержка взаимная наших (его и моего) авторитетов. Мною этот пункт выполнялся через Михаила Семенка⁶, которому я внушал резко выступать против Курбаса, что в глазах /зачеркнуто: всех/ большинства (не футуристов) могло только консервировать, сохранять от тления умирающие таланты Курбаса (формальная помесь — Таирова с Мейерхольдом на шовинистических подпорках и в мрачном колорите. Мейерхольд и Таиров — звучат, при всем своем гниении, веселее, так сказать, «интернациональнее», самонадеяннее, а Курбас, сам в глубине души считая себя провинциалом, спекулирует на грустных тонах «национальной трагедии», умышленно путая историческое с современным и пренебрегая зрительской массой, которая не признает серединок на половинке, и в театр потому не ходит).

«Курбаса следует ругать», — говорил я неудачливому вождю харьковских футуристов (Семенко очень плохой производственник, бюрократ и богемщик), — «но не следует стремиться к организационным выводам относительно Курбаса, т[ак] как лучше его на Украине нет, и сейчас будет вредительством сбрасывать Курбаса, не имея замены».

Лично я в то время уже сильно был поколеблен (беседа с Плещским и многое другое, о чем буду говорить специально) и занять собою место Курбаса не надеялся по соображе[ниям] противоречивого характера, что обусловлено было общим моим состоянием поколебленности (об этом позже).

2. Настаивать на методе «расслоения зрительного зала», на прогрессивной роли дискуссионных спектаклей, в особенности налегать на значение формальных моментов, зная, что только орга-

низованная воля пролетарских масс может (в силах) санкционировать значение той или иной формы.

3. Дискредитировать попытки к организации этой воли, в частности — бороться с ВУСП'ом⁷, парализуя творческие усилия пролет[арских] писателей, тормозя продвижение ихней продукции в театры.

4. Стремясь к стационарной (по условиям) работе, охватить своей пропагандой возможно больше пространства Украины.

Моя деятельность по пунктам 2, 3 и 4 отмечена уже мною в предыдущих показаниях (подробнее, в случае надобности, потом).

5. В конечном результате — связь с военными организациями («Об этом, — сказал Курбас, — надо еще много подумать, т[ак] как этот вопрос есть общий вопрос — тут сроки важнее всего, и главное — не торопиться оформлять это дело. Вся предварительная работа в нашем направлении может быть мобилизована в одно мгновение, т[ак] как почва слишком пропитана бензином и больше всего следует опасаться преждевременных случайных взрывов. Осторожнее со спичками. Ваш друг Недоля больше нас с вами понимает в этих делах»).

На выработке этой программы к[онтр]революционной деятельности наше первое свидание с Курбасом закончилось, через Балабана я должен был осведомляться (по профессиональной, а не к[онтр]революционной линии в отношении Балабана, который в качестве агента фр[анцузской] к[онтр]разведки мне назван не был) — о ходе дела с «назначением директора», но Балабан больше на моем пути не появлялся.

Вместо профессионального Балабана в Павлограде летом [19]29 года ко мне обратился Леонид Владимирович Недоля (он был завлитературной частью театра «СОЗ»), который заменил для меня Курбаса, очевидно, слишком запутавше[го*] свои, так сказать, «профессиональные» дела, чтобы продолжать связь со мною по линии франц[узской] к[онтр]разведки.

С Курбасом после делового свидания, описанного мною выше, встречался случайно еще несколько раз, но говорить ему о Мясоедове, названном мне Недолей, я не хотел, т[ак] как Курбас, в моем представлении, каждую минуту мог оказаться политически отыгранной и битой картой. Оказалось, что в этом отношении я опередил его, по-видимому. На этом я заканчиваю протокол, посвященный Курбасу, т[ак] как все мои последующие встречи с ним (в особенности длительный разговор на многие темы в Доме Блакитного в декабре (кажется) прошлого ([19]30) года — в присутствии Бучмы⁸, Горева и многих курбасовских акте-

ров, также писателя-вусповца Топчия) могут быть интересны только как дополнительный поясняющий материал, который я могу дать в следующем протоколе.

Иг. Терентьев

9/II-31 г.

Допросил
Ст. Упол. ПК-ИНФО
Днепроп. Оперсектора
ГПУ УССР

Б.Гринер

¹ См. в показаниях Терентьева от 29 мая: «С Бернштейном я встретился в конце 28-го года в театре оперетты. В качестве директора Харьковской русской оперетты Бернштейн подписал со мною договор на постановку в руководимом им театре оперетты "Луна-Парк". Познакомился со мною Бернштейн сам. Я приехал в Харьков в начале [19]29 года и приступил к работе над постановкой. Тогда же Бернштейн начал ближе знакомиться со мной, часто после репетиций или спектаклей возя меня с собою по городу в авто или на извозчике. Я не обнаруживал желаний откровенничать с ним. В одну из упомянутых выше поездок Бернштейн назвал мне Андроникова и сообщил мне, что он, Бернштейн, является для меня лицом для связи по линии английской к[онтр]разведки (Андроников в [19]23 г. меня не нашел, но он был мне назван Севастьяновым). Бернштейн сказал, что он будет способствовать тому, чтобы я в кратчайший срок приобрел по профлинии полезные знакомства и в зависимости от того, какое положение среди новых людей я сумею занять, — Бернштейн будет говорить со мной о тех или иных практических планах к.р. работы.

Бернштейн в то же время /зачеркнуто: настаивал/ хотел, чтобы я избрал для постоянной работы оперетту — с чем я не соглашался. Бернштейн находил, что жанр оперетты более удобен для проведения к[онтр]рев[олюционной] работы, как внутри театра, в постановочной работе, так и вокруг театра, при обработке отдельных людей. Я отказался, ссылаясь на технические трудности работы в оперетте.

Вскоре Бернштейн сказал мне, что ему предстоит уехать из Харькова, а потому он передаст меня Плесскому. Через несколько дней после этого разговора Бернштейн вручил мне харьковскую газету "Коммунист", которую просил передать Плесскому, указав ему, что в газете содержится рецензия на "Луна-Парк" и что газета представляет собою зашифрованные сведения по линии к[онтр]рев[олюционной] работы. Он сказал, что о содержании этих сведений я узнаю от Плесского. Газету Плесскому я вручил в Главреперткоме, там же (в комнате никого не было) сказал ему, что газета шифрованная, передается мною от Бернштейна, что содержание мне неизвестно. Наш разговор был прерван посетителями. В дальнейших (случайных) встречах с Плесским к вопросу о газете мы не возвращались.

О связях Бернштейна с границей я сведений не имею, знаю от него, что он бывш[ий] домовладелец и, кажется, фабрикант».

² *Кашницкий* Владимир Самойлович (1897-1963) — композитор, постоянный сотрудник Терентьева. Подробнее о нем см. справку М.Марцадури (СС. С.544-545). Как видно из материалов следствия, Терентьев пытался отстоять его от обвинений, но следователь добился от него «признания» в том, что Кашницкий также участвовал в контрреволюционной деятельности Терентьева. По воспоминаниям дочери Терентьева, Кашницкий был арестован, однако в обвинительном заключении Терентьева о деятельности Кашницкого нет ни слова.

³ О *Н.Г.Плеском* (Плесском) см. в показаниях Терентьева от 29 мая (записанных следователем): «Николай Геннадиевич Плесский был учителем русского языка в Харьков[ской] 3-ей гимназии, кот[орую] я окончил в 1910 году. Плесский преподавал в классе моего брата Владимира, но знал нас обоих. О том, что наш отец — жандармский офицер, в гимназии знали все, в том числе и Плесский. Был ли Плесский знаком с моим отцом — не знаю. За период его пребывания в гимназии о его политических убеждениях судить не имею данных. Личных отношений с Плесским за время гимназии у меня не было. По окончании гимназии я с Плесским не встречался и ничего о нем не слышал до [19]29 г., т.е. до того момента, как Бернштейн мне назвал Плесского для связи по линии английской контрразведки. В том же году первая моя встреча с Плесским произошла в театре "Березиль" на генеральной репетиции "Алло". Плесский узнал меня после того, как я ему назвал свою фамилию. Он спросил меня о моей семье — о брате, об отце. Я ответил, что отец умер в эмиграции, а брат живет в Америке.

Вторая встреча произошла в том же [19]29 г., вскоре после первой, на квартире у Плесского (по его приглашению). Н.Г. сказал мне в беседе, происходившей наедине, в его домашнем кабинете, о том, что со слов Бернштейна ему известно о моей связи с английской контрразведкой.

Поскольку [так! — *Публ.*] в тот момент Н.Г. лично для себя ожидал каких-то серьезных затруднений, он предупредил о том, что в ближайшее время передаст меня для связи по линии английск[ой] контрразведки другому лицу, назвав фамилию Курбаса. В связи с этим, очевидно, он и не говорил со мной ни о каких планах, и наша беседа исчерпывалась информацией о моих к.-р. постановках "Ревизор" и "Наталья Тарпова".

О связях Плесского с границей мне ничего не известно, и о них он мне ничего о них [так! — *Публ.*] не рассказывал.

⁴ *Недоля-Гончаренко* Леонид Васильевич (1897-1963) — литератор, один из организаторов и ответственный секретарь одесского журнала «Юголеф», редактор московского журнала «Крысодав». *ХОРИС* — вероятно, Харьковский отдел профсоюза работников искусств.

⁵ *Юра́ Гнат* Петрович (1887/1888-1966) — украинский актер и режиссер Киевского театра им. Ивана Франко.

⁶ *Семенко* Михайль (Михаил Васильевич, 1892-1937) — выдающийся украинский поэт-футурист, расстрелян.

⁷ *ВУСП* — Всеукраинская спилка письменников, украинская пролетарская литературная организация.

Показания обвиняемого
Терентьева Игоря Герасимовича, из дворян,
бывш. офицера, сына жандармского полковника

Вопрос о к[онтр]революционной работе режиссера Курбаса впервые возник передо мною на генеральной репетиции «Алло», то есть до формальных доказательств его враждебности к советскому строительству; эти доказательства я получил двумя днями позже — сначала от Плеского, а потом от самого Курбаса при свидании с ним лично, о чем я уже говорил подробно в протоколе, относящемся к факту связи Курбаса со мной по линии франц[узской] к[онтр]разведки. Не повторяясь, я хотел бы осветить деятельность Курбаса вообще, так как она слишком во всех подробностях соответствует программе, полученной мной в Константинополе от той же франц[узской] к[онтр]разведки. Хотя программа получена была мною, а Курбас, так сказать, «конгениально» и как бы параллельно мне осуществлял ее на практике, то это дело может представить собой материал также и для моей протокольной записи — обвиняемого. Тем более, что я могу не сомневаться в том, что Курбас, так же, как и я, был связан организационно с франц[узской] к[онтр]разведкой: остается для меня не документальной та часть, которую обычно мы называем подробностями. Вот об этих подробностях практически-производственной и идеологически-пропагандистской деятельности Курбаса я хочу рассказать, поскольку я был в отношении этих подробностей или свидетелем, или соучастником фактически.

В период моей работы над «Луна-Парком» (29-й год — январь—февраль) ко мне в гостиницу пришел как-то вечером художник театра Березиль — Меллер. Пришел он по поручению из Москвы от художника Шифрина¹, который незадолго до этого (осенью того же года) ставил вместе со мной тот же «Луна-Парк» в Москве. Речь шла /зачеркнуто: если не ошибаюсь/ о том, чтобы Бернштейн (директор Харьковск[ой] оперетты) поторопился уплатить Шифрину по договору за макет «Луна-Парка» (постановка харьковская была по соображениям денежным сильно упрощена, но в основе повторяла московскую нашу же постановку). Я обещал посодествовать, хотя работу Шифрина над «Луна-Парком» считал с своей стороны укрывательством халтуры и безделия: Шиф-

рин в период работы со мной над «Луна-Парком» в Москве — одновременно был связан работой над «Заговором Физско» в Харькове (театр «Березиль»), что для художника, режиссера — я утверждаю это — вещь непосильная, если он не имеет предварительно до конца проработанных планов двух разных постановок, а пытается создать эти планы в процессе двух работ. Я не знаю, как сделан «Заговор», но в «Луна-Парке» Шифрин отсутствовал, и за него вся работа была сделана мною. Так поступать мне приходилось всегда (исключение — художник Криммер — выдумавший независимо от меня зеркало, очень правильно вошедшее в мою концепцию постановки «Наталии Тарповой» — роман Сергея Семенова). Остальные художники, с которыми я работал, — Михаил Соколов, Николай Акимов, Филонов и все прочие или разбивали спектакль, или ничего не делали, предоставляя за них работать мне самому, или сумбурничали, путая и себя, и меня. Причина этого двойная: во-первых, совместную работу затрудняло то, что и теоретически, и практически работа художников именно со мной была для них трудной, т[ак] как сам я и понимал, и умел делать ихнее дело по существу лучше их, уступая в ремесленной ловкости, которая была нужна, главн[ым] образом, при осуществлении монтировочных планов, а это дело лучше художников знали старшие плотники (машинисты сцены). Таким образом, в моих работах мастера изобразительного искусства попадали в замкнутый круг неудобств. Единственный практический вывод, к которому я мог придти только в ДРТ², — это принцип общей коллективной профессионализации всех работников театра (в последней неоконченной постановке «ЦО 2»³ я умышленно смешал все профессии — оставляя, разумеется, каждого ответственным и по линии своей обычной профессии в смысле выполнения задания по «своей» части на все 100% — с целью повысить общую техно-идеологическую квалификацию за счет разрушения профессиональных перегородок и внутреннего спецства, что препятствует дальнейшему развитию театральных работников).

Я знал, разговаривая с Меллером, где и как работает театральная техническая к[онтр]революция, которую лично я и в крупной, и в мелочах поддерживал, когда была фактическая возможность в смысле ослабления общественного давления на меня.

Через Меллера я хотел понять внутреннюю механику театра Курбаса. Меллер, чувствуя это, был очень осторожен в ответах, но все же я понял следующее: Курбас не хочет отвечать за работу своих учеников и очень недоволен, что отвечать все же придется; также я понял, что оформительные методы Меллера идут по линии приспособления западных авторитетов к советским требова-

ниям, не меняя основной направленности этих западных форм в смысле политического результата на практике, то есть в зрительном зале. Разговор происходил в присутствии Владимира Самойловича Кашницкого, которого я всегда поддерживал в его советских стремлениях (это мне было нужно как защитная оболочка вокруг моей к[онтр]революционной фигуры) и потому я облек его в форму своих очень мягких и корректных упреков театру «Березиль» по всем пунктам постановки «Алло», имею [так! — *Публ.*] целью испытать, проверить практику этого вредительского, антисоветского и к[онтр]революционного театра (я говорю, конечно, не о коллективе в целом) в отношении теоретической прочности их позиций. Прочностью я остался доволен. К этому выводу привели меня ответы Меллера, тоже очень корректные и мягкие самоизвинения, которыми заканчивался каждый абзац нашего диалога: классическая ссылка на «объективные обстоятельства» каждый раз заканчивала ряд очень тонких, продуманных, неуязвимых с т[очки] зрения буржуазных подходов к делу — речений. Со стороны Соввласти подход иной к вопросам культурной контрреволюции, подход более грубый, который лично я нередко применял с целью определения общей к[онтр]революционной конъюнктуры в стране советов — был, очевидно, еще за пределами нашего политического кругозора. Мы с Меллером спокойно поговорили в присутствии советски настроенного Кашницкого и мирно расстались. Правда, в ту же ночь Кашницким при моем участии была написана статья (о задачах революционной музыки) для журнала «Новая Генерация» — больно хлестнувшая «Березиль», но это было [так! — *Публ.*] тоже только проба атмосферы — так осторожно пробует убийца на собственном горле остроту ножа, предназначенного совсем для другой надобности. Статья была напечатана в не помню каком номере «Новой Генерации» под названием (?) (после постараюсь припомнить)⁴. Познакомившись с Курбасом (что было приблизительно — тремя неделями позднее) и произведя сравнительную характеристику этих двух фигур, я был несколько удивлен, почему именно Курбас, а не Меллер в театре «Березиль» является агентом франц[узской] контрразведки — и что такое в связи с этой ошибкой могло и может произойти, и была ли тут и чья ошибка.

Решить этот вопрос у меня нет данных, но Меллер рядом с Курбасом — более деловой и законченный в своей к[онтр]революционной направленности человек, чем Курбас, которого я мысленно определил как лирический двойник Меллера. Поэтому я разрешу себе, говоря о виденных мною постановках театра «Березиль», подходить к политическому анализу этих спектаклей глав-

н[ым] образом и в первую очередь со стороны внешнего их оформления художником, касаясь при этом методов режиссерской работы и работы актеров во вторую очередь. Музыкальная часть театра «Березиль», на которую напал Владимир Самойлович Кашницкий, — этих нападений не заслуживает по внутренней своей политической незначительности, что выражалось полностью также и в формальном безличии ее (доходящем до простого акустического исчезновения, то есть до полной фактической неслышимости ее среди прочих шумов и звуков сцены и зрительного зала — звуков и шумов самых тихих и незначительных, как скрип кресел, например) — ее я касаться совсем не буду в связи с изложенной характеристикой этой музыки.

Я видел около четырех постановок театра «Березиль»: «Алло» на генер[альной] репетиции (на спектакль не пошел), «Мину Мазайло» — полностью, «Народный Малахий» полностью, больше половины «Диктатуры», которую не досмотрел, т[ак] как спешил на вокзал, отъезжая в Днепропетровск.

Контрреволюционный характер и значение «Алло» состоит в том, что внешняя пышность оформления при подчеркнутой абстрактности его в соединении с содержанием текста — суть которого выражалась в строчке «Харків, Харків — де твое обличчя» — с ответом на этот вопрос — запахом ассенизационного обоза — давала политически совершенно ясную антисоветскую мысль и эмоцию по отношению к Харькову как украинскому центру Советского Союза¹. Толковать и чувствовать эту постановку в невинном смысле критики коммунхозовских бездействий — было бы можно, если бы вся тема постановки, начиная от полузагадочного названия, которое зрителем должно было восприниматься как переключка с весьма отдаленными центрами, — взята была значительно шире местной практической деятельности коммунхоза. Постановочный прием «Алло» есть испытанный и широко распространенный и всем хорошо известный, старый прием — *неограниченных обобщений*, идущий «по традиции» от символизма и приобретающий теперь в руках антисоветских режиссеров возможность конкретно контрреволюционного воздействия на массы.

В случае надобности потом я остановлюсь на деталях оформления, на отдельных моментах режиссерской работы и актерской игре в «Алло» (актерам в этой постановке, впрочем, оставалось или — просто не участвовать или при каком угодно методе игры они все же, оставаясь на сцене, ничего не могли бы в условиях этой постановки делать — кроме контрреволюции).

В такой же мере, как актеры, — бессильны перед постановкой и авторы, но тут в «Алло» авторы, по-видимому, не расходи-

лись с установкой режиссуры: противоречащих постановке хотя бы отдельных фраз (кроме, разумеется, «идеологически выдержанных» в кавычках) заметить мне не удалось. Возможно, что эти фразы были изъяты в процессе репетиций.

О пьесе «Мина Мазайло» я уже говорил, характеризуя эту пьесу в связи с собственной к[онтр]революционной постановкой этой неисправимо антисоветской пьесы, сознательно издевающейся над национальной политикой партии, которая будто только и думает о [том], чтобы мучить граждан своими никому не понятными выдумками: никаких сомнений не может быть в том, что после прочтения или просмотра этой пьесы вопрос о том — зачем нужна украинизация — может только запутаться даже в голове, где этот вопрос до пьесы был более или менее ясен.

Оправдывая свою постановку, я часто пояснял со сцены публике, что пьеса «Мина Мазайло» вопросов украинизации не решает и не ставит их перед собою, что темой пьесы являются, т[ак] сказать, — «разговоры об украинизации», что пьеса есть просто веселый анекдот для смеха.

Но тут перед зрителем возникал основной вопрос — для чего же мы смеемся, смеяться можно, смех вещь необходимая, но лишь тогда, когда закончено дело, когда вопрос ясен и можно посмеяться с целью добить уже побежденного врага, побежденного окончательно. Пьесой «Мина Мазайло» победоносно снималась с повестки дня национальная политика партии: смех в этом случае был преждевременным торжеством по поводу ожидаемого свержения совласти.

Моя постановка представляла собой более прикрытый подход к к[онтр]революционной задаче, что давало мне основания при случае не отказываться от дружеских споров с Курбасом и курбасианцами по вопросу о том, кто из нас «идеологически выдержаннее». В этом тоже была к[онтр]революционная издевка над сов[етской] властью: массовый зритель чувствовал это и не признавал наших спектаклей, терпя их за неимением других.

Постановка «Мины Мазайло» Курбаса построена тем же способом, что и «Алло», т.е. при помощи абстрагирования (и грандиозаривания⁶ — бамбуковые бревна) обычной обстановки (обои, украшения) мещанской квартиры — принуждения зрителя к ничем не ограниченному обобщению, к отрыву от конкретной советской действительности в область к[онтр]революционных химер (например — видения предков).

В дальнейшем для меня стали ясны общие черты режиссерской работы Курбаса-к[онтр]революционера — *взять кусок советской действительности, положить его под стеклянный кол-*

пак голого культурничества и заставить на глазах публики заживо этот кусок разлагаться — без связи с общими задачами строительства социализма и в гнилостном воздухе замкнутой лаборатории ничего иного с этим куском действительности происходить не могло. На этом *конкретном* результате построен профессиональный азарт всех к[онтр]революционных режиссеров, т[ак] как вообще против необходимости лабораторий возражать нельзя, в тайну лабораторий проникнуть трудно, а запретить ученым режиссерам показ своих изобретений широким массам — тоже «к[онтр]революция»! Надеюсь на эту путаницу — нами же, к[онтр]революционными режиссерами, выдуманную и солидарно поддерживаемую по всем линиям нашей антисоветской работы, мы выставляли впереди себя этот танковый отряд идей о лабораторном художеств[енном] труде каждый раз, когда внимание общественности собиралось вокруг практических разрушений на культурн[ом] фронте, производимых нашими постановками под защитой бронированных всеми «тайнами» лабораторий идеями (по существу, бедными и никакими).

Хитрость к[онтр]революционной теории может идти за марксизмом до самых последних пределов, останавливаясь по необходимости только у черты, за которой начинается ответственность за результаты на практике.

Поэтому я */зачеркнуто:* больше/ не буду вспоминать своих статей и выступлений, которыми я стремился к[онтр]революционную практику нашу защитить дальнейшим *усовершенствованием* наших теорий, приближая, почти сливая их с марксизмом, что на практике вело только к большему контрреволюционному охвату жертвы нашего антисоветского театра: массового зрителя. Выступая друг против друга с исправлениями, опровержениями и прочей философией, мы только затягивали срок нашей ответственности за практику, выигрывали время для нагромождения этой вредной практики с целью вызвать общий кризис теарботы.

Конкретизируя антисоветский характер постановки «Народный Малахий», я должен указать, что тут показана «трагедия» советского гражданина, который всю душою хочет помочь большевицкой партии, а партия так же, как и сам этот гражданин, — бессильна что-нибудь путное сделать в каком бы то ни было отношении. Пьеса Кулиша⁷ — пьеса явно и */зачеркнуто:* бесспорно/ грубо к[онтр]революционная пьеса [так! — Публ.], производящая на публику мрачное впечатление заупокойной церковной службы по поводу неизбежности кончины советск[ой] власти.

Говорить о том, что Кулиш будто бы хотел (как в личной беседе со мной мне объяснял Курбас) ограничить смысл этой

пьесы Украиною, не распространяя идею «трагического советского гражданина» на весь Советский союз.

(Я тогда же счел полезным, т[ак] сказать, «обидеться за украинский пролетариат». Курбас понял мое предостережение и стал быстро сужать рамки до пределов Харькова: «Это, если хотите, даже не украинская, а наша харьковская провинциальная трагедия». Сузить по-настоящему значение этой трагедии до пределов руковод[ящей] головки театра «Березиль» помешал Курбасу актер Бучма, одернув Курбаса возгласом дружески мягким и с оттенком влюбленности: «Лесь, ну перестань, довольно...» Это было в «Буд[инке] Блакитного» в конце минувшего [19]30 года. К этой встрече я еще вернусь, когда буду говорить вообще о всех своих встречах с Курбасом).

Думать так, что будто бы пьеса Кулиша («Н[ародный] Мал[ахий]») дискредитирует не советск[ую] власть, а романтика Малахия — ни в коем случае нельзя: в противном случае советская власть не только в реальной действительности, но и в пьесе у Кулиша — нашла бы выход из мещанской трагедии Малахия более правильный, чем — превратить (мысленно) все население союза в овец, мирно и грустно жующих сорную политграмоту, слушая трагическую дудочку своего пастыря Малахия. В таких овец превращает (уже не мысленно, а в действительности) зрительный зал пьеса Кулиша, и это совершенно бесспорно ввиду конкретных результатов, которые и определять и подсчитывать, предугадывать /зачеркнуто: можно/ должно, как всякий иной прорыв революционного фронта. Только наличием к[онтр]революционной организации внутри советского и партийного аппарата можно объяснить подобные так называемые «ошибки». (К сожалению, у меня нет исчерпывающих данных для определения фамилий, участвовавших организовано в этом деле среди партийцев — за исключением Недоли, связь которого с франц[узской] к[онтр-]разведкой мне известна. Недоля для вхождения в театр «СОЗ» заручался авторитетом Хвили — об этом я знаю со слов Недоли, и отсюда делаю косвенный вывод о возможности подозрений в к[онтр]революционной организованной работе и в отношении самого Хвили, принимая во внимание, конечно, и вообще, и философски «безупречный», и мирно-рассудительный характер Хвили — критика и организатора).

Отдельные «смешные места» пьесы тоже не могут служить для оправдания Кулиша, т[ак] как общий характер именно — трагедии от этих «смешных мест» только усиливается в своей мрачности, а дополненная впоследствии «производственной сценой» пьеса только еще более выигрывала в своей к[онтр]революцион-

ности, т[ак] как этой сценой Кулиш лишний раз подчеркнул свою основную мысль о том, насколько «ни при чем» фактически *даже сам пролетариат* (делающий свое рабское дело в подземельных — адских условиях) — к трагедии советской власти. Таким образом, изолированная до ввода этой сцены только от «личной трагедии Малахия» советская власть — после ввода «производственной сцены» оказалась изолированной также от пролетариата, который Малахию посочувствовал, пожалел его и снабдил только все той же овечьей травкой политграмоты — нисколько не стремясь и очевидно не думая о коренной переделке этого будто бы «сумасшедшего» чудака Малахия. Также для всех должно быть ясно, что и в формальном отношении абсолютно позорная сцена «сумасшедшего дома» («Сабурова дача») есть не что иное, как ГПУ, где (это ни для кого не новость) сходятся все пути к[онтр]революционеров.

Я не имею никакой нужды искать мелких формальных улик (придилок), чтобы доказывать правильность мысли о том, что упомянутая сцена скрывает под собой именно этот подарок зрители [так! — *Публ.*] из-под полы больничного халата. Суть в том, что ГПУ на сцене называть никто не позволит, а Кулишу с Курбасом без [э*]того показа в «Нар[одном] Малахии» обойтись никак нельзя — без этой сцены пьеса теряет всякое [так! — *Публ.*] к[онтр]революционную серьезность. Будь то 30-й год (отсюда включение в репертуар старой кулишевск[ой] пьесы «97») и ликвидация кулака как класса в центре общественного внимания — тогда другое дело — тогда нужно ожидать попыток желания увязывать к[онтр]революционную тематику не с ГПУ, а с Красной армией — с красноармейцами-селянами.

Пытаемый в ГПУ Народный Малахий есть тот «классически» необходимый в каждой трагедии момент «очищения страстей» («катарсис»), который прямо осуществить нельзя было по цензурны[м] обстоятельствам, а в обход сделать это было сделать [так! — *Публ.*] необходимо.

Это метод политической контрабанды.

Правильно (с к[онтр]революц[ионной] т[очки] зрения) было бы показать, как Малахий был замучен и умерщвлен в *сумасшедшем доме* (терминология Пуанкаре), но и тут цензура, во-первых, помешала: ведь и сумасшедш[ий] дом — то[же] советское учреждение, и такая «мелкая придирка» к советскому сумасшедшему дому для «культурного», т[о] есть ловко обобщающего театра была и недоступна, и не к месту: Малахий из ГПУ (сумасш[едший] дом) бежит при помощи горничной Лизы из грибодовского «Горе от ума».

Мои рассуждения специалиста могут быть необедительными для неспециалистов, но практически грубый явно контрреволюционный результат этой (вне моей трактовки) «просто бессмысленной» сцены — налицо: ее никто не понял и всем глубоко взгрустнулось, а к[онтр]революция получила возможность еще раз выиграть время, что в борьбе — решает вопрос на практике.

Мои встречи с Курбасом (характеристику «Диктатуры» опускаю, т[ак] как в основном тут те же методы к[онтр]революционной контрабанды, осуществляемой при помощи метода неограниченных обобщений, что для крепости называется «большим искусством» в отличие от малого, агиточного искусства. При случае я могу остановиться подробно и на «Диктатуре», которая, продолжая идейную линию «Малахия», представляет собой прославление кулачества в его гуманно-человеческой сущности. Микитенко тут неповинен, хотя в этой пьесе очень много ошибок, что при постановке можно или убрать, или усилить. Пьесой «Диктатура» у Курбаса должен был начаться период вращающегося к[онтр]революционного театра в ВУСП. Думаю, что этому периоду будет положен конец — скоро).

— мои встречи с Курбасом происходили (хронологически) так:

1. Двоим у него на квартире (тема разговора — связь с фр[анцузской] контрразведкой — об этом подробно я уже говорил) — в начале [19]29 г.

2. В присутствии Юры Гната, Семенко, Шременко, Горева и многих других при выходе из Наркомосва после всеукр[аинского] совещания по театральным делам (фраза Курбаса: «Пишите мне, я очень интересуюсь вашей работой»).

На одесском вокзале (случайно: я встречал свою дочь, а Курбас ехал в Харьков) в присутствии неизвестной мне театральной молодежи (я сказал, что постановку «Чудака» делаю с целью закрыть МХАТ II^а, а Курбас поделился со мной мыслями о своей работе над «Диктатурой»: «Выжимаю все из этой плохой пьесы, что можно из нее выжать») — в начале 30-го года.

4. В «Буди[н]ке Блакитного» — в присутствии Горева, писателя Топчия (ВУСП), актера Бучмы и многих приходивших и уходивших (тема была — «исповедь» Курбаса о том, что его совсем не понимают, что он понимает, что так надо, но все же «есть же разница между культпропом и искусством»). Речь была путаная в связи, отчасти, с водкой, которую мы пили).

Подробности всех этих встреч и разговоров (не исключая и последней встречи) я в случае надобности могу восстановить в своей памяти совершенно точно.

Общий характер этих встреч и бесед определялся:

1. Сознанием Курбаса возрастающей своей как режиссера беспомощности в борьбе с пролетарской культурой («Меня убили студенты на диспуте о "Диктатуре"», — фраза, сказанная на последнем нашем свидании — с видом невинно пострадавшей /зачеркнуто: жертвы/ ученого).

2. Переходом фактической и непосредственной организованной к[онтр]революционной инициативы в руки других людей, в связи с чем желание Курбаса поддерживать связь со мною и боязнь этой связи.

3. Общая подавленность его настроения с глубоко затаенной надеждой на внешние силы, силы к[онтр]революции, которые выведут всех нас и его на твердый путь как профессиональный, так и политический, в буржуазном смысле и в масштабе мировом, а не «провинциально харьковском».

Иг. Терентьев
Допросил

Ст. Упол. ПК. Б.Гринер.

11/II-31 г.

¹ Художник Ниссон Абрамович *Шифрин* (1892-1961).

² Днепропетровский государственный рабочий театр.

³ Постановка спектакля «СО₂» не была завершена в связи с арестом Терентьева.

⁴ См.: Кашницкий В. Дійшли до музики // Нова Генерація. 1929. №2. Ср. также его статью «Умная музыка» (Новый ЛЕФ. 1928. №10; перепеч. — СС. С.460-462).

⁵ До 1934 Харьков был столицей Украинской ССР.

⁶ Слово, отсылающее к футуристической книге самого Терентьева «А.Крученых грандиозарь» (Тифлис, 1919; факсимильно воспроизведена — СС. С.215-232).

⁷ *Кулиш* Микола (Николай Гуриевич, 1892-1942) — украинский драматург, член партии с 1919. В его пьесах «Народный Малахий» и «Мина Мазайло», как следует из справки «Советского энциклопедического словаря», «проявились бурж.-националистич. тенденции».

⁸ О враждебном отношении Терентьева к МХАТ и всем его студиям см. в его статье «Антихудожественный театр». «Чудак» — пьеса А.Афиногенова, поставленная во МХАТе 2-м в 1929.

Показания обвиняемого
Терентьева Игоря Герасимовича, из дворян,
б. офицера, сына жандармского полковника¹

3 марта 1931 года

На путь к.-р. работы меня толкнуло воспитание, полученное мною в семье начальника многих (в разное время) жандармских Управлений б[ывшей] Российской Империи. Воспитанный в любви к царю и отечеству, я до конца не мог примириться с Советской Властью и вступил на путь активной борьбы с нею ради реставрации монархического строя².

Начало моей к.-р. деятельности относится ко времени моего пребывания в Константинополе в 1922 году, где я организационно, через брата Владимира — видного врангелевского контрразведчика — связался с французской к[онтр]разведкой. Вербовка состоялась на квартире, куда меня привел мой брат (в Константинополе) и где я встретил поляка во французской военной форме³. Я был подготовлен братом к этой встрече, я знал от брата, что подробные инструкции о предстоящей моей к[онтр]революционной работе я получу после упомянутого свидания с поляком во французской военной форме, то есть получу их от брата. Свидание состояло из нескольких фраз о том, подтверждаю ли я то, что обо мне говорил мой брат Владимир Герасимович в отношении работы по заданиям франц[узской] контрразведки и готов ли я взять на себя обязательства, которые будут следовать в случае моего подтверждения: я подтвердил как то, так и другое. После этих моих подтверждений поляк во франц[узской] военной форме указал мне на то, что более точный инструктаж я получу через брата Владимира в развитие моих с ним предварительных разговоров, сущность которых я подтвердил. На этом свидание мое с поляком во французской военной форме закончилось. Инструкция, полученная мною от брата Владимира, предусматривала постепенное развитие моей контрреволюционной работы по возвращении на территорию Советского Союза, где я должен был в основном заняться вредительской работой по линии театрального советского строительства, следуя при этом указаниям лиц, которые будут встречаться на моем пути для связи с франц[узской] контрразведкой. В качестве первого лица для связи брат Владимир назвал мне Севастьянова, который должен был встретить меня в Тифлисе. По возвращении в Тифлис я искал встречи с Севастьяновым, пользуя [так! — Публ.] для этого ближайшие возможности, а именно

сенсационную форму своих публичных выступлений по вопросам театра я избрал как средство для оповещения Севастьянова о своем пребывании в Тифлисе, а также этим я указывал ему путь к нашей встрече. Встреча с Севастьяновым произошла в начале 1923 года в кабачке б[ывшего] князя Могабели, где я служил в качестве конферансье, о чем в городе было широко известно среди буржуазной публики. Я стоял на эстраде, и ко мне как к конферансье с различными вопросами обращались многие из публики. Среди многих выделился один, который позвал меня подойти к его столику выпить. При этом он сказал, что мы «немножко знакомы». Пробираясь среди пьяной и галдящей публики, мы подошли к столику поодаль от эстрады, и там Севастьянов назвал мне себя в ответ на мое упоминание о брате Владимире, о поляке во французск[ой] военной форме, что с моей стороны было вызвано первым вопросом Севастьянова о моем брате Владимире вообще. Закончил я свой очень короткий рассказ о Константинополе указанием на то, что брат Владимир сказал мне перед отъездом моим в Тифлис, что тут, в Тифлисе, меня встретит он — Севастьянов — для связи. Севастьянов подтвердил, что он действительно является агентом франц[узской] контрразведки для связи со мною. Севастьянов предложил мне для начала моей контрреволюционной деятельности устроить меня на службу в качестве секретаря в бакинское отделение Внешторга. Сам Севастьянов служил секретарем /зачеркнуто: же/ Внешторга в Тифлисе. Мы условились для оформления этого дела, то есть моего поступления на службу в бакинское отделение Внешторга, встретиться на следующий день в Каввнешторге, где служил секретарем Севастьянов и где в те дни должен был находиться приехавший из Баку завед[ующий] бакинским отделением. На этом первая моя встреча с Севастьяновым закончилась. В Каввнешторг я пришел утром, как было условлено у меня с Севастьяновым, познакомился при посредстве Севастьянова с завед[ующим] бакинским отделением Внешторга, с которым и договорился о поступлении на службу в Баку секретарем Внешторга в том смысле, что немедленно по получении телеграммы выеду из Тифлиса в Баку на службу. Закончив на этом разговор со мною, завед[ующий] бакинским отделением Внешторга попрощался со мною и вышел, оставив меня одного на верхней площадке лестницы, где происходила и закончилась без свидетелей наша деловая беседа. Ко мне подошел Севастьянов через 2-3 минуты после ухода завед[ующего] бакинским отделением, и тут произошла наша вторая и в Тифлисе последняя встреча с Севастьяновым, имевшая своим содержанием непосредственное руководство мною со стороны Севастьянова по линии франц[уз-

ской] контрразведки. Севастьянов тут указал мне, что для начала моей контрреволюционной деятельности, которая в основном должна будет развиваться в области советского искусства и главн[ым] образом — театра, мне предстоит контрреволюционная работа во Внешторге, где я смогу как юрист и литератор тормозить работу Внешторга канцелярской волокитой. Севастьянов тут же пообещал мне, что успешное проведение вредительской работы моей в Баку даст ему, Севастьянову, основание для того, чтобы перевести меня из провинции в Москву, где я и начну свою основную контрреволюционную деятельность в области советского театра, так как для этого, то есть для контрреволюционной работы в этой театральной области, — нужны мои личные связи и более или менее широкая известность моя в советских кругах⁴.

В Баку на службу я выехал по условленной в беседе с завед[ующим] бак[инским] отд[елением] Внешторга телеграмме и, не повидавшись с Севастьяновым, выехал в Баку, где и начал работать в качестве секретаря, проводя вредительскую работу по указаниям, полученным в Тифлисе от Севастьянова. К концу полуторамесячного своего пребывания в бакинском отделении я получил от Севастьянова из Тифлиса одно за другим почти вслед два письма. В первом Севастьянов благоприятно отзывался о моей секретарской работе, а во втором письме он указывал, что имеются возможности на перевод его, Севастьянова, в Москву, и в связи с этим и для меня является надежда перебраться в Москву в новый организуемый там наркомат. Во втором письме был указан адрес одного из советских торговых учреждений в Москве, где я мог узнать адрес Севастьянова. Вскоре после получения второго письма от Севастьянова я был уволен из бакинского отделения Внешторга как не соответствующий обязанностям секретаря Внешторга. Перед отъездом в Москву я около месяца пробыл в Баку и на 2 дня заезжал в Тифлис по личным делам. В Москву я выехал летом 1923 года и остановился на квартире своего давнишнего по университетским годам приятеля — художника Рыбникова, проживавшего близ [так! — Публ.] Третьяковской галереи⁵. Севастьянова я разыскал вышеизложенным способом (справился о его адресе в учреждении, указанном для этой цели самим Севастьяновым) на квартире (в переулке по бульвару близ храма Христа Спасителя), где он временно проживал у своего друга, что мне стало известно из первых слов Севастьянова в эту нашу встречу с ним. Здесь Севастьянов указал мне, во-первых, что он должен выехать из Москвы, во-вторых, чтобы я начал закомиться (с целью в дальнейшем использовать их для создания московской к[онтр]революционной организации) с различными деятелями

искусства и, в-третьих, что он мне напишет письмо с указанием фамилии лица для очередной моей связи с франц[узской] контрразведкой. По пункту второму я проделал предварительную работу, то есть познакомился со многими работниками искусства, пользуясь для этого своей давнишней дружбой с поэтом-футуристом Крученых⁶, не говоря ему о моих контрреволюционных целях, а также поэтессой Наталией Бенар, с которой я познакомился летом 1923 года в Москве и сошелся с нею как с любовницей. Бенар я сказал о своих намерениях создать антисоветскую организацию из работников искусства, предлагал ей помогать мне в этом, знакомя меня со своими многочисленными друзьями из литературного круга. В ответ на мои подробные рассказы о Константинополе, о том, что я сын жандармского полковника (этими рассказами я хотел вызвать в Бенар доверие ко мне как к организатору), Бенар ответила мне, что в организацию такого рода она мало верит, но знакомить меня со своими друзьями согласна, причем дает мне обещание никому никогда не говорить о том, что ей известно о моих контрреволюционных намерениях. Из всех знакомств среди работников искусства, приобретенных мною, — особенно ценным я считал свое знакомство с начинающим литератором, партийцем, работником ГПУ, Леонидом Владимировичем Недолей-Гончаренко, с которым мое знакомство произошло на квартире Брика, где жил Маяковский и где ежедневно собирались сотрудники журнала «Леф». С Недолей я близко сошелся как друг его, стал жить с ним в одной комнате (по Банковскому пер. в общежитии работников ГПУ). Дружбу с Недолей я использовал для укрепления доверия ко мне как будто бы советскому работнику со стороны всех людей, соприкасающихся со мною, я дезорганизовал работу сатирического журнала войск ГПУ Московского округа, вводя в /зачеркнуто: состав сотрудников/ работу этого журнала разноразличных направлений и защищая перед Недолей литературн[ый] материал явно низкого качества⁷. Создать контрреволюционную организацию в Москве мне не удалось. Письмо, которое я получил от Севастьянова, указывало мне для связи с франц[узской] контрразведкой фамилию князя Андроникова, которого в Москве я не нашел⁸. В течение двух последних месяцев я вел переписку с Марией Евгеньевной Пресняковой (моя теща), которая жила в Ленинграде и приглашала меня переехать из Москвы в Ленинград, чтобы поселиться у нее. Надеюсь, что в Ленинграде, в стороне от столицы, почва для создания контрреволюционной организации в области искусства более соответствующая — я осенью 1923 года поехал из Москвы в Ленинград и поселился у тещи (Пресняковой) по Фонтанке, по Кирпич-

ному пер. [в*] конце Садовой улицы⁹. В первые дни моего пребывания у тещи я получил письмо от брата Владимира, в котором он указывал мне для связи с франц[узской] контрразведкой фамилию Евреинова¹⁰. Евреинова я нашел на его квартире по Саперному переулку. Свидания с Евреиновым происходили несколько раз на этой же квартире и последний раз у Казанского Собора. Указания, которые я получил от Евреинова, состояли в том, чтобы я поближе сошелся с ленинградскими представителями крайне «левых» течений в искусстве — для создания ленинградской контрреволюционной организации в области театра. Я познакомился тогда с художником Татлиным, Матюшиным, Филоновым, наибольший авторитет среди них имел художник Малевич, с которым я и сошелся ближе, чем с другими. Не оставляя и не скрывая перед другими своей близости с Малевичем, я пытался так же близко, как с Малевичем, сойтись и со всеми остальными. Добившись доверия у последних и войдя с Малевичем в полный контакт по вопросу о контрреволюционной организации, которая должна была охватить все искусство, я узнал, что таковая организация уже существует и главою этой организации является Малевич. Под прикрытием внешних распрей и советской фразеологии происходили собрания этой организации на квартире Малевича. Задачи, поставленные организацией перед собою, состояли [в*] следующим: 1) дезорганизации работы Академии художеств 2) борьба с художественными объединениями, имеющими массовый успех 3) дезорганизация массовой клубной работы 4) [в оригинале — 3] дискредитация отдельных крупных советских работников в области искусства. Основным методом этой контрреволюционной работы был крайний формалистический подход ко всякому вопросу и ко всякой работе. Лично моя контрреволюционная работа выразилась в ряде постановок, где я на советском материале, извращая его, проводил контрреволюционную работу: в Академии художеств — юбилейная инсценировка, сделанная мною по моей книге «Трактат о сплошном неприличии»¹¹, в Ленинградском Агиттеатре «Снегурочка», повторенная мною в клубном кружке фабрики им. Халтурина, в Ленинградском театре Дома Печати постановки — «Фокстрот», «Узелок», извращенная редакция «Джона Рида», «Ревизор» и «Наталья Гарпова». Во всех этих постановках я проводил антисоветскую идеологию, прикрываясь советским материалом и псевдосоветской фразой, жонглируя двусмысленностью ее. После первых моих антисоветских работ я встретился с Евреиновым (с которым я не терял связи все время, встречаясь с ним в разных местах, отчитываясь перед ним в своей работе в составе вышеуказанной контрреволюционной организа-

ции) на углу Казанского Собора. Тут Евреинов указал мне для связи по линии франц[узской] контрразведки Малевича, а про себя сказал, что он едет за границу¹². Таким образом, в лице художника Малевича я нашел связь с франц[узской] контрразведкой. В одно из первых свиданий с Евреиновым я говорил ему о ненайденном мною князе Андроникове. На это Евреинов мне ответил, что — вопрос улажен. Я не расспрашивал. Задание, полученное мною от художника Малевича по линии франц[узской] контрразведки, состояли [так! —Публ.] в том, чтобы я, завоевав себе авторитет советского режиссера в Ленинграде и в Москве, переехал бы на Украину для продолжения контрреволюционной вредительской работы в области театра и для создания театрального контрреволюционного объединения из украинских и русских работников. Перед отъездом моим из Ленинграда в Москву (весною [19]28 года) Малевича увидеть мне не удалось. Я ему писал из Москвы о моих намерениях ехать на Украину, так как все возможное для выполнения программы (гастроли Ленинградского Театра Дома Печати с постановками «Ревизора», «Тарповой» и извращенной редакцией «Джона Рида» — в Москве, в помещении театра им. Мейерхольда, а также антисоветская постановка оперетты «Луна-Парк», сделанная мною уже в Москве) мною уже сделано. Ответ Малевича я получил только в Харькове, куда я приехал в начале 29-го года возобновить в харьковской русской оперетте свою московскую постановку «Луна-Парка». В своем письме Малевич указывал мне фамилию режиссера Курбаса для связи по линии франц[узской] контрразведки. С Курбасом моя встреча произошла вскоре после премьеры оперетты «Луна-Парк», на квартире Курбаса. В комнате, кроме нас, никого не было. Задание, полученное мною от Курбаса, состояло в том, чтобы я продолжал на Украине работу с теми же антисоветскими результатами, пользуясь дополнительно к методам, выработанным в Ленинградской театральной антисоветской организации, еще также и национальным моментом, извращая, путая политику партии в этом вопросе. Практически я должен был или работать вместе с Курбасом в театре «Березиль», или, в случае если это по тем или иным причинам окажется невозможным, — заняться однократными постановками в разных, поджидая случая, когда возникнет возможность организовать новый украинский театр — самостоятельно, то есть будучи в нем постоянным руководителем. По вопросу о создании на Украине театральной антисоветской организации Курбас ответил уклончиво, указав, что имеются некоторые возможности и некоторые люди, которых нужно проверить. В соответствии с указаниями Курбаса мною на Украине осуществлено:

на Донбассе постановка «Мина Мазайло», сделанная с целью дискредитации политики партии в национальном вопросе, там же на Донбассе завербованы мною в антисоветскую театральную организацию писатель Топчий, юристконсульт Вайль, журналист Марченко (Сталино-Макеевка. Весна 1929 года), в Павлограде летом [19]29 года сорвана массовая работа в красноармейских лагерях, вызвано болезненное заострение шовинизма как русского, так и украинского почти насильственным вторжением руководимого мною театра СОЗ в лагеря (в село Береберовку), которые обслуживались русским театральным коллективом, в Херсоне — постановка — возобновление «Ревизора» (под названием «Инкогнито») и «Мина Мазайло» с целью в провинциальных условиях добиться этими антисоветскими спектаклями еще большего разрушительного результата, чем это было в Ленинграде и в Москве, в Одессе постановка «Чудака», сделанного с установкой на отрицание метода социалистического соревнования, в Виннице — повторение херсонской антисоветской работы с добавлением одесской постановки «Чудака», в Днепропетровске постановка «Выстрела», являвшегося развитием контрреволюционных идей «Чудака». Встречаясь в течен[ие] всего этого периода моей контрреволюционной работы с Курбасом один раз в Одессе и несколько раз в Харькове, я ставил его в известность обо всем. Также я говорил ему о своих попытках вербовать людей для создания театральной антисоветской организации, которые не удались. Театр «ДРТ», организованный мною после провала «Выстрела» — в условиях отсутствия точных контрреволюционных установок и неосуществленной организации контрреволюционных сил гор. Днепропетровска — оценить я затрудняюсь.

Дополнительно ко всему протоколу должен указать, что во всех моих театральных контрреволюционных работах принимал участие, помогая мне, композитор Владимир Самойлович Кашницкий, который знал про мои контрреволюционные замыслы из моих слов, а я от него в [19]30 году в Херсоне узнал от него [так! — Публ.] о том, что он служил в годы гражданской войны в Херсоне телефонистом во французской контрразведке¹³.

Иг. Терентьев.

4/III-31 г.

Допросил Ст. Уп. ПК Б.Гринер.

¹ Данный документ написан собственноручно Терентьевым и является развитием и приведением в окончательную форму материалов предыдущего допроса от 24-26 февраля, который начинается словами: «Все показания, данные мною ранее, частично не отвечают действительности и факты, мне известные, частично скрыты. Все это сделано мною с целью

спасти друзей, о к.-р. деятельности которых я знал, и ввести в заблуждение органы ГПУ дачей ложных показаний, чем я хотел дать возможность друзьям продолжать свою к.-р. работу.

В этом я признаю себя виновным, приношу чистосердечное раскаяние и обещаю с настоящего протокола показывать только правду». Существенные расхождения между настоящим документом и протоколом от 24-26 февраля (частично опубликованным: *МП. С.38-39*) фиксируются в примечаниях.

² Это «признание» Терентьева, в другой формулировке прозвучавшее в начале показаний от 27 января 1931, можно было бы воспринять как явный самооговор, если не принимать во внимание действительно контрреволюционных и, вероятно, монархических его убеждений в молодые годы. См. в его письме к М.М.Карповичу от 31 октября 1917: «Последнее событие в политике — выступление большевиков в Петрограде и Москве /.../ Оригинальной же точки зрения на эти события не имею, придерживаясь взглядов "контрреволюционных", что также признак кастовый. Наташа — ярая монархистка и, д. быть, дочку воспитает в этих же взглядах. Дружбу мы ведем только с Кранцами, которые тоже почти монархисты» (*МП. С.22*).

³ См. в протоколе допроса от 24-26 февраля: «В 1922 году в Константинополе, во время моего пребывания там, брат, после длительных бесед со мною, связал меня через лейтенанта (чина точно не знаю) французской армии с французской контрразведкой. Это происходило на частной квартире в Константинополе (против театра рус[ского] балета), куда я пошел вместе со своим братом. В комнате, куда я попал, находились я, брат и лейтенант. /.../ Лейтенант /.../ добавил: "С настоящего момента забудьте о том, что Вы агент французской контрразведки, и помните, что Вы советский человек". Беседа с лейтенантом закончилась на том, что он упомянул о деньгах, которые я получу у брата для возвращения в СССР. Суммы он не указывал».

⁴ В протоколе допроса эти же события изложены таким образом: «Период между получением мною задания от брата и моим возвращением в СССР определяется в один месяц. В СССР я вернулся в начале 1923 года, непосредственно в г.Тифлис, куда я попал из Батума. В Батум я прибыл на пароходе и пробыл там около 2-х дней. /.../ Карьера конферансье меня не удовлетворяла, и это было ясно для Севастьянова с моих же слов. Он предложил устроить меня в Бакинское отделение Внешторга, для чего я должен был зайти в Тифлисе (Головинский пр. близ [так! — *Публ.*] Верийского подъема) в Каввнешторг к Луи, кот[орый] меня и определит на работу. Севастьянов работал там же в качестве секретаря одного из отделов. Встреча с Луи состоялась после представления меня последнему Севастьяновым, и я поступил на работу в Бакинское отделение в качестве секретаря общего отдела. /.../ Севастьянов говорил о том, что в будущей своей работе в Бакинском отделении я должен проявлять максимум высшей советскости для того, чтобы по сути дел[а], т.е. практически, создавать *тормоз* в работе Внешторга путем внесения умышленной

путаницы в переписку между Внешторгом и др[угими] учреждениями. Касаясь моей общей к.р. деятельности, Севастьянов предложил мне оставшиеся дни до отъезда в Баку использовать для собирания сведений шпионского характера. Тут же мне он указал, что к.-р. работа в области искусства представляет для франц[узской] контрразведки [ценность] только в том случае, если я займу видное и авторитетное положение среди театр[альных] работников. Моя же работа конферансье, по его мнению, не представляла никакой к.-р. ценности. В осуществление поставленных передо мною заданий Севастьяновым я связался с крупье одного из казино Тифлиса, б. белогвардейцем, пьяницей по имени Жорж (фамилии не помню) и просил его, в результате нескольких бесед с ним «обработочного» порядка, за крупное вознаграждение добыть и передать мне данные о численности и расположении войск в Тифлисе. Жорж выполнил это и передал мне сведения о расположении частей. Произошло это в помещении кафэ, недалеко от Эриванской площади. Денег я ему никаких не дал, но обещал это сделать в будущем. Сведения, кот[орые] им были сообщены, я зарисовал у себя на бумажке условными знаками, кот[орые] могли быть понятны мне одному. Севастьянову этих сведений я не успел передать, так как встреча наша не состоялась, и я уехал в Баку».

Согласно письму от 18 сентября 1922 к М.Е.Пресняковой, Терентьев сам начал искать для себя службу: «Продолжать ту работу, которая за последние 5 лет сделала для меня (и для Наташи) центром внимания. — в Тифлисе нельзя. Я намерен служить. Это возможно» (МП. С.32). От упорно приписывавшейся ему следствием шпионской деятельности Терентьев отрекался не только в собственноручных показаниях, но и в специальном заявлении от 12 июня: «Несмотря на полученное мною от брата Владимира задание о военном шпионаже, — фактически я этой работы ни в какой мере не проводил по приезду в ССР. Причины были следующие: среди военных — знакомств у меня не было никаких; для приобретения таких знакомств с военными, которые (знакомства) могли бы быть использованы с целью шпионажа, требуется продолжительное время, что при моих частых переездах с места на место было невозможно. Кроме того, в военном деле почти ничего не знаю, т[ак] как работа в отделении жел[езно]дорожных войск по своему содержанию была инженерно-технического и общеорганизационного содержания без всякой военной специфики. На строевых должностях я не был».

⁵ См. в протоколе допроса от 24-26 февраля: «В Москву я приехал летом 1923 года и остановился у своего старого друга Рыбникова Алексея Александровича, по профессии художника, служившего в то время в Третьяковской галерее в качестве реставратора».

⁶ Знакомство Терентьева с футуристом-заумником А.Е.Крученых произошло в Тифлисе, очевидно, в 1918. В том же году Терентьев вместе с Крученых и И.Зданевичем начал выступать с докладами и чтением стихов под маркой футуристической «Компании 41°». Один из первых его докладов был озаглавлен «А.Крученых — грандиозарь» (в 1919 была издана книга с тем же названием). Крученых в 1918 издал книгу «Ожирение роз», где анализировалось поэтическое творчество Терентьева. Во время

описываемого здесь пребывания в Москве Терентьев при содействии Крученых стал активно сотрудничать в журнале «ЛЕФ». Крученых в своих «продукциях» использовал материалы Терентьева. Позднее, во время работы Терентьева в Ленинграде, они переписывались (см. письма в СС), задумывали совместные проекты. В конце 1920-х Крученых издал ряд книг с рисунками Терентьева. После освобождения из лагеря Терентьев часто бывал у Крученых в Москве. Крученых сохранил некоторые материалы Терентьева, которые после войны передал Н.М.Терентьевой.

⁷ Имеется в виду журнал «Крысодав». В протоколе допроса о деятельности Терентьева в Москве рассказано так: «В этот период времени я проводил следующую конкретную к.-р. работу в журналах "Леф" и "Крысодав" — я поместил ряд стихов и заметок с прикрытой советскими лозунгами антисоветской идеологией (Май—тай—дай — в журнале "Леф"; о грузинской поэзии — в "Лефе", в "Крысодаве" ряд агиток). — В результате моей к.-р. линии в журнале, "Крысодав" был закрыт. Этому способствовало то, что я, будучи секретарем этого журнала, помог помещению идеологически невыдержанного материала».

⁸ См. в протоколе допроса другое изложение событий: «Спустя два месяца после моего разговора с ним я получил письмо по почте от Севастьянова из Херсона, в кот[ором] он писал мне, согласно н[ашему] условию, "привет /зачеркнуто: от/ Андронику", что должно было означать фамилию для связи. Андроникова я знал по Тифлису — он выходец из княжеской семьи, б[ывший] белогвардейский офицер, в Москве он работал в кабаре "Не рыдай" в качестве конферансье. В то время его адреса я не знал, разыскивал его, не мог найти и потому не связался. В тот период я познакомился через одну женщину, известной [так! — Публ.] в то время в литературной богеме под кличкой "Мамка", с Бенар Натальей Владимировной — московской поэтессой. Она жила на квартире у журналиста Перелешина. /.../ Примкнуть к организации Бенар отказалась, однако согласилась знакомить меня с людьми, которых я ей буду указывать. Помощь, кот[орую] я надеялся получить от Бенар, я в полной мере не получал. Об этом я ей давал понять переменами в моем личном отношении к ней и в результате мы с ней расстались. Она успела фактически ввести меня в соответствующий моим к.-р. намерениям, но недостаточный для создания организации круг лиц».

В одном из собственноручных показаний Терентьева (22 мая) содержится такая характеристика Андроникова: «Об Андроникове, которого в Москве в [19]23 году Севастьянов назвал мне для связи с английской контрразведкой, я знал следующее: 1) зовут его Ясз 2) его сестра, жена поэта Сергея Рафаловича, — в Париже 3) в первые месяцы после советизации Грузии Ясз был арестован орг[анами] ГПУ ([19]21 год) в Тифлисе — по какому делу, мне неизвестно 4) был ли Андроников в белой армии, не знаю 5) в Тифлисе одно время ходили слухи о том, что Андроников пойман где-то с грузинским повстанческим отрядом. К какому /зачеркнуто: точно/ времени следует отнести эти "слухи", я определить затрудняюсь. Личных отношений с Андрониковым у меня не было. Встречался я с ним два раза: один раз в редакции журнала, редактировавшегося

Рафаловичем — там присутствие Андроникова объяснялось тем, что он брат жены редактора. Мне помнится, что в этот раз я с Андрониковым и не был познакомлен (это было году [в] [19]19-[19]20-м). Вторая встреча и знакомство произошли на квартире Зеленского. Жена Зеленского (сам он тифлисский присяжн[ый] поверенный — впоследств[вии] служил в советских торговых учреждениях) приходилась (ее фамилия Челопаева) какой-то родственницей Андроникову. Там Андроников был с родственным визитом по случаю выхода из ДОПР'а (арест, упомянутый мною выше). Эта вторая встреча была немногим продолжительнее первой. Больше Андроникова я не встречал. В 23-м году в Москве Севастьянов мне сказал, что Андроников сам найдет меня. Причина несостоявшейся встречи мне неизвестна. В Тифлисе Андроников сначала ходил в военной форме, потом стал работать в театре "Сатирачит" — кажется, на положении конферансье. Вообще, о князе Андроникове, по-моему, должен знать актер Федор Курихин».

В этих показаниях упоминаются поэт Сергей Львович Рафалович (1875-1943), знаменитая петербургская красавица Саломея Николаевна Андроникова (Гальперн, 1889-1982), Константин Данилович Зеленский (1876-1949) и его жена Мелитта Тадиевна Чолокашвили (1895-1985). Все они оказались впоследствии в эмиграции (причем жена Зеленского стала женой С.Рафаловича). См. о них в примечаниях к СС. С.516-518.

⁹ См. в письме К.М.Зданевича к И.М.Зданевичу: «...как жить в Москве или Питере? Игорь живет на иждивении тещи в Петрограде, а вообще братии худож[ественной] приходится там туго» (Минувшее. Вып.5. Указ. изд. С.135). Адрес Терентьева в это время: Фонтанка, д.165, кв.9.

¹⁰ Специально об отношениях с режиссером и драматургом Н.Н.Евреиновым Терентьев писал в дополнительных показаниях 22 мая: «В моих первоначальных показаниях среди многих неточностей имелось упоминание о режиссере Евреинове как лице, бывшем связанным со мною по линии английск[ой] к[онтр]разведки. Эта фактическая и логическая неувязка была мною исправлена. Тогда же я (помнится) отметил, что переписки между Пресняковой и братом моим не было (насколько мне известно), а была переписка Пресняковой с Карповичем, ее сыном (братом моей жены и другом моего брата), жившим с 15-го—16-го года в Америке (Нью-Йорк).

Брат иногда приезжал в Нью-Йорк, и тогда делал приписки к письмам Карповича. Характер всей этой переписки, по-видимому, был только семейного характера: Преснякова иногда (почти всегда) читала вслух эти письма «от Миши», а я, живя у Пресняковой, их слушал.

Лично я не написал за границу ни одного письма. Так я помню — такова была линия моего поведения в отношении переписки вообще и особенно заграничной».

С Н.Н.Евреиновым Терентьев был знаком еще по Тифлису и имел ряд планов на сотрудничество (подробнее см.: МП. С.24-27). Говоря о сознательном отказе от переписки с заграницей, Терентьев явно скрывает от следствия, что писал М.М.Карповичу и брату в США как минимум до 1925, а также И.М.Зданевичу в Париж.

¹¹ 21 ноября 1923 Терентьев писал И.М.Зданевичу: «Без моего ведома ученики Академии художеств (коллектив РКСМ) сочинили пьесу из цитат "Трактата о сплошном неприличии". Эту самую пьесу я и поставил» (СС. С.399). «Трактат о сплошном неприличии» — важнейшая теоретическая работа Терентьева (Тифлис, 1920; перепеч.: СС. С.267-282). По мнению Г.Л.Никольской, этот трактат претендует на роль «библии» футуристов-заумников (СС. С.483).

¹² В протоколе допроса от 24-26 февраля следователь записывал также: «В последнюю встречу Евреинов мне сказал (осенью 1924 г.) о том, что он уедет за границу, откуда больше не возвратится. Мне же для связи по линии француз[ской] контрразв[едки] указал композитора Владимира Самойловича Кашницкого. В то же время со мною в Ленинградском Губполитпросвете вели со мною [так! — Публ.] переговоры о привлечении меня в качестве одного из режиссеров во вновь организующийся театр, впоследствии получившего [так! — Публ.] название "Красный Театр". При комплектовании руково[дящей] головки этого театра при мне назывались фамилии ленинградских композиторов, как-то Дешевов, Стрельников и Кашницкий. Каждый, знавший этих людей, давал свои характеристики этих людей при обсуждении их кандидатуры. Я воспользовался возможностью оказать влияние, как режиссер поддержав кандидатуру Кашницкого, стремясь таким образом скорее познакомиться с ним для установления связи. Встреча с Кашницким произошла в театре на заседании худ[ожественного] совета, куда он был приглашен как принятый на работу в театр. Встреча и разговор по линии французской к[онтр-]разведки произошли несколькими днями позднее, на квартире Кашницкого (Бородинская ул., угол Фонтанки) в его комнате. Кашницкий указал мне, что работа над "Джоном Ридом", постановочный план которого был заслушан Кашницким на упомянутом выше заседании художественного совета, должна мною рассматриваться как приобретение авторитета в советских и партийных кругах. Говоря о большой ставке, Кашницкий имел в виду и указал мне на возможность двойственной политики Евреинова, в связи с чем дальнейший план нашей к.-р. работы должен быть рассчитан на длительный период скрытого состояния, т.е. необходимо в своей театральной работе пользоваться только такими методами контрреволюционной работы, которые не могут быть замечены. О себе Кашницкий мне сказал, что он еще в годы гражданской войны служил на телефонной станции в Херсоне, состоя одновременно на службе в французской контрразведке».

Были продолжены также попытки приписать Терентьеву шпионскую деятельность: «По линии шпионажа в Ленинграде с моей стороны были попытки добыть сведения о численности и расположении войск, фамилии командного состава, но эти попытки привести к конкретному результату не удалось за отсутствием людей, которых бы я мог использовать для этой цели».

¹³ Протокол допроса от 24-26 февраля заключался примечательным пассажем: «Показания записаны с моих слов верно и лично мной все прочитаны. От этих показаний, данных мной в продолжении 2-х дневного

допроса, я не отказываюсь и никогда не откажусь, т.к они отвечают абсолютной действительности и за них я несу полнейшую ответственность. Даю твердое обещание детализировать в последующих показаниях все абсолютно моменты этого моего протокола допроса».

8

Показания обвиняемого
Терентьева Игоря Герасимовича, из дворян,
сына жандармского полковника, бывш. офицера

В 1923 году летом ко мне на московскую квартиру (угол Банковского переулка и Мясницкой улицы, общежитие ГПУ) зашел художник Малевич, который пригласил меня как члена «41°»¹ переехать в Ленинград, так как там, он сказал, имеется «человеческий материал». В Ленинград я выехал осенью 1923-го года и нашел Малевича в Музее Художественной Культуры. Он пригласил меня на свою квартиру, которая была где-то очень далеко на Васильевском Острове. Сам Малевич (Каземир [так! — Публ.] Северинович) начал первую беседу со мной на тему о том, что только за границей, а именно в Польше и в Германии, умеют ценить гениальных людей, причем приводил пример: некоторых своих учеников, которые стали известны и богаты, будучи даже малоспособными, только потому, что выехали за границу и работают там, а не здесь, в Советском Союзе, где Правительство понимает только «желудочную материю» и не может понимать «диктатуру формы». Помню фамилию художника Лисицкого, который, по словам Малевича, сделал себе в Германии карьеру — на основе его, Малевича, «учения». Малевич предлагал мне подумать о моей поездке за границу. В то же время Малевич вокруг себя группировал обиженных «советской властью» художников: Матюшина, Филонова, Мансурова, Эндера (группа Матюшина)² и молодежь, переманывая [так! — Публ.] последнюю из Академии Художеств. К тому времени, то есть через 2-3 месяца после нашего первого свидания с Малевичем на В[асильевском] Острове, — он переехал в Музей (против Исакия, угол Почтовой улицы)³, где занял часть верхнего этажа под свою квартиру. Первая комната пользовалась Малевичем под мастерскую для избранных учеников, вторая, проходная, была кабинетом Малевича, третья за нею большая комната с нишей от входа направо была столовой и гостиной, а последняя маленькая комната была спальней, и она прилегалась к соседней квартире в том же этаже, которую занимал художник Татлин. Однажды я принес Малевичу книгу Ленина

«Материализм и эмпириокритицизм», предлагая ему прочитать эту книгу, чтобы лучше понять свои собственные теории. Малевич сказал, что он «мудреных книг не понимает» и понимать их не считает для себя обязательным, считая, что его собственное «учение» ближе к жизни, то есть, он сказал — «к смерти»: «Мой черный квадрат, — он сказал, — все равно есть конец возможных достижений». Со своими учениками (часть учеников Малевич вывез из Витебска, где он был до Ленинграда) Малевич разрабатывал теорию «живописных организмов» путем сравнительного взаимоопределения «систем»: импрессионизма, кубизма, футуризма и супрематизма, производя формальное обследование каждой «системы» путем отбрасывания формальных признаков, редко встречающихся в картинах данной школы («системы») и путем соединения признаков более или менее постоянных в структуре картин, рисунков и проч. исследуемой школы. Изученные таким способом четыре ближайших к нашим дням этапа в развитии «левого искусства» давали Малевичу обширнейший набор сцепленных (логически) между собой и совершенно недоступных для непосвященного — слов и знаков, общая идея которых состояла в умирании «деревенской цветистости и кривизны линий», что от одной «системы» к другой (от импрессионизма к малевичевскому супрематизму) последовательно (через обесцвечивание и выпрямление) вело к упомянутому выше черному квадрату супрематизма. Вся эта работа под прикрытием «научности в искусстве» представляло [так! — *Публ.*] собой организацию, о значении которой я знал от Малевича в период своего голодания в Ленинграде. Это произошло на музейной квартире Малевича — поздно ночью в гостиной (третья комната с нишей). Малевич сказал мне, что я состою членом организации, связанной с границей, цели которой — информировать границу о советском строительстве. Он сказал, что мои статьи, которые я диктовал машинистке музея, — отправлены им, Малевичем, за границу вместе с его, Малевича, рисунками, которые представляют собой «не только живопись, но и подробный отчет о том, что делается большевиками». Малевич сказал мне, что художники Татлин, Филонов, Матюшин, Мансуров, Эндер тоже принадлежат к антисоветской организации, связанной через него, Малевича, с границей. Малевич указал мне на то, что в обращении с упомянутыми членами организации я должен вести себя как энтузиаст коммунизма, в связи с чем буду избран заведующим общеидеологическим отделом «музея» (то есть подпольной антисоветской информационной организации). Далее Малевич разъяснил мне, что у каждого члена организации имеется свое секретное от других членов задание, и предупредил

меня, чтобы я не удивлялся раздорам, которые происходят и будут происходить в Музее Художественной Культуры, так как эти раздоры среди членов организации необходимы как прикрытие от советской власти — контрреволюционного единства организации. Малевич сказал, что в составе организации имеются очень ответственные и даже партийные люди, так что и речи не может быть о том, чтобы я вздумал сопротивляться, протестовать или доносить. «Вам предстоит, — сказал Малевич, — действовать в том направлении, которое вы сами избрали, но действовать еще более энергично, чем до сих пор, зная, что за вас и с вами организация». Далее Малевич сказал, что в ближайшие дни ко мне придет поэт Введенский и композитор Дружнин [так! — *Публ.*]⁴, с которыми я должен буду развивать работу «41°» для прикрытия контрреволюционной работы этих «монархически настроенных, — сказал Малевич, — молодых людей». Кроме информационных заданий, возглавляемая Малевичем контрреволюционная организация ставила перед собой следующие задачи: 1) вредительская работа во всех советских культурных учреждениях: музеях, академиях, театрах различными методами — агитацией в пользу крайнего формализма с отрывом от советской тематики в отвлеченность («беспредметничество»), контрреволюционная спекуляция на советской тематике с извращением ее, приспособление классиков (признавая, возвеличивая их или отрицая — безразлично) к антисоветским целям (система контрреволюционных намеков с помощью внеисторической трактовки отрицаемых или прославляемых классиков), борьба против всех организаций, хотя бы временно пользующихся доверием советской власти на культурном фронте. Таковы вкратце задачи и методы антисоветской ленинградской организации, о чем мне известно как со слов Малевича, так и из практики работы этой контрреволюционной организации, поскольку она (работа) была мне известна /зачеркнуто: и понятна/, а также поскольку я сам принимал участие в работах и был членом этой организации. Личное мое участие в контрреволюционной деятельности ленинградской организации выразилось в: 1) пропаганде «беспредметничества» в комсомольской группе Ленинградской Академии художеств в присутствии моряка-партийца, фамилию которого я не помню. Значение этой пропаганды состояло в том, чтобы сделать «беспредметничество» популярным и неподозрительным, что в известн[ой] мере достигалось фактом увлечения молодежи этим «течением в искусстве». По линии пропаганды «беспредметничества» должен указать митинги в Ленинградск[ой] Гор[одской] Думе (зимой 23-го года), в Академ[ии] Художеств по случаю приезда из Москвы представителя

АХР'а (Ассоциация художников революц[ионной] России во главе с Бродским), мои доклады в Ленинградском Агиттеатре (руководимом тогда Шимановским), агитация в пользу «беспредметничества» на заседаниях Художественного Совета Ленинградского Красного Театра. В Городск[ой] Думе мой доклад был совместный с Малевичем и против нас обоих выступил Филонов, что (я знаю об этом со слов Малевича) входило в задание личное Филонова по линии контрреволюционной работы в Ленинградской организации⁵. 2) Постановка контрреволюционных спектаклей: вторая редакция «Джона Рида», «Ревизор», «Наталья Гарпова», «Фокстрот», «Узелок» в Ленинградском Театре Дома Печати, «Снегурочка» в Ленинградском Агиттеатре (повторенная мною в инсценированном тогда мною драмкружке фабрики им. Халтурина в Ленинграде (рядом со Смольным). Во всех этих спектаклях или на советском материале проводилась идея недоверия к советской Власти, или та же антисоветская мысль доказывалась на классическом материале («Ревизор» Гоголя) или путем комбинирования отвлеченных, неизвестно к чему относящихся вещей достигалось приведение зрителя к контрреволюционным выводам и настроениям («Снегурочка»). Точный анализ этих постановок со стороны их контрреволюционности, если это понадобится, я могу дать дополнительно. И, в 3-их) я агитировал за «беспредметничество», обрабатывая в духе этого направления целый ряд лиц, из которых впоследствии образовались самостоятельные, то есть организационно со мною не связанные, организации, как, например, «обереуты» [так! — *Публ.*] в составе Введенского, Хармса, Цымбала⁶ и с ними еще несколько лиц, которых не помню.

«Беспредметничество», которое лежало в основе всех этих групп, начиная от группы Малевича, Татлина, Мансурова, Филонова, Матюшина, и кончая «обереутами» [так! — *Публ.*] во главе с Введенским и Хармсом (указанный мною композитор Друзкин [так! — *Публ.*] в организацию «обереутов», по-видимому, не вошел. Образовал ли он отдельную ячейку или, оказавшись не завербованным Малевичем для контрреволюционной работы, вышел из круга контрреволюционных организаций, мне неизвестно) представляло собой, с одной стороны, способ шифрованной пере[дачи*] за границу сведений о Советском Союзе путем печатной репродукции картин «беспредметников» в советских журналах, путем переписки [с*] художниками, проживающими за границей (в то время — зима [19]23 года — в Германии [находился] ученик Малевича художник Лисицкий. Малевич мне говорил о других своих учениках, проживавших в Польше, но я не помню их фами-

лий), а с другой стороны, то же «беспредметничество» представляло [соб*]ой идеологическую и техническую базу для контрреволюционной работы всех видов формализма, стремившегося извращать советскую тематику [и*] достигавшего этих результатов под прикрытием будто бы советских, поддельно советских форм и методов производственной работы. Поскольку [слово не читается из-за прошивки дела. — Публ.] подделка форм и методов производственной работы не могла не быть связанной с организационными и хозяйственными вопросами, [пос*]тольку, то есть полностью «беспредметничество» на практике выражалось во всех видах вредительства, оно было вредительством не только идеологического порядка, но и на практике: непроизводительная растрата денег, времени, сил, организационная неразбериха, отрыв искусства от масс (голое культурничество), искалеченность лучших культурных начинаний Советской Власти (конкретно: резкое снижение работы «Красного Театра», ликвидация работы Ленинградского Дома Печати, торможение работы ленинградских пролетарских организаций на культурном фронте со стороны зараженных в той или иной мере беспредметничеством критиков — Пиотровский, Гвоздев, Радлов, Горбачев и мног. другие⁷.

Собрания контрреволюционной организации, возглавляемой Малевичем, происходили или в кабинете Малевича или в особой комнате Музея. Просторонних, то есть людей, не рекомендованных Малевичем, на собраниях не бывало. Знаю, что было одно собрание на квартире Малевича очень бурное (знаю о нем от Малевича), на котором я не присутствовал и о нем не был предупрежден. Малевич объяснил мне, что сущность организацион[ного*] принципа нашей организации заключается в том, что только он, Малевич, может знать все и делать любые перегруппировки из лиц, непосредственно с ним связанных. О содержании этого собрания Малевич мне ничего не сказал. В течение зимы [19]23 года собраний было 3-4. Было собрание, на котором присутствовали Филонов, Малевич, я, Эндер без Матюшина и Татлина. На этом собрании было установлено, что «беспредметничество» тактически следует отделить от «филоновской школы», которая называла себя «мировой [так! — Публ.] расцвет» и представляла собой одно из «исправлений» марксизма в духе виталистов⁸. Общая задача при разделении «школ» — борьба против АХР'а с целью захватить Академию Художеств в руки Малевича и Филонова. Я не знаю, почему на этом собрании не было Матюшина и Татлина. Малевич объявил, что они против выступления [на*]-шего на митинге в Академии Художеств. Очевидно, это была оп-

позиция [Ма*]левичу, организованная по его же, Малевича, заданиям. Об этом Малевич со мною говорил только тогда, когда характеризовал общий принцип организации и только в смысле этой общей характеристики принципа, не ссылаясь на отдельные случаи, примеры или фамилии.

Никто из участников этих собраний никогда не говорил контрреволюционных фраз: формально каждое высказывание представляло собой советский энтузиазм в борьбе за усовершенствование советской идеологии и практики на культурном фронте.

К концу зимы [19]23 года отдельные ячейки организации стали все более замыкаться, изолироваться одна от другой. Я лично, руководя своей ячейкой (вместе с Введенским и Друскиным), директив от Малевича о необходимости замыкаться в работе не получал. Не знаю также, была ли об этом соответствующая директива Малевича другим лицам. В результате моя ячейка сама собой распалась («41°» было ее название), и мне Малевич предложил заняться массовой работой, пропагандируя беспредметничество в театре.

Я зашел в Политпросвет, где Григорий Александрович Авлов⁹ при поддержке Пиотровского направил меня для чтения лекций в Агиттеатр, руководимый Шимановским.

Это было в конце апреля 1923 года.

С этого началась моя контрреволюционная работа в области театра. Об этой своей работе я ставил в известность лично Малевича, который относился к ней одобрительно, говоря о том, что в дальнейшем он сам примет участие в этой моей работе и что его в этом случае смущают живые люди — актеры, которые не вмещаются в супрематическую композицию. Обуждалась ли моя работа на дальнейших собраниях организации и где и когда они (собрания) происходили, я не знаю. На мое место («заведующего общеидеологическим отделом») был приглашен ранее гонимый /зачеркнуто: всеми/ Малевичем критик (фамилию его знаю, но вспомнить в данную минуту не могу). Знаю, что он занял идеологическую позицию, противоположную [так! — Публ.] той, которая мною поддерживалась, а именно, он доказывал, что научный подход к искусству вещь для художника невозможная в силу бессознательности, которая представляет собой двигатель искусства¹⁰. Я не знаю, как практически увязал Малевич этот новый, мне неизвестный этап в развитии ленинградской организации с Филоновым, Матюшиным, Татлиным, Мансуровым, которые и после моего фактического ухода из Музея продолжали работать вместе — не знаю точно, сколько времени. Приблизительно не менее 4-5 месяцев.

Так было до [19]26 года, то есть до переезда Ленинградского Дома Печати на Фонтанку в б[ывший] особняк графини Шуваловой. Тут председателем Правления Дома Печати Николаем Павловичем Баскаковым было мне предложено сотрудничество с Филоновым при постановке «Ревизора».

В разговоре с Баскаковым я сказал, что считаю как Малевича, так и Филонова неподходящими для той новой своей системы работы, которую я определял как отход от позиций «41°» в сторону «опредмечивания» конструкций. С помощью Баскакова я пытался практически выбраться из плена контрреволюционной работы. Баскаков стоял на той точке зрения, что сущность моих постановочных замыслов («Ревизор») органически совпадает с направлением (мировоззрением) Филонова, что мы должны сработать, если не будем упрямяться в мелочах. С Малевичем я не хотел встречаться в течение всего этого времени, и он не делал попыток к встрече со мной. Я искал опоры в Баскакове и в людях, его окружавших: Устинович, Смоленский, Давыдов и друг., которые поддерживали мои театральные работы.

С Филоновым я не поладил. Кончилось разрывом наших отношений, что остается и по сей день. Я снял с актеров костюмы и отменил декорации Филоновской школы, он объявил меня «вне закона», то есть прекратил знакомство со мною с угрозами «уничтожить». При этом он сказал, что мои методы борьбы он развил так, что мне и не снилось, что с ним, вокруг него имеется прекрасно дисциплинированная организация из его учеников, которая приведет в исполнение мои слова о «ЧК на культурном фронте». Мое «ЧК» представляло собой письма-рецензии, которые за подписью моей, Дружкина и Введенского мы посылали Есенину, Третьякову, Маяковскому, Брику, Арватову и многим другим, составленные по способу игры слов: имаженисты [так! — Публ.] не женись ты, Маяковский — моя кофтский, Третьякову без рифмы написали, что «надо работать проще и искреннее». Я знаю, что этот метод писем перенял (он говорил мне об этом) Малевич. Потом я узнал, что и Филонов стал пользоваться им, развив его в таком направлении, о котором сказать не захотел. Было это простой угрозой или имело под собой что-либо иное — не знаю¹¹.

Я встретил одного из учеников Филонова месяца три тому назад в столовке гостиницы «Спартак». Тут вкратце мы возобновили разговор о ссоре между мною и Филоновым: он сказал, что прав Филонов, я ответил, что прав — я. На этом мы разговор прекратили по моей инициативе, так как этот разговор не представлял для меня никакого интереса. Фамилию этого ученика

Филонова я забыл. Разговор происходил, помнится, в присутствии Кашницкого.

После разрыва с Филоновым в Ленинграде я, заметив интерес Баскакова к Малевичу, — предлагал Баскакову привлечь Малевича к Дому Печати. От Малевича Баскаков уклонился.

При постановке «Наталии Тарповой» учениками Малевича по моей просьбе был написан плакат.

Группу «обореутов» [так! — *Публ.*] в том составе, о котором я уже говорил, — Баскаков привлек самостоятельно, без моего участия, но впоследствии я поддерживал эту группу в Доме Печати. Зная от Введенского об их фактической (не знаю, какого характера) связи с Малевичем, я заключал о возможной контрреволюционности их заданий.

С Малевичем я об этом не говорил. Последняя встреча с Малевичем была после постановки «Наталии Тарповой», то есть в [19]28 г.

Отношения с Малевичем к этому времени у меня были отдаленные. Он повторил мне о возможности в дальнейшем совместной работы, я ответил, что хотел бы это осуществить.

Арест Баскакова на квартире Хармса — прекратил мою дальнейшую связь с «обореутами».

Мои попытки вызвать Малевича на Украину тоже были безуспешны.

Заочная связь с Малевичем на Украине по линии контрреволюционной работы у меня восстановилась при посредстве Дана Ивановича Сотника, работавшего в то время (начало 1929 года) конструктором журнала «Новая Генерация»¹². Сотник сказал мне, что ему известна моя контрреволюционная деятельность в ленинградской организации и моя персональная связь с Малевичем. Не говоря ничего больше о Малевиче, Сотник поставил меня в известность, что на Украине существует контрреволюционная организация, как в отношении ее организационного принципа, так и в отношении заданий по заграничной информации — во всем аналогичная ленинградской. Руководителем этой украинской организации, существующей под легальным названием «Новая Генерация», Сотник назвал себя. Он сказал мне, что все, с кем я буду встречаться по линии работы «Новой Генерации», в той или иной степени причастны к контрреволюционной деятельности этой организации, но только он, Сотник, знает о специальной работе каждого в отдельности. Он указал мне на Полторацкого¹³, Семенко, Недолю, Курбаса, Плеского, Миллера [Меллера? — *Публ.*] как на основных работников контрреволюционной организации — имеющих каждый свое специальное задание. Сотник сказал мне,

что журнал «Новая Генерация» и сотрудничающая там группа является /зачеркнуто: лишь/ легальным прикрытием для многих, чьи имена формально в группе «Новой Генерации» не числятся. На самом деле внешняя, показная обособленность «Новой Генерации» как футуристической, крайне «левой» группы в искусстве представляет собой маскировку контрреволюционного единства любых других отдельных художеств[енных] группировок на Украине, и в этом заключается разница между московским Лефом, который самоликвидировался, и «Новой Генерацией», которая, меняя формы своего существования, будет продолжать его, то есть свое существование, и дальше. Лично передо мною Даном Сотником было поставлено задание продолжать мою ленинградскую контрреволюционную работу в области театра, а также идеологическая и пропагандистская работа [так! — Публ.] на страницах журнала «Новая Генерация» с установкой на смычку всех видов формалистической школы с целью создания идеологической основы для широкой массовой работы, гл[авным] образом среди рабочей молодежи и комсомола. Конечным этапом являлось, как говорил Сотник, вхождение группы «Новая Генерация» в ассоциацию пролетарских писателей в качестве идеологически руководящего ядра.

Относительно Семенко Сотник сказал, что его следует рассматривать в качестве признанного всей организацией «вождя», то есть хотя бы внешне, в порядке групповой дисциплины поддерживать его авторитет, помогать ему в работе и ни в коем случае не доводить своих отношений с ним до формального разрыва.

Под знаком этой директивы Сотника были назначены совещания руководящей группы организации в гостинице «Южной» у меня в номере. Сотник предупредил меня, чтобы я никогда не упоминал нигде о Малевиче и не возбуждал бы вопросов о том, что в журнале «Новая Генерация» печатаются статьи с обильными репродукциями картин Малевича. Он сказал, что этот вопрос в согласованиях не нуждается, так как решен окончательно. Поэтому на собраниях действительно этот вопрос никогда никем не подымался. На первом собрании в номере гостиницы «Южной» присутствовали: Сотник, Полторацкий, Семенко, Недоля, Кашницкий и Инк. Кашницкий знал от меня о контрреволюционном характере моей работы в ленинградской организации. О личной непосредственной его связи с Малевичем или с Сотником мне ничего не известно. Поэтому я не могу установить степени причастности Кашницкого к существу контрреволюционной работы, то есть по линии связи с границей через Малевича или Сотника или кого-либо, кроме этих двух лиц. Инк я вообще ничего не го-

ворил о контрреволюционности своей работы. По-видимому, и Кашницкий об этом не говорил с нею.

Первое собрание было посвящено согласованию идеологических платформ. Мне предложено было докладывать. Семенко возражал. Мы пришли к весьма приблизительному единству мысли, что, впрочем, было признано удовлетворительным как результат первого собрания и достаточным для начала совместной работы. Перспективно моя работа намечалась в одном из театров Украины по заданиям «Новой Генерации». Моя личная осведомленность в делах организации ограничивается тем, что я знал от Дана Сотника, так как никакие происходящие на моих глазах ссоры между отдельными представителями организации не могли дать мне малейших оснований для тех или иных заключений о работе организации в целом: каждое противоречие я мог объяснить себе как тактический прием, смысл которого мне не известен, так как я знал от Сотника, что все это маскировка.

Вернувшись из Луганска, где я возобновлял оперетту «Луна-Парк» в коллективе Луковского, я был вызван к телефону (гостин[ица] «Южная») Даном Сотником, который сказал мне, чтобы я немедленно отправился в редакцию «Новой Генерации», так как мне предстоит по заданию «Н[овой] Г[енерации]» взять на себя постановку в Донбасском театре. В редакции меня ожидал Сотник, который познакомил меня с директором донбасского театра (фамилию знаю, но вспомнить не могу). Моя работа в сталинском театре является контрреволюционной как по методам, так и по результатам. Постановка пьесы «Мина Мазайло», сделанная мною с целью дискредитации национальной политики партии — вызвала большое волнение среди окружающих меня людей. На премьеру из Харькова в Макеевку приезжал Сотник с глухим по-этом Близько (кажется, я неточно воспроизвожу его фамилию). До и после премьеры Сотник высказывал мне от имени организации неудовольствие как моим поведением (склочность), так и принципом постановки, которую назвал «не нашей» в смысле недостаточного заострения формальных моментов. Центральным пунктом обвинений оказалась Инк, помогавшая мне в качестве лаборанта при осуществлении постановки «Мины Мазайло», не зная о контрреволюционном значении этой работы. Сотник объявил мне, что я «теряю авторитет, допуская Инк к вмешательству в работу». Я отвечал, что считаю такой метод работы правильным, так как это путь к втягиванию людей в фактическое соучастие в контрреволюционной работе, что спасает каждого из нас от персональной ответственности, создавая в театральном коллективе две группы. Сотник указал мне, что в Сталино

имеется представитель «Нов[ой] Генерации» — Шандро (он же завполитпросветом), с которым я должен был держать связь, согласно указаниям Сотника. Я ответил, что Шандро сначала вообще отсутствовал, а в последнее время держался на стороне Шклярского и Махновецкого, которые стремились дискредитировать меня на основе данных, которые обо мне привез Шклярский из Ленинграда. Сотник сказал, что Шклярский в некоторой степени член «Новой Генерации», так же, как Шандро и Махновецкий — «свои парни», а я совершенно напрасно ввел в работу Инк. В период моей работы в Сталино у меня образовалась группа сочувствующих мне: Топчий, Вайль и Марченко. Они, кроме Вайля, отзывались о «Новой Генерации», а также о Курбасе недоброжелательно. Вайль говорил мне о брате своем, журналисте, который знает мою работу в Ленинграде и сочувствует ей. О Вайле, Топчии, Марченко Сотник мне ничего не говорил. Также ничего о Сотнике я не говорил с этими тремя лицами, поддерживавшими мою постановку «Мины Мазайло» против Шклярского, Махновецкого и Шандро. Не имея никаких директив от Сотника, который уехал в Харьков, я из Макеевки вернулся в Сталино, желая при поддержке Вайля, Топчии и Марченко выяснить свое положение в сталинских профсоюзных и партийных организациях. Фактически моя связь с «Нов[ой] Генерацией» прекратилась на это время. После продолжительных переговоров в культотделе сталинского профсоюза я по предложению завкультотделом приехал в Харьков к Рабичеву, где должен был меня встретить днем ранее выехавший в Харьков сталинский завкультотделом (фамилию затрудняюсь вспомнить). Рабичев мне сказал, что моя борьба против Шклярского ему известна и что он находит эту борьбу неуместной, так как я не знаю украинской культуры. Я ответил, что хотя я и действительно недостаточно знаком с украинской культурой, но знание биографии двух-трех негодяев также не может заменить собою знакомство с украинской культурой. «Во всяком случае, операция в отношении Шклярского преждевременна, а не знаете вы того, что Шклярский связан с традициями фраківского театра, и лично я с большим трудом взял его оттуда для Донбасса». Я ответил, что после этого заявления Рабичева я не имею ничего добавить к тому, что я сказал. От Сотника я в то время узнал, что Рабичев является одним из важных покровителей группы «Нов[а] Генерация», а Шклярский будет выключен из группы. Это было в начале лета 1929 года.

По предложению Сотника я вел в то время в Харькове переговоры с Мусницким (инструктором Главискусства) о моей работе в одном из украинских театров. Мусницкий говорил мне о крайне

неблагополучном состоянии одесской держдрамы в отношении руководства (художественного). Сотник возражал в разговоре со мной без Мусницкого против Одессы, указывая на то, что в Одессе работать очень трудно, о чем он знает по собственному опыту, а также Сотник убеждал меня не соглашаться на Одессу, так как «Новая Генерация» опять не сумеет из Харькова поддержать меня в случае склок, которые в Одессе неизбежны. На почве этих разговоров у Сотника произошла ссора с Инк, которая настаивала на том, что склоки не страшны, если вести твердую линию принципиальной работы. В ближайшее после этих разговоров время Мусницкий сказал мне, что комбинация с Одессой отпала. Сотник при встрече в Наркомпросе подтвердил мою догадку о том, что на Мусницкого в отношении Одессы повлиял Сотник.

После этого, на некоторое время оставленный без руководства со стороны Сотника, я должен был ехать в оперетту Луковского согласно договора. По этому делу я был в Посредрабисе у Гольдберга. Туда же, направленный Мусницким, явился Горев, который предложил мне ехать в Днепропетровск в реорганизуемый им там Одесский краевой театр. Я повидался с Мусницким, который сказал мне, что он «благословляет на это дело». Отсюда я заключил, что вопрос о моем отъезде в Днепропетровск согласован у Мусницкого с Сотником — и потому стал опять рассчитывать на поддержку «Новой Генерации». Фактически наиболее близким мне из членов «Нов[ой] Генерации» был Недоля-Гончаренко, с которым я и связался для работы в Днепропетровске. Недоля сказал мне, что вопрос о работе со мной у него согласован по всем линиям, то есть и по партийной, и по линии «Новой Генерации».

В Павлограде возник по совместной инициативе Недоли, моей, Горева и Кашницкого вопрос о прикреплении переформированного «Одесского Краевого» театра в театр «СОЗ» — к Донбассу, для постоянного обслуживания донбасск[их] рабочих. Вопрос возник в связи со слухами о провале работы Дондерждрамы, вследствие чего могло произойти огосударствление «СОЗ'а» как театра, могущего заменить собою Дондерждраму.

С целью оформить это дело мы, то есть Недоля, я и Горев, выехали в Харьков связаться с «Новой Генерацией», чтобы совместно с нею хлопотать перед Главискусством о прикреплении СОЗ'а на Донбасс в качестве государственного театра; на совещании с Семенко и Сотником в кафэ (по Сумской улице — в конце) выяснилось, что от «Новой Генерации» в Сталино уже поехал молодой режиссер Глеб Затворницкий. Сотник и Семенко поддерживали в основном наше желание обосноваться на Донбассе.

О том, что произошло в дальнейшем, то есть моя поездка с Горевым в Сталино с письмами от Семенко и с мандатом от Главискусства Украины — с фактической стороны дела подробно изложено в моей докладной записке на имя Главискусства. Слияние СОЗ'а с Дондерждрамой не произошло, и я от Белокриницкого получил официальное разрешение возвратиться в «СОЗ» для продолжения работы в этом театре, а в Сталино (в Политпросвет) была от имени Главискусства отправлена телеграмма о том, что Главискусство освобождает меня, Терентьева, от подписанного мною договора с Дондерждрамой ввиду того, что освободить меня от руководства театром СОЗ Главискусство считает нецелесообразным. Я возвратился в Павлоград.

Дальнейшая моя связь с Даном Сотником выразилась в приезде в Павлоград директора организовавшейся в Харькове украинской оперетты. Цель его приезда, как он сказал, была убедить меня оставить театр «СОЗ» и переехать в Харьков для работы в оперетте вместе с Балабаном и Курбасом. Директор ссылался и на «Новую Генерацию», и на Наркомпрос, но я, посоветовавшись с Недолей, ему не поверил, считая, что он обманывает меня ссылкой на согласованность его предложения мне с «Н[овой] Г[енерацией]» и Наркомпросом. Упоминаю об этом факте потому, что когда я приехал из Винницы в Харьков по телеграмме Красицкого, то Сотник при встрече со мной подтвердил, что приглашение меня [в] укр[аинскую] оперетту действительно было согласовано с ним, с Сотником. В то же время я узнал от Семенко, что Сотник больше не состоит в «Нов[ой] Генерации». Об этом Семенко сказал мне очень неохотно и уклончиво, ввиду чего я до сих пор не знаю, что именно произошло на самом деле.

Последняя моя встреча с Сотником была уже */зачеркнуто:* лето/ после моего переезда в Днепропетровск — в одну из моих поездок из Днепропетровска в Харьков (точно не могу вспомнить, в какую именно из этих поездок) я случайно встретил Сотника в том же кафэ, где постоянно собирались вокруг Семенко члены «Н[овой] Генер[ации]». Сотник неохотно поздоровался со мной и сказал, обращаясь ко мне, слово — «преступник». Я ждал пояснений: «В чем дело?» — но Сотник ответить, объяснить не пожелал. Больше я с Сотником не встречался.

Я пропустил еще один случай: в период моей работы в Луганске над постановкой «Луна-Парка» я получил телеграмму от Сотника с вызовом в Артемовск. Я сделал перерыв в работе и поехал в Артемовск, где по предложению Сотника присоединился к группе Сотник, Полторацкий, Маловичко и еще один поэт из «Н[овой] Генер[ации]» (его фамилию я не упоминаю), которая выступала в

рабочих клубах, пропагандируя городской, индустриальный характер поэзии «Нов[ой] Генерации» и высмеивая стихи поэта Союры как поэта деревенского. Лично я в то время был совсем мало знаком с современной украинской литературой и потому почти не выступал (кажется, в артемовском клубе я рассказывал о своей постановке «Ревизора»). Из Артемовска мы лошадьми ездили на соляные шахты, потом были в Горловке. В Сталино присоединился к нам Семенко. Я чувствовал себя совершенно лишним в этой ихней работе и сомневался вообще в каком бы то ни было смысле этой работы, так как пролетарская аудитория одинаково скучая слушала и Сотника, и Полторацкого, и Семенко, о чем бы и как бы они ни говорили. Фальшивость этой культуртрегерской поездки, ее бесплодность и отрицательный для «Нов[ой] Генерации» результат в смысле явной потери авторитета даже в собственных глазах — был основным моим впечатлением. В связи с этим впоследствии — в Харькове — возникла идея в «Нов[ой] Генер[ации]» использовать меня для инструктирования и тренажа выступающих перед массой членов «Н[овой] Г[енерации]» со стороны техники исполнения литматериала. Два-три раза я занимался с молодежью «Н[овой] Г[енерации]» (Маловичко, Санович). Последовавшее вскоре после этих занятий выступление группы «Н[овая] Г[енерация]» в ВУЗ'е тоже успеха не имело.

Больше встреч с Сотником (который на Украине заменил в отношении руководства моей контрреволюционной работой — Малевича) я не помню.

Иг. Терентьев

13/III-31 г.

Допросил
Ст. Упол. ПК Б.Гринер

¹ Футуристическая группа «41°» возникла в Тифлисе в 1918, просуществовала до конца 1920. В эту наиболее радикальную футуристическую группировку входили И.Зданевич, А.Крученых, И.Терентьев и поэт Николай (Колау) Андреевич Чернявский (1892-1942). С группой сотрудничал художник К.М.Зданевич. Членом группы считал себя также ученый-иранист и заумный поэт, ученик и последователь Терентьева Юрий Николаевич Марр (1893-1935). Участники группы часто выступали с докладами, чтением стихов, устраивали литературные вечера. Под маркой «41°» в Тифлисе были изданы книги А.Крученых, И.Терентьева, И.Зданевича и коллективный сборник «Софии Георгиевне Мельниковой — Фантастический кабачок» (1919), вышел также единственный номер газеты «41°» (1919). А.Крученых продолжал пропагандировать идеи «41°», переехав в Баку, а позднее в Москву (на многих его бакинских изданиях 1919-1920, а также ряде московских книг начала 1920-х стоит марка «41°»). Терентьев пытался возродить «41°» в Константинополе, а затем и в Ле-

нинграде. И.Зданевич, приехав в Париж, открыл в апреле 1922 в одном из кафе «Университет 41°», где выступал с лекциями. Под маркой «Сорок первого градуса» он издал там же последнюю из своих заумных драм «лидантЮ фАрам» (1923) и роман «Восхищение» (1930). Занявшись издательской деятельностью, он до 1974 выпускал книги под этой маркой.

² Мансуров Павел Андреевич (1896-1983) — художник, заведующий экспериментальным отделом ГИНХУКа. С 1928 — в эмиграции. Борис Владимирович Эндер (1893-1960) — художник, сотрудник отдела организационной культуры ГИНХУКа. О его деятельности см.: Эндер Зоя. Эксперименты Бориса Эндера в области заумного стихосложения // Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре. Верн, 1991. Р.255-283 (там же библиография).

³ Ошибка Терентьева: не Почтовая, а Почтамтская ул., д.2, угол Исаакиевской пл.

⁴ Имеются в виду поэт А.И.Введенский и композитор М.С.Друскин. О работе Терентьева в Музее художественной культуры (ГИНХУКе) см. в его письмах к А.Е.Крученых от 23 декабря 1923 и И.М.Зданевичу от 5 февраля 1924 (СС. С.400-407).

⁵ О митинге в Городской Думе см. в письмах Терентьева к А.Е.Крученых от 21 ноября и 23 декабря 1923 (СС. С.399-400). О диспуте в Академии Художеств см. в примечаниях М.Марцадури (Там же. С.522-523). Публикуемые показания позволяют внести ясность в недостаточно отчетливый для комментатора порядок событий. О других театральных инициативах Терентьева этого времени см. во вступительной статье М.Марцадури к СС.

⁶ Цимбал Сергей Львович (1907-1978) — искусствовед, театровед, в то время учился в Государственном Институте истории искусств, был близок к ОБЭРИУ.

⁷ Пиотровский Адриан Иванович (1898-1938) — литературовед, театровед, переводчик, автор многих статей о спектаклях Терентьева (перепечатаны — СС. С.435-440, 444). Гвоздев Александр Александрович (1887-1939) — театровед и театральный критик. Радлов Сергей Эрнестович (1892-1958) — театральный режиссер и критик. Горбачев Георгий Ефимович (1897-1942) — литературный критик, писал также о театре.

⁸ Направление в искусстве, развивавшееся П.Н.Филоновым, именовалось «Мировый расцвет».

⁹ Г.А.Авлов (Шперлинг, 1885-1960) — критик и режиссер, энтузиаст самодеятельного театра.

¹⁰ Вероятно, Терентьев имеет в виду Н.Н.Пунина. Благодарим за указание А.Т.Никитаева.

¹¹ См. в письме Терентьева к А.Е.Крученых от 23 декабря 1923: «Образовалась ком[иссия] по борьбе с контрмыком, которая послала ордера: Эренбургу, Асееву, Третьякову, Сосновскому, Брику — в Москву и еще нескольким в Петроград» (СС. С.401; ср. также другие места этого письма).

¹² О Сотнике см. также в показаниях Терентьева от 22 мая: «До встречи с Д. Сотником я о нем не слышал ни от кого. В Харькове (в том же 29-м году) мне о нем говорил Недоля как о человеке, не заслуживающем уважения ("Альфонс"). Больше о Сотнике я ничего не знаю. Технически Сотник был заправилой в журнале "Н[ова] Ген[ерація]", в связи с чем, сотрудничая в этом журнале, я чаще всего встречался именно с Сотником...»

¹³ А.И.Полторацкий (1905-1977) — литератор, участник группы «Нова Генерація», затем главный редактор ряда украинских литературно-художественных журналов. Благодарим за указание А.Т.Никитаева.

9

Показания обвиняемого
Терентьева Игоря Герасимовича, из дворян,
сына жандармского полковника, бывш. офицера

Во всех моих предыдущих показаниях мною допущена очень существенная неточность, а именно вместо «английская контрразведка» — я всюду писал «французская». Я совершенно точно вспоминаю, что брат Владимир в Константинополе говорил мне об английской контрразведке. Неточность, допущенную мною, объясняю тем, что в течение долгого времени перед арестом моим я в сознании своем привык соединять интервенционную в отношении ССР политику капиталистических стран со словом Франция, французский.

Категорически подтверждаю правильность моих показаний в отношении Плеского и Курбаса.

Как место, время встреч /зачеркнуто: с ними/, так и разговоры в предыдущих протоколах мною переданы верно, поэтому я к этому в настоящем протоколе не возвращаюсь.

Для окончательной точности повторяю фамилии лиц, являвшихся на моем пути для связи с английской контрразведкой: Севастьянов, Андроников (его я не нашел), Бернштейн, Плеский, Курбас.

13/III-31 г.

Иг. Терентьев
Допросил
Ст. Упол. ПК Б.Гринер.

10

Автобиография

Родился я в 1892 г. в г.Павлограде б. Екатеринославской губ. Отец мой — Герасим Львович Терентьев (3 г[ода] т[ому] назад

умер в эмиграции [в*] Марселе), мать — Елизавета Михайловна (в наст[оящее] время, кажется, продолжает жить в Марселе — в переписке с кем бы то ни было за границей я не состоял и не состою), две сестры, Ольга и Татьяна, кажется, живут с матерью.

Отец мой был жандармским полковником. Брат Владимир служил у Врангеля (теперь он в Америке — где именно, не знаю). Из лиц, близких мне — живущих за границей — могу указать: Михаила Михайловича Карповича, брата моей жены Наталии Михайловны (живет в Москве по Кисельному переулку д. №8, кв. 20¹) — с ним я тоже в переписке не состою (живет М.М.Карпович [в*] Нью-Йорке). Адрес его известен моей теще Марии Евгеньевне Пресняковой, проживающей в Тифлисе (адреса ее не знаю).

Образование имею высшее: в Харькове окончил гимназию, в Москве Университет (по юридич[ескому] факультету).

На воен[ную] службу был призван по оконч[ании] университета в [19]15 г. в военное училище ускорен[ного] выпуска — по месту жительства — в Тифлисе.

По окончании воен[ного] училища — все годы войны служил (на канцелярской работе) в Управлении Военных Сообщений Кавказского фронта (по постройке железных дорог — комплектование рабочих войск).

При общей демобилизации был уволен в запас и остался жить в Тифлисе, работая в театрах (и вообще по искусству: литература, живопись).

В [19]21 г. работал в кач[естве] художника в Грукавроста.

В [19]22 г. с советс[ким] паспортом ездил за границу (хотел в Париж, доехал до Константинополя). Вернулся через 8 месяцев. По возвращении около 2 месяцев работал секретарем бакинск[ого] отделения Внешторга, затем переехал в Москву для работы по специальности, т[о] есть в области искусства.

С 23-го г. по 31-й год работаю в театре режиссером и драматургом.

Иг. Терентьев

28/V-31 г.

¹ Последний московский адрес Терентьева. В д.8 по Б.Кисельному пер. (рядом с пл. Лубянка) жили в основном сотрудники ГПУ-НКВД. Впоследствии, при реконструкции микрорайона, прилегающего к зданию КГБ, дом был снесен.

ANNEX

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абрикосова Н.П. см Крамарж Н.П.
Аванесов В.А. 119
Авдеев Гер. 224, 225
Авдеев Григ. 75, 77, 82, 88, 90, 114-116, 121, 131
Авенариус Р. 18, 130, 481
Авксентьев Н.Д. 200, 235, 267, 275
* Авлов Г.А. 597, 606
Авсаркисов М.П. 492, 493
Агабеков Г.С. 149, 189
Агафонов В.К. 244, 383, 384, 386, 390-395, 397, 398, 402, 406, 415, 422, 423
Агафонов С.В. 394, 395
Агафонова Ю.М. 394, 395
Агранов Я.С. 535
Азаревич П.Д. 486
Азеф Е.Ф. 9, 60, 198-203, 205, 206, 209-217, 219-227, 231-233, 237-239, 242, 244, 245, 247, 251, 253, 258, 260-263, 266, 268, 272, 273, 276, 277, 279, 281-283, 294, 296, 300, 303, 312
Акимов Н.П. 571
Алексеев М.В. 47
Алексеев Н.Н. 17, 150
Алешин А. 353
Аликина Н.А. 134
Аллеман Ж. 191
Алпатов В.М. 540
Альтман Н.И. 555
Амфитеатров А.В. 407, 408
Андреев, инженер 128
Андроник, архиеп. 11
Андроников Я.Н. 568, 583, 585, 589, 590, 607
Андроникова С.Н. 589, 590
Андрусовы, семья 386
Ансельм Ф. 430, 436
Антонов, редактор 136
Анциферов Н.П. 338, 342, 343
Аппель П.Э. 386-388, 394
* Араратский см. Лункевич В.В.
Арбельтье Р. 175
Арватов Б.И. 598
Аргунов А.А. 200, 201, 231
Аристотель 130
Аронсон Г.Я. 497
Арсеньев Ф.А. 481
* Артем Ф.А. 35, 126
Архиереев А. см. Миков А.А.
Асеев Н.Н. 542, 606
Ататюрк М.К. 452, 453, 460
Аухаген О.Г. 524, 525
Афиногенов А.Н. 553, 579
* Ахматова А.А. 474, 476, 536
Ашнин Ф.Д. 540
Азробоз Ф. см. Эребо Ф.
Бабаян А. 188
Бабель И.Э. 535
Бабинцев (Бабенцев), революционер 92, 132
Бажин Д. 33, 91, 125
Бакай М.Е. 247
Бакунин М.А. 353, 354, 414, 415
Балабан, лаборант 564, 565, 567, 604
Балишанский И.Н. 187
Балтрушайтис Ю.К. 355

* Курсивом выделены номера страниц, где соответствующее лицо выступает как автор или публикатор. Звездочкой (*) отмечены псевдонимы или криптонимы.

- Бальмонт К.Д. 355, 379, 434
 Балязин В.Н. 480, 494, 522
 Баре А. 175
 Бартольд Б.В. 249, 250, 262, 264-267, 269-273, 275-277, 282, 302, 303
 Баскаков Н.П. 536, 555, 598, 599
 *Баулер А. см. Гольштейн А.В.
 Баулер Ал.В. см. Гольштейн А.В.
 Баулер Арк.В. 354
 Баулер В.Я. 353, 354
 Баулер Е.Ф. 353
 Баулер Ж.-Ж. см. Баулер Я.К.
 Баулер Н.И. 354
 Баулер Ю.Я. 353
 Баулер Я.К. 353
 Бах А.Н. 198, 199, 201-205, 207-209, 222, 227, 231-235, 240, 242
 Бахметьев Б.А. 385
 Бахтерев И.В. 536
 *Бедный Д. 516
 Безыменский А.И. 516, 556
 Бейлис М. 379-381
 Беленкин Б.И. 7-191
 Белинский В.Г. 353
 Белобородов А.Г. 159, 162, 189, 190
 Беловы, семья 118
 Белокрыницкий, сотр. Главикуства 604
 Бенар Н.В. 550, 555, 583, 589
 Беневская М.А. 237, 239
 Бенке Ф. 392
 Бенсфельд А.В. 341
 Берви Ф.В. 366, 367
 Берви-Флеровский В.В. 366, 367
 *Берг см. Иванов С.А.
 Бергсон А. 355, 372-374, 376, 377
 Бердо Я.Ф. 229, 249, 254-256, 259, 266, 269, 285-291, 293, 294, 310, 311
 Бердяев Н.А. 19
 Березнев Я. 542
 Берзина, участница Рабочей Группы 160, 161
 Беринда-Чайковская В.С. см. Кропоткина В.С.
 Бернацкий М.В. 513
 Бернштейн, директор театра 551, 562, 563, 568-570, 607
 Бессмертная М.Н. 393
 Бибииков, знакомый В.Я.Баулера 354
 Бибииков, сотр. ОГПУ 543
 Бинт Г. 274, 275
 Благовещенская М. 355
 *Блакитный-Эллан 567, 576, 578
 Блеклов С.М. 198, 201-209, 222, 231-233, 235, 240
 Близько, поэт 601
 Блинов С.И. 326-328
 Блок А.А. 434
 Бобринские, семья 354
 Богданов А.А. 45, 130
 Боголепов Н.П. 303
 Богомолов Н.А. 533-608
 *Богучарский В.Я. 380
 Божко С. 541
 Болотов С. 136, 156
 Бонч-Бруевич В.Д. 128, 341, 349
 Боричев П. 329
 Боришанский Д.Ш. 217
 Бородулин, нач. каторги 247
 Борочев С. 330
 Борткевич В.И. 523, 524
 Борунов П.Я. (В.) 128
 Борчанинов А.Л. 26, 30, 31, 40-42, 47, 50, 51, 66, 70, 125, 156
 Борчанинов Л.И. 30
 Боткины, семья 424
 Бохановская Г.Ф. 197
 Брайс, социолог 361
 Бранов, врач 27
 Брасова Н.С. 17, 128
 Брдлик В. 524, 525
 Бредов, офицер 460
 Брешко-Брешковская Е.К. 209, 299, 300, 342
 Бриан А. 183
 Брик О.М. 535, 542, 583, 598, 606
 Бриллиант Д.В. 131, 210, 217
 Бродский И.И. 595
 Бройкевич М.В. 503, 504, 513
 Бруцкус Б.Д. 511, 513, 514, 525

- Брюнетьер Ф. 370, 371
 Брюсов В.Я. 434, 480
 Буланов П.П. 159, 189
 Булкин, участник Рабочей Группы
 161, 162
 Бураго, полк. 466
 Буранов Ю. 23, 129, 131, 133,
 134
 Бурже Э. 355
 Бурикова М. 135
 Буров, пом. пристава 33
 Бурцев В.Л. 14, 150, 172, 243,
 246, 247, 250, 262, 265-269, 271,
 272, 276, 282, 312, 501
 Бурьшкин П.А. 503, 504
 Бухало С.И. 253, 296
 Бухарин Н.И. 8, 23, 121, 146,
 148
 Бучма А.М. 567, 570, 576, 578
 Быков М.П. 22
 Быстрых Г.И. 23
- Вавилин П. 329, 330
 Вайль, журн. 602
 Вайль, юрист 586, 602
 Вайнман А. 190
 Вальдек-Руссо Р. 376
 Вальдпюржер, знакомый
 Г.И.Мясникова 173
 Ванлоо Ж.Б. 449, 451
 *Варенов Л. 308
 Варнина Д.Г. см. Мясникова Д.Г.
 Варнина Е.Г. см. Тиунова Е.Г.
 Васильев, рабочий 39, 40, 50
 Васильев И. 320-326
 Васильев П.Д. 341
 Введенский А.И. 535, 536, 594,
 595, 597-599, 606
 Вебер Альфред 523, 524
 Вебер В.Н. 354, 369, 370, 375,
 407, 408, 416, 420
 Вебер И.В. 407, 408
 Вебер Л.Н. 354, 361, 362
 Вебер М. 518
 Вебер М.В. 369, 370
 Вебер Н. 354, 355
 Венизелос Э. 457, 458, 463
- Вентцель К.Н. 488
 Веревкин, рабочий 29
 Вернадская Е.И. см.
 Короленко Е.И.
 Вернадская Н.В. см. Толль Н.В.
 Вернадская (ур. Ильинская) Н.В.
 399-402, 404, 406, 408, 410-413,
 415, 421-423
 Вернадская Н.Е. 353, 356-365,
 367, 371-374, 378, 379, 381, 382,
 384, 386, 387, 391, 393, 395-406,
 409-413, 417-420
 Вернадские, семья 356, 405
 Вернадский В.И. 353-425
 Вернадский Г.В. 356-358, 360-
 362, 371, 381, 382, 384, 387, 389,
 390, 394-406, 408-414, 416, 418,
 420-425
 Вертинский А.Н. 561
 Ветошкин П. 320-326
 Вильсон В. 459
 Вильямс Г. 507
 Винавер Е.Г. 500
 Виноградов В.К. 7-191
 Вю Л.М.Ж. см. *Лоти П.
 Виссарионов С.Е. 251, 265, 267
 Витте С.Ю. 371
 Вихляев П.А. 500, 501, 517, 518
 Власов, механик 159
 Вноровский Б.У. 210, 221
 Воедило, летчик 159
 Войков П.Л. 35, 36, 126
 Волович, с.-р. 61
 *Володарский В. 163
 Волошин М.А. 353, 355
 Волховский (Волховской) Ф.В.
 199
 Вольтинская Т.С. 23
 Вольтинцев, невозвращенец 175
 *Вольтер 130
 Воробьев В.И. 393, 394
 Восков С.П. 327
 Врангель П.Н. 444, 448, 456-458,
 460, 510, 546, 608
 Второв П.Н. 128
 Вульф Ю.В. 362
 Высоцкий И.И. 307

- Габаев Г.С. 338
 Гавричкин В. 478
 Гайдамак, киномеханик 75, 81,
 82, 86, 87
 Гальперн С.Н. см. Андроникова
 Гапон Г.А. 9
 Гаусс К.Ф. 373, 374
 Гвоздев А.А. 596, 606
 Гвоздинская М.А. 426, 427, 431,
 434, 436-438, 442, 446, 452, 465,
 469, 470, 472
 Гвоздинская С.Я. 426
 Гвоздинский А.А. 426, 427-477
 Гвоздинский В.А. 430, 433, 434,
 436, 446, 477
 Гвоздинский Ю.А. 433, 437, 438
 Гегель Г.В.Ф. 130, 330, 353, 354
 Гейро Р. 534
 Георгий Николаевич,
 герцог Лейхтенбергский 426
 Герасимов А.В. 243, 249-252,
 262, 263, 266-270, 272-275, 277,
 278, 292
 Герой, большевик 92
 Герцен А.И. 353, 367
 Герценштейн В.М. 406
 Гершельман С.К. 292
 Гершуни Г.А. 197, 199, 206, 215,
 223, 224, 231, 244, 261, 292, 299
 Гете И.В. 388
 Гизо Ф. 130
 Гиллот, пастор 339, 341
 *Гиль Р. 355, 379, 380
 Гильбо А. 179, 191
 Гиппиус З.Н. 238, 243, 258, 259,
 312, 339, 342, 470
 Глаголев А. 479
 Глебов, следователь 325, 326
 Гоголь Н.В. 404, 595
 Голишков Д.Л. 504
 Гольдберг, сотр. Посредрабиса
 552, 603
 Гольдман Э. 341
 Гольштейн А.В. 353-425
 Гольштейн В.А. 355-357, 360,
 362, 369, 371, 372, 375, 377, 379,
 381, 383, 411, 418
 Гольштейн М.И. 359-361
 Гольштейн Н.В. см. Семенова
 Н.В.
 Гольштейн [?].В. (Ука) 358-360,
 362, 363, 369, 375
 Гонкур Ж. де 363, 364
 Гонкур Э. де 363, 364
 Горбачев Г.Е. 596, 606
 Горбунов М. 243, 255
 *Горбунов-Посадов И.И. 487
 Горев, сотр. Посредрабиса 552,
 567, 578, 603, 604
 Горман А.Я. 315
 Городницкий Р.А. 195-197, 198-
 242, 258
 *Горький А.М. 44, 344, 345, 497,
 515, 516
 Госсен Г.Г. 518
 Гоц А.Р. 210, 216, 219, 231, 267,
 275
 Гоц М.Р. 199, 205, 206, 209, 213
 Гревс А.И. 374, 376
 Гревс И.М. 355, 364, 365, 369,
 370, 374-376, 384, 401, 402, 409
 Гревс М.И. 374
 Гревс М.С. 374, 376
 Грибоедов А.С. 341
 Григорьев Н.А. 430, 436
 Григорьева Е.В. см. Чайнова Е.В.
 Гримм Д.Д. 413, 415
 Гринер Б.Г. 535, 538, 541, 545,
 548, 554, 560, 568, 579, 586, 605,
 607
 Гришина О.А. 23
 Громан В.Г. 514
 Гукасов А.О. 413-415
 Гуль Р.Б. 15, 137
 Гумилев Н.С. 474
 Гуревич Э.Л. 504, 527-529
 Гусев Л.Н. 315
 Гут Э. де см. Баулер Е.Ф.
 Гюйо Ж.М. 130
 Давыдов, инженер 139
 Давыдов, театр. деятель 598
 *Дан Ф.И. 74, 509, 511
 Дарвин Ч. 130

- Двойников И.В. 221
Двойнишников М.Ф. 91, 132, 141
Дебагорий-Мокриевич В.К. 371
Деев М.И. 246, 281, 286
Демидов В.П. 160, 161, 189
Демидова О.Р. 426-477
Деникин А.И. 434, 437, 443-445, 456
Дерибас Т.Д. 157-162, 189
Дешевов В.М. 591
Джевонс У.С. 518, 519
Джонсон Б. (Н.Н.) 9, 42, 56, 57, 68, 69, 71, 96-99, 106, 110-112, 128, 129, 133, 134
Дзержинский Ф.Э. 116, 126, 127
Дзюбинская О. 478
Дитлов С. 332
Дитловы, семья 334
Дмитриев В.К. 520, 521
Дмитриева Л.А. 346
Добиаш-Рождественская О.А. 374-376
Доброскок (Доброскоков) И.В. 246, 251, 252, 269
Добротины, семья 128
Добужинский М.В. 473
Добычин Л.И. 535
Дойчер И. 191
Долгов, ротмистр 250, 252, 273, 274
Долгоруков П.Д. 413, 415
Донской Д.Д. 257
Донской М.И. 316-320, 322, 323, 325
Дончич И. 435, 437
Дороничев М.Д. 326-332
Достоевский Ф.М. 18, 44, 73, 74, 103, 104, 130
Дояренко А.Г. 478
Драгоманов М.П. 353, 355, 357, 358, 361, 365, 405, 421, 423-425
Драгоманова Л.М. 423
Дрейфус А. 380
Дридзо С.А. см. *Лозовский А.
Дрокин В.А. 98-102, 104, 105, 117, 118, 132, 133
Друскин М.С. 594, 595, 597, 606
Дубасов Ф.В. 212
Дубровский С. 524
Думова Н.Г. 23
Дурново П.Н. 212, 342
Дутов А.И. 30, 40, 47, 125
Д'Эсперре Л.Ф.М.Ф.Ф. 432, 435, 436
Дюамель Ж. 355
Дюрко, владелец мастерской 173
Евреинов Н.Н. 584, 585, 590
Екатерина II, имп. 184, 382
Елена Петровна, принцесса 132
Елисеев И. 479
Елланский В.М. см. *Блакитный-Эллан
Енукидзе А.С. 119, 346
Ерофеев В. 497
Есенин С.А. 598
Жамм Ф. 368, 369
Жантиль, знакомый Ю.Ф.Семенова 402
Железов И. 150
Желле К. см. *Лоррен К.
Желудков, арендатор типографии 135, 136
Желябов А.И. 421
Жемчужин, быв. пристав 321, 322, 325
Жемчужный В. 542
Жигулев-Иринин, анархист 172, 173
Жид А.П.Г. 368, 369
Жилмагамбетов Т. 479, 480
Жихарев, врач 271, 272, 279, 282
Жужгов Н.В. 59-62, 75, 78, 81, 84-97, 103, 104, 108, 110-113, 129, 131-134
Жуковский Д.Е. 377, 378
Жуо Л. 175, 191
Жученко З.Ф. 263, 268
Загорский С.О. 513
Зайцев К.И. 413-415
Закс С.М. 492

- Зараев М. 478
 Зарудная М.С. см. Гревс М.С.
 Зарудный М.С. 359
 Заславский Д.И. 516
 Затворницкий Г. 603
 Затонский В.П. 537, 542, 543
 Захаров, сотр. типографии ПСР 289
 Зведермахер, геолог 392
 Зданевич И.М. 534, 535, 545, 554-557, 559-562, 588, 590, 591, 605, 606
 Зданевич К.М. 534, 555-560, 562, 590, 605
 Зеленский К.Д. 590
 Зелинский В.И. 407, 408
 Зелинский И.В. 408
 Зелинский Н.Д. 393
 Зельгейм В.Н. 492, 493
 Зензинов В.М. 199, 200, 216, 255, 267, 274, 275
 Зеринг М. 523, 524
 Зильберберг Е.И. 229, 233, 239, 249, 301, 302, 311, 312
 Зильберберг К.К. 200, 229, 234
 *Зиновьев Г.Е. 35-37, 144-146, 148, 190
 Знамеровская В.М. 128
 Знамеровский П.Л. 42, 46, 52, 71, 99, 128
 Золотарева В.М. см. Фортунатова
 Зомбарт В. 518
 Зубарев Д.И. 23, 266, 343
 Зуев Н.П. 268, 310

 Ибрагим-паша 450, 451
 Иван I Калита, кн. 124
 Иванов, инженер 11, 36, 127
 Иванов, штабс-капитан 558, 559, 565
 Иванов В.Г. 282, 283
 Иванов Вяч.И. 355
 Иванов С.А. 198, 201, 204, 206, 233, 240
 Иванова С.Я. см. Гвоздинская С.Я.
 Ивановская П.С. 9, 257

 Иванченко В.А. 60-62, 75, 81, 84-89, 92, 93, 95-98, 108, 109, 112, 113, 129, 131-134
 Ивонин, сотр. ЧК 66
 Игорь Константинович, вел.кн. 132
 *Изгоев А.С. 158
 Измайлов Н.В. 347, 349
 Израйлович А.И. 144, 187
 Ильин, инженер 36
 Инк Э.В. 541, 600-603
 Инкижинов, дир. театра 565
 Иоанн Константинович, вел.кн. 132
 Иофе В.В. 537
 Ипатьев, сов. чиновник 390, 391
 *Ицек см. Моисеенко Б.Н.

 Кабанов В. 479
 Кавелин К.Д. 367
 Каган А.С. 17
 Казарновский Ю. 346
 Кайва М.К. 332-334
 Калашников А.В. 221
 Калганов А.П. 29, 32, 33, 62
 Каледин А.М. 47
 Калинин М.И. 35, 160
 Калмыков Б.Э. 535
 Каляев И.П. 131, 205, 209, 210, 217, 221, 242
 *Каменев Л.Б. 148, 190
 Каминка А.И. 513
 Кан Г.С. 195-197
 Кан М. 149
 Каптелович, вестовой 225
 Карапетян С. 188, 189
 Кареев Н.И. 486
 Карлсон, сотр. ГПУ 537, 542, 543
 Карпов С.Г. 243, 249-251, 265, 266, 269, 278
 Карпович М.В. 561
 Карпович М.М. 385, 497, 545, 556, 557, 559-561, 587, 590, 608
 Карпович П.В. 200, 224-226, 232, 234, 242, 244, 246, 247, 257, 302, 303

- Карякин И.И. 26, 144
 Касвинов М.К. 22
 Касецкий С. см. Косецкий С.
 Кассиль Л.А. 542
 Кассо Л.А. 378
 Катанян В.П. 542, 555
 Катанян Р.П. 344, 345, 504
 Каутский К. 48
 Кафенгауз Л.Б. 478
 Кашен М. 122, 137
 Кашницкий В.С. 539, 540, 562, 564, 569, 572, 573, 579, 586, 591, 599-601, 603
 Келлер В.В. 366, 367
 *Кемецкий В. 346
 Кене Ф. 483
 Керенский А.Ф. 33, 47, 49, 74, 506, 507
 Кирсанов С.И. 542
 Кирсанова К. 140
 Кирюхин И.П. 229, 254-256, 258, 291-295, 306, 307, 309-314
 Кисельгоф, сотр. консульства 190
 Кишкин Н.М. 496
 Клейбер И.А. 357
 Клейберы, семья 356, 357
 Клемансо Ж. 430, 434
 Клепиков К.И. 522
 Клепиков С.А. 489
 Клепикова Е.К. см. Чайнова Е.К.
 Климова Н.С. 229, 233, 239, 256, 257, 271, 273, 294, 296-300, 302, 303, 311
 Климович Е.К. 250
 Клюев Н.А. 536
 Ключевский В.О. 44
 Кобеко Д.Д. 249
 Кобринский А.А. 555
 Кобулов Б.З. 191
 Ковалевский, актер 553
 Ковалевский М.М. 486
 Коверда Б. 126
 Кожевников М.В. 315
 Козельский, сотр. ГПУ 542
 Козлов, следователь 326
 Колеров М.А. 259
 Колесников К.П. 495
 Коллонтай А.М. 148, 188
 Колосов Е.Е. 241, 243, 255, 312, 313
 Колпашиков И.Ф. 22, 62, 63, 75, 81, 84-87, 89, 95-97, 108, 109, 112, 113, 127, 130-134
 Колчак А.В. 37, 47, 52, 60, 72, 74, 125, 129, 434, 443, 456
 Колызаев Н. 328, 329
 *Комаров Н.П. 145, 188
 Коморский В. 229, 249, 254, 256, 286, 310
 Кон Ф.Я. 243
 Кондратьев Н.Д. 478, 498, 514, 515
 Кони А.Ф. 339
 Константин Константинович, вел.кн. 132
 Конюс З.В. 292
 Корнилов А.А. 357, 361, 362, 366, 409
 Корнилов Л.Г. 349
 Корнилова-Мороз А.И. 196, 197
 Коралли (Каралли) В.А. 433, 436
 Коробейников В.Ю. 129
 Коробов Д.С. 493
 Королев В.Н. 129
 Короленко А.С. 384
 Короленко Е.И. 384
 Корш Е.В. 341
 Косецкий С. 25, 125, 140
 Косинский В.А. 513
 Коттен М.Ф. фон 247, 254, 256, 261, 292, 294, 295, 309-312
 Кошиц Н.П. 433, 436
 Кравченко Е.А. 338, 341
 Кравченко Е.Н. см. Половцова Е.Н.
 Крамарж К.П. 390, 391, 395
 Крамарж Н.П. 390, 391
 Кранцы, семья 587
 Краруп А. 444, 445, 477
 Красицкий, дир. театра 604
 Краснов П.Н. 47
 Крастин, дипкурьер 159

- Крейн Н.Г. 480
 *Кремнев И. см. Чайнов А.В.
 Крестинский Н.Н. 14, 144, 188, 492, 529
 Кржижановский Г.М. 555
 Кривец, сотр. ГПУ 543
 Криммер, художник 571
 Кропоткин А.А. 346
 Кропоткин Н.А. 346, 348
 Кропоткин П.А. 47, 338-344, 346, 348, 349, 371, 485
 Кропоткина А.П. 342, 344
 Кропоткина В.С. 346
 Кропоткина Е.А. см. Кравченко Е.А.
 Кропоткина С.Г. 341-346, 348, 350
 Кругликов, эсер 257
 Круминг Г.П. 493
 Крученых А.Е. 536, 554, 555, 579, 583, 588, 589, 605, 606
 Крыленко Н.В. 28, 515
 Кудишь, сов. дипломат 467
 Кудрявцев Е.Ф. 210, 216, 221
 Кудрявцев С.В. 533-608
 Кузмин М.А. 535, 536
 Кузнецов Н.В. 15, 160-163, 165, 167, 171, 183, 189, 190
 Кузнецова Н.В. 165, 190
 Кулиш М.Г. 538, 575-577, 579
 Курбас Л. (А.С.) 538, 543, 563-567, 569-571, 574-579, 585, 586, 599, 602, 604, 607
 Курихин Ф. 590
 Курицын В.М. 315
 Курлов П.Г. 243, 250, 251, 310
 Кускова Е.Д. 489, 496-505, 507-511, 513, 514, 516-518, 521, 522, 524-529
 Кусов В. 517
 Кутепов А.П. 460, 463
 Кучинская Л.М. см. Драгоманова
 Кушнер, врач 157
 Кушенко Г.А. 500, 501
 Лавров П.Л. 354
 Лавуазье А.Л. 496
 Лазаревич, анархо-синдикалист 175
 Лазаркевич Н.А. 200, 234-236, 241
 Лазаркевич С.О. 200, 234, 235
 Лакомб П. 380, 381
 Лакруа А.Ф.А. 386, 387, 392, 402
 Ланкре Н. 449, 451
 Лапина Э.М. 213, 257
 Лаплас П.С. 373, 374
 Лаппо-Данилевский К.Ю. 427
 *Ларин Ю. 493
 Лассвиц К. 373, 374
 Латур Ж. де 449, 451
 Лаур Э.Ф. 524, 525
 Лафорг Ж. 368, 369
 Лашевич М.М. 35, 37, 126, 127
 Ла Шене, семья 405
 Ла Шене П.Ж. 404, 405
 Лбов А.М. 25, 60, 61, 139
 Лебедев Б.Н. 294
 Лебедев В.И. 243, 245, 312
 Лебедев Н.К. 344
 Лебедева, работница 29
 Лебединцев В.В. 244
 Левель Р. 17
 Левитин М. 546
 Лейтес, агент ДП 246
 Лейхтенбергский Г.Н.
 см. Георгий Николаевич
 *Ленин В.И. 12, 14, 15, 18, 19, 28, 42, 43, 45, 47, 49, 51, 53, 55, 57, 58, 62-64, 70, 74, 77, 78, 80, 83, 84, 88, 103, 111, 113, 115, 116, 119-124, 126-130, 135, 144, 163, 175, 443, 455, 456, 479, 490, 492-494, 592
 Леньков А. 504
 Леонтьев, знакомый
 А.В.Гольштейн 395
 Леонтьев Я.В. 338-350
 Лепа, партработник 38
 Лесков Н.С. 500
 Либерман Л.А. 249, 254, 257, 310
 Лилина З.И. 341
 Липкин Е. 538
 *Липковская Л.Я. 433, 436

- Лисицкий Л.М.(Э.) 550, 592, 595
 Литошенко Л.Н. 478, 519-521
 Лихоносов Д.Г. 493
 Личков Б.Л. 353
 Ллойд Джордж Д. 390, 391, 395, 397
 Логунов, эсер 307
 Лозинская Е.Л. см. Миллер Е.Л.
 Лозинский Г.Л. 435, 437
 Лозинский Л.Я. 427
 Лозинский М.Л. 427, 435, 437
 Лозинский Я. 466
 *Лозовский А. 124
 Лойтер Н.Б. 547, 549
 *Лоррен К. 441, 442
 *Лоти П. 441, 453, 454
 Лузон Р. 174, 191
 Луи, сотр. Каввнешторга 587
 Лукаш И.С. 424
 Лукин, участник Рабочей Группы 162
 Луковский, режиссер 601, 603
 Лукоянов М.Н. 29, 41, 47, 55, 70, 125
 Лукоянов Ф.К. 41, 47, 51, 53, 55, 66-70, 88, 121-123, 128
 Лукоянова В.Н. 28, 125
 Лукоянова Н.Н. 28, 125
 Лункевич В.В. 198, 201, 204, 207, 235, 240
 *Лурих см. Лейтес
 Лурье Р.В. 217
 Лучин А.П. 318
 Любошинская А.Е. 378
 Любошинская В.М. 406
 Любошинский Д.М. 378
 Людовик XV, король 483
 Людовик XVI, король 119
 *Лядов М.Н. 142, 187

 Магаротто Л. 555
 Мазепа И.С. 354
 Мазур, секр. ВК ВС СССР 182, 185-187
 Макаров Н.А. 213
 Макаров Н.П. 478, 480, 504-506, 511, 512
 Макаровы, семья 505, 506
 Малевич К.С. 534-536, 543, 550-552, 555, 584, 585, 592-600, 605
 Малков П.И. 66-68, 70, 88, 93, 95, 96, 98-102, 104, 105, 107, 109, 132, 133
 Малларме С. 368, 369
 Маловичко, поэт 604, 605
 Мальмстад Дж. 560
 Мальский И. 536, 540
 Мандельштам З. 415
 Мандельштам М.Н. см. *Лядов
 Мандельштам О.Э. 534, 535
 Мансуров П.А. 535, 536, 592, 593, 595, 597, 606
 Мануйлов А.А. 520, 521
 Марков А.В. 9, 62, 75, 81, 84, 85, 87, 89, 93-97, 108, 109, 112, 113, 125, 127, 130-134
 Маркс К. 130
 Марр Ю.Н. 605
 *Мартов Ю.О. 124
 Мартынов, ротмистр 250
 Марцадури М. 545, 555, 569, 606
 Марченко, журн. 586, 602
 Маршнер Л.Я. см. *Липковская
 *Маслов А. 122, 137
 Маслов Т. 157
 Масляникова, работница 66
 Матвеев И.П. 498
 Матюевич И.О. 182, 184-186
 Матюшин М.В. 535, 536, 551, 584, 592, 593, 595-597
 Мах Э. 130
 Махмуд II 450, 451
 Махно Н.И. 436
 Махновецкий, литератор 602
 Маяковский В.В. 534, 535, 583, 598
 Медведев С.П. 148, 188
 *Медведь см. Соколов М.И.
 Меженинов С.А. 127
 Мейер А.А. 338-342, 345, 346
 Мейер Л.А. см. Дмитриева Л.А.
 Мейер П.В. 346
 Мейерхольд В.Э. 534, 535, 543, 565, 566

- Меллер, художник 570-572, 599
 Мельгунов С.П. 22, 315, 488, 489
 Мельникова С.Г. 605
 Мережковский Д.С. 243, 258, 259, 342
 Мерсье де ла Ривьер П.П. 483
 Микадзе А. 557
 Микитенко И.К. 552, 578
 Миков А.А. 125, 140, 187
 Миллер А.И. 444, 445
 Миллер А.Н. 444, 445, 447
 Миллер В.А. 426, 427, 434, 436, 437, 439, 441, 443-445, 447, 448, 450, 453, 454, 458, 459, 461, 472, 476, 477
 Миллер Е.Л. 426-477
 Мильцинер, нем. инженер 159
 Милоков П.Н. 44, 74, 504, 508, 560
 Минор О.С. 249, 299, 300
 Мирабо В. де 483
 Митревели, повар 128
 Митрофанов А.Х. 35, 126
 Михаил I, царь 50
 Михаил Александрович, вел.кн. 9, 11, 13, 14, 16, 17, 19, 20, 22, 23, 28, 31, 37, 41-43, 45-50, 52-58, 64, 66, 68-72, 74, 78, 83-85, 87-90, 92, 95-100, 102, 103, 106, 108-120, 122-125, 128-134, 150, 173
 Михайлов, сов. дипломат 390
 Михайлов В.М. 135
 Мовшович И.Р. 503, 504
 Могабели, кн. 581
 Моисеенко Б.Н. 200, 209, 210, 217, 219, 220, 235, 237-241, 249, 293-295
 Моисеенко С.Н. 229, 233, 249, 258, 290, 291, 302, 303, 310
 *Молотов В.М. 165, 179, 480
 Момина М.А. 427
 Монатт П. 174, 191
 Моргулец С.О. 495
 Морозевич Й. 392, 394
 Морозов К.Н. 243-314
 Морозов Н.А. 496
 Мрачковский С.В. 37, 128
 Муравьев В. 479
 Муравьев Н.К. 346
 Муранов М.К. 135
 Мусницкий, сотр. Наркомпроса 564, 602, 603
 Мюссе А. де 354
 Мясников Б.Г. 123, 137, 160, 165, 177
 Мясников В.Г. 123, 137, 147, 160, 165, 177
 Мясников Г.И. 7-23, 24-124, 125-137, 137-152, 152-191
 Мясников Ю.Г. 123, 137, 160, 165, 177
 Мясникова Д.Г. 16, 17, 123, 137, 142, 147, 159, 160, 162, 165, 188, 190
 Мясоедов, знакомый И.Г. Герентьева 567
 Мясоедов Б. 478
 Мятлев И.П. 555
 *Мячков А. см. Мясников Г.И.
 Навилль, знакомый В.И. Вернадского 366
 Нагорский, правовед 128
 Назаров, инженер 27
 Назаров Ф. 257
 Натансон М.А. 199, 200, 214, 220, 224, 227, 231, 232, 235, 237, 242, 256, 276, 277, 279, 282
 Недоля-Гончаренко Л.В. 563, 565, 567, 569, 576, 583, 599, 600, 603, 604, 607
 Незнамов П.В. 542
 *Нейер, знакомый И.И. Фондаминского 277
 Неплюев В.С. 213
 Нехотин В. 505
 Нечаев С.Г. 11
 Никитаев А.Т. 606, 607
 Никитин А. 462, 463
 Николаевский Б.И. 15, 17, 137, 244, 259
 Николаевы, семья 128
 Николай II, имп. 11, 45, 47, 48, 90, 126, 128, 251, 272, 311, 454

- Николай Михайлович, вел.кн. 366, 367
 Николай Николаевич, вел.кн 254, 272
 Никольская Т.Л. 545, 591
 Никонов А. 478
 Никулин Г. 9
 Новгородцева К.Т. 119, 135, 140
 Новицкий П.И. 547, 549
 Новоселов И.Г. 134
 Нольде Б.Э. 513
 Норрис Ф. 370
- Оболенские, семья 354
 Обросов П.М. 65, 70, 71, 110, 116
 Обыденнов М.П. 128
 Овчинников М. 153-156
 Огарев Н.П. 353
- *Ольга см. Новгородцева К.Т.
 Ольденбург А.Д. 384
 Ольденбург С.С. 384, 386, 407
 Ольденбург С.Ф. 357, 384, 387, 394, 398-402, 409
 Ольденбурги, семья 357
 Орвелл Дж. 505
 Орджоникидзе Г.К. 14, 92
 Орлов А.М. 182, 184, 186
 Орлов А.С. 494, 513, 516
 Османы, династия 441
- *Осоргин М.А. 498-500, 504
 Ососков С.В. 282
- Павлик М.И. 423
 Павлов А.А. 210
 Павлова А.П. 436
 Пайпс Р. 16
 Палей В.П. 132
 Палкин А. 17, 150
 Пальс Н. фон дер 342
 Пальчинский П.И. 514
 Панкратов В.С. 257
- *Панов см. Суховых, чл. БО
 Панышев А.Е. 318
 Панютина А.М. 410
 Пастернак Б.Л. 535, 536
 Паустовский К.Г. 503, 504
- Пепеляев А.Н. 128
 Перелешин, журн. 589
 Перченко Ф.Ф. 362
 Петлюра С.В. 428
 Петров, сотр. ГПУ 156
 Петров А.А. 243, 249-252, 260-278, 292, 294
 Петрушева Л.И. 261
 Пехлеви Реза-шах 168
 Печонкин, инженер 36
 Пешехонов А.В. 507, 508
 Пешкова Е.П. 344, 345, 499, 500
 Пиленко А.А. 407, 408
 Пиотровский А.И. 596, 597, 606
 Пискарев А.Г. 210
 Платон 388
 Платонов О. 23, 125, 127, 129, 130
 Платонов С.Ф. 44, 347, 349 540
 Плева В.К. 209, 220, 307
 Плеский (Плесский) Н.Г. 563-566, 568-570, 599, 607
 Плеханов Г.В. 45, 130, 230
 Плешков А.И. 34, 125, 134
 По Э. 355, 401
 Покотилов А.Д. 205, 217, 220
 Полиевктов Н.А. 481
 Половцов А.В. 338, 342, 343
 Половцов К.А. 339, 343, 347, 349
 Половцова Е.Н. 338-343, 343-350
 Половцова К.А. 338-350
 Полторацкий А.И. 599, 600, 604, 605, 607
 Покровский М.Н. 44
 Пономарева В.И. 480
- *Попов Н. см. Мясников Г.И.
 Попова В. 9
 Попова О.Н. 378, 381
 Портнов В.П. 315
 Потемкин, знакомый А.В.Гольштейн 358
 Преображенский Е.А. 35, 92, 125, 126, 140, 141, 159, 189
 Преснякова М.Е. 561, 583, 584, 588, 590, 608

- Примаков В.М. 537, 543
 Прокопович С.Н. 496, 497, 500, 501, 503-508, 510-513, 517-524, 526-528
 Прокофьева М.А. 208, 227-230, 233, 237, 239, 249, 257, 258, 301, 302
 Прюдомо, издатель 172
 Пуанкаре Ж.А. 577
 Пугачев Е.И. 50, 51, 55
 Пуль Ф. 349
 Пумпянский Л.И. 513
 Пунин Н.Н. 606
 Пушкин А.С. 137, 355
 Пятаков Г.Л. 494
- Рабичев, партработник 602
 Рабле Ф. 354
 Равич, знакомый И.Г.Терентьева 562
 Равич С.Н. 145, 188
 Радзинский Э.С. 23, 128
 Радлов С.Э. 596, 606
 Раевская-Хьюз О. 480
 Разбоев Ю.М. 23
 Разин С.Т. 50, 51
 Ракитников Н.И. 200, 223, 231, 243, 252
 Ракитникова И.И. 200
 Рамо Ж.Ф. 449, 451
 *Распутин Г.Е. 45, 382
 Рафалович С.Л. 589, 590
 Решетников В.И. 26-28, 30, 31 144
 Решетова, уборщица 79, 80
 Решикова В.А. 506
 Рибо Т. 481, 482
 Риккерт Г. 526
 Рипс М. 247
 Робек де, адмирал 457
 Робер Г. 441, 442
 Рогинский А.Б. 362
 Родченко А.М. 534, 535
 Рождественский Д.С. 376
 Розен С.Г. 338
 Романова А.В. 461, 463, 469
 Романовский И.П. 444, 445
- Романовы, династия 9, 11, 22, 49, 51, 55, 72, 89-91, 103-106, 113, 118, 126, 141, 143, 180
 Ростовцев М.И. 385
 Рубанович И.А. 200, 231
 Рубин, знакомый И.Г.Терентьева 548
 Руднев В.В. 267
 Рутенберг П.М. 9
 Рыбников Александр А. 478, 479, 497, 498
 Рыбников Алексей А. 582, 588
 Рыков А.И. 512, 516
 *Рязанов Д.Б. 162, 189, 528, 529
- Саблин, флигель-адъютант 433
 Саблина, арфистка 433
 Савинков Б.В. 13, 131, 195-197, 198, 199, 203-313
 Савинкова В.Г. см. Успенская
 Савицкий П.Н. 511
 Садиков В.С. 393, 394
 *Садовник М. см. Коморский В.
 Садуль Ж. 179, 191
 Сазонов Е.С. см. Созонов Е.С.
 Санович, поэт 605
 Сартр Ж.П. 20
 Свердлов Я.М. 12, 35, 42-44, 47, 49, 51, 53, 55, 57, 58, 62-64, 70, 74, 77, 78, 80, 83, 84, 87, 88, 92, 103, 111, 113-117, 119, 120, 122-124, 135, 140, 144
 Светлаков В.Г. 23
 Севастьянов, сотр. Каввнешторга 560, 568, 580-583, 587-590, 607
 Севастьянова А.А. 221, 292
 Седов Л.Л. 169, 170, 190
 Седова Н.И. 190
 Селим I Грозный 450, 451
 Селье Л. 122, 137, 148
 Селюк М.Ф. 200, 215
 Семенко, атаман 354
 Семенко М.В. 538, 566, 569, 578, 599, 600, 603-605
 Семенов А.Ю. 369, 370, 375, 378, 422
 Семенов С. 571

- Семенов Ю.Ф. 355, 368-371, 375, 383, 384, 396, 402, 411, 413-415, 422, 424
- Семенова Н.В. 355, 358, 359, 362, 363, 369, 370, 375
- Семенова Н.И. см. Баулер Н.И.
- Семенова Н.Ю. 369, 370, 375, 411, 415, 419, 422, 424
- Семигановский П.К. 250, 262, 266, 269
- Семченко, сотр. ЧК 136
- *Сенжарский см. Блеклов С.М.
- Сервантес С.М. де 407
- Сергеев А.А. 353-425
- Сергеев Ф.А. см. *Артем Ф.А.
- Сергей Александрович, вел.кн. 130, 209, 211, 217, 220
- Сергей Михайлович, вел.кн. 132
- Середа С.П. 494, 495
- Серова Е. 479
- Сивилев (Сивелев) В.М. 26, 80, 125
- Сигирский А.И. 495, 498
- Скалозубов Н.Л. 486
- Скаруффи Э. 480
- Скобелев М.И. 390, 391
- Скоблин Н.В. 343
- Скоропадский П.П. 436
- Скрыпник Н.А. 565
- Славатинский А.С. 160-162, 189, 190
- Славик Ф. 392, 394
- Славин М.М. 315
- Слетов С.Н. 200, 213, 214, 227, 249-252, 256, 262-268, 270-273, 276, 277, 283, 286, 288, 292, 303, 309, 310
- Смилга И.Т. 36, 126, 146
- Смирнов, парт. функционер 136
- Смирнов В.А. 210, 234, 257
- *Смирнов Э.Л. см. Гуревич Э.Л.
- Смит Р.Е.Ф. 505
- Смоленский, театр. деятель 598
- Собинов Ф.Е. см. *Комаров Н.П.
- Созонов Е.С. 205, 208, 217, 221, 228, 249, 258
- Соколов М.Г. 571
- Соколов М.И. 244, 273, 294, 299
- Сократ 388
- Солженицын А.И. 315
- Соловьев В.С. 44, 380, 410
- Соловьев С.М. 44
- Сольц А.А. 147, 188
- Сомова см. Зильберберг Е.И.
- Сорин В. 23
- Сорокин В.А. 36, 40, 41, 44, 47, 93, 95, 96, 98-102, 104, 105, 109, 126, 132
- Сорокин П.А. 158, 493, 514
- Сорокина М.Ю. 362
- Сосновский Л.С. 554, 606
- Сосюра В.Н. 605
- Сотник Д.И. 552, 599-601, 603, 604, 607
- Сперанский Н.В. 516
- Спиридович А.И. 252
- Спиридонова М.А. 124, 323
- *Сталин И.В. 8, 12, 16, 92, 122, 126, 127, 144, 175, 185, 190, 346, 514, 516
- Станкевич Н.В. 353
- Старицкая А.Е. см. Любошинская А.Е.
- Старицкая Н.Е. см. Вернадская Н.Е.
- Старицкий Е. 360
- Старынкевич А.Д. см. Ольденбург А.Д.
- Столвоев, геолог 392
- Столыпин П.А. 213, 251, 254, 267, 272, 310
- Стопани А.М. 142, 187
- Стрельников Т.Д. 591
- Струве А.П. 408
- Струве Г.П. 408, 504
- Струве П.Б. 373, 374, 399, 407 408, 413-415, 512, 513, 524
- Студенский Г.А. 521
- *Суварин (Лифшиц) Б. 122, 137
- Суворов А.В. 400
- Сулейман I Кануни 450, 451
- Супонев И. 493
- Сусанин И.О. 50
- *Суханов Н.Н. 514, 515

- Суховых, член БО 246, 247, 292
 Сухомлин В.В. 17
 Сушкин П.П. 410
- Табанюхина Е.И. 436, 451
 Табидзе Т.Ю. 555
 Тагор Р. 454
 Таиров А.Я. 566
 Тамамшев, проф. 368
 Тамбовцев, сотр. типографии
 ПСР 289
 Тарасов Л. 12, 15
 Тард Г. 485, 486
 Татаров Н.Ю. 217
 Татлин В.Е. 535, 584, 592, 593,
 595-597
 Темников, нач. завода 11, 36, 127
 Темников, офицер 11, 43, 44-47,
 52, 53, 71, 116, 127, 129
 Теодорович И.А. 512, 516
 Терапиано Ю.К. 561
 Тер-Габриэлян С.М. 142, 187
 Терентьев В.Г. 544-547, 549, 556,
 559-561, 563, 569, 580, 581, 584,
 587, 588, 590, 607, 608
 Терентьев И.Г. 533-608
 Терентьев Г.Л. 536, 537, 544, 545,
 556, 561, 563, 569, 580, 607, 608
 Терентьева Е.М. 556, 608
 Терентьева Н.М. 542, 543, 556,
 561, 562, 587-590, 608
 Терентьева О.Г. 556, 608
 Терентьева Т.Г. 556, 608
 Терентьева Т.И. 537, 538, 539,
 556, 569, 578
 Терещенко, режиссер 554
 Терещенко М.И. 560
 Тинский, актер 553
 Тисленко А.А. 435
 Титов Ю.П. 315
 Тиунов С.Я. 171, 174, 175, 183,
 190, 191
 Тиунова Е.Г. 165, 190
 Тихменев, ген. 435
 Толль Н.В. 373, 381, 382, 384,
 386, 387, 391, 396-398, 400, 401,
 404, 412, 417-419, 425
- Толль Н.П. 419
 Толстой Л.Н. 44, 72-74, 130, 487,
 551
 Толстые, семья 354
 Томингас А.А. 307
 Топоров С.А. 129
 Топчий, писатель 568, 578, 586,
 602
 Торез М. 179, 191
 Трауберг А.Д. 244
 Трен А. 122, 137, 174
 Третьяков С.М. 535, 555, 598,
 606
 Трилиссер М.А. 145, 188
 Троицкий, цензор 136
 Трофимов А.В. 92
- *Троцкий Л.Д. 8, 35, 92, 122, 124,
 137, 144, 146, 148, 167-170, 175,
 186, 190, 191, 443
 Трубецкой Н.С. 410
 Трусевич М.И. 250, 309
 Трэн А. см. Трен А.
 Тупицын О. 128
 Тупицына С. 128
 Тургенев И.С. 367
 Туркин М.П. 27-29, 35, 43, 51, 64,
 65, 77, 113, 114, 116, 117, 119, 120,
 125, 134, 135
 Туфанов А.А. 536
 Тыркова-Вильямс А.В. 507
 Тыченко П.В. см. Мейер П.В.
 Тюрго А.Р.Ж. 483
 Тюрин А.Н. 353-425
 Тюрин С.П. 342
 Тютчев Н.С. 200, 220, 221, 243,
 313
- Угримов А.И. 505, 506
 Ульрих В.В. 182-186
 Уншлихт И.С. 135
 Урицкий М.С. 128, 163, 317
 Урусов, кн. 433
 Успенская В.Г. 195, 213, 271, 272
 Устинов А.Б. 536, 555
 Устинович, театр. деятель 598
- *Устьволжская см. Бенсфельд А.В.
 Уэллс Г. 373

- Фабрикант В.О. 229, 233, 249,
 254, 271, 272, 275, 277, 278, 302,
 303, 310
 Федоров С. 482
 Фейт А.Ю. 257, 274, 275, 292,
 294, 309
 Ферман А.Е. 353, 412, 413
 Фивасий 455
 Фигнер В.Н. 9, 195-197, 223, 243,
 246, 273, 276, 277, 279, 282, 342-
 349
 Фигнер О.Н. см. Флоровская О.Н.
 Фигуровская Н. 479
 Филонов П.Н. 535, 536, 551, 571,
 584, 592, 593, 595, 596, 598, 599,
 606
 Фирин С.Г. 533
 Фирсанова З.В. см. Конюс З.В.
 Фишер Р. 137
 Флейшман Л.С. 480, 505
 Флобер Г. 468
 Флоровская О.Н. 347, 349
 Флоровский С.Н. 349
 Фокин М.М. 451
 Фоминых, комиссар 29, 80
 Фондаминская А.О. 237, 238,
 282, 305, 306
 Фондаминский И.И. 199, 235,
 237, 238, 240, 241, 244, 247, 248,
 250-252, 254, 255, 257, 258, 260-
 265, 267-272, 275-280, 282, 285,
 286, 289, 292-294, 297, 299, 300,
 304-307
 *Фор см. Лазаркевич Н.А.
 Фор Ф. 355
 Форд Г. 398, 402
 Фортунатов А.Ф. 481-483, 486,
 487, 495, 496
 Фортунатов И.К. 487
 Фортунатова В.М. 487
 Франк, секретарь Л.Троцкого
 169, 190, 191
 *Франс А. 355, 449
 Фролов Г.Н. 9
 Харджиев Н.И. 561
 *Хармс Д.И. 536, 555, 595, 599
 Харузин М.А. 445
 Хвиля, театр. критик 576
 Хинчук Л.М. 492, 493
 Ходасевич В.Ф. 560
 Хрусталеv В. 23, 129, 131, 133,
 134
 Хрящева А.И. 500, 501
 Хуторная, актриса 553
 Хьюз Р. 480, 560
 Цейтлин Т.М. 243, 246, 263, 281,
 286, 300
 Цимбал С.Л. 595, 606
 Чайнов А.В. 478-480, 481-529
 Чайнов В.А. 480, 529
 Чайнов Н.А. 522, 525, 526, 529
 Чайнова Е.В. 479
 Чайнова Е.К. 521, 522
 Чайнова О.Э. 497-500, 507, 508,
 511-513, 516, 517, 522, 525-529
 Челинцев А.Н. 478, 527, 528
 Чельшев В.Ф. (Н.) 128
 Чемеринский А. см. Маслов А.
 Черепнин Н.Н. 451
 Чернавский М.М. 9, 199, 229,
 230, 234-236, 243, 245, 248, 254-
 258, 272, 282, 283, 289-291, 293,
 294, 296, 297, 303, 310, 312
 Черненко Н.Н. 500, 501, 517
 Чернов В.М. 199, 200, 211, 213,
 214, 231, 243, 244, 247, 255, 258,
 260, 275, 277, 278, 290, 291, 303,
 312, 501
 Чернявский Н.А. 605
 Чехов А.П. 44, 163, 299
 Чолокашвили М.Т. 590
 Чудовский В.А. 355
 Чуканов, зав. типографией 135,
 136
 Чупров А.А. 513
 Чупров А.И. 486
 Чухнин Г.Н. 212
 Шандро, завполитпросветом
 602
 Шанин Т. 478

- Шаняевский А.Л. 512, 516
 Шапошников Н. 521
 Шахмаев, пом. коменданта 136
 Шаховской Д.И. 362, 384, 409, 410
 Швейцер М.И. 205, 210, 217, 220
 Швецов А.И. 492
 Шекспир У. 407
 Шиллер Ф. 375
 Шимановский, режиссер 595, 597
 Шипицын, врач 128
 Шифрин Н.А. 570, 571, 579
 Шишкин, знакомый А.В. Чайнова 505, 506
 Шишко Л.Э. 199, 244, 256
 Шклярский, литератор 602
 Школьник М.М. 9
 Шломер, экономист 523
 Шляпников А.Г. 148, 188
 Шнитников, знакомый Е.Л. Миллер 457, 459
 Шперлинг Г.А. см. *Авлов Г.А.
 Шраменко (Шременко), директор театра 554, 578
 Штанге А.Г. 493
 Штрандман В.Н. 447, 448
 Шумайлов, сов. чиновник 31, 41

 Щербина Ф.А. 481, 482, 519

 Эйзенберг, сотр. ГПУ 157
 Эйзенштейн С.М. 535
 Энгельс Ф. 130
 Эндер Б.В. 535, 592, 593, 596, 606
 Эндер З.Б. 606
 *Эрберг К.А. 342
 Эребо Ф. 524, 525
 Эренбург И.Г. 561, 606
 Эрман, сотр. ГПУ 162

 Юделевский Я.К. 244
 Юденич Н.Н. 456
- Олиан Отступник 455
 Юра Г.П. 564, 569, 578
 Юровский Л.Н. 478
 Юровский Я.М. 9
 Юрьевский, журн. 504
 Ющинский А. 380

 Яблоновский А.А. 526
 Якимова А.В. 257
 Якунчикова М.В. см. Вебер М.В.
 Якунчикова М.И. см. Гольштейн М.И.
 Янгиров Р.М. 478-529
 Яров С.В. 315-337
 *Ярославский Е.М. 140, 504, 516
 Яценко А.С. 480
 Яценков П.П. 555

 Bandmann, знакомая А.А. Гвоздинского 474
 Blom, экономист 523
 *Boulla Th. см. Бердо Я.Ф.
 Dale, врач 404
 Dricker S. 271
 Ellenbogen E. 271, 277
 Flournay, проф. 377
 Golder, проф. 395
 Hang, знакомый А.В. Гольштейн 387
 Hermann, букинист 362
 Hollman, экономист 524
 Holtzapfel H. 271
 Kasinec E. 376
 Kleincksick, букинист 362
 Lauvriere E. 355
 Lebedeff J. 355
 Leifmann, экономист 523
 Morsier de, обществ. деятельность 364
 Oppenheimer, экономист 523
 Rhyter de, хозяйка пансиона 507
 Romanes G.S. 363, 364
 Stamm L.F. 271

АННОТАЦИИ

В о с п о м и н а н и я

Г.Мясников. ФИЛОСОФИЯ УБИЙСТВА, ИЛИ ПОЧЕМУ И КАК Я УБИЛ МИХАИЛА РОМАНОВА. Публикация Б.И.Беленкина и В.К.Виноградова.

Извлеченная из архива ФСБ исповедь известного оппозиционера-большевика, организовавшего убийство великого князя в Перми в 1918: психология революционного насилия, позиция Ленина и Свердлова, поиски оправдания в опыте мировой культуры, детальное описание события. В предисловии, примечаниях и приложениях: описание убийства по другим источникам, справки об упоминаемых лицах, документы к биографии автора — подпольная активность в царской России и СССР, тюрьмы и ссылки, бегство за границу в 1928, попытки политической деятельности в эмиграции, возвращение на родину в 1945, следствие на Лубянке и расстрел (по материалам следственных дел 1923-1928 и 1945). 17 + 101 + 13 + 58 с.

И з и с т о р и и п о л и т и ч е с к и х д в и ж е н и й

ПИСЬМО Б.В.САВИНКОВА В.Н.ФИГНЕР. Публикация Р.А.Городницкого и Г.С.Кана.

Написанное в 1907 в бытность Савинкова одним из лидеров ПСР и центральной фигурой боевого дела, это письмо содержит в себе зачатки тех противоречий, которые впоследствии привели автора к разрыву с большей частью демократической общественности. 3 с.

Р.А.Городницкий. Б.В.САВИНКОВ И СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННАЯ КОМИССИЯ ПО ДЕЛУ АЗЕФА.

На вновь найденном архивном материале прослежено противостояние главы Боевой Организации и функционеров эсеровской партии — безуспешные попытки Савинкова отстоять необходимость и организационные принципы террора, скомпрометированные предательством Азефа. 45 с.

Б.В.САВИНКОВ И БОЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПСР В 1909-1911. Публикация К.Н.Морозова.

Собрание неопубликованных документов из Пражской коллекции ГАРФ и фонда Департамента полиции повествует о крахе террористической деятельности эсеровской партии. В предисловии проанализированы причины

неудач террора, в примечаниях — неизвестные документы по идеологии и практике русского терроризма. 19 + 53 с.

С.В.Яров. НА ЗАРЕ СОВЕТСКОГО СЛЕДСТВИЯ: ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА 1918-1919.

На материале первых «политических» дел Петроградской губернии обзревается становление советских процессуальных приемов, анализируются психологические, правовые и идейные аспекты карательного механизма новой власти. 23 с.

«МНЕ БЫ ТОЛЬКО УМЕРЕТЬ ОКОЛО НЕЕ...»: МАТЬ И ДОЧЬ ПОЛОВЦОВЫ. Публикация Я.В.Леонтьева.

Письма племянницы П.А.Кропоткина в защиту дочери, арестованной по делу религиозно-философского кружка; попытки доказать совместимость веры в Бога с лояльностью к советской власти. 5 + 7 с.

М а т е р и а л ы к и с т о р и и к у л ь т у р ы

ИСТОРИЯ ПОЛУВЕКОВОЙ ДРУЖБЫ. Публикация А.Сергеева и А.Тюрина.

Переписка В.И. и Г.В.Вернадских с переводчицей, журналисткой и общественной деятельницей А.В.Гольштейн охватывает 1890-1937. В содержании: социально-политические и нравственные коллизии, быт корреспондентов, российские и европейские события. В примечаниях справки об упоминаемых лицах. 3 + 70 с.

ПИСЬМА А.А.ГВОЗДИНСКОГО Е.Л.МИЛЛЕР (1918-1921). Публикация, вступительная статья и комментарий О.Р.Демидовой.

Бегство из Одессы в 1919, жизнь в Константинополе, эмигрантская колония, размышления о судьбах России, описание местных достопримечательностей, впечатление от Рима и Берлина. 2 + 50 с.

ПИСЬМА А.В.ЧАЯНОВА. Публикация, вступительная заметка и комментарий Р.М.Янгирова.

Обширный эпистолярный комплекс известного русского ученого и писателя содержит его письма к А.Ф.Фортуналову, Е.Д.Кусковой, С.Н.Прокоровичу и др. за 1908-1928. Среди публикуемых материалов — подписанное Чайновым обращение к Ленину в защиту кредитных кооперативных учреждений. Затрагиваются темы: экономическое положение России в 1920-е, место интеллигента в контексте революционных событий, судьбы науки и др. В комментариях — дополнительные материалы о судьбе Чайнова и его коллег-экономистов. 3 + 49 с.

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО ИГОРЯ ТЕРЕНТЬЕВА (1931). Публикация С.В.Кудрявцева. Вступительная статья и примечания Н.А.Богомолова и С.В.Кудрявцева.

Протоколы допросов и собственноручные показания авангардистского поэта и театрального деятеля повествуют о безуспешной попытке сделать авангард государственной эстетической концепцией большевиков. Реальные сложные идейные построения соседствуют с вымученными признаниями в «контрреволюционной деятельности» и шпионаже. В комментариях — подробные сведения об упоминаемых лицах и реалиях, источниковедческий анализ публикуемых текстов. 9 + 65 с.

Annex

ABSTRACTS

Memoirs

G.Miasnikov. PHILOSOPHY OF MURDER, OR HOW AND WHY I KILLED THE GRAND DUKE MIKHAIL ROMANOV. Edited by B.I.Belenkin and V.K.Vinogradov.

This is the confession of a well-known opponent to Bolshevism who assassinated the Grand Duke Mikhail Romanov in Perm' in 1918. The manuscript, obtained from the Archive of the Federal Security Service (the FSB), gives a detailed account of the murder. At the same time it discusses the philosophy of revolutionary violence by referring to the position of Lenin and Sverdlov and attempts to justify it in the context of world culture. In the preface, notes and appendices one will find a description of the assassination from other sources, references to persons mentioned, documents relating to the author's biography covering his underground activity in tsarist and Soviet Russia, life in prisons and exile, the flight to the West in 1928, political activity in emigration, the return to his homeland in 1945, arrest and interrogation at the Lubianka prison, and, finally, his execution. (The story is based on the study of OGPU investigation records of 1923-1928 and 1945). 17 + 101 + 13 + 58 p.

From the History of Political Movements

LETTER FROM B.V.SAVINKOV TO V.N.FIGNER. Edited by R.A.Gorodnitsky and G.S.Kan.

Written in 1907, when Savinkov was one of the leaders of the Socialist Revolutionary Party and a central figure in terrorist activities, this letter reveals the rudiments of the contradictions that subsequently would lead the author to his break with the majority of democratic circles. 3 p.

R.A.Gorodnitsky. B.V.SAVINKOV AND THE INVESTIGATION COMMITTEE ON THE AZEF AFFAIR.

Using newly-discovered archival documents, the author traces the confrontation of the leader of the Combat Organisation and the functionaries of the Socialist Revolutionary Party — the futile endeavours of Savinkov to vindicate the necessity and organisational principles of terror, largely compromised by Azef's betrayal. 45 p.

B.V.SAVINKOV AND THE COMBAT ORGANISATION OF THE SOCIALIST REVOLUTIONARY PARTY IN 1909-1911. Edited by K.N.Morozov.

This is a selection of hitherto unpublished documents from the Prague Collection of GARF and the Department of Police Collection which recount the debacle of the SR Party's terrorist activity. The preface contains a discussion of the reasons why terrorism failed in Russia. The notes incorporate references to documents on the ideology and practice of Russian terrorism. 19 + 53 p.

S.V.Yarov. AT THE DAWN OF THE SOVIET INVESTIGATION SYSTEM: IDEOLOGY AND PRACTICE, 1918-1919.

The evidence of the early «political» cases in the Petrograd Gubernia shows the making of Soviet judicial methods and analyses the psychological, legal and ideological aspects of the punitive mechanism of the new regime. 23 p.

«I HAVE ONE WISH ONLY — TO DIE BY HER SIDE...»: THE POLOVTSOV MOTHER AND DAUGHTER. Edited by Ya.V.Leontiev.

The letters of the niece of P.A.Kropotkin in defence of her daughter, arrested in connection with the prosecution of a religious and philosophical circle, attempt to prove the compatibility of faith in God with loyalty to the Soviet rule. 5 + 7 p.

From the History of Culture

THE STORY OF FRIENDSHIP WHICH LASTED HALF A CENTURY. Edited by A.Sergeev and A.Tiurin.

The correspondence of V.I. and G.V. Vernadsky with the translator, journalist and public figure A.V.Goldstein covers the period of 1890 to 1937. It features socio-political and moral conflicts, everyday life of the correspondents, Russian and European developments. The notes contain references to persons mentioned. 3 + 70 p.

LETTERS OF A.A.GVOSDINSKY TO E.L.MILLER (1918-1921). Edited, prefaced and noted by O.R.Demidova.

In his letters Gvosdinsky speaks of his flight from Odessa in 1919, life in Constantinople, the emigrant colony there, his reflections of Russia's fate, an account of local places of interest, his impressions of Rome and Berlin. 2 + 50 p.

A.V.CHAYANOV'S LETTERS. Prefaced and edited by R.M.Yangirov.

The extensive correspondence of the well-known Russian scientist and writer includes his letters to A.F.Fortunatov, E.D.Kuskova, S.N.Prokopovich and others written between 1908-1928. One of the documents is an appeal to Lenin in defence of the credit cooperative establishments signed by Chayanov.

Among the topics discussed by Chayanov are the economic situation in Russia in 20's, the role of intellectuals in the revolutionary era, the prospects of science, etc. The commentary incorporates additional material on the fate of Chayanov and his colleagues-economists. 3 + 49 p.

From the Investigation Records

THE FILE ON IGOR TERENTIEV (1931). Edited by S.V.Kudriavtsev. Preface and notes by N.A.Bogomolova and S.V.Kudriavtsev.

The interrogation protocols and personal statements of the avant garde poet who also worked for various theatres I. Terentiev show the futility of attempts of the left intellectuals to make the avant garde the state esthetic of the Bolsheviks. Elaborate ideological constructions emerge in the same context with extorted confessions of «counterrevolutionary» activity and espionage. The commentary contains detailed information on the persons and places mentioned as well as analyses of sources of the published documents. 9 + 65 p.

СОДЕРЖАНИЕ

Воспоминания

Г.Мясников. ФИЛОСОФИЯ УБИЙСТВА, ИЛИ ПОЧЕМУ И КАК Я УБИЛ МИХАИЛА РОМАНОВА. Публикация Б.И.Беленкина и В.К.Виноградова	7
--	---

Из истории политических движений

ПИСЬМО Б.В.САВИНКОВА В.Н.ФИГНЕР. Публикация Р.А.Городницкого и Г.С.Кана	195
Р.А.Городницкий. Б.В.САВИНКОВ И СУДЕБНО- СЛЕДСТВЕННАЯ КОМИССИЯ ПО ДЕЛУ АЗЕФА	198
Б.В.САВИНКОВ И БОЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПСР В 1909-1911. Публикация К.Н.Морозова	243
С.В.Яров. НА ЗАРЕ СОВЕТСКОГО СЛЕДСТВИЯ: ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА 1918-1919	315
«МНЕ БЫ ТОЛЬКО УМЕРЕТЬ ОКОЛО НЕЕ...»: МАТЬ И ДОЧЬ ПОЛОВЦОВЫ. Публикация Я.В.Леонтьева	338

Материалы к истории культуры

ИСТОРИЯ ПОЛУВЕКОВОЙ ДРУЖБЫ. Публикация А.Сергеева и А.Тюрина	353
ПИСЬМА А.А.ГВОЗДИНСКОГО Е.Л.МИЛЛЕР (1918-1921). Публикация, вступительная статья и комментарий О.Р.Демидовой	426
ПИСЬМА А.В.ЧАЯНОВА. Публикация, вступительная заметка и комментарии Р.М.Янгирова	478

Из следственных дел

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО ИГОРЯ ТЕРЕНТЬЕВА (1931). Публикация С.В.Кудрявцева. Вступительная статья и приме- чания Н.А.Богомолова и С.В.Кудрявцева	533
Аппенх	611

Издательство «ФЕНИКС»

предлагает:

**ЛИЦА: Биографический альманах.
Выпуск 6**

Редактор-составитель А.И.Рейтблат

Среди материалов:

Мемуары К.Н.Леонтьева
Переписка П.А.Вяземского с Н.И.Гнедичем
Письма Ф.В.Булгарина
О конфликте В.А.Жуковского с Николаем I
Размышления Э.Герштейн о дуэли Пушкина
К биографии поэтессы Е.П.Ростопчиной
Священник-литератор И.С.Беллюстин
Путь А.С.Суворина к «Новому времени»
Из дворянского быта 1810-х годов
Биографика как научная дисциплина и др.

**Все публикуемые тексты тщательно откомментированы.
Редкие фотографии.**

Издательство «ФЕНИКС»

предлагает:

IN MEMORIAM

Сборник статей и публикаций
памяти Ф.Ф. Перченка

Основное содержание книги — история отечественной интеллигенции и науки в советское время, ряд сюжетов посвящен истории общественной мысли конца XIX — начала XX в. Рассматриваются механизмы репрессий, адаптации, влияния власти на науку и обратный процесс.

Среди публикаций:

Домашнее окружение С.Г. Нечаева
Дискуссия об античном антисемитизме в 1915
Кадеты и украинский вопрос
Еще раз о гибели Н.С. Гумилева
Документы ОГПУ о «Деле Академии наук» 1929-1931
Детство в Забайкалье: 1920-е
Воспоминания Н.С. Штакельберг о «кружке историков»
Разгром почвоведения: 1937
Судьба гебраиста М.Н. Соколова
На заре кампании против космополитизма
Исповедь Н.И. Конрада
Биографический словарь репрессированных академиков
Как организовать независимое научное сообщество
Программа работы с документами КГБ

Учредители АО «Издательство "Феникс"»

Издательство «Atheneum», Париж;
Российский институт искусствознания;
Школа-студия (вуз) им. Вл.И. Немировича-Данченко
при МХАТ им. А.П. Чехова;
Союз театральных деятелей России;
Международная конфедерация театральных союзов

МИНУВШЕЕ
Исторический альманах
18

ATHENEUM • ФЕНИКС

Редактор Т.Б. Притыкина
Корректор Е.В. Русакова
Наборщик И.М. Курдина

ЛР №090022 от 10.X.1991

Подписано в печать 01. 10.1995 Формат 60 x 88 1/16. Бумага офсетная №1.
Печать офсетная. Объем 40 п.л. + 1 п.л. вклейка.
Тираж 3000 экз. Заказ №3478

Издательство «Феникс»: 103009, Москва, Тверская ул., 6, стр. 7.

Санкт-Петербургская типография №1 РАН
199034, Санкт-Петербург, 9-я лин., 12.